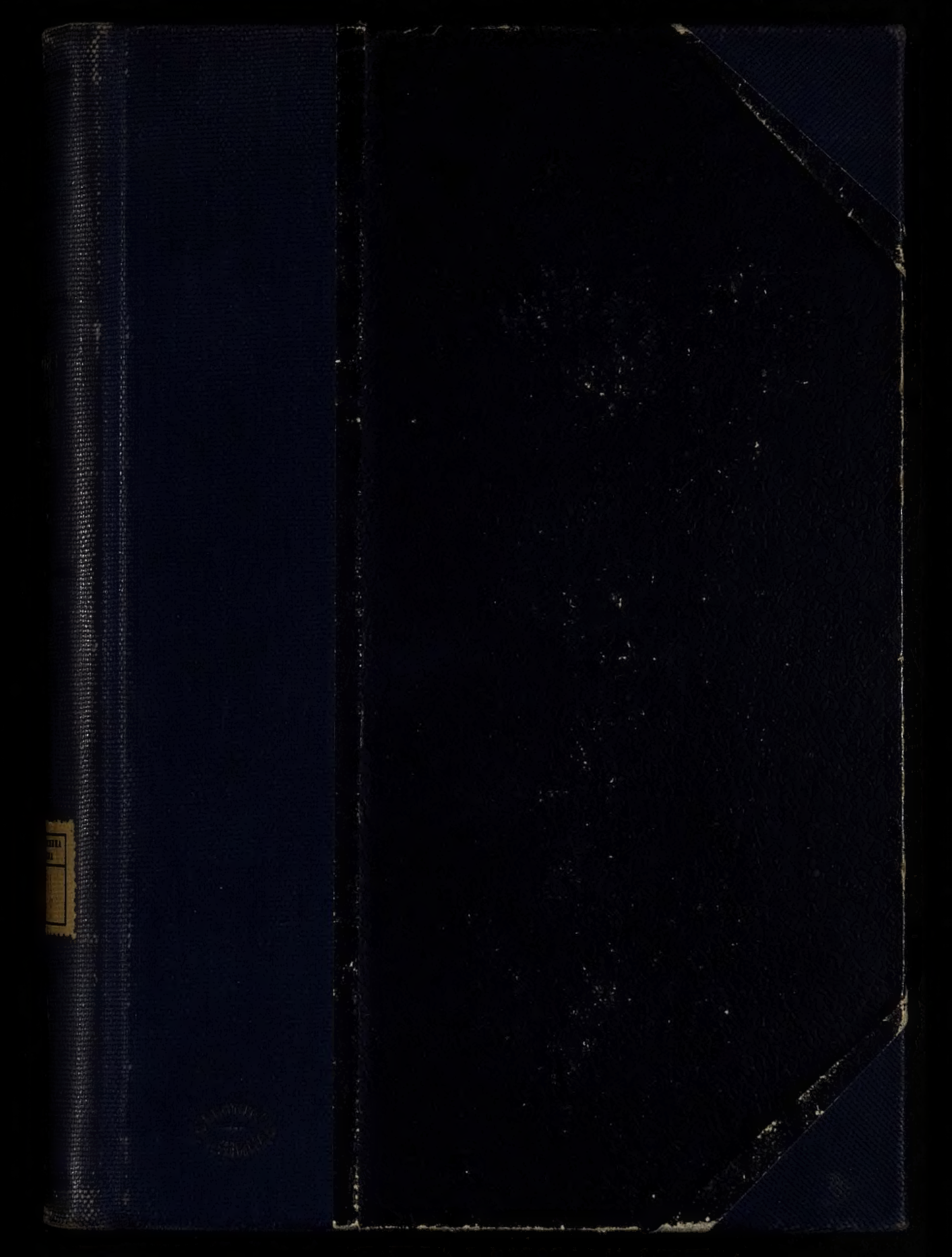
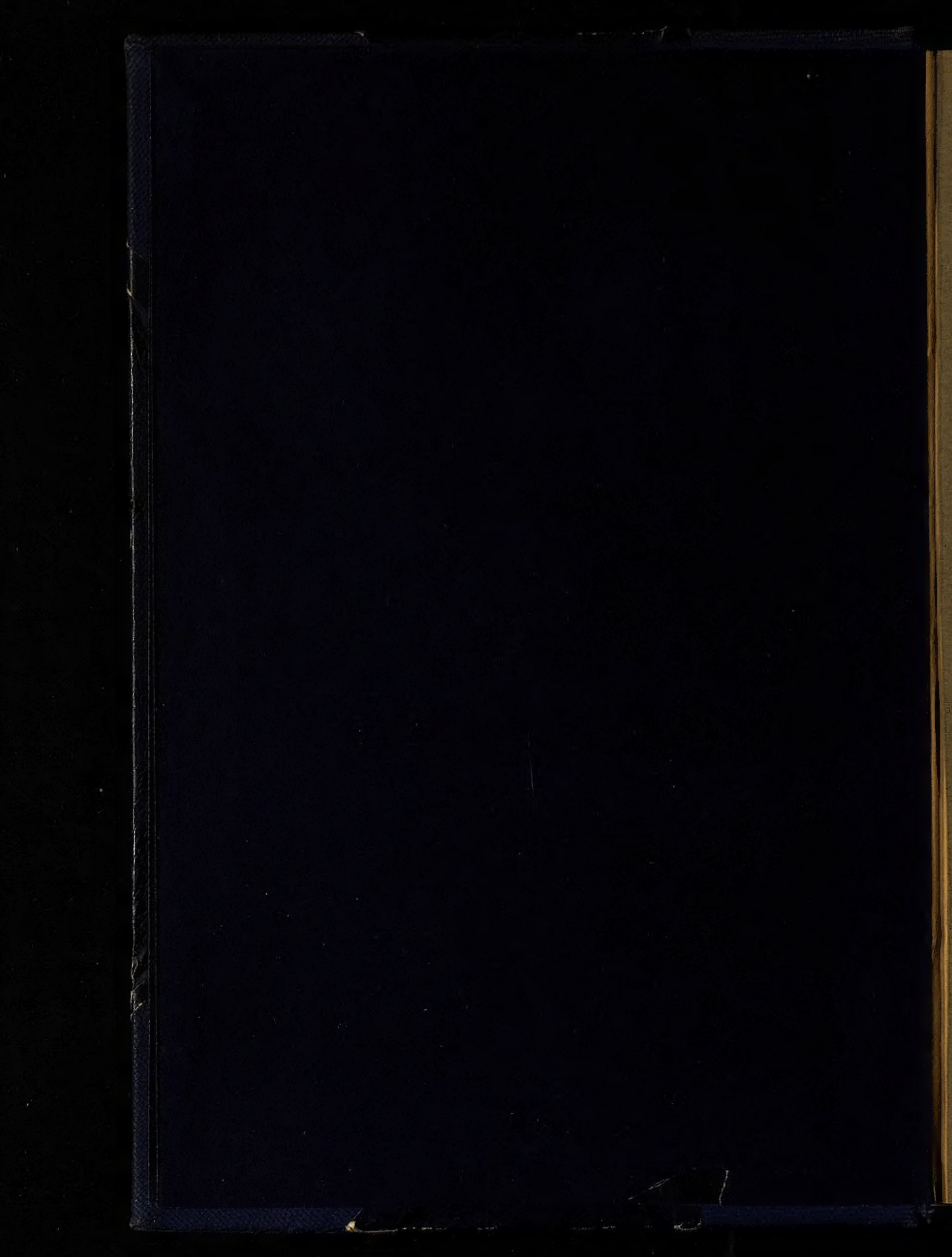

Л. КАМЕНЕВ

СТАТЬИ И РЕЧИ

ТОМ

XII

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1926

Л. КАМЕНЕВ

СТАТЬИ И РЕЧИ

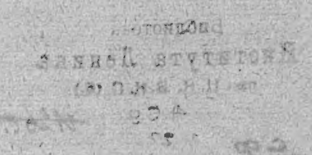
1925

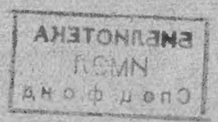
ТОМ XII

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1926 ЛЕНИНГРАД

Л. КАМЕНЕВ

НА СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕЛЬСАХ

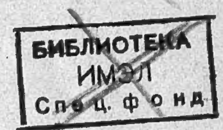

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1926 ЛЕНИНГРАД

Гиз № 11844.
Ленинградский Гублит. № 3836
39½ л. Тираж 3000 экз.

СОДЕРЖАНИЕ.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

ИТОГИ ГОДОВОЙ РАБОТЫ ЦК РКП (б.). *

Основная задача и четыре очередных кампании.

Товарищи, мы явно для всех вступили в тот период строительства первой рабоче-крестьянской республики, когда, согласно предсказания Владимира Ильича, вопросы экономики стали на первый план. И это понятно. Понятно потому, во-первых, что мы — правительственная партия, партия, на которой лежит ответственность за управление громадной страной, а правительственную партию проверяют не по ее словам, не по ее декларациям, не по ее заявлениям, а по ее делам; во-вторых, потому, что мы осуществляем власть в стране, в которой, благодаря Октябрьской революции, господствующую и всеопределяющую роль играют только два класса — рабочий класс и крестьянство. Взаимные же отношения между этими двумя классами равным образом зиждутся не на резолюциях, не на обещаниях, не на словах, а на деловой проверке способности рабочего класса руководить крестьянством, способности рабочего класса строить в союзе с крестьянством такое государство, которое крестьянство предпочло бы государству, построенному на началах капиталистических. Эти обстоятельства и делают то, что вопросы экономики, даже малейшие вопросы экономики, вопросы цен, вопросы товарооборота, вопросы кооперации являются для нас основными политическими вопросами. Как мы увидим в дальнейшем, единственно серьезными политическими вопросами в нашей внутренней жизни и являются эти вопросы о снабжении деревни, о характере производства, о быстроте оборота государственного капитала и т. д. Для того, чтобы оценить деятельность ЦК нашей партии, надо прежде всего ответить себе на вопрос, какие в течение последнего года ЦК ставил себе задачи в этой практической деловой сфере, и как он их осуществил.

Охватывая единым взглядом годичную деятельность ЦК, за которую я перед вами должен отчитаться, я вижу четыре

---

* Доклад на XIII московской губконференции РКП (б.) 24 января 1925 г.

основных практических кампаний, которые поставлены были перед нашей партией и перед ее Центральным Комитетом и должны были быть решены в продолжение этого года. Все эти четыре кампании подчинены, конечно, единой цели; эта цель — усиление могущества нашей республики внутри и вне, усиление ее путем укрепления союза между городом и деревней.

Какими же путями в продолжение этого года ЦК осуществлял эту задачу? Эти четыре кампании, на мой взгляд, следующие: 1) постановка и проведение денежной реформы; 2) расширение промышленности; 3) расширение товарооборота между городом и деревней путем, в первую очередь, снижения цен на продукты, производимые нашей государственной промышленностью и потребляемые, главным образом, деревней, и 4) наконец, всемерное улучшение положения крестьянского хозяйства, углубление и расширение крестьянского потребления, а следовательно, и решение вопроса о «ножницах».

Вы видите, что эти четыре задачи целиком встали перед партией ровно год назад. Дело отнюдь не обстояло таким образом, что эти задачи были поняты и поставлены во весь рост в партии без всякой внутренней борьбы. Партия осознала их, поставила их перед собой и решала их в определенной борьбе с теми группами и товарищами, которые иначе понимали эти задачи, которые оказывали известное сопротивление в их решении. Вы понимаете, что эти четыре задачи, вставшие перед нами год назад, отнюдь не представляют собою отрывочных эпизодов, они связаны между собой, они увязаны вместе, увязаны одним основным пониманием очередных задач Центральным Комитетом.

Денежная реформа, расширение промышленности, поднятие крестьянского рынка, расширение товарооборота — это есть иными словами выраженная задача, поставленная перед нами в последних статьях В. И. Это есть конкретное воплощение задачи, которую можно формулировать так: подвести под диктатуру пролетариата, под политическую власть пролетариата мощный хозяйственный фундамент, в виде мощной, развивающейся крупной машинной индустрии, которая, однако, в нашей стране и в наших условиях капиталистического окружения может базироваться только лишь на все более растущем и развивающемся крестьянском рынке.

Только тогда, когда мы увяжем эту политическую задачу — укрепления диктатуры пролетариата — с этими экономическими задачами воссоздания промышленности и расширения всего крестьянского рынка, только тогда мы сможем проводить правильно

те или другие шаги в области практической политики. Тот, кто не понимает этой связи, кто не умеет связать политической задачи диктатуры пролетариата с вопросами крестьянского рынка, с вопросами хозяйства, тот не может работать на укрепление диктатуры пролетариата, тот обречен на то, чтобы делать в этой области ошибки, тот обречен на то, чтобы, может-быть, искренно желая укрепить союз рабочих и крестьян, на самом деле каждым своим практическим шагом этот союз разрушать; а разрушение этого союза или его ослабление означает страшнейший удар по самому фундаменту пролетарской диктатуры, а следовательно, и по мировой революции, которая совершенно правильно и законно видит в успехах строительства рабочих в Советской России гарантию успеха мировой революции. Нельзя нанести большего удара идее мобилизации сил мировой революции, чем неудачами на хозяйственном фронте в Советской Республике. Нет ничего более ужасного для самой идеи мировой победы пролетариата, как если бы попытка пролетариата Советского Союза построить свое хозяйство благодаря тем или другим ошибкам была бы неудачна.

Поэтому в вопросах экономики, в вопросах правильной экономической политики мы ставим очень серьезную, очень большую ставку, и ошибка здесь, серьезная, крупная ошибка, была бы непростительной, она была бы, повторяю, сильнейшим ударом по мировой пролетарской революции. Поэтому и ответ на вопрос о том, как же ЦК направлял политику партии в этой области, каковы итоги годовой работы над теми четырьмя основными задачами, которые я указал, приобретает основной характер. Я, поэтому, рискуя несколько наскучить вам цифрами, обращусь сейчас к тем данным, которые дают практическую проверку этого годового экзамена нашей партии и прежде всего ЦК, а затем разберу и те возражения, в борьбе с которыми нам эту политику приходилось проводить.

Денежная реформа.

Первая задача, это — проведение денежной реформы. Все те из вас, которые сознательно относились к дискуссии прошлого года, к тем спорам, которые происходили в этом же зале в октябре, ноябре и декабре 1923 года, когда намечалась эта общая политика, помнят, что некоторые тт. предрекали нам неудачу денежной реформы. Вы знаете, что это пророчество было свойственно отнюдь не только скептикам и маловерам в нашей среде. Наоборот, скептики и маловеры в нашей среде год назад отражали по отношению к денежной реформе злобный скептицизм всего буржуазного общественного мнения, как западно-европейских буржуазных дельцов и экономистов, так и нашей собствен-

ной белогвардейщины. Нам говорили: «Вы не осуществите денежной реформы, потому что у вас дефицитный бюджет, и ваша денежная реформа будет только картинкой для обмана, потому что бюджетный дефицит заставит опять печатать бумажные знаки, и ваш твердый рубль останется «синей птицей», которую вы никогда не поймаете». О бюджетный дефицит в первую очередь должна была споткнуться наша денежная реформа. Нам еще говорили: «При слабости товарооборота, при слабых связях между городом и деревней ваш рубль не выдержит, под ним нет никакой экономической базы». Этими маловерами и скептиками была выставлена формулировка, вдохновителем которой являлся тов. Троцкий, и которая, собственно, обозначала, что нечего строить планов насчет твердой валюты, а надо в первую очередь заняться восстановлением промышленности и этой задаче подчинить денежную реформу. Теперь мы должны оценить споры прошлого года. Вспомним кстати, что Владимир Ильич говорил, что теперь оценка споров в нашей партии ведется не так, как она велась тогда, когда наша партия не была у власти и когда проверка должна была производиться не на фактах реальной жизни, не на экономической действительности, а должна была производиться гораздо более косвенным путем. Владимир Ильич говорил, что одним из громаднейших преимуществ нашей партии в деле ликвидации разногласий является то, что несколько месяцев реальной жизни дают ответ на все вопросы, и надо только уметь эти ответы из живой реальной жизни почерпнуть и честно их выявить.

Итак, кто же оказался прав? Что этот год дал нам в области денежной реформы? Мы имеем несколько способов проверки. Прежде всего, сама денежная масса. Вся денежная масса к 1 января 1923 г. равнялась 117 миллионам. На 1-е января 1924 года мы имели 304 миллиона и, наконец, на 21-е января 1925 года, т.-е. 4 дня назад, общая денежная масса в нашей стране равнялась 731 миллиону червонных рублей.*

Это значит, что мы в течение двух лет ввели в страну не менее 600 миллионов рублей, и что эта сумма денег вошла в денежное обращение таким образом, что усилила народное хозяйство. Эта реформа, несомненно, историками нашей страны и историками пролетарского строительства будет оценена как факт, который до его осуществления трудно было допустить даже теоретически; трудно было предположить, чтобы пролетариат в течение двух лет смог восстановить денежную систему, разрушенную десятилетием гражданской и империалистической войн, чтобы он мог увеличить денежное обращение в 6 раз за

* См. диагр. № 1 и таблицу к ней.

2 года и в 2 раза за год — с 304 до 731 миллиона червонных рублей, дав, таким образом, стране здоровое орудие товарооборота, рабочему классу и крестьянству и всему народному хозяйству — здоровую денежную единицу. Это именно то, в чем сомневались многие, но что является свидетельством того, что пролетариат умеет не только разрушать, но умеет строить и умеет построить даже самый тонкий, развитой механизм буржуазного общества, ибо денежное обращение есть самый тонкий механизм, который был только создан капиталистическим обществом.

Совзнаки заполняли все денежное обращение два года назад. Затем они все больше сокращаются, пока не сходят на-нет. Вступает в силу червонец. Он играет малюсенькую роль два года назад. Затем систематически расширяется и заполняет всю площадь. К этому червонцу мы начинаем прибавлять серебро, сначала понемножку, затем порции все растут и растут. К нему мы прибавляем казначейские знаки, число которых все увеличивается, и, наконец, медь. Мы в течение года приходим к полному оздоровлению денежного обращения, к полному изгнанию совзнаков и к тому, что в нашем денежном обращении имеются полноценные знаки: червонец, казначейские знаки, серебро и, наконец, медь.

Вы, конечно, могли бы сказать, что мы выпустили денег в течение года вдвое больше, но, может-быть, цена-то их упала. Тогда, конечно, это означало бы кризис денежной реформы. Если бы выпуск этих денег сопровождался падением покупательной силы рубля, это значило бы, что мы заменили одни совзнаки другими совзнаками. В марте, когда мы приступили к этой денежной реформе и окончательно решили убить совзнак, цена рубля стояла на уровне 51,8% (по оптовому индексу Госплана). * Затем он поднимается, испытывает некоторое колебание и к 1-му января этого года стоит значительно выше, чем стоял к 1-му марта — 58,1% покупательной способности довоенного времени. Покупательная сила нашего рубля, несмотря на то, что мы в течение года вдвое увеличили количество этих рублей, не упала, а поднялась в оптовых ценах. Если вы возьмете розничные цены, то увидите, что хотя здесь и нет столь значительного поднятия, но во всяком случае никакого смещения вниз не произошло: по розничному индексу конъюнктурного института НКФ — 48,3 проц. в марте 1924 года и 47,8 проц. в январе 1925 г. Это значит, что мы не только увеличили вдвое количество денег в стране, но умели провести это увеличение таким образом, чтобы покупательная сила нашего рубля не дрогнула. Когда мы имеем двойное увеличение: количества знаков и увели-

---

* См. диагр. № 2.

чение покупательной силы рубля, это значит, что пророчество скептиков и маловеров оказалось ни на чем не основанным.

Мы создали необходимую хозяйственную базу для дальнейшего развития. Проверим ее еще по одному признаку: взглянем на наши бюджеты. Вот перед нами бюджеты четырех лет: 13-й год до войны, 22/23-й, 23/24-й и нынешний 24/25-й год.* Мы расходовали на все нужды государства в 1922—23 году 1 миллиард 300 милл. руб., в прошлом году расходовали 1 миллиард 900 милл. руб., в этом году предполагаем расходовать $2^1/_4$ миллиарда, а в 1913 году было израсходовано $2^3/_4$ миллиарда. Я сейчас не говорю,— к этому еще вернусь,— на что мы расходовали деньги, но вы видите, как из года в год идет систематическое увеличение государственных доходов, с одной стороны, и средств, расходуемых государством,— с другой. Конечно, этот рост расходов мог произойти только потому, что мы создали твердую денежную единицу, только на этой базе можно было итти к подобному расширению бюджета. Если вы обратите внимание на то, как складываются эти цифры, то увидите такие цифры: в 1922—23 году расходовали на сельское хозяйство 50 миллионов руб., в следующем году—60 миллионов руб., в этом году—109 миллионов руб. Если вы посмотрите расходы на промышленность, строительство и электрификацию, то в 1922 году расходовали 144 миллиона, в 1923 году—141 миллион, в этом году—130 миллионов рублей—только по бюджету, не считая всех кредитных сумм. (Эту видимую пониженность надо отнести за счет того, что промышленность перешла, главным образом, на кредит.) Таким образом, не входя дальше в подробности относительно того, куда мы расходуем деньги, мы видим, как денежная реформа дала нам возможность расширять наши расходы и повышать наш государственный бюджет.

Наконец, последнее, что можно и должно привести, оценивая нашу денежную реформу,— это наш кредит.** Я прошу обратить внимание только на суммы, которые мы даем государственным организациям—промышленным, торговым, сельскохозяйственным и т. п.—в ссуду, в кредит. По Госбанку в 1922 г. на 1-е октября сумма эта не превышала 50 милл. руб. К 1-му января 1925 г. мы имеем сумму всех кредитов Госбанка, выданных на развитие нашего хозяйства, в 640 миллионов руб. Вот то, что лучше всего характеризует наш хозяйственный рост и восстановление. Если мы возьмем и другие банки, сверх Госбанка, то увидим такую картину. Задолженность отраслей народного хозяйства во всех наших кредитных учреждениях на 1-е января 1923 года была 22 миллиона рублей. Вот вся помощь, которую

* См. диагр. № 3.

** См. диагр. № 4.

государство через кредитные учреждения могло оказать нашей промышленности и хозяйству. На 1-е января 1924 г. мы имеем уже не 22 миллиона, а 424 миллиона, которые мы влили через кредитные учреждения в народное хозяйство, и на 1-е января нынешнего 1925 года, как оказывается, мы влили через наши кредитные учреждения в народное хозяйство, промышленность и сельское хозяйство по всем банкам 1 022 000 000 руб. Таким образом через два года мы перешли с 22 миллионов руб. к 1 миллиарду 22 миллионам. Вот общая сумма, которая в кредитном порядке выдана нашими кредитными учреждениями различным отраслям народного хозяйства.

Ясное дело, что построение тонкой и хорошо действующей кредитной системы возможно только на почве твердой валюты. На совзнаке, на падающей валюте мы никогда не смогли бы дать того кредита, который сейчас составляет основной стимул развития всех отраслей нашей промышленности. Спросите, например, наших горнорабочих, нефтяников, металлистов: что было бы с их продукцией, с их производством, а стало-быть и с их заработной платой, если бы они не имели возможности кредитоваться в наших кредитных учреждениях? Любой из нас, близко стоящий к хозяйству (а теперь и самый прекрасный агитатор никуда не годен, если он не стоит близко к народному хозяйству), ответит, что без этого сложного механизма кредитной помощи хозяйству мы не могли бы иметь никакого успеха в хозяйстве. А этот тонкий механизм кредитных учреждений, где мы видим такой скачок с 22-х миллионов до 1 миллиарда слишком, весь зиждется на твердой валюте.

Вот практическая оценка той меры, которая была нами проведена. Не только прав был ЦК, поставив, как основную задачу, проведение денежной реформы, не только прав был ЦК, когда он не обратил никакого внимания на все попытки сбить его с занятой позиции: денежная реформа во что бы то ни стало, все жертвы ради денежной реформы. Не только был прав ЦК в этом, но он был прав и в самом проведении этой денежной реформы. Наша кредитная политика, наш бюджет, покупательная способность червонца, денежная масса в обращении,— все это свидетельствует, что денежная реформа была проведена правильно. Вот решение одного спорного пункта.

Кривая промышленности все время идет вверх.

Я сказал: вторая задача для нас была — расширение производства, так как денежная реформа сама по себе нам не важна. Она есть служебное орудие, она есть тот рычаг, при помощи которого можно поднять промышленность, с одной стороны, и, с другой стороны, эту промышленность связать с крестьян-

ством. Когда у нас не было твердого рубля, эта связь не могла быть налажена. Но, конечно, можно иметь твердый рубль и все же хозяйство вести плохо. Взглянем на те итоги, которые мы имеем в области промышленности. Нам говорили: если все приносится в жертву денежной реформе, вы этим губите промышленность. Товарищи, которые хотели себя выставить чрезвычайно революционными и чрезвычайными «классовиками», говорили: «вы приносите в жертву Наркомфину всю промышленность». Действительно ли вопрос стоял так, что проведение денежной реформы могло быть сделано только за счет застопоривания развития промышленности? Опять-таки этот вопрос и эта политика ЦК теперь может быть оценена цифрами. Я выбрал 4 основных отрасли промышленности, которые дадут нам картину наших успехов или неуспехов в области развития промышленности.

Возьмем прежде всего топливную промышленность.* Из месяца в месяц, из года в год мы имеем повышение добычи угля, которая, несмотря на значительное колебание, все время ползет вверх. Количество угля, которое добыто в 1913 г.,— 1 711 000 000 пуд. И вот как упала добыча — до 466 милл. пуд. в 1920 г. Затем мы подвигались вперед. В 1921 году имеем — 487, в 1922 году имеем еще маленькую надбавку — 523, в 1923 году сразу скачок — 741, в 1924 г. еще скачок — сразу 893 и, наконец, план на 1925 г. — 921. Вы видите, мы еще порядочно отстаем от уровня 1913 довоенного года, но мы имеем постоянный рост из года в год добычи и, с другой стороны, именно в настоящем году мы этот рост должны задержать. Добыча угля поставлена таким образом, что она превышает тот спрос, который могут предъявить остальные отрасли промышленности. И в этом году мы дали лишь небольшое повышение добычи угля не потому, что мы не могли увеличить ее,— мы могли бы дать почти $^3/_4$ того количества, которое давали до войны,— но благодаря сужению внутреннего рынка, благодаря отставанию других областей промышленности, мы должны были держать Донбасс насильственно на том уровне, которого он достиг в прошлом году. Но если бы завтра оказалось, что остальные отрасли промышленности двинулись быстрей вперед, что металл пошел вперед, что крестьянство предъявило новый спрос на железо, что товарооборот увеличился, что железные дороги требуют больше угля, то мы в течение каких-нибудь недель могли бы увеличить добычу угля на какой угодно процент. Это показывает не только, что мы имеем определенные достижения, но и потенциальную, возможную силу для дальнейшего движения вперед.

Далее, если мы обратимся к нефти, то увидим такую картину, которая так же, как и по углю, показывает наш рост

---

* См. диагр. № 5.

из месяца в месяц, из года в год.* Если взять годовые цифры, то мы имеем 548 миллионов пудов в 1913 году, в 1920 г.— 233 миллиона пуд., в 1921 г.— 239 милл. пуд., в 1922 г.— 293 милл. пуд., в 1923 г.— 327 милл. пуд. и, наконец, в 1924 г.— 380 милл. пуд. План на 1924 — 1925 г.— 417 милл. пуд., для которых нам, как я уже неоднократно говорил, приходится завоевывать иностранный рынок, ибо такого количества нефти на внутреннем рынке мы употребить не можем.

Значит, с топливом дело обстоит так, что мы не только вполне обеспечены для данной стадии развития нашей промышленности, но вполне обеспечены топливом для любого расширения промышленности и, сверх того, имеем возможность вывоза этих продуктов. А вы понимаете, какое значение это имеет в такой год, когда мы вынуждены были отказаться от вывоза хлеба, и, больше того, когда, весьма вероятно, нам придется пополнить хлебный запас из-за границы, чтобы не допустить повышения хлебных цен. Если мы не вывозим хлеба, то только экспортом промышленных продуктов вместе с сельскохозяйственными продуктами других видов мы сможем эту дыру в нашем балансе заткнуть. И эти 80 милл. пуд. нефти, которые предположено вывезти, и есть тот продукт, которым мы пытаемся заткнуть нашу дыру, образовавшуюся оттого, что мы не вывозим хлеба.

Вот, товарищи, следующее испытание политики ЦК — наша металлургическая промышленность.** В абсолютных цифрах в 1923 г. мы добывали чугуна 23 милл. пуд. за год. В 1924 г. — 46 милл. пуд. Вы видите тут, какое повышение мы наблюдаем из года в год. То же самое с прокатом. Вот прокат в 1923 г. — 33 миллиона. В 1924 году — 44 миллиона. И, наконец, мартен растет неизменно, и все время помесячная выработка идет кверху, а годовая выработка 1923 г.— 44 милл., в 1924 г.— 70 милл. пуд.

Мы имеем, как программу на следующий год, по мартену — 79 милл., в то время как до войны его производили 260 милл. Цифра проката — 56 милл., а тогда было 214 милл. Программа чугуна у нас — на 57 милл., в то время как в 1913 г. было 256 милл.

Наша задача — расширение металлургической промышленности.

Мы идем вперед по металлургической промышленности несомненно, но мы стоим еще на очень низком уровне. Металлургическая промышленность, конечно, одна из основных,

* См. диагр. № 6.
** См. диагр. № 7.

и думаю, что один из выводов, который можно сформулировать, одна из задач, которая должна быть поставлена, это — дальнейшее расширение нашей металлургической промышленности. Поэтому я указываю на низкий уровень, который мы имеем. Недаром последний пленум ЦК слушал специальный доклад тов. Дзержинского и специально обсуждал вопрос о металлургической промышленности. Мы находимся в таком положении, что с топливом справляемся, с текстилем мы на правильном пути и идем громадными шагами вперед, и можно надеяться, что развитие в области текстиля будет итти очень быстро. Очередная наша задача это — поднятие металлургии. Мы в СТО утвердили программу на нынешний год, которая оценивается для металлургической промышленности в 273 милл. довоенных руб. против 198 милл. прошлого года, т.-е. подняли программу за один год для металлургической промышленности на 40 проц. Должен сказать, что тов. Дзержинский по этому поводу очень сердился на нас и считал, что мы мало дали. Он хотел поднять металлургическую промышленность на 60, а не на 40 проц. за один год. Мы стояли месяца три назад на более осторожной позиции. Мы говорили, что металлургия — вещь основная, ее нужно развивать, и мы даем программу на 40% выше прошлогодней, но больше мы опасаемся дать, так как большая программа требует больших затрат, дополнительных кредитов и так далее.

Теперь я должен сказать, что прошло 2 — 3 месяца и мы уже вынуждены были на последнем собрании пленума ЦК увеличить программу металлургической промышленности дополнительно на 15 проц. А все данные показывают, что, вероятно, в течение года мы превзойдем и 40 и 15 проц., надеясь окончить этот год в области металлургической промышленности с повышением над прошлым годом не в 40 проц. и не в 55 проц., а в 60 — 65 проц. Металлургический голод в стране, повышение потребностей крестьянства в металлургии, вот что констатируется уже теперь. Уже теперь все металлургические предприятия превзошли данную программу. Конечно, этому можно только радоваться. Но как странно выглядят перед этими цифрами те, которые говорили в свое время, что денежная реформа в ходе своего осуществления погубит промышленность!

Укажу теперь последнюю отрасль промышленности, чтобы перейти к следующей очередной задаче, которая ЦК решалась: т е к с т и л ь.* Это для сопоставления: уголь, нефть, металлургия, текстиль.

Вы видите, и по текстилю каждый год дает повышение месячной выработки. Если взять в годовых цифрах, то тогда мы будем иметь такую картину: в 1923 г. мы имели 4 721 милл. пуд.

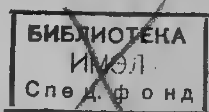
* См. диагр. № 8.

пряжи, в 1924 г.— 7 259 милл. пуд., почти вдвое,— вот вам, чем кончается 1924 год, и чем кончился 1923 год. Если мы возьмем суровье, то мы имели в 1923 г. 907 милл. арш., в 1924 г. произвели 1 450 милл. арш. Если, наконец, возьмем готовые ткани,— в прошлом году мы имели 851 милл., в этом году, закончившемся,— 1 394 милл. Вы видите, что в области текстильной промышленности мы идем выше против прошлого года; общее превышение не менее, чем на 40 — 45 проц., а программа, составленная нами на этот год, говорит об увеличении еще на 50 проц. Таким образом, и эта таблица свидетельствует, что в области производства, в области промышленности, мы неуклонно, из года в год, из месяца в месяц, рвемся вперед. Мы не достигли еще здесь довоенных цифр, но во многих местах она уже превысила 60 и 70 проц. довоенной выработки.

При этих условиях, товарищи, ясно, что ЦК выбрал правильную политику. Денежная реформа и ее проведение не подрезали промышленности, а напротив, дали впервые возможность того размаха промышленности, который мы сейчас видим. Но вы знаете, что противники этой политики ЦК в рядах нашей партии, — я уже не говорю о тех, которые вообще говорили: «куда пролетариату и коммунистической партии справиться с промышленностью», — но говорю о противниках-коммунистах в нашей среде, они нам говорили: «вы не только губите промышленность тем, что подчиняете ее диктатуре Наркомфина (слова тов. Троцкого), но вы губите промышленность тем, что вы проповедуете политику снижения цен». Многие из вас, вероятно, помнят, как ровно год и месяц назад в этом же зале тов. Пятаков, оспаривая политику ЦК, здесь, с этой же трибуны, вместе с тов. Преображенским, тов. Смирновым и тов. Осинским изложил свою программу экономической работы, в которой особенно подверглась критике наша политика снижения цен, в которой отстаивалась необходимость высокой прибыли для промышленности. Не странно ли? Как же это так: ЦК пролетарской партии, осуществляющей пролетарскую диктатуру, и вдруг проповедует политику меньших прибылей для промышленности, т.-е., как нам объяснили товарищи Преображенский, Пятаков и др., отказ от социалистического накопления, разбазаривание промышленности крестьянам! Вот что они говорили.

Рабочие ведут политику, направленную к удовлетворению интересов крестьянства.

Ведь оттуда же пошел слушок о крестьянском уклоне: вы-де распродадите по дешевым ценам всю промышленность, и тогда останетесь сидеть на бобах, а крестьянин на этом наживется и потом прогонит вас в три шеи.

Какая же это, говорили нам, пролетарская политика? Это— политика крестьянская, крестьянского уклона.

И вы не забыли, конечно (те, которые внимательно следили за жизнью партии), что здесь обнаруживалась и точка зрения рабочей оппозиции, «рабочей группы», которая, как главный мотив, выставила то, что ЦК нашей партии ведет политику крестьянского уклона и жертвует интересами квалифицированного пролетариата ради интересов крестьянских. Вы помните, как эта, простите за выражение, глупая критика совпадала с критикой, которая была представлена тт. Преображенским, Пятаковым и т. д. и за которыми стоял тов. Троцкий! Тут было несомненное соприкосновение, которое и дало возможность в прошлогоднюю дискуссию тт. Шляпникову, Преображенскому, Смирнову, Осинскому выступить против ЦК, хотя и с разными мотивами, но единым фронтом.

Так вот, действительно ли политика снижения цен была политикой крестьянского уклона, действительно ли политика снижения цен, проводившаяся ЦК с большим сопротивлением и против этой идеологии и против некоторых хозяйственников, трестовиков, синдикатчиков, наших же коммунистов, — действительно ли она происходила за счет промышленности или за счет рабочих? Вот мы это сейчас и проверим.

Уже те данные, которые я вам привел, которые говорят о состоявшемся уже за этот год расширении промышленности не менее как на 30 проц., показывают, что что-то такое у наших критиков оказалось не так. Оказалось, что при снижении цен, при проведении денежной реформы и при жертвах, которых требовала она, мы имеем за год общее повышение всей промышленности в среднем на 30 проц. Значит, как будто достигнуты результаты, прямо противоположные тем, которые нам предрекали. Мы не разбазаривали промышленность, а, наоборот, собрали ее, мы ее сконцентрировали, мы подняли ее производительность.

Позвольте привести некоторые данные, которые характеризуют эту политику снижения цен. Вы, конечно, не потребуете от меня подробного объяснения громаднейшего политического значения этой политики снижения цен. Мы можем перед крестьянством расписывать самые радужные картины коммунистического рая, мы можем перед ним выставить великолепные диаграммы насчет того, как мы увеличиваем добычу нефти, угля, металла, как мы много производим ситца и т. д., а оно нас будет судить не по этому. Крестьянин — не производственник, не директор треста или директор завода. Он скажет: мне все равно, как ты произвел, а вот почем ты мне отдал? По ответу на этот вопрос они будут судить о нас. Поэтому политику расширения промышленности без снижения цен, без того, чтобы

это расширение сопровождалось тут же реальными материальными эффектами для крестьянина, такую политику провести нельзя.

Так вот, добился ли здесь ЦК чего-нибудь, или политика снижения цен осталась для крестьянства простым обещанием? Что мы скажем на эту тему на перевыборах Советов?

Вы знаете, что ЦК пришел к убеждению, что необходимо отменить в целом ряде местностей выборы в местные советы вследствие слишком небольшого участия крестьянской массы в этих выборах. Эти перевыборы происходят теперь. Что же мы крестьянину в ответ на его запрос можем сказать? Я думаю, что лучшим нашим агитационным средством, лучшим нашим агитатором, гораздо лучшим, чем самый красноречивый наш агитатор, будут таблички, которые покажут, как изменялись цены на основные крестьянские продукты потребления, начиная с прошлого года по этот год.

Некоторые цифры я вам назову. Вот передо мной таблица цен: на полотно против октября 1923 г. на октябрь 1924 г. цена снизилась на 4,1 проц., на сахар — 16,3 проц., на ситец — 26,1 проц., на сукно гражданское — 29,1 проц., на керосин — 23,3 проц., на соль — 27,9 проц., на спички — 30,8 проц.

Хвалиться нам негоже, но можно сказать, что эти данные есть громадное политическое завоевание: они дают нам возможность притти к крестьянину и сказать, что пролетариат, который взял в свои руки фабрики и заводы, в течение года, поставив себе задачей снижение цен, дает тебе уже сейчас на 30 проц. ниже предметы твоего потребления. Я ведь привел цифры того, что мы называем крестьянским набором, того, что входит в крестьянское потребление.

Вот передо мною другая табличка снижения отпускных цен наших производящих центров с 1 октября 1923 г. по 1 октября 1924 г.: по кожевенной промышленности мы имеем снижение на 33 проц., по пищевой промышленности — снижение на 35 проц., по силикатстроительной — снижение на 32 проц., по текстильной промышленности — снижение на 35 проц., по топливной промышленности — на 18 проц., по химической промышленности — на 29 проц., по нефтяной — на 28 проц. Общее среднее снижение по всей промышленности на отпускные цены фабрик, заводов, трестов и синдикатов равняется 30 проц. Это я вас прошу заметить для оценки деловой работы, которой руководил ЦК. Сопоставьте эти две цифры: увеличение на 30 проц. за этот год общей продукции нашей промышленности и снижение цен на 30 проц. Необходимо понять эту связь между снижением цен для крестьянства и расширением промышленности.

Что значит расширение промышленности? Расширение промышленности — это значит увеличение пролетариата, увеличение его социальной мощи, его сплоченности, его квалифицированности

и, вообще, повышение его удельного веса, как класса. И это нами достигается одновременно с тем, что мы демонстрируем, по заветам Ильича, на простых фактах цен спичек, керосина, ситца и других товаров крестьянского потребления смычку города с деревней, наши достижения и нашу работу в этой области. Линия здесь взята правильная, и она должна будет продолжаться и дальше.

Чем же мы достигли понижения на 30 проц. стоимости продукции промышленности? За чей счет? Этими цифрами мы отбрасываем то обвинение, что снижение цен и денежная реформа должны привести к разбазариванию промышленности. Вышло как раз наоборот, — это привело не к разбазариванию, а к собиранию и расширению промышленности. За чей же счет это произошло? Вот здесь перед нами таблица, которая показывает рост заработной платы * и производительности труда, и вы видите, что, начиная с октября 1922 г., рост производительности все время, хотя и прерывистой линией, идет вверх, идет повышение производительности труда. Иначе говоря, мы имеем повышение продукции на 1 рабочего на 45,9 проц., и в то же время растет и заработная плата, и растет, как вы видите, быстрее, чем производительность труда, достигая увеличения против октября 1922 г. на 101,3 проц. Следовательно, рост производительности труда отстает от роста заработной платы.

Итак, при таких цифрах может ли устоять обвинение, которое высказывалось, что снижение цен на продукты промышленности идет за счет рабочего класса? Нет, при таких данных роста зарплаты это возражение не выдерживает никакой критики. Снижение цен, а следовательно, укрепление союза рабочих и крестьян идет за счет поднятия производительности труда, которая, однако, еще недостаточно поднята, за счет сокращения всяческого рода накладных расходов и, наконец, за счет сжимания и улучшения всего аппарата, управляющего хозяйством. Мы подтягиваемся благодаря политике снижения цен на промышленные товары. Мы заставляем этой политикой технически и организационно поднимать нашу промышленность, и это есть единственная правильная политика.

Я думаю, что эти цифры есть важнейший ответ и на возражения «рабочей группы» и на позицию нашей оппозиции. Если мы через год после прошлогодней дискуссии пришли бы к вам с кривыми прямо противоположными, тогда ЦК должен был бы сложить свои полномочия и сказать, что прошлогодняя критика была правильной. Но когда мы видим все эти кривые, лезущие вверх одновременно, мы должны сказать: пожалуйте, товарищи, поддержите теперь вашу критику ЦК на реальных фактах, а не только на мрачных пророчествах.

---

* См. диагр. № 9.

Теперь посмотрим, что показывают цифры зарплаты по СССР и по Москве за 1922, 1923 и 1924 годы.* Если сравнить абсолютные данные, то мы имеем размер зарплаты в 1913 г. в 25 р. по всей бывш. Российской империи и 27 бюджетных руб. в Москве. В 1921/22 г. по Союзу мы имели зарплату 10 р. 25 к., по Москве — 11 р. 25 к., в 1922/23 году по Союзу 11 р. 70 к., по Москве — 19 р. 70 к., в 1923/24 году по Союзу — 15 р. 90 к., по Москве — 21 р. 90 к. и сейчас мы имеем по Союзу 18 р., по Москве — 32 р. 80 к., т.-е. по Москве во многих отраслях промышленности мы превысили довоенный уровень, но заработная плата в общем не достигла еще довоенного уровня, да при той производительности, на которую я вам указывал, она и не могла достигнуть, но ее рост несомненен и постоянен.

Если принять во внимание все это положение, то мы должны будем сказать, что политика ЦК фактами целиком подтверждена, и что мы действительно в области смычки с крестьянством не словами, а делом доказали крестьянству, что рабочие могут и хотят вести политику, направленную к удовлетворению интересов крестьянства.

«Ножницы» сломаны.

Но как шло дело с самим крестьянством? Вы знаете, что в конце 1923 года мы имели перед собою «ножницы», которые воплощали громадное расхождение положения крестьянства и города. Я не буду это долго комментировать. Вот результаты нашей борьбы с «ножницами», которые около конца 1923 года имели такой раствор,** такую социальную пропасть, которая к этому времени разверзлась между рабочими и крестьянством. Мы имели низкие, ниже среднего уровня, цены на хлеб и высокие, выше среднего уровня, цены на промышленные изделия, мы имели кризис сбыта, колебания в крестьянской массе, ее недовольство, колебания и дергание в партии, дискуссию и лихорадку. Под этими явлениями лежала эта пропасть цен. ЦК поставил своей задачей сжать эти «ножницы» тем, чтобы понизить цены на промышленные изделия и поднять цены на крестьянскую продукцию. Вот эти две линии характеризуют решимость и энергию партии.

Сломать таким образом эти «ножницы», сжать их, — для этого нужна была ясная, четкая и революционная политика, которая не останавливалась бы ни перед какими колебаниями, ни перед каким маловерием. Классовая борьба ведется не только

* См. диагр. № 10.

** См. диагр. № 11.

тогда, когда класс против класса стоит с оружием в руках, а и тогда, когда крестьяне, видя такую картину «ножниц», начинают не доверять рабочему, и перед нами стоит обязательное принятие решительных мер, которые здесь необходимы.

Приняты ли такие меры? Довоенный уровень сейчас для нас недостижим, его нет нигде в мире, всюду наблюдается некоторый раствор между промышленными и с.-хоз. ценами, но это раствор, который можно признать нормальным и который нам нужно держать. Это сжатие «ножниц» означало не только снижение цен на промышленные продукты, а также явное повышение хлебных цен. Что мы здесь имеем?

Вы знаете, что в середине 1924 года хлебные цены страшно вскочили. Мы принуждены были отнюдь не подчиниться тем ценам на хлеб, которые стояли в июле — августе, мы должны были провести сложный маневр. В чем он заключался? Он заключался в том, чтобы остаться на хлебном рынке хозяевами, чтобы государство в своих руках имело достаточное количество хлеба, чтобы оно могло диктовать цены на хлеб в городах, но, вместе с тем, чтобы дать крестьянину за хлеб много больше того, что он получал в конце 1923 г.

Как решен этот маневр? Если бы мы были не политиками, а просто чувствительными, что ли, людьми, которые говорят: «ах, крестьянина обидели, — видите, какие низкие цены на хлеб, — дадим ему больше, дадим ему цену, какую он просит», то это значило бы, что мы должны пойти за стихийным ростом цен на хлеб. Но так как при таких условиях мы достаточного количества хлеба скупить не могли бы, то хлеб оказался бы не в наших руках, а в руках скупщика и кулака, и он диктовал бы цены на хлеб в Донбассе, в Иваново-Вознесенске и т. д., он явился бы фактически хозяином на рынке.

Теперь вся кампания подходит к концу. Сначала мы думали заготовить 340 милл. пудов хлеба, чтобы быть хозяевами рынка. Вследствие общего дефицита в хлебном балансе нашей страны мы видим, что хлеба оказалось немного меньше, чем мы предполагали, и мы принуждены были снизить наш план до 290 милл. пудов. Имея в своих руках и в руках рабочей кооперации столько хлеба, мы можем себя чувствовать более или менее хозяевами, то-есть можем держать цены на хлеб в Москве, Иваново-Вознесенске, Харькове, Донбассе на том уровне, который не будет потрясать зарплату и бюджет рабочего класса. Для этого нам нужно иметь около 300 милл. пудов. Мы на 11-е января закупили 215 милл. пудов хлеба.

Но спрашивается: а не обидели ли мы при этом крестьянина? Мы ведь монополисты, мы сняли с рынка и взяли в свои руки 300 милл. пудов. Это немало, считая, что крестьянин должен был одновременно уплатить государству 340 милл.

рублей в виде налога; значит, налога мы взяли 340 милл. рублей, кроме того, мы заполучили в свои руки до 300 милл. пудов хлеба, — так не обидели ли мы крестьянина? Если бы мы экономически обидели крестьянина, то это палка (мы теперь это хорошо знаем) о двух концах: если мы его обидели, он перестанет покупать, и заводы начнут трещать. Удался ли нам этот маневр? Мы считаем, что удался. Политика лимитов оправдалась. В общем и целом, несмотря на то, что кулачество хотело воспользоваться неурожаем и получить несуразную цену, мы купили этот необходимый для нас запас хлеба в среднем по 84 коп., а если вы припомните, что реализация прошлого года была произведена копеек по 50—60, то в общем и среднем крестьянство за этот урожай выручило от государства, города и рабочего по двугривенному за пуд больше, чем в прошлом году.

Хозяйственное положение крестьянства укрепилось.

Итог: крестьянство получило больше; несмотря на то, что хлеба в стране немного меньше, его покупательная способность возросла, его способность покупать промышленные продукты в городах развернулась. С другой стороны, мы купили хлеб по цене, которую мы считали справедливой, остались хозяевами на хлебном рынке и можем надеяться, что нам не придется повышать цен на хлеб в городах, мы сможем удержать их на том уровне, на каком они сейчас стоят, до нового урожая, и снижения реального рабочего бюджета не будет. Таким образом и этот маневр, в котором нужно было сочетать интересы рабочего бюджета и интересы крестьянского кармана, можно считать совершенно удавшимся. Но мы крестьянину в этом году дали улучшение его положения не только лишним двугривенным на пуд хлеба, но мы благодаря денежной реформе сняли с него не меньше 200—250 милл. эмиссионного налога, т.-е. того, что он терял на наших совзнаках, а эта потеря означала почти кризис крестьянского хозяйства в прошлых годах. Этой потери теперь нет. И, наконец, мы дали ему то снижение цен, о котором я говорил.

Таким образом, если по отношению к рабочему классу мы в этом году провели политику повышения и расширения промышленности, стабилизации, укрепления и известную тенденцию к повышению зарплаты, к укреплению общей позиции пролетариата, то по отношению к крестьянству мы сняли эмиссионный налог, мы снизили ему цены, мы дали ему при покупке хлеба на двугривенный больше на пуде, чем в прошлом году. Только этим объясняется, что наша промышленность нашла для себя рынок расширения на 30 проц. Только этим объясняется, что наши

склады пустуют, а в стране товарный голод. Это значит: спрос крестьянства, и спрос платежеспособный, существует, оно готово платить за товары, мы не поспеваем за этим спросом.

Для того, чтобы сделать еще более наглядным то, чего мы достигли нашей политикой смычки с крестьянством реально, я привожу еще цифры, которые показывают, сколько мог крестьянин приобрести товара за пуд ржи: ситца, соли, керосина, селедок и т. д.—до войны, в прошлом году и в этом году. * Рекомендую эти цифры вашему особенному вниманию, так как здесь есть реальные достижения, конечно, еще далекие от довоенной нормы. Возьмем ситец. До войны за пуд ржи крестьянин мог получить 5,4 арш. ситцу. Мы с вами умудрились, извините за выражение, так, что в прошлом году давали за этот пуд всего только 1,4 арш.; благодаря политике снижения цен и повышения цены на хлеб в этом году мы давали $2^1/_2$ арш. Но вот вам и пример лучшего результата: в 1913 г. керосина на пуд ржи крестьянин мог купить 15 фун., а в ноябре 1924 г.—18,8 фун.; спичек в 1913 г.—75 кор., в ноябре 1924 г.—51,6 кор.; гвоздей 5 фун. вместо 4,4 фун. в 1913 году.

Конечно, когда кулак не показывает крестьянину на примеры лучшего результата нашей работы, а показывает худшее, то крестьянин разводит руками и говорит: да, до войны я получал 5,4 арш. ситцу, а теперь — 2,5 арш. На этой почве можно развить достаточную демагогию. Но нужно принять во внимание и то обстоятельство, что и крестьянин должен был заплатить за то, что он взял помещичью землю. Ведь рабочие заплатили голодом, холодом и многим еще кроме того, чтобы освободиться от капиталиста. Крестьянину также пришлось принести известные жертвы. Даром такие вещи в истории не происходят, но крестьянин должен знать, что если в 1923 г. ему давали 1,4 арш. вместо 5 арш. довоенных, то это временно, и мы можем сказать: да, давали $1^1/_5$, но за 1 год мы улучшили положение вдвое и даем $2^1/_2$ арш. На следующий год мы надеемся на большее повышение. Возьмем соль. До войны крестьянин за пуд хлеба имел 94 фун. соли, в 1923 г.—16 фун., а в этом году мы даем 31 фун. Вы видите, что мы находились в 1923/24 г. в критическом положении, потому что каждый крестьянин, если бы не было примеров, подобных керосину и гвоздям, мог бы сказать нам: да, коммунисты—прекрасные люди: помещиков прогнали, царя прогнали, Керенского прогнали, но все же за пуд хлеба я получал до войны 5 арш., а теперь — $2^1/_2$ арш. Мы могли только сказать: да, это общая наша беда, это — империализм посадил нас в яму. Но мы начинаем выбираться из этой ямы. И если мы будем итти дальше по пути

---

* См. диагр. № 12.

развития, и если ты не будешь прислушиваться к голосу кулака, будешь поддерживать союз крестьянина с рабочим, то мы, несомненно, достигнем успеха.

Вот коренной ответ на то, что мы сделали за этот период для того, чтобы достичь тех задач, о которых говорил Владимир Ильич, и которые он ставил как основные задачи эпохи диктатуры пролетариата. В. И. выдвигал 3 задачи: 1) подавить сопротивление капитала и сделать невозможным его возрождение, — это мы сделали; 2) привлечь доверие и полную поддержку слабейших слоев крестьянства и 3) нейтрализовать более высокие слои крестьянства. Это можно сделать только работой по той политике, которую проводил ЦК и на которую я сейчас вам указывал. Позвольте мне подвести общий итог.

Хозяйственные итоги года.

Я сказал: четыре основные задачи, которые на деле практически выдвинул Центральный Комитет, эти четыре практических дела, по которым мы просим нас судить, — денежная реформа, расширение промышленности и сплочение пролетариата, улучшение положения крестьянства, сжатие «ножниц». Я показал вам итог. На этой почве мы имеем и несомненнейшее оживление товарооборота.

Кстати, наш план хлебной заготовки, когда обнаружилось, что в стране хлеба меньше наших первоначальных подсчетов, мы сократили до 290 милл. пуд. хлеба, и выполнение идет совершенно ровно, по плану, нисколько не отставая.* Я скажу, что за июль—август мы заготовили 41 милл. пуд. хлеба, за сентябрь— 35 милл., за октябрь — 41 милл., за ноябрь — 38 и за декабрь — 46 милл. Таким образом мы имеем полную уверенность, что план этой хлебной заготовки будет полностью выполнен.

Возвращаюсь к торговому обороту.** Если возьмем московскую биржу, то в октябре 1922 года весь оборот биржи равнялся 25 милл. руб., в 1923 г. мы имеем 80 милл., а в 1924 — уже 246 милл. руб. Если возьмем оборот провинциальных бирж, то товарный оборот по 40 биржам в 1922 г., в октябре, составлял 9—10 милл., в 1923 г., тоже за октябрь месяц, оборот равнялся 57 милл., и в прошедшем 1924 г. мы имеем уже 180 миллионов. Я не привожу здесь процентов, так как они представляют громадную величину. Этот рост товарного оборота и есть выражение того, насколько мы снабжаем деревню и насколько мы удовлетворяем потребности крестьянства. Если мы возьмем другой измеритель—наш грузооборот***—и посмотрим, сколько мы пере-

* См. диагр. №№ 13 и 14.
** См. диагр. № 15.
*** См. диагр. № 16.

возим по нашим железным дорогам, то и здесь все показатели идут вверх. В октябре 1922 года в среднем грузили ежедневно 10 тысяч вагонов, в 1923 году дошли до 13 тысяч вагонов, в прошлом году в среднем грузили в день 16 тысяч вагонов, а в начале этого года мы имеем уже 18 тыс. вагонов ежедневно.

В общем и среднем транспорт наш, таким образом, тоже, с одной стороны, показывает увеличение товарооборота в стране, т.-е. кровь движется по всем артериям, обнимающим народное хозяйство, выравниваются цены, возможна планомерная деятельность; с другой стороны, сам транспорт все больше развивается.

Мы в этом году повысили бюджет транспорта с 670 милл. прошлого года до 810 милл., при чем в то время, как тов. Дзержинский сердился, что ему дали малую программу для металлургии, тов. Рудзутак говорил, что мы слишком много ожидаем от развития транспорта, когда думаем, что транспорт может дать такой доход, может иметь выручку в 800 милл. за год. В прошлом году он имел 650 милл. Мы предполагали, что он в год сможет увеличить доходность на 160 милл. благодаря росту грузов и товарооборота. Прошел первый квартал, и оказалось, что тов. Рудзутак пришел к нам и сказал, что он должен был выручить за этот квартал 192 милл., а выручил уже 202 милл., т.-е. на 10 милл. получил перебор. Это показывает, насколько страна вся оживилась, насколько экономика, здоровая экономика, прет, если можно так сказать, снизу.

Если сравнить общие цифры всей продукции, то мы получим такую картину: общий рост продукции всей государственной промышленности, как я сказал, дает увеличение на 30 проц. Прошу обратить внимание на следующие цифры.* В 1912 г. на заводах, которые ныне объединены в руках ВСНХ и крупнейших местных объединений, работало 1 800 000 рабочих. В 1923 г.— 1 311 000. В 1924 г.— 1 460 000. Прибавка за год на 150 000. Мы предполагаем для текущего года увеличение промышленности на 30 проц. против закончившегося 1924 года. Следовательно, и этот рост пролетариата будет продолжаться. Стоимость продукции, произведенной этим количеством рабочих, в 1923 г.— 1 миллиард 222 милл. в довоенных рублях. В этом году—1 миллиард 663 милл. Если взять в червонных рублях, то мы произвели в прошлом году продукции на крупных объединениях на 2 миллиарда 590 милл. в червонных рублях. В этом году— на 3 миллиарда 162 милл. Повышение, как видите, во всех частях. Увеличилось количество рабочих, увеличилось количество продукции, увеличилась и ценность продукции в червонных рублях. В общем рост на 30 проц.

---

* См. табл. «А».

Если теперь сравнить всю товарную часть продукции, все, что произвело крестьянство и что произвела наша промышленность и что поступает в товарный оборот, то дело имеет такой характер. В 1921—22 г. в товарный оборот от крестьян и от фабрик и заводов поступило на 3 миллиарда 333 милл. руб. А в этом году—на 6 миллиардов 666 милл. рублей, т.-е. за 3 года, товарищи, мы имеем увеличение всей продукции, крестьянской и промышленной, поступающей в оборот, вдвое.

Вот итоги той политики, которую вел ЦК в этой области.

К этому мы можем прибавить, что мы имеем устойчивый рубль, имеем рост бюджета, как я показывал, из года в год, и благодаря этому возможность все более и более дополнительных ассигнований и на промышленное строительство, и на электрификацию, и на сельскохозяйственный кредит; что мы имеем благодаря этому возможность теперь перейти к основанию нового коммунального банка для рабочего строительства в городах, с капиталом вначале в 25 милл. рублей.

Если принять все это во внимание и еще то, что этот рост не есть какой-нибудь нервный срыв, а результат планомерного роста, у нас должна быть твердая уверенность, что он не случаен, а будет продолжаться дальше. Всего этого мы добились, конечно, только потому, что мы поняли ленинскую науку, правильно понимаем взаимные соотношения различных отраслей хозяйства и их увязку, при которой расширение крестьянского рынка непосредственно поддерживает развитие крупной машинной промышленности, и эта крупная машинная промышленность становится базой для более сплоченного, более квалифицированного, более классово-организованного пролетариата. Вот, товарищи, наши итоги в области промышленности.

Мы должны будем их сейчас рассмотреть с точки зрения социальной, т.-е. с точки зрения классовых последствий этого роста богатства страны и тех очередных задач, которые на основе изменившегося соотношения классов перед ЦК сейчас стоят.

Какие препятствия предстоит побороть.

Товарищи, рассмотренная нами политика ЦК в области практических вопросов восстановления хозяйства и на этой почве укрепления союза рабочих и крестьян, как мы видели, привела к значительному оживлению страны. Это оживление должно было, конечно, сказаться на силе отдельных составных частей нашего государства. Естественно, что нас, при рассмотрении социального состава той страны, во главе которой стоит наша партия, должны интересовать две целые единицы и та дробь, о которой все чаще и чаще приходится упоминать, т.-е. рабочий

класс, с одной стороны, крестьянство — с другой, и те зачатки новой буржуазии, которые, несомненно, имеются в наличности и не обращать на которые внимания для нас практически совершенно невозможно.

В общих чертах можно сказать, таким образом, что в результате проведенной политики мы видим несомненное прекращение того процесса, который констатировал еще В. И.,— процесса деклассирования пролетариата. Этот процесс приостановился, начинает превращаться в свою противоположность, т.-е. в новое собирание пролетарских сил, в их сплочение и в повышение удельного веса пролетариата. Этот процесс, естественно, идет совершенно параллельно развитию промышленности и улучшению материального положения рабочего класса. По мере того, как непосредственно материальные заботы начинают отливать от самой толщи рабочей массы, она все более и более получает возможность принимать участие в практической работе, в работе профессиональных союзов, в построении кооперации, в культурно-просветительной работе, наконец, в советской работе. Оживление среди пролетариата на почве улучшения его положения вызывает в нем, несомненно, новые запросы, и мы были бы слепыми политиками, если бы из этого факта экономического роста положения рабочего класса не сделали и соответствующие политические выводы.

Еще больше это относится к крестьянству. Я не хотел бы, чтобы те цифры, которые я привел, те успехи, которые мы, несомненно, имеем, были бы переоценены здесь. Нет большей ошибки для нас, как если мы на минуту подумаем, что у нас все благополучно, и, следовательно, можно ослабить тот нажим, который все время сопутствовал нам в работе: и на восьмой год Коммунистическая партия имеет перед собой грандиознейшие задачи, и ослабление энергии ни в коем случае не допустимо. Действительно, в области крестьянства мы правильно поставили задачу — это теперь ясно. Мы сделали первые шаги для разрешения этой задачи,—это тоже верно. Мы поэтому уже парализовали этими правильными шагами вредные тенденции, которые могут развиваться в крестьянской стране, но мы далеко еще не сделали всего того, что нужно. Общее положение крестьянства, я думаю, правильно будет охарактеризовать тем, что мы можем констатировать там, в крестьянской среде, четыре голода.

Четыре голода деревни.

Мы имеем там, прежде всего, т о в а р н ы й голод, голод неудовлетворения промышленностью потребностей крестьянства. Политика, которая направлена на полное удовлетворение крестьянских потребностей национализированной промышленностью,

еще должна развиваться и развиваться и составить задачу не одного года и не двух ближайших лет. Товарный голод налицо, и темп развития нашей промышленности явно не поспевает за ростом потребностей.

Второй голод, который мы там имеем, — это голод кредитный. Надо отдать себе отчет, что крестьянство после того, как оно получило землю, после того, как оно под руководством пролетариата эту землю отстояло, не может руководиться в своей политике чувством благодарности, оно будет равняться по тому, кто будет помогать ему строить хозяйство. Основная черта, которая сейчас свойственна крестьянину, — несомненно, страшная жажда строительства и восстановления хозяйства.

Что ему больше всего необходимо, без чего он не может выполнить этой своей задачи, это — кредит. Без кредита, без финансовой поддержки, восстановительные процессы в сельском хозяйстве будут итти страшно замедленным темпом, и, следовательно, замедленным темпом будет развертываться наша промышленность и — что еще опаснее — крестьянин будет искать этого кредита всюду, и если не найдет его у пролетарского государства, то он будет, естественно, равняться по тому кулаку-посреднику, мелкому скупщику, ростовщику, который будет снабжать его необходимыми ему для восстановления хозяйства средствами.

Совершенно ясно, что без кредита, без финансовой поддержки, без ссуды, без займа крестьянство в Советской Республике не может ни восстановить хозяйство, ни поднять его на высокий технический уровень, а ведь долго жить таким образом, чтобы мы каждое утро, вставая, смотрели, есть ли снег или нет снега, или чтобы все развитие нашей промышленности, Донбасса, Азнефти, металлургии зависело от того, будет ли снег или нет, будет ли дождик или нет, — так жить социалистическому государству невозможно. Бороться с этим можно только одним, — повышая технический уровень крестьянского хозяйства. Повысить его без вложения туда капитала в кредит, и в долгосрочный кредит, конечно, невозможно. Если этот кредит будет организован пролетарским государством, если крестьянин будет знать, что пролетарское государство, давая ему деньги в ссуду, оказывает ему поддержку для восстановления хозяйства, то это будет лучшей связью, которой он свяжется со всей судьбой пролетарского государства. Если же это место займет вместо нас кулак, ростовщик, посредник и скупщик, то он получит такую экономическую мощь в деревне, с которой нам трудно будет бороться. Поэтому на ряду с товарным голодом кредитный голод в деревне есть вещь чрезвычайно серьезная, на удовлетворение которой мы должны обратить сугубое внимание.

Третий голод, который мы видим в деревне,— это голод культурный. Владимир Ильич недаром писал, что промежуток времени, который отделяет нас от нового революционного столкновения между империалистическим Западом и революционным Востоком,— этот промежуток времени надо использовать для того, чтобы «цивилизоваться». Конечно, Владимир Ильич имел в виду, в первую очередь, внесение культуры в деревню, т.-е. не только учебу по книжкам, что, конечно, необходимо, не только школы, которые у нас до сих пор, надо прямо сказать, были в загоне и на которые мы только сейчас можем и начинаем обращать достаточное внимание,— Ильич видел в этой задаче — во внесении культуры в деревню — не только буквари, не только книжки и школы, а прежде всего — внесение в деревню общественных навыков работы. Без этого поднятие хозяйственного и технического уровня в деревне — вещь совершенно невозможная. Именно поэтому Ильич посвящал так много времени кооперации, видя в ней не только лавочку, которая избавляет деревенского потребителя от ростовщика и посредника, но видя в ней орудие внесения общественно-коллективных навыков в деревню.

И, наконец, четвертый голод и, может-быть, самый острый, на который мы, во всяком случае, должны обратить особое внимание,— это голод по хорошей администрации, и не только голод об администраторе, который сверху придет и рассудит деревенские дела, а о такой администрации, которая была бы не только честна, но была бы фактически, реально связана с местными потребностями, с местными интересами, умела бы их правильно отражать и доносить доверху.

Крестьянство и власть.

Мы ведь должны отдать себе точный отчет, что чем более улучшается материальное положение деревни, тем она становится и политически более активной, и в ней идут, опять-таки на основе этих процессов материального улучшения, процессы расслоения. Мы не были бы марксистами, мы не были бы ленинистами и коммунистами, если бы мы закрывали глаза на то, что процесс материального улучшения деревни есть в то же время процесс ее расслоения. И недаром по закону, открытому Марксом и продолжающему действовать у нас, поскольку у нас имеется товарное и денежное хозяйство, не может деревня подняться без того, чтобы не выделить кулацкий, зажиточный, элемент.

Вопрос о политическом оформлении этих настроений в деревне есть основной политический вопрос. Можно сказать, что для города политическая проблема решена, поскольку громадное

большинство рабочего класса, в лице лучших своих представителей, уже организовано нашей партией, а в лице остальных поддерживает нашу партию и имеет к нашей партии доверие и не имеет никаких поползновений искать где-нибудь руководителей, кроме как в Коммунистической партии. В городе для масс эти задачи решены, но они не решены и не могут быть так просто решены, и за решение их придется долго бороться в деревне, ибо это есть вопрос о политическом оформлении повысившейся активности деревни.

Мы должны дать себе отчет в том, что эти процессы только начинаются, мы еще плохо знаем деревню, мы еще не имеем достаточно материала для того, чтобы судить о расслоении, для того, чтобы четко выделить группы богачей, кулаков, середняков, бедняков и т. д. Мы только подходим к этому вопросу, но совершенно ясно, что чем дальше будет итти дело, чем больше в деревне будет нарастать процесс накопления, чем больше крестьянство начнет понимать, что советская система есть такая система, при которой каждый трудящийся может оказать влияние на государство, чем скорее крестьянин поймет, что его участие в совете известным образом влияет и на размеры и на характер налогов, и на размер и на характер законодательства, и на размер и на характер торговли и производства, тем больше и больше у крестьянина будет пробуждаться политический аппетит. И вот, вопрос заключается сейчас в том, пойдет ли эта политическая активность крестьянства мимо советской системы или через советскую систему.

Мы с вами за этот год — и этого нельзя упускать из виду — имеем два чрезвычайно острых показателя, как политическая активность идет мимо советов. Одни события — это те события, которые разыгрались в Грузии и которые, несмотря на массу местных элементов, которые осложняли недовольство крестьянства, несмотря на специальную подготовку из-за границы этого движения, все-таки имеют в себе и общий элемент. Этот общекрестьянский элемент, который покуда нашел благоприятную обстановку, чтобы вылиться там, на далекой окраине, в специфических условиях, но который мы должны чувствовать и во всех других областях нашей республики, заключается в попытке крестьянства воздействовать на власть, идя мимо и помимо советской системы.

Чрезвычайно характерное явление, мимо которого мы тоже пройти не можем, — это те систематические покушения на представителей Советской власти — на рабкоров, селькоров и т. д., которые довольно широкой волной прокатились по нашей стране. Не надо это преувеличивать. Это не всегда имеет политический характер, но хотя это есть извращенное выражение, вследствие

темноты деревни, все же это является выражением каких-то новых процессов, происходящих в деревне.

Задача наша должна будет заключаться в том, чтобы, во-первых, ясно подчеркнуть, что деревня не та, какой она была в 1918 г., и что в следующем году она не будет такой, какой она является сегодня, если она опять не будет задавлена голодом, холодом и т. д. А мы не имеем никаких оснований это предполагать. Поэтому ЦК совершенно своевременно и, может-быть, даже с некоторым опозданием поставил вопрос об оживлении советской работы в деревне и объединил это под лозунгом «лицом к деревне». Но «лицом к деревне» — это не значит «языком к деревне».

Как я уже говорил в самом начале, Владимир Ильич учил нас, что крестьянин — практик, реалист и верит не словам, не обещаниям, а делу. Когда мы звали крестьянина против помещика, — он шел с нами; когда мы отбивались от помещика, — он шел с нами; теперь он нас экзаменует и покуда верит нам в большой степени в кредит, потому что те цифры, которые я вам показывал, те эквиваленты на рожь и т. д. — это есть доверие крестьянина в кредит: я-де вижу, что вы стараетесь, я понимаю, что у вас может выйти, но я еще посмотрю, выйдет ли. Вот для того, чтобы действительно крестьянин удостоверился, что *выходит*, мы должны будем продолжать экономическую политику, о которой я говорил.

И здесь мы должны больше подумать над с.-хоз. налогом, чтобы устранить из него произвол, сделать его более гибким и эластичным, мы должны внести в него больше элементов подоходности, чем было до сих пор, и устранить элементы натуральщины и грубости 1918 — 19 года, когда мы принуждены были прибегать просто к продразверстке.

Эти материальные меры должны быть дополнены чисто-политическими мероприятиями, ибо если мы не захватим и не охватим политического сознания в деревне своими щупальцами, если не дадим ему легальных каналов, правильных исходов, и если наши товарищи на местах не поймут нас, то в этом случае снизу нас будут всегда потрясать лихорадочные настроения крестьянства. А между тем мы прекрасно знаем, что никаких принципиальных разногласий между рабочим классом и крестьянством, кроме его богаческих верхушек, нет и быть не может.

Мы знаем, что советская форма управления есть наилучшая форма согласования интересов рабочих и крестьян, есть лучшая форма, какая только может быть, выяснения пролетарских и крестьянских интересов, и вопрос заключается только в том, чтобы этой форме придать надлежащую жизненность. Но мы знаем и наш госаппарат, о котором Владимир Ильич 2 года

тому назад говорил так, что бумага краснела. За 2 года этот аппарат не очень исправился. Там, на местах, внизу, мы до сих пор серьезной работы по проверке этого аппарата, по прочистке его, по проникновению его мыслью, что он на местах является не только агентом, сверху назначенным, а должен быть выразителем низовых интересов, — мы этой работы еще не проделали, мы к ней только начинаем приступать.

Для нас совершенно ясно, и в ЦК ни в ком не вызывает сомнения мысль, что для нас выгоднее, чтобы политическое брожение и политическая активность, которая, несомненно, будет внизу пробуждаться, — чтобы все это шло по легальному каналу Советской власти, а не мимо него. Нам надо, чтобы советский аппарат на местах был достаточно чуток и гибок для того, чтобы передать наверх все настроения, которые можно собрать внизу. Нужно, чтобы крестьянская масса видела в советском низовом аппарате свой собственный аппарат, не сверху назначенный, не командующий, а свой собственный.

ЦК в целом ряде резолюций и постановлений и в специальных совещаниях по оживлению советов поставил вопрос о работе в деревне очень решительно. На последнем пленуме ЦК нам пришлось слышать от многих членов комитета, приехавших с мест, что там, на местах, это понимают так, что это очередной маневр, что это-де надо для заграницы, но в самом деле нам, на местах, изменять порядок не приходится. Это — коренная ошибка, которая могла бы подвергнуть нас тяжелым испытаниям.

Мы не имеем другого аппарата, кроме советского, чтобы быть в контакте с массами, и нельзя выдвинуть лучшего аппарата, кроме самих советов, для того, чтобы наверху постоянно ощущать те новые потребности, те новые веяния и те новые течения, которые есть в массах. Если советы не станут в глазах крестьян подлинными их органами, то, конечно, можно ожидать возрождения той мысли, которая часто бродит в кулацких головах, на которую часто наталкивается крестьянин, сопоставляя свое положение с положением рабочего.

Именно начинает кристаллизоваться мысль об особой организации крестьянства для того, чтобы противопоставить ее профсоюзной организации рабочего класса, которая-де давит на правительство, работает совместно с правительством, выявляет перед ним свои стремления,— мысль о создании рядом с этой рабочей организацией нового какого-нибудь крестьянского союза, который сначала иногда доброжелательно может мыслиться крестьянами даже как подпорка Советской власти, но который политически, благодаря логике положения, несомненно был бы орудием разложения союза рабочих и крестьян.

Но мало сказать и трудно будет доказать выросшему политическому сознанию крестьянства, что крестьянский союз идет

не по линии союза рабочих с крестьянами, а является той ячейкой, которая может послужить рычагом контр-революционных сил, который может этот союз взорвать. Трудно будет это доказать крестьянину, пока он не увидит в своих местных советах орудие своего влияния, орудие влияния своих интересов, такой системы, при которой его интересы выслушиваются, принимаются во внимание и результат которой он может через некоторое время ощутить. Вот почему страшнейшим заблуждением было бы думать, что лозунг «лицом к деревне», воплощенный в ряде практических мероприятий, есть что-то такое дипломатическое, есть маневр, рассчитанный на верхи или даже для заграницы. Нет, это есть действительное политическое оформление того, что делается в деревне.

Надо действительно зарубить себе на носу: или мы, оживляя деревню экономически, подтягивая ее экономически, в то же время оформляем ее и политически в нашем стиле, или это экономическое оживление и политическая активность будут использованы против нас. У нас есть тут ряд выигрышных позиций, они заняты нами, надо только на этих позициях не стоять, не сидеть, а тем паче не лежать, а надо с этих позиций двигаться вперед. Не надо удовлетворяться тем, что у меня в совете 100 проц. коммунистов, или тем, что в волисполкоме 100 процентов коммунистов, а, наоборот, нужно итти по той линии, по какой пошел ЦИК, когда признал торжественным актом необходимость отменить ряд выборов в сельских местностях, где оказалось, что это не выборы, а действительно форменное издевательство над крестьянами. Нельзя крестьянина дешевым ситцем прикармливать и в то же время говорить: ты — хозяин, ты — союзник, у нас с тобой дружба, и производить выборы при участии 10 проц. всех избирателей, выборы, которые в конце-концов сводятся к назначению. И здесь командование и назначенство сверху должны все больше и больше заменяться действительными выборами.

Это относится не только к советам, это относится и к другим организациям, в которых может найти свой выход общественная энергия крестьянства, прежде всего — к кооперации. ЦК специально заслушал доклад о состоянии кооперации всех видов и единогласно пришел к убеждению, что центр тяжести кооперативной работы в деревне теперь должен лежать в с.-хоз. кооперации, в которую мы гораздо шире, чем до сих пор, должны пустить крестьянина — раз, и, во-вторых, в которой должны обеспечить ему подлинную самодеятельность, подлинную выборность вместо назначенства.

Конечно, так же, как и тогда, когда мы выдвинули политику снижения цен, нам говорили, что это есть крестьянский уклон, — так и здесь. Говорили те, которые не понимают подлинной

классовой политики пролетариата и не понимают гениальной идеи Ильича о союзе с крестьянством. Они говорили: значит, вы идете на уступки крестьянству. Ответ может быть один: нет вообще уступок хороших или плохих. Те уступки, которые укрепляют диктатуру пролетариата, хороши, те же уступки, которые ее ослабляют, плохи. Вот уступка в том смысле, чтобы иметь внизу, в деревне, подлинный советский аппарат, который являлся бы подлинным выразителем крестьянских настроений, есть ли это уступка, которая ослабляет диктатуру пролетариата или ее укрепляет? По-нашему, и тут мы все единодушны, это есть не уступка, а то улучшение, которое необходимо теперь уже сознательно провести, чтобы действительно укрепить диктатуру пролетариата, иначе она будет испытывать постоянно подземные толчки.

Кооперирование широких масс населения и связь этих масс с промышленностью победят частный капитал.

Заканчивая общую характеристику этой политики, я ставлю вопрос: к чему мы, собственно, направляемся? Отвечаю: к широкому кооперированию крестьянства по методам В. И., т.-е. к действительному участию действительных масс крестьянства в кооперации и развитой, двигающейся вперед, расширяющейся промышленности города. Вот те клещи, в которых та дробь, которая пытается нам угрожать, эта дробь новой буржуазии и частного капитала может быть подлинно раздавлена. Ее нельзя подавить административными мерами, мы ее можем задавить только между этими двумя факторами — кооперированием широких масс населения, с одной стороны, и связью этой массы с развитой, все время двигающейся вперед промышленностью.

Вот тогда для частного капитала и для роста его экономических сил действительно не будет места; это не значит, конечно, что мы можем это осуществить сегодня или завтра. Мы знаем, что кооперация еще слаба, что мы ей не можем уделять много средств. Путь, которым мы должны итти, ясен: оживление советской общественности в крестьянстве, построение советов такое, чтобы крестьянин видел в них подлинный орган своего влияния, подлинного передатчика наверх своих пожеланий. И шел бы к этому органу, как к своему, избранному, а не к назначенному сверху. И затем развитая, все более двигающаяся вперед, скапливающая в своих стенах все бо́льшие массы пролетариата городская промышленность. Это — тот

путь, при помощи которого мы можем избежать той крестьянской ограниченности, на которую указывал Ленин в своих последних статьях, и которую пытаются навязать нам наши критики, не дающие себе труда в отчете о том, о чем идет речь.

Если бы мы нашу промышленность разбазарили мелкому хозяйчику, и подъем крестьянского рынка не дополнялся бы еще более широким подъемом городской промышленности, тогда мы действительно шли бы не вперед по пути развития социалистического хозяйства, мы шли бы к мещанскому благополучию мелких хозяйчиков. А этих мелких хозяйств у нас 22 миллиона. Тогда действительно это было бы царство мелкобуржуазного хозяйства. В. И. предупреждал нас об этой опасности, но он указывал и тот путь, который спасает от превращения пролетарской республики в царство мелких хозяйств. *Это есть параллельное развитие крупной промышленности. Это — двойной процесс кооперирования крестьянства и установления связи этого крестьянства с развивающейся промышленностью.* Надо только соблюсти и найти правильные, жизненные пропорции.

Мне кажется, что тот отчет, который я сделал, показывает, что решение основного вопроса — соотношения между рабочим классом, крестьянством и партией — означает решение всех остальных вопросов. А неправильная постановка этого вопроса приведет к тому, что все экономические успехи не будут иметь никакого значения, ибо каждый экономический успех может быть повернут на социалистический путь и на путь капиталистического накопления.

Восстановление нефтяных источников, Донбасса, заводов и т. д. — все это очень хорошо и абсолютно необходимо, когда это ведет к усилению политической власти рабочего класса. Но все это очень плохо, если на этой базе будет расти частный капитал, будет расти его мощь, будут устанавливаться связи между частным капиталом и деревней. Тогда эти цифры повернутся против нас и за капиталистическое перерождение.

Когда мы начали новую экономическую политику, мы не забывали указывать, что опасность экономического перерождения существует. 22 миллиона крестьянских хозяйств, свободно торгующих продуктами своего производства, неизбежно выделяющие посредника-скупщика, собирающего свой капитал, — это есть реальная опасность при том положении, что мы допустили товарное денежное хозяйство. Парализовать эту опасность можно только тогда, когда мы правильно наметили связь между рабочим классом, крестьянством и партией.

Констатируя это положение, я тем самым перехожу к внутрипартийным делам. Это правильное установление взаимоотношений

между партией, рабочим классом и крестьянством — было ли оно свойственно всем кругам нашей партии? Тот ответ, который давал Ленин на поставленный вопрос, был ли воспринят всеми? Нет. Я уже в начале своего доклада указывал, что политика, которая проводилась партией под этим знаменем, с самого начала встретила очень решительное сопротивление и критику. Вы помните, что в тот момент, когда мы в ЦК формулировали начала этой политики, когда мы в продолжение года вели эту политику, против нас была выставлена другая платформа. За год мы успели ее позабыть. Я сегодня просмотрел ее и думаю, полезно напомнить ее и вам: надо же заставлять людей и тем более товарищей отвечать за свои слова и подводить итог своим мыслям. Вот что писали в октябре 1923 г., т.-е. месяцев 14 назад, накануне денежной реформы, политики снижения цен, расширения крестьянского рынка и т. д., вот что писали в знаменитой записке 46-ти:

«Чрезвычайная серьезность положения заставляет нас... сказать вам открыто, что продолжение политики большинства Политбюро грозит тяжкими бедами для всей партии. Начавшийся с конца июня этого года хозяйственный и финансовый кризис со всеми вытекающими из него политическими, в том числе и внутрипартийными, последствиями безжалостно вскрыл неудовлетворительность руководства партии как в области хозяйства, так и особенно в области внутрипартийных отношений.

«Случайность, необдуманность, бессистемность решений ЦК, не сводящего концов с концами в области хозяйства, привели к тому, что мы при наличии несомненных крупных успехов в области промышленности, сельского хозяйства, финансов и транспорта,— успехов, достигнутых хозяйством страны стихийно, не благодаря, а несмотря на неудовлетворительное руководство, или, вернее, на отсутствие всякого руководства,— не только стоим перед перспективой приостановки этих успехов, но и перед тяжелым общеэкономическим кризисом...

«Если не будут немедленно приняты широкие, продуманные, планомерные и энергичные меры, если нынешнее отсутствие руководства будет продолжаться, мы стоим перед возможностью необычайно острого хозяйственного потрясения, неизбежно связанного с внутренними осложнениями и с полным параличом нашей внешней активности и дееспособности».

Вот та оценка нашей политики, которая была сделана, как общая характеристика деятельности ЦК. Но затем, совершенно логично, из этой же общей характеристики выводились те возражения, которые встречала каждая из сейчас мною просмотренных вместе с вами мер.

Мы имеем ряд заявлений, которые предрекали гибель нашей денежной реформе. Мы имеем ряд заявлений, тогда же сделанных товарищами, подписавшими эту общую характеристику, направленных против снижения цен. Мы имеем ряд заявлений, направленных против той политики, которая рассчитывала для восстановления хозяйства прежде всего на расширение именно крестьянского рынка.

Вопрос о тов. Троцком.

Таким образом, эти вопросы отнюдь не встречали в нашей партии единодушного ответа, и та дискуссия, которая сейчас получила особенно острое выражение в форме выступления тов. Троцкого, отнюдь не была случайной. Для нас было совершенно ясно, что это есть продолжение той же самой линии, которая сказалась в сейчас прочтенном заявлении, и с которой тов. Троцкий тогда же солидаризировался. Я не буду затруднять вас аргументами последней дискуссии по поводу последней книги тов. Троцкого. * Укажу только, что эта книга вновь подтвердила два основных греха той политики, которая противопоставлялась политике ЦК. Эти грехи — недооценка крестьянства, которая может принимать самые разные формы и под искусным пером тов. Троцкого приняла очень революционную по внешности форму перманентной, т. е. непрерывной, революции. Это — один грех, основной, и другой, не менее основной,— неумение правильно поставить вопрос о руководящем значении партии.

Для нас нет никакого сомнения, что в этой оппозиции сошлись различные элементы, в ней слились товарищи, отразившие разные противокоммунистические струи в нашей стране, а противокоммунистические струи в нашей стране идут из разных, очень различных источников. И основная теорема, основное построение Ленина, правильный ответ на основной вопрос об отношении классов, крестьянства и партии подвергся критике с разных сторон.

Троцкому удалось все это собрать воедино, и поэтому его учение переливает разными цветами радуги. Поэтому его могут воспринять, как свое, самые разные элементы, только не коммунистические, те, которые в той или другой степени пытаются найти для себя знамя против коммунистической партии.

Но во всех этих цветах радуги основное явление — это недооценка крестьянства и неумение правильно поставить вопрос о руководящей роли партии.

* Речь идет о предисловии к III тому собр. соч. т. Троцкого «Уроки Октября».

Одновременно с этим заявлением, которое я прочел, выдвинулась теория, которая сводится к тому, что надо отодвинуть партию от непосредственного руководства советским аппаратом. Вы знаете, что эта теория, которая особенно остро развивалась в прошлогодней дискуссии, отнюдь не защищала той азбучной истины, которая записана во всех резолюциях наших съездов, что партия не должна заменять советы, не должна дергать советскую работу, что партия имеет свое место, советы—свое место,—дело было не в повторении этой всем ясной вещи, дело было в попытке известного слоя советской бюрократии освободиться от того, что казалось им игом руководящей роли партии. Разве тогда мы не слышали тоже от одной из этих платформ иронического замечания насчет того, что надо прекратить привилегию партбилета?

Все это было и все это сливается в один поток, все это обусловливается неумением правильно разрешить вопрос о соотношении советского строительства и партии. Но именно здесь ошибка могла дать громадные последствия. Это не только литературная, теоретическая ошибка именно потому, что мы вступаем в период давно ожидаемого оживления. Мы этого оживления ожидали, но политически встретить его как следует мы только теперь учимся. Заранее нельзя было предвидеть, как мы политически должны встретить новую классовую прослойку, классовые соотношения, рост крестьянской активности, которая является результатом улучшения материального положения страны. Именно в этой обстановке, именно при нэпе, при оживлении крестьянства, вопрос, как построить систему взаимоотношений советского аппарата и партии, приобретает особое значение. Именно потому, что нам приходится особенно маневрировать, потому, что мы должны дать в советской системе отдушину настроения широких крестьянских масс,— именно поэтому руководящая роль партии в нашем сознании, в наших делах особенно должна быть укреплена. Это можно, примерно, выразить так: кони стали ретивее, мы едем на тройке гораздо быстрее и движемся вперед скорее, чем это было несколько лет назад, и поэтому возжи должны быть в руках компартии крепче натянуты.

Это не значит, что это есть, говоря языком Внешторга, лицензия или разрешение на головотяпство, глупость, грубость, на командование, на комчванство, — нет! Умей осуществить руководство без командования, без комчванства, но не выплесни из ванны с водой и ребенка. С отрицательными сторонами командования, комчванства и т. д. не выплесни сознания того, что чем страна становится в классовом смысле сложнее, чем жизнь и классовые соотношения становятся более сложными, тем руководящая роль партии, которая должна вести страну при этих усложняющихся классовых отношениях, должна быть в нашем сознании глубже укреплена.

Если бы мы допустили какие-нибудь колебания в этом пункте, если бы колебания в этом пункте были дополнены колебаниями в вопросе о взаимоотношении рабочего класса и крестьянства,— это значило бы, что основной узел всех взаимоотношений мы из рук упустили бы и руководящее значение, как партия, потеряли бы незаметно для себя. И мне думается, что резкий, недвусмысленный, единодушный отпор всей партии и в прошлогодней дискуссии, а тем паче в этой дискуссии, по поводу выступления тов. Троцкого, показывает, что партия поняла, что здесь речь идет не о мелочах, здесь речь идет не о прошлом, не об истории, не о теории перманентной революции, здесь идет речь об основных вопросах сегодняшнего и завтрашнего управления страной, о вопросах сегодняшнего и завтрашнего фактического, реального осуществления диктатуры пролетариата и руководящего значения коммунистической партии. И именно поэтому оппозиция тов. Троцкого стала символом всех антикоммунистических сил.

Конечно, никто из нас не представляет себе дела так, что все, которые теперь поддерживают тов. Троцкого, влюбились в тов. Троцкого или что они поддерживают его, забыв его роль в Октябре. Нет, но потому, что в ходе классовой борьбы слово — не воробей, и позиция не определяется только личным желанием того или другого товарища и его субъективным настроением, а определяется соотношением классов. А соотношение классов у нас в стране такое, что нападение на коммунистическую партию, недооценка крестьянства, покушение на руководящую роль коммунистической партии немедленно подхватываются всем мелкобуржуазным окружением и так дорого ценятся, что никакие октябрьские заслуги не могут перед этой мелкой буржуазией закрыть того факта, что она нашла во вчерашнем герое революции сегодняшнего своего знаменосца. Вот та логика классовой борьбы, которая заставила всю мелкобуржуазную, нэповскую, бюрократически-настроенную часть нашего государственного аппарата сразу поднять на щит Троцкого и только потому не выступить с его яростной защитой, что у них для этого нехватило мужества. Это и показывает коренную ошибку тов. Троцкого.

ЦК после того, как вся партия оценила выступление тов. Троцкого именно как сигнал к наступлению всех антикоммунистических сил, как формулу, в которую вложились все антикоммунистические силы, должен был сделать организационные выводы. Нужно сказать, что ЦК, прежде чем вынести решение, имел дело с двумя новыми факторами. Одним из таких факторов было письмо тов. Троцкого к ЦК, другим фактором была оценка выступления тов. Троцкого со стороны наиболее умных и искусных наших врагов. Действительно, для того, чтобы

нам проверить самих себя, чтобы ответить на вопрос: а может-быть мы в дискуссии слишком увлеклись, а может-быть партия поддалась инерции и недостаточно хладнокровно взвесила выступление тов. Троцкого,— может-быть для того, чтобы проверить это, надо было действительно, чтобы наш враг сказал свое слово, надо было испытание на врага. И вот, как раз накануне открытия ЦК, враг именно и сказал свое слово. И это слово врага подтвердило: да, партия была права в своей оценке выступления тов. Троцкого, которое только венчало все выступления оппозиции против всей политики ЦК за последние полтора года. Да, партия была права. Этот документ настолько важен, что я вам его прочту, он, кажется, нигде не напечатан, а вместе с тем имеет большое значение.

Вот передо мной книга тов. Троцкого, его «Уроки Октября», переведенная на немецкий язык, к сожалению, отнюдь не коммунистической партией, а шейдемановцами, и переведенная с предисловием известного ренегата коммунизма Пауля Леви. Мы знаем, что Троцкий, узнав о том, что соц.-демократы шейдемановцы вместе с ренегатом Леви собираются издать его книгу, протестовал телеграфно, но опять-таки, повторяю, логика классовой борьбы сильнее пожеланий того или другого человека. С того момента, когда это произведение было напечатано, оно перестало быть личной собственностью тов. Троцкого, оно стало политическим документом, который используется в классовой борьбе против коммунизма всеми, кому это выгодно. И если оказалось, что это произведение выгодно издать шейдемановцам и ренегатам против нас, то это опять-таки не потому, что Троцкого они сразу полюбили, а потому, что этот документ политически играет им на-руку против коммунизма. Но мало того, что они выпустили эту книжку и снабдили ее предисловием Леви,— в своем органе, в органе Шейдемана, они напечатали следующее воззвание:

«Книга, которую все ждали. Троцкий. «Уроки революции 1917 г.» Из ряда вон выходящее серьезное событие, из тех, которые за последнее время разыгрываются в России и находят себе почти ежедневно отклик по всей иностранной печати, имеет безусловно мировое значение. Речь идет о конфликте между Троцким и прочими народными комиссарами в России. Это не личные столкновения, а расхождения между пониманием марксизма, как его усваивают рабочие партии в Западной Европе и как его истолковывают методы зиновьевского творчества. (Зиновьев тут, конечно, ни при чем, потому что, насколько я знаю, Зиновьев еще не придумал ничего другого, кроме того, что сказал Владимир Ильич, и Зиновьев просто здесь поставлен потому, что, как выразился член ЦК тов. Евдокимов, оглашавший это письмо, даже самым большим подлецам

иногда бывает неудобно и неприятно употреблять имя Ленина. *Л. К.*) Глубина этой распри видна из того факта, что Троцкий снят с руководящих постов, и врачи здравоохранительной комиссии посылают его на юг России, обосновывая это тем, что «суровый московский воздух ему вреден». Верны ли газетные сообщения о кровавых происшествиях в Москве, связанных с отъездом Троцкого, не существенно в сравнении с значительностью событий. (Эти умные люди не поддадутся на газетную утку. Что им сказки о никогда не бывшей стрельбе; они берут политические факты, а не эффектное вранье! *Л. К.*) В своей книге «Уроки революции 1917 г.» Троцкий изложил свое понимание марксизма, не согласное с Зиновьевым и с его учениками и критически уничтожающее способы нынешних владык России. (Это вы, товарищи, сидящие в этом зале. *Л. К.*) Сочинение Троцкого в России придушено, его вывоз за границу воспрещен, зато еще до выхода в свет книги Троцкого в заграничных широких кругах было сильно распространение ответных возражений правительства. В интересах европейского рабочего движения настоятельно необходимо, чтобы получили самую широкую огласку доводы Троцкого, более или менее составляющие достояние рабочего движения в Европе. (Конечно, того рабочего движения, которое представляют эти господа, а не коммунистическая партия. *Л. К.*) Издательство считает своим публицистическим долгом ознакомить германских рабочих с существенным извлечением из запретного сочинения Троцкого, в котором он уточняет весь охват своих взглядов, своего марксистского понимания. Книга сопровождается предисловием известного социалистического депутата, доктора Леви, просматривающего аргументацию Троцкого с точки зрения германского рабочего движения. Эти вопросы будут играть решающую роль во всех областях рабочего движения: в партиях, профсоюзах, рабочих кругах и т. п., равно как при дальнейшем разоблачении восточного преобладания марксизма и зиновьевского большевизма. Поэтому сочинение Троцкого незаменимо для каждого, кто в какой-либо степени соприкасается с рабочим движением. Немедленно подписывайтесь на книгу сами и рекомендуйте ее всем».

Товарищ Стриевский просит, чтобы я докончил чтение: «при покупке по 75 пфеннигов за экземпляр приобретший 10 экз. один получает бесплатно». Вот общая оценка самых умных и самых опасных наших врагов.

Как же отозвался тов. Троцкий на всю постановку этого вопроса, который действительно приобрел уже мировое значение? Как вы знаете, тов. Троцкий прислал в ЦК письмо, оно напечатано, и я его читать не буду. Для вас всех, для каждого коммуниста вопрос заключается в одном: есть ли в этом письме хотя бы намек на сознание своих ошибок, есть ли в этом письме

хотя бы намек на отказ от каких-либо из занятых им позиций? Наше общее и глубочайшее убеждение, что это письмо именно тем и характерно, что оно не заключает в себе ни малейшего намека на сознание тов. Троцким ошибочности своих позиций и ни малейшего намека на то, что он готов сдать хотя бы одну из своих позиций. Этого нет. Письмо написано достаточно ловко, мы знаем, что тов. Троцкий — литератор достаточно хороший.

Но этот дипломатический документ нельзя причислить к таким документам, после которых партия должна бы сказать, что она должна пересмотреть свой приговор по поводу выступления тов. Троцкого. Наоборот, если мы хотим открытыми глазами глядеть на будущее, то мы должны сказать, что тов. Троцкий в этом письме оставил за собою все свои позиции. Он сказал одно: «Сейчас вы сильнее меня, и я поэтому не стреляю, я подчиняюсь, но все свои батареи я оставляю в боевой готовности и из всех них буду палить, когда найду для этого подходящий час и время». Вот политический смысл этого письма, и только так и можно его оценивать. В этом письме — разве только для политических младенцев — содержится заявление, что тов. Троцкий готов работать на любом месте. А как же иначе? Разве об этом член партии должен писать в ЦК, что он готов работать на любом месте? У нас есть только два выхода: или ты работаешь на том посту, на который тебя назначает партия, или ты выходишь из партии. Заявлять по поводу дискуссии, что я готов работать на любом посту, — этого мало.

И, наконец, второе практическое предложение заключается в том, что тов. Троцкий говорит: «Незачем доказывать, что после последней дискуссии интересы дела требуют освобождения меня от обязанностей председателя Реввоенсовета». Я обращаю внимание на то, что, на наш взгляд, то обстоятельство, которое требует устранения тов. Троцкого от руководства Реввоенсоветом, заключается, прежде всего, в его собственной ошибке. Такая формулировка, что «интересы дела» этого требуют, создает такое представление, что Троцкий не ошибался, а партия на него обрушилась, его дискредитировала, и он, будучи совершенно прав по существу дела, но будучи дискредитирован, не может занимать такого поста.

На взгляд ЦК дело обстоит не так. Не потому тов. Троцкий должен быть лишен поста руководителя Реввоенсовета, что он неправильно дискредитирован партией, а потому, что его политическая позиция лишает его поддержки партии, а строить армию и руководить армией, не пользуясь полным и абсолютным доверием партии и полной доверенностью со стороны партии, — невозможно. Вот почему ЦК ни минуты не сомневался в том, что это письмо не только не заставляет его пересмотреть свое решение, а, наоборот, должно укрепить партию в необходи-

мости сделать соответствующие организационные выводы. ЦК считает в своем последнем решении невозможным продолжение работы тов. Троцкого на посту председателя Реввоенсовета и будет предлагать в советском порядке немедленно его снять с этого поста.

С другой стороны, ЦК решил условно оставить тов. Троцкого членом Политбюро. Сама резолюция указывает на то, что это условное оставление связано с решением будущего съезда, и что тов. Троцкий оставлен при том условии и с тем предупреждением, что впредь до будущего съезда малейший шаг в сторону нарушения им партийной дисциплины или выступления, направленного против ЦК и против общеустановленных партией взглядов, повлечет за собой применение экстренных мер в смысле исключения из Политбюро, а может-быть, тем пунктом, который указан в уставе партии, и из ЦК партии. Таково решение ЦК. Самое характерное в нем, конечно, для нас, для партии,— не для страны, которая, вероятно, всего горячее и всего острее отнесется к вопросу о снятии Троцкого с поста председателя Реввоенсовета,— это условное оставление тов. Троцкого как члена Политбюро. Поскольку этот вопрос поставлен в связь со съездом, постольку ЦК ясно заявил, что он не хочет делать решающего шага, не получив одобрения законного верховного органа партии. Таким образом, эта условность поставлена в зависимость от решения съезда. Я думаю, что в этом смысле вопрос можно считать предрешенным.

Я подошел к концу моего доклада и хотел остановиться только в нескольких словах, очень кратко, на нашем внешнем положении. Нет никакого сомнения, что тот процесс роста могущества экономического и политической скрепы в нашей республике, который не мог быть нарушен и выступлением тов. Троцкого, привел к поднятию и морального, и материального веса нашей республики в мировом масштабе.

За этот год мы имеем за собой серию признаний, которые как бы нарочно к нашей конференции закончились признанием нас со стороны Японии. Мы неоднократно оценивали с вами в партийной среде значение этого признания. Мы его не преуменьшаем, и мы отдаем себе отчет, что признание со стороны таких заядлых бывших врагов, как Франция и Япония, не может быть не чем иным, как свидетельством нашей мощи и крепости, как сознанием банкротства той политики, которую и Франция, и Англия, и Япония вели против первой социалистической республики. Но, вместе с тем, мы не должны переоценивать их значения. Не думайте, что признание гарантирует мир. При признании труднее мир нарушить, но только формально.

Продолжение кампании против Советской власти со стороны буржуазных государств налицо, и признавшая нас чуть ли не

первой Англия теперь ведет против нас интриги по всему свету так же хорошо, как если бы она нас не признавала. Записывая, следовательно, признание нас в свой актив, мы в то же время ни на минутку не должны предаваться излишнему оптимизму.

Позвольте мне закончить свой доклад цитатой из сочинений Владимира Ильича, и я прошу те факты, которые я привел, оценить с точки зрения этих указаний Владимира Ильича: «Весь гвоздь в том, чтобы двигаться теперь вперед более широкой и мощной массой не иначе, как вместе с крестьянством, доказывая ему делом, практикой, опытом, что мы учимся и научимся ему помогать, его вести вперед. Если будем двигаться так, что действительно будет двигаться вся масса с нами, тогда ускорение этого движения в свое время наступит такое, о котором мы сейчас и мечтать не можем». Товарищи, по-моему, мы присутствуем при начале именно того ускорения движения, которое здесь предрекал нам В. И. Ленин. (Аплодисменты.)

Заключительное слово.

Первый заданный мне вопрос касается смысла лимитов и лимитной политики. Я кратко ответил на этот вопрос, когда говорил, что мы имели летом этого года очень высокие цены на хлеб, такие цены, при которых осуществить закупку 300 милл. пудов рабочими и государственными организациями было бы чрезвычайно трудно. Наш маневр заключается в том, чтоб дать крестьянству больше за хлеб, чем в прошлом году, но не дать всей цены, какая предъявлялась, опираясь, между прочим, на недород этого года. Мы заплатили до сих пор в среднем на всю 200-миллионную закупку хлеба по 84 к. за пуд, против стоявшей летом цены по 1 руб., 1 руб. 10 к. и 1 руб. 20 коп.* Это достигнуто при помощи лимитов. Иначе этого нельзя было достигнуть, как только при помощи установления твердой цены для наших хлебозаготовителей.

Конечно, это произвело некоторое впечатление как бы нашей борьбы с крестьянством, и это, между прочим, служит ответом на несколько паническое настроение тов. Исакина. Тов. Исакин не понял. Наш лозунг — лицом к деревне, смычка с крестьянством — не означает, что мы желаем подчиниться крестьянству во всех хозяйственных и политических вопросах, где есть некоторое расхождение интересов.

Когда крестьянство, в лице своей верхушки, летом этого года поставило вопрос таким образом, что мы теперь сдерем

* См. табл. «Б».

с города, с пролетария за хлебушко по рублю, то политика союза с крестьянством отнюдь не означала, что мы должны были стать на колени и этому велению подчиниться. Нет, мы должны были поторговаться. Мы сказали, что по 50 коп. не годится, но и по рублю тоже не годится, а вот 80 коп. — это цена справедливая и для крестьянства и для рабочего класса, и создали союз на почве не 50 коп. и не рубля, а 80 коп. Крестьянство в своих высших слоях, которые скупили хлеб у бедняков, немножко поартачилось, но союз рабочих с крестьянством отнюдь не означает семейного счастья без всяких потрясений. Это ведь классовый союз, и тут ГПУ отнюдь не хоронится, и борьба за хлебные цены тоже не хоронится, и борьба за промышленные цены тоже не хоронится.

Этот союз осуществляется в ряде столкновений в тех пунктах, где расходятся непосредственные экономические интересы. Вопрос для пролетариата, который держит в своих руках власть, заключается только в том, чтобы эти столкновения, эти трения, неизбежные раз существуют два класса, чтобы эти столкновения ввести в правильное русло, чтобы эти столкновения не приобретали стихийного характера, и чтобы весь свой аппарат построить таким образом, чтобы улавливать настроение крестьянства и в необходимых условиях итти ему навстречу, а в других условиях сказать, что мы этого не можем, и ты должен понять, что пролетарское государство требует того-то и того-то.

Вот как нужно понимать союз с крестьянством, а не так, что мы подчиняемся всем требованиям, которые идут от разных слоев крестьянства. И ГПУ, и борьбы за хлебную цену, и борьбы за улучшение положения рабочего класса мы не прекращаем. Крестьянин получил в среднем на 20 коп. больше, а если вы умножите эти 20 коп. на 300 милл., то вы получите огромную сумму денег, которую государство передало крестьянству сверх прошлогоднего. Следовательно, получилось расширение крестьянского рынка, вырос спрос крестьянства на продукты городской промышленности, а, с другой стороны, мы получили запас хлеба в 300 милл. пуд., что делает нас хозяевами на хлебном рынке и не позволяет частному скупщику хлеба вносить революцию в рабочий бюджет, а, следовательно, и в нашу политику заработной платы.

Мне думается, что этим политика лимитов оправдана, хотя при проведении их на местах были допущены и грубые ошибки. Я уже докладывал, как эти лимиты, которые представлялись для нас как сговор государственных заготовителей относительно цен, по которым они собирались скупить хлеб, в волисполкоме приобретали совсем другой характер, и там писали, что это — твердые государственные цены на хлеб, что государство установило твердые цены, выше которых никто продавать не может. Так толко-

вать — значит осуществлять союз рабочих и крестьян так, чтобы разозлить крестьянство, потому что тогда частный скупщик приходит и говорит: «я дал бы тебе 70 коп., а вот большевики определили твердую цену 60 коп. и запрещают давать за хлеб дороже».

Таким образом, если подменять конкуренцию на рынке, на котором мы являемся самой крупной силой, потому что в наших руках и кредит и бюджетные средства, если подменять это административными распоряжениями, проводимыми по-дурацки, простите за выражение, как это было иногда сделано, и писать, что государство установило цену в 60 коп. и что того, кто продаст дороже, нужно чуть ли не в ГПУ тащить, — если подменять эти экономические меры такими административными распоряжениями, тогда можно поссориться с крестьянством.

Нам надо было с крестьянством поторговаться за то, чтобы цены на хлеб в этом недородном году понизить, и сделать это нужно было не административными распоряжениями, а экономическими мероприятиями, которые крестьянину дали выгоду, потому что те несколько сотен миллионов, которые он получил лишка против прошлого года, рабочий класс не потрясли, а вместе с тем дали такую цену, которая для рабочего класса и для нашего государства оказалась как раз по плечу.

Теперь разрешите перейти в очень кратких словах еще к одному вопросу, а именно к тому, что указывал здесь тов. Столяров. Он спросил, что это за 84 коп. 84 коп., это — цена, которую крестьянин в среднем получил, привезя свой хлеб на ссыпной пункт, но это не значит, что каждый крестьянин во всем Союзе получил ровно 84 коп. Это средняя цена, и так как тов. Столяров связан с Сибирью, где цены были ниже, то ему эти 84 коп. показались странными, но если сосчитать не только Сибирь, а и те цены, которые должны мы были платить на Украине и на Кубани, то выйдет в среднем 84 коп. Конечно, вещь чрезвычайно любопытная: куда направились главные потоки денег, которые государство и кооперативные организации истратили на хлеб, и где больше всего этих денег собралось? Тут я должен согласиться с тов. Столяровым, что в Сибири было меньше этих денег, чем на Украине и на юго-востоке. На одном из заседаний с представителями мест товарищи-украинцы называли цифру денег, которую в этом году украинское крестьянство взяло за хлеб. Оказывается, что в этом году украинское крестьянство перебрало за хлеб против прошлого года 200 милл. рублей.

Откуда-нибудь взялось это. Ясно, товарищи, что концы с концами надо сводить. Если мы металла больше продаем,

ситца больше продаем, так средства где-то есть. Следовательно, 84 коп. — это и есть средняя цена. На Украине и на юго-востоке мы платили несколько больше. В Сибири эта цена ниже 84 копеек.

Тов. Столяров поставил чрезвычайно важный вопрос о том, что если мы сейчас с хлебом находимся в некотором недостатке,— у нас, как я сказал, дефицит, собственного хлеба для удовлетворения потребности не хватит, — то обращаем ли мы внимание на заготовку, закупку и продажу остальной сельскохозяйственной продукции? Конечно, мы были бы никуда не годными политиками, если бы, болтая о союзе с крестьянством, рассуждая о том, что мы должны стать «лицом к деревне», не обратили внимания на то, нельзя ли крестьянину помочь тем, чтобы вместо вывоза основной продукции сельского хозяйства — хлеба, которого в этом году недород, купить и вывезти другую продукцию его хозяйства. Мы это сделали. У нас недород сказался сравнительно слабо, он не оборвал нашего хозяйственного развития: так как недород хлебов сопровождался хорошим урожаем технических культур и так как реализация этих культур представляет большую выгоду и играет в деле смычки с крестьянством очень большую роль, то мы и обратили внимание на эти технические культуры.

В первый момент, когда выяснилась невозможность хлебного вывоза, мы дали директиву налечь на вывоз других продуктов сельского хозяйства. Я приведу вам некоторые цифры, которые дадут возможность конкретно судить, как выразилось это внимание в деревне на простых фактах.

В этом году мы имеем программу вывоза на 466 000 000 рублей при ввозе на 392 000 000 рублей. Если округлить эти цифры, то получится, что мы хотим ввезти на 400 миллионов и вывезти на 475 миллионов рублей. Выдержим ли мы эту линию? Должен сказать, что, видимо, не выдержим. Видимо, придется наш вывоз несколько сократить, а ввоз увеличить. Именно потому, что у нас товарный голод — это раз, и хлеба не хватает — это два. Но во всяком случае мы ввоз и вывоз сбалансируем таким образом, чтобы никакой дыры не было.

Что мы собираемся вывозить? В прошлом году мы вывезли 200 миллионов пудов хлеба. Чем в настоящем году мы это компенсируем? Мы, например, страшно увеличиваем вывоз нефти — до 80 миллионов, но не только это. Я назову цифры вывоза продуктов, которые ближайшим образом касаются крестьянства. В этом году мы собираемся вывезти коровьего масла на 36 миллионов рублей. Это увеличение очень серьезное, не меньше, чем в два раза против прошлого года. Эти 36 миллионов рублей от вывоза коровьего масла — громаднейшая поддержка сибирскому крестьянству и его маслоделию. Далее, яиц

предположено вывезти на $17^1/_2$ миллионов руб. против $5^1/_2$ миллионов рублей прошлого года, битой птицы — на 3 600 000 руб., растительного масла (подсолнуха и т. д.) — на 3 000 000 руб. Далее — лен на 36 милл. руб., кудель и т. д.

Наконец, продукты животноводства, например свиньи, в большом количестве предположены к вывозу. Вы видите, таким образом, что мы восполняем недовывоз основного продукта сельского хозяйства — хлеба в зерне — другими продуктами сельского хозяйства и, таким образом, восполняем крестьянский бюджет и начинаем вместе с тем завоевывать для сельскохозяйственной продукции за границей более выгодные условия, так как, несомненно, выгоднее вывозить свинину, чем хлеб, выгоднее вывозить масло, чем сырой продукт в виде хлеба, и т. д. А это знаменует улучшение и повышение технического уровня нашего сельского хозяйства.

Таким образом, тов. Столяров немножко несправедливо сказал, что мы за этим как бы не следим. Нет, следим и имеем в виду при этом сомкнуть крестьянское производство с заграничным рынком. При этом мы не глухи к тому, что говорят, что вот-де некоторые добрые иностранцы купили бы сельскохозяйственную продукцию и дали бы за это хорошую цену, но вот большевики установили монополию. Есть такие слухи. Их нужно разбить не только путем агитации и выяснения, а главным образом, конкретной политикой, которая покажет, что монополия внешней торговли служит против растаскивания продукции производства крестьянина конкурирующими европейскими капиталистами, которые, конечно, ограбили бы мужика. Тот доход, который получается от разницы между внутренними ценами и заграничными, и который положили бы себе в карман частные капиталисты: немец, англичанин и другие, мы хотим оставить в руках рабоче-крестьянского государства и направить этот доход на техническое улучшение того же крестьянского хозяйства.

Затем несколько слов о политике ЦК по поводу крестьянства. Тов. Исакин немножко впал в панику, я думаю, излишнюю, и прав был против него тов. Коротков, который употребил счастливое выражение, что горькое лекарство нужно принимать. Конечно, то, что мы сейчас даем, может оказаться горьким лекарством для деревенского работника. Товарищ Исакин говорит, что кроют деревенских коммунистов. Ну, а разве хозяйственников мы мало крыли? А профсоюзников разве мы не крыли? Кого только мы не крыли!

У нас дело обстоит таким образом. Как только партия обратит внимание на ту или иную область нашей работы, как

товарищи, которые более или менее спокойно до тех пор сидели на своих местах, вдруг попадают под обстрел. Что же делать? В этом и сила нашей партии, что мы не боимся себя критиковать. И помните, в прошлом году, когда мы ополчились против хозяйственников-«монополистов», сторонников сверхприбылей, и когда принимали всякие резолюции, может-быть, им и неприятно было, но это надо было сделать. Никто не уменьшает тяжкой доли деревенского коммуниста. Каждому коммунисту сподручнее работать в пролетарской среде. Доля деревенского коммуниста тяжела, и ответственна его работа, но это не значит, что партия должна отречься от того, чтобы время-от-времени пересматривать состав, поправлять ошибки, производить чистку, при чем мы шлем туда дополнительные силы.

Деревенский коммунист может ждать теперь от партии не только критики, но и помощи, и помощи той, о которой говорил тов. Исакин, — литературой, и помощи газетной, и помощи руководством, потому что, конечно, то количество циркуляров, объяснений, разъяснений, поездок руководящих товарищей в деревню на места, которое теперь делается и будет еще происходить, раньше не происходило, и это будет помогать деревенскому коммунисту и поднимать его авторитет. Так что я думаю, что здесь тов. Исакин жаловался напрасно и не во-время. Подождите, сначала это горькое лекарство примем, посмотрим, что из этого выйдет, и тогда, может-быть, будем жаловаться на нажим, а теперь пока еще очень-то не нажимали.

Вторая нотка, которая у тов. Исакина мне показалась не совсем правильной, это то, что он говорит: вот, смотрите, что-то в крестьянстве начинается, говорят о крестьянском союзе, о крестьянской партии, о фракции беспартийных.

Вот здесь ошибка тов. Исакина, эти две вещи нельзя смешивать. Крестьянский союз и крестьянская партия — это одно, беспартийная фракция — это другое. Если мы во всякой попытке беспартийного крестьянства высказать свое мнение, повлиять на наше решение будем видеть зачатки крестьянского союза или крестьянской эс-эровской партии, то советов мы не оживим, тогда незачем об этом болтать. Оживление советов на местах есть проведение той же политики, которую мы проводили в городах, привлекая беспартийных рабочих. Да, беспартийный рабочий и беспартийный крестьянин — вещи разные, потому что беспартийный рабочий есть член того же класса, что и мы, беспартийный крестьянин — это другое. Поэтому работа будет более сложна, и методы руководства будут более своеобразны, но это не означает того, что мы за одни скобки должны взять беспартийную фракцию и крестьянский союз и на этом успокоиться и командовать, как до сих пор.

Это не отвечает действительности по тем причинам, о которых я говорил: крестьянин начал выходить из голодной полосы,

мы сами 8 лет тормошили его самосознание, и мы сами растолковывали крестьянину хитрую механику политической экономии. Диаграммы о том, сколько крестьянин может получить на один пуд ржи, нельзя же показывать только коммунистам на секретном заседании. Эти же диаграммы и крестьянин будет читать. Так что, пожалуй, и я могу попасть в организаторы крестьянской беспартийной фракции. Вещь эта весьма сложная, и отделаться от нее можно было бы только тем, что мы эти диаграммы показали бы только коммунистам, а стране не показали. Не выйдет так.

Поэтому дело стоит таким образом: мы должны понимать оживление советов на местах так, что это должно быть оживление критики коммунистов в советах со стороны беспартийных. Если говорят, что этой критики не нужно, то—или мы, действительно, так слабы, что этой критики должны чураться, или мы должны помнить, что мы имеем дело с другим классом, что тенденции у него могут вылиться в такие формы, которые могут быть направлены к срыву союза рабочих и крестьян.

Мне ряд товарищей подал записки относительно того, что политическая активность на почве материального улучшения крестьянства не приведет ли неизбежно к росту антикоммунистических сил, к подрыву Советской власти и т. д. Это—сомнения не новые.

Эти сомнения были высказаны и формулированы не кем иным, как В. И. в тот час и в тот момент, когда мы провозгласили новую экономическую политику. Я указывал в своем докладе, что, конечно, с того момента, когда мы допустили вольную продажу, когда 22 милл. крестьянских хозяйств хозяйствуют по типу товарно-денежного обращения, базис для возникновения и роста буржуазных отношений создается. Вы знаете, что и тогда в среде нашей были отчаявшиеся, которые говорили: «Ну, раз так, то складывай руки, тут не поборешься». А мы говорили: «Нет, это не так, это не по-ленински».

Принципиальных разногласий, которые разъединяли бы пролетариат и всю толщу трудящегося крестьянства, кроме его верхушки, которая перерастает в буржуазию, — таких принципиальных разногласий нет. Мы можем доказать крестьянству, что ему выгоднее государственная промышленность, чем собственническая буржуазная, что ему выгоднее государственный банк, руководимый Советской властью, чем банк финансистов. Не говорю уже о внешней политике, о проблемах земельных и т. д. Конечно, задача будет не легкая, придется попотеть и потрудиться, придется сменить голос командования на метод разъяснений, применяя убеждения и разъяснения и умея отвести должное место тому методу руководства пролетариатом крестьянства, на который всегда указывал В. И. Он же нам говорил, — я вчера читал вам: потрудитесь

демонстрировать на практике преимущества диктатуры пролетариата и управления пролетариата городской промышленностью перед крестьянином. Тот, кто думает, что мы этого демонстрировать не можем, или тот, кто этого демонстрировать не умеет,— тот, конечно, может впасть в отчаяние, но партия в отчаяние не впадет.

Это — новая трудная задача, но она неизбежна, поскольку мы сами создаем материальный базис для улучшения положения крестьянина. Крестьянин, его материальное благосостояние и активность будут расти, и нам нужно, чтобы его материальное благосостояние росло, иначе мы будем сокращать фабрики и заводы, будем сокращать промышленность.

Поэтому нельзя делать таких панических выводов, как Исакин: уж и ГПУ не может коснуться. И ГПУ, и методы принуждения там, где нужно, останутся, но все в большой и большей мере надо дополнять эти методы методами демонстрирования на практике нашего уменья хозяйствовать, методами убеждения, методами оживления советов, методами вовлечения беспартийных крестьян, методами справедливого отношения и делового выслушивания той критики, которая идет из масс трудящегося крестьянства.

Если мы это дополним основными факторами, которые здесь должны иметь место, — развитие промышленности, электрификация, постройка тракторов, оказание кредита крестьянству из тех банков, из тех рессурсов, которые находятся под контролем рабочего класса, — когда дополнятся эти политические задачи этими экономическими факторами: электрификацией, крупной промышленностью, снабжением товарами по дешевым ценам, тракторами, кредитом, когда мы оживим советы, тогда основной вопрос всякой социалистической революции — куда пойдет широкая масса крестьянства: за буржуазным методом хозяйствования или за пролетарским, — и будет разрешен в нашу пользу. Иначе этого вопроса нельзя решить, как только методом повышения промышленности и методом политического воздействия на крестьянство и оживлением советов. Советы есть лучшая форма государственная, это — единственная форма, в которой крестьянские и рабочие интересы могут легко увязаться, иных способов нет. Надо на эти способы итти, их принять, их по-большевистски, по-ленински проводить.

Из остальных записок, которые мне поданы, я выбираю следующие вопросы. Первое: «Чем объяснить массовое предполагаемое сокращение рабочих на Донбассе? Это, ведь, нельзя считать за успех?» Я хотел бы здесь сказать, что при общем подъеме промышленности необязательно, чтобы во всех отраслях этот подъем шел равномерно.

Общее количество рабочих у нас увеличивается, но в тех или других отраслях может одновременно с общим увеличением

происходит сравнительное сокращение. Это имело место и в Донбассе. Я имел уже возможность докладывать на одном собрании Московской организации, что Донбасс в закончившемся 23—24 году выскочил за положенные ему пределы. Там сверх производственной программы набрали 26 тысяч рабочих, — сверх тех 10 т., которые были предусмотрены программой, — и произвели соответственно этому около 50 милл. пуд. излишнего для нашего народного хозяйства угля. Так как при этом обстоятельстве естественно увеличилась общая сумма зарплаты, а 50 милл. пуд. произведенного сверх программы угля девать нам было некуда, то это расстроило весь план Донбасса и Донугля, и нам пришлось принять крутые меры для того, чтобы ввести вырвавшихся из рамок товарищей в соответствующие рамки.

Я вам показывал уже на диаграмме, что благодаря узости потребления внутреннего рынка и того, что мы с вами еще не завоевали внешний рынок для нашего угля, нам приходится сокращать темп развития добычи угля, и хотя мы даем в этом году прибавку миллионов, кажется, на 30 или на 40 против прошлого года, но для того, чтобы не выскочить за эту прибавку, для этого пришлось прибегнуть к сокращению того излишнего количества рабочих, которые в прошлом году были наняты. Операция, конечно, болезненная и трудная, но иного выхода у нас не было, если мы не хотели набрать столько угля, сколько мы не можем переварить. Иначе у нас зарплата повысилась бы без соответствующей продажи, и это означало бы нагрузку наших кредитных учреждений и нашего бюджета и сокращение кредита другим областям. Правда, за последние недели мы имели более благоприятные показатели: благодаря развитию общего темпа народного хозяйства, увеличению нагрузки транспорта, потребление угля явно увеличивается в стране, и поэтому весьма возможно, что нам придется увеличить добычу угля против первоначально намеченного плана и, как это дергание действительно ни печально; придется только-что рассчитанных рабочих опять нанимать. Это и есть отрицательная сторона нашего хозяйничания.

Одна записка говорит, что я не указывал на недостатки в работе ЦК. Я в конце укажу эти недостатки. Но вот один недостаток — невозможность при том темпе хозяйства и при том моменте, который мы сейчас переживаем, все подсчитать с той желательной точностью, которая для нас еще недостижима. Вот вам процесс рассуждения ЦК: люди произвели на 50 милл. больше, расстроили свой финансовый план, задержали выдачу зарплаты, нарушили, значит, обязательства перед рабочими, создали недовольство, и мы приходим к убеждению, что надо сжать, ввести в железные рамки плана, обеспечить затем своевременную выплату зарплаты. Но в то же время со стороны, из области транспорта и металлургии, оказывается новая

потребность в угле, и только-что проведенное сокращение приходится менять на расширение. Здесь улучшения возможны, но, конечно, это будет результат довольно длительной притирки одних отраслей хозяйства к другим. Сразу это недостижимо.

Следующий вопрос: «Почему у текстильной промышленности такие большие скачки, в ваших диаграммах нет ни одной ровной линии?». Все те диаграммы, которые я показывал, дают не только годовые итоги, а и месячные итоги, а вы прекрасно знаете, что у нас действуют не только общие экономические факторы в развитии нашей промышленности, но и факторы сезонные, бытовые и всякого рода другие.

Нельзя сравнивать один месяц с другим в том же самом году, а можно сравнивать только годовые итоги с годовыми итогами другого года, или месяца с соответствующим месяцем в другом году, ибо в той же самой текстильной промышленности, как вы знаете, происходят сезонные сокращения работы, когда рабочих текстильной промышленности, в громадной степени связанных еще с деревней, приходится распускать, как говорят текстильщики, в конце июня — июля на сенокос. Сезонная задержка работы бывает в связи с пасхальными праздниками, которые в текстильной промышленности часто растягиваются. Поэтому было бы ошибкой сравнивать, скажем, июнь — июль текстильной промышленности с октябрем. В таком случае мы получили бы большие скачки, но эти скачки объясняются сезоном. Но можно сравнивать июнь — июль 1923 года с июнем — июлем 1924 года и октябрь 1923 г. с октябрем 1924 года, тогда вы получите картину действительного роста промышленности.

Поэтому на всех диаграммах мы имеем кривые по месяцам, которые показывают не какие-нибудь пертурбации, не какую-нибудь лихорадку в производстве, а которые учитывают естественные, сезонные, бытовые и всякие проч. колебания, с которыми приходится считаться из года в год. Для того, чтобы иметь общую картину, надо сравнивать годовые итоги. Тут важно только то, что ломанность месячных линий не дает оснований думать, что развитие идет у нас толчками, что тут лихорадочное развитие. Нет, это развитие совершенно планомерное, но только удовлетворяющее сезонным, бытовым условиям.

Следующий вопрос: «Что предпринимает ЦК нашей партии по сжатию «ножниц» между оптовыми и розничными ценами?». Действительно, я в своем отчете не успел указать на то, что одной из основных экономических проблем является именно этот очень сильный раствор между оптовыми и розничными ценами, который доходит на некоторые товары до 30 проц., иногда даже до 40 проц. накидок на оптовые цены. В чем тут дело? Дело в том товарном голоде, на который я вам указывал.

Мы, владеющие фабриками и заводами, можем регулировать свои отпускные цены, т.-е. цены оптовые, но, поскольку у нас товаров для заполнения рынков мало, и поскольку не весь еще торговый аппарат находится в государственных или в кооперативных руках, то малое количество наших государственных товаров, попадая на широкий рынок и не отвечая широкому спросу, позволяет посреднику делать чрезвычайно большие накидки, иногда такие, которые не позволяют крестьянству и широкому потребителю даже оценить всю нашу политику снижения цен, ибо мы-то снижаем на отпускных оптовых ценах, а покуда это дойдет до крестьянина, все эти накидки на розницу срезывают эту нашу скидку на опте.

Это — основная проблема; основное ее решение заключается в прекращении товарного голода, в нагрузке рынка по его потребностям и в том, чтобы овладеть торговым аппаратом. Мы в этом отношении и принимаем меры. С одной стороны, в смысле расширения промышленности. Как только появится достаточное количество ситца или гвоздей, настолько достаточное, чтобы удовлетворить спрос, площадь для накидок посредника будет сокращаться. С другой стороны, мы принимаем меры к тому, чтобы улучшить наш торговый аппарат, чтобы укрепить сеть кооперации и чтобы заставить кооперацию торговать по ценам ниже тех розничных цен, которые существуют на вольном рынке. Вот две области мероприятий, которые мы сейчас проводим.

Надо сказать, что последние обзоры нашего хозяйства показывают за ноябрь и декабрь стабилизацию розничных цен, т.-е. мы уже присутствуем при том, что расширение промышленности и увеличение продукции нашей государственной промышленности на рынке приводят уже к тому, что процесс роста этих накидок на розницу начинает сокращаться. Он остановился на одном уровне за ноябрь и декабрь. Мы хотим схватиться за этот факт, приостановить рост розничных цен, рост накидок и продолжать дальнейшее снижение оптовых цен. Таким образом, это поможет чрезвычайно болезненно сказывающиеся на отношениях города и деревни цены сжимать, надеясь, что в этот настоящий сезон, поскольку мы будем развертывать промышленность и овладевать розничным торговым аппаратом, это нам удастся; некоторые достижения в виде стабилизации розничных цен, сокращения роста этих накидок уже у нас имеются.

Следующий вопрос: «Прошу ответить кратко, какова политика ЦК в области торговли спиртными напитками, сколько прибыли дает государству продажа спиртных напитков, что в отношении увеличения прибыли дало введение 30°, и понизилась ли перегонка самогона в связи с этим?».

Так как тов. просит ответить кратко, я и отвечу кратко. В госбюджет мы могли внести благодаря получению акциза до 20 милл. В следующем году, не повышая градуса, оставаясь при 30°, мы сможем вписать в свой доход лишних 150 милл. руб. Сокращение самогона, несомненно, должно явиться результатом этой политики. Сейчас мы выпускаем 5 проц. (1/20) того количества спирта, которое выкуривалось до войны. Только 5 проц. (1/20 часть), не больше. Это сказаться более или менее сильно не могло еще. Если мы действительно перейдем от 30 град. к 40 град., то сокращение самогона, несомненно, последует. (Смех.)

Следующий вопрос: «Почему подписан такой невыгодный договор с Японией, и к чему было выражение сожаления и извинения за николаевские события? Теперь всякий чорт будет требовать от нас извинений и сожалений». (Оглашает записку.)

Конечно, соглашение будет опубликовано. Во-вторых, ничего невыгодного в этом договоре нет. Вы знаете, что переговоры тянулись шесть или более месяцев. У товарища, подавшего записку, очевидно, неправильное понимание.

Никаких уступок по Сахалину, Николаевску и Амуру мы не сделали. Об Амуре и Николаевске я не знаю, откуда взял товарищ, но что касается Сахалина, то наша уступка только в том, что по договору северная часть Сахалина, до сих пор занятая японскими войсками, где еще не существует Советской власти, и развевается не красный флаг, а японский, не знаю, какого цвета (голоса: «желтый»),— вот именно, желтый,— эта оккупация Сахалина прекращается, и наша уступка заключается только в том, что, так как сейчас эвакуировать нельзя по климатическим условиям, — замерзли берега и нельзя господам японцам увести свои войска,—мы дали им срок эвакуации до 1-го мая. Это—уступка, на которую необходимо было пойти.

Что касается концессии, то мы не видим тут уступки по той простой причине, что мы с вами разрабатывать нефть на Сахалине не собираемся, у нас нет для этого капиталов.

Общая же концессионная политика установлена ранее, никто не собирается ее отменять, и мы пошли на договор, который предусмотрел заключение концессионных договоров с Японией насчет сахалинской нефти на общих основаниях. В договоре только говорится, что мы должны вступить в переговоры с Японией на общих основаниях, на которых мы сдаем концессии, и предусмотрено, что концессия эта будет сдана квадратами, при чем на каждый квадрат, который мы отдаем японцам, будет квадрат, который мы оставляем за собой, т.-е. мы не хотим отдавать сахалинскую нефть в монополию Японии, сплошь всю территорию, а на каждый квадрат, а в общем от 20—40 дес., мы такой же рядом лежащий квадрат оставляем себе.

Эти наши квадраты мы можем разрабатывать или сами, или отдавать другим концессионерам—англичанам или американцам,—как найдем нужным. Тут опять нельзя усмотреть никакой уступки.

Остается одно, что Карахан извинился или выразил сожаление за николаевские события.

Это есть, признаемся. Но я не вижу, чтобы Советский Союз потерпел ущерб от того, что Карахан выразил сожаление за николаевские события. Но чтобы всякий чорт, — как выражается автор запроса,—после этого полез к нам за сожалением или извинением, — в этом я сомневаюсь. Никто не полезет.

Еще вопрос о мероприятиях ЦК по упорядочению загрузки актива КСМ, и затем ставится вопрос о неравномерной нагрузке низового партийного аппарата.

Вероятно, товарищ исходил из того, что на последнем пленуме ЦК, по предложению ряда товарищей, было принято действительно поручение Политбюро и Оргбюро и ЦК РЛКСМ заняться расследованием вопросов о партийной нагрузке КСМ и пионерского состава, ибо на ЦК было выяснено и приведены были факты, что в некоторых случаях партийная и всякая общественная нагрузка КСМ и в частности пионерства дает очень нехорошие результаты в смысле физического состояния этих молодых товарищей. Ясно, что если мы здесь будем итти стихийным путем, нагружать их и подрывать их силы, мы получим смену очень слабую, с подорванной нервной системой и т. д., а на заседании пленума ЦК были приведены случаи психических заболеваний среди этого молодняка. Здесь мы пошли по стихийному пути, надо расследовать этот вопрос.

Следующий вопрос отчасти выяснен тов. Марковым и другими товарищами,—это вопрос о средствах производства. Меня спрашивают, как идет это дело, и тов. Марков объяснил, как наша промышленность подходит к такому моменту, когда необходимо уже восстановление основного оборудования, восстановление станков и т. д. Я сейчас, к сожалению, не захватил цифры, но могу вам сказать, что развитие металлургии, которое собственно является самой характерной чертой в нашей экономике, в ближайшие месяцы представит нам еще большее повышение кривой: это развитие металлургии идет отчасти в счет расширения деревенского спроса на железо, отчасти в счет расширения строительства в городе и в деревне и, в-третьих, в немаловажной части в счет самого производства средств производства, т.-е. за счет строительства машинного оборудования других отраслей промышленности.

Мы отдаем себе отчет в том, что мы подошли к такому моменту, когда восстановление основного оборудования становится для нас основной задачей. Сможем ли мы здесь поспеть?

Это трудная задача—восстановить основной капитал промышленности, восстановить фабрично-заводское машинное оборудование. Задача эта чрезвычайно трудная, поскольку мы должны оперировать собственными капиталами, не имея никаких кредитов из-за границы. Но это дело сейчас может быть поставлено, оно будет итти медленнее, чем нам этого хотелось бы, но во всяком случае мы к этому приступили, и из года в год производство средств производства, машин и проч. будет несомненно расти.

Вот еще один вопрос: «Если возможно, то скажите: кто из членов ЦК голосовал против принятой пленумом резолюции о тов. Троцком?» Я считаю, что вполне возможно на это ответить, потому что Московская организация имеет право и должна знать деятельность любого члена ЦК. Здесь никаких тайн нет. Вы должны оценивать не только ЦК в целом, а и каждого его члена. Вы имеете право знать, кто голосовал против резолюции. Против этой резолюции голосовали два товарища — Пятаков и Раковский, а член ЦКК тов. Правдин воздержался при голосовании.

Теперь, товарищи, последний вопрос, связанный с вопросом о тов. Троцком. Тов. Мирошниченко, мне кажется, сказал здесь живое слово, правдивое слово, которое надо принять во внимание. Он сказал, что вся эта дискуссия показала, что в нашей среде имеются товарищи, которые по поводу дискуссии молчат, усмехаются. Ну, если брать это политически, а не только как личную характеристику, что тот не хочет беспокоиться, этот думает: да пройдет мимо меня эта гроза, чего я полезу,—это все индивидуальные, личные качества, но если взять это политически, то это значит, что есть в нашей партии группа товарищей, которые выжидают.

Я уже, анализируя вчера письмо тов. Троцкого, почти теми же самыми словами охарактеризовал его позиции. Я сказал: его письмо отнюдь не обозначает в какой бы то ни было мере идейного разоружения.

Тов. Троцкий никаким намеком не признал своих ошибок, не отказался от своей позиции, а вместо этого ограничился заявлением о подчинении партии. Это есть тоже позиция выжидания, это есть признание, что покуда мы слабы, т.-е. тов. Троцкий и те, которые молчат, усмехаются и выжидают, а там дальше посмотрим: наши идейные орудия мы оставили в чистоте и боевой готовности. Это правильно подметил и сказал тов. Мирошниченко.

Он правильно, мне кажется, указал и выход, — тот выход, который предусматривает ЦК в своей резолюции, ибо резолюция эта своим последним пунктом обязывает все организации и всех

членов партии продолжать разъяснение не в порядке дискуссии,— дискуссия кончена,— а в порядке разъяснения и политпросвещения разъяснять различия между ленинизмом и троцкизмом, и почему мы не можем допустить ревизию ленинизма троцкизмом. Тогда мы будем готовы на всякий случай, и если те товарищи, которые сейчас молчат, усмехаются и выжидают, попробуют выйти из этого своего положения и попробуют перейти из положения выжидающих вновь в положение наступающих, тогда мы будем подготовлены к тому, чтобы еще резче и, надеюсь, навсегда положить конец этой политике внутри партии.

Я думаю, что прав был тов. Захаров в своих словах, в которых он представлял будущее положение. Думаю, что правы те товарищи, которые полагают, что съезд партии найдет в себе, конечно, достаточно силы, политического разума и истинного понимания положения дел в партии и в стране, чтобы сделать политические и организационные выводы из закончившейся дискуссии. (Аплодисменты.)

РЕЧЬ НА I ВСЕСОЮЗНОМ УЧИТЕЛЬСКОМ СЪЕЗДЕ

(12 января 1925 г.)

Товарищи, ЦК Российской Коммунистической партии (большевиков) поручил мне приветствовать 1-й съезд народного учительства нашего Союза.

Коммунистическая партия есть организация передовых сил всего трудящегося человечества. Она поставила своей задачей вырвать человечество из того кровавого тупика, из того режима насилия и рабства, в котором капитализм держит громадные, многомиллионные массы.

Цель нашей партии—коммунистический строй, строй, в котором будут уничтожены классы, в котором будут уничтожены все формы насилия человека над человеком, строй, в котором впервые в мире будет осуществлено подлинное равенство, действительная, а не лживая свобода, истинное сотрудничество людей.

Тот, кто смотрел на последние величайшие годы в истории человечества открытыми глазами, тот знает (не из наших речей, а из фактов жизни), что вырвать человечество из смертных объятий капитализма, империализма, милитаризма нельзя без решительной революционной политики, нельзя без организации беспощадной, твердой революционной власти передовых элементов трудящихся, без организации диктатуры пролетариата. Мы эту диктатуру осуществляем, осуществляем, как орудие освобождения самых широких человеческих масс. *Без организации государственной власти, которая была бы беспощадна ко всем угнетателям народа, нет освобождения для трудящихся масс.*

Но беспощадность к эксплуататорам есть только одна сторона рабочего правительства. Другая его сторона заключается в том, что впервые в истории мира государственная власть в руках рабочего класса становится орудием освобождения масс.

Впервые государственная власть в руках рабочего класса сознательно и планомерно превращается в орудие борьбы самих этих масс за свое материальное и культурное улучшение.

Мы знаем, что дело постройки коммунизма и социализма— трудное дело, которое требует годов и годов. Мы знаем, что социализм не может быть построен ни кучкой революционеров, ни государственной организацией. Социализм строится массами и только тогда, когда десятки миллионов людей, которые веками оттирались от исторической сцены, только тогда, когда эти десятки и сотни миллионов людей вовлекаются в дело государственного строительства, только тогда можно сказать, что дело построения нового, коммунистического общества стоит на твердых основаниях.

Перед нами встала прежде всего задача сохранить самостоятельность, независимость и существование первой рабоче-крестьянской республики. Вы знаете, что эта задача сохранения независимости, свободы и самостоятельности нашей страны потребовала от рабочего класса и крестьянства страшнейшего напряжения сил. Только из героического порыва самих широких масс могла родиться и победоносно вести свое дело Красная армия, которой мы обязаны фактом независимого и свободного существования первой рабоче-крестьянской республики. (Аплодисменты.)

Но эта независимость, самостоятельность и свобода составляли только первую нашу задачу. Нам надо было немедленно же приступить к выполнению второй задачи. Она состояла в том, чтобы хозяйственно поднять страну из той глубокой ямы разложения и нищеты, куда она была брошена в результате господства капитала, империалистической войны, блокады и интервенции.

Рабочий класс на фабриках и заводах, в шахтах и рудниках, крестьянство на своих полях прилагают ныне все усилия к тому, чтобы путем организации новых форм хозяйства, которые созданы победой Октябрьской революции, доказать миру, что рабочий и крестьянин без помещика и без фабриканта может строить материальное благополучие страны не хуже, а лучше, чем строил под кнутом фабриканта и помещика. (Аплодисменты).

Мы достигли в этой области значительных успехов, но мы ими недовольны. Мы гораздо более жадны в этом деле и не можем удовлетвориться достигнутыми успехами. Но некоторые успехи, повторяю, мы имеем, и это дает нам возможность и делает необходимым поставить перед всем народом, и сейчас перед вами и вашим съездом, новую и грандиозную задачу во всем ее объеме— открыть новый и важнейший фронт.

Социализм и его построение требуют не только силы воли, для того чтобы защищаться против капиталистических разбойников, они требуют не только хозяйственной мощи и постоян-

ного роста материального благополучия рабочих и крестьян. Социализм требует как нигде — громадного культурного роста самих широких народных масс. (Аплодисменты.) Нельзя построить социализм, если мы не будем систематически, неустанно, беспрестанно, не обращая внимания ни на какие жертвы, двигать вперед семимильными шагами дело просвещения и культуры этих десятков и сотен миллионов, которых царизм, а затем капитализм держали в невежестве, в рабстве и темноте. Нам нужен гражданин для нашего государства, нам нужен новый человек для нового социалистического и коммунистического общества.

Нигде в мире не видим мы той картины, которую может представить сейчас рабочий класс в нашем Союзе. Всегда государственные уклады держались на раздробленности, распыленности, невежестве, рабстве и рабской психологии привычных к этому многомиллионых масс крестьянства.

Самые передовые, так наз. цивилизованные и демократические страны держались на темноте, на рабстве, на рабской психологии распыленных крестьянских масс.

Мы хотим впервые превратить государственную власть из орудия угнетения этих масс в орудие их просвещения. (Аплодисменты.) Мы впервые ставим перед собой задачу сделать весь аппарат государственной власти, находящийся в руках передовых элементов пролетариата и крестьянства, постоянным, систематическим просветителем и воспитателем отсталых крестьянских масс. Только этим путем мы сможем действительно осуществить завет того, кто научил нас борьбе, кто указал нам путь к победе. Только этим путем мы можем действительно незыблемо установить тот союз рабочих и крестьян, который заповедал нам величайший боец, величайший учитель и величайший провозвестник победы рабоче-крестьянского дела В. И. Ленин. (Аплодисменты.)

Товарищи, в этом деле, в деле превращения государственной организации в орудие просвещения широких крестьянских масс, мысль нашей партии, естественно, обращается к многотысячной армии народных учителей. Мы знаем, что мы не сможем выполнить этой очередной и первостепенной задачи без вашего активного содействия и сочувствия. Мы знаем, что для того, чтобы была выполнена эта задача, нам нужен другой союз — союз народных учителей с Советской властью и с Коммунистической партией.

Мы хотим, чтобы учительство поняло нас, чтобы оно знало, что у Коммунистической партии и руководимой ею Советской власти нет иных целей, как поднять широкие народные массы к самостоятельному социалистическому хозяй-

ствованию и культурному творчеству, нет других целей, как указать широким массам пути к действительному улучшению их положения путем построения социализма. И мы верим, что у подлинных народных учителей также нет других целей, кроме блага трудящихся масс. (Аплодисменты.)

«Правда», № 10 (2941), 13 янв. 1925 г.

НАШИ ДОСТИЖЕНИЯ И НАШИ ЗАДАЧИ В ОБЛАСТИ ОВЛАДЕНИЯ СТИХИЕЙ РЫНКА.

Переход к новой экономической политике.

На четвертом году после Октябрьской революции, в период максимальной разрухи нашего хозяйства, вызванной событиями мировой и гражданской войны, — мы допустили частично в нашем хозяйстве рыночные отношения, призвав их в качестве дополнения к нашему государственному хозяйству, — дополнения, необходимого в наших условиях для того, чтобы двинуть вперед дело восстановления народного хозяйства. Старая форма, сделавшая свое дело и изжившая себя, начинала давить, становилась помехой для дальнейшего развития народного хозяйства, помехой для сотрудничества пролетариата и крестьянства.

Нужно было устранить изжившие себя организационные формы и дать такие новые, в которых было бы обеспечено дальнейшее развитие рабоче-крестьянского хозяйства.

Такая форма и была найдена под руководством тов. Ленина.

Переход к этой новой организационной форме хозяйствования — к новой экономической политике — знаменовал собою допущение в наши отношения и прежде всего в отношения между городом и деревней, в отношения распределения продукции промышленности и продукции сельского хозяйства — рыночных отношений. От прямого регулирования через ВСНХ и НКПрод мы переходили к рыночному регулированию, к регулированию рублем. Новая экономическая политика таила в себе опасности, именно, в стихийности хозяйственных отношений. Опасность эта заключалась в возможности ухода мелкого производителя и торговца из-под регулирующего влияния государства. Необходимо было внимательно следить, чтобы стихия рыночных отношений не захлестнула пролетарского обобществленного хозяйства.

Первое время рыночные отношения развертывались действительно со стихийной силой. Быстро ширились крестьянские базары, росли как грибы посредники — торговые лавчонки, роз-

ничные, оптово-розничные и, наконец, оптовые магазины, переходили на хозрасчет и выходили на рынок одно за другим государственные предприятия, появилась аренда в промышленности — все шире и шире развертывалась, все дальше и дальше захлестывала стихия базара, торга, рынка.

И для многих и многих странно звучал в этом шторме голос тов. Ленина: «Направляйте товарооборот в государственное и кооперативное русла».

Но голос креп и говорил уже о том, что надо учиться овладевать стихией ее же методами: «Надо учиться торговать». И наконец: «Отступление окончено, больше не будет сдано ни пяди». «Укрепляйте командные высоты, улучшайте органы власти — Советы, укрепляйте национализированную промышленность, транспорт, монополию внешней торговли».

Состояние «командных высот».

С тех пор прошло почти четыре года новой экономической политики. И каждый рабочий и каждый крестьянин на собственном опыте знает, насколько улучшился за это время аппарат рабоче-крестьянской власти, основная командная высота рабоче-крестьянской диктатуры — Советы.

Когда мы переходили к нэпу, вторая наша командная высота — госпромышленность — была в крайне тяжелом состоянии: тысячами стояли без движения фабрики и заводы, замороженные кризисом топлива, обессиленные голодом, оторванные друг от друга разрухой транспорта.

Одним из основных показателей технических достижений человека, степени власти его над природой является добыча и обработка металла. В марте 1921 г. мы добывали (в месяц) 790 тыс. пуд. чугуна (3,7% довоенного), т.-е. были отброшены ко временам Екатерины II и Пугачевского восстания, на полторы с лишним сотни лет назад. Выработка мартена и прокатка металла (930 т. п.) едва превышали 5% довоенного. И это уже было большим достижением, ибо были месяцы, когда добыча чугуна, в среднем, равнялась 397 т. п., мартена 659 т. п. и прокат 591 т. пуд.

Третья наша командная высота — транспорт — в четвертом хозяйственном году была в состоянии крайней разрухи: исковерканные белыми рельсовые пути, взорванные мосты, разрушенные станционные сооружения и мастерские, тысячи изуродованных вагонов и паровозов... и над всем этим мертвящий все кризис топлива.

Одной из важнейших наших командных высот — высотой, которую крепко держит в своих руках наш союзник — крестьянство, — является отобранная у помещиков, экспроприированная земля. После окончания гражданской войны — в результате боев,

постоянного перехода территорий из рук в руки, гибели населения и проч. — 22% всей обрабатывавшейся раньше земли было заброшено, пустовало. Уничтожены были целые деревни, целые села, пустырями и пепелищами зловеще свидетельствовавшие, а местами свидетельствующие еще и теперь, о нашествии «спасителей отечества». В огне империалистической и гражданской войны погибло 39% всех имевшихся в старой России лошадей, 35% волов, 34% всего крупного рогатого скота, 50% мелкого рогатого скота и 60% свиней.*

Продукция ржи упала до 51%, а пшеницы до 47% довоенного. Экономическим выражением этого падения продукции сельского хозяйства был всеобщий острый продовольственный кризис, приведший к физическому истощению пролетариат и вообще городское население. В этот продовольственный кризис, в первую очередь, упирались все попытки поднятия производительности труда, оживления промышленности, возрождения транспорта.

В такой обстановке мы перешли к новой экономической политике, к новой форме сотрудничества с крестьянством. В такой обстановке мы допустили в наше хозяйство рыночную стихию.

Каково же теперь, после почти 4 лет борьбы, состояние этих опорных пунктов?

П р о м ы ш л е н н о с т ь. Выплавка чугуна поднялась в пять с лишним раз (4 260 000 пуд. в октябре текущего хозяйственного года вместо 790 000 пуд. в марте 1921 г., что составляет 539%). Мартен — 649% по отношению к марту 1921 г. (7 660 000 пуд. в октябре текущего хозяйственного года вместо 1 180 000 пуд. в марте 1921 г.). Прокат — 5 060 000 пуд. в октябре 1924 г. вместо 930 000 пуд. в марте 1921 г., что составляет 541%.

Д о б ы ч а т о п л и в а. Было время, когда мы были вовсе отрезаны от источников минерального топлива. Один только Подмосковный бассейн давал нам около 3,8 м. пуд. угля в месяц. К марту 1921 г. мы уже вернули под красное знамя основные районы добычи. В марте 1921 г. нами уже добывалось угля 53 500 000 пуд. против 144 500 000 пуд. (в среднем в месяц в 1913 г.). В октябре текущего хозяйственного года мы добыли уже 91 000 000 пуд., т.-е. 170% к марту 1921 г., или 63% довоенного против 37% довоенного в марте 1921 г.

Добыча нефти за время новой экономической политики повысилась с 44% до 75% довоенного, или до 170% по отношению к марту 1921 г.

В текстильной промышленности дело обстоит следующим образом:

* При чем и эти даже цифры преуменьшены, так как они показывают, в сущности, процент не всего количества скота, а уже сокращенного количества, имевшегося в 1916 году.

ОТРАСЛИ ПРОИЗВОДСТВА.	Един. счет.	Абсолютные числа.			В %%		Октябрь 1924 г. в %% к марту 1921 г.
		Среднемесячная за 1913 г.	За март 1921 г.	За октябрь 1924 г.	к средн.—мес. 13 г. Март 1921 г.	к средн.—мес. 13 г. Октябрь 1924 г.	
Хлоп.-бум. пряжа.	т. п.	1 509	147,40	(833,4)	9,8	55	565
» » суровье	м. арш.	—	18,99	(157,2)	—	—	828
» » гот.ткан.	»	—	30,81	(160,8)	—	—	521
Шерст. гот. ткани	»	—	2,51	(5,0)	—	—	199
Льнян. пряжа	т. п.	236	86,24	(234,0)	36,5	99	271
» суров. ткан.	м.кв.ар.	—	6,44	(22,3)	—	—	346

По данным ЦОС ВСНХ продукция нашей текстильной промышленности в целом достигла в октябре 24 г. 68% довоенной, против 22% в январе — марте 21 г.

Валовая продукция всей промышленности, составлявшая в 20 — 21 году всего лишь около 18% довоенной, возросла в настоящее время в среднем до 60% довоенной.

Таким образом, на этой командной высоте, в результате новой экономической политики, дело обстоит в 3,4 раза лучше, если говорить языком цифр.

Но может-быть эта победа досталась нам ценой больших человеческих жертв, может-быть мы потеряли значительную часть армии индустриального пролетариата, удерживающей эту высоту?

На 4-м хозяйственном году после Октябрьской революции мы имели в982 госпромышленности, учитываемой ЦОС'ом, 1 425 900 чел. рабочих. В 5-м хозяйственном году (21 — 22 г.) 1 140 700 чел. рабочих. В 6-м хозяйственном году (22 — 23 г.) 1 311 800 чел. рабочих и, наконец, в минувшем 7-м хоз. году (23 — 24 г.) 1 460 100 чел. рабочих.

Индустриальная рабочая армия, как видим, в ы р о с л а на 2%.

В первых хозяйственных боях мы понесли наиболее тяжелые потери и в течение года число рабочих, занятых в крупной госпромышленности, уменьшилось на 285 200 человек. Но в следующие годы число их растет и к концу минувшего хозяйственного года на 2% превышает исходную цифру.

Но эти цифры говорят далеко не обо всем. За годы новой экономической политики произошло к а ч е с т в е н н о е у л у ч ш е н и е промышленной армии: меньше стала связь с землей, имевшая

ненормальную форму во времена продовольственного кризиса, произошел также и качественный отбор в смысле ухода в деревню неквалифицированного и возвращения на фабрику квалифицированного рабочего. Наконец, нельзя обойти молчанием ту высоту трудовой дисциплины, которой мы достигли за эти 4 года, и тот рост политической зрелости рабочего, который мы имеем. Не надо забывать и ленинский призыв — этот величайший свидетель и плод политического вызревания глубочайших слоев рабочей армии.

Излишне распространяться о том, какое значение имеет *снабжение* этой армии. От того, как питается и как живет рабочий, зависит и производительность его труда, и его политические настроения, и его культурный уровень, и самая возможность для него пользоваться благами, завоеванными в революции.

Не уступили ли мы здесь чего-либо? Не сдали ли позиций под четырехлетним напором стихии?

Что говорят нам здесь цифры?

Средняя зарплата рабочего, по исчислению т. Струмилина, составляла в 1913 году 25 руб. в месяц. В 1-м квартале 1921 г. (I — III) она составляла в среднем **3 руб. 36 коп.**, из которых 23 коп. деньгами (все цифры приведены в бюджетных рублях) и 3 руб. 13 коп. натурой. За последний квартал минувшего 7-го хоз. года (июль — сентябрь) заработная плата по данным Ц. Б. С. Т., которая выдается теперь исключительно деньгами, составляла в среднем **17 руб. 70 коп.**, т.-е. 71% довоенного, против 13% в январе — марте 1921 г.

Таким образом, мы не только с честью провели нашу основную пролетарскую армию через 4 года нэпа, но и еще несколько (на 2%) увеличили ее количественно, значительно улучшили ее качественный состав, и в 5,27 раз улучшили ее снабжение.

Посмотрим теперь на состояние третьего нашего опорного пункта, *на транспорт*.

К 21-му году, за 2 с лишним года «работы», разрушено разными «социалистами» и просто белогвардейцами:

		К настоящ. времени
Паровозных депо	381 стойло.	восстановл. — 281.
Железно-дор. мастерских	4 000 кв. саж.	» 2 800 к. с.
Водоподъемных и водонапорных зданий	466 штук.	» 451 шт.
Пассажирских зданий и товарных устройств	10 000 кв. саж.	» 5 500 к. с.
Телеграфных линий	85 000 верст.	» полностью.
» аппаратов	4 300 штук.	» »
Телефонных »	10 800 »	» »
Рельсового пути	991 верста.	» почти все.
Железно-дорожн. мостов	4 497 штук, из коих восстановлено временно 1 982, капитальным образом 2 476, и не восстановлено 39 штук.	

За это же время,— новый экономической политики,— принято в эксплуатацию 2 859 верст вновь выстроенных путей, паровозный парк пополнился 1 573 новыми мощными паровозами, средний суточный пробег 1 рабочего паровоза в тов.-ваг. движении увеличился на 44%, средний суточный пробег одного товарного вагона увеличился на 81%, грузооборот вырос на 84%, а количество сделанных пудо-верст выросло на 152%.

Налицо чрезвычайно значительное улучшение состояния нашего транспорта.

В какую же сторону изменилось состояние сельского хозяйства за эти четыре года?

Начнем с некоторых цифр по землеустройству.

За первые три хозяйственных года землеустроительные работы почти не производились. И крестьянство еще не освоилось как следует с землей, да и не до того было. С 1920 года землеустроительные работы начинают развертываться все шире и шире.

Землеустроительные работы, произведенные в 1920—24 годах (в десятинах):

	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г. *
1. Отвод земли выселкам, поселкам и частям селений	39 188	270 284	1 513 312	1 950 429	3 669 978
2. Выдел земли коллективам	247 291	535 676	303 976	232 148	113 775
3. Выдел земли хуторам и отрубам	—	—	890 926	884 353	776 264
Итого	286 479	805 960	2 708 214	3 066 930	4 559 997

Таким образом, за эти годы (20—24) размежевано всего 11 427 600 десятин земли, в том числе за годы новой экономической политики — 11 141 101 десятина. Это, конечно, очень мало; у нас не хватает рук, не хватает землемеров,— но это уже очень большой шаг вперед по сравнению с тем, что было. Это имеет не только большое производственное значение, это имеет и колоссальное политическое значение в смысле крестьянской психологии, в смысле освоения крестьянином экспроприированной у помещиков земли.

* За 1924 г. данные предположительные.

Перейдем теперь к производственным моментам. Нашим национальным бедствием в производственном смысле и показателем нашей агрикультурной отсталости до революции было трехполье со всеми его аттрибутами.

За последние 2—3 года мы наблюдаем в деревне широкое и все усиливающееся общественное движение за переход к многопольному севообороту.

У меня нет под руками цифр всесоюзного значения, да их и вообще, повидимому, еще нет. Но вот посмотрите, какие факты и цифры приводит т. Свидерский («Правда» № 1 за 1925 год) в кратком годовом обзоре с.х-ва за минувший с.-х. год:

«В Калужской губернии в 1924 г. 456 селений перешло на многополье; в Волоколамском уезде, Московской губернии, на трехполье в 1924 году осталось всего лишь 83 селения; в Омской губернии с травопольем в 1923 году было 10 селений, теперь их 100; в Славгородском (уезд Екатеринославской губ.) было 4, теперь 95; в Смоленской губ., в Издешевской волости, крестьянская конференция постановила в кратчайший срок перейти на многополье; о такого рода постановлениях сообщают из Ярославской, Рыбинской и др. губерний. Агрономический и землеустроительный персонал не успевает удовлетворять требования крестьян по переходу на многопольные севообороты. Рост полевого травосеяния характеризуется тем, что в 1923 году под посевами трав было 686 000 десятин, а в 1924 году стало 1 020 000 десятин.

На ряду с введением травопольных севооборотов нарастает введение в обиход крестьянского хозяйства других рациональных технических приемов полеводства, а именно: зяблевой вспашки, ранних и занятых паров. Можно считать, что эти приемы получили уже признание крестьянства. Так, в Ярославской губ. было под ранним паром в 1921 г. 20 проц. озимого клина, а в 1922 г. уже 85 проц.; в Смоленской губ. в 1916 г.— 0,5 проц., в 1923 г.— 12 проц.; в Курской губ. под зяблевой вспашкой в 1921 г. было 7 проц. клина, в 1922 г.— 14 проц. клина; в Орловской губ. в 1921 г. было 7 проц. клина, в 1922 г. уже 70 проц.

Другие массовые мероприятия также быстро и глубоко воспринимаются крестьянством. Об этом говорят данные, характеризующие развитие зерноочистительного дела, мелиораций, прокатных пунктов, случных кампаний и т. д.».

Напоминаю, что Московский и Иваново-Вознесенский Советы с целью облегчения крестьянам перехода на многополье вынесли постановления о переходе всех селений губернии на многопольный севооборот в течение 5-ти лет.

Таким образом, в течение рассматриваемого периода происходит в сельском хозяйстве не только восстановительный процесс, но происходит и значительный агрикультурный сдвиг, целая революция в системе обработки земли.

Как известно, в минувшем с.-х. году нас постиг частичный, но весьма значительный, неурожай хлебов, который выражается в недороде по сравнению с 1922/23 г. в 406 милл. пуд. (по данным Стат. Бюро Госплана). Общий сбор хлебов в этом году приблизительно равен сбору хлебов 1920 г., определявшему состояние нашей страны к моменту перехода к новой экономической политике. И, однако, всякий видит, что даже такой значительный недород не в состоянии подорвать народного хозяйства СССР. О продовольственном кризисе, какой мы переживали в 1920/21 г., не может быть и речи.

Объясняется это общим подъемом сельского хозяйства. Необходимо отметить, что сбор основного нашего хлеба — озимой ржи, в 1924 г. все же, несмотря на недород на 49%, превысил сбор 1920 г. (1 128 милл. п. в 1924 г. против 759 милл. пуд. в 1920 г.) и достигает 75% довоенного сбора. Неурожай поразил, главным образом, яровые хлеба.

Посевная площадь за эти годы расширилась с 76 милл. дес. в 1921 г. до 87 милл. дес. в 1924 г., т.-е. на 15%. В 1921 г. она составляла 78% довоенного, в 1924 г. уже 89%. (По предварительным данным площадь озимых 1924/25 г. снова расширилась на 5% по сравнению с предыдущим годом.) При этом произошло значительное расширение площади технических культур: с 2,39 милл. дес. до 3,80 милл. дес. (увеличение на 59%). В 1921 г. площадь посева технических культур составляла 74% довоенного, а в 1924 г. на 18% п р е в ы с и л а д о в о е н н у ю п л о щ а д ь.

Яркую картину подъема сельского хозяйства мы имеем и в животноводстве. Количество лошадей с 1921 г. по 1924 г. возросло на 15%; крупного рогатого скота на 37%, мелкого рогатого скота на 64% и свиней на 119% (в 2,19 раза).

К сожалению, нет статистических данных о состоянии скотоводства в предвоенные годы. Приходится сравнивать с данными 1916 г. В %-х к этому году наше скотоводство поднялось: по количеству лошадей с 61% в 1921 г. до 70% в 1924 г., крупного рогатого скота с 66% до 90%, мелкого рогатого скота с 50% до 81% и свиней с 40% до 87%.

Наибольшее сокращение скота произошло в степных районах юго-востока. На Украине количество крупного рогатого скота по отношению к 16 году составляет 110,3%, овец 150,4%. Особенно велик подъем скотоводства в центрально-промышленном районе: всего крупного рогатого скота 128,3%, овец 146%, свиней 166,3%. Значительно развилось скотоводство в центрально-земледельческом, западном, северо-восточном и северо-западном районах.

Таким образом, мы видим, что благосостояние крестьянского хозяйства СССР за это время значительно возросло. По произ-

водящей полосе оно еще не достигло довоенного, по потребляющей же полосе оно превышает довоенный уровень.

Таково, в общих чертах, состояние основных отраслей народного хозяйства Союза.

Регулирование товарооборота.

На общем фоне этого восстановительного процесса развертывается и товарооборот — процесс обмена продукции города и деревни, экономической смычки пролетариата и крестьянства. Общие размеры товарооборота, увеличиваясь из года в год, достигли в минувшем 7-м хозяйственном году (за 1923—24 г.) 50% довоенного. В текущем 8-м хозяйственном году рост этот, в общем, продолжается.

Вместе с ростом товарооборота рос и торговый аппарат, при чем до 1923 г. включительно частный торговый аппарат рос быстрее государственного и кооперативного. Ноябрь 1923 г. был периодом максимального наступления на нас рыночной стихии, максимального захвата частным капиталом каналов обращения. Частный капитал сел на стыке дорог между городом и деревней, между производителем и потребителем, «накидывая» в свою пользу на всякий товар, откуда бы и куда бы он ни продвигался.

В 1924 г. мы повели наступление на частный торговый капитал, шаг за шагом выбивая его из занятых им позиций, как методами конкуренции, так и методами налогового давления. Октябрь 1924 г. был месяцем максимального вытеснения частного торговца. Но тут нам, во исполнение директив XIII партсъезда, пришлось временно остановиться. Дело в том, что развитие товарооборота минувшей осенью пошло так стремительно, что наш государственный и кооперативный торговый аппарат не успевал в своем росте за товарооборотом, что сказывалось задерживающим образом на темпе развития товарооборота. Построение государственного и кооперативного торгового аппарата дело настолько трудное и требующее настолько подготовленного и социально пригодного человеческого материала, а также и капиталов, что быстрота развертывания его определяется всеми этими объективными условиями, которые и ставят нам рамки. Чтобы не вызывать задержки дальнейшего роста товарооборота, которая неминуемо тормозила бы развитие всего народного хозяйства и, в первую очередь, задерживала бы темп развертывания нашей промышленности, нам пришлось временно поотпустить возжи, дав возможность частному капиталу доделывать (в первую очередь в деле реализации продукции промышленности) то, чего мы не успеваем своим государственным и кооперативным аппаратом.

Роль отдельных групп контрагентов в оборотах бирж. (В миллионах черв. рублей и в $^0/_0{}^0/_0$ к общему обороту.) [1]

Наименование групп контраг.	В оборотах М. Т. Б.				В оборотах 70 пров. бирж.		
	Ноябрь 1923 г.	Октябрь 1924 г.	Октябрь 1924 г. в $^0/_0{}^0/_0$ к окт. 1923 г.	Ноябрь 1924 г.	Октябрь 1923 г.	Сентябрь 1924 г.	Сентябрь 1924 г. в $^0/_0{}^0/_0$ к окт. 1923 г.
ПО ПРОДАЖЕ.							
В милл. червонных руб.							
Госорганы	78,5	224,0	285	166,3	57,8	160,5	278
Смешанные акц. о-ва	3,1	4,4	144	4,1	1,7	7,4	435
Кооперация	4,2	9,6	229	11,3	9,9	29,0	293
Частн. торговля	10,4	8,1	78	6,6	10,9	13,2	121
Общий оборот	96,2	246,1	256	188,3	80,3	210,1	262
В $^0/_0{}^0/_0$ к общему обороту.							
Госорганы	81,6	91,0	112	88,3	72,0	76,4	106
Смеш. акц. о-ва	3,2	1,8	56	2,2	2,1	3,5	167
Кооперация	4,4	3,9	89	6,0	12,3	13,8	112
Частн. торговля	10,8	3,3	31	3,5	13,6	6,3	46
Общий оборот	100,0	100,0	—	100,0	100,0	100,0	—
ПО ПОКУПКЕ.							
В милл. червонных руб.							
Госорганы	63,1	173,8	275	129,2	54,4	112,0	206
Смеш. акц. о-ва	3,1	4,4	144	4,9	1,2	7,3	608
Кооперация	6,0	55,1	922	42,9	10,8	75,4	698
Частн. торговля	24,1	12,8	53	11,3	13,9	15,4	111
Общий оборот	96,2	246,1	256	188,3	80,3	210,1	262
В $^0/_0{}^0/_0$ к общему обороту.							
Госорганы	65,6	70,6	108	68,6	67,8	53,3	79
Смеш. акц. о-ва	3,2	1,8	56	2,6	1,5	3,5	233
Кооперация	6,2	22,4	361	22,8	13,4	35,9	268
Частн. торговля	25,0	5,2	21	6,0	17,3	7,3	42
Общий оборот	100,0	100,0	—	100,0	100,0	100,0	—

[1] Цифры разработаны Бюро Конъюнктурного Совета Госплана по данным М. Т. Б. и Совета Съездов Бирж. Торг.

Приводимые ниже цифры иллюстрируют процессы, происходившие за это время в товарообороте, по трем основным моментам: 1) ноябрь (а для провинции октябрь) 23 г.— месяцы максимального наступления на нас частного торгового капитала; 2) октябрь (а для провинции сентябрь) 1924 г. — месяцы максимального нашего наступления на частный капитал и, наконец, 3) ноябрь — ослабление нашей политики вытеснения частного торговца и временное усиление его.

К сожалению, данные эти охватывают только оптовую торговлю. Разработанных данных по оптово-розничной и розничной еще нет.

Как видим, в оборотах Московской Товарной Биржи по продаже, которые возросли от ноября 1923 г. к октябрю 1924 г. на 256%, удельный вес госорганов увеличился с 81,6% всего оборота в ноябре 1923 г. до 91% всего оборота в октябре 1924 г. Кооперация увеличила свои сделки по продаже в 2,29 раза (с 4 191 т. ч. р. до 9 599 т. ч. р.), и все же отстала от общего темпа развития товарооборота на 11%; удельный вес ее в ноябрьских (1923 г.) сделках по продаже был — 4,4%, а в октябрьских 1924 г.— 3,9%.

Смешанные акц. общества в абсолютных числах увеличили свои сделки на 44%, но в удельном весе потеряли 44% (1,8% против 3,2% в ноябре). И, наконец, сделки по продаже частных торговцев даже в абсолютных числах сократились с 10 420 т. ч. р. до 8 123 т. ч. р. (на 22%), а удельный вес их упал больше, чем втрое, с 10,8% всех сделок до 3,3%.

В сделках по покупке на М.Т.Б. роль отдельных контрагентов изменилась еще резче. Удельный вес госорганов вырос на 8% (с 65,6% до 70,6%). Удельный вес кооперации в покупке возрос в 3,61 раза (с 6,2% до 22,4%). Абсолютно же закупки кооперации на М.Т.Б. возросли в 9,22 раза (с 5 977 т. ч. р. до 55 135 т. ч. р.).

В то же время удельный вес смешанных акционерных обществ в покупках упал на 44%, а частных торговцев — почти в 5 раз (с 25% до 5,2%).

Та же картина вытеснения частного торговца, только с некоторыми вариациями, имела место и в провинции.

В оборотах провинциальных бирж в сделках по продаже удельный вес госорганов увеличился на 6% (с 72% до 76,4%), кооперации на 12% (с 12,3% до 13,8%); смешанных акционерных обществ возрос с 2,1% до 3,5% всех сделок по продаже и, наконец, удельный вес частного торговца упал на 64% (с 13,6% до 6,3%).

По темпу роста сделок по продаже, первыми идут смешанные общества (435% к октябрю 1924 г.), за ними кооперация — 293% и госорганы 278%. Все это за счет вытеснения частного капитала.

В сделках по покупке в оборотах провинциальных бирж роль контрагентов такова: первой по темпу роста идет кооперация, увеличившая закупки в 6,98 раза и увеличившая свой удельный вес в 2,68 раза. За ней по темпу развертывания закупок идут смешанные акционерные общества, увеличившие закупки в 6,08 раза и повысившие свой удельный вес в 2,33 раза (с 1,5% до 3,5% всех закупок). Самым солидным контрагентом остаются госорганы, хотя и уменьшившие свой удельный вес с 67,8% до 53,3% (т.-е. на 21%), но все же, в абсолютных числах, увеличившие свой оборот в 2,06 раза. Рост этих трех групп происходит за счет резкого падения удельного веса частной торговли — на 58% (с 17,3% до 7,3%). Все же надо отметить, что даже за это время в абсолютных числах сделки частной торговли по покупке по провинц. биржам возросли на 11% (с 13,9% милл. ч. р. до 15,4 милл. ч. р.).

Такова картина вытеснения нами в минувшем хозяйственном году частного торговца.

Изменение нашей политики в сторону некоторого временного ослабления нажима на частный капитал уже успело сказаться в ноябрьских цифрах. Удельный вес частной торговли вырос с 3,3% до 3,5% в сделках по продаже и с 5,2% до 6% в сделках по покупке по М.Т.Б. (Обращает также на себя внимание рост удельного веса кооперации за счет госторговли.) Эту политику некоторого послабления по отношению к частному капиталу мы будем продолжать до тех пор, пока тем временем наша госторговля и кооперация не догонят в общем значительно возросший товарооборот.

В этом направлении и должны быть направлены сейчас наши организационные усилия, сводящиеся здесь к двум задачам: 1) к качественному улучшению государственного и кооперативного аппарата (увеличению его пропускной способности) и 2) к дальнейшему расширению сети торговых государственных и кооперативных органов.

Вернемся теперь к самому процессу товарооборота.

В первые годы новой экономической политики товарооборот шел стихийно. До августа 1922 г. цены на продукцию сельского хозяйства значительно превышали довоенные, а по продукции промышленности были много ниже довоенных. Социальный смысл этого процесса заключался в том, что «деревня» перекачивала в свое распоряжение из «города» ценности, созданные в предшествовавших производственных циклах и накопленные в городах. Истощенная и разоренная войнами деревня накапливала, таким образом, силы и средства для своего хозяйственного возрождения. Процесс восстановления сельского хозяйства, непрерывно развиваясь, привел в августе 1922 г. рассматриваемый нами процесс товарооборота в социальном смысле

к его собственной противоположности: август был точкой, в которой пересеклись в своем движении цены на продукты сельского хозяйства и промышленности на довоенном уровне. С этого времени тот же продолжающийся процесс восстановления народного хозяйства является источником уже совершенно обратного явления в области рыночных отношений: перекачивания ценностей из довольно твердо уже ставшей на ноги деревни в еще слабо развившуюся промышленность. Развиваясь далее, этот процесс вызвал крайнее обострение отношений деревни и города, приведя к максимальному раствору, ставших ныне знаменитыми, «ножниц» (на стыке сентября и октября 1923 г.). В своем максимальном растворе средние по СССР цены промышленных товаров превышали средние цены на с.-х. товары, по отношению к довоенным ценам, в 3,1 раза (по индексу Госплана 24 г. по новым групповым весам).

Это социально опасное, с точки зрения рабоче-крестьянского блока, явление было вызвано двумя основными, действовавшими в противоположном направлении, причинами: во-первых, быстрым ростом восстановительного процесса в сельском хозяйстве, приведшим к относительному перепроизводству с.-х. продукции (по отношению к сокращенной и еще не достигшей тогда довоенного уровня общественной потребности), что и выражалось в баснословном падении цен на предметы сельского хозяйства; во-вторых, менее быстрым ростом возрождения промышленности и, в особенности, ее монопольным положением, при котором она может диктовать цены, в значительной мере не считаясь с положением рынка, если у нее нет к тому доброй воли.

Такое положение дел в обмене продукции города и деревни и вызвало резкое вмешательство государства в эти стихийно-рыночно протекавшие процессы. С октября 1923 г. начинается сжимание «ножниц» в результате, на этот раз, трех основных причин: 1) сознательного снижения государством цен на продукцию обобществленной промышленности, 2) мероприятий по экспорту продукции сельского хозяйства и 3) по причине стихийного характера — в силу некоторого уменьшения урожая хлебов 1923 г. по сравнению с 1922 (на 87 милл. пуд.). (Данные Стат. Бюро Госплана.)

Под влиянием трех указанных причин процесс сжимания «ножниц» продолжался до марта 1924 г., когда отношение средних цен промышленных товаров к сельско-хозяйственным упало до 128%, при чем цены на промышленные товары упали до 113% тотального индекса, а с.-х. — до 88% тотального инд. *

* К 1-му апреля ножницы несколько раздвинулись, достигнув 133% раствора. (Лезвее пром. цен 116%, а с.-х. цен 87%.)

Такое отношение цен продукции на 76% уже восстановившегося сельского хозяйства и едва на 48% восстановившейся промышленности было вполне нормальным и удовлетворительным для умеренного перекачивания ценностей продукции сельского хозяйства в промышленность. И это соотношение цен промышленных и сельско-хозяйственных товаров нам удается поддерживать с небольшими колебаниями в ту или другую сторону вот уже десятый месяц. При чем достигаем мы этого вопреки стихийно действующим силам рынка, вопреки недороду хлебов и вопреки колеблющемуся спросу на продукцию промышленности, а в последние месяцы — вопреки товарному голоду на целый ряд промышленных изделий. И это является крупным достижением в нашей оперативной работе текущего регулирования, весьма симптоматичной победой над стихией рыночных отношений. Победа эта достигнута в отношении промышленных товаров прямым регулированием цен на изделия économ госпромышленности через посредство нашего промышленного и торгового государственного и кооперативного аппарата. В отношении сельско-хозяйственных товаров (хлебов) — путем маневрирования товарными хлебными фондами, во-первых (регулирование размеров экспорта, выбрасывание хлеба на рынок чрез государственные и кооперативные магазины с целью снижения цен, скупка хлебов в местах их обильного урожая и дешевых цен и переброска их в неурожайные районы и т. п.), — путем политики заготовительных цен, во-вторых, и путем сельхозналога, — в-третьих.

Если в регулировании процесса обращения в общем и целом мы имеем для начала весьма значительные успехи, то в отдельных отраслях народного хозяйства мы имеем и значительные отклонения, которые нам не удается еще пока устранить.

Так, нам не удается еще до сих пор снизить непомерно высокие накидки в рознице. Основная экономическая причина этого заключается в недостатке товаров. Накидка в рознице высока как раз на те товары, которых недостает. До тех пор, пока розница будет в значительной мере в руках частного торговца, — единственным способом борьбы, дающим необходимый экономический эффект, будет оставаться способ выбрасывания на рынок товаров, удовлетворение спроса в которых и будет снижать цены частных торговцев. Для осуществления этого испытанного и верного средства, однако, нужен товарный фонд в руках государства. Другими словами, необходимо расширение продукции фабрик в полном соответствии с ростом спроса. Именно здесь происходит стык интересов крестьянства и пролетариата: только в гармоническом развитии всех сторон народного хозяйства, в его подвижном равновесии восстановительного процесса и лежит залог успешного сотрудничества, действительной экономической смычки двух основных, решающих, классов Совет-

ского Союза. Вместе с тем, каждый шаг в сторону расширения производства есть шаг по пути увеличения производительности труда, по пути снижения себестоимости, по пути снижения цен а, стало-быть, и овладения рынком.

Таким образом, проблема снижения розничных накидок, дающих возможность накопления частному торговцу за счет труда рабочих и крестьян, упирается в проблему соответственного расширения производства товаров, недостаточно покрывающих рыночный спрос. Задача состоит в том, чтобы постоянно согласовывать, и не задним числом, а в порядке предвидения, темп развертывания промышленности с темпом роста товарооборота.

Огромную долю нашего внимания приковывает и должен приковывать крестьянский рынок. Общая конъюнктура крестьянского рынка продуктов сельского хозяйства складывается в этом году на фоне недорода хлебов и кормов, с одной стороны, и расширившейся продукции технических культур и скотоводства, с другой. В результате сочетания этих факторов, цены на продукты животноводства и технических культур, в первую очередь на лен, стоят низкие, невыгодные для крестьянина. Крестьянское предложение не находит надлежащего спроса, и крестьяне тысячами пудов увозят с базаров лен обратно в деревню. Наш Льноцентр заготовил на 1-е декабря всего лишь 491 811 пуд. льна против 9 283 000 пуд. годового плана. И это при урожае льнов в 12 милл. пудов.

Невозможность для крестьянина реализировать свою продукцию вызывает сокращение его платежеспособности и тем самым тормозит реализацию продукции промышленности, а по цепной связи отражается и на всем народном хозяйстве. Кредитование льнозаготовок и интенсивное их развитие должно стать первоочередной нашей задачей.

Еще хуже обстоит дело с реализацией продукции животноводства. Под влиянием недорода кормов, опасаясь за судьбу скота зимою, крестьянство реализует его в преувеличенных размерах, по ряду районов далеко превышающих убой ремонтного молодняка. Цены на мясо стоят несуразно низкие — в среднем по СССР около 12 к. за фунт.; по некоторым исключительным районам цены на мясо доходят до 5 — 3 коп. за фунт. У крестьян этих районов сложилась поговорка: «продаем коровью шкуру, а мясо даром».

Выходом из положения должна быть усиленная заготовка и консервирование мяса, угон скота в районы, где есть корм, и т. п. Потеря темпа в этом деле грозит растратой мясной продукции зимою и мясным голодом к весне. Задача трудная. Нужно большое напряжение, чтобы с ней справиться, но дело стоит того, чтобы над ним поработать.

Наконец, вполне своевременна постановка проблемы переброски кормов в пострадавшие от недорода районы. Наши транспортные средства настолько улучшились, что подобная задача, если и не полностью, то частично, не является неразрешимой.

В предыдущие годы у нас был недостаток предложения на рынке кожсырья. В этом году, в результате усиленного убоя скота, рынки переполнены предложением кож. «Наплыв сырья стихийно велик. Заготовители, даже частные, не охватывают рынка; сырье увозится с базаров обратно в деревню. Такое явление имеет место в Тамбове, Воронеже, Пензе, Саратове, Курске, Калуге и Орле». (Конъюнктурный обзор Госплана, «Экомическая Жизнь» за 23-е дек. 1924 г.)

О размерах предложения дают некоторое представление следующие цифры и факты: Кожсиндикат заготовил за октябрь месяц в одном Тамбове 20 тыс. штук сырья и за 20 дней ноября еще 30 тыс. шт., в то время как в прошлом году в октябре заготовок здесь не было. В довоенные же годы заготовки по этому району давали 10 — 12 тыс. шт., следовательно, были почти втрое меньше заготовок нынешнего года (там же).

Совершенно ясно, что, если мы не хотим, чтобы львиная доля кожсырья попала в частные руки (да еще по ценам ниже лимитных), нам надо срочно расширить кожзаготовки и привести наш заготовительный план в соответствие с действительным состоянием рынка.

Особое внимание должно быть обращено на реализацию хлебов. Товарные хлебные массы в этом году меньше прошлогодних, поэтому, в целях регулирования хлебного рынка, в особенности к весне, нам необходимо ускорить сосредоточение в руках государства маневренного хлебного фонда. Фонд этот необходим не только для регулирования хлебного рынка. Значительный процент наших озимых (по подсчету НКЗема до 25% озимого клина) находится сейчас в неудовлетворительном состоянии. Плохое состояние озимых совпадает с районами недорода этого года. Поэтому нам надо готовить семенной фонд на случай вполне возможного весеннего пересева озимых. Особое внимание следует обратить на создание семенного фонда засухоустойчивых культур для нашего засушливого юго-востока.

На хлебозаготовки должно быть обращено наше особое внимание еще также и потому, что это имеет сугубое политическое значение. Скупка хлебов частным торговым капиталом, и в особенности кулачеством, делает его политической силой, хозяином положения на хлебном рынке, и что еще того хуже — дает ему возможность стать в позу благодетеля по отношению к крестьянину-бедняку. Мы должны сосредоточить в своих руках достаточный хлебный фонд, чтобы весной быть хозяевами на хлебном рынке. Мы должны поставить себе задачей *направить ход*

хлебозаготовок в государственное и кооперативное русла. Это важнейшая, имеющая первостепенное политическое значение, задача дня.

Надо признать, что заготовки продукции сельского хозяйства по целому ряду отраслей, хотя и идут в сравнении с прошлогодними удовлетворительно, а по некоторым и превышают их, однако, с точки зрения конъюнктуры текущего года, должны быть значительно усилены (лен, кожи, мясо, свинина и др.). Неблагоприятная для крестьянина конъюнктура на эти культуры, создавая ненормально низкие цены на них, с одной стороны, делает дальнейшее производство для крестьянина нерентабельным и грозит сокращением их посевной площади, с другой — понижает покупательную способность деревни, что является крайне нежелательным с точки зрения всего народного хозяйства. Вот почему мы должны в ближайшее время эти недочеты исправить. Недостающие кредиты необходимо изыскать: они будут восстановлены с лихвой.

Проблема связи с мировым рынком.

Наше сельское хозяйство по целому ряду культур уже сейчас развилось до пределов, превышающих потребность и нашей современной промышленности, и города вообще. Дальнейшее его нормальное развитие требует экспорта этих культур на мировой рынок. У нас есть богатые возможности и благоприятная конъюнктура на мировом рынке к вывозу льна, подсолнуха, свинины, кукурузы и проч. продуктов. Вот как, например, обстоит дело со льном. Главными покупателями льна на европейском рынке являются сейчас Англия и Германия. Цены на лен в Лондоне в червонных рублях за пуд к декабрю были таковы: бежецкий лен 19,14 руб., ржевский 17,70 р., лен 3-й группы 20 р. В Берлине цены стояли от 15,50 р. за моченец 3-й группы до 18,42 р. за моченец 1-й группы или сланцы 4-й группы.

В это же время цены на лен на нашем внутреннем рынке колеблются от 5 р. 50 к. за моченец 2-й группы до 8 р. 10 к. за сланец 3-й группы, при чем за ноябрь цены упали от 4,2% до 7,7% по сравнению с октябрем и продолжали падать в декабре.

Особенно необходим экспорт кукурузы. У всех еще в памяти мероприятия по насаждению этой ценнейшей засушливоустойчивой культуры, особенно ценной теперь, когда мы переживаем полосу засушливых лет. Последние два года, за отсутствием должного сбыта на внутреннем рынке, посевы ее из года в год сокращаются (в нынешнем году снова на 10%). Между тем мы имеем вполне благоприятные экспортные возможности: цены на кукурузу в Англии около 1,50 черв. руб. за пуд, в Северной Америке от 1,49 до 1,60 черв. руб. за пуд, в Германии от 1,44 до 1,48 ч. р.

за пуд, в то время как у нас по главным районам посева кукурузы (Северный Кавказ, Украина) от 40 до 77 коп. за пуд.

Урожай кукурузы в нынешнем году исчисляется в 106 милл. пуд. При невозможности в нынешнем году экспорта ржи и пшеницы, возможность экспорта других хлебов для нас особенно важна. Наш совершенно недостаточный план заготовок (6 милл. пуд.) мы должны немедленно расширить до возможных пределов, используя в этом отношении каждую возможность. Капиталистический мир нуждается в продукции нашего сельского хозяйства. Цены для экспорта вполне подходящие. Дело за нами.

В монополии внешней торговли мы имеем такую командную высоту, занять которую, вообще говоря, доступно только пролетарскому государству.

Надо сказать, что в первые годы новой экономической политики мы пользовались этой высотой почти только, так сказать, пассивно, как крепостью, закрывающей дорогу к нам частному капиталу. Теперь мы уже пару лет пользуемся ею активно для наших сношений с внешним миром. И надо сказать, что эта командная высота открывает нам еще неиспользованные, вернее— еще чрезвычайно мало использованные возможности. В нашей практике текущего регулирования рынка нам приходится встречаться с таким положением, когда тот или иной продукт в данном сезоне не может быть произведен внутри СССР в необходимых размерах. Это задерживает товарооборот, срывает налаженные отношения цен, тяжело отражается на всем народном хозяйстве. Монополия внешней торговли дает нам исключительную возможность в таких случаях пополнить наш маневренный товарный фонд, необходимый для овладения рыночной стихией, товарами, закупаемыми нами за границей. Так было, например, с сахаром, так будем мы поступать и впредь в соответствующих случаях. Эта возможность — маневрировать не только товарами, произведенными внутри СССР, но через монополию внешней торговли и товарной продукцией капиталистических стран — дает нам неоспоримое преимущество над частным капиталом, дает нам полную возможность регулирования рынка, обеспечивает проведение нашей политики цен и, тем самым, обеспечивает твердую покупательную способность нашего червонного рубля, обеспечивает прочность нашей денежной реформы.

Заключение.

Как же должны мы оценить наши достижения в области подчинения себе мелкобуржуазной стихии и те перспективы, которые у нас впереди?

Мы все помним, с какими силами и с каким состоянием нашего хозяйства мы вступали в полосу новой экономической

политики. Состояние нашего народного хозяйства теперь весьма значительно улучшилось по сравнению с исходным. В 1920/21 г. наша промышленность была лишь на уровне 18% по сравнению с довоенной. Теперь восстановительный процесс зашел уже так далеко, что перед нами во весь рост, во всей ее грандиозности в недалеком будущем встанет проблема основного капитала, необходимого для ее дальнейшего развития.

По подсчетам наших статистиков, в текстильной промышленности уже через год мы подойдем к полному исчерпанию неиспользованного еще довоенного оборудования. Во всей остальной промышленности, в целом, эта проблема станет вопросом сегодняшнего дня, в среднем, через пару лет. Уже сейчас необходимо реально, по-деловому приступить к разработке этой важнейшей проблемы нашей экономики. Для Госплана разработка этой проблемы должна стать уже задачей сегодняшнего дня.

Мы ведем работы по электрификации, строим ряд мощных станций. Через год первая группа их будет уже пущена в ход. Становится уже задачей сегодняшнего дня: практически увязать дальнейшее развертывание нашей промышленности с первыми результатами наших электрификационных работ. Проблема реконструкции промышленности из стадии перспективных планов переходит в порядок сегодняшнего дня.

А ведь каждый шаг, каждое достижение в области промышленности, в области любой из наших командных высот есть шаг по пути все большего нашего преобладания над мелкобуржуазным производством и над рынком.

Распределение, то, что мы называем рыночной стихией, в первую очередь, является моментом, подчиненным производству. Каждый наш шаг по пути развертывания и улучшения производства, каждый наш шаг по пути электрификации есть шаг постепенного подъема на такие высоты, которые обусловливают собою наше господство и над процессами распределения, и над процессами производства.

Успешное завершение денежной реформы не только дало нам вполне доброкачественный денежный знак, с успехом выполняющий функции денег, но и дало возможность построения вполне реального, а затем и бездефицитного бюджета.

Упорядочив наши финансы, денежная реформа, вместе с системой банков, дала в руки пролетарского государства орудие, являющееся последним словом социально-экономической техники монополистического капитализма — централизованный кредит.

Эта новая командная высота, созданная нами почти из ничего, ставит нас в совершенно исклю-

чительное положение по отношению к частному рынку, мелко-буржуазному и даже средне-буржуазному миру вообще.

Открытие или закрытие кредитов, централизованных в руках государства, переброска капиталов из одной отрасли хозяйства в другую является такой силой, которая способна противостоять и противостоит даже слепым стихийным силам природы, поскольку они отражаются в экономике.

Централизованный в руках пролетарского государства кредит является решающим фактором регулирования хозяйства, фактором, вносящим решающие коррективы, способным и вызывать и предотвращать кризисы.

Капиталистический мир раздирается безысходными противоречиями между прочим и потому, что ему не дано до конца централизовать кредит, объединив его в одно целое, возглавляющее все мировое хозяйство, именно потому, что он не может выпрыгнуть из своей собственной оболочки, отказаться от самого себя, вынуть у себя свою «живую душу» — конкуренцию.

Народное хозяйство СССР уже по тому одному является высшей хозяйственной формой по сравнению с капитализмом, что оно имеет систему кредита, централизованную в руках государства. Эта высшая организационная форма, являющаяся выходом из противоречий современного капитализма и доступная, опять-таки, лишь пролетариату после социалистического переворота, — дает нам все возможности дальнейшего экономического развития.

Эта командная высота, построенная нами, чрезвычайно усиливает и остальные наши командные высоты, увеличивает возможности их планомерного развития.

Вместе с централизованной системой кредита мы получили в свои руки величайший фактор, — построенное по последнему слову капиталистической техники орудие регулирования.

Думаю, что мы имеем все основания быть оптимистами.

При условии внимательного отношения к нуждам нашего союзника — крестьянства, неуклонно согласуя развертывание нашей промышленности с потребностями и темпом роста нашего сельского хозяйства, опираясь в своей работе регулирования на наши командные высоты и ни на минуту не забывая, что в наших условиях регулировать рыночную стихию это значит — направлять процессы рыночного распределения и мелкобуржуазного производства в такие рамки, в такие формы, при которых судьбы рабоче-крестьянского блока были бы максимально обеспечены, —

*

мы имеем полную возможность развертывать наше хозяйство, неуклонно ведя его в сторону обобществления и не опасаясь за судьбы его даже в том случае, если помощь от западно-европейского пролетариата задержится на годы.

Конечно, если мы распустим вожжи и спустя рукава будем следовать принципу laissez faire, laissez passer, * то у нас начнется восстановительный процесс капиталистического хозяйства.

Но этого не может произойти и не произойдет, пока пролетариат, опираясь на свой союз с крестьянством, будет оставаться у власти и свою волю к обобществлению хозяйства, к построению социалистического общества будет претворять в дело регулирования социально-экономических отношений всей страны.

«Плановое Хозяйство» № 1. Январь 1925 г.

---

* Вольный перевод: будь, что будет.

ПЕРЕД ПЕРЕВЫБОРАМИ СОВЕТОВ.*

Что сделано Моссоветом.

Товарищи, по болезни, я вынужден быть кратким, а сегодня случай как раз такой, когда я хотел бы быть подлиннее, ибо я думаю, что было бы чрезвычайно полезным делом всем нам, членам Московского Совета, после годовой работы внимательно проанализировать ее результаты и сделать выводы, которые мы можем передать, как уроки нашей работы, новым депутатам рабочих и крестьян Москвы и губернии. Я думаю, что в общем и целом мы можем оглянуться на проделанную нами работу с некоторым чувством удовлетворения. Это отнюдь не значит, что мы, работники Совета, можем сказать, что те задачи, которые перед нами стояли, полностью нами выполнены, и это по двум причинам: во-первых, потому, что нас, вообще, трудно удовлетворить; задачи, которые стояли, стоят и будут еще стоять перед Московским Советом, в смысле удовлетворения материальных и культурных нужд рабочих и крестьян, так велики, наши цели поставлены так широко, что, конечно, годы и годы нужно будет еще работать над тем, чтобы мы могли бы сказать: «Да, рабочие и крестьяне теперь доведены до такого уровня, который нас удовлетворяет». Во-вторых, потому, тт., что и в этом году работа наша натыкалась на целый ряд стихийных затруднений и препятствий, потому что и до сих пор и в этом году Московский Совет, как и все советы в нашей стране, был окружен враждебной международной обстановкой. Правда, в этом году мы заставили целый ряд крупнейших капиталистических держав признать нашу власть, признать нашу форму государственного управления, признать, что Советская власть есть подлинное и действительное выражение самих широких трудящихся масс. Но рядом с этим признанием шла враждебная политика капиталистических держав, которые всячески пытались затруднить нам наше основное дело, дело хозяйственного строительства.

---

* Речь на пленуме Моск. Сов. Р., К. и К. Д. 10 марта 1925 г.

Благодаря этим двум причинам, огромности цели, которая перед нами стоит, и трудности условий, среди которых приходится советской стране вести свою политику, как я уже сказал, мы не можем сказать, что мы вполне удовлетворены нашей работой. Достаточно того, что мы сделали, что́ можно было сделать. Я думаю, что сознание громадного шага вперед, сделанного Московским Советом, чувствуется всяким трудящимся и Москвы и губернии, ибо достаточно пройтись по рабочим окраинам Москвы, достаточно зайти в наши учреждения в городе и деревне, чтобы сказать: да, очень еще много недостатков, да, плоховато еще в значительной степени, но нет уже сравнения с тем, что было еще два-три года тому назад. За этот год вся наша страна двинулась громадным шагом вперед, несмотря на посетивший нас в этом году частичный неурожай. Мы можем сказать, что при том движении страны вперед во всех отношениях, и в политическом, и в хозяйственном, и в культурном, Москва шла впереди всех. Говорю это не потому, что стою перед пленумом Московского Совета, и считаю это не заслугой Москвы, а выполнением ее обязанностей. Мы—столица, и в наших стенах сосредоточены массы индустриального пролетариата, мы — город с громадными революционными традициями, и мы обязаны в деле хозяйственного строительства и в деле политического укрепления Советской власти не отставать, а итти впереди всей страны.

Некоторые цифры, очень краткие, которые я сейчас приведу, покажут вам характер нашего развития и быстроту, с которой мы движемся вперед. Цифры эти, вероятно, известны большинству из вас: в этом году отчетная кампания была поставлена достаточно широко, мы позаботились о том, чтобы отчетные данные попали в руки избирателей наших пораньше, и я надеюсь, что цифры, которые я приведу, не будут для вас новостью, но я хотел бы, чтобы эти цифры узнали не только сидящие в зале, так как рабочие и крестьяне привыкли смотреть на Москву, как на город, который указывает путь.

Прежде всего, какими финансовыми средствами обладал Московский Совет? Что мы с вами расходовали? В 1922—23 году все наши расходы исчислялись в 73 милл. руб. В настоящем году мы наши расходы подсчитали в 137 милл. руб., и эта цифра, вероятно, будет превзойдена. Таким образом, за два года мы вдвое увеличили те суммы, которые расходует Московский Совет на нужды, подсказываемые требованиями рабочих и крестьян. Анализ наших расходов покажет, что, действительно, главная сумма расходов обращается на непосредственное обслуживание широких масс населения. Если вы спросите себя, а это должен спросить себя всякий житель Москвы и Московской губ., сознательно относящийся к общественной жизни, чувствующий себя сознательным участником государственного строительства, каждый

должен дать себе отчет, каждый должен знать, откуда собирает деньги Московский Совет и на что он их расходует, — так вот, если вы спросите себя, на что были израсходованы собранные деньги, то, взглянув на цифры, вы увидите, что из тех 137 милл. руб., которыми мы располагали в этом году, $57^1/_2$ милл. руб. поглощаются непосредственно нашим городским хозяйством, т.-е. $57^1/_2$ милл. руб. идут на освещение, на средства передвижения, на канализацию, на снабжение водой наших городов и, в первую очередь, конечно, города Москвы. Нет никакого сомнения, что эта сумма сама по себе еще недостаточна, что и в области снабжения светом, и в области снабжения водой, и в области приведения города в необходимый санитарный вид, в области обслуживания гигиенических потребностей населения—мы должны были бы затрачивать не эту сумму, а сумму в несколько раз больше. Но и здесь мы можем сказать, что мы уже достигли весьма значительных результатов, и что мы можем теперь перед рабочим населением окраин держать голову высоко и показать на деле, что в области городского хозяйства все внимание Московского Совета было сосредоточено на том, чтобы все эти блага: чистая вода, чистые мостовые, хорошие средства передвижения, приведение города в санитарный вид, — все это мы приблизили к рабочим окраинам. Таким образом, если эту сумму $57^1/_2$ милл. руб. вычесть, то в наших руках остается $79^1/_2$ милл. Из этих $79^1/_2$ милл. $17^1/_2$ милл. идут на расходы по уездам и, таким образом, мы имеем на все общегородские и общегубернские нужды 62 милл. руб. Пусть же каждый рабочий, каждый трудящийся, просто каждый житель гор. Москвы развернет перед собой таблицу наших расходов и спросит, как и на что Московский Совет тратил, главным образом, эти 62 милл. руб., которые оставались в его распоряжении, после удовлетворения минимальнейших, абсолютно необходимых нужд по городскому хозяйству и по хозяйству уездному. Если вы поставите этот вопрос, то вы увидите, что самой крупной цифрой является наш расход на дело народного образования. Мы расходовали на народное образование в нынешнем году из общей суммы 62 милл. руб. $17^1/_2$ милл. руб.

Второй отдел, о котором заботился Московский Совет, это — здоровье населения. Мы расходовали на него до 14 милл. руб. Таким образом, вы видите, что большая половина суммы, которая расходуется нами, за исключением расходов по городскому хозяйству и по хозяйству уездному, расходуется нами на два главных отдела: народное образование и охрана здоровья нашего населения. Если вы к этому прибавите сумму 5 милл. руб., которая по бюджету идет на новое жилищное строительство, если вы прибавите еще 5 милл., которые расходуются нашим земельным отделом, то вы увидите, что вопрос народного образования, вопрос охраны здоровья, вопрос создания здоровых жилищных условий

и вопрос помощи крестьянству — вот те основные нужды, на которые мы расходуем наши средства. Мне думается, что мы здесь идем по правильному пути, расходуя таким образом те деньги, которые нам доверяет население, расходуя их правильно и добросовестно.

Если спросить, правильно ли мы распределяем деньги, собираемые с города и деревни, правильно ли мы распределяем их между городом и деревней (такой вопрос является совершенно законным), то мы получим такие цифры: из общей суммы собираемых нами 137 милл. руб. — 117 милл. собирается нами в городе и 14 милл. в деревне, расходуем же мы на город 106 милл. и на деревню — 23 милл. руб., иначе говоря, мы отдаем деревне из нашей кассы почти в 2 раза больше, чем мы получаем с деревни. В дальнейшем, когда мне придется остановиться на вопросе политическом, стоящем перед нами в связи с перевыборами, вы увидите, что эти цифры имеют немаловажное значение.

Если обратиться теперь от наших финансовых средств к нашей промышленности, то я позволю себе здесь привести только кардинальные цифры, а именно: продукция московской промышленности увеличилась в этом году на 31%, т.-е. московская промышленность произвела на $^1/_3$ больше, чем производила в прошлом году. Это почти та норма увеличения продукции промышленности, которая наблюдается по всему Союзу, с некоторым, правда, повышением в сторону Москвы. В настоящее время прошло уже 5 месяцев нового хозяйственного 1924/25 года, и мы можем убедиться, что за это новое полугодие процесс увеличения продукции промышленности не только не приостановился, но увеличивается и превосходит предположенную нами программу. Количество рабочих на наших предприятиях равным образом увеличилось за этот год почти на 20 000. Сообразно со всем этим увеличился и торговый оборот гор. Москвы. Если в прошлом году весь торговый оборот г. Москвы исчислялся в 750 000 руб., то за этот год эта цифра увеличилась на целый миллиард; за истекший год оборот по Москве исчисляется уже в 1 миллиард 750 тысяч.

Если обратиться теперь к сельскому хозяйству, — я возьму только два признака: увеличения и улучшения положений сельского хозяйства в Московской губернии, — то мы увидим, что за 10 лет, т.-е. если сравнить 1924 г. с годом начала войны — 1914 г., то посевная площадь Московской губ. увеличилась на 115 000 дес., т.-е. увеличилась больше чем на $^1/_4$, и таким образом, вместо 451 000 десятин, которые обрабатывались в Московской губ. до войны, в нынешнем году было обработано 566 тыс. десятин. Но, что для нас еще имеет не менее важное значение, это значительный рост доходности сельского хозяйства в Московской губернии. Доходность эта очень трудно поддается учету. Цифра

может варьировать, но в общем и среднем можно сказать так, что если доходность всего сельского хозяйства за прошлый год исчислялась в 77 миллионов, то в этом году мы имели увеличение этой доходности на 30 миллионов, т. е. она дошла до 107 миллионов. руб. Это увеличение доходности сельского хозяйства представляет главнейшее явление в нашей хозяйственной жизни. Оно опирается не только па увеличение посевной площади, но и на увеличение животноводства и скотоводства в Московской губернии, на улучшенную обработку земли, на развитие промыслов и т. д.

Всего этого, тт., далеко недостаточно: и улучшенная обработка земли отстает, и развитие кустарных промыслов еще не достигло необходимого уровня, и нахождение побочных заработков для крестьян все еще чрезвычайно затруднительно, и интенсификация сельского хозяйства, повышение его технического уровня, постановка его на научные агрономические основы—все это еще дело будущего, к которому мы должны только стремиться. Но, несомненно, достижения, и достижения немаловажные, у нас и здесь имеются. Если вы посмотрите рядом с этими цифрами о развитии сельского хозяйства на работу нашей с.-х. кооперации, которая призвана помогать крестьянину в первую очередь, которая должна явиться в ближайшую эпоху основным каналом, по которому государство будет помогать крестьянину переходить к лучшим формам земельного хозяйства, то здесь вы увидите за несколько месяцев весьма радующий нас прогресс. Подсчитано, что, в общем и среднем, средний сел.-хоз. кооператив имел за крестьянами в прошлом году остаток ссуд в 700 руб., а через полгода остаток выражается в 7 000 руб. Этого мало. Для того, чтобы крестьянство Московской губернии подняло свое хозяйство, чтобы мы превратились действительно в образцовую агрикультурную губернию, которая бы обслуживала рабочие районы, чтобы из Московской губернии были окончательно изгнаны стародедовские приемы хозяйничания на земле, которые совестно, стыдно терпеть под стенами такого пролетарского центра, как Москва, для того, чтобы этого достигнуть, крестьянство должно было бы иметь кредита у нас не 7 000 руб. на кооператив, а в десятки раз больше. Но и здесь, отдавая себе отчет в этих громадных задачах, которые еще перед нами стоят, мы можем сказать, что целый ряд улучшений нами уже достигнут.

Если мы обратимся к городской кооперации, к главнейшему органу, который должен освободить городское население от засилья частного купца, от переплаты на товар, если мы обратимся к этой кооперативной организации, которая является прямым путем к введению действительно социалистических элементов и в наш быт и в наше хозяйство, то и здесь мы можем констатировать несомненные успехи, которые выражаются в том, что

оборот потребительской кооперации, который исчислялся еще в начале прошлого 24-го года в 9 миллионов рублей в месяц, достиг к концу года 21 милл. рублей в месяц же. Мы можем теперь ясно видеть, как обслуживание кооперативом рабочей семьи и рабочего все глубже и глубже проникает в толщу рабочей массы, как все большая и большая доля рабочего бюджета идет не по каналам частного капитала, а по каналам кооперативной, рабоче-крестьянской организации. Я недаром сказал, что этот процесс есть не только такой процесс, который закладывает подлинные основы социалистического хозяйства, но который вносит социалистические элементы в самую консервативную сторону нашего существования — в наш домашний, семейный быт, в наше домашнее, семейное хозяйство.

Если, наконец, обратиться к делу народного образования, то цифры наших отчетов свидетельствуют о том, что количество учащихся в наших начальных школах, сравнительно с довоенным уровнем, повысилось на 31%. Отчетность говорит о том, что в городе созданы такие условия, когда все дети школьного возраста могут учиться. В деревне этого еще пока нет, но и там количество учащихся увеличилось. Позвольте по этому поводу сказать: я допускаю, что действительные улучшения в смысле возможности предоставления учения ребятам школьного возраста и в городе и в деревне нами созданы, но вместе с тем нельзя скрыть, во-первых, что эти условия далеко еще не идеальны, что школа сама по себе далеко еще не находится на таком уровне, когда мы могли бы сказать: вот действительно школа, которая нужна нашим ребятам. Она перегружена, она недостаточно снабжена необходимыми пособиями, а кроме того, надо сказать прямо: ребят, может-быть, мы учим гораздо больше, чем учили раньше, но все же еще учим плохо. Так что и в этой плоскости, несмотря на создание первых элементов улучшения положения, перед нами еще громадная задача впереди.

Если, наконец, обратиться к последней цифре, которую я хотел привести, к вопросу заработной платы, то и здесь мы можем констатировать несомненное улучшение. Эти цифры говорят о том, что реальная заработная плата достигла 104% довоенного уровня. Это достигнуто, конечно, не во всех профессиональных союзах; это цифра средняя, но, во всяком случае, она свидетельствует о том, что достижения в области улучшения материального положения рабочих у нас значительны.

Товарищи, эти цифры я привел вам для того, чтобы охарактеризовать общий размер наших работ, но нам недостаточно знать, что у нас усилилась посевная площадь, что у нас удлинилась сеть трамваев, сеть водопровода, сеть канализации, что у нас лучше стали мостовые, что города наши стали чище, что школ у нас стало больше, что больницы наши приведены

в лучший порядок, — этого всего еще нам мало. Не только общее улучшение всех этих отраслей нам необходимо иметь в виду, но необходимо иметь в виду и классовое содержание этой работы. Об улучшении водопровода, об очистке мостовых, об улучшении положения с жилищами заботятся и буржуазные городские самоуправления... И многие городские самоуправления, где господствует буржуазия, например в западных странах, знают, что если богатые буржуазные кварталы не хотят страдать от всевозможных эпидемий, то для этого необходимо заботиться не только о богатых кварталах, населенных буржуа, но и о тех кварталах, которые населяют бедняки. Об этом прекрасно знают буржуазные самоуправления и в некоторых городах они очень серьезно по этой линии ведут работу. Это не хитрая мысль, они просто из своего богатства научились уделять крохи на нужды бедных окраин для собственной же их безопасности. Для нас важно взглянуть на эти цифры с классовой точки зрения. Для нас важно выяснить в первую очередь, чем руководствовался Московский Совет, расширяя свои трамвайные дороги, расширяя водопровод и канализацию, улучшая положение школ, улучшая положение больниц, улучшая положение санитарного дела и т. д. В ответ на все это мы вам напомним, что единственным критерием во всей этой работе являлось стремление помочь пролетарскому элементу, стремление обслужить рабочий и крестьянский класс, и направление всех наших скудных средств, вследствие этого желания, производилось на обслуживание пролетарской и крестьянской массы.

Если вы посмотрите на нашу доходную смету, т.-е. как мы собирали деньги, и на нашу расходную смету, т.-е. на то, куда мы их расходовали, то вы увидите, что нами в первую очередь руководил классовый принцип. Мы стремились больше взять с того, кто больше имеет, а расходовали на рабочего и крестьянина. Это проходит красной нитью по всей нашей работе.

Я хочу напомнить вам положение, которое было у нас несколько лет тому назад: на фоне общей разрухи страны мы стремились создать показательные учреждения. Во всех отраслях у нас были эти показательные учреждения, но они были окружены бедностью, окружены нищетой, окружены людьми, желающими, но не умеющими поставить дело, организовать его, потому что в то время не было средств и не было опыта, и потому из этих учреждений редкие выживали; но мы тогда гордились этими учреждениями, потому что они были показательными и мы на опыте их хотели показать, куда мы идем и в области народного образования, и в области здравоохранения, и в др. областях. Сейчас мы можем уже поставить более высокие и более широкие задачи, и не на один год, а на много лет. Я думаю, что нам сейчас нужны не отдельные показательные учреждения. В Москве

и Московской губернии нам нужно, чтобы все наши учреждения стали показательными; мы это можем сделать, мы это должны сделать; мы должны работать над тем, чтобы все школы в Москве были показательными, чтобы все наши больницы, все наши амбулатории, все наши дома и учреждения по охране материнства и младенчества были показательными, чтобы все дело водоснабжения, канализации, электричества было бы поставлено так, чтобы оно являлось показательным. И мы можем этого достигнуть, если будем работать над этим реально. Если бы мы поставили перед собой 2 — 3 года тому назад эту задачу, нас можно было бы назвать фантазерами, но теперь мы смело можем сказать, что пройдет два-три года, и у нас все учреждения, обслуживающие широкие массы, будут показательными. На наших учреждениях, на нашем опыте уже и теперь учатся другие города. Мы — столица. И наши друзья-пролетарии, которые приезжают сюда, и те представители буржуазии, которые тоже приезжают сюда, судят по Москве, что мы сделали. Но мы должны из Москвы и Московской губернии создать показательную губернию и в другом отношении, в отношении работы советского аппарата. Московский Совет был первый, который ввел работу секций для привлечения к советской работе беспартийных масс. Нам надо теперь создать образцовый низовой аппарат, воспитать образцового советского чиновника. В Москве, может-быть, меньше, чем в других городах, чувствуется острота недостатков этого аппарата, но вы знаете, как он мало годен и как он мало приспособлен к обслуживанию крестьянства. Этот аппарат, вместо того, чтобы привлекать беспартийные массы к совместной работе с нами, часто отталкивает эти массы от советской работы. Вместо настоящей работы получается со стороны аппарата объективно контр-революционная работа, не привлекающая, а отталкивающая массы.

Стремясь к упорядочению работы и привлечению беспартийных масс, мы должны создать низовой советский аппарат такой, который бы показал, что Москва и Московская губерния являются рассадником честного низового советского администратора. Мы можем это сделать, потому что у нас довольно развитая сеть дорог, мы можем часто собирать самых низовых наших администраторов вплоть до председателей сельсоветов (мы это практиковали), мы можем их инструктировать, всегда держать их под контролем, производить постоянный отбор лучших, пополнять этот кадр с низов и, таким образом, действительно создать в Москве такой доброкачественный человеческий материал из рабочих и крестьян для низового советского аппарата. Это первое.

И второе — это добиться того, чтобы в Москве дело управления было поставлено тоже образцово. Если не здесь у нас, где есть громадный резервуар пролетариата, прошедшего длин-

ную пролетарскую выучку, где крестьянство, расположенное вокруг нас, все-таки культурнее, чем во многих областях советской страны, если не здесь, то где же должны мы показать образец подлинной советской работы? А подлинная советская работа это та, в которой участвуют сами широкие массы. Вы знаете, что в этом деле мы имеем уже некоторый опыт, что и сейчас мы можем считать тысячами рабочих и работниц, в гораздо меньшей степени, к сожалению, крестьян и крестьянок, которые активно и ответственно несут работу по советскому строительству, которые принимают непосредственное участие в обсуждении тех или других вопросов, которые проверяют работу государственного аппарата, которые наблюдают за ней, которые имеют власть улучшать этот самый аппарат. Это надо продолжать, это надо всячески расширять, так, чтобы через некоторое время мы могли сказать, что в Москве нет такого рабочего, в Московской губернии нет такого трудящегося крестьянина, который не чувствовал бы себя реальной частичкой власти, который не был бы знаком со всем механизмом нашего управления, который бы не осуществлял своих прав в той или другой области советской работы.

Только тогда, только таким путем можем мы итти к задаче, которую поставил перед нами Владимир Ильич, которую он сформулировал во фразе, которая сейчас, в дни, когда мы отмечаем годовщину женского коммунистического дня, повторяется неоднократно, но для осуществления которой сделано пока еще очень мало. Ильич не фразу говорил, он высказал глубочайшее представление о характере нашего государства и о пути, по которому мы должны итти, когда говорил, что каждый чернорабочий, каждая кухарка должна научиться управлять государством. В эпоху войны, затем в эпоху первых опытов нэпа, когда мы только-только поднимались, не всегда можно было эту задачу решать непосредственно. На почве материального улучшения, на почве культурного, хозяйственного и политического подъема мы эту задачу вовлечения самих широких масс должны будем осуществить гораздо шире и гораздо более безбоязненно итти на некоторую ломку старых, привычных нам, оставшихся от прошлой эпохи форм. Все это окупится сторицей, если мы завоюем доверие новых и новых масс и беспартийных рабочих и, в первую очередь, широких масс крестьянства.

С буржуазией надо бороться, с крестьянством — итти вместе.

Я подхожу, товарищи, к вопросу, поставленному перед нами кампанией перевыборов в советы, к вопросу, который, несомненно, приобретает уже явно политиче-

ский характер. Я, насколько мог, внимательно присматривался к ходу этой перевыборной кампании, ибо сейчас, пожалуй, нет более важной политической проблемы, более серьезной политической задачи, как изучение настроения крестьянства, как глубокое проникновение в то, что делается в этих громадных крестьянских массах, общее настроение которых, движение которых, в конце-концов, всегда решает основные хозяйственные и политические проблемы. Мне кажется, следует разделить высказанные на всех перевыборных собраниях заявления на два рода. Прислушиваясь к тому, что говорится в крестьянстве, как понимается кампания по перевыборам, по привлечению крестьянства, легко различить две разные линии. Одну я бы назвал лже-крестьянскими заявлениями. Когда на тех или других крестьянских собраниях раздаются речи, а иногда и проводятся резолюции о том, что рабочие мало работают, а живут лучше крестьян и что поэтому нужно ввести 10-часовой рабочий день,— это лже-крестьянское заявление. Когда, исходя из того, что у вас-де, у пролетариев, есть свои газеты, а у нас их нет, и поэтому необходимо дать свободу печати, — это есть лже-крестьянские требования. Когда поднимаются разговоры о необходимости противопоставить профсоюзам рабочих крестьянские союзы, — это есть лже-крестьянское требование. И это не трудно доказать. Не трудно дать понять крестьянам на основании всего опыта нашей революции, что здесь пользуются известными крестьянскими настроениями элементы, явно враждебные и рабочему классу и крестьянству. Но с этими лже-крестьянскими требованиями, с которыми борьба должна носить совершенно определенный и решительный характер, нельзя смешивать те реальные указания, которые идут из крестьянской среды, и к которым мы должны обязательно прислушаться, и к которым мы всегда прислушивались, и которым мы теперь можем итти навстречу больше и дальше, чем могли до сих пор. Когда в крестьянской среде говорят о тяжести налога, о неправильностях его взимания, о недостаточной приспособленности с.-х. налога к действительному крестьянскому положению, — тут много правды, правды, настолько ясной не только крестьянам, но и нам, что вот как раз сейчас эти голоса, идущие от крестьянства, совпали с совершенно ясными правительственными решениями.

Мы решили на ближайший год снизить сельско-хозяйственный налог по всему союзу на 40%. Вместо 460 — 470 милл. рублей, как исчислен с.-х. налог в прошлом году, мы исчисляем его поступление в этом году только в триста миллионов рублей. Таким образом, от 150 до 170 милл. рублей на этот раз останутся в карманах крестьян. Но мы пошли дальше этого. Мы могли убедиться в ходе взимания налога, что то, на что часто указывали крестьяне, например, неправильный пересчет скота в пашню,

действительно представлял отрицательный элемент, который надо изменить — и он будет изменен. По старому закону, голова скота приравнивалась к трем четвертям десятины, а в этом году будет приравниваться лишь к полудесятине. Мы не можем отказаться от обложения скота по той причине, что скот является одним из показателей богатства тех или других групп крестьян, и совсем отказаться от учета скота было бы несправедливостью. Наконец, в этом новом с.-х. налоге, который должен дать 300 милл. рублей, мы сразу постановляем, что 100 милл. рублей останутся в волостях, как средства волостных бюджетов и как средства, которые будут израсходованы тут же на месте, в той же самой волости на такие нужды, которые ближе всего касаются крестьян, и по их же указаниям. Вы видите уже из этого, мы не только провозглашаем лозунг: «лицом к деревне». Мы не только говорим об этом, но мы начинаем уже практически осуществлять это и, конечно, по этому вопросу мы очень легко сговоримся с крестьянами. Мы никогда не сговоримся с агитаторами, которые проводят политику разделения рабочих и крестьян, с теми, которые проповедуют, например, 10-часовой рабочий день и т. д.—с ними никаких соглашений, а с теми, кто говорит, что налоги надо улучшить, сделать их более справедливыми — с этими мы очень скоро сговоримся.

Если из той же крестьянской среды, на тех же крестьянских собраниях идет разговор о росте избыточного населения в деревне, если мы начинаем ощущать, как деревня начинает переполняться рабочими силами, которые не находят себе приложения на земле и которых не может поглотить наша промышленность — эту болезнь, нарастающую болезнь, которая ощущается остро и в деревне и в городе приливом безработных, — то мы должны себе дать отчет, что здесь говорит стихийная крестьянская правда. Наше дело объяснить крестьянину, почему мы не можем с сегодняшнего дня или завтра открыть все запертые ворота заводов и пустить их в ход, но, вместе с тем, наше дело понять, что здесь крестьянин указывает на действительную болезнь в нашем организме, болезнь, которую нельзя запускать, и что поэтому пересмотр законов о кустарях, о промыслах, об ученичестве, об облегчении использования рабочей силы из подрастающего поколения — должен стать очередной задачей. На этом мы с крестьянином сговоримся и вместе с ним будем вырабатывать лучшие законы, вместе будем проверять и исправлять их. То же самое, когда крестьянин указывает на то, что часто мы ошибаемся в определении классовых расслоений в деревне, что понятием кулака и понятием бедняка часто злоупотребляют, что благодаря отсутствию точности в определении этих понятий вносится разладица в жизнь села, когда крестьяне говорят: «Мы не понимаем советской политики, которая из года в год дает льготы тому

или иному бедняцкому хозяйству, а это бедняцкое хозяйство остается все на том же уровне и не использует эти льготы» — мы понимаем, что здесь тоже надо внимательно присмотреться, что здесь тоже есть болезненная сторона, которая требует работы, обдумывания, лечения вместе с крестьянством. Как пролетарская партия, мы будем поддерживать бедняков всегда во всем, но совсем не наша задача построить так государство, чтобы бедняки бедняками и оставались. Мы строим пролетарское государство, поднимаем хозяйство не для этого, а для того, чтобы бедняки перестали быть бедняками, чтобы они поднялись выше, чтобы они вышли из положения забитости, нищеты, некультурности и грязи. В этом и для этого мы им поможем.

Точное определение понятия кулака тоже совершенно необходимо: чем наша политика становится гибче и тоньше и приближается к крестьянству, тем точнее должно быть наше определение кулака. Тот крестьянин, который пользуется советским строем, чтобы усилить свое хозяйство, чтобы поднять его на высший уровень, чтобы использовать советский кредит для поднятия уровня хозяйства, чтобы на основе улучшившегося положения своего хозяйства дать возможность развиться своим культурным потребностям, — это еще далеко не кулак. Кулак тот, кто эксплуатирует чужой труд, кто закабаляет и пользуется неоплаченным трудом. Если мы недостаточно четко разграничим эти понятия, то, конечно, мы разбиваем ту основу в деревне, на которой может строиться советская страна. Она должна быть богатой страной, а не нищей и разоренной. Когда крестьянство указывает нам здесь на наши промахи и здесь требует более точного определения понятий, более ясной политики, то мы уверены, что и здесь мы сговоримся с крестьянством, что мы должны для этого прислушаться к его речам. Во всех этих важнейших вопросах, вопросах подлинной крестьянской жизни, наша политика должна заключаться в том, чтобы обдумывать и улучшать дело совместно с крестьянством, внимательно прислушиваясь к его голосу.

И мы тут с ним сговоримся. А в то же время каждому мало-мальски политически грамотному рабочему не трудно объяснить крестьянину, что когда он говорит или поддакивает словам скрытых эс-эров о свободе печати, тогда он фактически не отстаивает свободу печати для трудящихся крестьян, а отстаивает свободу печати для скрытых врагов крестьян.

Достаточно привести любого крестьянина в типографию, показать ему, чего требует любое газетное предприятие, какие затраты нужны для этого, и спросить его: что же, ты можешь поддержать это дело? Можешь поставить его так, как следует?

Или за тебя и от твоего имени будут делать это дело те, у кого есть капитал? Мы капитал держим под своим контролем, под контролем пролетарского государства, не позволяем тратить этот капитал на то, чтобы обманывать рабочих и крестьян при помощи так называемой свободы печати. Если крестьянин вам скажет, что он в наших газетах не пишет, то вы можете сказать любому честному и беспартийному крестьянину: сядь рядом с нашим редактором и пиши о своих нуждах, но знай, что противопоставить нашей советской газете на деле можно лишь газету, которая фактически будет содержаться на эс-эровские или меньшевистские капиталы или на капиталы из-за границы, или на капиталы старых хозяев, и что только это скрывается под лозунгом свободы печати. То же самое и в отношении лозунга крестьянского союза, который противопоставляется общим профессиональным союзам. Когда крестьян пытаются натравить на рабочих, говоря, что у рабочих есть союзы, а у них союзов нет, то мы говорим: вся сумма крестьянских советов, которые покрывают всю страну и где внизу сидят только одни крестьяне, разве это не есть подлинный союз крестьян? Но это такой союз, который несет ответственную государственную работу, связанную с пролетариатом. Вот тот реальный крестьянский союз, который мы, коммунисты, мы, пролетарии, создаем в деревне, ставя его как ячейку всего государства, всякий же другой крестьянский союз есть политическое орудие, есть попытка разъединить рабочих и крестьян. Всякий крестьянин поймет это. И всякий же крестьянин поймет, если мы ему спокойно скажем, что то, что он требует 10-часового рабочего дня от рабочего, это отнюдь не значит удешевить продукцию, наоборот, это значит удорожить продукцию. Коммунистическая партия и Советская власть поступают более правильно, когда говорят, что рабочему нужно дать 8-часовой рабочий день, дать действительно реальную оплату его труда, нужно создать для него хорошие условия работы, и тогда рабочий создаст дешевую продукцию. Если вместо этих 8 часов заставлять рабочего работать 10 часов, это значит, что вы понизите его реальную заработную плату и в то же время измотаете его физические силы, это значит, что вы понизите потребность города, что те же крестьянские продукты, которые крестьянин привезет в город, не найдут себе сбыта среди рабочего класса, который будет, работая 10 часов, получать пониженную заработную плату. Таким образом, этот лозунг: пусть рабочий работает 10 часов, на самом деле ведет к разорению крестьянства.

Наша политика уплотнения рабочего дня, улучшения оборудования фабрик и заводов, снижения накладных расходов, — вот реальная политика, которая принесет снижение цен на продукты, потребляемые крестьянством, и в то же время политика, которая повышает потребление крестьянских продуктов в городе.

Всем этим лже-крестьянским требованиям мы должны противопоставить решительный отпор, а вместе с тем, по тем подлинным крестьянским нуждам, которые идут снизу, мы должны и, несомненно, сумеем сговориться с крестьянством. Но что значит сговориться с крестьянством, что нужно для того, чтобы сговориться с крестьянством? Для того, чтобы сговориться, нужны две вещи. Во-первых, для того, чтобы сговориться с крестьянином, нужно слышать крестьянина, нужно, чтобы крестьянин имел возможность высказывать свои требования, нужно, чтобы мы не уподоблялись тем правителям, которые затыкают себе уши ватой и считают, что все благополучно. У нас не такое положение, что нам нужно вспоминать о тяжелых днях, когда из крестьянства выходили тяжелые потрясения для советского государства, но мы должны прислушиваться к тому, что делается в крестьянской среде. Нам с крестьянином жить не неделю, не месяц, не 10 лет, а нам с крестьянином жить все время, пока будет существовать Советская власть, пока не будет установлено развернутое коммунистическое хозяйство. До тех пор нам нужно жить с крестьянином, меняя формы нашего союза, приспособляя свою политику к крестьянским настроениям, к его хозяйственным нуждам и т. д.; нужно, чтобы крестьянин нашел в наших советах то место, где он будет говорить откровенно и открыто, отстаивая не эти лже-крестьянские требования, о которых я упоминал вначале, а подлинные, действительные, на земле вырастающие требования крестьянских масс, и работая вместе с нами над их разрешением.

О руководящей роли пролетариата.

Но, товарищи, для того, чтобы сговориться с крестьянином, для того, чтобы осуществлять этот союз, чтобы разрешать такие деловые вопросы, как пересмотр закона о с.-х. налоге, о налогах на кустарей, как пересмотр закона об обложении деревни, для того чтобы сговориться с крестьянином, нужно, чтобы мы вели определенную линию. Тут мы должны прямо сказать: дорогие товарищи, мы с вами, с крестьянами, в союзе строим новое государство; мы с вами в союзе отстаиваем это государство от всех тех, которые хотят вернуть старый порядок, но в этом союзе руководящая роль принадлежит пролетариату. Я знаю, что теперь, во время перевыборов советов, есть некоторое покаянное настроение: некоторые товарищи, как бы в перепуге, являясь на крестьянские собрания, начинают бить себя в перси и говорить: виноваты. Такая политика неправильная. Еще тов. Ленин учил нас, что крестьянин привыкает оценивать не по словам, а по делам. И мы должны сказать крестьянину правду, что наша революция могла совершиться и могла устоять только потому,

что в союзе рабочих и крестьян руководящая роль принадлежала пролетариату. Это значит сказать крестьянину правду, которую крестьянин должен знать. Мы опираемся на весь мировой опыт, мы опираемся и исходим из всей мировой политики, мы имеем мировую цель: победу труда во всем мире. И эту нашу мировую политику мы никому не уступим, никакому уездному политикану, хотя бы он был в лаптях, а не в пролетарских сапогах; этого от нас не дождутся никакие наши ни явные, ни скрытые враги. Руководящая роль должна остаться за пролетариатом, потому что мы строим грандиозное здание, и в этом здании роль основных, скрепляющих балок играет не кто иной, как пролетариат, выкованный на крупных фабриках и заводах. Это есть истина, всей историей подсказанная, всем мировым движением раскрытая — и эту истину незачем прятать перед крестьянином. Это нужно сказать. Руководящий пролетариат опирается на крестьянство, без крестьянства или против крестьянства ничего решающего он создать не может, но опять-таки мы должны сказать правду, что мы опираемся на крестьянство, но не на крестьянство вообще. На того крестьянина, который эксплуатирует чужой труд, который уже растет из крестьянина в буржуйчика, на этого крестьянина мы не опираемся и опираться не хотим. *Мы хотим опереться на крестьянина трудящегося, на того крестьянина, который сам работает и улучшает свое хозяйство, и на бедняка, но не на такого крестьянина, который хочет вырасти из крестьянина в буржуя, который на крестьянском труде накапливает капитал, чтобы закабалить своего соседа и превратить его в наемного рабочего. Это наш классовый враг, и здесь скрываться нечего. Сказать надо прямо: нас поддерживает середняк и бедняк против этого растущего кулака.* Иначе не будет никакой политики. Наконец, мы должны сказать, что наша политика зиждется на союзе промышленности и земледелия. Если перед крестьянами рассказывают сказки всякие шептуны о том, что так как крестьянства большинство, то оно и должно определять всю политику, то мы должны ему сказать: страна крестьянская без пролетариата и без промышленности — это неизбежно страна рабов. Если представить себе, что наша крупная промышленность и сосредоточенный в ней пролетариат как-нибудь потеряли бы свою экономическую и политическую мощь, можно голову дать на отсечение, что через несколько дней эта крестьянская страна, усеянная мелкими крестьянскими хозяйствами, как рассыпанная храмина, попадет под иго иностранного капитала и будет превращена в его колонию, как все страны, которые не успели создать крупную промышленность и руководящий этой промышленностью пролетариат.

*

Вот почему Владимир Ильич говорил, что мы должны от страны мелкого сельского хозяйства переходить к положению, в котором крупная промышленность будет играть доминирующую роль. Чем скорее мы к этому перейдем, тем менее опасны для нас покушения всяких европейских капиталистов и тем более раскрепощен будет крестьянин. Вот основы нашей политики, в которой мы не имеем основания каяться, которые мы должны отстаивать до конца. На любом собрании надо говорить крестьянину: да, мы хотим сговориться с тобой по любому деловому вопросу. Вот наказ губернскому совету депутатов, давай разбирать его по пунктам. Скажи твои нужды, мы обсудим их вместе с тобой и будем работать вместе с крестьянством над их удовлетворением, но мы отнюдь не собираемся сдавать руководящую роль промышленного рабочего, как строителя социализма, ослаблять те стропила, которые связывают все здание, мы отнюдь не собираемся отказываться от мысли всячески поддерживать и развивать промышленность, которая должна создать в стране громадные массы промышленного пролетариата, ибо без этого крестьянин и крестьянская страна бессильны и идут к капиталистическому рабству.

Товарищи, я могу привести один пример относительно правильной политики с крестьянством и привожу его специально для товарищей, которых охватывает паника. Я его приводил уже в другой связи. Я говорю о ценах на хлеб. Я указывал несколько раз, что мы в данном году, проводя как раз политику сближения с крестьянством, лицом к деревне, все-таки имели спор с крестьянством по чрезвычайно важному вопросу о цене на хлеб. Что может быть важнее для крестьянина, как вопрос о цене на хлеб, и что, вместе с тем, может быть более важного для рабочего и для нашего государства, как не тот же самый вопрос о цене на хлеб? А интересы здесь немножко разошлись. Крестьянство, не беднацкое крестьянство, а то крестьянство, которое имело хлеб, которое заготовило хлеб и скопило хлеб в своих руках, требовало от нас такой платы, такой цены на хлеб, которая означала бы разорение промышленности, ибо при этой цене на хлеб неизбежно было бы поднимать заработную плату. На уплату заработной платы пошла бы большая часть капиталов промышленности, и промышленность не могла бы тогда расширять своего производства в той степени, в которой мы это делали, продуктов становилось бы меньше, продукты становились бы дороже, и вся бы налаженная наша экономика, которая уравняла цены на продукты и цены на промышленность, расползлась, и мы получили бы кризис, который имели осенью 23 года. Мы на эту политику стихийного подчинения ценам на хлеб, которые диктовала зажиточная часть крестьянства, не пошли, и оказались правы. Мы сказали: мы дадим крестьянину в этом

году больше, и много больше, за хлеб, чем давали в прошлом году, когда были ножницы, но мы не дадим всей той цены, которой требует зажиточная верхушка деревни от города и от рабочего.

Если внимательно рассмотреть прилагаемые в конце диаграммы №№ 18 и 19 (диаграмма № 18 — это движение цен на рожь, а диаграмма № 19 — движение цен на пшеницу) и вникнуть хорошенечко в детальные объяснения к ним, то вы увидите, что мы даем крестьянам в этом году не меньше чем на 50% дороже за хлеб, а вместе с тем, мы и в Москве удержались на той же цене — $3^1/_2$ коп. черный хлеб. Как же можно было достигнуть этого результата, если бы мы сразу подчинились крестьянским требованиям высоких цен на хлеб (потому что, если мы в декабре платили 1 р. 06 коп. за рожь, то с нас уже в июле месяце требовали 1 р. 20 коп.)? Мы поспорили немножко с крестьянами. Мы сказали им: нет, стихийно подчиниться вашим требованиям мы не можем. Почему? Не только потому, что мы — пролетариат, а потому, что громадная доля самих крестьян покупает хлеб, потому, что еще есть миллионы крестьянских семейств, которые осенью продают хлеб, а весной его покупают, и мы в этой политике отражали интересы не только пролетариата, который покупает хлеб, не только интересы города и промышленности, но и интересы той части неурожайных крестьянских районов, которые должны покупать хлеб, и, наконец, той части крестьянства, которая продавала хлеб осенью, а весной должна его покупать. В итоге мы не поссорились с крестьянством, а вместе с тем провели ту политику, которая, несомненно, правильна. Вот образец, где соблюдена и руководящая роль пролетариата и сговор с крестьянством на конкретных экономических основах.

Конечно, товарищи, при нынешних условиях руководящая роль пролетариата и коммунистов принимает несколько иные формы. Нас давно уже Владимир Ильич учил, что с того момента, когда кончилась гражданская война, такое руководство, которое напоминает командование, никуда не годится. Конечно, мы не отказываемся от командования вообще, без командования управлять громадной страной — нельзя. Но партия, как таковая, командовать не должна. Партия должна руководить через свои фракции; путем разъяснения, путем проведения широких кампаний, она должна вести за собой широкие беспартийные массы. Она не должна заместить советов, она должна, в лице этих советов, наполненных беспартийными рабочими и крестьянами, отражающими подлинные массовые интересы, в этих громадных массовых организациях иметь свою подлинную опору и, опираясь на них, а не командуя ими, вести вперед все дело социалистического строительства. Это труднее, чем просто командовать, но научиться этому

необходимо. Сводки по выборам по Московской губернии показывают, что иногда тт. коммунистам приходится довольно туго, когда на них начинают сыпаться всякие шишки за их управление. Иногда, и большею частью, мы поддерживаем таких коммунистов, потому что они осуществляют ту или другую проверенную на опыте политику партии, но иногда мы скажем: нет, крестьянин прав. Он прав потому, что он подметил в деятельности того или другого волисполкома ошибки, которые объясняются не общей политикой, а бюрократическим извращением, комчванством, излишним стремлением командовать, непониманием того, что эти методы принуждения должны мало-по-малу заменяться методами разъяснения. Этот переход должен быть сделан, и он, конечно, будет сделан, по мере того, как вся партия поймет, что в этой новой полосе крестьянской активности и интереса к жизни, культурной, политической и хозяйственой, к нам идет не противник, а новый пробудившийся союзник, которым мы должны уметь овладеть. Иначе не может и быть. Мы передаем теперь сотни и миллионы рублей на волостные бюджеты, а в волости кто решает? Там крестьянин, сплошной, настоящий крестьянин, который, когда ему придется разрешать в своей волости, как затратить ту или другую копейку, на ту или другую дорогу, на мост, или на пожарную машину, или на какой-нибудь агрономический пункт, на приглашение агрономов, не будет говорить о свободе печати по-эс-эровски и не будет толковать о крестьянском союзе, а будет точно учитывать эту копеечку, откуда ее взять и как ее целесообразнее израсходовать. Он будет все больше чувствовать себя хозяином этой копейки. Такого положения, конечно, не было у нас тогда, когда все голодали, а теперь это будет и, несомненно, чем больше прав будет получать местная организация, чем она будет больше поднимать свой культурный уровень и экономически и хозяйственно, она, конечно, будет развивать все сильнее и сильнее свою самодеятельность, и в этом смысле ее роль будет все повышаться.

Что же, товарищи, мы на этот нами самими поддерживаемый рост активности ответим: осади назад! Нет, этого мы делать не будем. Мы овладеем идейно и организационно этой волной активности. Если мы овладели крестьянством, когда надо было вести его на кровавый бой, то тем более на завоевание хозяйственного фронта мы поведем их с большим успехом, мы поведем их и приведем к работе хозяйственного и культурного строительства страны.

Только нам нужно поработать. Нам нужно много поработать, нужно ставить вопрос определенно и точно, нужно не болтать, а делать дело, и, особенно, не болтать о политическом нэпе. Может ли быть политический нэп? Разве в этом вопросе могут быть какие-нибудь сомнения? Всякая политика упирается

в вопрос о власти. Может ли быть изменена основа власти, сама власть в стране? Ясно, что кто так ставит вопрос, того можно назвать сумасшедшим, а если бы кто на такой постановке вопроса настаивал бы, тот скоро узнал бы, что мы совсем не отказались от методов «принуждения».

Для всей той политики, о которой я говорил, есть совершенно достаточно места в рамках Советской конституции, и в этих рамках мы ее проводим и проведем.

Каковы же те задачи, которые перед нами стоят сейчас и которые мы должны точно сформулировать и точно передать нашим наследникам, которые придут сюда через две недели после выборов?

Прежде всего, я должен сказать тем товарищам, которые сюда вернутся, а вернется сюда после выборов, вероятно, не мало, что надо готовиться к тяжелому году в смысле недостатка хлеба. Какова была осень, вы знаете, весна идет пока плохая. Урожая мы можем ждать пятнистого, и надо иметь в виду, что придется нам откладывать средства на всякий неурожайный случай. Но ни в каком случае нам нельзя итти на сокращение производства. Наоборот, нам необходимо развивать его и развивать за счет средств самой же промышленности: за счет улучшения оборудования, за счет уплотнения 8-часового рабочего дня, за счет улучшения администрирования со стороны верхушек промышленности. Затем, одной из важнейших задач будет развитие кооперации.

Позвольте мне сказать вам несколько слов в отношении развития кооперации и частного капитала в деревне.

Вот эта черная полоса (см. диаграмму № 20), это — частный капитал; вот это — государственный капитал; это — кооперативный. Вот здесь вы видите, что частный капитал мы начинаем сжимать и, кажется, довольно успешно. Этот нажим происходит и со стороны государственного капитала и со стороны кооперативного. В прошлом году частный капитал занимал в деревне 75%, сейчас он занимает 56% оборота — это за один год.

Что касается борьбы с частным капиталом, то я должен вас предупредить, что это тоже вещь не простая: до тех пор, пока кооперативы мало развиты, нельзя сводить на-нет частный капитал; до тех пор, пока кооперативы не могут забирать продукты с фабрик и заводов и эти продукты по дешевой цене продавать потребителям — борьба с частным капиталом есть вещь обоюдоострая. Нужно иметь в виду то, что частный капитал должен быть заменяем тотчас же кооперацией, ею вытесняться, а не путем административных мер, а то получится такая вещь, что фабрики и заводы у нас будут давать все больше и больше продуктов, а кооперация будет поставлена в такое положение, что не в состоянии будет забирать себе эту продукцию и пере-

давать ее потребителю. Иначе говоря, получится положение, когда мы снимем с рынка частный капитал и не в состоянии будем дать то, что мы дать должны. Поэтому к вопросу о частном капитале надо подходить очень и очень осторожно.

Увеличение роли кооперации, увеличение роли государственной торговли — ближайшие задачи, которые будут стоять перед нами. Затем всяческая помощь крестьянству и, прежде всего, государственный, облегченный и увеличенный кредит крестьянству на улучшение с.-х., на улучшение методов ведения хозяйства, на улучшение скота, на техническое усовершенствование, — это тоже наша очередная задача, которую нужно будет осуществить в будущем году по мере того, как наши средства тоже будут увеличиваться. Наконец, нужно обратить внимание на то, чтобы в деревне создать условия, при которых старательный хозяин мог бы укреплять и улучшать свое хозяйство. Исходя из того факта, что хозяйство у него поднялось, не предъявлять ему сейчас же обвинительного акта, не накидывать клеймо кулака, а наоборот, внимательно следить, как кулак выползает из деревни, как он начинает эксплуатировать других, и тут пресекать его действия, но в то же время создавать такие условия, при которых накопление средств в середняцком хозяйстве может итти ускоренным темпом, ибо если крестьянин не накапливает средства, он не может купить нашей продукции, ни керосина, ни сапог, ни ситца, и поэтому он становится стеной, через которую наша промышленность пройти не может. Как я уже говорил, в наши задачи входит рассмотрение законов, которые бы облегчали положение избыточного населения деревни, которое не находит себе места, не находит себе работы, путем расширения всяких видов кустарнических промыслов, ученичества, путем расширения промысловой кооперации и т. д., и т. д. Все эти задачи покрываются двумя задачами более общего характера: поднятием культурного уровня всей нашей страны, поднятием дела просвещения, ликвидации безграмотности, с одной стороны, и, с другой стороны, тем широким вовлечением беспартийных и, теперь уже в первую очередь, широких крестьянских масс, без которого мы быстро двигаться вперед не сможем.

Последний вопрос, который вы мне можете задать: а какова международная обстановка, не помешает ли она осуществлению этих крупнейших политических государственных задач? Конечно, как вы знаете, предсказывать в международной области трудно; вы знаете, что мы окружены, по крайней мере по всей западной границе, не друзьями, а врагами. Но обозревая общемировое положение, мы можем сказать таким образом: с востока нам не угрожает никто. По всей громадной линии нашей границы от Владивостока и до Черного моря, т. е. по границе, которая

захватывает Китай, Афганистан, Персию и Турцию, — наше положение таково, что мы везде и всюду самым фактом своего существования поддерживаем национальное освободительное движение, направленное против феодалов и против империалистов. Нет никакого сомнения, что именно потому, что тут по этой границе расположена Советская республика, в Китае национально-республиканские освободительные антимилитаристские тенденции борются и одерживают в лице Сун-Ят-Сена и партии Гоминдана верх над ставленниками англо-американского империализма. Только благодаря нашему существованию, в Афганистане элементы национально-освободительные сопротивляются против тех феодалов-крепостников, которые на деньги англичан пытаются все время взять верх над этими национально-освободительными элементами. То же самое и в Персии и сейчас в Турции, где мы видим сейчас наглядную картину того, как поддерживаемые западно-европейскими империалистами реакционеры и феодалы пытаются свергнуть то правительство, которое, не будучи ни коммунистическим, ни даже подлинно крестьянским, все же является элементом, отстаивающим независимость Турции против западно-европейских империалистов. Таким образом, по всей этой линии мы имеем постоянную, непрекращающуюся борьбу феодально-крепостнических элементов, опирающихся на империализм, и национально-освободительных и в то же время антиимпериалистских, которые опираются на самый факт существования Советской России. Нет никакого сомнения, что исчезновение Советской власти в нашей стране обозначало бы победу реакционных стремлений на всем этом фронте, на котором живут сотни миллионов населения Китая, Афганистана, Персии и Турции. Наше же существование гарантирует, что та борьба, которая там кипит, несомненно, не сегодня, так завтра, не завтра, так послезавтра, — сроков нам, к сожалению, не дано угадать, — закончится победой национально-освободительных тенденций, победой, которая должна опереться на широкие массы крестьянства. И эта победа неимоверно укрепит наш тыл и в тысячу раз возместит урон от тех ран, которые могут нам нанести западно-европейские противники. Для того, чтобы обрушиться на нас действительно какой-нибудь военной грозой, западно-европейские империалисты должны были бы сговориться, а сговориться они не могут. Не потому, что они не хотят, а потому, что самая основа капиталистического строя, все наследие империалистской войны, самые основы Версальского мира поставили их в такое положение, при котором сговор для них почти невозможен. Это старые, капиталистические собаки, которые на момент как бы затихают во взаимном лае, как будто бы начинается среди них какой-то сговор, который называется то демократическим пацифизмом, то планом Дауэса, то, как сейчас, гарантийным договором, — но все эти сговоры

им не удаются и удаться не могут, потому что каждая из этих так называемых союзнических держав на самом деле пытается урвать кусок пожирнее у своего соседа. Эти стремления, которые не проявляются сейчас в прямой, открытой войне, но которые, несомненно, хранят в себе элементы нового мирового пожара, эти разъединительные элементы ослабляют их против нас. И желание их заключить союз против Советской России, поставить себе на службу те малые государства, которые лежат по нашим границам, и употребить их как оружие против нас, это стремление им не удается в силу внутренних разногласий, взаимной подозрительности, взаимной конкурентной борьбы, в которой все эти мелкие государства играют на две руки.

Таким образом, на вопрос о том, будем ли мы иметь время осуществить ту задачу, которую я перед вами нарисовал, я думаю, мы может ответить: «Да, время это будет», и тому крестьянству, которое спрашивает нас: «А вот это оживление не накануне ли войны?» — мы должны ответить успокоительно: «Советская политика есть политика мира, нам нужен больше всего мир, и мы не предвидим, чтобы кто-нибудь осмелился сейчас на нас напасть, а для того, чтобы наша уверенность превратилась в абсолютную уверенность, чтобы не только мы не думали, что на нас не нападут, но чтобы отбить охоту напасть на нас, нам надо укрепить не только союз крестьян и пролетариата, не только нашу хозяйственную мощь, но укрепить и нашу военную мощь. Поэтому и Московскому Совету надлежит помнить, что леса—наши, поля—наши, фабрики и заводы наши, политика и власть — наша, но охранительницей всего этого должна быть и будет Красная армия».

Теперь последнее слово: я вместе с вами вспоминаю, что Московский Совет провел работу крестьян и рабочих Москвы и губернии через самые тяжкие годы, которые когда-нибудь в историю войдут, как годы действительно массового героизма и массовых жертв со стороны, в первую очередь, рабочих, а затем и крестьян. Теперь такою же твердою рукой новый Московский Совет должет будет вести наших крестьян и, прежде всего, пролетариат столицы и губернии по пути дальнейшего социалистического строительства. (Бурные аплодисменты.)

ПАМЯТИ тов. НАРИМАНОВА.*

Товарищи, покойный тов. Нариманов занимал в нашей партии совершенно исключительное место. Он был в рядах большевиков представителем трудящихся масс Востока; он был той живой связью, при помощи которой революционные традиции пролетариата крупнейших центров передавались трудящимся массам подавленного, униженного, отсталого Востока. Он был тем звеном, которое воплощало в себе единство пролетариата передовых фабрично-заводских центров и миллионных рабоче-крестьянских масс, только-что пробуждающихся. Он пришел к большевизму, в нашу партию, своим, своеобразным путем, не похожим на те пути, которыми приходили к большевизму ленинградский металлист, московские и иваново-вознесенские текстильщики, донецкий шахтер. В этом своеобразии пути, проделанном покойным тов. Наримановым, отразились пути, которыми идут к ленинизму, к большевизму, коммунизму миллионы и миллионы трудящихся людей. И именно тем, что он отразил в своей личности, в своей тактике этот путь миллионов, в этом заключалось его величие, в этом заключалась его ценность для партии, этим определялось своеобразное и исключительное по важности место, которое покойный тов. Нариманов занимал в нашей партии.

Я помню неоднократные совещания под председательством Владимира Ильича, где мы обсуждали основные вопросы политики нашей партии на Востоке, приобщения Закавказья, Туркестана к общему, единому советскому государству. На всех этих совещаниях тов. Нариманов играл выдающуюся роль, и Владимир Ильич с особенным вниманием, с особенной чуткостью прислушивался к тому, что говорил этот старый, испытанный боец. Ибо Владимир Ильич в его словах, иногда даже в его колебаниях, в его осторожных советах, предупреждениях слышал голос трудящихся, которых надо было с особенным вниманием и особенными историческими путями повести к союзу с передовыми пролетариями Запада и России.

* Речь, произнесенная на похоронах т. Нариманова 21 марта 1925 г.

Вот почему тов. Нариман Нариманов принадлежит не только Востоку, вот почему он принадлежит всей нашей партии, объединяющей в своих рядах все национальности, всех тех, кто хочет бороться под единым интернациональным знаменем коммунизма.

Вот почему место его останкам здесь, в Москве, в столице великого Союза, в столице первого пролетарского государства, здесь, на Красной площади, где легли лучшие борцы за дело Октябрьской революции, т.-е. за дело мирового пролетариата, без различия национальностей. Вот почему место праху тов. Наримана Нариманова здесь, рядом с телом Владимира Ильича, великого провозвестника объединения угнетенных народов Востока с пролетариями Запада. Вот почему ЦК большевиков с глубокой скорбью предает ныне земле то, что было смертного в тов. Наримане Нариманове, ибо его идея объединения народов Востока с пролетариями Запада, его борьба за оформление революционной большевистской идеологии трудящихся масс Востока, эта идея союза, эта идея революционного подъема отсталых масс бессмертна, и, как воплощение ее, будут бессмертны заветы тов. Наримана Нариманова, бессмертен будет его дух.

Пусть же рядом с Владимиром Ильичем, с длинным рядом борцов покоится прах тов. Наримана Нариманова. Его знамя, его мысль, его идея будут жить в миллионных массах и будут всегда звучать призывным колоколом к восстанию трудящихся Востока против мирового империализма.

Спи спокойно, тов. Нариман Нариманов, мы склоняем перед тобою наши знамена, но мы выше подымем их в следующую минуту, чтобы призвать в бой тех, кого ты звал в бой всей своей жизнью.

О ЗАПАСАХ ХЛЕБА В МОСКВЕ.

Мы имеем достаточные запасы ржи, чтобы полностью и бесперебойно удовлетворить население хлебом. Населению Москвы нет никакого основания тревожиться по поводу хлеба. Хлебные запасы Москвы в данный момент обеспечивают город на $1^1/_2$ месяца. На государственных и кооперативных складах в Москве в данный момент находится более $1^1/_2$ миллионов пудов ржи и ржаной муки и около $2^1/_2$ миллионов пудов пшеницы и пшеничной муки.

Хвосты у государственных и кооперативных пекарен вызваны не недостатком хлеба, а тем, что частные пекарни сократили выпечку и продажу хлеба.

Объясняется это простым обстоятельством.

Правительство обещало трудящемуся населению удержать в государственных и кооперативных хлебопекарнях цену на хлеб не выше 3 и $3^1/_2$ копеек за фунт ржаного хлеба. Эту цену мы держим, несмотря на то, что цены на зерно сильно поднялись. Для того, чтобы удержать эту цену, государство и кооперация идут даже на некоторые убытки. Частным пекарням продавать по этой цене невыгодно, поэтому они и сокращают выпечку и продажу хлеба. Несомненно, что они вновь стали бы выпекать хлеб, если бы мы согласились поднять цену.

Московский Совет не хочет итти по этому пути и предполагает удержать цену без всякого повышения.

Все те покупатели хлеба, которые снабжались из частных хлебопекарен, бросились теперь к нашим пекарням.

В результате — хвосты и всякая вредная, ни на чем не основанная болтовня.

Московский Совет принимает все необходимые меры для того, чтобы увеличить выпечку хлеба в государственных и кооперативных хлебопекарнях и, имея достаточные запасы

ржи, сможет полностью и бесперебойно удовлетворить потребности населения, не повышая цены.

Я уверен, что через несколько дней все население Москвы поймет, что нет никакого основания для беспокойства, что хлеба достаточно, что цены на хлеб не будут повышены.

Людей же, которые в хвостах болтают о недостатке хлеба, о необходимости делать запасы, а иногда даже — и о войне, надо просто гнать прочь.

«Известия» Адм. Отдела М. С. Р., К. и К. Д. 25 марта 1925 г. № 36 (471).

ПРОБЛЕМА ТОРГОВОГО КАПИТАЛА.*

Основное противоречие, которое сейчас резко выступает на поверхность нашей хозяйственной жизни, которое не может отрицаться, как бы благоприятно ни оценивать состояние баланса наших торговых организаций, это — противоречие между промышленным капиталом и торговым капиталом, который призван обернуть его растущую продукцию.

Обнаружение этого противоречия в настоящий момент вполне естественно. Когда мы два года назад приступили к развертыванию нашей промышленности, никто не поднимал тогда вопроса о том, чтобы одновременно с расширением промышленности увеличивать капитал торговых организаций, ибо при тогдашних условиях это было для нас непосильно, мы должны были все свое внимание сосредоточить на одной задаче — развертывании промышленного производства.

Но все то, что имело место за последние месяцы, — и так называемая новая торговая практика трестов, и разногласия между ВСНХ и Наркомвнуторгом, и, наконец, постановка на очередь вопроса о частном капитале, — все это — судорожные попытки разрешить противоречие между возросшей продукцией промышленности и недостаточностью торгового капитала.

В первый период развертывания и роста промышленной продукции сама промышленность создавала торговые органы и авансировала последние за счет собственных средств. Но по мере дальнейшего роста она стала перед фактом слишком значительной утечки своего капитала в торговый оборот и судорожно стала возвращать его обратно в производство.

Неудивительно, что вопрос об использовании частного капитала в торговом обороте с особенной настойчивостью поддерживается со стороны ВСНХ. Дело тут, разумеется, не в особой идеологии, а в том, что государственные организации, производящие промышленные товары, с особенной непосредственностью

---

* Речь на совещании СТО совместно с представителями мест 31 марта 1925 г.

и остротой почувствовали необходимость в приливе торгового капитала.

Как быть дальше перед лицом этого зияющего противоречия между темпом развития промышленности и недостаточностью капитала у товаропроводящей сети?

Конечно, известные ассигнования в порядке государственного бюджета на усиление торговых капиталов, вообще говоря, мыслимы. Если мы нашли возможным в определенный момент выделить несколько десятков миллионов рублей для Сельскохозяйственного банка, если при известных усилиях у нас нашлось в текущем году несколько десятков миллионов рублей для организации Коммунального банка, то при известном напряжении мы найдем и несколько десятков миллионов для организации и разворачивания товаропроводящей цепи. Но одних бюджетных ассигнований было бы недостаточно для устранения противоречия между промышленным и торговым капиталом. Ведь развертывание промышленности должно продолжаться, ведь никому не придет в голову сделать вывод, что расширение промышленности зашло слишком далеко и что оно должно быть свернуто до пределов, соответствующих нашему торговому капиталу.

В разрешении проблемы торгового капитала поэтому приходится действовать одновременно всеми теми тремя инструментами, которые имеются в нашем распоряжении: через кооперацию, государственную торговлю и частный капитал, при чем этим последним инструментом необходимо действовать более решительно, чем это было до сих пор. На последнем совещании Совета Труда и Обороны с участием представителей мест было засвидетельствовано, что в ряде районов мы имеем «торговую пустыню», что уход частного капитала из торговли продолжается. За последний период закрылись, по данным НКФ, 250 тыс. частных торговых предприятий. При развертывании промышленности, при росте спроса, — это явно ненормально и свидетельствует о судорожности происходящего процесса.

Нет нужды поднимать вопрос о роли кооперации; наша основная линия есть линия ориентации на кооперацию, ибо помимо всего прочего кооперация даже независимо от реальной доли участия ее в товарообороте имеет решающее значение для наших регулирующих мероприятий в отношении рынка.

Но если бы меня сейчас спросили, что в данный момент опаснее для дела строительства социализма — «торговая пустыня» или частный капитал, то, не колеблясь, пришлось бы ответить, что «торговая пустыня» значительно опаснее.

Необходимо оговориться, что при построении нашей политики в отношении частного капитала следует избегать схематизма. Ошибочно думать, что в этом отношении на протяжении всей территории Союза применимы одни и те же нормы.

Еще Владимир Ильич делил нашу республику на пять резко разнящихся между собой районов, включающих и районы с патриархальным экономическим бытом. Роль частного капитала, как и роль кооперации, в отсталых районах и в районах крупной промышленности, как Ленинград, Москва, Иваново-Вознесенск, Донбасс, конечно, различна. Если товарищи в отсталых районах будут стремиться доказать свой коммунизм тем, что будут копировать в отношении частного капитала и кооперации те методы, какие практикуются в Москве, то они невольно будут способствовать созданию «торговой пустыни». Необходимо помнить, что проблема укрупнения нашего торгового капитала настоятельно требует учета всех трех типов торговой организации: государственной торговли, кооперации и частного капитала. В настоящий момент, когда промышленность благодаря невероятным усилиям достигла колоссального роста своей продукции, невозможно действовать уже теми примитивными способами в торговле, какие были уместны и достаточны в 1923 и в начале 1924 года.

Кроме сейчас указанного противоречия между промышленным и торговым капиталом, на совещании СТО с местами ясно вырисовалось и еще одно противоречие: противоречие между темпом развертывания промышленности и ходом развития производительных сил деревни.

Развертывание крупной промышленности должно сопровождаться неизбежно развитием производительных сил деревни, усложнением ее хозяйственной жизни. Нельзя базировать промышленность на удовлетворении лишь самых примитивных потребностей деревенского рынка. Не для всех еще вполне ощутительно, но хозяйственные потребности деревни начинают стучаться к нам в дверь. Недаром крестьянский вопрос занимает в последнее время такое доминирующее положение.

Деревня явно напирает на те юридические, бытовые и хозяйственные нормы, которые становятся поперек развития ее производительных сил. Но для регулирования развития производительных сил деревни мы не имеем иного рычага, как сельскохозяйственная кооперация.

Мы накануне того, чтобы в области организации деревенского производителя затрачивать больше средств, чем мы затрачивали до сих пор. Иначе нам не избежать нового противоречия, ибо крестьянское хозяйство, не развивающее своих производительных сил, крестьянство, которое требует от города лишь соли и ситца, это — не то крестьянство, которое нужно развивающейся промышленности. Только крестьянство, развивающее свои производительные силы, сможет явиться потребителем возрастающей продукции промышленности.

В сельскохозяйственной кооперации мы видим еще много следов того хозяйствования, которое было характерно для эпохи

военного коммунизма. Вообще, мне кажется, что чем глубже вниз, чем ближе к деревне, тем все больше сохраняется у нас элементов неразвитого нэпа, пережитков натурального хозяйства. С этими элементами необходимо бороться и их изживать.

Еще одна отрасль кооперации требует к себе внимания; это — кооперация национальных республик и областей. Интересы этой отрасли кооперации не должны быть забыты при распределении бюджетных средств, которые будут отпущены на усиление капитала торгующих организаций. Во всей нашей хозяйственной политике мы не должны оставлять на заднем плане интересы созданных нами 26 автономных республик и областей.

«Экономическая Жизнь», № 75, 2 апреля 1925 г.

ОТЧЕТ ПРАВИТЕЛЬСТВА СССР. *

Проведение денежной реформы.

Товарищи, я имею в виду посвятить свой доклад не столько обозрению того, что было сделано Советским правительством за истекший год, сколько тем очередным задачам, которые сейчас перед нами вырисовываются. Однако, для того, чтобы отдать себе целиком отчет в тех вопросах, над которыми придется работать Советской власти в наступающий период, необходимо коротенько остановиться на наших достижениях и на наших затруднениях в прошлый период.

Прошлый год начался под знаком денежной реформы. Он кончается под лозунгом «лицом к деревне», при сосредоточенном внимании всей Советской власти к проблемам, которые возникают в деревне. Есть ли между этими вопросами какая-либо связь, или случайно в начале года мы остановились на денежной реформе, а теперь, в начале нового периода, сосредоточиваем свое внимание на вопросах крестьянского сельского хозяйства?

Конечно, это не случайность. Тут есть глубокая закономерность. Для того, чтобы приступить к коренным вопросам, интересующим и задевающим 100-миллионную массу крестьянства, Советской власти неизбежно было решить предварительно ряд вопросов, без разрешения которых самая постановка вопроса о деревне, о селе была бы невозможна. А решение ее было бы чрезвычайно затруднительно.

Первым из этих вопросов и явился вопрос о денежной реформе, о создании такой твердой денежной единицы, при которой вообще возможно сколько-нибудь нормальное хозяйствование как государства, как рабочего класса, так и крестьянства. Вы знаете, что денежная реформа считалась всеми нашими вра-

---

* Доклад на VII Московск. губ. Съезде Советов Р., К. и К. Депутатов 10 апр. 1925 г.

гами для нас совершенно неосуществимой. Они перечисляли по пальцам все те препятствия, о которые должна споткнуться денежная реформа, и, прежде всего, указывали на то, что, конечно, рабочему классу, не учившемуся в университетах и не желающему брать уроков у буржуазных экономистов, ни за что и никогда не решить вопроса, над которым бессильно бьются крупнейшие и богатейшие капиталистические державы.

Мы недавно отпраздновали годовщину денежной реформы и смогли, совершенно объективно относясь к нашим достижениям, констатировать, что эта реформа целиком и полностью нам удалась. Мы должны сознаться перед вами, товарищи, что, если бы даже нас на этом пути и постигли неудачи или затруднения, в этом не было бы ничего удивительного, ибо создание твердой денежной системы в разоренной стране, в стране с разрушенной промышленностью, с отсталым крестьянским хозяйством, в стране, которую пытаются фактически исключить из международного экономического обмена, *проведение в этих условиях денежной реформы явилось, конечно, громадным завоеванием*. И недаром в одной из своих последних статей В. И. Ленин писал: «*Если мы завоюем твердый рубль, тогда мы удержимся*». Мы этот завет выполнили: рубль твердый создан, и он не только создан, но в продолжение года выдержал целый ряд толчков, испытаний, при которых ему очень легко было сломаться, но на которых он, однако, не сломался.

Денежная реформа, прежде всего, наткнулась на дефицит в государственном бюджете. Вы знаете, что дефицит в государственном бюджете отражал нашу бедность и нищету. Бюджет есть роспись наших доходов и наших расходов. И вот, в продолжение года мы и должны были констатировать, что самые минимальные потребности нашего государства, удовлетворение самых минимальных потребностей рабочего класса и крестьянства превосходят те средства, которые мы можем с рабочего класса и крестьянства взять. Все враги наши надеялись на то, что мы никогда не получим такого положения, при котором могли бы сбалансировать расходы и доходы, и что в эту пропасть между нашими потребностями и между нашими возможностями свалится новая твердая валюта. В результате годовой работы мы имеем бездефицитный бюджет, в котором, правда, покуда еще минимальные, можно сказать, нищенские потребности удовлетворяются за счет нормальных доходов государства. *Дефицит закрыт, и рубль, который должен был свалиться в эту яму, стоит твердо.*

Но мы пережили за этот год еще и другое испытание нашего рубля. Нас постиг неурожай. В общем балансе нашей страны у нас оказался недостаток хлеба, и мы должны были

прибегнуть к ввозу нескольких десятков миллионов пудов хлеба из-за границы. При повышении цен на хлеб, основной продукт питания, естественно было бы, чтобы ценность рубля понизилась. Этого равным образом не случилось. Наконец, мы зимой пережили естественный отлив денег из оборота, а это бывает неизбежно в нашей крестьянской стране. При этом, когда обнаружилось, что денег в стране как будто больше того количества, которое необходимо для нормального товарного оборота, рубль наш мог показать тенденцию к падению. Этого не случилось. Мы, таким образом, пережили экзамен нашей денежной системы на государственном хозяйстве, на народном хозяйстве, на колебании цен на хлеб, и все эти испытания рубль наш выдержал. Он куплен большими жертвами рабочим классом и крестьянством, ибо, конечно, не чудо и не какая-нибудь магия заключается в том, что мы как будто из ничего, из хлама миллиардов разноцветных бумажек создали твердый, неколеблющийся рубль, твердую, неколеблющуюся валюту. Мы должны теперь, в годовщину реформы, отдать полную честь работникам Народного Комиссариата Финансов, которые провели эту реформу, во главе с тов. Сокольниковым, который при этом проявил большую энергию и искусство и немало, как говорили, жестокосердия, потому что надо было отказывать, урезывать для того, чтобы провести реформу. Но не только энергии и искусству товарищей, поставленных во главе этого дела, обязаны мы тем, что создали твердую валюту, но и тем жертвам, на которые ради создания твердой валюты пошел рабочий класс и пошло крестьянство...

Вы помните март месяц прошлого года, месяц начала денежной реформы, месяц, в который мы обращались к рабочему классу с требованием пойти иногда на снижение, — месяц, в который мы должны были круто свернуть наши кредитные операции, когда мы потребовали от рабочей и крестьянской кооперации поддержки новой валюты, на что она пошла с известными тяжелыми жертвами, — вот всеми этими соединенными усилиями рабочих и крестьян мы достигли твердой валюты и дали, таким образом, в руки рабоче-крестьянского государства первоклассный инструмент, без которого никакого планомерного и тем паче социалистического хозяйствования достигнуть было бы невозможно. Мы с вами знаем, что только с того момента, когда появился твердый рубль, план работ фабрик, заводов, их баланс, отчеты и калькуляция стали на твердую ногу. До этого — это был хаос, дававший возможность скрывать подлинную картину того или другого предприятия. Завершение денежной реформы, таким образом, является одним из важнейших завоеваний истекшего периода и исходной точкой для дальнейшего продвижения вперед. Это—завоеванная позиция, на которую еще будут вестись

нападения и которую придется еще отстаивать и из-за которой придется еще итти на некоторые жертвы, но это—завоеванная позиция, без которой все хозяйство не может двигаться планомерно вперед.

Разворачивание промышленности.

Вторая задача, которая стояла перед нами, как задача абсолютно необходимая, первоочередная,— задача, без разрешения которой мы не могли приступить и даже подумать о более широких задачах и, в частности, о задачах в области крестьянского хозяйства, это — задача разворачивания промышленности. Тут много товарищей крестьян и представителей крестьянства: пусть они не думают, что Советская власть, останавливаясь на той или другой задаче, руководствуется чем-либо иным, кроме точного сознания действительных нужд развития и укрепления хозяйства в целом. Не потому поставили мы в первую очередь задачу расширения промышленности, что не понимали громадного значения развития крестьянского хозяйства — товарищи убедятся, какое придаем мы этому значение, — а потому, что без разрешения этой задачи — разворачивания промышленности — мы не могли бы подойти ни к какой другой задаче.

Какие же достижения мы имеем в этой области? И здесь, вопреки тому, что предрекали наши враги, вопреки иногда даже унынию и отчаянию, которые охватывали те или другие группы внутри нашей страны, — мы имеем достижения, которые далеко превосходят то, что можно было бы предполагать. Я имел случай, около 2-х месяцев тому назад, в подробном и обстоятельном обзоре с приведением цифр показать руководителям московского пролетариата и крестьянства, какие достижения мы имеем в этой области. Из этих цифр видно, как те производственные планы, которые мы составляли, усилиями рабочих и организаторов производства были превзойдены на деле. Мы уже вышли из того периода, когда наши планы и программы производства были радужными картинками, из которых мы могли выполнить одну треть или четверть. Мы вошли сейчас в другой период, когда составленные нами скромные программы (а мы были скромны потому, что научены горьким опытом) оказываются превзойденными могучим напором энергии рабочего класса. Некоторые данные я приведу в самых кратких чертах.

Если мы возьмем (в миллионах довоенных рублей — для того, чтобы можно было бы сравнить) всю продукцию нашей государственной промышленности за последние месяцы, то увидим следующее: в октябре 1923 года вся государственная промышленность в довоенных рублях исчислялась в 121 милл. руб. В октябре минувшего года мы имеем 183 милл., в ноябре 1923 г. было

116 милл., а в ноябре этого года — 174 милл. В декабре 1923 г. — 115 милл., а в декабре 1924 г. — 193 милл., в январе 1924 г. — 120 милл., а в январе 1925 г. — 200 милл., в феврале 1924 г. — 127 милл., а в феврале 1925 г. — 202 милл. Итого за эти месяцы прошлого и нынешнего периодов мы произвели в прошлом периоде на 600 милл., а за эти же 5 месяцев последнего периода — на 951 милл., т.-е. продукция последних пяти месяцев сравнительно с теми же месяцами за прошлые годы повысилась на 60%.

Это темп развития, которого мы не могли предвидеть заранее и который дает и раскрывает для нас самые радужные перспективы. Вы понимаете хорошо, что этот рост продукции, это увеличение продукции на 60% вместе с тем знаменует громаднейшей важности социальный процесс в нашей стране. Не только в том важность, что мы произвели больше товаров и продуктов (хотя это имеет громадное значение), но и в том, что это обозначает приведение в движение фабрик и заводов, восстановление социального могущества пролетариата, концентрацию пролетариата, собирание его сил и повышение его социальной мощи в общей экономике и политике страны.

И мы действительно видим, как на почве этого процесса идет рост количества занятых рабочих в нашей промышленности. Мы знаем, в последние дни можно наблюдать и отрицательные стороны и появление на наших улицах безработных. Не думайте, однако, что эта безработица свидетельствует о том, что наша промышленность освобождает лишние рабочие руки,— нет, этот процесс увеличения безработицы идет параллельно с общим живым процессом поглощения нашей промышленностью все больше и больше рабочей силы. На значении безработицы я еще остановлюсь ниже, пока хочу указать на то, что наша промышленность, как она поставлена, способна впитать все большие и большие массы пролетариата. Я для примера скажу, что, например, сравнительно с довоенным временем у нас в Москве и в Московской губ. число рабочих увеличилось. В 1913 г. у нас было 360 000 рабочих в тех отраслях промышленности, которые находятся в ведении Высшего Совета Народного Хозяйства. На 1-е января 1925 г. мы имеем 391 399 рабочих в тех же самых отраслях промышленности. Это значит увеличение на 30 000. Количество рабочих в нашей государственной промышленности за последние 5 мес. увеличилось не меньше чем на 200 000 чел. Мы можем смело сказать, что мы обязаны ростом промышленности не случайным явлениям, не временной конъюнктуре, а что этот рост показывает нормальное, здоровое развитие промышленности и что сейчас мы имеем перед собой ясную, прямую дорогу вперед.

Возьму для примера, только для примера, несколько отдельных отраслей промышленности. Например, текстиль: в 1923 г. мы имели число рабочих, которое доходило только до половины

занятых в текстильной промышленности рабочих до войны, в 1923/24 г. мы имели только 53% от довоенного состава рабочих текстильной промышленности, в 1924/25 г. мы уже имеем 71% довоенного состава.

Если до войны вырабатывалось на душу населения 23 арш. продукции текстильной промышленности, мы в 1922/23 г. упали до 6 арш. на душу, а затем в 1923/24 г. поднялись до 9 арш., а теперь поднялись, в 1924/25 г., до $14^1/_2$ арш. Развитие текстильной промышленности продолжается, новые и новые фабрики будут открываться, а не сокращаться, количество рабочих будет увеличиваться, и мы явно стоим перед тем, что текстильная промышленность вскоре не только догонит довоенную норму, но и перегонит ее.

Возьму другую отрасль промышленности, чрезвычайно важную — нефть. При росте нашей промышленности на 60% мы в минувшем году имели продукции нефти 65% довоенной и мы уже совершенно реально ставим перед собой, как ближайшую задачу, повышение выработки нефти в нашем Союзе в ближайшем бюджетном году до довоенной нормы. Программа, которая разрабатывается к 1925/26 году, уже указывает нам цифру 540 милл. пуд. нефти, а это значит 100% довоенного уровня.

Но особенно поразителен и особенно знаменателен громадный рост нашей металлургической промышленности. Вы помните, что именно тогда, когда вопрос о топливе и вопрос о текстиле был поставлен на рельсы, Советская власть единодушно сказала: пришло время для постановки во весь рост вопроса о металлургии, о металле. Мы ассигновали на это определенные средства, сосредоточили на этом деле выдающихся работников, призвали внимание к этому самих металлистов и в союзе с ними добились результатов громадных. Общие цифры показывают, что мы за этот год имеем повышение продукции по сравнению с прошлым годом в выработке металлургической промышленности на 182%, т. е. за один год металлургия почти удвоилась в своей продукции, при чем темп развития был настолько широк и настолько бурен, что в течение года Советской власти пришлось дважды пересматривать программу металлургии.

Когда тов. Дзержинский, энергии и настойчивости которого мы обязаны непрерывным бурным ростом нашей промышленности, когда он сказал: «я предлагаю программу на металлопромышленность такого-то размера», то мы ответили: «тов. Дзержинский, вы слишком торопитесь вперед, такой толчок металлопромышленности вряд ли мы можем дать, надо итти медленнее», и тов. Дзержинскому пришлось отказаться от своего первоначального плана и сойти на план более узкий. Однако, через пару месяцев он пришел к нам и сказал: «металл рвется вперед, вы должны дать более широкую программу». В декабре месяце тов. Дзержинский снова

пришел к нам и сказал: «металл рвется вперед, дайте нам еще 15% увеличения». И он нас убедил, и оказался полностью прав.

Результаты, товарищи, перед нами налицо, — металлопромышленность почти удвоена в течение одного года, при чем из месяца в месяц темп развития металлопромышленности поднимается. Если по сравнению с прошлым годом металлопромышленность возросла на 158%, то один январь этого года дал рост на 173%, и тов. Дзержинский, цифры которого я цитирую, они написаны его рукой, он уверяет, что это еще не рекорд, что мы пойдем дальше. И я уверен, что он опять окажется прав.

Вот иллюстрация темпа развития нашей промышленности. По ней вы можете судить о том, как мы решаем основной вопрос нашего Советского государства о восстановлении промышленности, о концентрации пролетариата, о создании пролетарской базы вокруг крупных, мощных предприятий.

Но вы в праве будете сказать, что, быть-может, этот темп промышленности, это разворачивание промышленности достигается за счет сил рабочего класса, за счет понижения уровня его существования. На это я скажу, да — без того, чтобы рабочий класс вложил в это дело всю свою силу и свою энергию, без того поднять промышленность было бы, конечно, невозможно. К этому особенно следует прислушаться товарищам крестьянам, которые готовы слушать шептунов о том, что рабочий класс не то лодырничает, не то пользуется какими-то особыми привилегиями. Нет, рабочий класс в деле восстановления промышленности поставлен в особо трудные условия.

Вы знаете, товарищи, что мы получили промышленность в разоренном состоянии, вы знаете, что у нашей промышленности не было оборотных средств, вы знаете, что наша промышленность в течение десятилетий не обновляла своих машин и своего инвентаря, вы знаете, что нашим рабочим приходится работать на расхлябанных станках, и вы знаете, что у нас нет достаточных средств, которые можно было бы затратить на новое оборудование заводов, что облегчило бы труд рабочего класса. При этом те достижения, о которых я вам говорил, означают, что рабочий класс действительно своими мускулами, затратой своей энергии как духовной, так и физической поднимает промышленность. Как же оплачивается его труд?

Передо мной, товарищи, лежит табличка движения заработной платы фабрично-заводских рабочих г. Москвы. Я знаю, что, несмотря на то, что мы все члены одного и того же рабоче-крестьянского государства, что мы все члены одного и того же класса, что часто мы члены одной и той же партии, но я знаю, что у хозяйственников и у профессионалистов к вопросу заработной платы всегда несколько иной подход.

Поэтому, когда речь заходит о заработной плате, я предпочитаю справляться у профессионалистов, полагая, что профессионалисты уж не дадут нам цифр преувеличенных насчет заработной платы, а если где можно, то, пожалуй, скорее их преуменьшат, так же, как хозяйственники скорее склонны к их преувеличению. Так вот цифры, которые лежат передо мной, есть цифры МГСПС, официально опубликованные в бюллетене «Статистика труда». Они касаются только Москвы, т.-е. города, который, может-быть, поставлен в наилучшие условия, но вместе с тем, они, конечно, очень характерны для положения вопроса о заработной плате, для тенденции ее развития и во всех отраслях промышленности и во всех остальных районах Союза. Что же мы здесь находим? Вот цифры, которые показывают уровень заработной платы по отдельным союзам в октябре 1924 г. сравнительно с довоенным уровнем. Оказывается, что по группе металлистов процент повышения зарплаты сравнительно с довоенным уровнем достигает 20%, на 20% больше, чем получали до войны, при чем, конечно, взята заработная плата не в бумажных деньгах, а взята она в товарных рублях. В товарных рублях зарплата по группе металлистов в октябре 1924 г. сравнительно с 1913 г. составляет 120%, текстильщиков — 118%, химиков — 145%, пищевиков — 145%, кожевников — 162%, швейников — 99% (на один процент отстали) и печатников — 116%. В среднем, по всем союзам, включая сюда еще табачников — 120% сравнительно с 1913 г. и 134% сравнительно с октябрем 1923 г.

Политика действительного союза рабочих и крестьян.

Если вы меня спросите: удовлетворен ли я этими цифрами, я скажу: конечно, нет. Если в Москве, в столице, в которой рабочий класс, — в этом нам, все-таки, надо признаться, — поставлен в сравнительно лучшие условия, чем в других городах и областях нашего Союза, если здесь мы достигли повышения уровня довоенной зарплаты, — то надо же принять во внимание, что, во-первых, довоенная зарплата была низка, во-вторых, рабочий делал революцию для того, чтобы ее, между прочим, повысить, в-третьих, что рабочий уже не тот, что его культурные и всякие другие потребности за 8 лет, прошедших с того момента, как он скинул со своей шеи капиталиста, много возросли, и какие-нибудь 40 товарных рублей, которые получает та или иная группа рабочих, по сравнению с 35-ю рублями, которые он получал до войны, весят недостаточно: у него другие потребности и другие нужды, он иначе относится к жене, иначе относится к детям, иначе относится к себе самому. С этой точки зрения эти цифры неудовлетворительны.

Но если сравнить эти цифры с общим нашим положением, с тем темпом развития промышленности, о котором я вам говорил, то мы увидим, что мы сумели провести политику, при которой развитие промышленности сопровождается, вместе с тем, неуклонным ростом заработной платы. Если вы прибавите к этому, что мы не стоим на точке зрения, что наша промышленность должна дать как можно более высокие прибыли, что, наоборот, наши задачи и наша политика состоит в том, чтобы дать стране, в первую очередь крестьянству, продукцию городских рабочих по возможно более сниженным ценам, и что, следовательно, повышение заработной платы может происходить только за счет производительности труда рабочих, за счет напряжения их сил, за счет лучшей организации промышленности, то те товарищи, которые склонны прислушиваться к разговорам о том, что будто бы рабочий, в противоположность крестьянину, находится в особо привилегированном положении и будто бы он пользуется особыми льготами, должны понять, что они не правы, что, несмотря на некоторые улучшения в положении рабочего класса, рабочий класс смог дать более дешевую продукцию крестьянству только благодаря повышению производительности своего труда.

Если Советская власть, т.-е. организованное представительство рабочего класса и крестьянства, не может сказать, что мы удовлетворены уровнем достигнутой заработной платы, то она также должна сказать, что мы еще не удовлетворены и достигнутым уровнем производительности труда. Здесь мы собрались не для того, чтобы ублажать друг друга достигнутыми результатами. Да, результаты недурны за этот год, который мы прожили, мы многого достигли и можем в хорошую минутку посмеяться над неоправдавшимися надеждами наших врагов, но для себя, намечая путь на будущее, сосредоточивая все внимание на боевых участках нашего хозяйственного фронта, мы должны сказать, что многое не доделано; темп промышленности недурен, но, все-таки, его нужно ускорить; производительность труда поднялась, но мы должны еще на нееналечь; организация промышленности улучшилась, но все еще плоха и в смысле накладных расходов, и в смысле технического использования всех наличных сил; снижение цен на товары произведено, и этим рабочий класс завоевал доверие к себе крестьянина, — но оно еще недостаточно и требует дальнейшей работы.

Я обращусь к вопросу о снижении цен. Вот, товарищи, диаграмма, которая показывает вам знаменитые «ножницы».* Вы видите, «ножниц» уже нет, — они перекрестились. Вот то расхождение между городскими и с.-х. продуктами, которое было в конце 1923 г.; вот та пропасть, которая в тот момент лежала

* См. диаграмму № 11.

между рабочим классом и крестьянством,—пропасть экономическая, не политическая, но вы понимаете, что когда клин расколол вот такую щель, то тут на этой почве экономического расхождения очень легко было получить и политические осложнения. С этого момента началась политика правительства, которая должна была сжать эти ножницы. Вы видите, мы обрушились на них со всей энергией, и в течение нескольких месяцев сломали промышленные цены и подняли цены на крестьянские продукты.

Затем, в продолжение почти полугода мы вели эти цены почти параллельно, с некоторыми колебаниями, которые зависели не от нас, а от урожая, от общей суммы нашей продукции и т. д. И вот, в апреле месяце мы подошли к моменту, когда эти ножницы перекрестились, когда цены на с.-х. продукцию переросли цены на промышленную продукцию. Я к этому еще вернусь, так как это отнюдь нельзя назвать состоянием благополучия. Если крестьянин был прав, когда он говорил, что неправильна политика, которая берет у меня дешевый хлеб, а дает мне дорогой городской продукт, то, конечно, крестьянин должен будет нас понять, когда мы скажем: мы не можем разорять город ради деревни, ибо деревня без города, крестьянин без пролетария, это—человек, осужденный на экономическое рабство. Тот крестьянин, который этого не понял, ничего еще не понял.

Наша задача заключается в том, чтобы крестьянин понял, что крестьянин, лишенный поддержки пролетарского города, есть неизбежный раб помещика и фабриканта. Этот помещик может явиться сперва в лисьей шкуре, прикрываясь демократическими фразами, но из этой шкуры обязательно потом вылезет рабовладелец, который оседлает крестьянина, если он не будет держать союз с пролетарским городом, с рабочим классом, и, поэтому, политика, которая бы перегнула палку в другую сторону и сказала бы: так как раньше крестьянин получал мало за свой хлеб, а городские продукты были очень дороги, то теперь не сделать ли обратно,—такая политика была бы, безусловно, вредна, и мы такую политику не поведем.

Что произошло с промышленными ценами? Вот на этой диаграмме * верхняя линия показывает усилия рабочего класса, организатора производства, в деле снижения промышленных цен. Все то, что представляет это снижение, есть тот выигрыш от пролетарской промышленности, который получило крестьянство. В общем и целом снижение цен с октября 1923 г. по 1 марта нынешнего года достигло 30%. Я не буду останавливаться на отдельных отраслях продуктов, но перечислю хотя бы такие,

---

* См. диаграмму № 11.

как предметы широкого потребления, которые за эти полтора года понизились в цене на 35%, то же самое можно сказать и относительно продуктов текстильной промышленности. И мы должны сказать, что мы отнюдь не бросим эту политику, с этими ножницами мы будем бороться, но будем бороться другим путем, а отнюдь не тем, чтобы поднимать цены на продукты городской промышленности. Наша политика будет заключаться в том, чтобы давать крестьянину продукты городской промышленности по низким ценам.

Если вы теперь обратитесь от этих общих ножниц к тем продуктам, которые более всего интересуют крестьянина, и возьмете продукты специально крестьянского потребления,* то вы увидите вот этот уровень, эту прямую линию, на которой стояли эти цены в октябре 1923 года, а вот эта линия показывает, насколько упали эти цены. Значит, эти цифры показывают, насколько ниже стали цены на полотно, насколько ниже стали цены на спички, насколько ниже стали цены на ситец, насколько ниже стали цены на сахар, сравнительно с октябрем 1923 года. Сахар тут прыгнул довольно сильно, это как раз совпадает с тем временем, когда сахара у нас не хватило и когда установились сахарные хвосты: тут он вскочил на несколько месяцев, а затем упал до этого уровня.

Не справились мы с сапогами, которые стоят очень высоко и только чуть-чуть снижаются. Здесь дело заключается в том, что на обувном рынке не мы являемся хозяином. Мы производим через государственную промышленность только незначительную часть всего потребного обувного производства, главным образом, для города, деревня же живет кустарной выработкой обуви, которая чрезвычайно дорога.

Теперь приведу маленькую справку по следующему вопросу: итак, значит, денежная реформа была проведена, промышленность, как вы видите развивается, но вопрос в том, как идет товарооборот в стране. Это есть последнее испытание. Если бы мы на фабриках и заводах производили товары для складов, то, во-первых, фабрики и заводы не выдержали, во-вторых, лопнул бы рубль и, в-третьих, крестьянин был бы недоволен. Значит, насколько продукт перебрасывается в деревню, насколько он доходит туда, об этом можно судить по обороту торговли. Вот 2—3 цифры: в 1924 г. в январе месяце оборот московской биржи был 138 милл. руб., в январе 1925 г. он был 227 милл. В марте прошлого года—120 милл., в марте нынешнего года—223 милл., т.-е. опять-таки мы наблюдаем увеличение почти вдвое. Если взять провинциальный оборот, то здесь дело шло таким обра-

* См. диаграмму № 11.

зом: в 1924 г. было 100, 116, 149 и 180 милл., т.-е. мы видим постоянно увеличивающийся оборот торговли.

Если мы посмотрим на работу наших железных дорог, то и тут мы должны признать, что и наши железные дороги, подобно термометру, показывают постоянное увеличение товарооборота: мы грузим теперь почти 56—60% довоенных грузов, и нет никакого сомнения в том, что в следующем году наши железные дороги будут, вероятно, перевозить не менее 80—85% довоенных грузов, что будет показывать на оживление всего товарооборота страны.

Так обстоит дело в основных областях нашего народного хозяйства, и вы поймете легко, что перед нами сейчас возникает вопрос о том, как же быть дальше, как продвигаться дальше. Вот тот основной вопрос, который сейчас стоит перед нами! Можем ли мы на этом, довольно бурном, темпе развития городской промышленности остановиться? Конечно, нет, *мы не можем остановиться и мы не должны останавливаться*. Мы должны эту, столь удачно заведенную нами пружину разворачивать все дальше и дальше, и очень скоро мы придем к вопросу о том, что довоенные нормы перестанут нас удовлетворять, мы пойдем дальше этих норм.

И вот тут наша пролетарская промышленность и государство в целом упираются в вопрос крестьянского хозяйства, в вопрос его покупной способности, вопрос о том, сможет ли крестьянство поглотить все возрастающее производство фабрик и заводов. В связи с этим перед Советской властью, с чего я и начал свой доклад, во всю свою величину развертывается вопрос о крестьянском хозяйстве. Поэтому, на Всесоюзном Съезде, который начнется через несколько дней, вопрос крестьянского хозяйства, вопрос участия крестьянства во всем советском строительстве поставлен на повестку дня и послужит, несомненно, центральным вопросом этого Съезда.

Что мы сделали до сих пор для крестьянства в этой области? Что бы ни говорили, но кое-что мы сделали. Я уже показывал вам снижение цен,—оно есть прямое продвижение вперед в области крестьянского рынка,—это та дорога, при помощи которой мы начали завоевывать крестьянский рынок. Следующее, что было сделано, это — мы сняли с крестьянства тот эмиссионный налог, который оно платило, пока мы не имели твердой валюты, а имели цветные бумажки. И, наконец, мы повели такую политику хлебных цен, которая дала крестьянству за этот год по крайней мере на 150 милл. больше, чем в прошлом году. Я на минуточку остановлюсь на этом вопросе, потому что в вопросе рабоче-крестьянской смычки, а, следовательно, и в вопросе всей крестьянской политики он имеет основное значение.

Политика твердых цен на хлеб.

Вы знаете, что мы в этом году провели политику лимитов, т.-е. твердых цен, которые государство платило за хлеб. Вы знаете, что эта политика не могла не вызвать некоторого колебания крестьянства по отношению к нам, или, вернее, известных групп крестьянства. Теперь заготовка государством хлеба закончилась. Мы закупили, как государство, как рабочая организация, у крестьянства 300 милл. пуд. хлеба. Закупили их в таком расчете, чтобы мы могли прокормить население пролетарских центров, чтобы мы могли помочь этим хлебом населению голодающих крестьянских районов, чтобы мы, наконец, могли иметь достаточно хлеба для прокормления тех крестьянских районов, которым собственного хлеба не хватает и которые всегда весною покупают хлеб. Теперь мы можем подвести некоторые итоги и спросить себя и крестьян, и рабочий класс, выгодна ли оказалась эта операция, не произошло ли здесь того, что, так как государство предписало определенные цены на хлеб, то крестьяне пострадали ради рабочего класса, а рабочему хлеб достался слишком дешево. Ответ на этот вопрос заключается в этой таблице.* Здесь столбиками, заштрихованными в клетку, показаны цены на хлеб, которые платились крестьянину в декабре 1923 г. по отдельным районам, а сплошными белыми столбиками — цены в декабре 1924 г. по тем же районам. Вы видите, что хотя по различным районам превосходство вторых столбцов над первыми показано кое-где меньше, кое-где больше, но всюду и везде, по всем районам мы платили крестьянину в этом году, приблизительно, вдвое больше за хлеб, чем платили в прошлом году. Вот наш ответ на вопрос о том, как ведет свою политику рабочий класс относительно крестьянства. Дать всю ту цену, которую требовали с города за хлеб кулацкие элементы деревни, имеющие больше хлеба, имеющие возможность спекульнуть хлебом, мы не могли, ибо это ознаменовало бы понижение бюджета рабочего класса. Но, вместе с тем, мы пошли на такую политику, которая дала крестьянству в среднем на 50% больше, чем в прошлом году, и дали таким образом крестьянству возможность получить в общем и среднем от нашей закупки 300 миллионов пудов хлеба около 150 милл. излишка сравнительно с прошлым годом. Но рабочий класс может сказать: «а почему же мы переплатили 150 миллионов крестьянству за этот хлеб?» На это я отвечу так: если бы мы не переплатили крестьянству немножко больше за хлеб, то ножницы не сошлись бы и крестьянство не имело бы

* См. диаграмму №№ 17 и 18.

возможности купить наших товаров. Те 150 миллионов, которые мы переплатили на хлебе крестьянству в этом году, сравнительно с ценами прошлого года, они увеличили покупательную силу крестьянства и дали ему возможность приобрести городские товары. Вот почему мы в этом году имели не кризис сбыта наших товаров, а, наоборот, товарный голод. Крестьянство требовало товаров больше, чем мы могли ему предоставить. Я полагаю, что эта политика правильная. Это и есть политика действительного союза рабочих и крестьян, в котором рабочий класс сохраняет руководящее положение. Почему? Да не потому, что рабочий склеен из другого теста, а только потому, что рабочий стоит на таких командных высотах, держит в своих руках такие отрасли производства, которые позволяют ему вести политику шире, глубже и более далеко видящую, чем политика отдельных, разбросанных крестьян. Вот чем объясняется, что в союзе рабочих и крестьян руководящая роль должна остаться за пролетариатом и для блага крестьянства, и для блага государства, и для блага самого пролетариата. Пролетариат, который заметил, что крестьянин получает за хлеб слишком мало, который повел борьбу за повышение хлебных цен и который, вместе с тем, не позволил кулацким верхушкам деревни слизать сливки и спекульнуть на хлебе, но дал трудящемуся крестьянству на 150 милл. больше, чем в прошлом году, на хлеб, этот пролетариат провел правильную политику союза рабочих и крестьян.

Кроме этих 150 миллионов на хлеб, кроме снижения цен на продукты промышленности, мы впервые в этом году поставили широко вопрос об организации крестьянского кредита. Это дело необходимое. Вы знаете, государство наше, несмотря на наши успехи, еще не богато, отдать крестьянству те средства в кредит, которые мы сами считаем необходимыми, мы не имеем возможности.

Какая деревня нам нужна. О кулаке.

И вот, имея перед собою такую картину, я спрашиваю себя и вас, какая же деревня нам нужна, как должна выглядеть та деревня, которая позволит нам дальше развивать еще более ускоренным темпом нашу промышленность, развивать наш товарооборот, развивать наш грузооборот, поднимать значение городов и т. д.? И мы отвечаем на этот вопрос: конечно, деревня, сидящая на трехполке, деревня, сидящая в курной избе, деревня безграмотная, деревня нищая,—она не может служить базисом не только для социалистического производства, но и вообще для крупной городской промышленности. И если бы мы не принимали мер к тому, чтобы деревню нищую, убогую, не способную поглотить городское производство, превратить в деревню креп-

кую, богатую, культурную, более интенсивно развивающую свое хозяйство, то мы тогда строили бы наше рабочее дело на песке. Какой хозяин нам нужен в деревне? Тот ли, который по старо-дедовским заветам обрабатывает землю, который не накапливает ничего, или другой хозяин — культурный, интенсивно ведущий свое хозяйство, маслодел, животновод, применяющий машины? — конечно, всякий сознательный пролетарий, как и всякий крестьянин, скажет: дело социализма требует именно второго типа хозяина.

Новая деревня, которая должна служить для развивающейся нашей промышленности базисом, которая не будет стоять перед нами стеною и брать за горло, заставляя нас сворачивать промышленность, должна быть именно деревней второго типа. Тут перед нами встает целый ряд задач, и эти задачи будут очередными задачами наступающего периода. Что, действительно, мы можем сделать в этой области? Прежде всего здесь встает вопрос о кулаке. Мы знаем, что в деревне очень часто не умеют точно ответить на то, что такое кулак, и что благодаря этой неточности определения часто происходит неправильный изгиб и политической линии и линии экономической политики.

Можно ли считать кулаком крестьянина, который, пользуясь Советской властью, пользуясь советским кредитом, пользуясь теми условиями, которые предоставляет Советская власть, повышает свое хозяйство, повышает техническую обработку земли, создает условия для накопления в своем хозяйстве? Конечно, нет. Мы были бы безумцами, если бы такого крестьянина, который пользуется условиями, созданными Советской властью для повышения его благосостояния и уровня его хозяйства, стали бы считать кулаком. Мы подрубили бы тот сук, на котором мы сидим. Но кого же мы должны считать кулаком? Можем ли мы закрывать глаза, что действительно в деревне происходит процесс выделения буржуазных верхушек в виде предпринимательских хозяйств? Конечно, закрывать глаза на это нельзя. Мы сильны именно тем, что всегда смотрели на правду открытыми глазами и должны сказать: поскольку мы ведем политику свободной торговли, крестьянство будет выделять такую буржуазную верхушку, которая, насколько она пользуется неоплаченным трудом, является тем кулацким элементом, который нам ни союзником, ни помощником быть не может и который является эксплуататором деревенской бедноты и середняка.

Мы — за полное развитие производительных сил.

Но не нужно расширительного толкования. Мы, члены коммунистической партии, гордимся тем, что мы марксисты, а марксизм говорит, что совершенно безумна та политика, которая прет

против развития производительных сил или пытается задерживать развитие производительных сил. Если мы с вами повели свою политику так, что она на деле препятствовала бы развитию производительных сил в деревне, то это означало бы крушение нашей политики: на этом бы сломался союз рабочих и крестьян и сломалась бы Советская власть. Мы стоим за полное развитие производительных сил в деревне, за все большее и большее увеличение товарности крестьянского хозяйства, за углубление его хозяйства, за индустриализацию деревни, за то, чтобы деревня повышала уровень своего хозяйства и, наконец, чтобы деревня имела возможность накапливать необходимые ей средства. Мы должны создать условия, когда деревня может накапливать, а иначе мы не будем иметь того крестьянского рынка, той его емкости, при которой развитие нашей промышленности имело бы перед собой твердое будущее. На заграничный рынок мы не пойдем, да нас туда и не пустят, а крестьянин голодный и нищий не сможет поддержать промышленности. Только крестьянство развивающееся, богатеющее и накапливающее может быть здоровым потребителем тех продуктов, при помощи которых могут держаться наши фабрики и заводы. Поэтому, мы должны создать такие условия, которые этому могли бы содействовать.

Я считаю, что из всего того, что за последнее время было сказано по поводу крестьянства, быть-может наиболее ценно и правильно то, что сказал тот товарищ, который к этому делу приставлен—я говорю об Александре Петровиче Смирнове и о его последних статьях в «Правде». В этих статьях есть кое-что и спорного, но в тех словах, которые я сейчас прочту, правильно указаны основные пути и тенденция. Он говорит: «Процесс восстановления и развития нашего сельского хозяйства может пойти быстрым темпом только при условии накопления ценности в крестьянском хозяйстве. Без этого условия, без восстановления до необходимых размеров живого и мертвого инвентаря ни о каком действительном движении вперед говорить нельзя. Поэтому, все наши разговоры и резолюции останутся пустым звуком, если мы не создадим всех предпосылок для необходимого накопления в деревне». («Правда» № 79.) Тов. Смирнов прав. Создание условий широкого развития производительных сил в деревне, это—очередная задача, диктуемая нам и положением в деревне и положением промышленности. Есть ли действительно в деревне такие нормы, такая практика, которая противоречит этим условиям? Да, мы должны сказать, есть. В деревне много пережитков неразвитого нэпа

в деревенском хозяйстве и в некоторых органах, вокруг деревни и около деревни работающих, еще много того, что является остатком эпохи военного коммунизма и от чего мы в городе уже освободились.

Мы должны все это пересмотреть и создать такие условия, при которых крестьянство могло бы — во-первых — целиком и полностью использовать свою рабочую силу, и — во-вторых, — при которых крестьяне имели бы возможность целиком использовать продукцию своего труда и свободно ею распоряжаться. Только при этих условиях, когда мы снимем рогатки и препятствия, которые остались от старой эпохи, только тогда мы получим в деревне те условия, при которых может итти накопление и может интенсифицироваться хозяйство и углубляться рынок для промышленности. Вот та задача, которая стоит перед нами. Она чрезвычайно обширна и обнимает большой круг конкретных вопросов. Я остановлюсь только на некоторых из них.

Безработица и борьба с нею.

Я, например, упоминал о безработице; на вопрос — откуда идет эта безработица, всякий вам скажет, что в этой безработице сказывается деревенская волна. Откуда она идет? Из деревенского перенаселения. Это значит, что прирост населения в деревне идет таким скорым темпом, что избыток сил не может использоваться ни городом, ни нынешней деревней. Некоторые статистики подсчитали, что нормальный прирост населения должен быть полтора процента в год. У нас прирост населения не на полтора процента, а на $2^1/_2\%$. Но если взять полтора процента прироста населения на 100-миллионное крестьянство, то это обозначает ежегодный прирост населения в $1^1/_2$ милл. человек.

При нашем темпе развития промышленности, мы, конечно, будем поглощать новые и новые крестьянские силы, которые выходят из деревни, но мы растем все-таки не так быстро, чтобы успеть поглощать в год $1^1/_2$ милл. новой рабочей силы из деревни. При ускорении темпа промышленности мы будем поглощать 200—300 тыс., а миллион новых работников будет оставаться там же. Что это будет значить? Если мы не создадим в деревне условий поглощения этого избытка, то он будет давить и на деревню и на городское хозяйство, он будет давить и на заработную плату, будет наполнять наши улицы, будет требовать от нас отчислений и т. д., будет нервировать весь процесс производства.

А с другой стороны, оставаясь в деревне, на тех же клочках земли, без улучшения и углубления хозяйства, без введения

в деревню индустриальных методов, без того, чтобы в деревне были шире поставлены кустарничество, ремесленничество, ученичество,— без этого эта масса перенаселения будет давить на крестьянство и будет превращать деревню в бедняков, у которых нет хозяйственного будущего.

Вот та опасность, на которую нам теперь уже пора обратить внимание и с которой бороться можно, с одной стороны — интенсивным развитием промышленности, но для этого нужен рынок, нужен крепкий покупатель, который не удовлетворяется фунтом соли и несколькими аршинами мануфактуры, а нужен покупатель другой, т.-е. крестьяне, у которых есть некоторое накопление, которые поднимают свое хозяйство, пользуясь и кредитом, и обстановкой, которую создает для него Советская власть.

Другой способ борьбы с этим явлением — повышение уровня крестьянского хозяйства, интенсификация его, индустриализация деревни, создание новых отраслей хозяйства в деревне.

Вот почему мы уже начинаем пересматривать целый ряд законов, которые до известной степени стесняли тот процесс развития производительных сил в деревне, о которых я вам сейчас говорил. Так, напр., Совет Труда и Обороны и СНК на-днях принял закон о кустарях, по которому с них снимается промысловый налог и по которому они частично освобождаются от подоходного налога. Таким образом, этот закон облегчает положение кустарничества. Но это первая ласточка, а нам надо будет пересмотреть и наше законодательство о землепользовании, о найме и об аренде, потому, что у нас много еще таких юридических норм, которые на самом деле задерживают развитие производительных сил в деревне, запутывая классовые отношения вместо того, чтобы вводить их в правильное русло.

Любую линию политики можно довести до абсурда и ту линию, линию устранения препятствий с пути развития производительных сил деревни, можно также довести до абсурда, извратив ее классовую природу. Можно построить теорию, которая приведет нас к тому, что наше государство окажется сторонником или помощником буржуазных элементов деревни.

Я, напр., прочитал в одной статье такую формулировку: «Сейчас перед крестьянством стоит задача обратить в «капитал» свои завоевания в революции, т.-е. полностью воспользоваться свободой мелкого товаро-производителя». Ошибка. Товарищ дает эту формулу без критики. Этому товарищу мы можем сказать, что этого-то делать мы как раз и не будем. Мы говорим о том, что нельзя смешивать кулака-эксплуататора со старательным крестьянином, нельзя придерживаться политики торможения про-

изводительных сил, но чтобы предоставить полную свободу мелкому товаро-производителю,— этого мы не говорим. Сказать, что те юридические путы, те устарелые законы, которые стесняют кустарничество, ученичество, ремесленничество, стесняют распоряжение крестьянина продукцией своего труда, подлежат устранению,— это мы скажем и проведем, а «полностью воспользоваться свободой мелкого товаро-производителя»,— нет, этого мы не скажем и никому не посоветуем повторять этой формулы. Это мы должны сказать и автору этой статьи и всем крестьянам, ибо это и есть формула капиталистического развития.

Что такое полная свобода мелкого товаро-производителя, сидящего на земле? Это — свобода распоряжаться землей, но у нас, ведь, национализация земли, и мы от этого не собираемся отказываться, а это есть стеснение мелкого товаро-производителя, ибо мелкий товаро-производитель, пользуясь полной свободой, скажет: дайте нам право продать землю, заложить ее и т. д., а у нас земля принадлежит не каждому отдельному крестьянину, а всем трудящимся — государству. А это есть уже ограничение. Что такое полная свобода мелкого производителя, как не полная свобода вырастать из него в угнетателя, как не полная свобода мелкого товаро-производителя угнетать другого, мельчайшего товаро-производителя? Вот такой-то полной свободы мы и не дадим, и такими фразами играть нельзя. Мы объясним крестьянам, что мы за развитие производительных сил, мы против тех пережитков, которые мешают развитию производительных сил, мы за то, чтобы пересмотреть сел.-хоз. налог, приблизить его к различным группировкам крестьян, мы за то, чтобы политика лимитных цен не трактовалась так грубо, как это делалось в прошлом, мы за устранение излишних стеснений в распоряжении крестьянина продуктами своего труда, в использовании рабочих сил крестьянина, мы против того, чтобы стеснять кустарническое производство, мы за то, чтобы поддерживать всякие интенсивные формы хозяйства, но когда нам говорят о «полной свободе мелкого товаро-производителя», мы говорим — нет, это не входит в общую политику рабоче-крестьянского государства. Мы за крестьянское накопление, Советская власть должна стоять на этой точке зрения, но мы за то, чтобы это накопление регулировать. Каким образом регулировать?— Тем аппаратом, который у нас есть. У нас власть социалистическая, в наших руках все запасы промышленных товаров, без которых крестьянам не прожить, в наших руках вся кредитная система и все банки, в наших руках весь транспорт,— и разве этого нам мало для того, чтобы рабочий класс мог регулировать накопление деревни, мог регулировать развитие производительных сил деревни? Этого достаточно, ибо налого-

вая система и кредитная система — это есть самое могучее орудие в наших руках для того, чтобы направлять это накопление, которое будет происходить в сельском хозяйстве не по линии частного накопления и роста частных капиталов, а по линии социалистической, по линии государственной.

Особое внимание кооперации и оживлению советов.

Самая худая политика — политика самообмана. Когда мы шли на нэп, мы сознавали, что нэп есть некоторая маленькая завязь, из которой может вырасти буржуазия. И сейчас разворачивание производительных сил в деревне, разворачивание нэпа в деревне также может вызвать определенную опасность; задача в том, чтобы, ясно сознавая эту опасность, мы умели регулировать этот неизбежный процесс и направлять его не на колесо частного капитала, а на колесо того государственного капитала, который находится в руках союза рабочих и крестьян. Можем ли мы это сделать? — Да. Но для того, чтобы это сделать, мы должны, прежде всего, обратить особое внимание на кооперацию. Не случайно опять-таки вопросы кооперации стоят у нас в порядке дня. Кооперация есть то орудие, при помощи которого мы должны будем эти накопления, находящиеся в крестьянской среде, направлять на колесо нашего государственного капитала, а не частного. И поэтому поддержка кооперации и, в особенности и в частности, с.-х. кооперации, все виды помощи объединению середняцких и маломощных крестьянских хозяйств против хозяйств богаческих, это есть та первоочередная задача, которая вырисовывается перед нами на том историческом повороте, на котором мы сейчас находимся. Вы знаете, что вопросы кооперации не выходили из внимания рабочего класса и Советской власти за весь этот период и, конечно, это объясняется и теми процессами, которые происходят в нашей жизни, и тем, что на эти процессы обратил внимание Вл. Ильич и посвятил свои последние статьи именно вопросам кооперации. Он знал, понимал, а мы теперь ощущаем каждой порой своего тела, что именно вопросы кооперации и, через кооперацию, вопросы смычки рабочих и крестьян, есть вопросы решающие, — кто возьмет верх: элементы капиталистические в нашем хозяйстве или элементы социалистические.

Я думаю, что все то, что я вам сообщил, показывает, что мы закончили прошлый год не только не растратив чего-либо из накопленных нами в предшествующую эпоху социалистиче-

ских ценностей, но, напротив, увеличив массу этих ценностей, что мы закончили прошлый год не только не сдав ни одного редута из наших командных высот, из наших пролетарских крепостей частному капиталу или мелкобуржуазной стихии, но что, наоборот, мы свои пролетарские бастионы, свои форты и редуты укрепили; больше того,— мы за этот год научились больше понимать и больше увязывать с собой эту мелкобуржуазную стихию, которая вокруг этих пролетарских островков шевелится; мы больше научились управлять и хозяйством, и государством. И тот вопрос, уже не чисто хозяйственный, а общеполитический, на котором сейчас сосредоточено внимание Советской власти, есть, именно, вопрос о том, как привлечь к делу управления и страной, и хозяйством самые широкие беспартийные массы, в первую очередь деревню. Можно сказать так, что в области города мы если не закончили, то во всяком случае подвинулись очень далеко в деле втягивания беспартийных рабочих и работниц в дело управления страной. Тут нами проложены прямые и определенные дороги. Мы знаем, как по ним итти, мы эту работу систематически должны будем продолжать.

В деревне мы поднимем новую кампанию, которая началась вот этими выборами, которая продолжается обсуждением целого ряда вопросов, касающихся советского строительства и в которой все сводится, в конце концов, к делу вовлечения самых широких беспартийных масс крестьянства в дело управления государством. Когда мы говорим «лицом к деревне», мы включаем в этот лозунг и снижение цен, и кредитную политику для деревни, и пересмотр части нашего законодательства, и целый ряд хозяйственных мероприятий, направленных к тому, чтобы укрепить хозяйственный союз рабочих и крестьян.

Когда мы говорим об оживлении советов, мы говорим именно о том, чтобы крестьянин понял, что в лице советов он имеет такой аппарат, при помощи которого он может направлять внимание советов в сторону своих нужд, такой аппарат, который позволяет ему сосредоточивать внимание руководящих кругов Советской власти на подлинных, действительных нуждах крестьян, через который он сам непосредственно принимает участие в управлении. Перевыборы советов показали возросшую активность крестьянства. Низшие ступени Советской власти почти целиком в руках крестьян; вплоть до самых уездов, везде и всюду советы — есть крестьянские советы, над которыми руководящая роль пролетариата осуществляется, несмотря на то, что громадное большинство их членов состоит из подлинных крестьян, тесно связанных с землей. Вопрос о создании для деревни честного советского административного аппарата, чтобы в деревню ввести законность, чтобы в деревне переходить все больше и

больше от методов принуждения к методам убеждения, чтобы бросить методы управления при помощи голой команды, а заменить их методами убеждения, методами вовлечения самих крестьян в проработку всех вопросов, которые перед ними стоят,— вот таковы те задачи, которые в области управления сейчас стоят перед нами.

Современная международная обстановка.

Теперь последнее, на чем я хотел остановиться в нескольких только словах, это—вопрос о том, в какой же международной обстановке нам придется осуществлять эти задачи. Я не имею сообщить вам по этому поводу ничего сенсационного. Все продолжается, как и должно продолжаться в том мире, в котором власть принадлежит капиталистам и который всякими пышными словами прикрывает подготовку новых и новых катастроф для человечества.

Но обозревая, в общем и целом, международную обстановку, мы должны сказать, что мы стоим в такой эпохе, когда волны реакции все больше и больше начинают захлестывать самые последние остатки того, что называется демократией, либерализмом и т. д. Мы видели, как волны реакции, подлинного империализма захлестнули правительство, так называемое рабочее правительство Макдональда в Англии. Мы видим, как сейчас волны подлинной монархической реакции пытаются захватить и заглушить то, что называется демократией в Германии, где монархическая реакция, ничем не прикрытая, уже настолько крепко почувствовала себя в седле, что выдвинула в президенты республики прямого ставленника Вильгельма — генерала Гинденбурга, который, конечно, будет рассматривать себя (если он будет выбран), как временного наместника его императорского величества Вильгельма II.

Те же самые волны реакции поднимаются и начинают подмывать те слабенькие утесы, на которых держится правительство Эррио во Франции. И вот эти волны реакции, обнаруживая рост реакционных империалистски-милитаристских элементов, вместе с тем еще и еще раз подтверждают то, что говорили мы всегда: что против реакции совершенно бессильны те группы, которые хвалятся своим демократизмом, социализмом и т. д. Вы ведь знаете, что во всех этих странах, почти по всей Европе были моменты, когда власть находилась в руках не только демократов, но в руках социалистов. Социалисты II Интернационала [2]) стояли у власти в Германии, они стояли в лице Макдональда у власти в Англии, они сейчас входят в правительственный блок во Франции. И что же? Их политика, которую они так восхваляли перед нашей, предупредила ли она по-

явление реакции, задержала ли она хоть на один шаг тот момент, когда генералы со своими саблями в руках приходят для того, чтобы решать все вопросы демократии? Нет, нисколько. Да и не могли они этого сделать, они оказались только той дорожкой, по которой реакция идет вперед. И поэтому в рабочих массах неизбежно растет мысль о том, что действительным противником для всей милитаристической реакции, так мощно развернувшейся по всему европейскому фронту, может явиться не социализм II Интернационала, не хваленый демократизм сторонников «народовластия», а только подлинная организация революционного пролетариата, революционных рабочих, т.-е. только коммунистическая партия.

Этот процесс идет медленно, и мы не должны обольщаться и не должны думать, что этот наглядный урок уже завтра заставит те или иные группы пролетариата выйти на улицу с оружием в руках для решения вопроса о власти. Последняя сессия Коммунистического Интернационала, которая имела возможность обозреть все мировое положение, должна была признать, что мы вступаем в период частичной стабилизации капитализма. Некоторые пытались сделать из этого ликвидаторские выводы: раз революция не завтра, раз капитализм оказался более жизнеспособным, чем мы полагали, тогда лучше отложить все наши революционные лозунги и революционную работу. Такое настроение появляется на закраинах некоторых коммунистических партий, но оно встретило решительный отпор со стороны Коммунистического Интернационала, который в данном случае руководствовался теми уроками, которые получила Российская Коммунистическая партия в 1907 году.

Мы в 1907 году были в таком же положении, мы тогда сказали: да, на этом этапе революция не увенчалась успехом, царь и Гучков, видимо, стабилизовали свою власть и обрекли нас на несколько лет кротовой работы, но мы тогда же заявили: *мы никогда не откажемся, в какое бы подполье нас ни загнали, не откажемся от подготовки рабочего класса в духе революции.* И вот этот опыт пролетариев России оказался чрезвычайно полезным для того периода, который сейчас наступает, с той только поправкой, что если тогда мы, революционные рабочие России, сказали себе: не сегодня, так завтра, не через год, так через 2 года, не через 2 года, так через 4 года, но вторая революция придет неизбежно, — то вся международная обстановка тогда нас отнюдь еще не поддерживала. Сейчас же, наоборот, вся международная обстановка, все раздоры, которые существуют между капиталистическими державами, невозможность решить национальный вопрос и, наконец, несомненно встающее на Востоке зарево революционного пожара колониальных народов в Китае, Индии

и Персии, — все это чрезвычайно приближает срок, все это минирует этот стабилизующийся капитализм, и поэтому мы можем совершенно спокойно смотреть вперед, продолжая нашу работу.

Выводы.

Если попытаться сформулировать и вывести общий итог из того, что я сказал, то он таков. Мы имеем очень крупные завоевания, мы разрешили ряд крупнейших задач, мы, вместе с рабочим классом и крестьянством, уверены, что выбрали, в общем и целом, правильный путь, мы сейчас располагаем большим доверием рабочих, располагаем более широким доверием крестьянских масс, но, тем не менее, перед нами ряд очередных задач, которые мы должны решать энергично и осторожно, ни на минуту не останавливаясь в своей борьбе за коммунизм.

Программа наша ясна. Попрежнему расширять промышленность, концентрировать все больше и больше пролетарские массы вокруг развивающейся промышленности; вести линию стабилизации и повышения заработной платы, в тесной связи с ростом производительности труда; поставить на очередь вопрос о полном использовании капиталов промышленности и техническом ее улучшении, т.-е. выдвинуть проблему восстановления основного капитала промышленности.

Что касается деревни, то мы должны решить целый ряд вопросов, направленных к тому, чтобы расширять и развивать производительные силы в деревне. Мы должны устранить те юридические нормы и административную практику, которые мешают развитию производительных сил в деревне; мы должны создать для крестьянства гораздо более широкие возможности использования своих сил в хозяйстве, должны создать более широкие возможности для крестьянства в распоряжении продуктами своего труда. Мы должны приложить все усилия, чтобы индустриализировать деревню, чтобы дать деревне государственный кредит, без которого поднять крестьянское хозяйство невозможно. Этот кредит привяжет крестьянство, поднимающее свое хозяйство, к тому пролетарскому государству, которое ему этот кредит даст. Мы должны пересмотреть и исправить законы о землепользовании, землеустройстве, о кустарях, об ученичестве, приспособить к условиям сельского хозяйства некоторые отделы Кодекса труда. Наконец, создавая в деревне условия действительного накопления, мы должны помнить твердо, что это накопление должно быть регулировано в сторону усиления позиции государства против частного капитала. Для этого мы должны поддерживать кооперацию в первую оче-

редь и особенно с.-хоз. кооперацию. Мы должны помнить, что одной кооперацией мы здесь не справимся, что нам необходимо усиливать торговый капитал — это новая задача, которая встает перед нами. Мы должны помнить, что вся эта политика возможна только тогда, когда мы будем держать в абсолютной твердости нашу валюту, когда мы будем строго отстаивать, не поддаваясь никаким колебаниям, твердость государственного бюджета. В этом бюджете все большую и большую долю мы должны уделять обслуживанию и поднятию культурных задач, главным образом просвещению, особенно в деревне.

Наконец, мы должны помнить, что все эти громаднейшие практические вопросы социалистического строительства возможны только на почве оживления советов, путем привлечения все более и более широких масс всех честных трудящихся во все наши советские учреждения; мы должны помнить, что методы простого, голого командования и приказания будут постепенно уступать место методам убеждения и революционной советской законности в деревне.

И последнее, мы должны сказать, что мы не хотим никаких столкновений с соседями, что наша политика — есть политика мира, что всюду и везде мы добиваемся мира, и что эти мирные отношения мы будем везде и всюду поддерживать, но мы должны помнить, что наша Красная армия и Красный флот, увеличивая обороноспособность страны, являются лучшей гарантией мира.

Таким образом, кратко характеризуя нашу ближайшую программу, я бы сказал: мир, хозяйственная работа для усиления социалистических элементов нашей экономики на почве расширяющегося и углубляющегося союза рабочих и крестьян, и, наконец, вовлечение в дело государственного управления и социалистического строительства все более и более широких масс. Если мы это будем делать и делать так, как делали в прошлом году, то мы можем смело надеяться, что выполним заветы Владимира Ильича, который говорил: «Мы будем двигаться медленно, но если мы будем двигаться всей толщей, всей массой, всем союзом рабочих и крестьян вместе, тогда в определенный момент наступит такое ускорение движения к социализму, о котором трудно и мечтать».

Я уже несколько месяцев тому назад, делая обзор достижений прошлого года, выразил уверенность, что мы вступили именно в этот период ускорения движения к социализму. Теперь внимательный анализ хозяйства, настроения рабочих, настроения крестьян, проверка их на выборах, — все это показывает нам, что действительно к социализму мы будем итти все быстрее и быстрее. (Шумные аплодисменты.)

Заключительное слово.

Товарищи, в своем докладе я не мог, конечно, коснуться всех вопросов, которые вас интересуют, и я, поэтому, попытаюсь ответить почти на все записки, которые мне представлены, и полагаю, что коснусь всех тех вопросов, которые были подняты в прениях. Я буду итти по порядку.

Меня спрашивают, как считать того, который до революции эксплуатировал 20 чел., но при Советской власти все потерял и потому не имеет среднего заработка и вследствие этого ругает Советскую власть? Я думаю, прежде всего надо внимательно прислушаться, почему и за что он ругает Советскую власть. Если он ругает Советскую власть за то, что мы лишили его возможности эксплуатировать 20 чел., то мы ему помочь ничем не можем, потому что создать ему такие условия, при которых он имел бы право эксплуатировать людей, мы не можем.

Если же он понял, что то, что произошло для него,—утрата возможности эксплуатировать чужой труд — вещь бесповоротная, и он ругает Советскую власть за то, что он остался без работы, без куска хлеба, то здесь Советская власть должна притти к нему на помощь. Предоставить, конечно, полную возможность труда и труда производительного мы в данный момент всем нуждающимся не можем. Мы охотно пустили бы все наши фабрики и заводы в ход, мы вывели бы их из того состояния, в котором они находятся, но для того, чтобы пустить все фабрики и заводы, мало одного желания, для этого необходимо иметь и оборотные средства. Этих средств страна наша не имеет, из-за границы получить эти средства мы не можем (почему не можем, об этом я вам скажу позднее), и потому приходится в отношении пуска фабрик и заводов устраивать определенную очередь, пуская в ход те, которые больше всего нужны народному хозяйству. Вот способ, при помощи которого мы можем помочь тем, которые не имеют заработка.

Затем, мы должны разгрузить бремя труда в крестьянском хозяйстве и поставить находящихся там в лучшие условия. Мы должны расширить возможно сильнее кустарную производительность, ремесленную производительность, ввести в работу ученичество, произвести постройку маслодельных заводов. Все это мы не можем сделать, конечно, быстро из-за отсутствия оборотных средств.

Следующей запиской меня спрашивают, какие у нас шансы получить иностранный заем. Должен сказать, что шансы у нас на это не велики. Конечно, если бы мы согласились на кабальные условия, которые нам предлагают капиталисты, — на признание цар-

-ских долгов, на оплату больших процентов по этому займу и на возможность их контроля над теми предприятиями, на которые они дают нам средства, — безусловно, капиталисты согласились бы нам дать взаймы, но мы не можем пойти на это. Я уверен, что Советская власть на эти кабальные условия никогда не пойдет, потому что она держится тех желаний рабочих и крестьян, которые выявляются в этом направлении. Лучше мы напряжением своих сил и своего труда добьемся тех результатов, которые нам нужны, но не при помощи средств капиталистов, а при помощи затраты своей энергии, идя по своему пути. Лучше мы будем итти по этому пути медленнее, но пусть это будет верно; пусть Россия будет лучше при более медленном развитии, да наша, чем при более быстром, да чужая — иностранная (аплодисменты).

Здесь еще записка: «Правда ли, что в деревне будут нанимать батраков без договора, без оплаты страховых, без участия профсоюза? Если это будет так, то такое положение приведет к эксплуатации батраков». Наша точка зрения заключается в том, чтобы условия найма рабочей силы в деревне возможно облегчить. Все дело в том, что вопрос о количестве рабочих часов в деревне нельзя ставить в ту самую плоскость, в какой он стоит в городе. Нам нельзя в этом отношении применять все те строгости, как мы применяем их в отношении фабрик и заводов, в особенности, когда дело касается моментов страдной поры. Возможно, что нам придется пересмотреть и изменить платежи за страхование, а также и всего, связанного с условиями найма в деревне. Теперь мы получаем часто такие сведения, что крестьянин хотел бы нанять работника, и работник хотел бы наняться, но по нашим условиям он не может этого ввести в свое хозяйство и, в конце-концов, получается так, что крестьянин остается без работника, без помощника в хозяйстве, а работник остается без работы. Мы хотим для работника создать лучшие условия, а выходит на самом деле так, что и тот, который хотел бы нанять, и тот, который хотел бы наняться, не могут этого сделать, потому что этому мешают условия, которые создает Советская власть. Мы должны дать возможность в деревне производить эти сделки. На это мы должны пойти, но это не значит, что мы будем отказываться от соблюдения договора и от тех условий, которые выработаны профсоюзом. Мы, конечно, и то и другое сохраним.

Следующая записка такая: «Какие перспективы переселенчества намечаются в Туркестан, Кавказ и т. д.?» Переселенчество надо развивать, надо развивать политику переселений на свободные земли. К сожалению, и здесь вопрос идет недостаточно быстро из-за отсутствия денег. Посылать людей на неприготовленные земли — это значит обрекать людей на вымирание.

Прежде чем посылать, надо землю подготовить, потому что всякий переселенец перед переселением распродает все, что он имеет, и на новую землю отправляется голяком. В этом случае необходимо ему сделать поддержку. В будущем году в этом смысле нужно сделать значительно больше, чем было сделано в прошлом году. Средства на переселение в будущем году будут увеличены.

Теперь у меня спрашивают еще относительно того, почему не развивается сильно концессионная политика. Потому, что условия, на которых нам предлагают вступать в концессионные отношения, очень часто невыгодны для нас. Иностранцы в этом смысле смотрят так, чтобы взять концессию возможно выгодней для них и на возможно более легких условиях. Мы же сможем сдать в концессии такие отрасли нашего хозяйства, которые мы сами не сможем целиком обработать, и те, которые принесли бы нам побольше дохода. Вот почему, товарищи, происходят длинные торги и переторги, и вот почему слабо развиваются наши концессии. Конечно, без разбора сдавать в концессию наши богатства европейским капиталистам нам не пристало. Но тут я должен сказать, что у нас есть много таких богатств, до которых нам при наших средствах дойти трудно и которые мы охотно бы предоставили концессионерам. Так, например, у нас сейчас почти-что закончены переговоры о сдаче в концессии в Сибири Ленских золотых приисков. Дело в том, что там мы не можем затратить необходимых средств для разработки, область эта слишком далекая, непроезжая, и для того, чтобы там начать работы, нам нужно было бы вложить туда очень большой капитал, который мы предпочтем вложить в металлопромышленность или в текстильпромышленность. Вот почему в этой области мы охотно пошли бы на концессию. Переговоры по этому поводу уже ведутся.

Затем у нас есть другие богатства, которые мы могли бы сдать в концессию. Так, например, лесные богатства.

Затем, товарищи, мы пошли на концессию по добыче нефти в Сахалине, которую мы получили обратно из японских рук после нескольких лет оккупации, и которую мы сами вряд ли сможем обрабатывать.

Но надо правду сказать, что концессии развиваются слабовато, потому что господа капиталисты выжидают — не согласимся ли мы на более льготные условия, а мы, со своей стороны, тоже ожидаем, что по мере того, как мы будем расти, как мы будем крепнуть, мы сможем поставить господам капиталистам более крутые условия для концессии.

Следующий вопрос такой: «Какая производительность на железных дорогах и какова там заработная плата по отношению к 13-му году в процентах?» Товарищи, процентов сейчас я при-

вести не могу, но что касается общего положения жел.-дор. транспорта, то оно сильно развивается. Когда мы создавали бюджет 24 года для жел.-дор. транспорта, то мы рассчитывали, что железные дороги в течение года, приблизительно, выработают миллионов 360 — 760, но теперь уже все согласны с тем, что в течение года железные дороги проработают не меньше, чем на 800 — 900 милл., а некоторые товарищи говорят, что дойдут и до миллиарда. Конечно, это было бы весьма желательно и в то же время это весьма возможно. Раз увеличивается наше производство, раз увеличивается наш товарооборот, то ясно — будут увеличиваться и перевозки. В соответствии с этим, конечно, напрягаются силы железнодорожников, и требований к ним мы предъявляем все больше и больше. Но надо сказать, что заработная плата у железнодорожников не поднимается так быстро и высоко, как в других отраслях промышленности. В этом отношении железнодорожники отстали, их заработная плата поднимается медленней, чем в других отраслях нашей промышленности. Но мы на это уже обратили внимание, и при рассмотрении бюджета на ближайшее полугодие мы фонд железнодорожников увеличили на 5 милл. Правда, товарищи железнодорожники просили гораздо больше, но вы сами знаете, что всякий из вас может предъявить бо̀льшие требования. Совершенно верно сказал тов. Блинов, когда ставил вопрос о том, что, может-быть, крестьяне желают получить еще что-нибудь от Советской власти. Да, товарищи, и металлисты, и текстильщики, и железнодорожники, и крестьяне, и сами мы желаем большего, но вопрос заключается в том, как все это увязать вместе, чтобы из всех этих желаний получилось одно целое и чтобы не получилось из этого общей драки. Поэтому, товарищи, мы, выяснивши все обстоятельства, пришли к выводу, что железнодорожный пролетариат отстал и что действительно железнодорожники увеличили свою работу, и потому мы прибавили в фонд железнодорожников, пока-что 5 милл., но во всяком случае мы за этим делом наблюдаем, и товарищи железнодорожники могут быть спокойны, ибо в большую обиду мы их не дадим.

Следующий вопрос такой: «Металлургическая промышленность, по сравнению с довоенным 13 годом, какой теперь вырабатывает процент?» Товарищи, правда, я этот вопрос упустил в своем докладе, я об этом вам не сказал: в общем и целом металлургическая промышленность по сравнению с довоенным периодом вырабатывает около 50%, но в то же время в продолжение одного года она уже удвоила свою выработку и весьма возможно, что в ближайший год мы достигнем 75% выработки металлургической промышленности.

Следующий вопрос такой: «В случае, если развитие производительных сил в деревне пойдет быстро и отсюда явится

бо́льшая потребность в развитии промышленной продукции, то обернемся ли мы со своими средствами производства и оборудования?» Товарищ задал вопрос очень серьезный и важный. Если мы пойдем не медленнее, а быстрее того, как шли в этом году, если в деревне будет развиваться широко промышленность сельско-хозяйственная, — а мы можем надеяться, что в ближайшем году общая валовая продукция деревни достигнет 70% довоенной продукции всего сельского хозяйства, — тогда действительно перед нами встает вопрос: хватит ли у нас капитала для того, чтобы все это переварить? Этот вопрос стоит перед нами во всей своей широте. Наши фабрики и наши заводы поизносились, они требуют оборудования, ремонта и т. д. Естественно, конечно, все это потребует и увеличения заработной платы рабочих. Так, например, возьмем железнодорожников. Тов. Рудзутак, который возглавляет это дело, говорит нам, что «мы должны ассигновать крупные средства на восстановление железных дорог, потому что, когда мы возили половину или треть того, что возили до войны, тогда наши железные дороги выносили эту нагрузку, но если, — говорит т. Рудзутак, — вы нагрузите нас теперь на 60 — 70% довоенных, тогда мне придется переменять на нескольких тысячах верст рельсы, шпалы, ремонтировать и строить паровозы, вагоны и т. д., — вот почему я прошу у вас средств. Средства эти окупятся на протяжении 4 — 5 лет, но все-таки средства на это дело нам нужны сейчас».

Товарищи, вопрос о недостатке наших оборотных капиталов — вопрос центральный. Если плохи наши надежды на то, что нам какой-нибудь добрый дядюшка поможет и из-за границы даст на некоторое время денег, увеличит наш кредит для того, чтобы мы могли переоборудовать свои фабрики, починить ж.-д. пути, построить новые заводы, открыть новые предприятия, — если наши надежды на это плохи, то нам придется изыскивать эти средства внутри нас самих. Каким же путем? Путь этот тот, на который мы указывали в продолжение всего этого года — повышение производительности труда. Именно это единственный способ получить необходимые нам средства, только напряжение рабочей силы и в деревне и в городе может дать нам необходимый капитал, при помощи которого мы обернемся.

А с другой стороны, улучшение организации всего дела. А эта организация у нас очень и очень плоха. Правда, некоторые успехи в этой области мы делаем. Но разве мы побороли все те грехи, на которые указывал еще несколько лет тому назад Владимир Ильич? Разве мы справились с волокитой, разве мы избавились от больших накладных расходов, разве мы правильно используем или расходуем рабочую силу, разве мы правильно

их перебрасываем? Все это у нас еще есть. Всю эту косность, все это ротозейство мы еще не изжили; мы имеем и большие накладные расходы, и неправильную организацию, и пр. И в этой области мы можем достигнуть еще очень больших результатов, если действительно всем миром навалимся на это дело, если больше будут участвовать в этом деле рабочие и крестьяне, если они будут принимать участие в контроле над государством и хозяйственным аппаратом. Все это приведет нас к улучшению этого дела. Здесь мы можем очень и очень много поработать и заработать.

И, наконец, у нас есть еще один рессурс. Это — введение новых научных методов улучшения нашего производства, в смысле введения в него больше, чем до сих пор, улучшенных научных методов обработки. Если мы наляжем на производительность труда, а, с другой стороны, будем бороться с бесхозяйственностью, бюрократизмом, неправильной организацией, если мы будем внимательно применять новейшие технические научные достижения и в деле сельского хозяйства, и в деле промышленности, — тогда мы сможем обойтись и без иностранного капитала; мы можем строить социализм, не прибегая к помощи иностранных капиталистов, а собственными нашими средствами извнутри.

Теперь три вопроса относительно горькой. «Правда ли, что скоро будут выпущены 40-градусные спиртные напитки? Если верно, то чем это вызывается и не лучше ли, коль на то пошло, несколько удешевить те, которые есть? Как влияет русская горькая па бюджет и не нужно ли удешевить?»

Я должен сказать: да, мы приходим к выводу, что надо будет перейти на 40 градусов (смех). Одна из главных побудительных причин, которые нас заставляют на это пойти, это— борьба с самогоном. Мы действительно оказались в таком положении, что самогон начинает разорять нашу страну. Если подсчитать, какое количество хлеба пошло на выгонку самогона, то окажется, что истреблено десятки миллионов пудов. С другой стороны, самогон — отрава, самогон вырабатывается нелегально, он вырабатывает привычку к скрытию от власти, к подкупу милиции, к хищениям, взяточничеству, наконец, это винокурение тайное действительно отравляет всю деревню, начиная от стариков и кончая молодым поколением. Мы получаем сведения о том, что ребятишки с 4 — 5 лет начинают привыкать к этому самогону. Как с этим бороться? Бороться прямым запрещением, принудительными мерами, отучить сразу от всякого «пития», видимо, нам не удастся. Надо прямо правде смотреть в глаза. Нужна большая работа по поднятию культуры, нужна большая работа по поднятию благосостояния для того, чтобы люди стали сознательными и перестали себя отравлять. И вот, взвешивая, что

лучше: сквозь пальцы смотреть на этот самогонный разврат, который разлагает наш низовой советский аппарат, приучает массы к хищению, подкупу и т. д., или пойти на открытую борьбу с ним при помощи 40-градусной, — мы решили: второй путь будет, пожалуй, правильнее, выгоднее будет и для крестьянства, выгоднее будет и для нашего государственного бюджета. Что касается удешевления, то и здесь мы, вероятно, сможем пойти на удешевление и на удешевление значительное. Этот новый выпуск, вероятно, будет начат нами только в октябре.

Следующий вопрос. Товарищи пишут: «Без кустарной промышленности крестьянство жить не может, государство без кустарной промышленности не улучшит положения крестьянства». Я уже в докладе указывал, что вопрос о развитии производительных сил в деревне и заставляет нас в первую очередь обратить внимание на улучшение положения кустарей, прежде всего деревенских, а затем и городских кустарей. Уже опубликован закон, который снимает со всех деревенских кустарей, работающих единолично или со своей семьей, промысловые налоги. Во-вторых, раз кустарь платит с.-х. налог, закон освобождает его от подоходного налога. Наконец, он разрешает тем кустарям, в производстве которых необходим наем рабочей силы (скажем, кузнецам, которые не могут работать без рабочих), разрешает им наем этих дополнительных рабочих, не повышая подоходного налога.

Это только первый шаг. Мы также распространяем целый ряд льгот и на городских кустарей, на ремесленников в деревне, портных, сапожников деревенских и т. д. Затем мы примем целый ряд мер для облегчения ученичества, чтобы деревенская молодежь действительно не била баклуши, а могла бы найти себе применение в разного рода кустарных и ремесленных или фабрично-заводских заведениях для ученичества, для подготовки новых кадров промышленных рабочих.

Следующие вопросы касаются вопросов кооперации. Тов. Панин спрашивает о том, почему пришлось закрыть кооперативный институт, который подготовляет рабочих. Я должен сказать, что это мы сделали из чисто бюджетных соображений, но это отнюдь не значит, что мы прекращаем подготовку кооперативных работников. Институт мы закрыли, но вместе с тем мы при университетах расширили те отделения, которые специально будут заняты подготовкой нового кадра кооператоров. На это мы обращаем специальное и особое внимание.

Один товарищ заявляет о том, что улучшение работ низового советского аппарата возможно будет только тогда, когда будут созданы сносные материальные условия существования для работников низшего советского аппарата. Вы уже знаете, что несколько месяцев тому назад нами принят закон о том, что мы берем целый ряд низовых советских работников на государственный бюджет

и гарантируем им твердую и достаточную заработную плату. Конечно, работники сельсовета, волостные работники по земле, волостные культурные работники должны иметь такую заработную плату, которая дала бы им возможность все свои силы посвятить своему делу. Я сейчас не могу вспомнить, какие должности взяли мы на гос. бюджет. Знаю, что туда входят: культурный работник, земельный работник, учитель. И мы всячески будем внимательно наблюдать за тем, чтобы заработная плата этих категорий поднималась. Тогда у нас будет меньше взяток, меньше хищений и меньше всякой безалаберности.

Теперь вопросы, касающиеся сельского хозяйства. Тут есть, товарищи, целый ряд вопросов, очень конкретных. Целый ряд записок я получил об условиях, на которых сейчас выдаются семена, и какие сорта идут. Я думаю, что т. Лисицын в своем докладе о сельском хозяйстве Московской губ. осветит все эти вопросы и даст ответы на все ваши конкретные вопросы. Я же хочу указать только на общий вопрос. Меня спрашивают, будет ли снижен с.-х. налог для крестьян. Вы знаете, что ЦИК СССР принял уже постановление о снижении с.-х. налога. Общая цифра с.-х. налога определена в 300 милл. руб., при чем из этих 300 милл. не менее 100 милл. пойдет не в общий государственный бюджет—не сюда, в Москву, в центр, а останутся в распоряжении волостей на нужды волостного хозяйства, т.-е. на те нужды, которые будут в каждой отдельной волости: дороги, мосты, школы, больницы, то, что находится на глазах у самих крестьян.

Вы знаете, что в волости подлинным и действительным хозяином является крестьянин. В волости крестьянину виднее, где и на что нужно употребить ту копейку, которая есть в волостном бюджете. Выделяя теперь на волостной бюджет 100 милл. руб., мы поднимаем этот волостной бюджет, поднимаем местное хозяйство. И чем дальше, тем больше мы будем оставлять в руках волостей, в руках крестьянства, организованного в волостные советы, будем оставлять все бо̀льшую и бо̀льшую долю всех наших налогов для того, чтобы улучшение нашего хозяйства шло не только сверху, но и снизу. Кроме того, вы знаете, что та же сессия ВЦИК постановила, чтобы ставки с.-х. налога были объявлены не осенью, а с весны последней урожайности. Если вы спросите меня, действительно ли мы удовлетворены всеми формами взимания с.-х. налога, то я прямо скажу: конечно, нет, что этот с.-х. налог уже в прошлом году обнаружил ряд недостатков. До сих пор мы эти недостатки исправляли и дальше исправлять будем. Эта форма взимания налога очень груба; с нею бывают такие ошибки, что крупное хозяйство платит меньше, чем бедняцкое и середняцкое, очень часто не принимаются в расчет ряд подсобных доходов. Все это

вместе взятое заставляет нас постепенно улучшать и совершенствовать с.-х. налог, приближая его к налогу подоходному, более справедливому в том смысле, чтобы тот, кто может больше заплатить, не подрывая своего хозяйства, действительно платил бы больше, а тот, кто слабее и медленнее поднимается, чтобы тот платил меньше в известной пропорции; чтобы этот с.-х. налог не подрывал самого хозяйства, не отнимал бы у хозяйства необходимых ему средств. Конечно, это дело нуждается в улучшении. Теперь, когда само крестьянство широко привлечено к решению всех вопросов, мы скорее увидим все недостатки, все недочеты и сумеем скорей их исправить.

Один из товарищей меня спрашивает: «Вы сказали, что «ножницы» изжиты, а все-таки товары городской промышленности стоят очень дорого; например, одна пара сапог стоит чуть ли не одну корову, наблюдается колоссальная безработица, и крестьянину негде заработать копейку». До известной степени, конечно, это правильно, но нужно исходить из того, куда мы идем: стоим ли мы на месте, или все-таки дело улучшается. Мы отнюдь не собираемся сказать крестьянству, что мы можем обойтись без налогов; если бы даже мы сказали, что мы обойдемся без налогов, то крестьянин прямо ответил бы, что его обманывают. Любое правительство, которое сказало бы, что можно управлять без налогов, было бы правительством обманщиков, а мы никогда в этой роли не фигурировали и фигурировать не собираемся. Мы прямо говорим: поднять положение нашей страны, улучшить положение рабочего класса и крестьянства без налогов, без напряжения сил — нельзя. Налоги нужно снижать — это правильно, налоги нужно исправлять, но без налогов нельзя улучшить положение рабочего класса и крестьянства. Действительно ли улучшается или ухудшается положение крестьянства, об этом я уже говорил в своем докладе, но меня еще просили некоторые товарищи показать ту диаграмму, которую я вчера не показывал. Вот вы видите здесь наверху тот груз, который нес крестьянин в 1923/24, затем 1924/25 и, наконец, 1925/26 гг. Вы видите, что в 1923/24 г. эта нагрузка на крестьянина была очень велика, он согнулся, но не забывайте, что мы все согнулись, вытаскивая нашу страну из той ямы, в которой она находилась, когда наши фабрики стояли, когда не было топлива, когда не было хлеба, когда у всех нас хребет трещал, и в особенности у рабочего, когда он ездил за хлебом, на который он обменивал свои последние штаны. На крестьянине тогда лежал с.-х. налог—320 милл. и эмиссионный налог—130 милл.—вот это потери на наших разноцветных бумажках. В этом году этот груз значительно упал: остался только с.-х. налог в 320 милл. В нынешнем году, оставляя 120 милл. на волбюджете, мы даем возможность крестьянину в налоговом

смысле значительно расправить свою спину, не говоря уже о кредите, не говоря о поддержке кооперации и о вывозе за границу продуктов с.-х. Это то, что рабочий перекидывает крестьянину в деревню: 300 милл. на снижение цен на городские товары, — это уже выигрыш крестьянина, кроме того 150 милл., которые город и государство заплатили крестьянину за хлеб. Правда, эта сумма не везде равномерно распределялась. В некоторых районах крестьянин выиграл больше, в некоторых—меньше. Но, во всяком случае, 150 милл. было заплачено за хлеб, и деньги эти поплыли в деревню, плюс 300 милл. экономии от снижения цен на продукты городской промышленности, плюс 150 милл., ассигнованных на разные виды помощи крестьянству. Наконец, кредит, который был оказан крестьянскому хозяйству в сумме 100 милл. руб., вот то, что город направляет в деревню, а вот то, что деревня отдает городу (указывает диаграмму). Я не могу сказать, что эти цифры окончательные, что они не нуждаются в проверке. Конечно, они нуждаются в уточнении, но, в общем, они представляют тот круговорот, который существует между городом и деревней. Крестьянство должно знать, что рабочее государство все время стремится облегчить положение крестьянина, которое, несомненно, пока остается тяжелым, но, с другой стороны, и рабочий должен знать, что и крестьянство дает ему в город тоже порядочную долю от своего труда, от своей продукции и тоже несет порядочные тяготы. Справедливо ли распределение этих тягот? Справедливо ли это распределение? Раз у нас союз рабочих и крестьян, раз у нас государство рабоче-крестьянское, то, конечно, мы между собою как-нибудь сговоримся. Если несправедливо это распределение, мы его поправим. Если больше тяжести приходится на крестьянина, чем он может вынести, то мы снизим. Если, с другой стороны, рабочий недостаточно дает деревне, то мы еще подкинем, мы собираемся подкинуть, собираемся увеличить сельскохозяйственный кредит, вполне сознавая, что тот кредит, который оказывали до сих пор деревне, мал и дорог; для нас не тайна, что тот процент, который платит крестьянин за ссуду, доходит до 12-ти, а это, конечно, дорого.

Этот вопрос стоит на очереди, и на одном из последних заседаний правительства мы приняли постановление, чтобы Государственный банк за те капиталы, которые он передает Сельскохозяйственному банку, скинул 1% — он брал 6%, а теперь будет брать 5%. Это еще непосредственно не скажется на сельскохозяйственных кредитах, но это первый шаг. Мы понимаем, что он должен быть понижен, и тут виновата не только дороговизна процента, который берет банк, а виноваты те накладные расходы, которые имеются у общественного кредита, у низовой кооперации и т. д. С другой сто-

роны, если мы будем давать крестьянину в кредит только те средства, которые есть у государства, то никогда не удовлетворим его, потому что их мало. Только тогда потечет широко кредит в деревню, когда крестьянство само будет давать государству. Если крестьянство приучится самые малые накопления сберегать в нашей кредитной кооперации и направлять их в государственные кредитные каналы, тогда действительно сумма кредитов для деревни повысится. Поэтому, дело заключается не только в том, чтобы снижать проценты на кредиты в деревне, но и в том, чтобы крестьянство поняло, что для него самое выгодное— это держать свои накопления в государственных и кооперативных кредитных учреждениях. Можно ли еще что-нибудь сделать? Вот я покажу другую диаграмму (См. диаграмму № 17). На прошлом Всероссийском Съезде Советов я показывал, какой путь проделывает спичка (спичечная коробка) от фабрики, на которой она производится, до того как она попадает в руки крестьянству. Этот путь очень длинен. Вот фабрика. Если коробка спичек стоила 100 единиц при выходе с фабрики, то, проходя через трест, синдикат, через Центросоюз и его отделения, Губсоюз, она, наконец, доходит до крестьянина и вырастает на 527%, т.-е. 1 коп. превращалась в 5 копеек. Это относится, конечно, не только к спичке. Мы тогда приняли все меры для сокращения этих инстанций, для сокращения всех накладных расходов, для сокращения тех аппаратов, которые обслуживают эту спичку. И вот что мы можем представить теперь. Вот фабрика, и вот путь, который проделывает спичка. Если тогда путь был вот такой, то теперь вот как он сократился (показывает диаграмму). И если спичка возрастала на 527%, то теперь она возрастает только до 300%, при чем около 200% падает на налоги и акцизы. Значит, на 200% произошло снижение и упрощен путь, который она проходит. Если мы скинем налоги и акцизы, то окажется, что если на фабрике она стоила 100%, то крестьянину обойдется в 150%. Можно сказать, что налоги и акцизы высоки. Верно. Но на них мы содержим и армию, и школы, и больницы, и все, что несет государство. Таким образом, здесь мы усматриваем несомненное улучшение и будем продолжать эту работу — сокращать накладные расходы, сокращать их по мере роста промышленности и сельского хозяйства, и снижать налоги и акцизы. Но в порядке той постепенности, которая диктуется жизнью.

Еще некоторые детальные вопросы по сельскому хозяйству. Вот вопрос: «Для крестьянина, чтобы перейти к интенсивному хозяйству, необходимо устроить скорее землю. Правительство имеет и должно принимать на государственный счет и устроить государственный земельный фонд сельского хозяйства». Я думаю, здесь товарищ прав: землеустройство представляет самую важнейшую

отрасль общего построения сельского хозяйства, и здесь нам, вероятно, придется (я не могу говорить от лица всего правительства, потому что это еще не получило разрешения), но лично я думаю, что нам придется часть землеустройства взять за счет государственного бюджета. До сих пор это шло за счет крестьянина, и мы имеем сведения, что жажда землеустройства такова, что крестьянин в этом году затратил на землеустроительные работы около 8-ми миллионов рублей. Это показывает, как остро встал вопрос. Я думаю, что теперь мы сможем облегчить эту работу крестьянству и помочь ему, взявши часть этих расходов по оплате этой работы на счет государства или, во всяком случае, допустив некоторые льготы.

Теперь по вопросу внешней политики спрашивают о торговле с западными государствами, об экспортировании за границу. В этом году наш экспорт достиг крупных размеров около полумиллиарда рублей. Из этого полумиллиарда рублей значительную долю составляет экспорт промышленный, например нефти мы вывезли в этом году не меньше, чем на 90 милл. Мы доходим до довоенного уровня и удовлетворяем свои потребности так, что недостатка не только не чувствуем, но еще вывозим нефти на 90 миллионов руб. за границу. Вывозим лес, вывозим пушнину, но что характерно, так это то, что хлеб мы не вывозили, а, наоборот, — ввозили, а в то же время усилили экспорт за границу других сельскохозяйственных продуктов — животноводства, птицеводства, яиц. Очень усиленно идет и быстро развивается вывоз из Сибири масла, пушнины, льна, конопли и т. д. Это есть несомненнейшее завоевание. Вы хорошо поймете, что чем больше мы будем вывозить продуктов сельского хозяйства за границу и воспользуемся высокими ценами, то тем самым будем скорее подымать наше хозяйство. В этом году мы очень легко вышли из затруднения и не вывозили хлеб, но вывозили другие продукты. И наша дипломатия должна быть орудием для завоевания рынков для продуктов вывоза крестьянского хозяйства; крестьяне должны видеть в лице т. Чичерина не только человека, который пишет ноты, но и человека, который завоевывает заграничные рынки для нашего сырья и создает условия для благоприятной продажи продуктов.

Спрашивают меня: «Какие страны Востока требуют изделий нашей промышленности?» Очень важную роль в этом отношении играет Персия, которая требует много текстильной продукции и сахара. Нужно сказать, что вообще весь восточный рынок совершенно открыт для нас, и все восточные государства прекрасно знают, что единственное государство, которое вслед за товарами не шлет свою военную силу, это — Союз Советских Республик, и потому они охотно идут на сношения с нами. Относительно других государств они знают, что как только

появляется, например, английский текстиль на восточном рынке, то нужно ожидать, как непременное следствие—за появлением этого английского текстиля через несколько лет появление английского офицера. Несомненно, такие действия возбуждают у них недоверие и нежелание торговать с западно-европейскими государствами. Восточные государства стремятся к общению с нами и желают торговать с нами потому, что у нас нет завоевательных стремлений. Тем не менее, мы должны помнить, что мы должны давать им товар хороший. Как бы ни боялся персидский крестьянин английского кулака и офицера, но если он в своей повседневной жизни будет получать хороший товар по сравнению с нашим с английского рынка и если этот товар будет не дороже, а дешевле — он, конечно, все-таки будет предпочитать этот лучший товар нашему худшему, более дорогому. Нам необходимо поставлять на рынок хороший товар, потому что, если мы разовьем восточный рынок, мы этим самым сумеем провести громадную программу развития нашей промышленности и текстильной, и посудной, и всяких других отраслей. Если мы будем ставить цены ниже, чем иностранные рынки, мы сумеем завоевать все восточные рынки, мы сумеем поднять на невероятную высоту нашу промышленность.

Меня спрашивают: «Можно ли рассчитывать на получение денег в виде займа от западно-европейских государств?» На этот вопрос я уже ответил.

Здесь еще вопрос: «Как смотрит германский рабочий класс на кандидатуру Гинденбурга?» Что касается кандидатуры Гинденбурга, главнокомандующего Вильгельма II, то нужно сказать, что рабочий класс Германии относится к этой кандидатуре точно так же, как если бы у нас появилась кандидатура бывшего главнокомандующего Николая Николаевича. Разница только в том, что Николай Николаевич после тех завоеваний, которые сделаны рабочим классом и крестьянством, носа сунуть к нам не смеет, а в Германии таких завоеваний нет, и потому Гинденбург выставляет свою кандидатуру. Я вчера сказал, что проведение кандидатуры Гинденбурга на выборах окончательно восстановляет Вильгельма II. Допустит ли это рабочий класс Германии? Конечно, не допустит. Но тем не менее германская буржуазия до такой степени обнаглела, что она уже водружает знамя монархизма. Таким образом, они думают, что борются с коммунистической партией. Срыв Октябрьской революции в Германии сейчас создает такое положение, что там возможны даже такие моменты, как выборы Гинденбурга. Если это и будет проведено, то, конечно, это будет про-

ведено временно, и эта мера выборов и монархических настроений только приблизит момент Октября в Германии, потому что рабочий класс ясно увидит, когда перед ним будет Гинденбург, что буржуазию нельзя смести ни путем прокламации, ни путем перевыборов, ни путем пропаганды, а можно уничтожить только определенным путем революции.

Что касается нашей делегации в Англии, то если я говорил о временном укреплении капиталистических государств, то, с другой стороны, я не могу умолчать и о происшедшем укреплении рабочего класса. Тот договор, который опубликован ВЦСПС, есть важнейшее событие. Если, с одной стороны, стоит т. Томский, который является представителем 5-миллионного рабочего населения, организованного в союзы, и, с другой стороны, стоят представители английских профсоюзов, объединяющие в своей организации 6 миллионов населения, и если они заключают договор, то этот договор имеет огромнейшее значение. Союз английских рабочих профессиональных союзов, соединенный с нашим, представляет такую огромную силу, перед лицом которой никакие Гинденбурги нам не страшны. (Аплодисменты.)

Вы знаете, что желтые профсоюзы, под руководством II Интернационала, изменников рабочего класса, всячески старались помешать соединению нашего союза с английским союзом. Они прекрасно знают положение сильного английского профсоюза в отношении мировой буржуазии, и если бы мы с английским профсоюзом заключили договор, то, несомненно, и все остальные союзы заключили бы с нами договоры, вплоть до представителей амстердамского желтого союза. На ту буржуазную волну, о которой я говорил вам, сейчас подымаются встречные волны, мы видим всё новые и новые успехи в деле рабочего наступления, в деле наступления пролетарских батальонов на твердыни буржуазии всего мира. Рабочие союзы возросли во много раз, и мы получили новые силы, которые дают нам уверенность смело итти вперед и смело продолжать нашу работу. (Продолжительные аплодисменты.)

ПАМЯТИ тов. МАРХЛЕВСКОГО.*

Товарищи! Центральный Комитет Российской Коммунистической партии (большевиков) поручил мне перед вашим лицом выразить то громадное горе, которое испытывает наша партия вместе со всеми вами от потери тов. Мархлевского.

Нашей партии приходилось встречать тов. Мархлевского в самые различные моменты нашей боевой истории. Вернее будет сказать, что все критические моменты жизни нашей партии так или иначе связаны с работой тов. Мархлевского. Если подытожить то впечатление, которое осталось у нас, — у тех, которые были поставлены на руководящие посты партии, — от общения, от сотрудничества с тов. Мархлевским, то, мне кажется, две черты особенно запечатлелись у нас и особенно заслуживают внимания. Во-первых, это его точный, ясный теоретический ум, его громадный интерес к тем обобщениям научного социализма, которые только и дают возможность выбрать правильный путь развития революционной борьбы пролетариата, определить путь, который неизбежно ведет к его победе. И второе — тот боевой темперамент подлинного революционера, который давал возможность т. Мархлевскому всегда правильно нащупать, где в данный момент проходит основной нерв мировой борьбы пролетариата. Это соединение ясного теоретического ума и боевого революционного темперамента, кажется мне, и сделало то, что тов. Мархлевский действительно оказывался всегда в центре, в узле тех революционных событий, которые надолго предопределили ход мирового движения пролетариата.

Не случайно, конечно, тов. Мархлевский является основателем польской социал-демократии, давшей потом кадры нашей братской коммунистической партии Польши. Не случайно затем он оказывается в центре той борьбы, которую марксизм ведет против оппортунизма. Не случайно в 1905 году он оказывается опять в центре революционной борьбы пролетариата — в революционной России. Не случайно в эпоху реакции, распылен-

* Речь на собрании рабочих-поляков 16 апреля 1925 г.

ности движения, подавленности его, он помогает большевикам отстаивать ценности первой русской революции, ее лозунги, отстаивать то, что в ней было бессмертного, против волны ренегатства, измены, оплевания, которые характеризировали эпоху после крушения первой русской революции. Не случайно с первых дней войны 1914 г. он оказывается в рядах немногочисленных сторонников продолжения классовой борьбы и вступает в ряды тех, кто затем положил основу Коммунистического Интернационала. Не случайно, что, вырвавшись из концентрационного лагеря германского империализма, он опять оказывается в центре мировой революционной борьбы — в Советской России.

Этот краткий перечень основных фактов революционной жизни тов. Мархлевского, мне кажется, подтверждает то, что именно соединение в нем революционно-научного мировоззрения с боевым революционным темпераментом давало ему возможность безошибочно угадывать, где проходит в каждый данный момент основная струя мирового пролетарского движения, и всегда влекло его к тому, чтобы встать в ряды борцов на самом опасном, на самом боевом участке фронта.

Товарищи, наша партия, а с ней вместе и весь Коммунистический Интернационал пережили тяжкую неделю. В эту неделю пришли к нам вести о смерти т. Мархлевского, т. Нариманова, т. Владимирова, о гибели тт. Мясникова, Атарбекова и Могилевского, и, естественно, лица этих ушедших от нас товарищей как-то соединяются в новый образ. Хочется что-то понять в этих смертях, хочется сделать какой-то вывод, и кажется, вывод напрашивается сам собой.

Случайно смерть свела в одну неделю людей совершенно различной среды, людей, которые по своему происхождению, по той национальной среде, в которой они работали, по тем традициям, которые передало им прошлое, казалось бы, глубоко расходились между собой. Поляк Мархлевский, который прошел через культуру капиталистической Польши, стоявшей всегда впереди капиталистического развития других областей России, прошедший затем долгую и основательную школу германского рабочего движения; тюрк Нариманов, прошедший совершенно своеобразный путь и отразивший в ходе своего развития те формы, в которых отсталые народы Востока поднимаются к революционной борьбе, прошедший школу народного учителя в отсталых татарских деревнях Азербайджана; армянин Мясников, прошедший через специальный рассадник армянской культуры, вышедший из среды, сплошь пропитанной особо острым национализмом; наконец, евреи Владимиров и Могилевский — выходцы из еврейских очагов Южной России,— все они оказались связанными общей целью и единой идеей, все они пришли к одному, сплотились вокруг одного центра, воплощая тем единство общего

движения при различии исходных корней, при различии той обстановки, в которой они выросли.

Это единение тюрка, поляка, армянина, еврея стало возможным лишь вокруг одной идеи, вокруг идеи большевизма, точнее— вокруг идеи ленинизма. И т. Мархлевский, и тюрк Нариманов, и армянин Мясников, и евреи Владимиров и Могилевский—все они оказались объединенными идеей борьбы за освобождение пролетариата, все они собрались для выполнения своей жизненной задачи под знаменем ленинизма. Мне кажется, что это объединение столь различных людей, представлявших столь различные культуры, воплотивших в себе черты совершенно различных и по своей экономике, и по своей истории народов, что это объединение больше всего характеризует силу, мощность и всемирное значение тех идей, под знаменем которых они боролись, под знаменем которых они завещали бороться нам.

Конечно, большевизм не был бы большевизмом, ленинизм не был бы ленинизмом, если бы он не мог объединить этих разных людей под своим знаменем. Но можно и должно пойти дальше. Я думаю, что я буду прав, когда скажу, что каждый из погибших товарищей оставил свой след в тактике большевизма, что в большевизм вошло, стало органической его частью и то своеобразие, которое внес в него тюрк Нариманов и армянин Мясников, и евреи Владимиров и Могилевский, и усвоивший все достижения научного марксизма, поляк по происхождению — Мархлевский. Все эти оттенки ассимилировались в большевизме. Они оказались необходимыми для того, чтобы большевизм принял ту действительно всемирную форму, которую он сейчас имеет. Нужен был, конечно, гениальный ум Владимира Ильича для того, чтобы сплавить воедино все эти отдельные индивидуальности, все то, что выносил каждый из них из опыта борьбы пролетариата своего народа. Нужно было все это сплавить в единую боевую армию. Это мог сделать только такой гениальный вождь, как Владимир Ильич, но он не мог бы этого сделать без таких сотрудников, каковыми являлись те товарищи, имена которых я сейчас упоминал.

В нашей партии навсегда останется память о тов. Мархлевском, как о товарище, который обогатил большевизм рядом таких элементов, которые он мог почерпнуть в истории, в характере борьбы польских рабочих,— останется память о тов. Мархлевском, как об одном из ближайших сотрудников тов. Ленина, как о том представителе польского пролетариата, который один из первых понял всемирно - историческую роль большевизма, работал под знаменем большевизма и укреплял большевизм, как международное знамя воинствующего пролетариата. Его образ будет говорить нам о том, что и в дальнейшем мы только тогда достигнем победы, если будем в своей поли-

тике сочетать подлинную революционную энергию, бешеное наступление, революционную страсть с ясным теоретическим анализом стоящих перед нами задач и рисующихся перед нами путей, когда марксистское познание и революционную активность сплавим воедино и превратим их в оружие победоносного мирового пролетариата. (Шумные аплодисменты.)

РЕЧИ НА XIV ВСЕСОЮЗНОЙ ПАРТКОНФЕРЕНЦИИ.

Вступительная.*

Товарищи, по поручению Центрального Комитета партии объявляю XIV всесоюзную партийную конференцию открытой.

Прежде чем перейти к нашим работам, позвольте вам напомнить, что за последние недели наша партия и ее Центральный Комитет понесли невозместимые потери в лице ряда товарищей, ведших самую ответственную работу и ушедших от нас. К длинному списку тех потерь, которые партия наша в своей революционной борьбе несет на всех фронтах, прибавились имена кандидатов Центрального Комитета, товарищей Владимирова, Мясникова и Нариманова, и таких ответственнейших работников партии, как товарищи Могилевский, Атарбеков и Мархлевский.

Эти товарищи пришли к ленинизму из разных социальных слоев, с разными традициями, но они все объединились вокруг единого имени, все спаялись вокруг единого революционного учения Владимира Ильича. Все они послужили дальнейшему развитию ленинизма, все они способствовали построению первого пролетарского государства. Все они останутся в памяти пролетариев нашего Союза и пролетариев всего мира как ближайшие сотрудники Владимира Ильича Ленина. Предлагаю почтить их память вставанием. (Все встают.)

Еще одно имя, товарищи, мы должны здесь вспомнить. Мировое освободительное движение потеряло за последнее время вождя освободительных течений китайского народа, одного из виднейших революционеров Востока — Сун-Ят-Сена. Он был тем из вождей угнетенных колониальных народов, который понял, что борьба за освобождение Востока, борьба против империализма возможна только в союзе с коммунизмом, только в постоянном сотрудничестве с первым пролетарским государством в мире. Этому он учил своих сотрудников, это он заве-

* Речь, произнесенная при открытии конференции 27 апреля 1925 года.

щал своей партии, и этим он стал на единственно правильный путь, который ведет к слиянию революционно-коммунистического движения пролетариата с освободительным революционно-противоимпериалистическим движением угнетенных многомиллионных восточных народов. Я думаю, что мы обязаны послать китайскому народу выражение своего глубокого сочувствия, а созданной Сун-Ят-Сеном партии Гоминдан — выражение нашего братского соболезнования в ее утрате. Предлагаю почтить память великого революционера Востока вставанием. (Все встают.)

Товарищи, наша конференция собралась в момент, который обладает всеми чертами, характерными для переломных моментов в жизни страны и в жизни партии. Мы собрались в момент, когда можно подвести итог первому рекордному году восстановления нашей промышленности. Темп ее роста за последний отрезок времени превзошел наши ожидания, и мы, несомненно, присутствуем при таком процессе, когда дело концентрации пролетариата, восстановления и усиления его социальной мощи, укрепление основной базы пролетарской диктатуры — нашей крупной машинной индустрии — делает громадные шаги вперед.

Дальше, мы собираемся в момент, когда партия, под общим лозунгом «лицом к деревне», внимательнейшим образом присматривается к тем социальным и экономическим процессам, которые происходят в многомиллионной массе нашего ближайшего союзника — крестьянства. Под лозунгом оживления Советов наша партия смело провела глубоко плодотворный опыт перевыборов Советов, который позволил нам прощупать подлинное настроение крестьянства и который должен будет послужить основой для дальнейшей нашей политики.

Наша ближайшая задача будет заключаться в конкретизации тех общих лозунгов, над которыми мы работали последние месяцы, в наполнении их точным экономическим содержанием, в точном определении той политики, которая должна еще более укрепить союз рабочих и крестьян, — основу пролетарской диктатуры, основу, которую Владимир Ильич завещал нам хранить, как подлинный фундамент дальнейшего развития революции и у нас, и в мировом масштабе.

Общее направление нашей работы в этой области уже вполне намечено партией. Развитие производительных сил в деревне есть тот общий лозунг, который должен послужить к дальнейшему укреплению мощи союза рабочих и крестьян. Снятие всяческих рогаток с развития производительных сил в деревне, устранение остатков хозяйничанья типа военного коммунизма, наконец, устранение той административной практики, которая шла вразрез с развитием производительных сил де-

ревни, снабжение деревни честным и культурным советским администратором — вот те конкретные задачи, перед которыми мы сейчас поставлены и которые должны быть разрешены нашей конференцией.

И, наконец, третье, что должно быть отмечено, как один из основных моментов, — это то, что мы собираемся после заседания расширенного пленума Исполкома Коминтерна, который вскрыл трудности, стоящие ныне перед мировым коммунистическим движением. Эти трудности, находящиеся в связи с той частичной стабилизацией капитализма, которая констатирована в резолюциях Исполкома Коминтерна, накладывают на нас новые обязанности. Правда, эта стабилизация весьма условна. Последние телеграммы из Европы о выборе президентом Германской республики Гинденбурга свидетельствуют о том, что мы, несомненно, поступаем правильно, когда очень осторожно относимся к утверждениям об этой стабилизации. Ибо если избрание Гинденбурга подготовлено, несомненно, предательской политикой II Интернационала и специально германской социал-демократией, если оно, с одной стороны, свидетельствует о росте реакционных настроений имущих классов, о готовности поставить на очередь монархическую реставрацию в Германии (ибо появление Гинденбурга во главе Германской республики ничего другого, кроме первого симптома монархической реставрации, обозначать не может), то, с другой стороны, этот факт является признаком обострения международной обстановки и создания таких положений, при которых можно утверждать, что полная стабилизация является вещью неосуществимой.

При этих условиях мы должны понять новые обязанности, которые ложатся на нашу партию перед лицом международного пролетариата. Мы — единственная партия Коминтерна, которая пережила три революции, которая пережила не только подъемы революционной волны с 1900 по 1905 год, с 1911 по 1914 год, с февраля по октябрь 1917 года, но и та партия, которая пережила ряд эпох отлива революционных волн, которая умела бороться и в эпоху этого отлива, предвидя заранее те группировки, те опасности, те мели, которые обнаруживаются, когда революционная волна начинает спадать. Этот опыт борьбы с ликвидаторскими настроениями, несомненно, должен быть использован Коминтерном.

Но то, что мы можем принести Коминтерну в этот момент частичной стабилизации, заключается и в том, чтобы всеми мерами укреплять силу нашего государства, и, с другой стороны, укреплять его таким образом, чтобы перед европейским и американским пролетариатом явно

росли социалистические элементы нашего хозяйства, ибо рост элементов социалистического общества в нашем Союзе есть первая гарантия и первая поддержка общего революционного движения пролетариата во всем мире.

Это социалистическое общество мы начали строить, мы его строим, мы его, несомненно, построим. Для того, чтобы выполнить эту задачу, нам надо твердо помнить одно завещание, один из заветов Владимира Ильича. Мы должны для того, чтобы действительно достроить социалистическое общество в нашей стране, вести правильную политику по отношению к крестьянству. Ильич говорил: «10—20 лет правильной политики по отношению к крестьянству, и победа в мировом масштабе обеспечена». Выработать эту правильную политику в данных конкретных трудных условиях — момент переломный и в нашей собственной стране, и в международной обстановке, —является задачей нашей конференции.

Партия уверена, что эта правильная политика вами будет выработана под лозунгами ленинизма и на твердом фундаменте тех положений, которые завещал нам наш учитель и вождь В. И. Ленин. (Аплодисменты.)

Заключительная. *

Товарищи, занятия наши окончены. Наша конференция рассмотрела ряд существенных вопросов, стоящих на очереди дня. Мы еще раз имели возможность на докладе тов. Дзержинского убедиться, что темп развития нашей промышленности и, следовательно, развитие основной силы диктатуры пролетариата движется с такой быстротой, которая обеспечивает нам возможность правильного маневрирования в той сложной обстановке, которую мы сейчас имеем.

Конференция посвятила много внимания вопросам, вызываемым тем процессом, который происходит в деревне. Несомненно, было бы глубочайшей ошибкой, если бы мы не понимали, что на основе того развязывания производительных сил, на почву которого стала партия, на почве которого она должна стоять, в деревне будут создаваться элементы различных классов. Задача партии будет заключаться в том, чтобы при этом нарастании различных классовых сил в деревне укреплять элементы, союзные пролетариату, и с их помощью укреплять основы социалистической экономики против той экономики, которая разворачивается по буржуазному руслу в усло-

* Речь произнесена после окончания работы конференции 29 апреля 1925 г.

виях свободы торговли, лежащей в основе нашей нынешней экономической политики.

Было бы, однако, ошибочным лечить тот процесс, который происходит в деревне, тем, что здесь на конференции, в устах, правда, только одного оратора, получило название «разжигания классовой борьбы» в деревне. Регулирование этого процесса при помощи всех тех сил и средств, которые находятся в руках партии и государства, т.-е. при помощи промышленности, при помощи политики цен, при помощи кредитной системы, при помощи кооперации, при помощи налоговой политики — вот та задача, которую ставит перед собой партия, устраняя одновременно все те рогатки, все те препятствия, которые в виде пережитков прошедшей эпохи военного коммунизма задерживали или хотя бы только тормозили развитие производительных сил в деревне.

В связи с этим мы поставили на этой конференции и вопрос об укреплении законности, а также и вопрос о сельскохозяйственном налоге. В практике взимания сельскохозяйственного налога мы могли еще раз убедиться, как несовершенен этот закон и как необходима коренная его реформа. Однако, конференция явно поддержала ЦК, который указал на то, что улучшение и реформа несовершенств существующего законодательства о едином сельскохозяйственном налоге должны итти по линии сохранения его характера, как налога прямого и подоходного.

Конференция поручила ЦК разработать этот вопрос, с тем, чтобы на партсъезде, который, конечно, рассмотрит все возможные предложения, этот налог был окончательно приведен в соответствие с новыми процессами, развивающимися в деревне, и с упорядочением нашего бюджета. Наш, покуда еще несовершенный, единый сельскохозяйственный налог, который, однако, несмотря на свое несовершенство, остается одним из важнейших моментов нашего бюджета, подлежит самому строгому выполнению.

Все эти задачи и в области развития промышленности, и в области кооперации, и в области революционной законности, и в области работы в деревне будут осуществимы, однако, только тогда, когда мы обеспечим правильное партийное руководство. Не случайно, поэтому, первым пунктом порядка дня нашей конференции стоял вопрос партийно-организационный, и в вопросах партийно-организационных центральное место занимали не детали тех или других организационных мероприятий, а основной вопрос об улучшении партийного руководства и о приведении его в соответствие с новыми процессами развития самодеятельности во всех рабочих и крестьянских организациях.

Только при помощи рабоче-крестьянской самодеятельности мы дальше можем управлять и руководить. Задачи руководства

партии при этих условиях становятся гораздо более сложными. Они не могут быть простыми, примитивными, какими были в прошлую эпоху. Они должны обеспечить условия гораздо более глубокого проникновения в самую толщу народа, трудящихся масс задач социалистического строительства и обеспечить подлинную спайку между коммунистической партией и трудящимися массами города и деревни.

Наша партийная конференция происходит накануне Всероссийского Съезда Советов и Всесоюзного Съезда Советов. Те решения, которые мы здесь приняли, несомненно, лягут в основу тех практических государственных мероприятий, которые будут проводиться нашей партией на этих съездах. Съезд партии предстоит еще через полгода. Мы совершенно ясно отдаем себе отчет, что в этой сложной обстановке и при тех сложных задачах, которые мы себе ставим, *сохранить идейный стержень большевизма, пропитать все наши мероприятия подлинным пролетарским духом, сохранить способность не забывать из-за отдельных частичных мероприятий общие цели, которые перед нами, как перед международными пролетарскими революционерами, стоят, — основная задача.*

Эти полгода, остающиеся до партийного съезда, должны быть употреблены на то, чтобы, с одной стороны, партия серьезно разобралась в тех новых хозяйственных и социальных процессах, которые происходят в толще народных масс и, в первую очередь, в деревне, а с другой — чтобы она проверила на практике те решения, которые мы сейчас вынесли. Этим мы подготовим к партийному съезду действительно до конца обдуманную и твердо проводимую политику нашей партии. Мы не сможем сделать этого без внутри-идейной борьбы. Для того, чтобы отстоять ленинизм, нам придется скрестить оружие со всякого рода извращениями ленинской системы.

Конференция еще раз подтвердила, что только на путях ленинизма, что только в идейной борьбе с извращениями ленинизма можно проделать успешно ту великую работу, которая перед нами стоит. Нам обеспечено в этом деле содействие Коминтерна. Коминтерн знает, что мы готовы послужить Коммунистическому Интернационалу и мировому рабочему движению не только своим прошлым опытом, опытом партии, которая пережила больше, чем какая бы то ни было другая коммунистическая партия, как за период торжественных великих побед, так и в периоды будничной черной работы, в годы реакции. Но Коминтерн также может быть уверен, что правильной политикой усиления социалистических элементов в нашем хозяйстве мы докажем, что и при замедленном темпе мировой революции социализм должен строиться, может строиться и в союзе с крестьянством нашей страны будет строиться и построен будет. (Аплодисменты.)

---

*

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЮЗНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА. *

Товарищи, я явился сюда по поручению Союзного советского правительства, чтобы перед делегатами украинских трудящихся масс дать отчет Союзного правительства как о том, что было им сделано, так и о главнейших линиях, по которым Союзное правительство имеет в виду направлять свою политику в дальнейшем.

Одно из главных прав, которые вы, делегаты, предоставили правительству Союза, есть право внешних сношений. И мы прежде всего должны дать вам отчет в том, как использовали мы это право, предоставленное нам вами. Мы приносим вам в результате годовой работы ряд признаний со стороны крупных капиталистических держав. Если обратиться к Европе, к кругу тех государств, которые считают для себя возможным не признавать еще нас, то мы увидим группу государств, международное значение которых равно нулю. Это, конечно, большие завоевания. Признание куплено нами дорогой ценой, ценой героической борьбы Красной армии, ценой доказательства того, что рабочих и крестьян Союза нельзя поставить на колени перед капиталистическими государствами, даже тогда, когда эти государства вооружены сильнее нас и технически, казалось бы, имеют перед нами все преимущества. Расчеты капиталистических политиков от Ллойд-Джорджа до Пуанкаре оказались ошибочными, потому что, отправляясь в поход против Советской власти, они учитывали количество штыков, дальнобойность своих орудий, свою военную технику, но не учли тех громадных социальных изменений, которые в международную обстановку принесла Октябрьская революция. Мы победили и добились признания не потому, что мы технически были сильнее наших противников, а потому, что сила социальных симпатий трудящихся масс всего мира направлена была на поддержание первого рабоче-крестьян-

* Доклад на IX Всеукраинском Съезде Советов 4 мая 1925 г.

ского государства. И мы вполне учитываем, что добытые нами признания только постольку имеют значение и силу, поскольку они подтверждаются глубокой симпатией широких народных масс и, прежде всего, пролетарских масс Советских республик. Это факт, против которого не мог пойти Муссолини, против которого не мог пойти Макдональд, против которого не мог пойти Эррио, против которого не могло пойти правительство Японии. Но, учитывая всю важность значения факта признания республик Советов со стороны правительств, которые правят на началах, прямо противоположных тем началам социальной справедливости и господства трудящихся масс, на которых основано наше правление, мы, вместе с тем, должны дать себе отчет, что это признание, затрудняя для наших врагов прямое нападение на Республику Советов, вместе с тем, отнюдь не дает нам доли гарантии в той безопасности, которая нам была бы необходима для развития тех мирных задач, которым народы, объединенные в Союз, целиком преданы и которым одним только они хотели бы посвятить всю свою энергию и свои силы.

Безопасности от нападений, безопасности от неожиданных войн нет сейчас нигде в мире. И от нас ни один дипломат не в праве потребовать, чтобы мы чувствовали себя в этом мире клокочущих противоречий более безопасно, чем какое-либо буржуазное государство. Нет, мы правы, когда испытываем тревогу, когда принимаем те меры, которые необходимы для того, чтобы трудящиеся, рабочие и крестьяне, объединенные под красным знаменем, чувствовали себя спокойно от неожиданных нападений, чувствовали себя за Красной армией как за твердой стеной, которая охраняла бы их мирный труд и хозяйственное развитие. Эти признания за прошедший год не гарантировали нас от попыток создания против нас блока, который, правда, временно не удался, и, как всегда в дипломатическом мире, если та или другая дипломатическая комбинация не удается, то все дипломаты считают себя в праве отказаться от того, что они принимали участие в неудачной попытке. Попытка английского консервативного правительства создать против нас некоторое подобие новой интервенции не была предотвращена тем фактом, что Англия нас признала. Переговоры между генеральными штабами тех государств, которые расположены по нашей границе, которые должны были произойти втайне, но которые, однако, открылись — и от факта этих переговоров не смогли отказаться их участники, — также не могли предотвратить того, что и Польша, и Эстония, и Литва, и Латвия, и Финляндия нас признали. И, наконец, тот факт, что мы находимся в мирных, основанных на точном договоре, отношениях с Польшей, не гарантирует нас от такого неслыханного преступления, которое было совершено агентами польской власти на самой нашей границе в виде убийства двух наших товарищей.—

Эти факты, мне кажется, вполне оправдывают ту тревогу, с которой Союзное правительство относится к вопросам международного общения и к вопросам безопасности нашей страны.

Мы хотим мира. Это доказано фактами. Об этом сможет засвидетельствовать всякий добросовестный наблюдатель нашей государственной и общественной жизни. Нет ничего более нежелательного для широких народных масс, как если бы та или иная военная провокация заставила нас бросить тот громадный труд по восстановлению хозяйства, к которому с таким энтузиазмом и самозабвением стремятся сейчас народы нашего Союза, и взяться за винтовку. Но пусть в то же время всякий знает, что если бы эта гроза разразилась, если бы нам пришлось оставить плуг и молот ради винтовки и пулемета, то эту винтовку пролетариат и крестьянство держали бы очень крепко в руках. (Бурные аплодисменты.)

Внутреннее положение европейских стран характеризуется в данный момент двумя чертами. Если вы вспомните, какую картину представляли из себя правительства крупнейших стран Западной Европы еще полгода тому назад, то вы увидите, как резко изменилась эта картина к данному моменту. Полгода тому назад мы имели в Англии так называемое рабочее правительство Макдональда. Во главе германского государства президентом был ставленник социал-демократической партии Эберт. Во Франции — правительство Эррио, опиравшееся на полную поддержку французских социалистов и социал-демократов. Полгода тому назад можно было с бо́льшим или меньшим правом говорить о слабых начатках «пацифистско-демократической эры». Ибо если подвести общий итог этой картины правительств полгода тому назад, то мы имеем перед собою фактически управление важнейшими странами Европы II Интернационалом, ибо правительство Макдональда было правительством II Интернационала, правительство Эберта — это было правительством II Интернационала. Эррио не мог править без прямой поддержки II Интернационала, без которого он не имел бы большинства во французской палате депутатов.

Приходя к власти, II Интернационал, вся сила которого заключается в обманчивом обещании улучшения положения рабочих масс, которые только-только начинали освобождаться от диктатуры Пуанкаре и Черчилля, этим массам он обещал спокойствие и мирное разрешение неразрешенных национальных государственных проблем. Вы знаете, что в очень широких кругах, даже и среди некоторых коммунистических партий, распространились иллюзии, что эпоха насильнической диктатуры буржуазии смягчается, что мы вступаем в эру пацифистского демократизма, что будто Макдональд, Эррио и Эберт, опираясь на II Интернационал, действительно способны разрешить хотя бы

один из тех вопросов, которые встали перед европейским человечеством до войны, которые буржуазия пыталась разрешить кровопролитнейшей бойней, которые она затем пыталась разрешить насильническим Версальским миром, которые она после этого мира пыталась разрешить ничем не прикрытыми империалистическими мерами Мильерана, Пуанкаре и Черчилля. Мы можем теперь этим обманным речам II Интернационала, этим лживым обещаниям так называемых демократических правительств, подвести итоги. Они не разрешили ни одного вопроса. Они посеяли в массах глубокое разочарование. Своим обманом, своим бессилием они подготовили почву для того, чтобы на их смену пришла неприкрытая империалистическая реакция. Вместо Макдональда, вместо так называемого рабочего правительства мы видим в Англии правительство Чемберлена и Болдуина, правительство неприкрытой реакции, неприкрытого империализма.

В Германии после того, как несколько лет политика германской социал-демократии позорила себя на каждом шагу, мы видим после этого триумфальное шествие по той дорожке, которую подготовили шейдемановцы, Носке и другие, триумфальное шествие — второй личины Вильгельма II, фельдмаршала Гогенцоллернов — Гинденбурга. Пятнадцать миллионов взрослых немцев после того, как социал-демократия отравила их сознание лживыми фразами про республику и народовластие, после этого социал-демократы подготовили то, что 15 миллионов немцев голосовали за Гинденбурга, т.-е. если не верить словам (а в политике словам верить необязательно), если брать действительное соотношение классов, то голосовали за восстановление монархии. Во Франции правительство Эррио, неспособное довести открытую борьбу с силами финансового капитала и прямо непосредственно опереться на широкие массы мелкой буржуазии, крестьянства, пролетариата, ставшее поэтому пленником этого финансового капитала в результате кризиса, фактически сдало свои позиции, и сегодня там мы имеем правительство Бриана — ренегата социализма, озлобленного человека французского империализма, французской буржуазии, и не нужно быть пророком, чтобы сказать, что через пару недель, через пару месяцев там получим восстановление режима Мильерана и Пуанкаре, режима войны.

Если в этих фактах можно видеть усиление организации буржуазных сил, для которых работала социал-демократия, если это можно рассматривать как некоторую частичную стабилизацию капиталистических сил, то этот процесс имеет и другую сторону. Он в то же время неизбежно ведет к обострению всех противоречий, не разрешимых для буржуазии. Он неизбежно ведет к обострению всех национальных трений, которые созданы войной и Версальским миром. Он неизбежно подготовляет почву для нового взрыва и для новых войн. И не надо быть коммунистом,

надо быть просто трезвым политиком, глядящим прямо в глаза действительности, и быть мало-мальски откровенным человеком, чтобы видеть, что если имеется известный процесс укрепления буржуазных позиций в Европе, то в то же время неизбежно этот самый процесс готовит Европе новую военную катастрофу.

Когда один из наиболее типичных представителей диктатуры буржуазии — премьер Италии Муссолини спросил свой сенат: «Неужели вы думаете, что война 14-го года была действительно последней войной?» — весь сенат Италии встал и сказал: «Конечно, мы этому не верим. Война еще впереди». Это было несколько недель тому назад. Почти в те же дни один из опытнейших и умнейших политиков буржуазии Ллойд-Джордж, который недаром во время своей политической карьеры был и левым радикалом, и правым консерватором, и примирителем либералов и консерваторов, в своей речи в палате общин сказал: «Я с тревогой смотрю на настоящее положение дел. Мне кажется, что продолжение нынешней политики европейских правительств неизбежно несет новую катастрофу, новую войну».

Да, мы можем целиком присоединиться к этим пророчествам буржуазных политиков. Есть частичная стабилизация, есть частичное укрепление буржуазных сил, но вместе с тем и в гораздо большей мере растет обострение противоречий, которое в каждый момент может вылиться во всеобщий пожар. А последние события в Болгарии разве не могли бы послужить этим первым сигналом?.. Вы знаете, что после того как болгарское правительство довело своим бесчеловечным террором народ до самых отчаянных попыток уничтожить тех варваров, которые стали, путем насилий против трудящихся, во главе Болгарии, когда это правительство довело свой народ до отчаяния, оно потом попыталось свалить вину за взрыв в Софийском соборе, конечно, на Москву.

Но вместе с тем оно попыталось на почве этого взрыва свести свои счеты с Юго-Славией, и мы имели несколько дней такое положение, когда результатом софийского взрыва могла явиться новая балканская война, когда войска Юго-Славии уже группировались на границах Болгарии и когда с другой стороны правительство Цанкова обратилось к хорошо известным нам воякам-румынам за оказанием поддержки. (Смех. Аплодисменты.) Правда, эти события в данный момент не развернулись. Вся Лига Наций [3]) пришла на помощь правительству Цанкова. Болгарии было разрешено увеличить свои войска — конечно, под предлогом борьбы с коммунизмом; Сербии Лига Наций приказала не двигаться, а румыны, на помощь которых надеялся Цанков, оглянулись на свой зад (смех, аплодисменты), и после этого отказались повернуться лицом к Болгарии, ибо им много работы. Они не могут свободно поворачиваться туда и сюда потому, что

они все время заняты тем, чтобы как-нибудь прикрыть краденое. * (Смех. Аплодисменты.)

Товарищи, этот сравнительно незначительный эпизод мировой политики последних недель показывает вам, что мы имеем в Европе, несмотря на несомненную частичную стабилизацию капиталистических позиций, растущие обострения, невозможность и неспособность буржуазии разрешить назревшие вопросы; пороховой погреб может взорваться каждый момент и по каждому поводу. Мы видим на протяжении одного года, как буржуазия очень ловко, очень умело, меняет способы своего управления, действуя и выставляя вперед то II Интернационал, то Гинденбургов. В течение года меняются декорации. То вперед выдвигаются Макдональд и Эберт — вожди II Интернационала и рабочие массы успокаиваются видимостью рабочей и «социалистической» власти. Когда же эти марионетки оказываются ненужными, сослужившими свою службу, тогда на первый план выходят старые заслуженные императорские генералы и берут бразды правления в свои руки. Эти судороги перехода от методов управления через социалистов к методам управления через императорских генералов, постоянная перемена власти и правительства есть для международной буржуазии совершенно определенная система. И генералы, и Макдональды, и Гинденбурги, и Эррио — для них одинаковы, поскольку и те и другие служат интересам денежного мешка. Но история привела их уже в такой тупик, что они все чаще и чаще должны менять методы своего управления. Все больше и больше чувствуются в их положении судороги, бессилие, страхи перед растущей опасностью. Громко стучится в ворота капиталистического мира пролетарская революция, и мы отнюдь не уверены, что для того, чтобы избежать ее, Гинденбург и Эррио, враги и друзья, французы и немцы — только капиталисты, сговорятся для того, чтобы ввергнуть человечество в новую эпоху войн и в крови этих войн потопить гражданскую войну пролетариев против империализма, ту единую священную войну, которая раньше или позже сделается неизбежной. (Аплодисменты.)

Но кроме основных направляющих сил в Европе мы должны видеть то, что делается на Востоке, ибо европейский капитализм и вся система империализма держится не только на угнетении пролетарских масс в странах Европы и Америки, но и в очень большой степени на колониальном рабстве народов Востока. И если буржуазной диктатуре угрожает изнутри восстание пролетариата и это угрожающее восстание заставляет парламентских марионеток буржуазии выделывать самые странные штуки, то, кроме того, грозно поднимающийся Восток давит на них извне.

* Имеется в виду захват румынами Бессарабии. *Ред.*

Если вы теперь, тт., примете во внимание, что по нашей восточной и юго-восточной границе от Владивостока и до Батума расположено не менее трети населения всего земного шара, что от наших границ начинается господство англичан, начинаются британские колонии — Индия и др., то вы поймете, какая громаднейшая угроза имеется для того, что буржуазия называет своей стабилизацией, что заключается в том факте, что поднимающиеся народы Востока имеют обеспеченный тыл в виде нашей страны, в виде первой рабоче-крестьянской республики. (Аплодисменты.)

Повторяю, тт., на наших границах Востока и Юго-Востока расположено не менее трети тех колониальных рабов, на плечах которых держится здание империализма Европы и Америки. Это отнюдь не значит, что мы строим свою политику на том, чтобы двинуть эти народы в той или другой форме немедленно против гигантов мирового империализма.

Не нам дано переделывать историю и исторические законы. Но если господа Чемберлены думают, что мы, заключивши с ними договор, имеем в своих руках какие-нибудь заклинания против того, чтобы быстрее пришел момент, когда народы Китая, народы Индо-Китая, народы Индии восстанут против своих поработителей, то они глубоко ошибаются. Таких заклинаний у нас нет. (Аплодисменты.) А неизбежное, конечно, совершится. Когда мы разворачиваем карту Китая или читаем известия о той борьбе, которая кипит там, часто рядовому гражданину советских республик трудно бывает разобраться в тех перипетиях борьбы, которая там идет. Но для нас должно быть ясно одно: что все эти изменения, все эти приливы и отливы революционных волн и контр-революционных выступлений, все эти попытки иностранной интервенции в Китае, все неудачи этих попыток, — все это знаменует острый период гражданских войн всех восточных народов, смысл которых есть национальное освобождение от иностранного капитала.

Тт., эта ситуация вновь и вновь подтверждает правильность нашей основной линии. Мы говорили, что после империалистической войны невозможна политика середины, после империалистической войны мир неизбежно катится с точностью законов механики или к беспощадной диктатуре капитала, или к диктатуре пролетариата. Теоретически некоторые оспаривают эту мысль. Конечно, каждую теоретическую мысль можно оспаривать, но нельзя оспаривать историю, нельзя оспаривать, а ведь история тех семи лет, которые прошли после войны, она подтверждает нашу теорию целиком. Все серединные партии проваливаются; все серединные партии, во главе которых стояли «социалисты» и социал-демократы II Интернационала, почти во всех странах позорно обанкротились. И вместе с тем все эти страны

переходят по подготовленной ими дорожке к господству ничем не прикрытой реакции. Или диктатура пролетариата, или же диктатура Гинденбурга — так стоит вопрос не в наших книжках, не в резолюциях Коминтерна, а в живой жизни, которая создается миллионными массами. Если бы господа Ллойд-Джорджы, Чемберлены и Морганы думали, что эта дилемма — или диктатура пролетариата, или диктатура буржуазии — написана только в сочинениях тов. Ленина, только в резолюциях Коминтерна! Но нет, тт., они так же хорошо знают, как и мы, что в сочинениях тов. Ленина, в резолюциях Коминтерна записаны законы действительной жизни, и что им угрожает не бумага, на которой написано о диктатуре пролетариата, а подлинная миллионная масса, которая к этой диктатуре идет, несмотря ни на что. (Аплодисменты.) Вот чем, тт., объясняется ожесточенный поход против советских республик, как основной крепости социализма, как первого государства, в котором воплощены эти требования жизни. Вот чем, тт., объясняется то, что, несмотря на признание нас, мы постоянно окружены сетью подготовительных мер к нападению буржуазии всех стран, вот почему мы должны быть особенно бдительны. Правильной оказалась наша теория, правильной оказалась и линия нашего поведения. Мы, может-быть, только несколько ошибались сроком и, как политики реальные, а не фразеры, как люди, которые взяли на себя громадную ответственность, мы, изучая действительность, всегда должны вносить те или другие поправки в свои постановления.

Буржуазии, очевидно, удалось оттянуть сроки мировой революции, буржуазия этим воспользовалась целиком и обязана глубокой благодарностью за это не самой себе, а именно II Интернационалу. Можно теперь сказать, подводя итоги целой исторической эпохи: как во время войны, так и в первое 10-летие после войны, буржуазное господство было спасено не талантами генералов, банкиров, финансистов и политиков буржуазии, а подлинно предательской и лакейской работой II Интернационала. Если бы этого не было, буржуазия была бы сметена всюду. И мы, учитывая и отдавая себе отчет в этой роли II Интернационала, можем сейчас себе сказать, — да, мы не дооценили той роли предательства, которую сыграл II Интернационал. Это может показаться странным. Мало ли мы с вами ругали II Интернационал и нужно ли коммунисту, как мне, еще раз перед ответственным государственным собранием объявлять II Интернационал преступником, лакеем буржуазии и предателем рабочего класса! Я говорю — да, нужно, нужно потому, что, несмотря на наши нападения, несмотря на непримиримую ненависть, которую к нему питают широкие народные массы, мы его роли недооценили. Когда мы говорили, что революция пролетариата неизбежна в Германии в 1918 г., когда мы говорили, что конец первой империа-

листической войны вместе с тем будет и первым шагом победоносной пролетарской революции, если мы сделали этот просчет, то только потому, что недооценили все значение и влияние II Интернационала. И мы сейчас должны внести соответствующие поправки. Мы должны сказать себе, что при наличии II Интернационала, при его существующем влиянии, революционному пролетариату сломить буржуазное господство так быстро, как бы нам этого хотелось, как мы надеялись, — очевидно, не удастся. Темп мировой революции, благодаря этой политике II Интернационала, замедляется и мы были бы с вами глухими и слепыми, если бы не хотели отдать себе в этом отчета и не построили своей политики, опираясь на учет этого печального факта.

Правда, мы никогда не представляли себе победу пролетарских масс как одного акта, как такого движения, которое в один момент сметет твердыню капитализма. В 1915 г. Ленин писал следующие строки, которые сейчас очень и очень полезно запомнить всем нам: «Как в 1901 г. мы не знали, продолжится ли с этого времени до первой русской революции 4 года, так мы не знаем этого и теперь. Мы стоим несомненно накануне социалистической революции. Но революция может создаться и вероятно будет создаваться из долголетних битв, из нескольких периодов натиска с промежутком контр-революционных судорог буржуазного строя. Вся соль теперешнего политического положения состоит всецело в том, использовать ли прежнюю создавшуюся революционную ситуацию, которая уже есть налицо, поддержкой и развитием революционного движения. Да или нет?» — спрашивал тов. Ленин. Мы теперь то, что Ленин предсказывал в 15 г., переживаем сами из года в год. Мы именно переживаем решительный период новых и новых натисков пролетарских волн на твердыню буржуазии и откатов этих волн и судорог буржуазного строя. И сейчас, когда в Италии над пролетариатом господствует официально партия фашистов во главе с Муссолини, когда в Германии выбран ставленник Вильгельма II — Гинденбург, мы можем сказать: да, сейчас идут судороги буржуазной контр-революции, судороги буржуазного строя против напора пролетарских масс, которые из года в год все усиливают свое наступление на буржуазию. Мы знаем, что каждая из этих судорог все короче и короче. Каждая буржуазная судорога будет обучать массы пролетариата лучше, чем какая-либо наша агитация. Гинденбург во главе Германской республики, во имя которой проливали кровь десятки тысяч пролетариев, это знаменует ожесточеннейшую классовую борьбу в Германии. Всякая попытка восстановления монархии вызовет самое отчаянное сопротивление германского пролетариата. Переход от правительства Эррио вновь к правительству национального блока, к правительству Пуанкаре, к тому, чтобы над Европой зареяла новая угроза

войны, — это обучение миллионов и десятков миллионов мелкой буржуазии и тех отсталых слоев пролетариата, которым недостаточно было еще предшествующих уроков и которые пройдут в этих последних судорогах буржуазной реакции и буржуазного кризиса новую школу своего революционного воспитания. Вот почему мы говорим: — да, срок оказался длиннее. Буржуазия, опираясь на II Интернационал, смогла ловко предотвратить взрыв народного негодования и быстрое наступление победоносной пролетарской революции. Но отвратить пролетарскую революцию буржуазия не может. Она, как неизбежная судьба, стоит у дверей, и мы увидим, как на прахе буржуазных правительств Эррио, Муссолини и Гинденбурга восстановится подлинная мировая пролетарская революция.

Я укажу в области международных отношений еще только один факт, который нельзя недооценить, но на который, может-быть, до сих пор не обращали достаточно внимания. Хотя, должен сказать, буржуазная пресса очень много уделяла внимания этому факту. Она писала о нем с той тревогой, которую он может внести в среду буржуазии. Это факт — постепенно растущий и достигающий уже больших результатов, факт сближения профсоюзов нашего Союза с английскими профсоюзами. Вы не осудите меня, товарищи, за то, что я, представитель правительства, говорю о профсоюзах. Вы знаете, что наше правительство очень близко к профсоюзам и что без профсоюзов не было бы и правительства. (Аплодисменты.)

Английское профессиональное движение — движение совершенно своеобразное, старинное, с очень глубокими и столетними корнями. Вряд ли в какой-либо другой стране можно найти такое профдвижение с традициями, уходящими к началу XIX столетия, как английское. Они переживали много колебаний и много кризисов. Последние факты двинули эти профсоюзы нам навстречу. Это тем более знаменательно, что английские профсоюзы, которые объединяют в главной своей массе квалифицированных рабочих Англии и которые, следовательно, объединяют ту часть рабочего класса, которая пользуется выгодным доминирующим положением Англии на мировом рынке. Эти профсоюзы всегда были реформистскими союзами. И сейчас оказалось, что в этой крепости реформизма так нарастают тенденции, толкающие подлинные рабочие массы к нам, что реформистские вожди должны были вступить с нами в формальное соглашение. Вы знаете, что английские профессиональные союзы в своей государственной жизни, несмотря на господство буржуазного правительства, имеют, однако, возможность делать запросы иностранным послам (хотя профессиональные союзы там не входят в английское правительство), и несмотря на это послы не могут не отвечать на запросы английского профессионального движения. Оно объеди-

няет 6 миллионов рабочих, оно составляет половину всего Амстердамского объединения [4]) профессиональных союзов. Шутники говорят, что если бы английские профессиональные союзы ушли из Амстердамского объединения, то Амстердамскому объединению не на что было бы содержать свои исполнительные органы. (Смех.) Товарищ Угаров это проверил. (Аплодисменты.)

Эти консервативные профессиональные союзы, во главе которых стоят вожди отнюдь не коммунисты, но которые под влиянием своих собственных масс поставили вопрос таким образом, что, вопреки II Интернационалу, вопреки Амстердамскому объединению, пошли на соглашение с нами и составили Англо-Русский Комитет Профессионального Единства, который теперь объединяет 11 милл. пролетариев (аплодисменты), объединяет международную политику английских и наших профессиональных союзов. Это есть объединение 11 миллионов пролетариев, в которое вошли пролетариат самой крупной капиталистической страны Европы и пролетариат самой революционной страны мира. Я думаю, что это тоже относится к международной политике, что это важнее не только Лондонской, Генуэзской, [5]) Гаагской и прочих конференций, но этот союз является лучшим пособником мира, и если решается вопрос — быть или не быть новой войне, то не меньшее, если не большее, значение будет иметь совещание тов. Томского с тов. Перселем, чем дюжина конференций о разоружении. (Бурные аплодисменты.)

Товарищи, для нас несомненно, без всякого преувеличения, что действительно некоторая, условная, частичная стабилизация, укрепление буржуазных позиций в данный момент имеется, но мы должны сказать, что революционные перемены в Западной Европе назревают. Мы не знаем, сколько времени требуется для того, чтобы то, что сеет господин Гинденбург, Муссолини, Пуанкаре, Чемберлен, созрело, сколько потребуется на это месяцев или недель,— но мы знаем, что они сеют зубы дракона и что эти зубы взойдут. Вопрос для нас заключается только в том, сумеем ли мы с вами продержаться до того момента, пока созреет посев, который сеет буржуазная контр-революция. (С мест: — «Продержимся!»). Я, товарищи, также был совершенно уверен, что этот ответ будет единогласным, что мы продержимся. (Бурные аплодисменты.)

Мы только должны сейчас или, вернее, я должен сейчас перед вами отчитаться в том, что нами сделано для того, чтобы продержаться, и что мы собираемся делать в дальнейшем, чтобы продержаться. По трем линиям, мне кажется, должны быть направлены главнейшие наши усилия для того, чтобы продержаться, чтобы это не было у нас только похвальбой, чтобы оно было выражением твердой, железной уверенности пролетариата и крестьянства в своей победе.

Первая линия, по которой должны здесь итти, это—правильное решение национального вопроса. Мне вчера дали справку, что Государственное Издательство в Москве издает литературу на 67 языках. Это еще не все. Народы, многочисленные нации объединены в нашем Советском Союзе. Совершенно ясно, что если бы мы не умели это громадное количество разноплеменных, разноязычных трудящихся объединить в единый Союз, сделать для каждого племени этот Союз своим родным, если бы мы этого не умели сделать, это была бы такая слабость, которая сказывалась бы на каждом шагу, которая бы нас подрывала изнутри. Вот почему вопрос о национальном строении Союза, вопрос о том, чтобы Союз был действительно добровольным сплочением трудящихся, находящих в этом Союзе полное удовлетворение в своих политических, хозяйственных и культурных стремлениях, является для нас одним из важнейших вопросов, одним из вопросов, которые решают: удержимся или не удержимся мы в капиталистическом окружении. Мы, как правительство, ни на минуту не упускали этого вопроса из вида. За протекший период, идя по пути решения национального вопроса, указанного тов. Лениным, мы пришли к необходимости раздробить царистское соединение разных народов в Туркестане. Старую царскую провинцию Туркестан мы разбили на две самостоятельные независимые республики по национальному принципу — на Узбекскую, населенную узбеками, — Узбекистан и на республику туркменов — Туркменистан, присоединив другие территории, населенные киргизами, к уже существовавшим республикам. Этим самым число государств, входящих в наш Союз, увеличилось.

Если наш Союз до сих пор был Союзом Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, Украинской Социалистической Советской Республики, Закавказской Федеративной Республики, Белорусской Республики, то мы имеем теперь в Союзе 2 новых члена — Узбекскую и Туркменскую Советские Республики (аплодисменты), которые вступают в наш Союз на равных правах со всеми остальными республиками. Ближайший Съезд Советов Союза должен будет окончательно оформить эти два новых государственных образования. Обе эти республики расположены на границе Персии, в обеих этих республиках живут народы, часть которых находится по ту сторону нашей границы, и мы думаем, что создание этих двух республик на крайнем нашем среднем Востоке в том клине, в который мы вдаемся, в тех областях, которые находятся под фактическим господством Англии, есть такой шаг, который увеличивает нашу международную мощь.

Правда, по этому поводу белогвардейцы «изволили шутить». Когда мы вели переговоры о признании, господа белогвардейцы

уговаривали было Францию не подписывать с нами договор,— потому, говорят, что неизвестно, с каким же государством иностранцы подписывают договор. Ведь у них в конституции — говорили они — написано, что каждая из составных частей Союза может по своему одностороннему волеизъявлению выйти из Союза. Так говорил господин Милюков, — вы, господа англичане и французы, подписываете договор с Союзом, а на-завтра окажется, что от этого Союза осталось только два государства. По этому поводу нужно сказать таким образом: господа иностранцы и вместе с ними и господа белогвардейцы (надо их тоже чем нибудь утешить) могут не беспокоиться: выйти из нашего Союза наверное не пожелает никто, а вот притти в наш Союз наверное пожелают многие. (Продолжительные аплодисменты.)

Товарищи, вы здесь у себя тоже выделили автономную Молдавскую Советскую Социалистическую Республику, поступив совершенно правильно. И я могу, с своей стороны, от имени Союзного правительства только поздравить вас с тем, что вы вступили на путь правильного решения национальных вопросов в своих пределах. (Аплодисменты.)

Мы должны позаботиться все вместе (эта задача будет равно и задачей республиканских правительств и задачей Союзного правительства) о том, чтобы дать возможность всем нациям, живущим в нашем Союзе, удовлетворять свои политические, хозяйственные и культурные потребности на родном языке, который служит наилучшим проводником начал советизма, социализма и коммунизма в самые широкие массы. Мы, может-быть, сделали для этого недостаточно, но во всяком случае мы принимаем все усилия к тому, чтобы обеспечить каждой нации возможность приобщаться к общей культуре коммунизма на своем родном языке и не встречать препятствий ни в администрации, ни в хозяйстве, ни в школе, чтобы эта задача была полностью разрешена, что даст нам ту национальную спайку, тот твердый базис для нашего Союза, при котором нам не будут страшны никакие внешние опасности и, потирая руки, мы сможем смотреть, как господа буржуа разрешают национальные вопросы у себя. (Голос: «А в Бессарабии?») Я потому не говорю о Бессарабии, что не могу вам обещать вернуть ее в этом году. (Смех. Аплодисменты.)

Товарищи, такова первая, мне кажется, очень важная линия, на которой должно быть сосредоточено наше внимание для той цели, ради которой мы создали наш Союз.

Вторая цель, вторая линия, по которой мы должны энергично работать для того, чтобы дождаться того момента, о котором я говорил в начале своего доклада, это — усиление нашей Красной армии. (Аплодисменты.)

Товарищи, Красная армия — любимое детище рабочих и крестьян нашего Союза. Этого она заслужила своей героической борьбой. Если бы не ее героические битвы, мы не могли бы здесь обсуждать наши дела. Но мы должны отдать себе отчет в том, что техническая подготовка нашей армии, обеспеченность ее необходимым вооружением, снаряжением, техникой, конечно, отстает от тех богатейших стран, которые рады были бы доказать нам свое превосходство на поле брани.

Мы знаем, что наша армия имеет неизмеримое преимущество перед всякими другими армиями. Всякая другая армия в государствах, раздираемых внутри классовой борьбой, набирается из трудящихся масс, формируется, однако, командующими классами и служит орудием в руках командующего класса против народа. Наша Красная армия глубоко отлична от этого. Она набирается из трудовых низов. Она формируется правительством, отражающим интересы этих низов, и служит орудием для защиты интересов этих низов. Именно поэтому наше правительство, не так, как любое другое правительство, может быть до конца откровенно со своей армией. Всякое буржуазное правительство от солдата должно скрывать, что оно готовит ее для того, чтобы она доставала для него каштаны из огня, чтобы она сражалась и умирала не за свои интересы, а за интересы буржуазии, чтобы она была готова расстреливать своих братьев-рабочих и крестьян.

Мы можем и должны быть откровенны со своей Красной армией до конца, ибо мы знаем, что чем глубже каждый красноармеец будет сознавать задачи нашего правительства, цели, которые мы перед собой ставим, политику, которую мы ведем, — тем лучше он будет служить нашим задачам. Поэтому, кроме политики просвещения армии, улучшения ее материального положения, перед нашим правительством стоит задача обеспечить армию всем необходимым материалом довольствия, усилить ее хозяйственный тыл, обеспечить ее той техникой, которая необходима для того, чтобы победоносно вести войну. Вы знаете, что в последнее время командование армией, согласно указаниям правительства, претерпело изменения. Мы должны были искать новых людей, которым могли бы вверить судьбы реорганизации и укрепления Красной армии. Я должен от имени правительства поздравить вас — представителей Украины — с тем, что этих новых вождей Красной армии мы нашли в вашей среде в лице тов. Фрунзе и Ворошилова. Но усилия этих боевых солдат революции будут тем более плодотворны, чем более вся страна поймет свои задачи перед армией, чем более усилим мы работу военной промышленности, чем более станем мы налегать на те отрасли промышленности, которые связаны с подготовкой армии, чем более усилим мы восстановление нашего транс-

порта и т. д., и т. д. Нашей армии, героической и славной, тем легче будет одерживать победы, — а она будет побеждать, чем более могущественным и крепким будет наш хозяйственный пролетарский и крестьянский тыл. Это вторая линия.

И наконец, товарищи, третья и основная линия, это — усиление нашей хозяйственной мощи. Вы знаете, что мы из-за границы, несмотря на признание, не получили и вряд ли в ближайшее время получим кредиты или займы. Если будем очень сильны, обязательно получим. (Смех.) Слабым никогда не дадут, а сильным дадут, да еще и сами попросят, чтобы взяли. Поэтому мы должны поставить перед собой вопрос: ну, а без поддержки финансовой и кредитной из-за границы, мы сами со своим хозяйством справимся? (Голоса с мест: «справимся!»)

Давайте, товарищи, разберем этот вопрос на основании хозяйственных фактов этого года.

Но прежде я бы хотел ответить еще на один вопрос. Когда я перейду к рассмотрению нашего хозяйственного положения и начну неизбежно с вопросов, касающихся нашей промышленности, крестьяне могут меня спросить: почему вы начинаете это дело с пролетарского конца, с фабрично-заводского конца, а не начинаете этого дела с крестьянского конца? Я, товарищи, на это отвечу: Не потому, чтобы мы не знали и не понимали определяющей роли сельского хозяйства и крестьянства в нашей стране. Вы увидите из моего доклада, какую громадную решающую роль отводим мы крестьянину, его хозяйству, его достижениям. Но начали мы с пролетарского конца потому, что для восстановления крестьянского хозяйства надо было добиться некоторых предварительных условий.

Первое из этих предварительных условий, это — создание хорошей деньги. Мы не могли бы вести никакой хозяйственной политики, мы не могли бы оказать никакой помощи крестьянину, если бы мы не создали хорошей денежной системы. Вы знаете, товарищи, как жили мы раньше, и сколько рабочие, крестьяне и государство теряли на наших ценных бумагах. Когда мы, год тому назад, поставили перед собою задачу перейти от этой бумажки к твердому рублю, избавить рабочих и крестьян от потери на колебаниях курса этого рубля, то над нами смеялся весь буржуазный мир и утверждал, что эта задача для нас неразрешима. Они руководствовались собственным положением, и вы знаете, что до сих пор в целом ряде важнейших стран Европы этот вопрос о создании хорошей твердой деньги не разрешен.

Буржуазные ученые экономисты говорили: — «куда же вам с вашими черными пролетарско-крестьянскими руками наладить такую тонкую машину, как денежное обращение, когда нам — ученым экономистам, протершим несколько штанов на министерских креслах, это не удается».

Действительно, можно было сомневаться, ибо денежная реформа есть выражение подлинной крепости всего хозяйства. Нельзя иметь хорошую деньгу, если у тебя хозяйство ни к чорту не годится. А если мы создали хорошую деньгу, то потому, что под ней лежит база, основа, фундамент — правильно развивающееся и все время растущее хозяйство.

Мы своей цели добились, мы за один год метлою вымели вон все эти цветные бумажки и ввели твердый рубль, при чем мы ввели его в таком количестве, которое за год дало двойное увеличение и, несмотря на все неблагоприятные условия, не поколебало ценности этого рубля. У нас, товарищи, на первое января 1924 г. во всем обращении всей страны было 303 миллиона рублей. Вот вся та сумма денег, которая у нас была, а на 1-е апреля 1925 года у нас, товарищи, имеется 767 миллионов рублей, т.-е. больше чем в $2^1/_2$ раза. Количество денег в нашей стране за один год увеличилось и при таком условии, что ни одна копейка из этой суммы не потеряла в своей ценности. Народное хозяйство, таким образом, благодаря денежной реформе, получило твердую деньгу, получило возможность правильно вести свой бюджет и, вместе с тем, получило такую деньгу, которая не теряет своей ценности.

Тов. Ленин в одной из своих последних статей писал, что если мы завоюем твердый рубль, то тогда мы победим. Он был прав. Без твердого рубля нельзя наладить хозяйство. Мы завоевали твердый рубль, он у нас в руках, он стал орудием восстановления всего нашего народного хозяйства.

Второе предварительное условие, которое необходимо было для того, чтобы двинуть наше хозяйство вперед, чтобы помочь крестьянину, — это было развитие нашей кредитной системы. Когда мы получили твердый рубль, мы должны были поставить и кредит. Нельзя вести большое хозяйство без кредита, а у нас хозяйство очень большое. Попробуйте подсчитать, сколько капиталистов, сколько спекулянтов, сколько фабрикантов и банкиров сидели на этом хозяйстве и кормились очень недурно от него! А теперь мы все это объединили в своих руках, мы все это держим в одном пролетарском кулаке и должны всем этим руководить из одного центра.

Это, тт., невозможно без плана, а план невозможен без твердой деньги и без правильной кредитной системы.

В декабре 1922 года все наше хозяйство, и государственное, и промышленность, и сельское хозяйство, — могло получить в наших банковских кредитных учреждениях только 22 миллиона рублей. А сейчас в одном Государственном банке наша промышленность, наша торговля и наше сельское хозяйство имеют кредита более чем на 700 миллионов рублей. Это, тт., достигнуто за полтора года. Все наши государственные банки

*

оказали промышленности, торговле и сельскому хозяйству кредитов на 1-е марта на сумму один миллиард сто пятьдесят миллионов рублей.

Вы поймете теперь, товарищи, что на этой базе мы, наконец, впервые могли построить твердый государственный бюджет. Это тоже есть завоевание этого года. Вы, может-быть, не знаете, а мы, приставленные к делу центрального хозяйства, мы очень хорошо помним время, когда нам каждый месяц нужно было создавать новый бюджет. Каждый месяц собирались мы и рассчитывали, сколько государство получит доходов и сколько оно должно будет израсходовать. Я спрашиваю, можно ли было вести правильное хозяйство, можно ли было вести широкие планы, правильные формы восстановления сельского хозяйства, если мы на два месяца вперед не знали, сколько есть в государственной казне средств и какие из этой казны государство должно будет произвести расходы.

Мы добились теперь годового бюджета, который исчисляется в $2^1/_2$ миллиарда рублей. Это доходы и расходы нашего государства. Если вы вспомните, что царский бюджет, который включал и Финляндию и Польшу, перед самой войной доходил до 4-х миллиардов, а мы уже имеем в нашем бюджете $2^1/_2$ миллиарда, то вы поймете, что мы и здесь находимся на очень правильной дороге. Если вы к этому прибавите, что в этом году все меньшую роль в бюджете начинают играть непроизводительные расходы, а все бóльшую роль в этом бюджете мы отдаем расходам производительным, расходам по сельскому хозяйству, расходам по поднятию промышленности, расходам по народному образованию, то вы подтвердите, что линия, взятая правительством, была правильна.

Вот эти предварительные условия, твердый темп расширения бюджета, твердый кредит, дали нам возможность в области промышленности сделать за этот год такие успехи, каких мы не видели ни за один предшествующий год. Я не буду утомлять вашего внимания перечислением наших успехов по отдельным отраслям промышленности. Скажу кратко, что этот год является рекордным. Все наши планы, которые мы составляли, оказались в этом году превзойденными.

Если вы посмотрите, как мы двигаемся, то вы увидите, что к этому году мы приступили очень скромно. Мы боялись очень широких планов. Мы говорили, что лучше двигаться помедленнее, но не обещать слишком много и потом не исполнить. Вот, я возьму, например, металлургическую промышленность. Интересны данные за этот год. Мы в СТО просматривали представленный ВСНХ план металлопромышленности. Товарищи, стоящие около металлургии, представили нам очень обширный план, но мы им сказали: нет, такого широкого плана нам за один год

не осуществить. Возьмите-ка поменьше. И мы утвердили план всей выработки металлопромышленности на 276 милл. довоенных рублей. Однако, через пару месяцев товарищи опять пришли к нам и сказали, что наши заводы перехлестнули через эту программу и ее нужно расширить. Мы согласились. Теперь, на основании опыта, мы пошли далее и вместо 276 милл. утвердили программу в 317 миллионов. Прошло еще два месяца, и мы утвердили им программу уже в 350 миллионов. Я уверен, что темп развития металлургии так велик, что и эта программа будет превзойдена.

Хотя она сравнительно с довоенным и не так велика, но она дает увеличение, сравнительно с прошлым годом, на 82%.

И вот, товарищи, если мы будем бить так метко, что каждый год будем увеличивать продукцию на десятки процентов, тогда очень недалек тот срок, когда мы перестанем сравнивать нашу промышленность с довоенным уровнем, а скажем, что нам на этот уровень наплевать, и нужно итти дальше. И этот момент приближается. Я приведу вам пару цифр. Вот, например, уголь, с которым мы с вами так тесно связаны. В 1920 году добыча государственной и арендованной промышленности исчислялась в 460 милл., а за последний год в 921 милл. пудов. В 1920 г. добыча составляла 28% довоенного, а в нынешнем году 53% от довоенного. Когда угольная промышленность начала разворачиваться таким быстрым темпом — мы испугались. Мы подумали о том, что не слишком ли быстро жарим вперед. Мало добыть, нужно продать, нужно завоевать рынок. Если нет рынка, нужно ранее завоевать иностранные рынки. Теперь доказано, что программа угольной промышленности должна будет развиваться еще более быстрым темпом.

Если мы возьмем нефть, то и здесь окажется, что мы в этом году достигли уже 70% довоенной добычи. И заведующий нефтью ставит перед собой задачу в ближайшие годы достигнуть всех 100% довоенной добычи.

Мы, товарищи, таким образом, преодолели все те затруднения, все те кризисы, которые перед нами стояли. Перед нами нет уже речи о топливном голоде. Наоборот, мы уже думаем не только о том, как бы нам удовлетворить внутреннюю потребность, а о том, как завоевать для нашей нефти, а отчасти для нашего угля, иностранный рынок.

Вот у меня таблица, которая показывает вам, как увеличивается из года в год выработка чугуна и проката. Вот то, что мы выработали из месяца в месяц в 1923 г., вот то, что в 24 году, и вот как мы подошли к 1925 году. (См. диаграмму № 7.) То же самое в отношении прокатки чугуна. Вот прокатка в 23 г., вот в 24 г. и вот, наконец, в 25 году.

Я оглашаю, товарищи, только эти иллюстрации, не говоря уже о том, как увеличилась наша текстильная промышленность,

как увеличилась работа нашего транспорта, как увеличилась общая сумма нашей продукции.

Отчеты говорят, что мы имеем в области крупной промышленности уже 70% довоенной продукции.

Чем это достигнуто? Прежде всего, колоссально крепнет развитие рабочего класса. Это происходит потому, что поднятая партией кампания за производительность труда дала реальные результаты.

Я думаю, товарищи, что вы одобрите политику правительства, заключавшуюся в прошлом году в том, чтобы пояснить рабочим массам, что общее усиление нашей промышленности может быть достигнуто только за счет усиления производительности труда, и что, вместе с тем, повышение заработной платы может итти только из основного источника. Мы не можем повышать заработную плату за счет иностранных капиталов, мы не можем повышать заработную плату рабочего за счет налога на крестьянина. Правда, заработная плата рабочего класса в Советской России сейчас еще недостаточна. Несомненно, в дальнейшем процесс будет итти в сторону большего повышения заработной платы. Но при одном условии, — что это повышение заработной платы может происходить только из средств самой промышленности, за счет увеличения ее продукции, за счет увеличения количества ее товаров, за счет улучшения организации ее производства, за счет повышения технического оборудования заводов и мастерских. Если же это увеличение произойдет, то тогда получится то, чего мы добиваемся.

Мы настолько окрепли, что ставим, как реальную задачу, постройку новых заводов, новых производств. Мы знаем все недостатки, мы знаем неравномерность заработной платы, отсталость отдельных отраслей и групп рабочих, знаем, что культурная потребность рабочего класса, бытовые потребности рабочего класса далеко еще не удовлетворены. Мы совсем не думаем, что рабочий должен получать столько, сколько получал до войны. Рабочие не пойдут на это. Рабочий прошел 8 лет революционной борьбы и иначе относится к своей семье, к своим детям. У него выросли и еще должны вырасти его культурные потребности. Наше рабочее государство должно поставить дело так, чтобы законные требования рабочего класса были полностью удовлетворены. Мы знаем недостатки наших заводов, их техническую отсталость, знаем то, что рабочим приходится работать на старых станках, изношенными инструментами, мы знаем о недостаточном применении науки и техники к нашему производству. Но мы говорим: правильный путь к разрешению всех трудностей заключается в том, чтобы рабочий класс повысил производительность труда, понял великие задачи, которые стоят перед ним, сумел бы наладить организацию производства, исполь-

зовать все возможности для улучшения и поднятия технического уровня. Тогда мы достигнем того, чего мы хотим.

Сейчас количество рабочих в наших предприятиях увеличивается каждый месяц. Несмотря на то, что у нас наблюдается безработица, — источник ее я укажу в дальнейшем — количество занятых рабочих на фабриках и заводах за несколько последних месяцев увеличилось на $^{1}/_{4}$ миллиона. В дальнейшем, когда мы будем разворачивать промышленность, — еще новые кадры рабочих будут впитываться в наши предприятия. Вместе с тем будет увеличиваться социальная мощь рабочего класса, его удельный вес в стране, его сопротивляемость капиталистическим мелко-буржуазным тенденциям, увеличиваться крепость пролетарской диктатуры. Вместе с постройкой новых заводов будет усиливаться рабочий класс, занятый в производстве. При этих условиях мы действительно сможем удержать в своих руках диктатуру, которая поведет нашу страну вперед к победе.

Вот предварительные условия, которые были необходимы для того, чтобы мы могли во весь рост поставить проблему крестьянскую.

Я перехожу к тому вопросу, который сейчас стоит в центре внимания Советской власти, который неизбежно должен, на ближайшие годы, стать главным вопросом политики и хозяйственного устройства страны.

Мы можем смело сказать, что мы поставили на правильные рельсы нашу промышленность и транспорт; хотя в дальнейшем они и потребуют еще много силы на улучшение, но они правильно пущены в ход и дальше будут развиваться по намеченному пути.

Что же касается крестьянского вопроса, то этот вопрос нам приходится ставить несколько по-новому. Прежде всего приходится поставить вопрос: вот для этой развивающейся промышленности какая деревня нужна? Как должен рассуждать пролетарий, видящий, как перед его глазами начинают дымить новые фабрики, новые заводы, увеличиваться количество продукции, товаров и т. д.?

Думаю, что все мы единогласно ответим на этот вопрос, что деревня нам нужна новая. Не та деревня, которая сидит на старой дедовской трехполке, которая не покупает машины, которая не имеет средств купить улучшенные семена, которая не перерабатывает своих продуктов для высшей продукции, для продажи на наших и заграничных рынках, которая не имеет средств, чтобы купить газету, поддержать школу, строить новый быт. Такая деревня, это — наследие старого. Нам нужна новая деревня. Деревня, которая покупала бы продукты городской промышленности, которая увеличивала бы потребление машин, ситца, которая стремилась бы потреблять все больше и больше

металла, которая считала бы необходимым читать газеты, которая стремилась бы к развитию электрификации и т. д.

Одним словом, нам нужна деревня, которая все время будет подниматься и богатеть.

У нас часто слышатся споры насчет точного определения кулака, середняка и бедняка. Прежде всего, необходимо уяснить одно положение: — рабочий класс сделал Октябрьскую революцию не для того, чтобы бедняк остался бедняком, а для того, чтобы бедняк перестал быть бедняком, чтобы он поднял свое хозяйство, чтобы он получил возможность удовлетворить свои потребности и чтобы его потребности неизменно росли.

Укажу еще на один факт. В нашей статистике подсчитали, что ежегодно прирост населения у нас в деревне достигает $1^1/_2$ миллиона человек. Если наша промышленность будет развиваться скорым темпом, то мы сможем ежегодно, вероятно, 200 — 300 тысяч этого нового населения вовлекать в производство, а десятки и сотни тысяч этого избыточного населения направлять на новые земли, путем переселения. Но все-таки, как бы быстро мы ни разворачивали промышленность, как бы мы ни налаживали дело переселения (а это дело трудное и требующее больших средств), — деревня будет давать избыток населения, и нам надо, чтобы земля кормила отныне больше народу и кормила бы его лучше, чем она кормит до сих пор. А для этого в землю надо вложить определенные средства. Только тогда земля наша сможет прокормить бо́льшее количество населения и сможет прокормить его лучше, когда мы в сельское хозяйство будем вкладывать новые и новые капиталы в виде удобрения, лучших семян, машин, постройки новых перерабатывающих заводов, развития животноводства и т. д.

Вот та основная задача, которая со всех сторон подсказывается нам. Пролетарию нужна новая, более богатая деревня, чтобы произведенные им товары находили себе помещение и спрос. За границей наших промышленных товаров много не возьмут. Города наши пока сравнительно незначительны и, если бы мы со своей промышленностью оказались перед лицом беднеющего крестьянства, неспособного потребить ее продукцию, тогда развитию нашей пролетарской промышленности был бы поставлен предел, стена. Мы уперлись бы в неплатежеспособность крестьянина и должны были бы, вместо того чтобы разворачивать промышленность, ее сворачивать или держать на определенном уровне, не повышая далее.

Так подсказывает пролетарию его пролетарская точка зрения. А крестьянину ту же точку зрения подсказывает перенаселение, переизбыток свободных рук в деревне, которые не могут быть употреблены без повышения технического уровня крестьянского сельского хозяйства. Поэтому, когда мы спрашиваем себя, есть ли

какие-нибудь разногласия между рабочими и крестьянством насчет деревни, расходятся ли тут их интересы, — мы смело отвечаем: — нет, и интересы пролетариата, и интересы нашей пролетарской промышленности, и интересы самого крестьянства — всех его слоев, — требуют одного: чтобы развивать производительную силу деревни, чтобы развивать тот процесс накопления, который начался, который мы всячески должны приветствовать и поддерживать.

Я уже сказал, что земля, чтобы прокормить больше народу и чтобы прокормить его лучше, нуждается во вложении новых средств. Откуда же возьмутся эти средства? Мы — государство бедное. Мы — я укажу в дальнейшем — делаем все возможное для того, чтобы помочь крестьянину выбраться на новую дорогу. Но наших государственных средств, которые мы собираем налогами, на это не хватит. Надо, чтобы крестьянин так вел свое хозяйство, чтобы он мог накапливать, а что накопит — вкладывал бы в свое хозяйство, поднимая его технический уровень, переходя к высшим, более ценным, культурам, производя то, что на рынке можно продать более выгодно, производя, наконец, такие продукты, которые пойдут за границу. Таким образом, из-за границы, при помощи нашего крестьянского хозяйства и вывоза его продуктов, мы получим те средства, которые необходимы для улучшения производительных сил деревни.

Развитие производительных сил деревни является, таким образом, основной задачей текущего момента. И развитие промышленности, и состояние крестьянства, и задача усиления мощи нашего государства требуют этого. Что мы сделали в этом году для крестьянина? Кое-что сделано; но многое, большую часть, остается еще сделать.

Во-первых, — я уже сказал — за этот год мы дали крестьянству твердые деньги и, следовательно, освободили его от потери на эмиссии, на бумажных деньгах. Подсчитано, что на бумажных деньгах крестьянство теряло в год около 200 милл. руб. Вы помните, как это происходило? Когда крестьянин приезжал на базар и продавал хлеб, масло или молоко, он получал нашими бумажками, скажем, рубль, с которым и уезжал в деревню. А когда он приезжал снова в город через неделю, примерно, что-нибудь купить себе, то этот рубль стоил уже не рубль, а 8 или 7 гривен. Вот эту потерю, этот дополнительный налог, который крестьянин, незаметно для себя, выплачивал, когда у нас не было хороших денег, за этот год с крестьянства снят и, значит, в кармане крестьянства осталось около 200 милл. рублей.

Второе, что мы сделали, это — наша политика снижения цен на промышленную продукцию. В общем и целом в течение этого года мы провели снижение цен городских продуктов, на

круг, на 30%; цены на металлические изделия снижены нами на 21%; на предметы широкого потребления на 35%; на продукты химической промышленности на 31%; текстильной на 35%; кожевенной промышленности на 36% и т. д. В общем, повторяю, по всему Союзу произведено снижение оптовых цен на промышленные продукты до 30%. А сегодня я прочел в наших газетах, в отчетной статье т. Максимова, что у вас это снижение цен достигло 36%.

Мы знаем, что не вся эта разница попала в карман крестьянина, не вся эта разница была усвоена деревней, потому что часть ее осталась в руках посредников. Мы владеем, командуем ценами оптовыми, которые устанавливают фабрики или тресты при выпуске товаров. Но покуда этот продукт дойдет до деревни, он проходит целый ряд инстанций, и каждая инстанция делает свои накидки. Поэтому крестьянство всеми этими 35% снижения не воспользовалось. Нам надо еще работать, и много работать над улучшением нашего торгового аппарата, в первую очередь, над улучшением нашей кооперации и сокращением ее накладных расходов, над тем, чтобы разница между оптовыми и розничными ценами не достигала таких размеров. Но, во всяком случае, несомненно, что крестьянство в этом году выгадало немало на снижении цен на промышленные продукты. А вместе с тем, в этом году мы несомненно имели повышение хлебных цен. Я знаю, что наша политика закупки хлеба вызывала ряд неудовольствий. Но на самом деле эта политика была правильной политикой. Я здесь с полной ответственностью утверждаю перед украинскими крестьянами, что в этом году мы, государство, заплатили крестьянству за хлеб, по крайней мере, на 50% больше, чем оно имело в 23 — 24 году. На этом повышении цен на хлеб крестьянство выиграло в этом году не один десяток миллионов рублей.

Правда, мы не дали той цены за хлеб, какую верхушки крестьянства требовали от нас в начале этого заготовительного сезона. Если бы мы пошли на то, чтобы принять те цены, которые нам диктовали верхушки деревни, то это значило бы, что мы, государство, которое должно было закупить 300 милл. пудов хлеба для рабочих и голодающих крестьян, должны были бы заплатить гораздо большую сумму, продавать этот хлеб рабочему гораздо дороже и, вследствие этого, повысить заработную плату. И я спрашиваю вас, какая политика была бы правильной: та ли политика, которая не пошла на стихийные цены, которая сказала себе: мы крестьянству в этом году дадим больше, чем давали в прошлом году, процентов на 50, в полтора раза, но, вместе с тем, сохраним дешевый хлеб для голодающих губерний и для наших рабочих центров,—или иная? Таким образом, мне кажется, эта политика удовлетворяла рабочих и крестьян и сплачивала рабоче-крестьянский союз.

Да, крестьянские спекулянты, — есть и такие, которые спекулировали на хлебе — они могут шептать всякие враждебные речи и говорить о том, что хлеб покупали дешево, но крестьянская масса знает, что в этом году мы, государство, истратили на ценах на хлеб по крайней мере на 200 миллионов рублей больше, чем в 1923/1924 году. Мы считаем эту политику правильной.

Если, с одной стороны, мы снижаем для деревни цены на продукты промышленности, а с другой стороны, цена на хлеб поднимается на 50%, — то мы ведем политику, которая идет навстречу союзу рабочих и крестьян.

Вы, тт., помните, как осенью 1923 г. перед нами раздвинулись «ножницы», и некоторые панически настроенные люди предсказывали нам тогда гибель? Они говорили, что эти «ножницы» перережут союз между рабочими и крестьянами, а следовательно, перережут и все наше государство. Да, тт., мы можем сказать, что тут была опасность, опасность была немалая. Эти ножницы были действительной опасностью, и вот перед вами имеется за год картина, которую мы, с известной гордостью, можем представить рабочим и крестьянам.

Вот, тт., к осени 23 года раздвинулись ножницы между сельскохозяйственными продуктами и продуктами промышленности, вот нормальный уровень этой линии цен на продукты промышленности. С 1922 и за осень 1923 г. цены лезли все время вверх, и цены на крестьянские продукты, главным образом на хлеб, ползли вниз, и вот эта разница, которая угрожала перерезать союз рабочих и крестьян (См. диаграмму № 11). Конечно, крестьяне могли совершенно законно жаловаться на то, что они продают свой хлеб по слишком низкой цене, что они его продают ниже нормальной цены, а покупают промышленные продукты по неслыханно дорогим ценам. И вот, тт., работа рабоче-крестьянского правительства выразилась в том, чтобы сомкнуть эти ножницы, и по этим результатам мы и требуем, чтобы нас судили. Вот та линия, тт., которая показывает, как нажимало наше правительство на промышленность, чтобы цены на товары, идущие в деревню, упали. Чем достигнуто это падение? Это достигнуто в течение нескольких месяцев усилиями рабочих, которые напрягли производительность своего труда и стали давать на одного рабочего больше продукции, а следовательно и удешевили эту продукцию. Это достигнуто организацией труда, снижением накладных расходов, пересмотром администрации на всех фабриках и заводах, и это дало то, что цены явно покатились вниз. А с другой стороны, вот наша политика хлебных цен, которая с этой низшей точки падения поднялась вверх, и к 1 апреля мы видим, как, с одной стороны, цены на продукты промышленности падают до нормального уровня и как, с другой стороны, цены на сельскохозяйственные продукты все больше поднимаются,

и те ножницы, которые угрожали разрывом, смыкаются, укрепляя таким образом союз рабочих и крестьян. (Аплодисменты.)

Вы видите, тт., что эта задача была не такая простая. Мы должны были требовать, — и это должны помнить крестьяне, — больших жертв от рабочего класса для того, чтобы он дал нам такое снижение цен. С другой стороны, мы должны были из общегосударственных средств отпустить суммы на увеличение цен на хлеб. Это есть, тт., реальный результат нашей политики.

И, наконец, третье, что за этот год было дано крестьянству, это — снижение налога. Мы знаем, тт., что налог наш грубоват, что в нем много имеется недостатков, и что его, вероятно, необходимо будет к осени пересмотреть и на будущий год перестроить на новых началах. Но для этого года мы приняли значительное снижение налога, сняв, таким образом, некоторую тяжесть, лежащую на крестьянах. И, наконец, мы значительно увеличили сельскохозяйственный кредит для нашего крестьянства.

Это то, тт., что сделано. Это не значит, что мы, правительство, этим сделанным удовлетворены. Мы рассматриваем это только как первый шаг. Политика в этом направлении будет продолжаться и дальше, твердые деньги мы будем укреплять, политику снижения цен на крестьянские товары мы будем проводить неукоснительно, доведя их до наибольшей дешевизны. Удешевляя товары городские для села, мы будем увеличивать сельскохозяйственный кредит, мы будем настаивать на том, чтобы при новом урожае цены, которые стоят на крестьянские товары, были бы справедливыми ценами, т.-е. такими ценами, которые удовлетворяли бы крестьянство и, в то же время, не ложились бы слишком большой тяжестью на бюджет рабочего. Ибо если мы в этом году, при неурожае, при недостатке хлеба, держали цены на определенном уровне, то мы, от имени правительства, заявляем, что если при урожае цены на сельскохозяйственные продукты, цены на хлеб будут падать ниже определенного уровня, то мы будем с этим бороться и направим все силы на то, чтобы крестьянину обеспечить справедливую цену на его хлеб.

И, наконец, мы будем продолжать политику улучшения нашего налогового аппарата и облегчения той налоговой тяжести, которая лежит на бедняцкой и середняцкой части деревни.

Но главное, что мы должны будем проделать в этом году, заключается в общей политике по отношению к деревне.

Партия наша самым внимательным образом присматривается к тем условиям, которые мешают развиться хозяйству крестьянина, которые мешают старательному крестьянину работать плодотворно. И все те рогатки, которые, в виде наследия отжившей

эпохи, еще остались и тормозят развитие производительных сил, — все эти рогатки должны быть сняты, и, несомненно, на ближайшем Всесоюзном Съезде Советов будут проведены те законы, которые снимут эти рогатки с крестьянского хозяйства.

Некоторые из них я укажу. Прежде всего нам необходимо установить точный, более гибкий и более длительный срок переделов, для того, чтобы крестьянин, хозяйничающий на земле, знал, что труд, затраченный им на улучшение своего хозяйства, даст ему результаты. В каком именно размере будет расширен этот передел, я вам сказать не могу. Наш закон, ныне действующий, устанавливает передел не ранее 9-ти лет. Я думаю, что правительство пойдет далее и установит более длинные сроки, дав, таким образом, серьезно хозяйничающему крестьянину уверенность и толчок к подлинной, хорошей обработке земли.

Второе: мы думаем, что нам необходимо будет снять те рогатки, которые мешают аренде земли. Ибо уже теперь совершенно ясно, что законодательство в этой области у нас устарело и что нам необходимо расширить рамки до того, когда крестьянин сможет сдавать землю в аренду. Говорят, что в этом заинтересованы только кулаки. Бедняк, которому закон препятствует сдавать землю в аренду, тоже бывает недоволен Советской властью. Конечно, мы оставляем за собой наблюдение, мы будем бороться всеми мерами, со всякими кабальными сделками, со всяким закабалением со стороны ростовщиков или спекулянтов деревни, деревенских бедняков и деревенских середняков. Но деловые, нормальные, хозяйственно оправдывающиеся сделки по аренде земель должны получить более широкие размеры, чем это было до сих пор. Наконец, мы должны будем пойти на разрешение применения более широко, чем до сих пор, наемного труда. Нельзя (это мы понимаем) в деревне применять те же законы о наемном труде и во всей строгости, какие применяются в городе. В деревне основные условия труда другие, и наш Кодекс законов о труде, который должен сохранить свою силу, должен быть приспособлен к деревенским условиям и относительно длины рабочего дня, и относительно коллективных договоров, и относительно социального страхования, и т. д.

Далее, мы должны отдать себе полный отчет в том, что мы должны дать широкое поле развития деревенским промыслам — деревенскому кустарничеству. Нам нечего бояться, что кустарь забьет крупную промышленность. Наоборот, развитие крупной промышленности может послужить базой для развития кустарных промыслов. Деревня, которая имеет избыточное население, которая не может прокормиться от одной земли, не должна быть стесняема в развитии своей промышленности, а также и в том, чтобы сыновья и дети деревни, не находящие себе места в самой деревне и не требующиеся пока для нашей промышленности, могли

пойти по линии кустарничества, ученичества и т. д. Закон, действующий в этом направлении, облегчающий крестьянские промысла, облегчающий условия труда кустарей, освобождающий кустарей от некоторых видов налога и снижающий налог на деревенские ремесла, отчасти уже проведен в порядке государственном, а отчасти разрабатывается и будет окончательно оформлен к Всесоюзному Съезду Советов.

Наконец, мы думаем, что в области снабжения деревни машинами, в области снабжения деревни лучшими семенами, сделано еще очень мало. В этой области должны быть приняты решительные меры. Мы также полагаем, что должна быть пересмотрена наша лесная политика и должна быть проведена дополнительная разверстка лесов между крестьянским населением.

Прежде всего и в первую очередь, в спешном порядке должен быть закончен отвод лесов местного значения крестьянам и приступлено к пересмотру того, нельзя ли расширить план наделения лесами крестьянства в более широкой степени, чем это было до сих пор.

Деревенская торговля также должна быть поставлена в лучшие условия, и, особенно, в отношении налогов. Она должна будет получить более широкую возможность развиваться.

Мы, как правительство, не ограничиваемся разговором, что нам нужно повернуться лицом к деревне. Мало повернуться лицом к деревне, нужно наполнить политику конкретным экономическим содержанием.

Те меры, которые я перечислил, они должны доказать крестьянству, что пролетариат и Советская власть не только поворачиваются лицом к крестьянству, но что они несут ему закон, который действительно будет способствовать развитию крестьянского хозяйства, развитию крестьянского накопления и укреплению его социальной мощи.

Мы не закрываем себе глаза, что это будет вызывать в самой деревне разного рода процессы, что на почве развития производительных сил, которые мы должны всячески отстаивать, будет выделяться буржуазная верхушка деревни, что эта буржуазная верхушка в деревне, пользуясь этим поворотом в политике, будет стремиться закабалить бедноту.

Мы теперь не настолько слабы, чтобы испугаться этого. Мы должны прямо глядеть в лицо действительности. Мы должны сказать себе, что без развития производительных сил в деревне под Советской властью и нашей промышленностью не будет твердого, крепкого фундамента. Этот фундамент нужно подводить. Но, вместе с тем, мы должны сказать себе, что на почве производительных сил будут расти буржуазные, богаческие элементы.

Что же, будем ли мы их преследовать административными мерами, будем ли мы этот процесс брать в ежевые рукавицы

администрирования и запрещения? Нет, эта политика была бы нерациональна, она была бы неправильна. Против этих элементов мы имеем возможность вести борьбу силами объединенных бедняков и середняков.

Эта сила — объединение, эта сила — кооперация. Середняк и бедняк должны использовать развитие производительных сил деревни, должны понять, что для них спасение не в том, чтобы развитие производительных сил задержать, а чтобы их использовать для развития кооперации, сельскохозяйственной и кредитной кооперации. Сельскохозяйственная и кредитная кооперация должны отныне, в руках середняка и бедняка, стать орудием поднятия своего хозяйства, поднятия своего хозяйственного и политического значения в деревне. Если середняк научится пользоваться орудием кооперации, которой государство идет на помощь всеми своими средствами, если середняк, при помощи кооперирования, научится пользоваться государственным кредитом, который государство будет открывать все шире и шире, — тогда ему не опасны экономически никакие буржуазные элементы в деревне, тогда он останется хозяином деревни. Не той нищей деревни, которая не может служить базой социалистическому обществу, а той деревни, которая богатеет и потребляет машины, читает газеты, увеличивает техническое оборудование, и которая нам настоятельно нужна, если мы не хотим, чтобы нас обгонял на этом пути капиталистический мир.

Эти общие меры не могут быть проведены одними силами государственного аппарата. Для того чтобы деревня перешла на этот новый путь, чтобы деревня стала подлинно кооперативной деревней, деревней электрифицированной, с интенсивным крестьянским хозяйством, которая будет вливаться в общее социалистическое строительство, — нужно, чтобы само крестьянство приняло в этой работе самое деятельное участие.

Поэтому, из наших экономических и политических взаимоотношений, — из требований развития производительных сил деревни, из обращения «лицом к селу» вытекает неизбежно политический лозунг оживления советов, именно оживления советов, которые регулируют социальные отношения в деревне и объединяют многомиллионные крестьянские массы. Это оживление советов должно втянуть в государственное и хозяйственное строительство страны самые широкие крестьянские массы. Мы подошли к тому моменту, когда крестьянство обращается к нам с тем самым, с чем обращались несколько лет назад рабочие.

Тогда мы говорили рабочим: социализм построит не Коммунистическая партия сама от себя, развитие промышленности произойдет не от Советской власти самой от себя, а только при

активном участии всего рабочего класса, организованного в свои профессиональные союзы, кооперативы, советы, объединенного в организации.

Теперь мы говорим крестьянству: если крестьянство хочет воспользоваться всеми теми возможностями широкого, богатого развития, которые дает Советская власть, оно должно почувствовать в советах свое орудие, должно почувствовать, что совет должен быть передаточной инстанцией тех требований, тех нужд, которые вырастают внизу, и снизу наверх передать Центральной власти.

Крестьянство середняцкое и незаможницкое, объединенное в этих советах, сплоченное в свои хозяйственные кооперативные организации, будет такой силой, которая не только подымет всю нашу промышленность, но которая, конечно, не даст возможности деревенскому спекулянту, деревенскому ростовщику усиливать свое влияние.

Я думаю, товарищи, что т. Ленин был прав, когда он несколько лет тому назад говорил — «Советская власть плюс электрификация — это есть социализм». Он был прав. Но сам т. Ленин затем дополнил формулу: — развитая формула должна гласить: С о в е т с к а я в л а с т ь, т. е. в л а с т ь т р у д я щ и х с я, п л ю с э л е к т р и ф и к а ц и я, т. е. п л ю с к р у п н о е м а ш и н н о е п р о и з в о д с т в о, п о з в о л я ю щ е е р е г у л и р о в а т ь х о з я й с т в е н н ы й п р о ц е с с, п л ю с к о о п е р и р о в а н и е, п о в о з м о ж н о с т и п о г о л о в н о е, к р е с т ь я н с к о й б е д н о т ы, к р е с т ь я н с к о г о с е р е д н я к а, э т о и е с т ь о с у щ е с т в л е н и е с о ц и а л и з м а...

И это осуществление социализма у нас началось. Успех кооперации еще сравнительно малый, но государственная власть уже обратила целиком внимание на то, чтобы построить правильно деревенскую кооперацию, сельскохозяйственную и кредитную, и все большую и большую долю в своем бюджете уделяет на кредитование крестьянского хозяйства.

Трудности будут велики. Скрывать перед собою то, что этим законом могут воспользоваться пьявки, которые присасываются к бедняку и незаможнику, не приходится. Но мы должны понять теперь, что, имея в своих руках всю промышленность, транспорт, имея в государственных руках банковскую систему, кредитную систему, имея в руках кооперацию, мы можем смело отбросить рогатки со всяким административным ущемлением и сможем итти по линии все большего и широкого развития производительных сил. Когда впервые стало ясно, что темп развития мировой революции замедляется, то т. Ленин написал, что 10—20 лет правильного взаимоотношения с крестьянством, — и нам обеспечена победа в мировом масштабе.

Советская власть и наша Коммунистическая партия больше всего занята сейчас мыслью, которая заключается в этих словах,

как обеспечить на деле на 20 лет правильные взаимоотношения между рабочим классом и крестьянством. Ибо прав был т. Ленин, что если будет обеспечен этот момент, то тогда обеспечена и победа в мировом масштабе.

Я думаю, что лозунг оживления советов не должен быть голым лозунгом, а необходимо, чтобы крестьянство почувствовало в этих органах, советах, свои собственные органы.

Если государство научится пользоваться государственным кредитом и кооперацией для поднятия своего хозяйства, то слова т. Ленина получат полное осуществление.

Мы вели правильную политику по отношению к крестьянству и, в дальнейшем, будем осуществлять эту политику. Только при этом условии мы добьемся победы в мировом масштабе.

Этими словами т. Ленина руководилось правительство. И в данный момент, когда я перед вами отчитываюсь, эти слова т. Ленина дают нашей партии и правительству смелость пойти по тому пути развития производительных сил деревни, на которые я сейчас указал. И эти слова т. Ленина, несомненно, будут руководить нами в дальнейшем, до полной нашей победы. (Бурные аплодисменты.)

Заключительное слово. *

Товарищи, я получил очень много записок и с самого начала должен сказать, что на все записки ответить не могу, и потому, что у меня не хватит времени и потому, что ряд записок касается ваших украинских дел, для меня, к сожалению, недостаточно известных. Я совершенно уверен, что в докладе тов. Чубаря и в других докладах, которые вы будете слушать от представителей своего правительства, вы получите ответ на все вопросы, которые касаются ваших дел, я же остановлюсь только на более общих вопросах.

Несколько слов сначала в ответ на записку, которая спрашивает, не следовало ли коммунистам Германии голосовать за буржуазного кандидата Маркса, потому что если бы коммунисты со своими двумя миллионами голосов действительно голосовали за Маркса, то может-быть этот буржуазный кандидат одержал бы победу над Гинденбургом. Я должен сказать, что когда выяснилось, что коммунисты занимают такое положение, что от их голосов зависит исход выборов, коммунисты предложили социал-демократам следующее: они, коммунисты, будут голосовать за социал-демократического кандидата Брауна, который получил 8 милл. голосов, с одним единственным условием — если социал-демократы будут держать свою кандидатуру. Но социал-демо-

* Произнесено 5 мая 1925 г.

краты, как всегда, и здесь изменили интересам рабочих, и не пошли на предложение коммунистов, своего кандидата сняли и призвали все 8 милл. голосов, которые получили социал-демократы, голосовать за буржуазного кандидата Маркса, который получил только 3 милл. голосов.

После этого коммунистам ничего другого не оставалось делать, как заявить рабочим, что они остаются на своей точке зрения и будут голосовать за своего коммунистического депутата, ибо заставить коммунистических рабочих Германии голосовать не за социал-демократов даже, а за буржуазного представителя Маркса, значило бы внести в двухмиллионную среду коммунистических рабочих полное разложение. Так как практически и Гинденбург и Маркс являются представителями капиталистических интересов, так как социал-демократы отказались принять предложения коммунистов, то другого выбора для коммунистов не было. И я думаю, не как член правительства, а как член Коммунистической партии, что Германская коммунистическая партия и Коминтерн поступили, в данном случае, правильно, поддержав кандидатуру своего коммунистического кандидата — Тельмана и демонстрировав еще раз, что в Германии есть два милл. рабочих, которые, против буржуазных кандидатур, поддерживают свое коммунистическое знамя. Это даст свои результаты.

Теперь обращаюсь к хозяйственным вопросам. Многие указывали тут, что мы напрасно или безрезультатно охотимся за сапогами, схватили их за каблук, а чоботы эти еще дороги. Это, товарищи, относится не только к сапогам. Целый ряд крестьянских товаров, товаров, идущих на крестьянское потребление, до сих пор еще дороги. Я в своем докладе сказал, что политика снижения цен, с одной стороны, и политика сведения розничных цен и оптовых ближе друг к другу, сокращения накладных расходов, улучшения торгового аппарата кооперации — есть ближайшая наша задача. Что касается сапог, то их поймать трудно потому, что наша государственная промышленность производит очень малую часть всех этих сапожных товаров, которые потребляются страной, а главная часть выделки обуви до сих пор находится в руках нескольких сотен тысяч кустарей. Мы можем регулировать, снижать цены в области государственной промышленности, но мы не можем прямо и непосредственно снижать цены на продукты кустарной промышленности. Мы можем здесь воздействовать только косвенным путем, облегчая работу кустарей. На этот путь мы и вступили, издав закон об облегчении налоговых тягот для деревенских ремесленников. Этот закон будет распространен и на городских кустарей и ремесленников. Им понижен и подоходный и промысловый налог, и кустари теперь смогут дешевле продавать свою продукцию, чем тогда, когда налоги были слишком высоки. Благодаря этой мере, облегчающей развитие кустар-

ной промышленности и благодаря дальнейшей политике снижения цен, надеюсь, мы поймаем и сапоги и другие предметы широкого потребления.

Но, товарищи, общее улучшение положения крестьянства — на этом я хотел бы еще раз остановиться — зависит в общем и целом только от того, насколько широко развивается у нас деревенская кооперация и дешевый крестьянский кредит. Я должен сказать тому товарищу-женщине, которая здесь так ярко изобразила все трудности, которые стоят перед бедняцким слоем нашего крестьянства — верно это, товарищ! Очень много еще болячек в селе, и очень трудно приходится еще бедняцкому и, отчасти, середняцкому слою в деревне. Но мы должны прямо сказать перед вами: — зная эти болячки, мы не обещаем вам, в течение нескольких недель, или нескольких месяцев, эти болячки вылечить.

Не думайте, что поднять страну всю, до конца, до самых глубоких ее низов, страну разоренную, не имея заграничных кредитов, — можно легко и быстро. Наоборот, это трудная задача, которая будет стоять перед нами годы. И если мы при этом сейчас не отчаемся, а будем искать правильную дорогу к ее разрешению — мы ее разрешим.

Основная задача заключается именно в том, чтобы ясно видеть эти трудности, чтобы не впадать перед ними в отчаяние, чтобы не прислушиваться к шептунам, которые играют на том, что Советская власть не может производить чудес и не может в один год сделать всех богатыми, а усердно и упорно самим работать над тем, чтобы мало-по-малу улучшать это положение.

Мы за эти годы значительно двинулись вперед. Тот, кто сравнит нынешний 1925 год и 22, даже и 23 год, поймет, что Советская власть действительно делает чудеса, что мы идем таким быстрым темпом к улучшению, который невидан ни при каком другом строе.

Но, товарищи крестьяне, надо немножко терпения. Нас слишком много разоряли. Мы были слишком бедны. Мы слишком нищее государство, чтобы сделать все, что необходимо. Мы знаем, что каждая копейка, которую мы сейчас вложим в крестьянское хозяйство, каждая копейка кредита, которую мы оказали бы бедняцким, незаможницким слоям крестьянства, через 3 — 4 года вернулась бы сторицей. И чем больший кредит и поддержка копейками была бы направлена к нашим слоям крестьянства, тем быстрее поднялось бы все наше хозяйство. Но этих копеек у нас мало, а нужды у нас сверх головы.

Вот один товарищ тут говорил — школ нет. Другие говорят — больниц нет, третий — тов. Власенко, говорил — бездорожье. Верно, правильно. Школ не хватает, больниц не хватает, на бездорожьи крестьянство Союза теряет ежегодно почти полмиллиарда рублей;

нет хороших машин, нет хороших семян, нет хорошего удобрения. Все это мы знаем. Бедны мы и нищи. Бедное, разоренное государство досталось нам от буржуазии, и мы не можем сразу удовлетворить все потребности.

Этот же вопрос относится и к тем грандиозным предприятиям, которые должны быть Советской властью осуществлены: к электрификации и Волго-Донскому каналу. Это такие грандиозные предприятия, которые будут прямой помощью крестьянству, которые сразу дадут крестьянству огромнейший толчок, огромнейший размах не только для того, чтобы поднять крестьянство России и Украины здесь, внутри страны, но и к тому, чтобы дать труду нашего советского крестьянства выход на заграничный рынок и победу над заграничными конкурентами. Это мы знаем. Но, к сожалению, у нас нет 140 милл. рублей, которые надо вложить в Волго-Донской канал, нет тех десятков миллионов, которые мы сейчас охотно вложили бы в электрификацию Украины. Мы покуда должны еще по одежке протягивать ножки. И вы назвали бы нас обманщиками, если бы мы обещали то, чего сделать в один год нельзя. Но мы обманщиками никогда не были.

Наша политика заключается в том, чтобы рабочему классу говорить правду, указывать на трудности, указывать на то, что не Советская власть, сама от себя, сможет все это сделать, а что это могут сделать все трудящиеся, в тесном единении, общими силами.

Я должен заявить, что правительство не решало вопроса о Волго-Донском канале. Этот вопрос обсуждался только в нашей государственной плановой комиссии. Эта государственная плановая комиссия взвесила, с научной и теоретической точки зрения, всю проблему Волго-Донского канала, с точки зрения интересов крестьянского хозяйства. Она считала, что это предприятие будет полезно миллионам крестьян, живущим по Волге и Каме, что оно открывает прямой проход их хлебу на морские пути, удешевляя наш хлеб на каждом пуде на такую сумму, что мы можем конкурировать с американским хлебом в Европе. Об этом рассуждала государственная плановая комиссия, а не решало правительство.

Та же государственная плановая комиссия признала одной из очередных задач, одним из первоочередных дел электрификацию Украины. И в недалеком будущем мы приступим к постройке Днепростроя. Весь вопрос заключается только в очередях, куда нам дать в первую очередь денежные рессурсы: на Сельскохозяйственный банк для того, чтобы стал дешевым кредит, прежде всего для наших середняцких и незаможницких селян, или на электрификацию, или на Волго-Донской канал. Ясно, что все это необходимо, и одно, и другое, и третье, но сразу сделать мы не сможем. Поэтому правительство и не решало этого вопроса, имея в виду эти перспективы.

Я лично говорю, что если бы меня спросили: вот у нас в бюджете появляется 20—30 миллионов, куда их употребить,— то я бы сказал, что их небходимо употребить для расширения и удешевления сельскохозяйственного кредита для широких масс крестьянства и для поднятия хозяйства. Когда хозяйство поднимется, благодаря кредитованию, тогда мы найдем средства для этих грандиозных предприятий.

Я хотел еще остановиться на вопросе о сельскохозяйственной промышленности. Мы знаем, что глубоко ненормально то положение, которое было в этом году, когда сахарные заводы не могли во-время и правильно расплатиться с крестьянами. Но вы, товарищи украинцы, знаете, давно ли мы стали во-время выплачивать заработную плату в Донбассе и на металлургических заводах? Только несколько месяцев тому назад мы избавились от такого позора, когда мы не могли своевременно выплачивать заработную плату шахтерам и металлистам. От этого мы сейчас избавились, и в ближайшее время мы избавимся от того, что крестьяне, работающие на сахарных заводах, не будут находиться в таком положении, в котором несколько месяцев тому назад находились шахтеры и металлисты.

Мы помаленьку лечим свои раны. Скрывать этого мы не хотим. Мы знаем, что эти раны вылечим, и что для этого у нас силы хватит.

Теперь, по некоторым вопросам конституционного характера, на которых останавливался т. Одинец. Да, товарищи, в этой области, в которой много сделано, много еще остается доделать. Мы еще в своем гнезде только устраиваемся и если политически мы основные линии решили, то хозяйственное распределение благ еще не совершено. И т. Одинец был совершенно прав, когда он говорил о бюджетных правах союзных республик. Вопрос о бюджетных правах союзных республик становится на очередь дня, и мы стоим, несомненно, перед расширением бюджетных прав союзных республик. Однако, мы должны будем понять, что дело не в том, чтобы расширить и укрепить бюджет правительств союзных республик, за счет общесоюзного бюджета, но что этот процесс должен итти вниз, что бюджетные права окружных исполкомов, а затем и волостных исполкомов также должны быть расширены. Несомненно, эта линия будет правильной и, устанавливая сельскохозяйственный налог на этот год, мы заявили, что не менее 100 миллионов из сниженного сельскохозяйственного налога должны остаться в распоряжении волостного бюджета на месте. Было время, когда мы весь этот сельскохозяйственный налог забирали в центр потому, что этим налогом содержали Красную армию и весь центральный аппарат. Теперь, когда мы имеем другие доходы, когда промышленность наша начинает давать доходы, когда мы получаем доходы с акциза,—

мы можем сельско-хозяйственный налог все больше и больше оставлять на месте. в волости, чтобы крестьянин знал, что эти деньги тратятся на удовлетворение его нужд, на улучшение дорог, на улучшение хозяйства, на поднятие школ, на постройку больницы.

Теперь, тт., меня спрашивают, почему я так-таки и не дал определения кулака? Я, тт., и не считаю, что мы должны дать государственное определение кулака. Нам достаточно знать, что при развитии производительных сил в деревне, несомненно, будет развиваться буржуазная верхушка деревни, т.-е. те элементы деревни, которые пользуются неоплаченным трудом, которые богатеют за счет чужого труда. Это, по сути, и есть буржуазные кулацкие элементы деревни. Но наша задача сейчас должна заключаться не в том, чтобы административными мерами, мерами в порядке управления, удерживать развитие этих элементов, а в том, чтобы укреплять бедняцкие и середняцкие элементы деревни.

Меня спрашивали здесь о задаче незаможного селянства. Я не могу, тт., входить в точное определение этих задач, не будучи подробно, детально знаком с этим вопросом. Я знаю громаднейшие заслуги незаможного крестьянства в деле строения Советской власти, я знаю, что они в деревне были передовым революционным авангардом Советской власти, и это за ними в истории все останется. Но что, видимо, будет необходимо сделать, это — чтобы незаможные слои деревни укрепили теперь свои позиции экономически, чтобы они во главу угла своей деятельности поставили повышение экономической мощи. О том, как это сделать для низших слоев деревни, на это есть ясный ответ уже у тов. Ленина, а именно,—кооперирование, в первую очередь, правильное использование государственных кредитов и объединенного труда, во вторую. Комбинация этих сил и даст возможность незаможным элементам и середняцким элементам в деревне укреплять свое положение и переходить из положения, как здесь один из тт. назвал, несчастных селян в положение счастливых селян.

У нас, в Советском Союзе, не должно быть несчастных селян, а все селяне должны быть счастливы, т.-е. все должны получить возможность так работать, чтобы эта работа полностью удовлетворяла их постоянно развивающиеся потребности.

В связи с этим, тт., мне была подана записка о том, что вот обидно, что русскую горькую в 30 градусов пьют только кулацкие элементы, а не незаможницкие. (Смех.)

Что же, тт., я готов признать, что это действительно несправедливо (смех), и что для этого нужно принять все меры: первая — это повысить градус, а во-вторых, понизить ее цену. Но, тт., наша задача же не в том, чтобы уравнять бедняков

и богачей в деле потребления водки. Я думаю, что можно было бы одним богачам предоставить это удовольствие, если бы только нам не было нужды бороться с самогоном. Да, тт., если спросить, что́ лучше — самогон или водка, и что меньше отравляет и какими способами излечиться нам от самогонного зелья, которое крестьянству стоит в год не одну сотню миллионов рублей, в виде испорченного хлеба,—то мне кажется, что правительство поступает правильно, когда открывает борьбу с самогоном.

Теперь, тт., о сельскохозяйственном налоге. Вы должны были бы все знать постановление последней сессии Центрального Исполнительного Комитета, который принял ряд облегчений для крестьянства, в смысле уплаты налога. Я здесь свидетельствую, что крестьянство в этом году заплатит на много десятков миллионов рублей менее по сельскохозяйственному налогу, чем в прошлом году. На это снижение мы идем потому, что та недохватка, которая от этого получится в государственной кассе, восполняется теми прибылями, которые имеются благодаря развитию промышленности и которые дают нам теперь наша промышленность, транспорт, торговля и т. д. Мало того, мы не только снизили налог, но пошли навстречу приспособления взимания налога к районам и такого расчета налога, чтобы он приходился соответственно мощности крестьян только данного района.

И, наконец, тт., мы выправили ту ошибку, которая несомненно была в этом налоге, а именно—мы изменили обложение скота. Я, к сожалению, плоховато понимаю по-украински, поэтому не мог целиком понять того, что говорила, кажется, тов. Порун, но когда она рассказывала про несчастную кобылку, которая где-то в воздухе ворочается и за которую крестьянин вынужден платить налог, то она была целиком права. В следующем году мы выдвигаем новые формы обложения скота, чтобы облегчить этот налог для крестьян, сохраняя в то же время его в прямом виде и использовывая его все же как доход крестьянского хозяйства, чтобы тот, кто будет больше получать дохода, чтобы тот больше и платил, а тот, кто меньше получает дохода, меньше и платил.

Закончу, тт., я указанием на то, что мы вполне отдаем себе отчет в тех 4-х видах голода, от которых сейчас страдает деревня. Деревня испытывает голод товарный. Мы, тт., еще слишком мало даем продуктов широкого потребления деревне и еще слишком дорого стоят эти продукты, и этот голод — товарный голод крестьянства — должен быть преодолен.

Второй голод, который есть в деревне, это — кредитный голод, голод в тех деньгах, которые государство давало бы крестьянину в ссуду на восстановление его хозяйства. Для борьбы с этим голодом мы будем увеличивать государственный и кооперативный кредит. Далее, тт., деревня испытывает голод по

культуре, по газете, по ликвидации неграмотности, голод по тому, чтобы нужды культурные и политические крестьянства удовлетворялись полностью на том языке, который ему наиболее близок. Это культурный голод и голод по национальной администрации, по национальному управлению, приспособленному к тому языку, на котором говорит громадная масса данного населения. Этот голод тоже должен быть нами преодолен и преоборен.

И, наконец, 4-й голод — это голод по хорошей администрации, голод по тому, чтобы крестьяне были ближе к своей волости, к своей волостной власти и чтобы они свободно выбирали бы и свободно управлялись бы со своими делами. Чем больше денег мы будем передавать в волость, в низовую советскую ячейку, тем больше крестьяне будут заинтересовываться во всех делах этой волости. И мы должны здесь широко открыть двери для этого, мы должны изменить методы руководства на селе и районе, и от методов прямого, непосредственного командования, которое было необходимо в эпоху военного коммунизма, все более и более переходить к методам убеждения, к методам доказательства, чтобы крестьянские массы могли видеть, насколько выгоднее, насколько дешевле и рациональнее для крестьянства Советское правительство, Советская власть, власть организованных советов, чем какая-либо другая власть. Для этого нам нужны на селе честные администраторы, пользующиеся полным доверием крестьян, для этого нам нужно, чтобы крестьянин понял, что для него есть два пути.

Первый путь, это — союз с капиталом, тем капиталом в виде иностранного капитала, или в виде кулацкого и торгового капитала, который будет обольщать крестьян всякими обманными речами о молочных реках и золотых горах, которые якобы он принесет крестьянству и в результате обманет и закабалит крестьянство. И другой путь, это — союз крестьян с пролетариями, нелегкий союз потому, что самому пролетарию тяжело строить новое общество на развалинах, на нищете, которая досталась ему в наследство от старого буржуазного строя.

Однако другого пути нет. Соединение рабочих и крестьян даст возможность построить нам могущественное государство, напасть на которое ни один империалистический козел не посмеет, и создать такую мощную экономическую организацию, которая залечит все наши болячки.

Тов. Ленин говорил, что если мы будем вести правильную политику союза рабочих и крестьян, то сначала дело нашего хозяйствования будет итти как будто очень медленно, но потом, говорил он, сразу наступит неслыханное ускорение движения к социализму.

Тот год, который мы прожили, уже показывает, какой громадный шаг, — несмотря на все трудности, несмотря на все болячки,

несмотря на то, что во многих местах дело общей рабоче-крестьянской победы не доведено еще до конца, — мы сделали, и нет никаких сомнений, что с каждым месяцем, с каждым годом мы будем лечить свои раны все быстрее и быстрее и покажем всему миру, что рабочие и крестьяне Советского Союза не только смогли старый строй разрушить и старых хозяев прогнать, но что они смогли новый строй построить, без хозяев, но в котором привольно и богато живется и рабочим и крестьянам. (Аплодисменты.)

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И КРЕСТЬЯНСТВО. *

Укрепление крестьянского хозяйства.

За последнее время целый ряд правительственных органов, а также специальных совещаний и комиссий, с привлечением крестьян, был занят разработкой ряда мероприятий, направленных к поднятию и укреплению крестьянского хозяйства. Эти меры затрагивают все вопросы, интересующие широкую крестьянскую массу, и ставят на очередь как вопросы землепользования, землеустройства, кредитной системы, так и вопросы аренды, наемного труда, кустарной промышленности, ученичества и т. д.

Все эти меры носят совершенно деловой характер, но в сумме своей они представляют, несомненно, один из важнейших политических актов Советской власти за последнее время. Это — политический акт, во-первых, потому, что политика есть отношения между классами, и система мер, предпринимаемая Советской властью для урегулирования отношений между рабочим классом и крестьянством, является, несомненно, важнейшим политическим актом. Во-вторых, потому, что те меры, которые я буду иметь честь предложить на ваше утверждение, касаются миллионов хозяйств.

Можно сказать, что, по всей вероятности, в нашей советской стране не найдется ни одного крестьянского хозяйства, в той или иной степени не испытавшего на себе влияния мер, которые мы предложим вам одобрить. И так как это касается миллионов крестьянских хозяйств, и миллионы крестьян на основании этих мер будут судить о политике Советской власти и о том, в каком направлении ведет Советскую власть рабочий класс, — именно поэтому этот акт приобретает глубокое политическое значение.

Мы представляем их ныне на утверждение верховной власти нашей страны с тем, чтобы, как акт нашего Съезда, эти меры стали известны каждому крестьянину. Мы должны добиться,

---

* Доклад III Всесоюзному Съезду Советов 18 мая 1925 г.

чтобы экономические мероприятия, принятые Советской властью, стали известны каждому сельскому обществу и были переданы в таком виде, который дал бы возможность каждому крестьянину и каждой крестьянке ознакомиться с ними, понять и усвоить их без каких-либо затруднений.

Облегчение налоговой тяжести.

Я позволю себе начать доклад с того, чем обычно кончаются доклады, т.-е. с сообщения практических мероприятий по поднятию и укреплению крестьянского хозяйства, которые я вам предложу одобрить и принять. Наш Всесоюзный Съезд Советов должен обратиться к крестьянству с следующим постановлением:

«Интересы всего народного хозяйства Союза требуют, на ряду с дальнейшим развитием промышленности, принятия всех необходимых мер для быстрейшего укрепления и подъема всей массы крестьянских хозяйств с целью поднятия их доходности. Крестьянство должно получить возможность вкладывать в свое хозяйство большие дополнительные средства, повышать его технический уровень и увеличивать ту массу продуктов, которая идет на рынок. С этой целью Съезд считает необходимым отменить ряд ограничений, задерживающих развитие сельского хозяйства, с одной стороны, и дополнить действующее законодательство рядом мероприятий, облегчающих крестьянству поднятие и укрепление его хозяйства, — с другой.

Считая нецелесообразным применение каких-либо административных мер против вырастающей на почве свободной торговли буржуазной (кулацкой) верхушки деревни, признавая необходимою поддержку трудового крестьянского хозяйства, поскольку оно является проводником улучшенных способов ведения хозяйства, Съезд в то же время заявляет, что политика Советской власти должна быть направлена на действительную помощь бедняцким и середняцким элементам крестьянства в деле поднятия их хозяйства, их материального благосостояния и их политического и культурного роста. Объединение этих слоев крестьянства путем кооперации—в первую очередь сельскохозяйственной и кредитной — является единственно правильным путем поднятия их хозяйственной мощи, борьбы против эксплуатации со стороны богатеев, ростовщиков и посредников и приобщения крестьянства к делу строительства социалистического хозяйства.

Первой и основной задачей Советской власти на ближайший период явится помощь объединяющемуся в кооперации мелкому крестьянству пополнить свой живой и мертвый инвентарь до тех пределов, которых требует трудовое землепользование».

Ставя перед собою вышеуказанные задачи и стремясь обеспечить всему крестьянству бо́льшую свободу в деле приложения

своего труда и использования его продуктов, мы предлагаем Съезду:

«1. Одобрить принятое ЦИК и СНК новое Положение о сельскохозяйственном налоге, снижающее на 100 миллионов рублей платежи крестьян, устанавливающее более правильный пересчет скота в пашню и дающее крестьянству заранее твердую ставку налога. Вместе с тем, Съезд считает необходимым дальнейшее улучшение единого сельскохозяйственного налога в сторону облегчения его тяжести для крестьянского хозяйства и более справедливого его распределения между отдельными районами и отдельными хозяйствами применительно к хозяйственной силе.

2. Одобрить передачу 100 миллионов рублей из единого сельско-хозяйственного налога в распоряжение волостей, которые должны израсходовать эти средства на потребности, непосредственно связанные с местными крестьянскими нуждами (местные дороги, школы, больницы и т. п.).

3. Решительно запретить всякое незаконное дополнительное местное обложение крестьянства».

Эти три пункта касаются мер, принятых нами в последнее время для облегчения налоговой тяжести, ложащейся на крестьянство. Мы исходим здесь отнюдь не из каких-либо отвлеченных представлений, а из улучшения нашего бюджета, позволяющего нам облегчить тяжесть прямых налогов, ложащихся на крестьянство, и из того, что нам необходимо оставить как можно больше средств, накапливаемых крестьянством, в его собственном хозяйстве, для вложения в улучшенную обработку земли, чтобы крестьянство при помощи этих средств увеличило количество и качество своих продуктов.

Вопросы землеустройства.

В дальнейшем предлагаемый вам проект постановления переходит к основным факторам, направляющим крестьянское хозяйство, и в первую очередь — к вопросам землеустройства.

Вопросы землеустройства, вопросы правильного распределения земель и устранения земельной неразберихи, мешающей правильному ведению хозяйства, теперь во многих областях нашей страны стали основными вопросами для крестьянства.

Нельзя не признать, что, пока не будут закончены хотя бы в основных чертах землеустроительные работы, повышение уровня крестьянского хозяйства, его устойчивость, стремление крестьянина-хозяина вложить как можно больше труда и средств в улучшение своего хозяйства не могут найти реальной и крепкой основы. Советская власть, которая теперь, благодаря укреплению промышленности, проведенной денежной реформе и росту и твердости бюджета, гораздо больше может пойти навстречу нуждам крестьян-

ства, чем мы могли это сделать три, два и даже один год тому назад,—должна будет поставить вопросы землеустройства в центре своего внимания. Мы предлагаем поэтому, чтобы Съезд открыто заявил об этом крестьянству в следующей формуле:

«В виду того, что переход к правильному ведению хозяйства на земле в первую очередь связан с проведением землеустройства, признать необходимым: а) закончить план проведения землеустроительной работы в основных районах в десятилетний срок; б) принять на счет государства оплату землеустроительных работ для бедняцкой части крестьянства, ассигновав уже в текущем году на эту цель 3 миллиона рублей; в) увеличить и удешевить кредит для крестьянства на землеустроительные работы».

К этому же вопросу о землеустройстве крестьян и об обеспечении их землей и лесами относятся и следующие два пункта предлагаемого постановления:

«5. Признать необходимым в малоземельных губерниях передать крестьянству часть земель государственного фонда (в том числе арендуемых госорганами), если эти земли используются не по прямому назначению или нецелесообразно; кроме того, признавая необходимым сохранение и оказание всяческой поддержки совхозам, в целях превращения их в агрикультурные показательные хозяйства, принять меры к пересмотру списка совхозов в малоземельных районах для сокращения их количества и передачи освободившейся таким образом земли в пользование крестьян.

6. Признать необходимым действительно закончить к 1 августа передачу крестьянам лесов местного значения, обязав местные исполкомы, с возможной финансовой поддержкой из средств центра, обеспечить материальными средствами проведение в жизнь этого решения; в тех районах, где отвод лесов местного значения не удовлетворил потребности крестьянства в древесине, принять меры к дополнительному отводу лесных площадей; в районах же безлесных организовать государственные склады, в целях снабжения крестьянства лесным материалом по доступной цене».

И, наконец, вопрос, который подводит итог всем затронутым сейчас вопросам землеустроительной политики, — вопрос о форме землепользования. Наш кодекс законов о земле, наша земельная политика основаны на свободном выборе форм землепользования крестьянством на государственной национализированной земле.

Этот принцип должен быть подтвержден. Мы, конечно, прекрасно отдаем себе отчет в выгодах и для общего народного хозяйства, и для хозяйства самих крестьян форм землепользования, позволяющих легче вводить принципы механизации и электрификации сельского хозяйства.

Разделение крестьянства на отдельные хуторские и отрубные хозяйства, несомненно, задержало бы процесс коллективизации и механизации сельского хозяйства. А между тем, крестьянство

должно знать, что подлинный выход из тяжелого положения, в котором оно находится, заключается, прежде всего, в том, чтобы в области сельского хозяйства ввести все методы улучшенной техники, применяемые в крупном городском индустриальном хозяйстве, т. е. механизацию и электрификацию хозяйства.

Коллективное хозяйство.

Поэтому мы должны неустанно вести пропаганду среди крестьянства за формы землепользования, облегчающие переход от мелкого, раздробленного, отсталого крестьянского хозяйства к крупному коллективному хозяйству, использующему высшие завоевания техники, но, тем не менее, мы в данное время должны проводить политику, позволяющую крестьянину свободно выбирать ту или другую форму землепользования, в полной уверенности, что не приказом, а показом, явной демонстрацией преимуществ форм землепользования, позволяющих использовать общие орудия производства, электрическую энергию, машины, мы убедим крестьян переходить к этим новым коллективным формам землепользования.

Это формулировано в п. 7 проекта постановления следующим образом:

«Строго соблюдать право свободного выбора форм землепользования, согласно земельного кодекса, не ставя административных преград для выделения на отруба и хутора, принимая одновременно меры, направленные к росту таких форм землепользования, которые более благоприятны для развития механизации сельского хозяйства и кооперирования его (поселки, выселки и пр.)».

Наконец, мы считаем нужным от имени Съезда подтвердить необходимость соблюдения установленных законами сроков и порядка переделов земель. Мы должны дать возможность крестьянину удабривать и ухаживать за землею и быть в полной уверенности, что обработанная им полоса даст ему возможность воспользоваться плодами его труда, а не будет раньше срока пущена в передел. Поэтому в предлагаемой вам резолюции сказано:

«В целях увеличения средств, вкладываемых в обработку и удобрение земли, и повышения ее доходности, решительно бороться с попытками частых переделов, противоречащих земельному кодексу».

Указав направление политики Советской власти в области увеличения общей суммы земельной и лесной площади, находящейся в руках крестьянства, и в области землеустройства на этой расширенной площади, мы должны сказать свое слово о передвижке земель внутри крестьянства на началах аренды.

Мы знаем, и было бы неправильно закрывать на это глаза, что, при недостатке у нас мертвого и живого инвентаря,—когда мы составляли эти законы, мы всегда имели перед собой цифру

40% безлошадного крестьянства, — и средств для обработки земли, часто земля, принадлежащая тому или иному крестьянину, не может быть обработана им собственными силами. На этой почве создаются нелегальные и незаконные формы использования этой необработанной земли другими группами крестьян.

Перед нами стоит вопрос: закрыть ли на эти факты глаза, попытаться ли с ними бороться, или, признавая, что при современном состоянии крестьянского хозяйства мы не можем провести политику запрещения подобных арендных сделок, ясно признать возможность допущения таких сделок и отнять у них нелегальный характер, помогающий часто кабальному характеру этих сделок, и, таким образом, получить возможность точного их регулирования и наблюдения за их законностью?

Мы думаем, что все крестьянство признает правильною именно вторую политику — политику, открыто признающую право на передачу земли крестьянами, не могущими в данный момент обработать ее, в аренду на известных условиях своим соседям. Соответствующий этому пункт резолюции гласит:

«В целях наилучшего использования земельной площади и помощи бедноте, не имеющей возможности, за недостатком средств и инвентаря, обработать свою землю, устранить препятствия к более широкому использованию права крестьян сдавать землю в аренду до двух севооборотов при многополье и на срок не свыше 12 лет — при трех- и четырехполье.

Устранить также препятствия к сдаче в аренду отдельным землепользователям неиспользованного земельного фонда крестьянских обществ, с направлением дохода от этой аренды на нужды сельского или волостного бюджета соответственно.

Разрешить сдачу в аренду отдельным землепользователям участков государственных фондовых земель на срок свыше 12 лет, в соответствии с условиями договора. Категорически запретить и повести решительную борьбу со всякими видами суб-аренды, т.-е. передачи прав аренды третьему лицу, как с преступной спекуляцией национализированной землей».

В связи с этим стоит также и вопрос о дополнительном расширении применения наемного труда в сельском хозяйстве. Мы считаем, что временные правила от 18 апреля, выработанные Советской властью и недавно опубликованные, расширяющие возможность применения наемного труда в сельском хозяйстве, должны получить одобрение Съезда в следующем виде: «одобрить «временные правила» от 18/IV 1925 г. об условиях найма и применения подсобного наемного труда в крестьянских хозяйствах, облегчающие применение рабочей силы в сельском хозяйстве в соответствии с современными хозяйственными условиями деревни; распространить этот закон и на применение наемной силы на арендованной земле».

После решения этих вопросов, касающихся непосредственно землеустройства, форм землепользования и условий ведения хозяйства на земле, следующим центральным вопросом для нашего крестьянского хозяйства является несоответствие между количеством земли, которое крестьянство получило в результате революции, и тем количеством и качеством живого и мертвого инвентаря, которое находится ныне в руках крестьянина. Это противоречие мы называем в нашей резолюции противоречием гибельным, ибо нельзя представить себе, действительно, противоречия, более подрывающего основы крестьянского положения, чем то, когда крестьянин обладает землей, которая могла бы его прокормить, и прокормить лучше, чем он кормился до сих пор, и в то же время испытывает недостаток в средствах обработки этой земли, благодаря тому разорительному периоду, который мы пережили.

Пополнение и обновление инвентаря.

Одна из основных задач Советской власти, которую должны поставить вы, хозяева советской земли, заключается в том, чтобы направить все силы на то, чтобы пополнить недостаток в мертвом и живом инвентаре, довольно широко распространяющийся на середняка и в особенности на бедняцкие хозяйства.

Мы предлагаем Съезду в нашей резолюции сформулировать свою волю следующим образом:

«В виду того, что основным противоречием, задерживающим дальнейший рост сельского хозяйства, является несоответствие между количеством земли, переданной крестьянству революцией, и наличным количеством и качеством живого и мертвого инвентаря, потребного для ее обработки, принять решительные меры к устранению этого гибельного для сельского хозяйства несоответствия, для чего необходимо:

1. Восстановление силами государства и кооперированного населения в пятилетний срок конского состава и развитие коневодства».

Мы теперь можем уже, не пускаясь в пустые рассуждения и не давая пустых посулов, поставить перед собою конкретную задачу — в конкретный, определенный срок, в 5 лет, восстановить конский состав, необходимый для обработки земель, и заложить основу дальнейшего развития коневодства.

«2. Обновление и пополнение мертвого инвентаря путем развития соответствующего производства на государственных заводах, а также кустарной его выделки и снабжения им крестьянства по доступным ценам.

«3. Усиленное введение в крестьянское хозяйство сложных машин, в частности, тракторов».

Придавая делу пополнения крестьянского инвентаря громадное, в данный момент, можно сказать, решающее значение для дальнейшего развития сельского хозяйства, мы должны, с одной стороны, напрячь все силы нашей промышленности для того, чтобы увеличить выработку необходимых для крестьянского хозяйства орудий, инструментов, машин и удешевить их, сделать доступными крестьянину по цене, и, с другой стороны, не ожидая, однако, момента, когда развитие нашей промышленности даст возможность целиком удовлетворить эту потребность крестьянства, немедленно приступить к выписке и получению из-за границы необходимых инструментов и машин для крестьянского хозяйства.

Мы, осуществляя это уже сейчас в своей повседневной работе, в приводимой части резолюции пишем:

«В тех же целях полного удовлетворения крестьянского спроса на сельскохозяйственные машины и орудия признать необходимым, на ряду с максимальным расширением сельскохозяйственного машиностроения в Союзе ССР, соответствующий ввоз недостающих сельскохозяйственных орудий и машин из-за границы».

Не менее, чем машины, важны для поднятия нашего хозяйства и улучшенные семена, о чем резолюция говорит так:

«Принять все меры к усиленному производству и размножению улучшенных семян, в целях общего повышения урожайности и борьбы с засоренностью крестьянских полей. Не ограничиваясь ассигнованными уже на данную цель средствами (2 170 000 р.), признать необходимой дальнейшую усиленную работу в этой области как со стороны государства, так и со стороны кооперации».

Регулирование цен.

Наконец, в деле политики цен Советская власть стоит на той точке зрения, что труд крестьянина, вложенный в те продукты, которые он выносит на продажу, должен быть оплачен по справедливой цене.

Задача регулирования цен и на промышленные, и на сельскохозяйственные продукты стала основной задачей экономической политики Советской власти, и в правительственной деятельности, воплощающей союз рабочих и крестьян, в области регулирования цен мы должны вести такую политику, которая, не разоряя городов и создавая твердую базу для нашей промышленности, в то же время давала бы крестьянскому труду справедливую оплату. Мы имеем в этой области достижения, которые не могут оспариваться.

Если мы сумели год тому назад, когда перед нами раскрывалась пропасть в виде известных всем вам «ножниц», при

существовании которых трения между рабочими и крестьянством были неизбежны, твердой, энергичной и правильной политикой, направленной, с одной стороны, на снижение промышленных цен, с другой стороны, на поднятие цен на сельскохозяйственные продукты, на продукцию крестьянского хозяйства, привести к полному смыканию этих «ножниц», то теперь эта политика должна быть продолжена. Она не исключает того, что мы, как власть рабочих, будем бороться со всякими попытками спекуляции на голоде, спекуляции на хлебе.

Мы отнюдь не зарекаемся от того, чтобы воздействовать на зажиточную верхушку деревни, если она, пользуясь недородом, попытается продиктовать неимущему крестьянству, голодающему крестьянству и рабочему населению невозможные, разорительные для нашего бюджета, разорительные для рабочих и неимущих крестьян цены.

Мы только обязуемся проводить и в дальнейшем ту политику, которая и в этом году дала крестьянству, в оплату за его хлеб, на несколько сот миллионов рублей больше, чем оно выручило за свой хлеб в прошлом году. Эта политика формулирована в следующих словах:

«Продолжать политику снижения цен на производимые государственной промышленностью товары, потребляемые крестьянством, и обеспечить на деле крестьянству возможность продажи продуктов своего хозяйства по таким ценам, которые, покрывая его расходы, давали бы ему возможность развития и укрепления хозяйства. Неизбежное и необходимое регулирование цен со стороны государства ни в коем случае не должно приводить к установлению разорительных обязательных цен для продавцов-крестьян. Тем более недопустимо применение принудительных мер при торговых сделках государственных органов с крестьянами-продавцами».

Вывоз сельскохозяйственных продуктов за границу.

Следующим вопросом, в котором ближайшим образом заинтересовано крестьянство, является политика вывоза. Об этом мы говорим следующее:

«В виду того, что повышение доходности крестьянского хозяйства связано с возможностью продажи продукции сельского хозяйства на внешнем рынке, поставить задачей соответственных государственных органов обеспечить продуктам крестьянского хозяйства сбыт на заграничных рынках.

Монополия внешней торговли, установленная Советской властью, дает при этом возможность обеспечить продуктам сель-

ского хозяйства Союза наиболее выгодные условия. Сама же организация продажи сельскохозяйственной продукции на заграничных рынках, при помощи монополии внешней торговли, должна быть построена таким образом, чтобы предоставить крестьянству все большую долю из выручки при продаже этой продукции, что должно вести к заинтересованности крестьянства в увеличении вывоза и к усилению развития соответствующих отраслей сельского хозяйства (зерна, льна, масла, свинины, птицы и т. д.)».

Я думаю, что теперь в нашей стране нет таких отсталых крестьян, которые не понимали бы, что одной из важнейших задач, осуществляемых Советской властью при помощи ее дипломатии и монополии внешней торговли, является мирное завоевание для продуктов нашего советского крестьянского хозяйства заграничных рынков. Мы не сможем развивать с должной энергией своего хозяйства, крестьянство не сможет получить необходимых ему для дальнейшего развития хозяйства средств, если мы не добьемся таких условий, когда продукция сельского хозяйства будет продаваться не только внутри нашей страны, но и завоюет себе положение на заграничном рынке.

Конечно, эта торговля должна быть организована таким образом, чтобы крестьянство от этого вывоза получало по возможности наиболее высокую долю выручки. Монополия внешней торговли, против которой пытаются нашептывать крестьянам всякие враги крестьянства, есть то орудие, при помощи которого наибольшая выручка от продажи за границу продуктов сельского хозяйства может поступать не в карман посредника-капиталиста, а в общегосударственную казну, на улучшение положения самого крестьянства.

Следующий пункт говорит: «В виду того, что доходность крестьянского хозяйства значительно повышается, если в продажу поступают уже переработанные продукты сельского производства, признать необходимым всемерное содействие государства в деле восстановления и организации заводов, перерабатывающих крестьянское сырье (маслодельных, картофельных, по обработке льна, беконных и т. д.), имея в виду также, что вывоз за границу крестьянских продуктов в подобном уже переработанном виде предоставит крестьянству гораздо большую выгоду, чем вывоз сырья».

Этот пункт можно изложить короче, если употребить иностранное слово. Можно сказать просто, что мы стоим за «индустриализацию» деревни. Но я рассчитываю, что это постановление, если оно будет принято Съездом, должно быть доступно и понятно каждому крестьянину и что по этому документу крестьянин должен будет судить об общей линии в политике Советской власти, направленной к поддержке крестьянского хозяй-

*

ства, и потому вместо этого хитрого иностранного трудного слова — «индустриализация» деревни мы употребляем простые слова, показывая крестьянину, что пора ему перестать быть поставщиком сырья, которое затем перерабатывается уже чужими руками, при чем весь доход и все выгоды от этой переработки поступают не в карман крестьянина, а в карман посредника, или, при вывозе за границу, в карман заграничных капиталистов. Мы должны все больше и больше итти к тому, чтобы вывоз сырья, вывоз грубого продукта заменить вывозом обработанного и переработанного продукта, который даст крестьянину возможность получить гораздо большую долю, чем он получает теперь.

Борьба с неурожаями.

Если настала пора для крестьянина освободить себя от эксплуатации иностранным капиталом, пользовавшимся вековой тьмой и отсталостью русского крестьянина, то пора ему освобождаться и от жесточайшего бича отсталости — неурожаев. Поэтому Съезд должен «признать особо настоятельным проведение планомерных мероприятий по восстановлению и развитию сельского хозяйства в засушливых районах».

На указанные мероприятия должны быть отпущены средства в таких размерах, которые дали бы возможность закончить необходимые работы в 5 — 6-летний срок, и по такому плану, который действительно гарантировал бы крестьянство соответствующих районов от повторения бедствий неурожая, исчисленные в предварительном плане в 77 миллионов рублей.

Эти 77 миллионов рублей — крупные средства для нашего бедного государства. Мы — государство бедное, и хотя понемногу богатеем и развиваемся, но сравнительно с теми потребностями, которые испытывает 130-миллионное население трудящихся. мы ни на одну минуту не должны забывать о нашей бедности и разоренности. Из этой бедности мы ассигнуем по предварительному плану 77 милл. рублей на то, чтобы поставить крестьянство в такие условия, при которых бич неурожая и голода не гулял бы так свободно по его спинам.

Нестерпимо дальше такое положение, чтобы от того или другого количества влаги, от совершенно независящих от нас причин, зависели судьбы и жизнь целых хозяйственных районов. Это нестерпимое положение можно изжить, если применить новейшие научные завоевания, если поднять хозяйственную культуру, если работать не стародедовскими привычками, а по новейшим способам, научно одобренным способам, если систематически вести борьбу с теми причинами, которые вызывают засуху.

Льготы для кустарей и ремесленников.

Избыточная рабочая сила деревни сможет найти себе большее применение, а крестьянское хозяйство получит добавочное количество нужных ему товаров, если Съезд одобрит в резолюции необходимость «облегчить условия применения рабочих сил крестьянства в области кустарных промыслов и ремесла.

В этих целях одобрить закон от 10 апреля о льготах для кустарей и ремесленников, облегчающий их налоговое обложение и допускающий в большей мере, чем до сих пор, применение рабочей силы в кустарной промышленности. Признать необходимою, сверх того, дальнейшую разработку мер по облегчению кустарной и ремесленной промышленности путем организации для кустарей льготного кредита, а также снабжения их необходимыми материалами.

Разработать меры, поощряющие ученичество, в том направлении, чтобы крестьянская молодежь в большей мере, чем до сих пор, могла в нем находить приложение своих сил, а также путем развития мастерских, школ и пр. содействовать технической подготовке крестьянской молодежи.

Устранить административные препятствия к мелкой крестьянской торговле на базарах, рынках, пристанях, станциях железных дорог и т. д.

В целях предоставления возможности крестьянству малоземельных районов переселяться на свободные земли, усилить работу по подготовке этих земель, а также по снабжению переселенцев необходимым инвентарем, увеличив отпуск государственных средств на эти цели».

Кооперирование крестьянства.

Дальше в этой резолюции мы переходим к пункту, который должен указать крестьянству пути, которые выведут его из состояния раздробленности и отсталости ведения хозяйства.

Мы должны прямо сказать, что мы имеем перед собой крестьянскую страну, которая хозяйствует на земле наиболее разорительным образом, ибо мелкое хозяйство, особенно в той мере, в какой оно остается на трехполке, как у нас в большинстве случаев, есть бесконечное раздробление производительных сил и средств производства, есть бесконечная растрата человеческих сил.

Это — такой способ ведения хозяйства, который наименее целесообразен, который дает наименьшее количество продуктов и необыкновенно понижает их качество. Мы должны поэтому поставить перед собой прямую задачу — задачу систематиче-

ского, хотя бы и постепенного, перехода от этого доставшегося нам наследства — отсталого способа хозяйничанья — к более современному, к более культурному, к более высокому способу хозяйничания, к такому способу, который объединял бы раздробленные индивидуальные хозяйства, который позволил бы крестьянству использовать все технические завоевания, который крепче сомкнул бы город и деревню, который уничтожил бы ту пропасть, которая лежит между условиями производства в городе и в деревне, который, наконец, дал бы возможность крестьянству, в его массе, примкнуть к делу построения социалистического хозяйства.

Этот путь лежит через кооперацию, и поэтому Съезд должен обратить на кооперацию особое внимание всех органов Советской власти, с одной стороны, и всего многомиллионного крестьянства — с другой, указать ему на этот путь.

Ваш голос есть голос высшего авторитета в нашей стране. Многомиллионное крестьянство, маясь над землей, бедствуя над ней и с ней, спрашивает себя: где же путь исхода? И вы должны указать, именно голосом Всесоюзного Съезда Советов, что *путь исхода от мелкого раздробленного крестьянского хозяйства, путь его соединения с техникой и наукой, путь повышения количества и ценности продуктов, путь увеличения благосостояния крестьянства лежит через объединение мелких крестьян, мелких земледельцев в крупные кооперативные союзы, которые позволят этому крестьянскому хозяйству втянуться в общее социалистическое строительство, использовать все те завоевания, которые мы делаем в других областях, и, таким образом, скрепить тот союз рабочих и крестьян, на котором основана Советская власть.*

Этот пункт говорит следующее:

«Признавая, что добровольные кооперативные объединения крестьян-производителей являются наиболее мощным и самым правильным способом поднятия крестьянского хозяйства, признавая также, что только путем подобного кооперативного объединения мелкое крестьянское хозяйство может избежать закабаления его капиталом и принять активное участие в социалистическом строительстве, Съезд обращает внимание всех органов Советской власти, сверху донизу, на необходимость всемерной поддержки делу кооперативного объединения крестьянского хозяйства.

Съезд требует строжайшего соблюдения тех законов, которые гарантируют кооперации действительно добровольный ее характер, действительную выборность ее органов, неприкосновенность ее капиталов и самодеятельность ее членов.

Сельскохозяйственная кооперация должна сосредоточить все свое внимание на своей основной задаче: действительном объединении многомиллионных масс крестьян, в особенности середняков и бедняков, в целях укрепления их хозяйства, поднятии его технического уровня; постепенном переходе их от раздробленного отсталого производства, из которого растет капитализм, к крупному коллективному хозяйству, которое при Советской власти неизбежно станет основой социализма.

Ставя своей задачей всестороннее объединение крестьянского хозяйства (в области сбыта, переработки, снабжения и кредита) и, в частности, оказывая поддержку коллективизации сельского хозяйства в форме колхозов, сельскохозяйственная и кредитная кооперация в соответствии с современным положением хозяйства широких масс крестьянства должна обратить особое внимание на наиболее доступные, понятные и прямо улучшающие положение бедняков и середняков простейшие формы крестьянских объединений (машинные товарищества, семеноводческие, зерноочистительные, бычьи, мелиоративные и т. п.)».

Кооперация и строительство социализма.

Таким образом, мы здесь подходим к тому, на что настоятельно указывал Владимир Ильич. Он говорил: «Как Советская власть, как пролетариат, низвергнувший буржуазию, мы находимся в таком положении, когда нам не следует заниматься общими фантазиями о будущем: нам надо научиться практически строить социализм, и строить таким образом, чтобы каждый крестьянин мог принять участие в этой постройке, чтобы каждый крестьянин своей будничной работой мог помогать закладывать основные камни будущего социалистического общества.

Крестьянские товарищества, поскольку они объединяют середняцкие и бедняцкие элементы крестьянства, поскольку они позволяют этим элементам поднимать свое хозяйство, и не путем капиталистического развития (т. е. путем того, что одно хозяйство богатеет за счет другого хозяйства,— это есть путь капиталистического развития), а поднимать всю массу середняцких и бедняцких хозяйств в целом, на началах общего сотрудничества, опираясь на завоевание политической власти пролетариатом, опираясь на то, что земля и средства производства находятся в руках победившего пролетариата, опираясь на руководство крестьянством со стороны пролетариата, ведя крестьянство по этому пути, через кооперацию, втягивая на деле будничной, ежедневной

черной работой каждого крестьянина и показывая каждому крестьянину преимущества строя пролетарской диктатуры перед строем капиталистической диктатуры». Вот так строить социализм — эта задача, указанная нам Владимиром Ильичем, должна стать нашей практической директивой в нашей практической, будничной, ежедневной работе. (Аплодисменты.)

Поэтому в резолюции имеется следующий пункт:

«В целях выполнения кооперацией своей основной задачи, кооперативным объединениям середняцких и бедняцких слоев крестьянства и в дальнейшем должна быть обеспечена материальная помощь и поддержка со стороны Советского государства. Возлагаемые на кооперацию государственные задания должны быть проводимы не в порядке административном, а в порядке согласования с оказываемой государством финансово-экономической поддержкой.

Вместе с тем Съезд требует от всех видов кооперативных объединений и их руководителей действительно хозяйственной постановки работы, строжайшей и правильной отчетности, беспощадной борьбы со злоупотреблениями и т. д.».

Организация крестьянского кредита.

Следующая мера, вне которой невозможно развитие и поднятие крестьянского хозяйства, есть организация дешевого крестьянского кредита. Это — трудная задача для нашего государства. Я уже сказал, — и так как это правда, то ее не грех повторить, — что мы — государство бедное, и хотя мы знаем, что нет более плодотворной затраты наших капиталов, как оказание кредита крестьянину, хотя мы знаем, что каждая копейка, вложенная в крестьянское хозяйство для улучшения его, вернется нам сторицею и будет работать на общее поднятие всей многомиллионной массы крестьянства, а поэтому будет укреплять и союз рабочих с крестьянами, — тем не менее, зная это прекрасно, мы еще в далекой мере не можем удовлетворить крестьянскую потребность в кредите.

Мы делаем все, что возможно. Но для того, чтобы этот кредит оказался возможным, нам необходимо было сначала провести денежную реформу, надо было построить кредитную систему, надо было дать возможность нашей промышленности сделать первые шаги по ее восстановлению, — и только после этих предварительных условий мы могли начать передавать крестьянству необходимые средства на кредитных условиях. К сожалению, повторяю, эти средства далеко еще не достаточны.

Однако, Съезд уже сейчас может указать, что при проведении нашей финансовой политики органы Советской власти

должны вопросам крестьянского кредита уделять как можно больше внимания, поднимать его размеры, удешевлять этот кредит и делать его долгосрочным.

Мы знаем прекрасно сущность нареканий на наш кредит, — нареканий, которые имеют основание: этот кредит дорог — раз, он слишком краткосрочен — два. Это — правильное указание. Да, верно, кредит, оказываемый крестьянству, во-первых, дорог и, во-вторых, недостаточно долгосрочен. Но для того, чтобы организовать дешевый кредит, чтобы организовать долгосрочный кредит, нам надо быть побогаче, чем мы есть.

Вы знаете, что нам никто ничего не даст на восстановление нашего хозяйства, а если бы захотели дать, то совсем не для того, чтобы помочь крестьянству поднять свое хозяйство, а дали бы на таких условиях, которые закабалили бы наше и крестьянское и фабрично-заводское хозяйство. Поэтому мы принуждены здесь итти постепенно, имея своей целью удешевление и удлинение срока кредита и неустанно идя к ней.

Но мы должны сказать крестьянству прямо, и так, надеюсь, вы, представители крестьянства, передадите это на местах: без того, чтобы в нашу кредитную сеть снизу не притекали сбережения крестьянства, без того, чтобы само крестьянство не научилось понимать, что отдать сбереженные деньги на хранение своему государству, своему рабоче-крестьянскому советскому государству есть лучшая форма их использования и лучшая форма улучшения положения всего крестьянства в целом, — организовать без этого дешевый долгосрочный кредит нам будет чрезвычайно затруднительно.

Поэтому мы говорим: да, из тех средств, которые мы получаем как государство, из средств государственной казны, мы будем увеличивать основные капиталы сельскохозяйственного банка и наших кредитных учреждений, но знайте, товарищи крестьяне, капиталов, которые притекают к нам из ваших карманов, в виде налогов, не хватит на тот широкий, дешевый кредит, который необходим для поднятия крестьянства.

Для этого нужна кредитная самодеятельность, хозяйственная самодеятельность самого крестьянства и увеличение его активного участия в кредитных учреждениях.

Поэтому мы пишем так:

«В виду того, что дальнейший подъем всей массы крестьянских хозяйств возможен только на основе широкого, дешевого и соответствующего условиям сельского хозяйства кредита, признать основной задачей в деле организации кредита для крестьян в данный момент удлинение срока кредитования и удешевление его.

В этих целях необходимо, с одной стороны, увеличение средств центрального и республиканских сельскохозяйственных

банков, для чего они должны быть увеличены из государственных средств в ближайшем году не менее, чем на 100 миллионов рублей, а с другой — всемерное привлечение сбережений населения в низовые сельскохозяйственные кредитные кооперативы и сельскохозяйственные банки, при чем вкладчикам должна быть гарантирована наибольшая выгодность подобного способа помещения своих сбережений.

При этом средства, находящиеся в распоряжении сельскохозяйственных кредитных учреждений, не могут быть направляемы на иные цели, кроме кредитования крестьянского хозяйства. Направление кредитных средств должно быть тесно увязано с производственными планами земельных органов и рассчитано на преимущественное удовлетворение хозяйственных нужд середняцких и бедняцких слоев деревни и их объединений».

Поднятие культурного уровня крестьянства.

Вот все те основные мероприятия, которые отчасти уже приняты, а отчасти должны быть приняты в ближайшее время, и при помощи которых Советская власть должна поддержать законное стремление крестьянства к поднятию его хозяйства, к расширению его и к увеличению его доходности. Мы должны, однако, от имени Съезда сказать крестьянству и всем органам Советской власти, что эта громадная работа по поднятию крестьянского хозяйства невыполнима без того, что Владимир Ильич в своих последних статьях назвал культурною революцией, то-есть, без общего поднятия культурного уровня населения, без ожесточенной и решительной борьбы с безграмотностью, со старыми рабскими навыками, с непривычкой к общественной работе, с отсутствием инициативы вообще, без уничтожения дикости и невежества, которое осталось нам, как наследие старых времен насилия капитала и царя.

Эта язва еще живет у нас в деревне, и Советская власть должна превратиться в орудие борьбы с этой язвой старого строя. Поэтому мы в резолюции и предлагаем вам принять, в виде заявления крестьянству, что:

«Все эти мероприятия, рассчитанные на поднятие и укрепление крестьянского хозяйства, увеличение его доходности и улучшение материального положения широких масс крестьянства, должны сопровождаться установлением строгой законности и усиленной работой по поднятию общего культурного уровня населения.

Ликвидация безграмотности, повышение самодеятельности, усиление инициативы, усиление общественных навыков в работе, осуществляемые в первую голову через советские кооперативные организации, являются необходимыми элементами общей работы по поднятию и укреплению крестьянского хозяйства».

Таков общий очерк мероприятий, которые мы предлагаем вам от имени Съезда одобрить и с которыми необходимо будет ознакомить, как я уже сказал, каждого крестьянина.

Я ограничился пояснением только тех пунктов, которые нуждались в этом. Думаю, что многомиллионное крестьянство, ознакомившись с этими мерами, не будет нуждаться в специальных комментариях для того, чтобы понять, что все эти меры продиктованы стремлением Советской власти действительно, на деле, реально помочь крестьянству поднять его материальное благосостояние и развить его хозяйство.

Поэтому оставшееся у меня время я хочу посвятить только выяснению общего характера этих мероприятий.

Развитие производительных сил в деревне.

Я думаю, для вас совершенно ясно, что в основе всех этих мер лежит наша твердая уверенность в том, что настало время, когда все силы Советской власти должны быть направлены на то, чтобы развязать производительные силы в деревне.

Если хитрое ученое слово: «развязывание», «разворачивание производительных сил» перевести с ученого языка на язык, понятный каждому крестьянину, то нужно сказать так: Советская власть хочет, чтобы количество продуктов, производимых в деревне, в крестьянском хозяйстве, увеличивалось как можно больше, и чтобы ценность этих продуктов, их стоимость, равным образом тоже увеличивалась. Помочь крестьянскому хозяйству произвести как можно больше сельскохозяйственных продуктов и произвести такие продукты, которые действительно оплачивали бы труд крестьянина, которые давали бы ему доход и возможность накапливать новые средства для того, чтобы вкладывать их в землю, — вот задача, которую ставит перед собой Советская власть по отношению к крестьянству.

Для этого нам нужно снять некоторые ограничения, которые остались в нашей деревне, как наследие старой, изжитой эпохи военного коммунизма. Если вы спросите себя и нас, есть ли действительно в деревне и в тех органах, которые работают около и вокруг деревни, остатки этого военного коммунизма, и есть ли такие элементы, которые показывают, что новая экономическая политика не целиком еще проникла в деревню, то мы должны будем сказать: да, это есть, и эти элементы должны быть ныне устранены.

Мы должны дать возможность крестьянству законным путем более свободно применять свой труд и более свободно пользоваться результатами своего труда.

Это приведет неизбежно к тому, что процесс накопления в крестьянстве будет увеличиваться.

Если эти мероприятия рассчитаны на то, чтобы поднять производительные силы в деревне, то нам нельзя закрывать глаза и на то, что этими же самыми мерами, в особенности некоторыми из них (как, скажем, например, арендой, более свободным применением наемного труда), воспользуются прежде всего, в первую голову и шире всего зажиточные элементы деревни. Было бы смешно, если бы мы попытались отрицать это; было бы смешно, если бы мы, рабочие и крестьяне, произведшие три революции, пытались бы вести политику самообмана. Нет более глупой политики, чем политика самообмана. Делая определенный шаг, мы должны прямо смотреть действительности в глаза, открыто итти по выбранной нами дороге. Только тогда мы победим. И вот, глядя открытыми глазами на сумму этих мероприятий, мы должны себе сказать, что эти мероприятия необходимы. Они развязывают производительные силы деревни, они являются необходимым толчком крестьянскому хозяйству для увеличения его производительности, для повышения его ценности, для расширения его. Но этими мерами могут воспользоваться в первую голову зажиточные группы.

Да, мы стоим за полное развитие производительных сил в деревне. Мы стоим за то, чтобы товарность крестьянского хозяйства все больше и больше повышалась, чтобы крестьянин мог, производя еще больше и больше и удовлетворяя все в большей и большей мере свои потребности, вывозить на рынок все большее и большее количество продуктов. Мы стоим за интенсификацию сельского хозяйства, за индустриализацию деревни, за то, чтобы у крестьянина была возможность накоплять новые средства и вкладывать их в улучшенные семена, в приобретение новых машин, в поднятие сельскохозяйственной культуры. Да, мы отказываемся считать кулаком того крестьянина, который, пользуясь Советской властью, пользуясь советским кредитом, пользуясь советской кооперацией, улучшает свое хозяйство, поднимает его технический уровень, приобретает новые машины в кредит у советской промышленности. Мы были бы безумцами, если бы крестьянина, пользующегося Советской властью, пользующегося органами Советской власти, пользующегося советским кредитом и советскими формами объединения для поднятия своего хозяйства, стали считать кулаком.

Но мы не должны закрывать глаза на то, что, при свободе оборота, хотя бы и на национализированной земле, при мелком индивидуальном частном хозяйничании, буржуазные элементы деревни будут неизбежно расти, будут стараться забрать себе все более и более мощные, все более твердые позиции в хозяйстве и попытаются, опираясь на эти хозяйственные позиции, двигаться вперед и в политической области.

Зачем же мы тогда учились по марксистским книжкам, а рабочие и крестьяне всей нашей страны учились марксизму тоже из очень недурного источника — из трех революций, которые они проделали, — зачем же мы учились бы, если бы мы не понимали, что свободный торговый оборот, при наличии мелких товаропроизводителей, хотя бы и на национализированной земле, хотя бы и при национализированных фабриках, заводах и т. д., создает элементы капитализма? Закрывать на это глаза не надо, надо открытыми глазами смотреть на это. И для того, чтобы итти по той дороге, которую мы предлагаем сейчас, надо, чтобы мы ответили на четыре коренных вопроса, которые ставятся и которые будут все больше и больше ставиться каждому ответственному руководителю Советской власти, каждому сознательному трудящемуся.

Основные вопросы нашей политики по отношению к деревне.

Почему эта политика необходима? Вот первый вопрос. Второй вопрос: в каком отношении находится эта политика к той политике, которую мы проводили до сих пор? Третий вопрос: в какой связи находится эта политика с задачей построения социалистического общества, с решимостью Советской власти строить и построить социалистическое хозяйство? И четвертый вопрос: ежели эти законы, необходимые и правильные, дают некоторые зацепки верхушечным буржуазным элементам деревни, то где у нас гарантия против восстановления капиталистических отношений? Есть ли такая гарантия? И если такая гарантия есть, то как нам орудовать, чтобы опасность поднятия мелкобуржуазной стихии и развития новых капиталистических отношений предотвратить и не дать ей усилиться?

Мы никогда не обещали простого пути к социализму, и наш великий учитель Владимир Ильич неоднократно указывал, что построение социализма совсем не такая простая вещь. Мало того, что мы свергли буржуазию, мало того, что мы победили в боях помещиков, — надо строить социализм в аграрной стране; в стране, в которой десятки миллионов распыленных крестьянских хозяйств; в стране, которая находится в капиталистическом окружении, — а оно всякими подспудными, явными и скрытыми формами воздействует на рост буржуазных элементов,—в стране, которая связана множеством нитей с мировым хозяйством. Построить социализм здесь, да так, чтобы втянуть в него все крестьянство, да так, как говорил Владимир Ильич, чтобы руководитель этого, пролетариат, не отрывался в этой хозяйственной работе от крестьянина, а каждый свой шаг соразмерял с тем, чтобы втянуть в это социалистическое строительство все большие и большие

массы крестьянства, — вот это дело гораздо более сложное. А сложность его требует, чтобы мы, принимая те или другие меры к поднятию сельского хозяйства в деревне, отдавали себе отчет в том, что этими мерами могут воспользоваться не только наши классовые союзники, крестьянская беднота и середняк-крестьянин, но и классовые противники, — буржуазная верхушка деревни. Надо на это смотреть открытыми глазами, надо взвесить свои силы, надо понять, какие позиции могут быть заняты ими, и тогда твердой поступью итти по намеченному пути.

Мы знаем, что колебания были и при начале нэпа. Но теперь разве есть у кого-нибудь сомнения, что новая экономическая политика, которая вначале действительно могла быть воспринята как передающая наши позиции господам нэпманам, теперь за три года не показала, что от этого маневра выиграли, прежде всего, социалистические элементы нашего хозяйства? Именно благодаря новой экономической политике мы создали такую обстановку, при которой в течение трех лет в два раза увеличили развитие нашей промышленности, завоевали, как никогда раньше, позиции крупной машинной индустрии, сумели сконцентрировать вокруг этой крупной машинной индустрии руководящий класс, пролетариат, сумели поднять социальную мощь пролетариата и, таким образом, оправдать целиком и полностью этот маневр, как такой, который внешне как будто уступал буржуазным элементам, а на самом деле был рассчитан на то, чтобы укрепить социалистические элементы нашего хозяйства.

То же самое и здесь. И, я думаю, понадобится меньше трех лет, чтобы убедиться, что эти мероприятия, рассчитанные на поднятие крестьянского хозяйства, несмотря на то, что ими воспользуется и верхушечная, буржуазная, часть, будут целиком оправданы и укрепят союз рабочих и крестьян.

Для того, чтобы по этому пути итти ясно и точно, я попытаюсь ответить очень кратко на четыре указанных мною вопроса: 1) почему эта политика необходима? 2) в какой связи она находится с прошлой политикой? 3) в какой связи она находится с делом построения социализма? 4) какие гарантии мы имеем против буржуазного восстановления?

Необходимость нашей политики для крестьянства.

Прежде всего эта политика необходима, исходя из интересов самого крестьянства.

Мы имеем, несомненно, некоторые достижения в области сельского хозяйства. Но мы продолжаем быть страной, в кото-

рой нищее крестьянство стоит на очень низком уровне и хозяйственного и культурного развития. От этого факта отделаться нельзя и отболтаться тоже нельзя. Из него надо исходить.

Если вы обратитесь к тем внешним выражениям, которые в последнее время привлекают наше внимание, то вы увидите странный факт — факт перенаселения наших крестьянских районов. Оказывается, по подсчетам некоторых статистиков, — которые, конечно, могут ошибиться в ту или другую сторону, но которые приблизительно дают верные цифры, — если взять прирост населения нашей страны только в $1^1/_2\%$ (а он после войны достигал иногда $2^1/_2\%$) и принять эти $1^1/_2\%$ даже не к 130 миллионам нашего населения, а только к 100 миллионам, то окажется, что мы ежегодно получаем прирост населения в полтора миллиона душ.

Если бы мы развивали нашу промышленность самым быстрым темпом, то все-таки новое население не могло бы быть поглощаемо нашей городской промышленностью. Если т. Дзержинский будет попрежнему радовать нас все более и более быстрым темпом разворачивания промышленности, то мы будем поглощать 100 — 200 — 300 тысяч новых и новых рабочих ежегодно. Мы в этом году переселили 150 тысяч душ крестьян на новые земли, но если мы даже количество переселенцев увеличим вдвое — 300 тысяч душ, — то все-таки около миллиона избыточного населения у нас будет получаться ежегодно.

Почему получается это избыточное население? По той простой причине, что отсталое крестьянское хозяйство, ведущееся неинтенсивно, по старинке, не может поглотить рабочую силу самого крестьянства, потому, что земля находится в таком положении, когда она кормит нас недостаточно, кормит плохо. Советская власть и крестьянство в Союзе должны поставить перед собой задачу сделать так, чтобы земля наша кормила больше народу и кормила его лучше, чем она кормила до сих пор.

Как это сделать? Это сделать можно только одним: применяя и вкладывая в землю, в ее обработку, в ее удобрение новые и новые средства. Надо, чтобы крестьянство имело возможность добиться того, чтобы с каждой десятины земли продукция увеличилась и ценность продукции стала выше. Тогда не будет такого явления, когда избыточные руки в деревне создают в городах безработицу, когда деревня давит на город и, выселяя в город новые и новые группы безработных, создает нервное настроение и в городе, нервирует весь процесс промышленного производства.

Выход из этого заключается только в одном: улучшить крестьянское хозяйство, создать такие условия, при которых оно,

применяя новые формы хозяйничания, будет поглощать новую избыточную силу.

Это-то и заставляет нас целиком поставить вопрос о развитии производительных сил в деревне с точки зрения самого крестьянства.

Интересы промышленности.

Но того же самого требует и наша промышленность. Если вы спросите сознательного пролетария: какая именно деревня нужна нашей промышленности, — старая ли деревня, не имеющая возможности и желания в мало-мальски широком размере приобретать продукты государственной промышленности, та ли деревня, которая старается обойтись без гвоздя, без машины, без железа, без электричества, без керосина, которая старается как можно больше и вынуждена как можно больше ограничивать потребление городских продуктов, — эта ли деревня нам нужна?

Такой ли хозяин нам нужен, с точки зрения рабочего класса, с точки зрения развития промышленности, который сидит на старой дедовской трехполке и жжет лучину? Или же нужна новая деревня, которая будет все время увеличивать и увеличивать потребление железа, потребление ситца, потребление керосина, потребление газет, потребление книги? Нужен ли нам хозяин, который будет повышать уровень своего хозяйства, применять новые методы к усовершенствованию этого хозяйства, который будет больше заботиться о себе и о своей семье, и о своих детях, который будет понимать выгодность электрификации и будет находиться в таком состоянии, что электрификация и машинизация сельского хозяйства будут для него не сказками, а реально осуществимым делом?

На этот вопрос каждый сознательный пролетарий ответит: «Да, нам нужна новая деревня, деревня развивающаяся, деревня богатеющая, деревня, которая имеет возможность накапливать средства для увеличения своего хозяйства, нам нужен новый хозяин».

Мы тут видим совпадение целиком и полностью интересов крестьянства, стремящегося выйти на широкую дорогу нового хозяйничанья, и интересов социалистической промышленности, которая должна основываться не на крестьянстве нищающем, а на крестьянстве богатеющем, которая не может допустить, чтобы при том темпе развития промышленности, который мы усвоили, мы вдруг неожиданно наткнулись на стену узости крестьянского рынка, неспособного поглотить те продукты, которые все в большей и большей массе будет выбрасывать наша социалистическая промышленность. Нам нужно строить проле-

тарские социалистические крепости, в виде фабрик и заводов, поднимать технический уровень страны. Мы должны довести нашу промышленность не только до довоенного уровня, а должны итти и дальше: покрывать нашу страну новыми фабриками и заводами, электрическими установками и тому подобное.

Но разве это можно сделать на базе крестьянства, которое само не будет увеличивать своего потребления и которое не будет предъявлять к промышленности новых требований и не сможет оплачивать промышленности новые и новые свои потребности? Конечно, нет. Поэтому есть полное совпадение интересов рабочих и крестьян в деле разворачивания производительных сил в деревне, в деле поднятия уровня крестьянского хозяйства и доходности. На этом зиждется наша сила.

Мы знаем, что теперь, когда среди крестьянства, на основе его экономического укрепления, на основе перевыборов в советы, становится во весь рост целый ряд важнейших вопросов политического и хозяйственного значения, находятся люди, которые хотели бы разъединить рабочих и крестьян и которые нашептывают: «Раз крестьянства большинство, то почему крестьяне должны выносить руководящую роль пролетариата?»

Но я совершенно уверен, что теперь этим сказкам не верит даже самый отсталый, самый забитый крестьянин, ибо все мы за три революции научились понимать, что если крестьянская страна, усеянная отдельными, изолированными крестьянскими хозяйствами, не имеет сильной, крупной промышленности и сплоченного пролетариата, то эта страна неизбежно становится страной рабов.

Если бы представить на момент, что социальная мощь нашей промышленности и нашего организованного пролетариата стала бы не повышаться, как докладывал т. Дзержинский, а понижаться, пролетариат распылился бы, промышленность пала бы,— думаете ли вы, что после этого наступило бы полное господство крестьянских интересов?

Глубоко ошибаетесь. Нет, страна с пониженной производительностью крупных заводов, с распыленным пролетариатом, как рассыпная храмина, попала бы в руки иностранного капитала и была бы превращена в колониальную страну, как превращены в колонии все те страны, которые не успели создать крупных промышленных предприятий и организованного сознательного пролетариата. (Аплодисменты.)

И поэтому-то руководящую роль пролетариата в союзе рабочего класса и крестьянства, я уверен, поймет всякий даже самый отсталый крестьянин, переживший три революции и желающий бороться с восстановлением ига помещиков и капиталистов, и признает за пролетариатом это право на руководство. Вот доказательства необходимости проводимой нами политики.

Углубление нашей политики.

Теперь второй вопрос: в какой связи находится политика партии в деревне с той политикой, которую мы проводим с осени этого года? Есть ли тут перелом в политике? Я думаю, что нет. Нет оснований для того, чтобы сказать, что мы теперь переламываем нашу политику. Мы ее углубляем. Да, мы, несомненно, идем дальше, чем могли итти в 1921, 1922, 1923 гг.

Когда Владимир Ильич ставил впервые задачу, выразившуюся в новой экономической политике, он в речах, которые обосновывали эту политику, говорил: «Мы должны пойти на новую экономическую политику, развязать свободу оборота, отменить разверстку, перейти к налогу, потому что у нас нет продуктов в стране». Он с радостью сообщил тому же Съезду, который решал этот поворот, что он получил сведение, что удалось выписать из Лондона для поддержки наших текстильных фабрик и ленинградских заводов 18 милл. пудов угля. Это было величайшим событием. А теперь мы сами вывозим уголь за границу. Мы теперь на 80 милл. вывозим нефти. Мы забыли думать о тех проклятых временах, когда Владимир Ильич сам должен был наблюдать за каждым вагоном продовольствия, за каждым поездом с нефтью, чтобы не оставались в темноте, в холоде и голоде Ленинград и Москва.

У нас нет сейчас ни продовольственного, ни топливного голода. Конечно, это создает такие условия, когда первоначальная наша политика может быть значительно углублена, и мы можем двигаться гораздо свободнее сравнительно с теми шагами, которые могли делать год—два тому назад.

Если вы посмотрите на мероприятия, которые мы сейчас предлагаем, на тот путь, по которому мы хотим сейчас повести крестьянство, вы сразу увидите две основные черты. Первая черта — развитие крестьянского хозяйства, производительных сил деревни, вторая черта — объединение мелкого товаропроизводителя, мелкого земледельца через кооперацию в крупные союзы, которые возместили бы ему недостатки, вытекающие из раздробленного, мелкого, отсталого его хозяйства. Вот две черты — развитие производительных сил деревни и кооперативное объединение всех и, в особенности, бедняков и середняков, для возможности повышения экономической и хозяйственной мощи сельского хозяйства.

Спросим себя: есть ли это что-нибудь новое? Значит ли это, что только сейчас Советская власть до этого додумалась? Нет, конечно, нет. Уже в тех речах, постановлениях и заявлениях, которые делал Владимир Ильич в 1921 году, четыре года тому

назад, в момент, когда мы переходили к новой экономической политике, заключалась та линия, которую мы сейчас проводим,—и политика развития крестьянского хозяйства, и в то же время политика объединения мелких крестьянских хозяйств в кооперацию.

Ильич тогда еще писал: «начать надо с крестьянства». Это не теперь сказано. Но мы должны отдать себе ясный отчет, как шло дело.

Не верьте тем, которые говорят, что эта политика по отношению к крестьянам продиктована тем, что большевики или Советская власть почувствовали, что в крестьянстве наблюдается недовольство, и поэтому начали «закручивать политику». Это говорят враги рабочего класса и крестьянства, шептуны, которые хотят поссорить рабочий класс и крестьянство. Нет, в 1921 году Владимир Ильич сказал: начать надо с крестьянства, и мы начали тогда именно с крестьянства; путем отмены продразверстки, путем перехода на продналог мы дали новый толчок крестьянскому хозяйству; затем мы, не забывая ни на одну минуту об интересах крестьянского хозяйства, принялись всеми силами восстанавливать нашу денежную систему, восстанавливать наш бюджет, восстанавливать нашу промышленность.

И мы добились этого настолько, что теперь можем опять дать новый толчок крестьянскому хозяйству, опираясь уже на те завоевания в области денежной системы, в области кредита, в области промышленности, которые у нас имеются.

Теперь мы должны, ни на минуту не забывая о развитии промышленности, употребить все завоеванные нами за последние три года позиции на то, чтобы двинуть вперед крестьянское хозяйство. Нужно отдавать себе отчет, что проводимая нами сейчас политика не потому проводится в 1925 году, что мы раньше не думали о крестьянстве или не могли до этих мер додуматься, не потому, что мы предпочитаем или больше любим тот или другой слой, а потому, что для этого нужны были предварительные условия.

Чтобы вести политику кредитной поддержки крестьянского хозяйства, чтобы вести политику новых и новых ассигнований крестьянству, нужны были предварительные условия, нужна была денежная реформа. Если бы у нас не было денежной реформы, а я пришел бы к вам и стал бы говорить, что мы ассигнуем 100 миллионов рублей на усиление с. хозяйства, то всякий крестьянин посмеялся бы и сказал: «Если ты ассигнуешь 100 миллионов в виде цветных бумажек и только, то никакого улучшения крестьянского хозяйства не будет». Первым делом нужны были твердые деньги, надо, чтобы рубль звенел, только тогда я могу притти к вам и сказать: «Вот эти звенящие рубли, созданные рабочими и крестьянами, мы можем направить в крестьянское русло, на поднятие крестьянского хозяйства». Тогда это будет крепко звучать. (Аплодисменты.)

*

Если же мы в 1921/22 г. пришли бы к вам и сказали бы: «мы поведем политику понижения цен», то вы первыми сказали бы: «да продавать нечего, ведь фабрики, заводы стоят». (Смех.)

Теперь же, когда т. Дзержинский, докладывая, говорил, что довоенный уровень не идеал, а такая вещь, что завтра, послезавтра мы его достигнем, когда мы за год на 50% повышаем промышленность, когда общая продукция нашей социалистической промышленности начинает кое-что весить, когда я теперь прихожу и говорю, что мы будем вести политику понижения цен, то это значит, что не на посуле, а на самом деле крестьянин получит дешевле ситец, керосин, гвоздь, машину.

Вот те предварительные условия, которые были необходимы для того, чтобы разговоры о поддержке крестьянского хозяйства были не пустыми разговорами, а реальным делом.

Нас еще Владимир Ильич учил, и мы все, конечно, хорошо запомнили это: крестьянин — реалист, судит по делам нашим, оценивает, годится ли рабочий класс в строители и руководители нового государства, не по каким-либо чувствам, а взвесивши, хороший ли он хозяин, хороший ли он организатор, понимает ли хорошо крестьянские нужды, во-время ли приходит на помощь.

Но он не будет требовать от нас невозможного: крестьянин знает, что государство мы бедное, без налога нам не обойтись, займа мы не получаем, промышленность восстанавливать надо, подшимать эту тяжесть общими усилиями рабочих и крестьян необходимо. Он только хочет того, что если ты, пролетарий, являешься руководителем советского государства, в таком случае ты благоволи отмечать во-время мои нужды и удовлетворять их в меру общих государственных возможностей.

Так вот, если мы спросим себя: что, эти два основные положения — развитие производительных сил страны, а затем объединение масс мелких земледельцев, мелких крестьян в крупные, мощные хозяйственные союзы — кооперацию — действительно новость, до которой Советское правительство и та Коммунистическая партия, которая поставила нас на определенные посты, додумались только в 1925 году, то, чтобы ответить на этот вопрос самым коротким образом, я вам скажу, что говорил Владимир Ильич в 1921 году как раз по поводу этих двух вопросов.

«Основное,—говорил Ленин,—чтобы был стимул, побудитель, толчок мелкому земледельцу. Нам надо строить нашу государственную экономику применительно к экономике середняка, которую мы за 3 года не могли переделать и еще за 10 лет не переделаем». *

И поэтому, когда кулацкие элементы приходят на сходы и говорят: «большевики задним умом крепки, — когда мы их поше-

* Ленин, том XVIII, часть 1-я, стр. 146.

велили, они стали догадываться, что надо давать дорогу крестьянскому хозяйству», — вы скажете им: в 1921 году, когда ты рта разинуть не мог, т. Ленин говорил, что вся государственная экономика нашего хозяйства должна быть построена применительно к хозяйству середняка. И тогда же т. Ленин говорил, что «старательный крестьянин есть центральная фигура нашего хозяйственного подъема», т.-е. хозяйственно подниматься, увеличивать мощь нашей страны мы можем только вместе со старательным крестьянином, не против него, не в стороне от него, но вместе с ним. Он — центральная фигура. И обратно: этот старательный крестьянин никогда не поднимет хозяйства, ни в коем случае не явится центральной фигурой, если он попытается строить свою экономику вне государственной экономики. Он должен строить ее вместе с рабочим классом.

И, объединяя хозяйственные усилия старательного крестьянина, этой центральной фигуры советской деревни, с усилиями нашего рабочего класса, который напрягает всю свою силу и поднимает фабрично-заводское производство, можно добиться того, о чем мечтал т. Ленин.

Т. Ленин тогда же, в 1921 году, говорил не только о том, что надо середняка уважить, поднять его хозяйство, вместе с ним строить социализм, а не против него, но кое-чего он *требовал* и от этого середняка — и поступал, конечно, правильно.

Владимир Ильич писал:

«Все силы на хозяйственный фронт, поднять производительность труда и увеличить количество продуктов. Без выполнения этих задач никакое движение вперед невозможно. *Если мы это говорим по отношению к рабочим, то мы должны сказать то же и по отношению крестьянства.* С крестьянина государство возьмет определенный налог, но взамен потребует, чтобы по уплате налога он свое хозяйство расширил, зная, что от него больше ничего не возьмут, и что у него останется весь излишек для развития хозяйства».*

Да, мы не только говорим крестьянину, что мы готовы его поддержать, но вместе с тем этому крестьянину-середняку говорим словами т. Ленина: «Расширяй свое хозяйство, т.-е. повышай количество продуктов, которое ты вырабатываешь, и веди свое хозяйство так, чтобы эти продукты были все более и более ценными, улучшай и повышай технический уровень своего хозяйства».

Рост кулачества и развитие социализма.

Нам могут сказать: позвольте, если старательный крестьянин-середняк начнет улучшать свое хозяйство, расширять его, повышать его технический уровень, не превратится ли он тогда

* *Ленин*, том XVIII, часть 1-я, стр. 196.

в кулака? Не вытечет ли тогда из этого расширения хозяйства капитализм, новые капиталистические отношения? А разрешением аренды и наемного труда не дает ли Советская власть этому пауку-кулаку возможность расти на почве расширения своего хозяйства, усиливаться и в области землепользования, и в области применения батрацкого труда?

Это — вопрос законный. Вопрос тревожный, но законный. И для того, чтобы прямо и открыто итти по тому пути, на который мы сейчас указываем, нам надо на этот вопрос ясно ответить.

Передо мной белогвардейская газета «Руль», которая обсуждает закон о наемном труде. Она говорит прямо: «В деревенской стихии, необозримой и трудно контролируемой, эти мероприятия Советской власти знаменуют не уступку, а капитуляцию перед буржуазией... Трещина между порядком деревенским и городским расширяется».

Господа белогвардейцы потирают руки или притворяются, что потирают руки, и говорят: в городе социализм — несомненно, а в деревне сильней оказывается струя капитализма, поэтому между городом и деревней оказывается «трещина». Конечно, можно не обращать внимания на белогвардейца, и, безусловно, обращать на него внимания не следует. Но тревожный вопрос, который может задать пролетарий, батрак, поденщик, незаможник, маломощный крестьянин, — этот вопрос требует ответа.

Действительно ли мы оказались в таком положении, что шли к союзу рабочих и крестьян, к союзу города и деревни, рассчитывали все мероприятия на то, чтобы вовлечь крестьянство в дело социалистического строительства, под руководством фабрично-заводского пролетариата, а вдруг оказалось, что мы их не сплачиваем, но, наоборот, трещина увеличивается?

В городе социалистические порядки, а в деревне что-то иное. На этот вопрос мы должны сказать прямо, что закон о расширении аренды, о кустарях, закон о расширении наемного труда дадут возможность кулаку воспользоваться ими и увеличить свое благосостояние, закрепить свои позиции, но это не повредит развитию социализма ни в коем случае, — при наличии двух условий, из которых одно у нас уже есть и которое мы только должны развивать, а другое имеется у нас в наличности в очень маленьких размерах, и на увеличение его мы должны всячески напирать.

Первое — то, что, предоставляя мелкому земледельцу, производителю товаров, известную степень свободы, мы никогда не говорили и никогда не скажем о том, что мы предоставляем ему полную свободу мелкого товаропроизводителя. Мне на одном собрании пришлось спорить против этой формулы и сказать: кто говорит так (а об этом говорят эс-эры и меньшевики), те — форменные защитники капиталистов. В некоторых районах нашей

страны при перевыборах они уже показали, что тоже умеют делать свою вредную политику. Нам надо твердо это знать.

Они говорят: Советская власть стесняет полную свободу мелкого товаропроизводителя, т.-е. надо крестьянину дать полную свободу. Милюков, прочитавши мое возражение против этой формулировки, отметил: да, правильно Каменев сказал, что дать полностью свободу мелкому производителю это и значит итти по формуле капиталистического развития. Это верно.

Господин Милюков знает, где зимуют раки. (Смех; аплодисменты.) Но его беда заключается в том, что и мы-то очень хорошо знаем, где зимуют буржуазные раки, и умеем этих буржуазных раков бросать в круто посоленный кипяток революции. (Смех; аплодисменты.)

Так вот мы с Милюковым согласны в том, что полная свобода мелкого товаропроизводителя есть формула капиталистического развития. Мы только утверждаем одно: этой полной свободы нигде в мире не существует, только разве в теории, потому что, как вы сами знаете, везде и всюду крестьяне ограничены. Полная свобода для них — это буржуазная брехня для обмана крестьянства.

Возьмите самые демократические и как будто крестьянские страны. Там крестьянин ограничен трестами, банками, жел.-дор. компаниями, т.-е. ему предоставляется та свобода, которая выгодна финансовому капиталу, цены диктует финансовый капитал, кредит регулирует финансовый капитал и тарифы устанавливает финансовый капитал. Фактически этот мелкий крестьянин, который, будто бы, пользуется полной свободой, является данником финансового капитала. Там устанавливаются ограничения для свободы мелкого товаропроизводителя, только ограничения эти буржуазные, направленные к тому, чтобы дать возможность капиталу эксплуатировать этого, якобы, свободного крестьянина.

У нас тоже есть ограничения, но только ограничения социалистические, направленные к тому, чтобы раскрыть перед этим мелким крестьянином дорогу к социализму. В чем эти ограничения? Эти ограничения будет защищать не только рабочий класс, но и крестьянство, потому что эти ограничения есть, вместе с тем, гарантия против капитала.

Первое из этих ограничений свободы мелкого товаропроизводителя есть национализация земли.

Мы произвели Октябрьскую революцию, и крестьянин поддержал ее для того, чтобы национализировать землю. Это — ограничение свободы товаропроизводителя, а вместе с тем это — самая большая гарантия против восстановления капиталистических отношений.

А монополия внешней торговли, разве это не ограничение? Да, ограничение. Однако, это — ограничение, необходимое в целях социалистического регулирования всего хозяйства. Оно предо-

храняет крестьянство от закабаления иностранным посредником, иностранным капиталом.

Я спрашиваю себя: что же, рабочий класс и крестьянство будут защищать национализацию земли и монополию внешней торговли, несмотря на то (или именно потому), что это есть ограничение свободы мелкого товаропроизводителя, — правда, такое ограничение, которое направляет весь процесс крестьянского хозяйства по пути к социализму, не давая возможности восстановиться капиталистическим порядкам?

А разве политика регулирования цен, разве то, что у нас весь кредит является не частным кредитом, которым распоряжается капиталист ради своей выгоды, а государство, т.-е. кредитом, который регулируется властью рабочих и крестьян и направляется не для того, чтобы получать доходы, а для того, чтобы поднимать хозяйство всей страны и, в частности, хозяйство крестьян, — разве это не есть ограничение, ограничение роста капитализма? Разве, наконец, сама система Советской власти, это воплощение руководства пролетариата крестьянством для того, чтобы объединенными силами осуществить социализм против капитала, — разве это не есть ограничение?

Эти ограничения являются важнейшими завоеваниями Октябрьской революции, основами Союза и вместе с тем правильными социалистическими барьерами, стальными стенами, которые поставлены вокруг элементов нашего социалистического хозяйства для того, чтобы охранить их от размыва и напора мелкобуржуазной и буржуазной стихии. (Аплодисменты.)

Защита этих ограничений, как их называют, на самом деле есть защита социалистических элементов нашего хозяйства против капиталистических. Покуда эти преграды есть, до тех пор капиталистические тенденции буржуазных верхушек деревни нам не страшны. Надо только уметь маневрировать, надо знать, как, опираясь на эти стальные твердыни, использовать все группы, все прослойки для развития товарооборота, для улучшения хозяйства, для поднятия его, чувствуя, что мы стоим твердо и идем по верной дороге, покуда у нас есть основные командные высоты.

Советская власть, электрификация и кооперация.

Второе — то, что у нас есть в зачатке, что еще необходимо развивать, это — кооперация. Если правда, что новыми мероприятиями могут воспользоваться буржуазные верхушки, что они дают в некоторых своих пунктах элементы отступления, за которые может зацепиться кулачок, чтобы вырасти в капиталистического предпринимателя на государственной земле (есть, ведь, такой тип, и этот тип капиталистический), — то против этого есть оружие, есть крепость: это — кооперация.

Недаром гениальное предвидение Владимира Ильича заставило его посвятить последние свои статьи вопросу кооперации.

Уходя от нас, Владимир Ильич думал о том, как оградить 130 миллионов населения, с неслыханной трудностью отстоявшего достижения революции от всего мира, как оградить их от возрождения капиталистических элементов. Как сделать, чтобы в вопросе: какая же будет Россия — нэповская или социалистическая, — увеличить силу социалистических элементов не только за счет города, но и за счет крестьянства? Как сделать так, чтобы социалистическая Россия, как выражался Владимир Ильич, опиралась не только на национализированную промышленность крупных городов и на интересы рабочих, но и на интересы и сознание мелких крестьян?

Отвечая на этот вопрос, Ленин писал свои последние статьи о кооперации. Уже в статьях о продналоге Ленин рассчитывал: Как аграрной стране итти к социализму? Как крестьянина с его мелкой полоской, с его трехполкой, с его сохой, с его безграмотностью поднять до социалистического строительства? Как сделать, чтобы он чувствовал, что на своей полоске он делает не только свое личное дело, а принимает участие в общем строительстве социализма, ради которого стучит паровой молот на каком-нибудь Путиловском заводе?

Отвечая на этот вопрос в своих статьях о продналоге, Ленин указывал, что кооперация является важнейшим и самым мощным орудием для втягивания крестьянства в это социалистическое строительство.

Я прочту несколько слов из статей Владимира Ильича, для того, чтобы вам понять, почему Ильич писал свои последние статьи не о чем другом как о кооперации, почему наше правительство везде ставит своим лозунгом вопрос кооперирования деревни, почему государство дает кооперации громадные средства, иногда превышающие даже наши возможности, почему, наконец, вся советская общественность должна быть направлена на то, чтобы поддержать дело кооперирования и, в первую очередь, середняцких и бедняцких слоев деревни.

«Кооперативный капитализм, — писал Владимир Ильич, — похож на государственный в том отношении, что облегчает учет, контроль, надзор, договорные отношения между советским государством и капиталистом. Кооперация, как форма торговли, выгоднее и полезнее, чем частная торговля, не только по указанным причинам, но и потому, что она облегчает объединение в организацию миллионов населения, затем всего населения поголовно: это обстоятельство, в свою очередь, есть гигантский плюс с точки зрения дальнейшего перехода от государственного капитализма к социализму».*

* Ленин, том XVIII, часть 1-я, стр. 214.

А если вы вспомните последние статьи, то вы увидите, что ценил в кооперации больше всего Владимир Ильич, и что нам больше всего необходимо уяснить. Он говорил:

«Исключительное значение имеет кооперация (это — в последней напечатанной статье) со стороны перехода к новым порядкам, т.-е. к порядкам социалистическим, путем возможно более простым, легким и доступным для крестьянина. А ведь в этом опять-таки главное. Одно дело — фантазировать насчет всяких рабочих объединений для построения социализма, а другое дело — научиться практически строить этот социализм так, чтобы всякий мелкий крестьянин мог участвовать в этом построении». *

Вот если мы, несколько развязывая возможность для верхушки деревни использовать развитие крестьянского хозяйства в своих групповых классовых целях, одновременно будем, по словам Ильича, строить в деревне такие организации и так вести свою политику, чтобы каждый крестьянин-бедняк и середняк активно, реально,через кооперацию, через государственный кредит принимал участие в деле построения социализма, тогда никакие элементы новых капиталистических завязей нам не будут страшны.

Кооперация, поэтому, нам важна, прежде всего, как способ регулирования накопления. Да, мы говорим: нельзя поднять крестьянское хозяйство, не облегчив крестьянину возможности накопления.

Весь вопрос не в том, что крестьянство будет накоплять. Без этого невозможно улучшение положения деревни. Вопрос в том, куда пойдут эти накопления, пойдут ли они на колесо частного капитала, увеличивая его средства и его роль в общей экономике нашей страны, или же эти накопления крестьянства через кооперацию будут направлены в тот фонд, который находится в руках пролетариата и крестьянства, в руках Советской власти, и увеличат собою средства пролетарской революции.

Этот вопрос должен быть решен. Он решается мелкой будничной работой, «уменьем торговать», как говорил Владимир Ильич, уменьем хозяйствовать, уменьем быть культурным торгашом, уменьем вести кооперацию в деревне, уменьем привлекать в нее крестьян и крестьянские паи.

Союз рабочих и крестьян в борьбе за социализм.

Накопление, которое будет происходить в нашей стране, по мере оживления ее оборотов, при помощи кооперации, государственного кредита и всей государственной системы Советской власти, должно быть направлено не на колесо частного капитала,

* Ленин, том XVIII, ч. 2-я, стр. 140.

а на колесо государственного капитала, находящегося в руках пролетариата и крестьянства, в руках Советской власти.

Это — первая задача. И мы без кооперации выполнить ее не можем.

Перед нами 20 милл. разрозненных хозяйств. Как их учесть, как их проконтролировать, как их связать? Это — такой песок, в котором, на первый взгляд, может потонуть стальная крепость нашей пролетарской диктатуры. Как провести учет, контроль, надзор, регулирование этого мелкого хозяйства, как его связать с общим делом советского строительства? Только через кооперацию, т.-е. массовую, а в дальнейшем и поголовную, форму объединения мелких крестьян, которые в этой форме сами вольются в общее социалистическое строительство. Это облегчает нам учет, контроль и регулирование всего мелкого хозяйства.

Мы здесь на съезде сделали бы ошибку, если бы промолчали о том, что задача развития через кооперацию социалистических элементов нашего хозяйства, противопоставления новой кооперации буржуазным элементам, эта задача должна сопровождаться тем, что Ленин называл «культурной революцией крестьянства», т.-е. подъемом культурного уровня всего крестьянского населения. Она должна приучать крестьянство общественно вести свое дело не только в области политической, для чего необходимо оживление советов, но также и в области хозяйства. Для крестьянства так же, как профсоюзы для рабочего класса являются школой коммунизма, кооперативное объединение, при системе Советской власти, когда мы держим в руках средства производства, является школой социализма.

Вот какая культурная революция необходима. Порывая раз навсегда со старым дедовским укладом деревенской жизни и деревенского хозяйства, крестьяне воспользуются тем фактом, что все фабрики и заводы и самая власть находятся в руках рабочих, их союзников, и скорее введут хозяйственные улучшения в своей деревне. А если мы соединим культурную революцию с хозяйственным решением вопросов мелкого крестьянского хозяйства, мы получим такую силу, которая даст нам возможность действительно не бояться никаких буржуазных элементов. На них закрывать глаза не следует. Они есть и будут развиваться, но рядом с нашей национализированной промышленностью, рядом с кооперированным крестьянином-середняком и бедняком они не смогут играть никакой мало-мальски значительной роли ни в нашей политике, ни в нашей экономике. Нужно только не прибегать к самообману и применять в каждый данный момент борьбы то орудие, которое наиболее целесообразно и действительно.

Т. Ленин был совершенно прав, когда говорил, что Советская власть плюс электрификация есть социализм. Я думаю, что теперь, в связи с последними статьями Владимира Ильича, мы

можем расширить эту формулу, выявив элементы, которые входили в эту формулу, но не так ясно бросались нам в глаза раньше. Если расширить ее и выявить содержание этой формулы, то надо будет сказать так: в наших условиях Советская власть плюс электрификация, плюс кооперация есть социализм, т.-е. Советская власть, власть трудящихся, руководство пролетариата крестьянством плюс электрификация, т.-е. плюс крупная машинная индустрия, позволяющая регулировать хозяйство всей страны в целом, плюс кооперация, т.-е. поголовное объединение мелких крестьян-производителей,— и есть действительное осуществление социализма.

Это — та форма социализма, которую мы начали строить, которую мы строим, которую, несомненно, мы построим. Владимир Ильич говорил еще в 1921 году, что основная задача, это — «сомкнуться с крестьянской массой, с рядовым трудовым крестьянством, и начать двигаться вперед неизмеримо, бесконечно медленнее, чем мы мечтали, но зато так, что действительно будет двигаться вся масса с нами. Тогда ускорение этого движения в свое время наступит такое, о котором мы сейчас и мечтать не можем».

Я думаю, мы можем сказать: мы теперь присутствуем как раз при таком ускорении движения к социализму, о котором мечтал, которое предсказывал в этих словах Владимир Ильич. Оно началось с промышленности, оно дало нам рекордный год в смысле успехов в промышленности. Оно пройдет и через крестьянство.

И идея Владимира Ильича о том, что, сомкнувшись с крестьянами, мы получим ускоренное движение вперед к социализму, о котором не могли мечтать, осуществится полностью и целиком.

Эта идея, а также идея, которую Ильич выразил в таких словах: «Десять, двадцать лет правильных взаимоотношений с крестьянством,— и победа в мировом масштабе нам обеспечена», лежат в основе всех тех мероприятий, которые я имел честь вам представить, которые, я надеюсь, вы одобрите.

Эти два положения — о связи с крестьянством, о правильных взаимоотношениях с ним, о необходимости вовлечения крестьянства через кооперацию в дело советского социалистического хозяйственного строительства — будут направлять политику правительства и дальше.

Исходя из этих основных положений Владимира Ильича, мы укрепим рабочий класс, как руководителя Советской власти, как руководителя крестьянства, мы укрепим само крестьянство, поднимем его от стародедовских методов хозяйствования к новым, культурным, лучшим условиям существования, укрепим союз между рабочими и крестьянами и победим. (Аплодисменты.)

Заключительное слово.

Товарищи, я буду краток. Из выступлений товарищей, а также из полученных мною записок можно видеть, что в общем и основном у Съезда полное единодушие в отношении принятия тех мер, которые были мною предложены. Это тем более необходимо отметить, что такие меры представляют, как я уже говорил, известный политический акт. И поэтому, если крестьянство, которое здесь выступило, указывало, что в этих мерах, действительно, подмечены основные нужды крестьянского хозяйства данного момента, что все, чем болеет крестьянство в своей будничной тяжелой хозяйственной работе, находит в этих мероприятиях действительное и правильное разрешение,— то уже этот факт сам по себе является залогом того, что эти мероприятия останутся не только на бумаге, а действительно будут проведены в жизнь.

Если бы я попытался ответить на отдельные вопросы или на отдельные заявления, сделанные с трибуны, то я должен был бы обратиться в инструктора земельного отдела.

Этого я сделать, к сожалению, не могу, и, надеюсь, вы от меня не потребуете, чтобы я сейчас разобрал отдельные вопросы, возникающие на практике в связи с этими мероприятиями. Ответы на эти вопросы вы найдете и у народных комиссаров земледелия, и в местных земельных органах. Поэтому я воспользуюсь заключительным словом для того, чтобы отметить несколько крупнейших вопросов.

Первое, на что уже обращалось внимание в докладе т. Рыкова, это — те гигантские усилия, которые правительство должно было сделать в этом году ради и во имя борьбы с неурожаем. Нельзя забывать ни на минуту, что все те успехи, которые вы на этом Съезде констатировали и в области промышленности, и в области государственного бюджета, и в области сельского хозяйства, произошли несмотря на то, что мы имели довольно значительный неурожай, последствия которого не изжиты до сих пор, и мы должны были из наших скудных средств в этом году выделить более 70 милл. на борьбу с таким стихийным бедствием, как неурожай.

Наши успехи и поднятие сельского хозяйства в этом году были бы еще выше, если бы не это обстоятельство.

Товарищу из Тамбовской губ., который указывал здесь на тяжелое положение крестьян некоторых районов Тамбовской губернии в связи с неурожаем, я должен указать, что, как только поступили к правительству сведения о действительно тяжелом положении этих районов, туда были направлены, во-первых, яровые семена в размере 1 800 000 пуд. и озимые в размере

$^1/_2$ милл. пудов, а также бесплатное продовольствие для снабжения голодающего населения в размере 180 тысяч пудов; ныне же подготовлено к отправке еще 300 тысяч пудов.

Кроме того, Советом Народных Комиссаров образована специальная комиссия для исследования и помощи неурожайным районам черноземной полосы Тамбовской, Орловской, Курской, Тульской и Воронежской губерний. Пускай же товарищи-тамбовцы знают, что нам их беды известны и все, что можно будет сделать, мы сделаем и поддержим их до будущего урожая. (Аплодисменты.)

Я указал уже в своем докладе, что невыносимо такое положение, при котором в большой степени судьбы нашей страны, темп, быстрота развития нашего хозяйства зависят от таких стихийных явлений как погода, которая при слабом уровне нашего крестьянства оказывается способной повернуть в несколько недель все перспективы, всю будущность тех или иных районов.

Я сказал, что у нас есть средства борьбы с этим, что эти средства заключаются в применении научных методов обработки земли в тех районах, которые подвержены неурожаям. Борьба за предупреждение этих неурожаев есть борьба, опирающаяся на подъем крестьянского хозяйства в этих районах и на применение специальных методов обработки земли, специальных культур и т. д. Она является одной из составных частей — и немалой составной частью — общего плана поднятия крестьянского хозяйства.

Я уверен, что Советская власть, опираясь на самодеятельность самого крестьянского населения, доведет нашу страну до того, что мы не будем зависеть от того, есть дождик или нет дождика, и мы не позволим, чтобы судьбы крестьянского хозяйства, а следовательно судьбы промышленности направлялись не нами с вами, а оттуда — сверху. Это — первое.

Второе, на что я хотел бы обратить ваше внимание и на что, быть-может, было обращено недостаточно внимания в моем докладе, — это то, что наша страна велика как по размерам, так и по количеству различных национальностей, ее населяющих, так и по разнообразию бытовых условий, в которых живут различные группы населения, и было бы глубоко неправильно, если бы мы одни и те же методы хозяйства, одни и те же мероприятия применяли и в Московской губернии, и в Узбекистане, и в Киргизии, и в Закавказьи. Общая линия политики в нашей стране одна: практическая работа по поднятию крестьянского хозяйства. Но выбор тех мер, которые необходимо применить в данный момент, должен зависеть от учета состояния хозяйства, от бытовых условий, традиций населения, уровня его развития в различных частях, в различных составных элементах нашей великой страны.

И поэтому т. Ходжанов был прав, когда он здесь, как представитель одной из крупных составных частей нашего Союза, обращал внимание Съезда на специальные условия быта нескольких миллионов киргизских хозяйств. Ясное дело: там население скотоводческое, оно только переходит к земледелию и нуждается в другом подходе для осуществления той же самой политики, чем тот подход, который необходим крестьянству Воронежской и Тамбовской губерний, а в Узбекистане поднятие крестьянского хозяйства нуждается в других практических мероприятиях, чем в губерниях Гомельской или Минской. Мы должны иметь это в виду и не работать по шаблону.

Имея одну и ту же цель для трудящихся всех наций, имея одну и ту же политическую линию и понимая, что спасение как киргизского, так и белорусского крестьянина, как узбекистанского, так и архангельского крестьянина лежит на одном и том же пути, именно в союзе с пролетариатом и в отстаивании завоеваний Октябрьской революции, — необходимо во что бы то ни стало применяться к специальным условиям отдельных республик. Вот почему, между прочим, народные комиссариаты земледелия имеются во всех составных частях Союза, и вот почему народные комиссариаты земледелия связаны у нас с правительствами автономных республик, автономных областей и союзных республик, из которых состоит наша страна.

Мы здесь с вами, как представители объединенных трудящихся всех составных частей, вырабатываем общую политическую линию. Задача наша, как правильно указывали тт. Ходжанов и Максумов, — применить общую политическую линию к различным условиям, объяснить на родном языке крестьянам, что общая масса всего крестьянского Союза хочет поднимать, и как она поднимет сельское хозяйство. И я уверен, что те мероприятия, которые мы с вами здесь одобрили, окажутся, в общем и целом, подходящими не только для населения великорусских губерний, не только для Украины, хозяйство которой более или менее сходно с хозяйством центра, но и для хозяйств таких республик, как Узбекистан, Киррреспублика, Белоруссия и т. д.

Третий пункт, на котором я хотел бы остановиться, это — некоторые тенденции, которые сказывались здесь у некоторых товарищей, несмотря на наше общее согласие, особенно у одного товарища, который говорил в общем правильно и хорошо, но который закончил пожеланием о том, чтобы все леса были «подведены под одну фамилию». Прежде всего я должен сказать этому товарищу, что, ведь, эти леса под одной фамилией были очень еще недавно. Все леса у нас считались государственными лесами, но мы поняли, что при таком состоянии лесов «под одной фамилией» крестьянство не может получить того лесного материала, который ему необходим, и решили эту одну фамилию снять,

а выделить из общей массы лесов леса местного значения и передать их крестьянству.

Делали мы это плоховато, делали долго, не закончили, но сейчас мы предлагаем Съезду сказать, чтобы к 1 августа передача лесов местного значения была закончена.

Может-быть, мы ошибались, может-быть, мы недостаточно точно определили количество лесов местного пользования, — поэтому в резолюции сказано: «пересмотреть вопрос», и в тех местах, где нужды крестьянства в лесе не удовлетворены достаточно, увеличить число лесов, входящих в категорию лесов местного значения.

Все это, как и другие дела, мы делаем с ошибками, делаем не так быстро, как хотелось бы, но, делая большое дело, мы учимся.

Все это так, но когда некоторые товарищи, может-быть, и не отдавая себе в этом отчета, пытались делать такие выводы, что не сделать ли так, чтобы весь лес передать крестьянству, мы должны сказать: это — вещь недопустимая. Вы недостаточно размышляли над этим вопросом, ибо каждому понятно, что если мы передадим лесные массивы Вологодской губернии — вологжанам, леса Архангельской губернии — архангельцам, Вятской губернии — вятичам, то что сказали бы в южной части Курской, Воронежской губерний? Что будет с харьковичанами, с екатеринославцами, с донбассовцами, у которых леса не растут? Разве наше государство должно забывать о них? Разве мы строили государство не для того, чтобы правильно распределять общенародное достояние между всеми трудящимися, в какой бы губернии они ни жили?

Разве мы можем вести политику, при которой вся лесная площадь северных губерний была бы в руках северян, а южане сидели бы без леса? И разве товарищи, которые на этот путь-дорожку вступают, не понимают, что лес является одним из главных предметов нашего экспорта, наших сношений с за-границей?

Я спрошу: кто должен заниматься вывозом леса за границу: вологжане, вятичи, архангельцы или все крестьяне и весь рабочий класс в целом, организованный в рабочее государство? И каждый ответит, что государство должно маневрировать этим народным достоянием, этим лесом на иностранном рынке с тем, чтобы на вырученные деньги покупать улучшенные сельскохозяйственные машины, улучшенные семена, каких у нас нет, и ввозить их к нам. Это должны делать не отдельная губерния или область, а все рабоче-крестьянское государство в целом.

Вот почему, когда на Съезде Союза ССР, на республиканских, на губернских, на уездных съездах критикуют отдельные мероприятия Советской власти и поправляют ее ошибки, ибо

эти ошибки есть, — и смешно было бы, если бы у нас с вами, которые только 8 лет тому назад взяли государство в свои руки, ошибок не было, — они поступают правильно, но когда, отчасти по недостатку размышления, отчасти под влиянием неправильного представления о политике или о соотношении классов, делаются неправильные выводы, тут мы должны сказать: нет, товарищи, этот вывод неверен.

Может-быть лесов надо дать крестьянам больше? Давайте, рассмотрим деловым образом. Может-быть их надо дать скорее? Давайте, рассмотрим и этот вопрос. Но уничтожать государственный лесной фонд — это уже неправильная политика, и это мы должны разъяснить крестьянству и на этой политике настоять, так как Советская власть поставлена для того, чтобы блюсти первое рабоче-крестьянское государство и направлять всю его политику к делу построения социалистического хозяйства. (Аплодисменты.)

Следующий вопрос, на котором я тоже хотел бы немного остановиться, это — вопрос о землеустройстве. И нам, которые здесь воспринимают голос, идущий от земли, и вам всем, слушавшим выступавших здесь тварищей, теперь совершенно ясно, что вопрос землеустройства является действительно центральным вопросом нынешнего момента, вопросом устроения крестьянского хозяйства на земле. Об этом говорит огромное большинство полученных мною записок, об этом говорили почти все высказывавшиеся здесь ораторы. И резолюция наша поступает правильно, когда она после вопросов о налоге во главу угла ставит вопрос о землеустройстве.

Как же мы решаем этот вопрос в той резолюции, которую я вам предлагаю? Мы признаем, что землеустройство является основной предпосылкой правильного хозяйства на земле, что поэтому проведение землеустройства есть для крестьянства, для сельского хозяйства, а следовательно, и для всего нашего государственного и народного хозяйства, основная, ударная задача. Но так как мы не привыкли никого обманывать, то и говорим, что мы эту задачу не разрешим ни в год, ни в два, а ставим себе срок: для основных районов, для районов малоземельных, в которых вопрос землеустройства является действительно основным, землеустроительные работы на всем пространстве этих районов должны быть закончены в десять лет. Землеустройство отдельных селений и отдельных площадей должно продолжаться только один год, только один сезон. Если оно затягивается, это указывает на неправильное действие местных земельных отделов или землемеров, которых надо таскать туда, куда полагается таскать плохих работников.

Мы отдаем себе отчет, что само крестьянство своими собственными средствами громадных землеустроительных работ

поднять не сможет, и если богатая верхушка деревни может это сделать за свой счет, то сомнительно, сделает ли это за свой счет середняцкая часть деревни, и наверное можно сказать, что бедняцкая часть деревни на свои средства целиком этой работы проделать не может.

Прав был тот товарищ, который говорил, что на почве того, что богатеи нанимают землемера, а бедняки не могут его нанять, создаются недопустимые отношения, создаются, как говорил один крестьянин, попытки со стороны бедноты отдать свои земли этим крупным крестьянам, которые могут оплатить землемерные работы. Такое безобразие нетерпимо в Советском государстве. Поэтому мы признаем и пишем в резолюции, что часть землеустроительных работ, в особенности и в частности бедняцкой части деревни, должна быть принята на государственный счет, и на это дело в 1924/25 хозяйственном году, который кончается в октябре 1925 года, мы должны отпустить не менее 3 милл. рублей, и вдобавок к этому должны удешевить и расширить кредит крестьянству на специальную цель, именно на землеустроительные работы. Это решение, которое уже принято правительством и которое, несомненно, будет подтверждено Съездом, двинет вперед землеустроительные работы, и мы землю, которую дала крестьянству революция, приведем при помощи землеустроительных работ в порядок и дадим возможность крестьянину вести на этой земле рациональное, т.-е. правильно построенное на научных данных и основах хозяйство. Этим двинется вперед развитие всех производительных сил в деревне.

Я хотел бы указать на то, что, конечно, сила власти заключается не только в том, чтобы издать те или другие законы. Написать хороший закон, в общем, дело нетрудное, а осуществить этот закон, приспособить его к потребностям и к условиям не только той крестьянской массы, к которой этот закон обращен, но заставить его осуществиться через тот государственный аппарат, который у нас есть и который еще пока очень плох и наверху и внизу, — эта задача много и много труднее.

И поэтому я вполне признаю справедливость многочисленных жалоб, которые раздавались с этой трибуны на то, что закон исполняется плохо, что хороших исполнителей закона нет, что часто хороший закон попадает в руки такого аппарата, который портит его, и этот хороший закон поворачивается к крестьянству не лицом, а совсем другой частью тела. (Смех.)

Все это надо видеть, ибо мы — хозяева государства, мы его строим, и нет среди нас ни одного безумца, который сказал бы, что мы свое государство уже построили, что тот строй, который мы имеем сегодня, 18 мая 1925 года, и есть то, к чему мы стремимся.

Нет, это еще далеко не то, к чему мы стремимся. Это только — ступеньки, зародыши, первые камни, на которых еще

лежит пыль прошлого. Дальнейшую постройку нам часто приходится вести руками такого аппарата, который вовсе не хочет строить, который работает на рабочих и крестьян принужденно, который не учился работать с рабочими и крестьянами. Я беру тех, которые ближе всего к работе в деревне, но это также относится и к городским работникам, которых учили работать с помещиками, с крупными хозяевами, а не с однолошадным крестьянином, незаможником, бедняком.

Я совершенно уверен, что громаднейшая часть персонала, который остался нам в наследство от старого строя, — честные люди, которые, убедившись в стойкости Советской власти, в том, что Советская власть не есть выдумка нескольких людей, а подлинное выражение воли миллионных масс рабочих и крестьян, честно и искренно хотят работать, но не умеют работать, потому что их этому не учили. Они часто не умеют понять, чего мы с вами хотим, ибо мы с вами хотим под руководством рабочих строить социалистическое общество всей крестьянской массой, а об этом, когда они учились в царских школах, запрещено было говорить. Мы их должны переделать в то же самое время, когда сами строим. Это — трудная задача, и эту задачу мы сможем превзойти только тогда, когда наши мероприятия будут осуществляться не только чиновничьими руками, не только бюрократическим аппаратом, но самодеятельностью самих крестьянских масс, под их контролем, под их неослабным наблюдением, с постоянным учетом желаний этих масс.

Ради этого мы поставили лозунг оживления советов, ради этого Ленин говорил, что кооперация должна быть поставлена во главу угла, как школа социалистического строительства для миллионов раздробленных крестьянских хозяйств.

Крестьянину мелкому и раздробленному негде учиться социализму, новому хозяйству, продвижению вперед, борьбе с капиталом, кроме как в советской и в кооперативной организации. Если бы меры, которые мы здесь примем, мы сдали для осуществления на руки чиновничьему аппарату, чтобы тот их осуществил помимо крестьянина, — это было бы гибелью для дела. Но когда мы передаем это дело самому организованному крестьянству, его общественным и советским организациям, то тем самым мы передаем это дело в твердые руки, в рабочие руки, которые, может-быть, кое-где и ошибутся, кое-где сразу и не попадут в точку, но в общем и целом дело сделают и настоящую точку найдут.

Если при этом окажется, что эта точка очень не понравится кое-кому, например, буржуазии, богатеям, спекулянтам, ростовщикам, то мы скажем: ну, что ж, не взыщите,—ведь нас большинство, и мы не обязаны угождать эксплуататорскому меньшинству. Пускай оно нам послужит. (Аплодисменты.)

*

Вот, товарищи, что мне хотелось добавить к тем практическим мероприятиям, которые я вам предложил. Один товарищ из Тамбовской губернии сказал, что, слушая мой доклад, он думал: есть политики наверху, а он сам является политиком деревенским. Весь смысл нашего Съезда и нашего обсуждения вопроса заключается в том, что политики, которым поручено общее руководство жизнью страны и строительство социалистического государства, должны толковать и перетолковывать с политиками деревенскими. Иначе, если бы между нами, между политиками-рабочими и теми товарищами, которые осуществляют политику в деревне, было бы непонимание, или мы друг с другом не сговорились бы, тогда наше дело не шло бы на лад.

Сила наша заключается в том, что у нас родились и выросли политики-рабочие, политики-крестьяне, и что все эти политики, работающие каждый в своем углу, на своих съездах, имеют возможность обменяться мнениями, установить общую политику, — которая есть политика строительства социализма всей широкой крестьянской массой под руководством пролетариата, — для осуществления социализма. (Продолжительные аплодисменты.)

Напечатан отдельной брошюрой
«Советская власть и крестьянство»
в мае 1925 года.

МЕЖДУНАРОДНОЕ И ВНУТРЕННЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ.*

Внешняя политика.

Товарищи, центр тяжести, определяющий сейчас задачи рабочего класса и его авангарда, металлистов, заключается в нашем внутреннем положении. Я, поэтому, лишь в самых кратких чертах остановлюсь на внешнем положении нашего Союза, чтобы затем перейти к вопросам, которые определяют внутреннюю политику рабочего класса в нашем Союзе.

За последние недели во внешнем положении нашего Союза мы не можем отметить ничего особенно нового или сенсационного. Общий процесс развития, который подвергся специальному рассмотрению на последнем расширенном пленуме Коммунистического Интернационала, заключается в некоторой частичной стабилизации капиталистического режима [6]) в европейских странах и в Америке. Несомненно, — и нам надо глядеть на это открытыми глазами,— капитализм за последнее время в передовых странах Европы и в Америке несколько укрепил свое положение.

С другой стороны, мы не напрасно говорим, что это укрепление лишь частичное и что это укрепление лишь временное. Не потому указываем мы на это, что нам хотелось бы, чтобы это укрепление как можно скорее кончилось, а потому, что это соответствует действительности.

Если мы взглянем на общее положение капитализма, то мы должны будем сказать: с тем революционным кризисом или, вернее, с той первой революционной волной, которая явилась результатом империалистической войны, капитализм на время справился. Это не значит, что история пошла такими путями, которые рабочий класс не предполагал.

Тов. Ленин всегда предупреждал о том, — следуя, впрочем, в этом по стопам Маркса, — что победа рабочего класса не может быть решена в одной схватке, в одной битве. Он больше

* Доклад на Московской губернской конференции металлистов 23 мая 1925 г.

всего разоблачал меньшевиков, оппортунистов, реформистов, II Интернационал за то, что они не давали рабочему классу подлинной картины того, как он будет итти к власти, смазывали эту картину и смазывали то основное обстоятельство, что победа рабочего класса может быть куплена только в ряде битв, что приход его к власти требует предварительно ряда сражений, в которых рабочий класс не только будет наступать на своего врага, но в которых и врагам нашим удастся иногда переходить из отступления, перед растущей силой рабочего класса, в наступление.

Тот, кто думает, что пролетарская революция легкая вещь, тот, кто полагает, что в одной битве европейский капитализм может быть свергнут, тот, кто не понимает слов Маркса, повторенных затем Лениным, о том, что идет целый период, целая эпоха гражданских войн и революций и что в этой эпохе, кроме дней торжественных наступлений, кроме дней атак рабочего класса, будут дни, когда класс капиталистов, собравши все свои силы, будет делать судорожные усилия, чтобы отбросить наступающий рабочий класс, и что иногда, на время, это будет ему удаваться,— тот подлинной механики пролетарской революции не знает, тот ее затушевывает, тот представляет рабочему классу то дело, которое перед ним стоит, в более розовых красках, чем на самом деле оно есть.

Нам, которые произвели пролетарскую революцию против царизма и против русской буржуазии, самой отсталой, наименее организованной, наименее политически опытной, не надо ошибаться насчет того, что борьба европейских пролетариев со своим капитализмом будет протекать несколько в других формах, ибо английские, германские, французские рабочие будут иметь перед собой не нашу расхлябанную, неорганизованную, политически неопытную буржуазию, а будут иметь перед собой буржуазию, которая господствовала столетия, которая выковала свою внутреннюю дисциплину и которая, напуганная опытом русской революции и наученная этим опытом, будет гораздо более подготовлена к битвам с рабочим классом, чем русская буржуазия эпохи Керенского.

В этом смысле мы должны сказать, что мы вступили в такую эпоху, когда силы капитализма несколько возросли, у него, так сказать, прибыло крови и он несколько вольготнее расположился на позициях послевоенной Европы и Америки, чем это было года два тому назад.

Но если мы хотим этой правде, как бы она горька ни была, смотреть прямо в глаза, мы не должны обманывать себя и насчет того, что этот прилив сил к капиталу, эта возможность для капитала открыть наступление на рабочий класс, есть только временное явление, вызванное особыми условиями, явление такое, которое само изнутри разбивается.

Наконец, последнее, что надо учесть для того, чтобы отдать себе отчет в создавшемся положении, это то, что капитализм обязан этой временной передышкой больше всего и прежде всего не своей собственной работе, не своим собственным вождям, а роли II Интернационала, т.-е. той позиции вождей, или так называемых «вождей рабочего класса», которые отсрочивают своей политикой гибель буржуазии.

Прежде всего, конечно, ни одна проблема, которая была поставлена перед войной, которая вставала перед человечеством во время войны 1914 г., ни одна из этих проблем и задач не разрешена ни войной, ни миром.

Чего добился капитализм войной? Он пустил кровь рабочему классу, он ослабил непосредственное наступление рабочего класса на твердыню капитализма, но только на время. Ни один вопрос рабочего движения, которое он хотел потопить в крови империалистской войны, он не разрешил — ни вопрос безработицы, ни вопрос кризиса, ни вопрос дороговизны, ни то общее положение рабочего класса, которое толкает его на революционный путь, не только не разрешены войной и миром, но, наоборот, в десятки раз обострены.

Мало того, не только эти основные вопросы не разрешены и не могут быть разрешены капитализмом, но и тот вопрос, который как будто войной надо было разрешить и который как будто войной господа капиталисты действительно надеялись разрешить,—вопрос национальных отношений, национальной безопасности, вопрос устойчивости государств — не только не разрешен войной и послевоенным периодом, но, наоборот, еще гораздо более заострен.

Война раздробила в Европе целый ряд государств, создала вместо старых крупных объединений целый ряд мелких государств и по внешности как будто привела к освобождению отдельных национальностей, которые раньше находились под гнетом более крупных наций. Например: к освобождению Чехии из-под ига австрийской монархии, к освобождению поляков из-под ига российской монархии, к освобождению венгров и т. д.

Но на самом деле, раздробив старые государства, война и Версальский мир не разрешили ни национальный, ни государственный вопросы, а наоборот, превратили Европу в пороховой погреб, в котором ни один вопрос не разрешен и в котором каждое государство готово завтра же вступить в кровавую драку со своим соседом.

Вот два основных мотива, которые заставляют нас сказать: не будем закрывать глаза на то, что некоторая устойчивость у капитализма появилась, что капитал переходит в наступление, что при первой волне революции, которая хлынула в 1919—1921 годах, капиталу удалось ускользнуть от окончательного расчета, но

вместе с тем мы отдаем себе точный отчет, что все это здание будто бы устойчивого капитализма зиждется на песке, что его взрывают и внутренние классовые противоречия, и невозможность для рабочего класса примириться с этим положением, и государственные национальные интересы отдельных государств, которые готовят этому капиталистическому миру новые и новые войны.

Когда до империалистской войны мы, коммунисты, говорили: капитализм неизбежно ведет к войне, над нами очень многие смеялись, говорили, что это не неизбежно, что есть такие средства, рецепты и слова, методы, действия, парламенты и все прочее, которые должны помочь и при помощи которых от войны можно будет уйти. Мы оказались правы и мы, несомненно, окажемся правы и теперь, когда говорим европейскому человечеству: вы идете по такой дороге, или, вернее, капитализм ведет вас по такой дороге, которая неизбежно, так же неизбежно, как утром восходит солнце, а вечером — заходит, приведет к новой войне, потому что война есть рок капитализма, обреченная его судьба и предотвратить это — есть только одна возможность: взять рабочим массам власть в свои собственные руки.

Господа капиталисты, конечно, испытав то революционное потрясение, которое принесла первая империалистская война,— а она принесла социалистическую революцию в России, революцию против императора Вильгельма в Германии, революцию против императора, как его там звали,— Карла, кажется, в Австрии,— сразу целый ряд революционных потрясений, которые очень мало улыбаются господам капиталистам,— они сделались более осторожными и эта осторожность в их политике сказывается. Повторить через 5—6—10 лет снова империалистскую войну — перед этим остановятся даже и очень смелые политики буржуазного лагеря. Но вместе с тем они не могут избежать этой своей судьбы. Нет таких способов примирить капиталистические интересы различных буржуазных клик, различных буржуазных режимов, которые бы дали возможность избавиться человечеству от войны, до тех пор, пока остается капиталистическая собственность, до тех пор, пока остается капиталистический режим главнейших промышленных стран.

Если вы теперь взглянете на последние события политической жизни Европы, то вы увидите на этом фоне следующую, чрезвычайно любопытную картину. Еще с год тому назад, так сказать, мы видели в Германии во главе правительства социал-демократа Эберта, в Англии — правительство так назыв. рабочей партии во главе с Макдональдом, во Франции — правительство Эррио, которое целиком опиралось на социалистическую французскую партию, т.-е. тоже на представителей II Интернационала.

Иначе говоря, если смотреть правде в глаза, у нас был период, около года тому назад, когда правительство, власть, в главнейших, определяющих капиталистических странах Европы — Германии, Англии, Франции, фактически находилась в руках II Интернационала.

Теперь же мы видим вместо соц.-дем. Эберта во главе Германии монархиста фельдмаршала, ставленника Вильгельма II, Гинденбурга; во главе английского правительства — не правительство рабочей партии, а правительство самых яростных консерваторов [7]) из капиталистов и английских помещиков во главе с владельцем громадных заводов Болдуином, и, наконец, во Франции вместо правительства Эррио, которое опиралось целиком на социалистов, вы видите правительство, в котором фактически руководящая роль принадлежит Бриану, яростному, заклятому врагу рабочего класса, который, со своей стороны, служит только ступенькой для нового прихода Пуанкаре.

Вот картина, которая показывает, как быстро изменяются отношения в Европе, как быстро меняется декорация.

Где та хваленая «пацифистски-демократическая эра», [8]) утка, на которую попались довольно широкие массы рабочих, когда им II Интернационал говорил: вот теперь придут к власти господа Макдональды, Эберты, господа социал-демократы, социалисты; они мирненько, без боев, без насилий, без драки, не по-большевистски, приведут рабочий класс к власти, улучшат его положение, устранят все острые вопросы и развернут перед рабочим классом и вообще перед трудящимися широкую дорогу, медленную, постепенную, без ЧК, без ГПУ, без насилий, без диктатуры, без гражданской войны, к социализму? Где этот путь?

Его нет, его уже завалили господа политические реакционеры, которые, когда рабочая волна бушевала, когда не только рабочий класс, но даже мелкая буржуазия видели, что господин Пуанкаре явно ведет Европу к новой войне, зашевелились и сбросили этого Пуанкаре и захотели спокойствия и мира,—тогда буржуазия двинула вперед свою левую руку и посадила, для обмана рабочих, Эберта, Макдональда, Эррио и т. д. Когда же эта волна прошла, когда эти господа свою роль выполнили, тогда появились настоящие представители буржуазии, тогда появились Гинденбург, Чемберлен, Бриан и т. д.

Буржуазия сейчас правит, меняя свои методы. Она правила через Макдональда, Эберта, когда нужно было успокоить рабочий класс, когда нужно было обманывать его, когда нужно было рисовать картинки блестящего будущего, без революции и потрясений. А когда эта задача выполнена, она, как игрушки, снимает этих господ из II Интернационала и ставит вместо них настоящих, подлинных представителей империализма, милитаризма и капитализма в роде Гинденбурга.

Что же из этого следует, каких последствий мы можем с вами ожидать, что́ получает рабочий класс от этой смены декораций? Только укрепление революционного положения.

Совершенно ясно, что английские рабочие, или рабочие германские, или рабочие французские, которые на протяжении одного года переживают такую перемену декораций, такую игру, когда вся механика классового господства буржуазии становится совершенно ясной для самого отсталого, для самого темного рабочего, когда он видит, как буржуазия распоряжается и генералиссимусами в роде Гинденбурга, и социалистами, в роде Эберта, Шейдемана и т. д., и двигает их, как паяцов, чтобы утвердить тот или иной метод господства,— тогда они начинают сознавать, что до тех пор, пока рабочий класс не возьмет власть в свои руки, покуда он всего государственного аппарата, при помощи которого буржуазия откалывает эти свои штучки, не сломает, до тех пор он не получит возможности действительно улучшить свое положение.

Это сознание растет и, несмотря на это, мы не можем ожидать в ближайшие недели или ближайшие месяцы того выступления рабочего класса, которое обозначает непосредственную революционную ситуацию, непосредственный прибой революционной волны.

Мы видим, как большевизация не только коммунистических партий, но всего сознания рабочих, революционизирование рабочих мозгов идет гигантскими шагами и, конечно, этот процесс, процесс понимания рабочим классом подлинных его задач, процесс понимания того, что коммунисты правы, когда говорят: не обращайте внимания на этих мелких мошенников в роде Макдональда и Эберта, которых буржуазия выдвигает в тот или другой момент. Глядите в корень, и вы должны увидеть две диктатуры: или диктатуру буржуазии, или диктатуру пролетариата, это основная коммунистическая истина, это основная истина всякого честного социалиста, да и всякого честного человека—политика, который захочет сказать правду,— эта мысль все глубже и глубже проникает не только в коммунистическую партию, но именно в самые широкие, самые отсталые массы пролетариата, те массы, которые больше всего были обмануты, которых буржуазия больше всего подкупает подачками, которых буржуазия привязывает к себе тем, что, грабя колониальные народы, грабя миллионы населения Индии, Китая, Африки и т. д., она подкармливает наиболее квалифицированных рабочих и этим удерживает их в спокойствии, деля с ними или пытаясь делить с ними те прибыли, которые получаются от грабежа колониальных стран. На этом основана вся политика крупнейшей капиталистической державы в Европе—Англии, на этом основан подкуп вождей II Интернационала целиком, ибо их объединяет с бур-

жуазией то, что она готова с ними поделиться частью, очень небольшой долей своих прибылей, которые она получает на основании капиталистической эксплуатации всего земного шара.

Но и для этой попытки империалистов сплотить вокруг себя рабочую верхушку, рабочую аристократию путем продолжающейся эксплуатации колониальных народов тоже наступает конец. Мы живем в эпоху, когда рост революционного движения на Востоке, т.-е. восстание колониальных стран против капиталистической эксплуатации других народов, все более и более разворачивается, и там процесс гражданской войны, освобождения Китая, Турции, Афганистана от засилия иностранного капитала принимает очень сложные и острые формы.

Вы не думайте, что действительно борьба Китая, скажем, против иностранного капитала может легко развернуться. Там 400 миллионов населения, равно как и в Индии, и подъем этих громадных глыб человечества, выступление которых на историческую арену решит наш спор с капиталом раз навсегда, не может развернуться в один месяц, в один год, может-быть, даже в одно десятилетие.

Но чем больше оттягивается самый момент этого решительного выступления, тем глубже этот процесс проникает в самые широкие массы. И европейский капитализм великолепно понимает, что все его господство зиждется, с одной стороны, на поддержке II Интернационала, на обманывании верхушек рабочего класса, и что капитализм может держаться до тех пор, пока этот II Интернационал поставляет ему обманутые черепа рабочего класса, а с другой стороны — на темноте, отсталости, отсутствии революционного движения именно восточных стран. Вот на этих двух условиях держится то, что мы называем временной и частичной стабилизацией капитализма.

Вы видите, что мы правы, когда говорим, что эта стабилизация временная и частичная. Мы не знаем сроков, не знаем срока этих двух обстоятельств, когда рабочий класс, с одной стороны, и движение колониальных народов, с другой стороны, взорвут здание капитализма, развяжут возможности прямому революционному наступлению. Мы знаем только одно, что мы уже вступили на этот путь прямого, непосредственного революционного действия, что буржуазия сама обучает рабочий класс своей диктатурой, своими кровавыми расправами, своим прямым наступлением, урезыванием зарплаты и увеличением рабочего дня, усилением эксплуатации, — усиливает обучение самых широких масс рабочего класса, и что момент, когда движение революционных рабочих самой Европы и движение колониальных народов на Востоке сольются в один мощный поток, хотя не может быть определен с астрономической точностью, но несомненно находится недалеко от своего начала.

Вот почему и Коммунистический Интернационал, и мы в нашей практической политике, как государство, считаясь с временным укреплением капиталистических держав, в то же время должны считаться с временностью этого положения.

Как нам, как государству, как первому и единственному рабочему государству, вести свою политику при этих условиях?

Я думаю, что всякий сознательный рабочий скажет: наша задача заключается, при этих условиях, в том, чтобы как можно дольше отсидеться в той крепости, которую мы создали в нашем Союзе, от возможности быть втянутыми в какую-либо военную склоку с этим капиталистическим миром. И политика наша заключается в том, чтобы, не поддаваясь ни на какую провокацию, отлично сознавая, что все эти капиталистические державы, если могут быть на чем-нибудь объединены, так только на том, чтобы задушить нас,—отлично сознавая это и не поддаваясь ни на какую провокацию, сохранять для себя мирное положение как можно дольше, для того, чтобы наше положение, нашу крепость укреплять и для того, чтобы иметь возможность выждать того момента, когда наше движение могло бы быть сочетаемо, увязано с движением европейского пролетариата и с революционным движением колониальных народов.

Вот подлинная основа нашей мирной политики. Вот почему, когда мы говорим на официальных съездах, пишем в своих нотах и т. д., что наша политика есть политика мирная, это не есть облыжное слово, это не выдумка, это не для обмана говорится, а это есть подлинный наш интерес.

Вопрос заключается в том, дадут ли нам возможность выдержать эту мирную политику? Мы знаем, как я уже сказал, что Европа, это — пороховой погреб. Ведь еще несколько недель тому назад, после взрыва Софийского собора в Болгарии, [9]) мы были накануне того, что Юго-Славия и Болгария вцепятся друг в друга. В этот момент военного вооруженного столкновения между Сербией и Болгарией не произошло потому, что этого не захотела Антанта, [10]) не произошло потому, что Болгария надеялась на помощь Румынии, а Румыния не захотела ввязываться в войну, потому что она знает, что сзади у нее висит украденный мешок, в котором лежит Бессарабия, и если она двинется на помощь Болгарии, — боится, как бы кто-нибудь у нее этого украденного не потребовал обратно. Таким образом, все обстоятельства сложились так, что уже почти подготовленное столкновение между Сербией и Болгарией не разразилось. Оно отложено.

Но если взрыв Софийского собора мог уже привести почти к столкновению на Балканах, откуда, как мы знаем, за последние десятилетия начинались все войны и откуда, возможно, может начаться новая империалистическая война, потому что Балканы —

это пороховой погреб, так запутавший капиталистические отношения и представляющий такой коридор, который ведет на Восток, где сталкиваются интересы крупнейших капиталистических держав, то оттуда легко может эта искра вспыхнуть. Если Антанте, крупнейшим капиталистам, руководящим политикой буржуазного класса, удалось в данный момент оттянуть это столкновение на Балканах, то это не значит, что удастся оттянуть это столкновение через месяц — два — три.

С другой стороны, появление в Германии, в качестве председателя или президента, Гинденбурга, т.-е. почти Вильгельма II,— ведь этот Гинденбург, раньше чем баллотироваться, избираться на пост президента германской республики, спрашивал у своего монарха, своего царя разрешения быть этим самым президентом, так что мы имеем в лице Гинденбурга просто маску, под которой выступает Вильгельм II, — появление во главе Германии вот такой фигуры, конечно, определенно обостряет все отношения.

Ведь нам же говорили, уши прожужжали, мы уже перестали этому верить, но ведь в Германии, Франции есть люди, мелкая буржуазия, которые верят, что война велась для разгрома германского милитаризма, что война велась, чтобы ниспровергнуть германскую монархию, чтобы ниспровергнуть Вильгельма II. Но вот Германия разбита, уничтожена, искалечена. Проходит после мира 7 лет, и на сцену, в качестве главы этого государства, появляется самое полное воплощение германского империализма, германского милитаризма, германской военщины, германского монархизма, личный друг, личный ставленник Вильгельма II, Гинденбург. Это есть громаднейшее обострение международных отношений в Европе.

Как отнесется к этому Франция? Как отнесутся к этому французские капиталисты?

Часть их, вероятно, попытается сговариваться, но зато другая часть их несомненно увидит в этом появлении Гинденбурга наступление со стороны Германии, увидит, что Германия не сдается на милость победителя — и захочет еще раз поставить Германию на колени вооруженной рукой. Во всяком случае, обострение международных отношений с появлением Гинденбурга во главе германского правительства — вещь совершенно несомненная.

При этих условиях, я и говорю, когда на Балканах готова взорваться каждую минуту пороховая бочка, когда в центре Европы появление Гинденбурга обостряет отношения, которые до сих пор они не могли решить, — нам надоело читать про разные конференции, план Дауэса [11]) и т. д., которые изо дня в день, в течение 7-ми лет, пытаются ликвидировать последствия войны, — которые они не могут ликвидировать и топчатся на одном месте, создавая, однако, новые и новые причины для столкновения,— вот при этих условиях удержать наш Союз от того, чтобы он оказался вну-

танным в эту внутреннюю драку, удержаться на таком положении, когда эти господа не решились бы отыграться на наших спинах, это и есть главная задача, которую мы сейчас преследуем.

Мы знаем, мы читали в газетах тоже, что разговоры о блокаде, об окружении Советской власти, о том, нельзя ли помириться господам французским, немецким и английским капиталистам за наш с вами счет, остаются постоянной мечтой всех капиталистических режимов, всех капиталистических групп. Если они не решаются от слов перейти к делу, если они покуда ограничиваются конференциями в Риге, совещаниями в Варшаве, обследованием наших границ, подготовкой вооруженных сил, то только потому, что они, во-первых, однажды получили недурной урок, и этот урок помнят, а, во-вторых, потому, что они, конечно, прекрасно понимают, что в тот момент, когда они решились бы не только с подложными письмами, не только с клеветами, сплетнями и агитацией двинуться против нашего Союза, а двинуться с оружием в руках, то рабочий класс целиком, от первого до последнего человека, — несмотря ни на какие вторые интернационалы, — и в своей коммунистической и не коммунистической части, целиком восстал бы против всякой авантюры, направленной против Союза. Господа капиталисты, как реальные политики, это учитывают. Они понимают, что II Интернационала, как орудия буржуазного влияния, хватает на то, чтобы удерживать те или иные части пролетариата от революционного наступления на буржуазию, но II Интернационала уже ни за что не хватит, чтобы удержать восстание пролетариата, если бы господа капиталисты направили оружие своих армий против Советского Союза. Вот в этом и является главная гарантия того, что мы можем с вами продолжать мирную политику.

Мы получили признание со стороны всех государств, кроме Америки. Это важная вещь, это обозначает, что господа капиталисты должны были признать законность того, что рабочие и крестьяне Союза сами могут составить свое правительство, как они хотят. Это вместе с тем обозначает фактический отказ от мысли, что можно русского рабочего и крестьянина поставить на колени и заставить жить не по-своему, а жить так, как хотят господа капиталисты.

Но это отнюдь не значит, что между нами и ими установились дружелюбные отношения. Это отнюдь не значит, что они нас перестали ненавидеть, это отнюдь не значит, что они перестали нас бояться, это отнюдь не значит, что они готовы хотя бы капельку своих богатств дать русским рабочим и крестьянам, для того, чтобы им помочь восстанавливать свое хозяйство. Признать они нас признали, но борьба между нами и капиталистическими державами в иной форме продолжается, продолжается по линии хозяйственных вопросов.

Если в 20/21 году вопрос шел о том, кто кого на полях сражения победит, кто кого прогонит по ту или другую сторону границы, при помощи танков и пулеметов, то теперь борьба, не менее ожесточенная, идет по такой линии: ну-ка, вы, русские рабочие и крестьяне, сможете вы без капиталистов, без всякой иностранной помощи, иностранного займа, установить свое хозяйство?

Господа капиталисты хотят пробовать нам этот зуб. Они пробовали нам зуб при помощи пулеметов и на этом сорвались, теперь они ставят ставку на это. Поэтому я и сказал, что центральный вопрос, который мы должны перед собой поставить, это — вопрос о нашей внутренней политике в области хозяйства.

Я думаю, что, благодаря настроению рабочего класса в Европе, мы гарантированы на известное время от какого-либо военного нападения на нас. Я думаю, что вы одобрите политику Советского правительства, которая пытается обеспечить нас от всякого вмешательства во внутренние споры капиталистических держав и от всякой попытки втянуть нас в какую-нибудь военную авантюру. И имея перед собой вот эту возможность, будучи при помощи Красной армии обеспечены от того, чтобы к нам протянулась чужая рука, мы должны поставить перед собой вопрос о том, сможем ли мы хозяйственно, не рассчитывая ни на какую помощь даже признавших нас капиталистических держав, выдержать то испытание, перед которым мы стоим. Вот почему после этого краткого обзора я перехожу к вопросам внутренней политики рабочего класса у нас в стране.

Внутренняя политика.

Я должен сказать, что очень рад иметь возможность эту внутреннюю политику разъяснить перед вами, перед подлинными пролетариями, перед металлистами, перед авангардом пролетариата, ибо в последнее время все больше приходилось выступать перед крестьянством, ему объяснять новейший поворот нашей политики, лозунг «лицом к крестьянству» и т. д. Я рад тому, что я имею возможность объясниться по поводу этого поворота к крестьянству, лозунга «лицом к крестьянству», нового крестьянского законодательства, именно с рабочим классом и спросить себя вместе с вами: правильна ли эта политика и чем она вызывается; нет ли вот в этой политике, в которой посвящено много места крестьянству, какого-нибудь уклона от подлинной пролетарской линии в сторону какой-нибудь крестьянской линии; выдерживает ли Советская власть и Коммунистическая партия, — будем уж прямо говорить, — подлинную пролетарскую линию в тех новых мероприятиях, в той своей конкретной политике, которую она сейчас ведет и которая лицом обращена к крестьянству?

Не есть ли этот лозунг «лицом к крестьянству» в то же время некоторый отворот от рабочего класса? Можно ли так вести политику, чтобы одновременно быть и «лицом к крестьянству», и лицом к рабочему классу? Вот это основные вопросы, которые, на мой взгляд, должны интересовать всех сознательных пролетариев, на которых я остановлюсь и кратко попытаюсь вам ответить.

Центр тяжести нашей политики, действительно, состоит в том, чтобы найти правильные отношения между рабочим классом и крестьянством. Это было центром политики все время с момента завоевания рабочим классом власти и на долгие еще годы этот вопрос о том, как рабочий класс и крестьянство должны взаимно расположиться и построить свои отношения, будет являться основным вопросом нашей политики.

Вы знаете, что формы, в которых происходило сотрудничество рабочего класса и крестьянства, руководство рабочим классом крестьянства, менялись, и они будут меняться и в дальнейшем.

Одно дело, когда под руководством рабочего класса крестьянская масса брала земли; это была одна форма союза рабочих и крестьян; другое дело, когда эти, уже взятые, земли надо было отстаивать от белогвардейцев, это была другая форма союза.

Третья форма союза была тогда, когда рабочий класс в 21 году перешел от продразверстки к налогу, дал крестьянину свободу торговли хлебом, двинул вперед новую экономическую политику. Все политическое умение и Советской власти и Коммунистической партии, т.-е. авангарда рабочего класса, должно заключаться в том, чтобы следить внимательно за отношением рабочего класса к крестьянству и во-время делать те повороты, которые необходимы, но в то же время ни на минуту не забывать пролетарской точки зрения.

И вот, я спрашиваю себя вместе с вами, в чем заключается в данный момент подлинно пролетарская точка зрения? Конечно, в том, чтобы развивать нашу промышленность, укреплять наши заводы, собирать вокруг этих заводов новые и новые массы пролетариата, поднимать благосостояние этих пролетарских масс и поднимать роль пролетариата в общем управлении и в общем хозяйстве нашей страны. Вот наша задача.

На что же мы тут натыкаемся? Мы здесь имеем большой успех. Вы услышите об этом в следующем докладе Главметалла и докладе о ходе развития нашей промышленности, вообще.

Вы знаете, что мы пережили этот последний год как рекордный год в развитии нашей промышленности. За этот год достигнуты такие успехи в разворачивании ее, которые мы и не думали получить так быстро, как это было в последние двенадцать месяцев. И мы здесь имеем не скачкообразный ход, а систематиче-

ское разворачивание промышленности, увеличение количества пролетариата, улучшение его положения.

Это обозначает, что мы вступили на такой путь, который нас будет вести к все большему и большему разворачиванию промышленности. Ведь мы уже перестали думать с вами о тех кризисах, по поводу которых, вероятно, на некоторых заводах до сих пор еще можно прочитать всякие воззвания — топливный кризис, продовольственный кризис, транспортный кризис,— все это уже прошло. Мы подходим к довоенному уровню и то, что нам 2 — 3 года тому назад представлялось каким-то сказочным идеалом: когда-то мы дойдем до довоенного уровня,— теперь эту вещь мы скоро сможем рукой схватить.

Скоро мы начнем говорить не о том, чтобы дойти до довоенного уровня, а чтобы за этот довоенный уровень перешагнуть, и мерить мы будем не процентами от довоенного уровня, как мерили еще в этом году, а процентами превышения над довоенным уровнем. Это убеждение опирается на то, что мы, как я говорил, за последний год сделали громадные шаги вперед в деле разворачивания нашей промышленности, в частности, в деле разворачивания металлургии. Я не буду приводить цифр,— цифры вы услышите в других докладах,— мы все согласимся с вами, что это так.

Какие же могут оказаться препятствия к дальнейшему разворачиванию хозяйства? Я думаю, что каждому из вас ясно, что препятствий может быть только два.

Первое препятствие может заключаться в том, если наша разворачивающаяся промышленность не найдет для своих продуктов рынка, если наша промышленность, разворачиваясь, усиливаясь, выбрасывая все больше и больше продукции, собирая все большее и большее количество рабочих, упрется в стенку голодного потребления, упрется в стенку того, что те, для которых это производится, скажут: этого мы приобрести не можем, у нас не хватает на это средств.

Это — один предел, самый страшный предел, потому что, если мы из того положения, в котором пролетариат находился в 20 — 21 году, когда никто иной, как Владимир Ильич говорил: да где же этот пролетариат, ведь он деклассирован, он разбит, деморализован голодом и холодом, разбросан по деревням, фабрики и заводы стоят, — если мы из этого положения за несколько лет, собственно говоря, только за 1 — $1^1/_2$ года, поднялись до уровня настоящего; — если мы теперь в своих программах пишем не только пуск в ход старых заводов, но, как совершенно реальную вещь, над которой работаем, которую сделаем,— постройку новых заводов, — если это так, то вдруг бы эта разворачивающаяся пружина промышленности натолкнулась на отсутствие рынка, на отсутствие платежеспособного спроса на свои изделия, т.-е., попросту говоря, так как мы с вами еще

иностранных рынков для наших продуктов не завоевали и даже не собираемся производить на заграничные рынки машины и проч., то это было бы величайшим крахом для пролетариата, как для его материального положения, для состояния его заработной платы и для социалистического строительства, так и для роли пролетариата, как руководителя всей страны.

Если бы мы в своем развитии натолкнулись на голодную и нищающую деревню, неспособную поглотить продуктов разворачивающейся промышленности,— вот одно препятствие, в котором всякий сознательный пролетарий, думающий не только о сегодняшнем дне, а думающий о своем положении, как классового руководителя, должен отдать себе отчет и должен искать уже сейчас выхода.

Другое препятствие, которое могло бы быть, это — если бы мы не нашли в стране капитала на восстановление нашей промышленности. Вы прекрасно знаете,— если взять вашу отрасль промышленности,— что металлургия больше всего работает на восстановление основного капитала, машин, основного оборудования заводов и т. д. Где у нас капитал на это?

Капитала извне на это у нас нет. Капиталы на это дело должны быть найдены внутри страны, и мы спрашиваем себя: что же, можем ли мы найти эти необходимые капиталы при нищающей деревне, при падающем сельском хозяйстве, при том, что ценность продукции крестьянина будет падать, а не подниматься?

И вот, отсюда-то, из этой чисто пролетарской точки зрения, и подходим мы к вопросу о том: почему вопрос о крестьянстве, о развитии деревни, о поднятии производительных сил села стал в центре внимания? Потому, что мы добились уже в области промышленности и в области пролетарского движения таких результатов, которые заставляют нас опять обратиться к крестьянину и посмотреть, а как там обстоит дело?

В 21 году, когда мы переходили к новой экономической политике, Владимир Ильич говорил: начать нужно с крестьянина, — говорил не потому, что он любил крестьянина больше рабочего, а он понимал, что ежели мы не дадим крестьянину возможности освободиться от продразверстки и начать свободно хозяйничать за счет своих излишков, то в таком случае промышленность не двинется вперед ни на иоту. И что, оказался он прав или нет? Конечно, прав.

Мы начали с крестьянина, мы сделали как будто уступку, освободили его от продразверстки, перешли на продналог, дали свободу торговли, ведь среди нас были люди, которые колебались и говорили: не уступка ли это буржуазии? А когда Ильич говорил: коммунисты, учитесь торговать,—разве многие не думали: где же старая пролетарская идеология, если революцию делали

для того, чтобы учиться торговать. А как вышло? Вышло так, что в 21 году мы, якобы, сделали уступку, а в 24 году пожали плоды, в виде громаднейшего разворачивания промышленности, устранения всех этих кризисов, которые мучили нас в те годы, и усиления не буржуазных, а именно пролетарских, социалистических элементов нашего хозяйства.

Когда пролетарий был сильней, как руководитель государства? Когда его положение было лучше? Когда его мощь социальная, общественная мощь была выше? Конечно, сейчас. Если вы сравните количество фабрик и заводов, работавших в 21 году, и работающих в 25 году, если сравните количество работающих пролетариев, которые работали у нас в республике в 21 и 25 году, когда сравните заработную плату тогда и теперь, когда сравните активность рабочего класса политическую тогда и теперь, — вы скажете: да, эта политика, которую мы начали с крестьянства, оказала большую помощь крестьянству, но больше всего послужила основой для возрастания и усиления самого рабочего класса.

Вот и теперь мы находимся в таком положении, когда разворачивание нашей промышленности заставляет рабочий класс задуматься насчет того, как обеспечить дальнейший безостановочный пуск новых и новых предприятий. Постройку новых фабрик можно обеспечить только в том случае, если рабочий класс поведет правильную политику относительно крестьянства, и если он создаст такие условия, в которых деревня, крестьянство будет действительно богатеть и будет увеличивать свое потребление городских продуктов.

Ежели мы собираемся с вами строить крупное производство и социалистическое хозяйство на основе трехполки, деревни темной, которая не может потребить ни гвоздя, ни машин, которая не может приспособиться к электрификации, которая не требует от города больше и больше ситца, которая живет без газет и т. д.,— тогда мы строим здание на песке. На этакой деревне нельзя построить не только социализма, но и крупного предприятия, вообще, а пролетарию, не только крестьянину, пролетарию, хозяину государства, нужна новая деревня, нужна развивающаяся деревня, богатеющий хозяин, которому требуется больше железа, больше ситца, который требует новых машин, который хочет электрификации деревни и т. д. Вот политика Советской власти и нашей партии за последнее время, она утверждена на Съезде Советов и составляла центральный пункт Съезда Советов.

Исходя из интересов дальнейшего разворачивания промышленности и увеличения роли пролетариата и его количества, поднятия его благосостояния, надо дать возможность деревне развернуться, поднять свои производительные силы, при этом — да — пришлось нам сделать некоторые такие шаги, которые заклю-

чают в себе по внешности как будто элементы отступления и которыми может воспользоваться кулацкая буржуазная верхушка деревни.

Когда мы, например, в ряде других мер, которые должны помочь крестьянину, расширяем право аренды земли, то мы, с одной стороны, как будто бы идем навстречу тому бедняку, который не имеет достаточно инвентаря, достаточно средств, теперь все равно сдает нелегально эту самую землю своему соседу, более зажиточному. Мы это легализуем теперь. Вместе с тем мы понимаем хорошо, что за этот закон может уцепиться, главным образом, зажиточная часть деревни, которая начнет, может-быть, в известных, конечно, ограниченных пределах, прибирать эту землю к своим рукам, увеличит свое землепользование за счет безлошадных крестьян, за счет крестьян, у которых нет инвентаря.

Когда мы издали недавно закон, расширяющий возможность применения рабочей наемной силы в крестьянском хозяйстве, при чем от 8-часового рабочего дня пришлось в деревне отказаться, предоставить этот вопрос соглашению, конечно, мы понимали, что здесь мы идем навстречу не только безработному населению деревни, которому некуда податься и которое прет к нам, в город, и здесь нам нервирует весь процесс производства, увеличивая кадр безработных и производя давление на весь ход фабрично-заводского производства, но вместе с тем мы даем здесь некоторые льготы зажиточной части крестьянства.

Вопрос и заключался в том,—ради развития производительных сил деревни, ради того, чтобы она поднялась, ради того, чтобы она увеличила свою продукцию, пойти ли нам на эти меры, или, испугавшись этих мер, оставить положение так, как оно есть? Мы должны сказать, что мы этот вопрос решили в том смысле, что нам важнее всего в данный момент именно поднятие благосостояния деревни, увеличение ее продукции, увеличение благосостояния крестьян и, благодаря этому, повышение рынка для продуктов нашей промышленности.

Конечно,если бы мы пошли на аренду, если бы мы пошли на расширение условий применения наемного труда в крестьянском хозяйстве и у нас ничего бы не оставалось в руках для того, чтобы бороться с теми последствиями, которые могут быть, мы тогда бы, явное дело, проиграли бы всю игру.

Но так же, как в 21 году, когда мы говорили: да, пойдем на некоторые уступки буржуазии, пойдем на свободу торговли, согласимся на то, чтобы торговали, открывали магазины и т. д.,—мы допускаем частный оборот, но мы можем итти на это потому, что земля национализирована, фабрики и заводы в наших руках,

банки — в наших руках, в руках государства транспорт, денежная система и кредит. При этих условиях,— говорим мы,— нам не опасен этот оборот, эта свобода торговли не подорвет пролетарской диктатуры, наоборот, элементы пролетарской диктатуры усилятся и укрепятся, несмотря на эту свободу оборота, из которого растет буржуазия.

То же скажем мы и сейчас: да, покуда нам нечего было деревне предъявить, покуда с деревни мы только брали, а давать ей ничего не могли, до тех пор, конечно, те меры, которые мы сейчас предлагаем крестьянству, могли бы повернуться против нас. Но сейчас мы гораздо сильнее, чем были в 21 году, именно — как рабочая власть.

Мы знаем, в крестьянстве идет оживление; выборы в советы крестьянством показали, что оно начинает понемножку, я бы сказал — «ершиться» против руководства рабочего класса. Нам придется подробно, долго и пространно объяснять крестьянству, что если бы крестьянство попыталось скинуть с себя руководство рабочего класса, руководство рабочей власти, руководство рабочей партии, то оно само себя обрекло бы на роль колониальных рабов.

У нас вот 20 миллионов крестьянских хозяйств, и если представить, что у нас промышленность стала бы падать, оседать, а не разворачиваться, стала бы сжиматься, рабочий класс не стал бы разворачиваться в числе, культуре, политической силе, а стал бы распыляться, рассасываться, ослабевать,— что же было бы с крестьянами?

Некоторые лже-друзья крестьянства нашептывают ему: вот тогда бы была крестьянская волюшка, законы бы писали крестьяне, тогда было бы крестьянское царство, настоящее. Это обман.

Мы, на основании истории всех революций во всем мире, знаем, что страна, в которой ослаблена крупная промышленность, где нет организованного руководящего пролетариата,— она станет через несколько же дней добычей доподлинного империализма, иностранных капиталистов, ибо крестьянство слишком разбросано, его навыки работать в отдельных хозяйствах не объединяют крестьян, а разъединяют их, и если выкинуть пролетариат, это значит — выкинуть из громадного здания стропила, которые сдерживают это здание, выкинуть стальные балки, которые связывают постройку. Выкинуть их — и все здание рассыплется, хотя бы кирпича положено там было много.

Это крестьянство поняло в своей сознательной части и мы должны будем объяснить ему и доказать, на фактах показать, что это действительно так. Иначе руководства пролетариатом крестьянства, конечно, не выйдет.

Так вот те уступки, или отступления, которые мы сейчас делаем, те предложения крестьянству, которые мы сейчас напра-

вляем — они отнюдь не обозначают действительного ослабления пролетарских элементов в нашей политике или в нашем хозяйстве. Напротив, для того, чтобы пролетарская сила росла в нашем государстве, для того, чтобы промышленность нам не пришлось останавливать, а чтобы она безостановочно могла разворачиваться, для того, чтобы рабочих нам не пришлось бы сокращать, а наоборот, набирать все время новых и новых,— для этого мы проводим политику, помогающую крестьянам увеличивать свое благосостояние, увеличивать свой доход и увеличивать свое потребление. В этом и есть смысл той политики, которую мы сейчас проводили, которую на Съезде утвердили и которую мы будем проводить дальше по всему крестьянскому лицу нашего Союза.

В каком положении мы сейчас находимся? Мы накануне нового урожая. Урожай, если он будет такой, как на сегодняшнее число, по тем докладам, которые мы имеем, будет много лучше прошлогоднего и даст количество хлебов много большее, чем мы имели в прошлом году. Урожай, во всяком случае, должен быть не ниже среднего, а в некоторых местах — выше среднего.

Сейчас, конечно, еще окончательно сказать нельзя, поручиться ни за что нельзя. Надо подождать 2—3 недели, чтобы можно было что-нибудь определенное сказать. Но если положение будет такое, как сейчас есть, то мы, по всей вероятности, получим на несколько сот миллионов пудов хлеба и, вообще, сельско-хозяйственных продуктов больше, чем имели в прошлом году. Но крестьянин, который произвел гораздо больше, будет обладать бо́льшими средствами, его спрос к промышленности повысится, а мы должны сказать, что мы приходим к моменту реализации, т.-е. продаже нового урожая почти с пустыми фабричными складами. Мы ведь почти все распродаем из-под станка. Вероятно, в том докладе, который будет после меня, в докладе от ВСНХ, вам приведут цифры, которые покажут, что мы не поспеваем за спросом, что у нас сейчас товарный голод.

Вспомните, как переменилось положение. Осенью 23-го года мы говорили, что у нас кризис сбыта, некуда сбыть товары, никто не покупает. Товары были плохие, товары были дорогие, крестьянин получил очень низкие цены за хлеб и купить эти товары не мог. Получились тогда трения между рабочим классом и крестьянством, которые, если бы мы сразу не повернули политики и не взяли правильной линии, могли бы далеко нас завести. «Помилуйте, крестьянин видит, что товары есть, сам он получил за хлеб дешево, а товары ему недоступны из-за их дороговизны».

С этого момента мы повели политику снижения цен: давай товар крестьянину, дай крестьянину больше за хлеб, чем он получает сейчас. Теперь же мы оказываемся в таком положении,

что мы не удовлетворяем спроса на товары. У нас товарный голод. Наша промышленность, несмотря на то, что она за этот год скакнула на 50% вперед и повысила валовую продукцию свою в два раза за один год,—несмотря на это, мы уже не удовлетворяем спроса. Ну, а если урожай будет хороший, если у крестьянства средства окажутся большие, если он потребует от нас новых и новых продуктов, а мы ему не сможем подать,— вот та опасность, которая сейчас реально перед нами стоит и которую мы должны устранить, если мы с вами понимаем, что существования таких настроений между рабочим классом и крестьянством, когда крестьянин скажет: рабочие, стоящие у власти, рабочие, взявшие фабрики и заводы, не удовлетворяют моих потребностей в гвозде, в ситце, в плуге, в машине, в серпе и т. д., и т. д.,—мы допустить не можем.

Вот почему, тт., вопрос о поднятии производительности нашей промышленности тоже не даром был поставлен в этом году, тоже не является какой-нибудь выдумкой, тоже не исходит от каких-нибудь отвлеченных теоретических научных соображений, а подсказывается ходом осуществления пролетарской диктатуры в нашей стране. Если пролетарий хочет держать власть в своих руках, хочет руководить стомиллионным крестьянством, он должен понимать, что этот вопрос не такой легкий, что будучи господствующим классом, взявши на себя роль руководителя,—он должен все время присматриваться к тем настроениям, которые есть среди громадного крестьянского моря, которое гораздо шире, гораздо по количеству больше пролетариев в нашей стране и которое только тогда пойдет за пролетарием, когда увидит, что рабочий класс осуществляет власть не только в своих групповых интересах, но и в интересах действительно всех трудящихся.

Крестьянство спросит: мы отработали, мы увеличили количество посевов и увеличиваем их из года в год, мы добились громадной продукции, мы продаем этот самый хлеб, но зачем мы будем его продавать, если у вас нет товаров? Как мы заставим крестьянина понести свою продукцию на базар, если он будет знать, что он получит за свой хлеб денежки, но на эти денежки купить ничего необходимого в обиходе он не сможет за отсутствием товаров? И не скажут ли тогда некоторые группы крестьян, зажиточные, конечно, кулацкие, в первую очередь: отпустите нас, пожалуйста, за границу, там товары есть, мы купим там товары? Не выйдет ли из этого некоторый блок, но только не между союзным крестьянством и союзным рабочим классом, а между зажиточной верхушкой деревни и иностранными капиталистами?

Иностранные капиталисты—политики реальные. Для того, чтобы нас с вами свергнуть, они готовы были бы верхушке крестьянства и подешевле продать, ибо они знают, что если бы

удалось рабочую диктатуру свергнуть, то они, потом, крестьянство взяли бы голыми руками и заставили бы тогда все царские долги оплатить и все помещичьи обиды и слезы замолить. Это они заставят и чтобы этого добиться, не постоят за тем, чтобы скинуть несколько миллиончиков на дешевый товар и сказать: «вот видите, рабочий класс взял фабрики и заводы, а товаров не дает. Мы же, капиталисты, — пожалуйста, дешевых товаров сколько угодно, только большевиков, которые ввели монополию внешней торговли, которые стоят между вами и капиталами иностранными и не дают им хода, уберите».

Мы этого не можем допустить из-за соображений политических и хозяйственных.

Вот откуда вырастает вопрос о необходимости разворачивать промышленность, увеличивать ее продукцию, и тут мы должны сказать: конечно, если бы мы имели возможность где-нибудь на это дело призанять несколько десятков миллионов,— обновить машины, обновить инструментарий, закупить то сырье, которое необходимо нам, построить новые заводы по последнему слову техники,— за-границей мы бы быстро из этого выкрутились.

Но дело в том, что этих ссудных капиталов, которые нам нужны были бы, чтобы быстро развернуться, обновить свое производство, двинуть его вперед,— нам их никто не дает и не даст. Конечно, мы разговариваем с Черчилем, Эррио и Брианом, и с чортом и его бабушкой будем вести разговор насчет займа, но нужно отдать себе отчет в том, что капиталисты не имеют никакого интереса давать нам с вами заем.

Наоборот, они видят, что мы и без займа начинаем, простите за выражение, нос задирать, фабрики и заводы двигать, железные дороги увеличивать, видят, что мы идем на заграничные рынки с донецким углем и нефтью. Ведь они знают, что в прошлом году мы вывезли 35 милл. пудов нефти, а в этом году 80 милл. пудов, и вывезли не от бедности, а после удовлетворения всех потребностей. Никто здесь не скажет, что в этом году ощущался недостаток в нефти. Ее было достаточно, пожалуйста — сколько угодно, и вместе с тем мы вывезли 80 миллионов пудов.

Это господа капиталисты видят и они думают: у них может быть урожай. Мы в этом году не вывозили, но если будет урожай такой, как на нынешний день можно предвидеть, то у нас несколько сот миллионов пудов хлеба можно будет вывезти, не понижая уровня потребления внутри страны, а так, что мы сами хлеба будем иметь достаточно и запасец впервые сделаем на неурожайный год. Ведь 8 лет мы с вами жили и никогда, ни разу у нас не было государственного запаса хлеба. Неурожай сваливался, как топор на голову, и ничем нельзя было помочь, приходилось из-за границы ввозить, так как собствен-

ных запасов не могли заранее сосредоточить. Если будет урожай, который предвидится, если не случится ничего особенного, то нам хватит хлеба целиком на внутреннее потребление, можно будет создать запасец в несколько десятков миллионов пудов на всякий случай и несколько сот миллионов пудов мы сможем вывезти.

И вот, когда господа капиталисты увидят, что хлеб вывозят, нефть вывозят, уголь вывозят, у себя дома поднимают и заработную плату, и производительность труда, и товарный оборот, и транспорт, и рабочие и крестьяне несколько богатеют,— зачем они нам деньги будут давать, чтобы мы с вами скорее укрепились, так, чтобы от отступления, может-быть, перешли в наступление? Они прекрасно понимают, что им в этом никакой выгоды нет.

Но наша страна — колоссальнейший рынок, и чем больше мы будем увеличивать свое производство, тем больше нам надо будет подсобных материалов, сырья, которые не могут производиться у нас, технических инструментов и проч., которые мы не научились еще делать,— тем больше нам придется привозить из-за границы. Чем мы будем богаче, тем больше будем ввозить. Пока мы были бедной страной, мы не могли ничего покупать, и чем богаче мы будем, тем больше мы будем привозить из-за границы, а также, конечно, будем вывозить.

И вот из-за этого нашего ввоза господа капиталисты не избежат конфликтов между собой: так как у них нет планового хозяйства, то они будут забегать к нам, одна фирма перед другой, одна страна перед другой, один банк перед другим, чтобы заработать на этом нашем ввозе, заработать на том, что мы покупаем.

Поэтому мы можем получить сравнительно мелкие кредиты, но так, чтобы капиталистический класс или целое государство: Англия, Франция или др., было бы заитересовано в том, чтобы поддать нам своим капиталом жару для нашей восстановительной работы, — этого нет. Надо, поэтому, надеяться только на себя. Вот почему нужна производительность труда, вот почему мы, не уставая, до хрипоты говорим: «товарищи рабочие, если хотите удержать свою гегемонию, свое руководство, если не хотите, чтобы крестьянство разочаровалось в руководстве рабочего государства, нужно разворачивать, развивать промышленность, поднимать производительность труда. Если есть какой-нибудь путь к увеличению доходов промышленности, а следовательно, к увеличению заработной платы, то только в повышении производительности труда. Дальше пока податься некуда».

Вот откуда идет эта политика и вот как она связывается с политикой разворачивания производительных сил в самой деревне. Вот почему мы, с одной стороны, говорим — «лицом к деревне», т.-е. веди свою политику, рабочий класс, таким обра-

зом, чтобы твоя промышленность находила себе опору в расширяющейся, в богатеющей, в новой деревне, переходящей на новое, интенсивное хозяйство, с повышением своего технического уровня, а с другой стороны, — мы говорим: смотри, чтобы твоя промышленность не отстала от крестьянского спроса, не допускай трещины между пролетарским городом и потребляющей деревней.

Этот товарный голод, который сейчас у нас есть, несмотря на то, что, как я говорил, вдвое увеличилась валовая продукция промышленности за последний год, это есть самый опасный момент. Увеличивайте и разворачивайте промышленность, увеличивайте количество продуктов, продолжайте понижать цены, сделайте их доступными для крестьян — вот тот правильный путь, который только и есть и который нас приведет к тому, что довоенный уровень мы превзойдем очень быстро и построим новые заводы, о которых мечтать год тому назад было бы смешно.

Если бы я или Дзержинский явились бы раньше перед вами и сказали: мы вот насчет новых заводов задумываемся, вы могли бы сказать: да вы старые восстановите, что о новых разговариваете!—Теперь же, когда мы обсуждаем сметы, примериваем относительно новых заводов для производства с.-х. машин, то это вещь вполне реальная. Если деревня не подведет и будет повышать свое производство, если крестьянин будет переходить на новое хозяйство, не будет сидеть на старой трехполке, а будет переходить к новым формам хозяйства, где нужна машина, где нужен гвоздь, где нужна электрификация, когда сам крестьянин станет культурнее, когда он захочет, чтобы дети его были культурнее, и т. д. и т. д.,— я спрашиваю себя, есть тут разрыв между интересами рабочего класса и крестьянством? Нет, интересы одинаковые, и в этом наша сила.

И мы, с точки зрения чисто пролетарской, с точки зрения разворачивания промышленности, усиления роли пролетариата, заинтересованы в том, чтобы крестьянин поднимал свое хозяйство, и сам крестьянин в этом заинтересован, цели наши совпали. Не фокус тут какой-нибудь. Два основных класса, которые у нас есть: рабочий класс и крестьянство, имели общую цель, когда свергали царизм, имели общую цель, когда свергали Керенского, имели общую цель, когда брали власть, имели общую цель, когда отстаивали эту власть от Дениких и т. д., и теперь они имеют общие цели и поэтому могут сговориться.

Конечно, могут быть трения, крестьянство может иногда, как я выразился, «пожиматься» от руководства рабочего класса. Шептуны, эс-эры, меньшевики всегда будут пытаться натравливать крестьянство на рабочий класс и говорить: вас больше, вас — 100 миллионов, а рабочих — миллионов 6 — 7, пусть

даже 10, все же вас 100 миллионов, а их — 10, почему вы терпите такое положение?

Против этого не словами надо аргументировать, а дешевыми товарами, это лучший аргумент против всякого эс-эра, против всякого кадета в данный момент — дешевый, хороший продукт, который пролетарский город даст деревне. Это есть лучший способ агитации за Советскую власть и за диктатуру рабочего класса.

Последнее, тт., на чем я хотел остановиться,— что если мы хотим иметь нового хозяина в деревне, культурного, развитого, понимающего хозяйство, не желающего сидеть на старой бедности, то мы не должны забывать то,—и строить свою политику на этом,— что на почве роста промышленности, улучшения всей экономики нашей жизни, и рабочий уже не тот, что был в 1919—1921 гг. Тогда рабочий был героем, энтузиастом и, конечно, те героические подвиги, которые поднял тогда на свои плечи рабочий класс, войдут в историю мира незабываемыми страницами.

А теперешний рабочий изменился немножко, он более требователен, он понимает, что на почве общего поднятия материального благосостояния он от того государства, ради которого он и кровь проливал, и пот лил, может потребовать для себя лучших условий существования. Он чувствует себя бóльшим хозяином. Время военной дисциплины прошло, теперь у нас нет непосредственной военной опасности, нет полей сражения и поэтому Советская власть, и партия, и профсоюзы сделали бы большую ошибку, если бы не посчитались вот с этими новыми запросами, с этим ростом требовательности, с поднятием культурности, с ростом сплоченности в среде самого пролетариата.

Тут нашим организациям, — в первую очередь, конечно, профорганизациям, — отставать никак нельзя. Если мы выдвинули лозунг вовлечения беспартийного крестьянского актива в дело государственного строительства, выдвинули лозунг оживления советов, подразумевая под этим более и более широкое участие широких крестьянских масс в деле государственного строительства, то теперь правильно будет сказать — улучшение работы профсоюзов, расширение их активности, более внимательное прислушивание к растущим потребностям рабочего класса, более тесная спайка всех рабочих организаций с самыми широкими массами, наблюдение за тем, чтобы новые тенденции, новые настроения не пошли бы помимо нынешних рабочих организаций, а влились бы в русло тех организаций, которые существуют, усиление чуткости к новым требованиям рабочего класса, понимание того, что самодеятельности рабочего класса должно быть уделено гораздо больше места. Например, в вопросе о выборах в разные учреждения нельзя говорить о перевыборах советов для крестьян и в то же время не понимать, что

и рабочий класс хочет тоже больше свободы в деле определения состава тех организаций, которые руководят им,— это ни в коем случае не должно быть упущено из виду.

Это та задача, с которой мы, конечно, справимся, потому что рабочий класс — наш класс. Крестьянство — наш союзник, самый близкий, без него, против него нельзя удержать власть, но оно — только союзник, оно — собственник, у него как-никак своя земелька, а вот класс наемных рабочих, класс пролетариев, это—класс, который способен последовательно, до конца драться за коммунизм.

Так ежели мы берем руководство вот этими многомиллионными массами собственнического класса, только нам союзного, можем регулировать их активность, воздействовать на их активность и твердо уверены в том, что опираясь на эту возросшую активность крестьянства, мы сможем поднять всю страну, тем паче мы можем это сделать в полной уверенности в полной успешности среди широких масс подлинного рабочего класса.

Рабочий класс в нашей стране, на основах нашей международной политики и нашей внутренней политики, будет расти, будут увеличиваться фабрики и заводы, будет увеличиваться оборот, и количество рабочих будет увеличиваться, будут притекать новые и новые элементы. Они будут, конечно, вносить некоторые элементы колебания в среду потомственных пролетариев, может-быть внесут и некоторые деревенские настроения. Они не сразу переродятся в фабрично-заводской атмосфере и не сразу усвоят себе подлинную пролетарскую точку зрения. Пролетарские организации, которые проработали, прошли через огонь, воду и медные трубы гражданской войны в первую эпоху строительства,— они должны эти новые кадры рабочих и рабочей молодежи принять, всосать в себя, перевоспитать, вдохновить, вложить им подлинную пролетарскую точку зрения, сделать их дисциплинированными членами рабочего класса, учесть их потребности и на этой основе вести их вперед.

Вот почему, при этой новой хозяйственной обстановке, которая, повторяю, решает все и в международном масштабе, если мы пойдем дальше так, как шли в последний год, т.-е. вперед широкими шагами в деле хозяйственного строительства вообще и в деле усиления пролетарских элементов этого строительства, мы должны сказать следующее: — я хотел бы это еще раз подтвердить: — нам мало того, что хозяйство вообще растет, нам нужно, чтобы хозяйство росло по-социалистически. Ежели бы нам сказали: хозяйство растет, да, но увеличивается частная обственность, увеличивается частный капитал, увеличивается наем рабочих на частные фабрики, мы бы сказали: это нас не устраивает, мы не для того работаем и боремся, чтобы хозяйство капиталистическое росло,

а чтобы хозяйство росло пролетарское, государственное, обще-народное, социалистическое. И мы говорим: у нас не только хозяйство вообще растет, а у нас растут пролетарские элементы этого хозяйства.

То, что находится в руках рабочего класса, что является обще-народным достоянием, то сильнее должно расти и растет, а не частная собственность, не частный оборот, не частный капитал. Тот мы только терпим постольку, поскольку это нам нужно.

Так вот, говорю, если в наступающем году на почве улучшенного урожая мы будем вертеть так, как вертели в этом году, т.-е. процентов на 50 увеличим еще нашу промышленность, мы тогда получим такую мощную страну, перед которой господа империалисты должны будут задуматься, что им выгоднее—не сковырнуть ли нас, покуда мы не совсем развернемся, потому что они будут видеть хорошо, что мы с каждым годом растем, идем вперед, а они с каждым годом падают.

И те рабочие, те крестьяне в Европе, которые не поддадутся словам, не поддадутся митингам, не поддадутся агитации,—они поддадутся урокам фактов.

Когда их сейчас отпугивают от социалистической революции, им говорят: «посмотрите на русских рабочих, вот они скинули капиталистов, фабрикантов, банкиров, и они голодают, холодают, живут в бедности, не могут восстановить промышленности». Эти факты являются агитацией против пролетарской революции в Европе. А если пройдет год-два, и все эти приезжающие к нам представители различных рабочих организаций понесут в Европу весть, что мы самое тяжелое время прожили, что все пошло вперед, что мы довоенный уровень перегнали в области продукции, в области заработной платы и то, что мы производим, мы уже дополнительно отдаем не господам капиталистам, а делаем на это школы, строим университеты, поднимаем образование, культуру, поднимаем деревню и прочее,—тогда этот аргумент против пролетарской революции станет аргументом за пролетарскую революцию, который будет в Европе действовать лучше всякой прокламации, лучше всякой речи.

Опыт построения социалистического государства в неслыханно тяжелых условиях отдельной страны, проведенный до конца, сделанный успешно, это такой динамит, под фундаментом капиталистической Европы, которого еще никогда в истории не было. Вот почему господа капиталисты очень внимательно присматриваются к тому, как у нас идет хозяйство — вперед или назад, справляемся мы с этим или нет.

И надо быть готовыми и быть настолько сильными, что если они захотят прервать этот самый процесс восстановления хозяйства своим вмешательством, чтобы мы могли дать им по рукам как следует. А для этого опять нужна крепкая промышленность,—

раз, нужно полное доверие крестьянства к рабочему руководству,— два, нужно удовлетворение потребностей крестьянства целиком,— три.

Если мы это сделаем, то добьемся того, что крестьянство будет сильнее и будет еще больше доверять Советскому государству, положение промышленности и положение рабочего класса улучшится и союз между этими двумя силами усилится и укрепится.

А если так, то исполнятся слова Владимира Ильича, которые мы в последнее время постоянно повторяем, которые не грех повторить еще раз. Ильич в 21-м году писал, когда поднимал вопрос о новой экономической политике: «10—20 лет правильной политики с крестьянами, и победа рабочего класса обеспечена в мировом масштабе, даже если в Европе революции пойдут медленнее, хотя они и растут».

Это значит, что если мы в продолжение нескольких лет проведем правильную политику укрепления руководства пролетариата над крестьянством и усиления доверия крестьянства к рабочему государству, тогда мы станем так сильны, что сколько бы на нас ни скалили зубы все наши враги, орех окажется для них слишком твердым, и они на нем сломают себе зубы. (Продолжительные аплодисменты.)

«КОМСОМОЛЬСКОЙ ПРАВДЕ».

К какой бы области государственной, партийной или общественной жизни ни обратиться, всюду — в городе и в особенности в деревне — ясно видно усиление роли и значения Комсомола. Это будет продолжаться и в дальнейшем. Это — хорошо, ибо свидетельствует о том, что молодое поколение рабочих и крестьян все больше вовлекается в дело строительства, все активнее стремится воздействовать на жизнь. Без этой активности молодого поколения нельзя построить социализм. Но это же обстоятельство накладывает громаднейшую ответственность на руководителей коммунистической молодежи в деле ее политического воспитания, коммунистического просвещения и союзной дисциплины. Только дисциплинированный, коммунистически образованный и политически опытный комсомолец (и комсомолка) будут действительными строителями нового царства — коммунизма. Желаю «Комсомольской Правде» служить этому делу бодро, энергично и плодотворно.

«Комсомольская Правда»,
24 мая 1925 г.

ИТОГИ РАБОТ III СЪЕЗДА СОВЕТОВ СССР. *

Как работал съезд.

Товарищи, III Съезд Советов нашего Союза собрался после большой предварительной работы. В этой предварительной работе, связанной с перевыборами советов, по всему лицу нашей страны были затронуты и поставлены на очередь основные вопросы, касающиеся общего развития нашего государства и нашего хозяйства, с одной стороны, и с другой — вопросы, непосредственно интересующие широкие массы рабочих и крестьян. Задача Съезда и заключалась в том, чтобы подвести итоги этому предварительному обсуждению основных вопросов нашей страны, в котором принимали участие действительно миллионы трудящихся. Общее мнение, которое выразилось и в этом обсуждении и в перевыборах советов, необходимо было закрепить в постановлениях верховного органа власти, которым и являются наши Съезды Советов. Мы в решениях Съездов имеем зафиксированную, закрепленную волю, результат разума миллионов трудящихся. Задача будет состоять теперь в том, чтобы эту волю провести действительно в жизнь, для чего, прежде всего, необходимо, чтобы с резолюциями Съезда Советов были ознакомлены как можно более широкие массы. Надо сделать так, чтобы резолюции нашего Съезда стали известны не только рабочим, — это само собою разумеется, — но и в самом глухом углу нашей обширной страны, каждому крестьянину и каждой крестьянке.

Я не смогу в своем докладе рассмотреть по порядку все те вопросы, которые были обсуждены на Съезде. Мой доклад не избавит вас от необходимости самим ознакомиться если не с прениями на Съезде, то, по крайней мере, с постановлениями Съезда, хотя и ознакомление с самими прениями было бы чрезвычайно важно.

---

* Доклад на пленуме Московского Совета Р., К. и К. Д. 26 мая 1925 г.

Съезд, недавно закончившийся, отличался не только одним деловым характером, серьезностью и важностью тех вопросов, которые были поставлены на очередь: он отличался также от предыдущих съездов громадным участием товарищей, приехавших с мест, в самом обсуждении представленных Съезду докладов. Я не помню, — а мне пришлось быть на всех наших съездах Советов, — чтобы на каком-нибудь съезде было большее количество участников в прениях и чтобы выступавшие в прениях товарищи, крестьяне и рабочие, более сознательно и вместе с тем более деловито относились к обсуждавшимся вопросам. На Съезде почти не было торжественных заседаний. Все заседания его были чисто деловые и так как вопросы, поставленные на очередь, были такого рода, что они затрагивали жизненные интересы миллионов, то этим и объясняется широкое участие в прениях рабочих и крестьян.

И тут же необходимо отметить, что на этот раз, пожалуй, крестьяне и крестьянки принимали участие в прениях больше, чем даже представители рабочих. Может быть потому, что этот Съезд явился как бы завершением той работы по оживлению советов, которая касалась советов, нуждавшихся больше всего в оживлении, т.-е. не городских советов, а советов именно сельских, деревенских. И так как волна оживления перевыборов шла снизу, то она и докатилась до самого Съезда Советов. Товарищи-крестьяне, пришедшие на этот Съезд с самых низов, из деревень и сел, приняли очень большое участие в обсуждении вопросов, стоящих перед Съездом. И поэтому ознакомление с резолюциями Съезда для вас будет совершенно необходимо. Я же, со своей стороны, постараюсь деловым образом и по возможности кратко охарактеризовать то новое, что дал Съезд, т.-е. основные, самые важные его постановления.

Порядок дня Съезда состоял из следующих вопросов. Съезд рассмотрел деятельность правительства за истекший год, выслушал отчет правительства, который касался и внутренних, и внешних наших дел. Съезд заслушал и обсудил также доклад о деятельности промышленности и доклад о мероприятиях к упрочению и развитию крестьянского хозяйства. Далее были заслушаны и подверглись обсуждению доклады о финансовом положении нашего государства и о советском строительстве, о вовлечении в это советское строительство широких масс рабочих и крестьян. Наконец, Съезд заслушал доклад о Красной армии и принял те необходимые изменения в основном законе нашего Союза, в конституции нашей, которые вытекали из изменений состава нашего Союза, происшедших за последний год. Таким образом, вы видите, товарищи, что порядок дня Съезда включал в себя почти весь круг вопросов, которые интересуют трудящиеся массы нашей страны.

Наши достижения.

Я остановлюсь сейчас на отчете о деятельности правительства. На этот раз отчет правительства мог констатировать перед лицом всего Съезда несомненные успехи, достигнутые нами во всех областях государственной и народной жизни. Доклад правительства, сделанный председателем Совета Народных Комиссаров тов. Рыковым, не скрывал и того, что положение, которое мы имеем, отнюдь не представляется правительству Союза уже таким достижением, которое бы нас вполне удовлетворяло. С другой стороны, этот доклад не скрывал всех тех трудностей, которые еще предстоит преодолеть рабочим и крестьянам нашей страны, а, следовательно, и самой Советской власти. Но подчеркиваю еще раз, что мы далеко не удовлетворены нынешним положением и что перед нами стоят не малые трудности. Отчет правительства мог в то же время констатировать больше, чем предыдущие отчеты, громадные достижения, приобретенные нами за истекший период между II и III Съездом. Эти достижения касались и внутренней нашей политики и политики внешней.

Мы набюдаем развитие всего народного хозяйства, громаднейшие успехи в области промышленности, в первую очередь, и несомненные успехи в области сельского хозяйства, при этом настолько значительные, что их не мог подорвать даже частичный неурожай, который мы имели в этом году. Несомненнейшие успехи мы имеем и в деле денежной реформы. Укрепление государственного бюджета, поднятие бюджетов местных. Несомненное усиление и сплочение пролетариата вокруг вновь развернувшихся фабрик и заводов, увеличение торгового оборота, увеличение в связи с этим деятельности железных дорог и грузооборотов, усиление кредитной системы и, наконец, усиление доверия к руководству рабочего класса со стороны самых широких масс крестьянства. Вот те важнейшие завоевания, о которых Советское правительство могло доложить Съезду Советов, перед которым оно призвано отчитываться.

В области внешней политики мы имели за этот год полосу признаний, которые являются результатом осторожной, правильной и гибкой политики Советского правительства. Мы никогда не ожидали, что самый факт признания со стороны капиталистических держав окажет нам в то же время реальную помощь в деле социалистического строительства. Признание нашего существования, признание правомочности и полномочности Советской власти, как выразителя воли миллионов трудящихся — это одно, а реальная помощь в смысле займов, кредитной поддержки, облегчение торговли, возобновление экономических сношений и т. д. со стороны капиталистических держав по отношению к рабочему

государству — это, конечно, другое. Вот этого последнего — реальной помощи со стороны капиталистических держав в деле устроения нашего социалистического хозяйства, — мы не получили и — надо прямо сказать, — вряд ли есть много шансов на то, что мы его получим. Господа капиталисты прекрасно понимают, что чем быстрее будет развиваться наша промышленность и наше сельское хозяйство, тем опаснее будет для них факт существования социалистического рабоче-крестьянского государства, рабоче-крестьянской власти, ибо самим фактом существования развивающейся и богатой страны, которая устраивает свою жизнь на началах социализма, без помощи капиталистов и помещиков, самый факт этот является, конечно, подкопом под существование капиталистических государств. Было бы наивным, поэтому, с нашей стороны надеяться на то, что мы получим оттуда поддержку. Может-быть, некоторую поддержку мы получим, но только постольку, поскольку господа капиталисты разных стран, конкурируя друг с другом, будут пытаться входить с нами в экономические сношения.

Но, даже не рассчитывая на эту помощь, мы могли констатировать перед Съездом Советов громаднейшие успехи в смысле увеличения международного веса нашего Союза. То, о чем несколько лет тому назад говорили только смелые из радикалов и демократов, т.-е. что существование мирового хозяйства невозможно без участия в мировом хозяйстве нашей громадной страны, со 130-миллионным населением, — это стало теперь общепризнанной истиной. Кроме Америки, которая отделена от нас океанами и которая сейчас переваривает еще громадные успехи, достигнутые ею в результате войны, кроме американской буржуазии, нет другой буржуазии, которая не понимала бы, что мы стали самостоятельным фактором мирового хозяйства, что без нас не обойтись, что мы растем и что тот, кто не хочет с нами торговать, вступать в те или другие отношения, наносит вред не только нам, но и своему собственному положению в мировом хозяйстве. И вот результатом сознания, что нас нельзя сломать, что всякая попытка скрутить нам руки или поставить на колени неизбежно натолкнется на сопротивление не только Красной армии, но что Красная армия в этой борьбе будет только передовым отрядом всей мощи всего Союза рабочих и крестьян — это сознание и заставило крупнейшие капиталистические державы отказаться от прежних методов борьбы с нами и пойти на признание Советского правительства, на установление с нами дипломатических отношений, на обмен послами.

Нет, поэтому, ничего удивительного, что отчет правительства не вызвал со стороны делегатов Съезда никакой мало-мальски принципиальной критики, никаких указаний на какие-нибудь мало-мальски серьезные ошибки во внутренней или внешней поли-

*

тике. Наоборот, деятельность правительства была встречена со стороны Съезда неподдельным энтузиазмом и одобрением. Резолюция, которую единогласно принял Съезд по отчету правительства, свидетельствует, что действительно в своей прошлой деятельности Советское правительство целиком шло навстречу интересам рабочих и крестьян. Мы понимаем и знаем, как знал и наш Съезд, что у каждого отдельного рабочего, у каждого отдельного крестьянина могут найтись претензии к нашей Советской власти. Мы знаем также и то, что общий уровень жизни рабочего класса и крестьянства далеко еще не достиг той высоты, которая маломальски нас удовлетворяла бы. Мы знаем, что в нашем советском аппарате, в практическом проведении наших законов в жизнь, есть масса недостатков, что очень часто наши законы проводятся в жизнь так, что, — как мне пришлось выразиться в своем докладе, — они поворачиваются к широким массам трудящихся не лицом, а спиной. Все это есть, все эти недостатки бывают. Но Съезд Советов, заслушав отчет правительства, понимал, что дело идет не об отдельных недочетах, не об отдельных промахах, не об отдельных грехах, а об осуждении или одобрении общей политики, общей принципиальной линии в области главных мероприятий, которые необходимы для дальнейшей работы и которые должны заключаться в том, чтобы, хорошо обдумывая законы вместе с рабочими и крестьянами, организованными в советы, научиться эти законы хорошо проводить в жизнь, уметь наблюдать за тем, чтобы они не оставались только на бумаге, а проведены были в глубь нашего населения, в глубь нашей страны.

Это значит, что нам важно иметь не только хорошие законы, но и хороший государственный аппарат для проведения этих законов, для контроля над их выполнением, для того, чтобы во-время подмечать, когда закон удовлетворяет потребностям страны и когда он становится узок, когда он начинает жать и когда надо его пересмотреть.

Советский строй представляет такую государственную организацию, которая наиболее легка и наиболее дешева для рабочих и крестьян. Правильное законодательство во имя интересов рабочих и крестьян, правильное проведение принятых законов в жизнь и составляет основную черту советской организации, если ею умело пользоваться. Советская организация есть такая форма государства, которая привлекает к обсуждению законов всех трудящихся и мешает оказывать влияние на законы кучке богачей и тунеядцев. Подлинные трудящиеся массы города и деревни, согласно советской системы, принимают участие в выработке законов, и нужно сделать так, чтобы советы действительно работали, чтобы они были не только местом торжественных встреч отдельных делегатов, не только местом, где заслушиваются отчеты,

но также и органом, в котором рабочие и крестьяне действительно принимают участие в разработке важнейших законов, указывают направление этих законов и используют возможность своим разумом продиктовать тем, которые держат перо и карандаш в руках и которые, под диктовку трудящихся, эти законы должны записать.

Об оживлении советов.

Вопрос об оживлении Советов, о советском строительстве, явился вторым важнейшим вопросом на этом Съезде Советов. Как действительно обеспечить работу крестьян, активное, деятельное участие их в выработке законов? Как, с другой стороны, сделать так, чтобы эти законы во время своего выполнения действительно находились под контролем рабочего класса и крестьянства? Доклад по вопросам советского строительства, сделанный т. Калининым и вызвавший очень оживленное обсуждение, послужил основанием для ряда постановлений Съезда, которые именно и были рассчитаны на то, чтобы оживить советы, привлечь к активному участию в советах рабочих и крестьян и дать возможность в выборах советов участвовать всем тем, которые имеют на это право, и, таким образом, создать подлинный советский государственный аппарат.

Первый пункт принятой Съездом резолюции по вопросам советского строительства говорит о нашем положении и требует усиленной хозяйственно-культурной работы советов и соответствующих методов руководства и административного управления страной. Эта задача является в настоящее время важнейшей, и советы, как органы власти, должны стать на деле во главе всего хозяйственного и культурного строительства советских республик и руководить ими подобно тому, как в свое время в годы интервенции и гражданской войны все внимание советов сосредоточивалось на деле военной защиты рабоче-крестьянского государства.

Осуществляя эту задачу — желание влить в наши советы подлинную жизнь, чтобы они были подлинными руководителями всего нашего строительства и управления — Съезд не поступил, как буржуазные парламенты, которые созданы для того, чтобы замазывать прорехи буржуазного управления, Съезд Советов работал по заветам Владимира Ильича и помнил очень хорошо его указания на то, что рабочий класс и крестьянство, впервые в мире взявшие власть в свои руки, могут и должны учиться управлять на деле. Не было таких учебных заведений, не было таких обществ и клубов у рабочего класса, в которых он мог бы заранее подготовиться к делу управления громадной страной. Буржуазные сынки буржуазных государств чуть не с пеленок воспитываются к тому, чтобы управлять людьми. К этому приспособлена у них и школа — и высшая и низшая, — и клубы, и наука.

Рабочий класс начал учиться управлять государством тогда, когда взял власть в свои руки, и только управляя, он учится и, учась, управляет. Поэтому Съезд Советов открыто перед всеми указал на те недостатки, которые есть сейчас в наших советских органах, и не постеснялся прямо опубликовать перед всем народом, какие еще недостатки имеются, на что должно быть обращено внимание и что мы должны исправить. Несмотря на то, что мы с вами, москвичи, может-быть и можем похвалиться, что не все эти недостатки у нас есть, а есть лишь некоторые недоразумения, от которых мы еще не избавились, несмотря на это, я все-таки прочту вам постановление Съезда, указывающее на основные недостатки управления в смысле государственного строительства, на те недостатки, которые нуждаются в исправлении. Съезд говорит:

«Новые задачи, стоящие перед советами, требуют скорейшего изжития и устранения таких недостатков, как:

а) наблюдающаяся в некоторых случаях оторванность советов от широких масс рабочих и крестьян, недостаточно широкое участие последних, в частности женщин, в выборах в советы;

б) умаление роли советов, как коллективной организации, и вытекающая отсюда замена сельского совета его председателем, волостного, уездного и губернского исполкомов — их президиумами, городского совета — президиумами уездного или губернского исполкома и т. п.;

в) отсутствие должной связи выборных должностных лиц Советской власти с самими избирателями и отрыв руководящих органов советов от массы избирателей, в том числе отсутствие должной отчетности перед избирателями;

г) недостаточно полная проработка советами очередных хозяйственных, культурных и политических вопросов на пленарных заседаниях советов, а также недостаточная предварительная деловая проработка практических вопросов советского строительства в секциях и комиссиях, в которых должны принимать действительно активное участие все члены советов;

д) недостаточно внимательное удовлетворение запросов и потребностей рабочего и крестьянина, работницы и крестьянки, пренебрежительное отношение служащих и должностных лиц к просителю, стремление отписаться от запросов и требований, вместо действительного разбора дела по существу;

е) громоздкая и технически не рациональная постановка работы советских учреждений, в том числе и низовых, вызывающая волокиту, раздражающую население, раздутую бумажную переписку, излишнюю дороговизну аппарата и т. д.

Отмечая эти существенные недостатки в работе органов Советской власти, III Съезд Советов Союза ССР в то же время констатирует, что в течение прошедших лет Советская власть

принимала меры к изживанию указанных недочетов и в этой работе были достигнуты значительные результаты».

Вы видите, товарищи, что съезд Советов совсем не хотел набросить розовый лоскут на наши недостатки и скрыть их от глаз. Мы знаем, что за эти недостатки ухватятся наши враги и что в буржуазных странах враги Советской власти могут сказать: «Вот видите, как плоха работа Советской власти, как много у них недостатков!» Но мы этого не боимся.

Мы всегда себя критиковали и критикуем, потому что мы чувствуем себя сильными, мы чувствуем всю силу, которую дает нам доверие широких масс рабочих и крестьянства. Мы всегда можем разобрать все наши недостатки совместно с этими массами, и мы можем эти недостатки излечить. Мы можем обсуждать эти недостатки, открыто анализировать их, потому что мы знаем, что эти недостатки очень различны, и лечить мы их можем только при широком участии народных масс, и когда мы это будем делать, недостатки будут сами собой выправляться, у нас не будет тогда бюрократизма, не будет чиновничества, не будет того комчванства, на которые неоднократно указывал Владимир Ильич. Только таким путем нами будут устранены недостатки, и мы достигнем значительного улучшения нашего положения.

Второй пункт, на котором останавливается резолюция Съезда Советов, это — вопрос о выборах в советы. Вы знаете, что осенью мы обнаружили слабое участие крестьянства при выборах в советы. И Советская власть нашла тогда же нужным устроить перевыборы советов. Съезд Советов одобрил эту меру. В связи с этим Съезд Советов постановил обратить внимание всех органов Советской власти на крайне осторожный подход к составлению списков лишенных избирательных прав и потребовал, чтобы это осторожное отношение особенно применялось в отношении трудового старательного крестьянства.

По конституции, в нашей стране лишены избирательных прав те группы населения, которые являются эксплуатирующими чужой труд. Мы это постановили, мы это проводим в жизнь, мы на этом стоим. И когда нам говорят относительно того, что у нас нет общего, равного избирательного права, мы говорим, что мы в нашей стране лишаем избирательных прав те группы, которые живут эксплуатацией чужого труда. Это мы говорим открыто. В то время как в самых демократических странах положением о выборах в значительной степени понижается право трудящегося населения, мы строим наш избирательный закон так, чтобы лишать избирательных прав не трудящееся население, а чтобы не допустить к нашей государственной работе врагов Советской власти.

По нашей конституции, всякий трудящийся должен пользоваться избирательным правом, и Всесоюзный Съезд Советов

отметил это и указал на то, чтобы все трудящиеся пользовались своими избирательными правами. Он пошел даже дальше: всякий избиратель должен знать, в чем заключаются и на что распространяются его права; всякий трудящийся должен знать, что его права заключаются не только в том, что он призван избирать, но также и в праве отзыва своего делегата, если избранный делегат перестает отражать интересы делегировавших его трудящихся. Всесоюзный Съезд Советов подчеркнул, что одним из основных положений Советской конституции является право отзыва делегируемого члена совета, неудовлетворительно работающего или не отчитывающегося перед своими избирателями. Это постановление подтверждает ту мысль, что советы не должны бюрократизироваться, что делегат не должен рассматривать себя, как какое-то начальство, но он должен помнить, что он является защитником и представителем тех интересов, которые преследуются его избирателями.

Это должны знать не только города, но об этом должны знать и в глухих деревнях, во всех медвежьих закоулках. Необходимо, чтобы избирающий следил за тем, кого он избирает и как этот избираемый защищает интересы избирателя. Нам нужно иметь в виду то, что страна наша огромная и что грамотных у нас не так много. Если вы возьмете широкую массу крестьянства, то вы увидите, как много у нас неграмотных, какая масса отсталых политически, какая масса не привыкших к политической жизни, к политической работе. В этом отношении указание Всесоюзного Съезда Советов чрезвычайно важно. Оно приглашает выделить тот крестьянский актив, при котором будет значительно легче вести нашу политическую работу в деревне, при котором успешнее можно будет проводить в жизнь все наши практические мероприятия, при котором проведение нашей политики будет правильным. Когда этого нет, на сцену выступают плохие советские чиновники, плохие делегаты, которые совершенно не удовлетворяют интересам трудящихся. На это надо обратить серьезное внимание. Необходимо все внимание направить в ту сторону, где аппарат больше всего портится, где у него замечается стремление к бюрократизму, а именно: надо обратить больше всего внимания на деревню. Когда мы устраним недочеты по линии крестьянства, это сейчас же отразится на тех недочетах, которые замечаются у нас в городах. Как только изменится к лучшему положение с аппаратом в деревне, сейчас же пойдет лучше дело и в городе.

III Съездом Советов была принята также резолюция о соблюдении революционной законности. Я не могу передавать вам всех тех докладов и речей, которые заслушаны были на Съезде, и поэтому я не могу передать вам всех тех фактов беззаконности и правонарушений, о которых было доложено в этих докладах.

Иногда эти нарушения смешны, курьезны, иногда они имеют прямо контр-революционный характер, потому что вызывают раздражение среди населения. Политически мало воспитанное население деревень по беззаконному действию одного какого-нибудь советского чиновника или представителя Советской власти создает себе отрицательное представление о Советской власти, вообще, переносит действия одного плохого советского чиновника на весь советский аппарат. Среди населения, таким образом, действительно создаются контр-революционные настроения. Поэтому соблюдение Советской властью изданных законов, возможность найти управу на того, кто нарушает советский закон, должно быть строго зафиксировано, проведено в сознание широких масс, и пути к тому, чтобы найти управу на беззаконие, должны быть для широких масс облегчены. Об этом и трактует специальное постановление Съезда Советов, которое говорит: «Требуются двоякого рода мероприятия по борьбе с нарушениями революционной законности: ознакомление населения с законами и с порядком обжалования незаконных действий власти». Так как,— и опять это больше относится к деревне, чем к городу,— в деревнях мы могли констатировать злоупотребления целым рядом незаконных административных волеизъявлений, то Съезд Советов постановил: «Соответствующим законным актом ограничить административные штрафы, как в городах, так и в селениях, определенным размером и случаями, устанавливаемыми в законодательном порядке».

На Съезде, например, сообщили о таком факте: какой-то умница из какого-то уездного исполнительного комитета ввел в порядке обязательных постановлений штраф за тараканов, которые будут найдены в избах. (Смех.) Это не шутка. На Съезде было прочитано официальное постановление, которое было распубликовано, что в такой-то день должна быть произведена чистка всех изб и что после этого за каждого таракана, который окажется, будет накладываться административный штраф. Когда мы призвали этого умницу и спросили его: «Как ты мог совершить такую глупость?» — он ответил: «Это я для усиления своего бюджета». (Смех.) Конечно, мы понимаем, у него в бюджете дыра. Он, вероятно, на хорошие цели хотел собрать деньги, может-быть ему надо было подправить школу, или больницу, или мост. Цель была хорошая, но способ-то уж больно дурацкий. А ведь такой пример способен взбунтовать целое село. В другом месте штрафовали за то, что не подписываются на газету. Где есть такой закон, который обязывает подписываться на газеты? Такого закона нет. Можно убеждать подписаться, можно ставить человека в такое положение, чтобы он почувствовал, что он газет не читает, и чтобы ему стало стыдно, но чтобы обязывать законом подписываться на газету

и штрафовать тех, кто не подписывается,— это беззаконие. А ведь находятся такие умники, которые вздумали принудительным порядком заставить читать газеты.

Съезд Советов поручил выработать и издать постановление об ограничении конфискации имущества по суду, а также продажи имущества за неуплату налогов, штрафов и т. п. Все товарищи, которые имеют отношение к деревне, прекрасно понимают, о чем идет речь. Для крестьян это постановление о прекращении или ограничении конфискации имущества по суду, а также продажи имущества за неуплату налогов, будет иметь громадное значение. Мера не эффектная, скромная, занимает всего $2^1/_2$ строки, но для сотен тысяч крестьянских хозяйств будет иметь громадное значение. По этой мере будут судить о том, как рабочий класс управляет советским государством: на пользу крестьян, т.-е. стремится удовлетворить законные потребности крестьян, или против крестьян.

Вот, товарищи, я рассмотрел и ознакомил вас с вопросами, связанными непосредственно с государственным строительством и с улучшением того аппарата, через который мы законодательствуем, вырабатываем законы и при помощи которого мы эти законы осуществляем.

Следующими вопросами, которые стояли на Съезде, были вопросы хозяйственного строительства. Первое и основное, на что потребовал Съезд Советов ответа, на что требует ответа весь рабочий класс, все сознательное крестьянство, вся страна,— это вопрос о нашей промышленности, ибо каждому из нас понятно: если не будет развиваться наша промышленность, если не будут подниматься наши фабрики и заводы, если не будет увеличиваться в своем количестве рабочий класс, если не будет улучшаться положение рабочего класса,— то ни о социализме, ни о независимости нашей страны и разговаривать нечего.

Огромное, чрезвычайно серьезное значение Съезд Советов придал вопросам сельского хозяйства. Если бы кто из нас забыл о важности развития сельского хозяйства, об огромном значении подъема крестьянского хозяйства, тот не понял бы современного положения нашей страны, не понял бы задач, которые стоят перед нами, тот не умел бы строить страны, не умел бы строить социализма. *Но все же на первом плане стоит вопрос о промышленности, ибо социализм можно строить только на основе крупной машинной промышленности.* Независимость нашей страны, обороноспособность ее, способность ее сопротивляться насилию капиталистов, иностранцев, возможны только при условии широкого развития крупной, покрывающей всю страну, действующей промышленности. Нет никакого сомнения, что те 600 крестьян, которые были на Съезде, хорошо понимали, а Съезд им еще

больше уяснил, что без пролетарского стержня и без фундамента крупной промышленности никакого поднятия и крестьянского хозяйства быть не может. Они поняли и приветствовали одобрением заявление, которое пришлось мне сделать на Съезде, что если страна, которая представляет собою 20 миллионов раздробленных, отдельных крестьянских хозяйств, будет иметь падающую промышленность, если в этой стране будет ослабляться пролетариат и количественно и в смысле его материального положения,— то такая страна обречена на роль колониальных рабов, такая страна, в которой мы вынем пролетарские балки,— несомненно рушится, и любой иностранный капиталист придет и возьмет ее голыми руками.

О нашей промышленности.

Вот почему вопрос о развитии нашей промышленности есть основной вопрос. Это тот угол, с которого надо начинать.

Что же нам доложило правительство на Съезде о промышленности?

Доклад тов. Дзержинского от имени Высшего Совета Народного Хозяйства показал, что в этой области мы достигли громадных успехов. Съезд слушал этот доклад с большим вниманием и с удовлетворением констатировал те успехи, которые мы здесь имеем. Мне приходилось не раз перед Московским Советом и устно и в виде диаграмм рисовать наши успехи в области промышленности. Я надеюсь, что товарищи, которым придется делать доклады на фабриках и заводах, сами потребуют, чтобы им дали основные цифры, которые приводил т. Дзержинский в своем докладе и которые покажут каждому рабочему, какие огромные успехи мы имеем в области нашей промышленности.

Основной и показательный факт нашего роста: уже сейчас мы достигли 70% довоенного уровня в области крупной промышленности. За 1 год мы двинули продукцию нашей промышленности от 30 до 60%. Мы ясно уже начинаем ощущать, что тот довоенный уровень, о котором мы говорили года 2 — 3 тому назад, как о далекой цели, теперь у нас перед глазами, и что в некоторых отраслях уже через несколько месяцев, а в других — через год или через полтора, мы довоенный уровень промышленности восстановим целиком. Это будет, конечно, громаднейшее завоевание. Если бы в 18/19 и 20 гг., в годы голода, гражданской войны и блокады, нам сказали, что мы уже в 1925 г. подойдем к довоенному уровню и станем реально обсуждать, как бы через этот уровень перейти в смысле количества фабрик, заводов, машин, продукции и т. д.,— то мы сказали бы, что этот человек очень легко смотрит на наши перспективы. На деле же оказалось, что, благодаря правильной политике

Советской власти — с одной стороны, и энергии рабочего класса — с другой, мы к этому уровню уже подошли.

Какие же выводы сделал Съезд из этих достигнутых нами результатов? Прежде всего Съезд должен был сказать, что тот темп развития промышленности, который дал 50 — 60% повышения, скажем, в области текстильной промышленности и в области металлургической, где мы за один только год шагнули на 50—60% вперед, что этот темп, эту быстроту — развивать дальше или остановиться на достигнутых уже результатах? И Съезд ответил — это первый пункт постановления, который и для наших врагов, и для крестьян, и в первую очередь для пролетариата фабрик и заводов должен иметь решающее значение,— постановлением, в котором говорится, что темп работы необходимо развивать и разворачивать, промышленность — усиливать. Мало того, Съезд признал официально, — что наши потребности никоим образом не могут быть удовлетворены довоенным уровнем и что наша практическая задача заключается в постройке новых фабрик и заводов, в закладке новых шахт, в расширении и переоборудовании существующих. Как видите, дальнейшее развитие промышленности представляется нам как совершенно конкретная задача — постройка новых фабрик и заводов. Вот к чему мы теперь подошли. Надо сказать, что это есть одно из советских чудес.

Если бы начать по пальцам перечислять, сколько чудес сделано рабочим классом и крестьянством за эти годы, то уже теперь мы насчитали бы их довольно много. Отстоять свою страну против объединенных военных сил всех капиталистических держав, это — невиданное в мире чудо. В стране разоренной, в стране, которая не имеет заграничного кредита, из той бумажной кучи, которая называется совзнаками, цветными бумажками, создать твердую, полновесную звонкую деньгу, это — чудо. В семь лет дойти в области промышленности до довоенного уровня и самым серьезным деловым образом сказать,— а ведь еще несколько лет тому назад кричали: о продовольственном, транспортном и топливном голоде,— что мы приступаем к постройке новых заводов, к закладке новых шахт, к постройке новых фабрик — разве это не есть несомненное чудо, сделанное энергией рабочего класса? Теперь это уже не только пожелание, не мечта, не агитационная речь, а конкретная жизненная задача. Это уже закон. По этому закону мы и должны соизмерять свои средства, вести свою работу. Если к следующему Съезду приехавшие на Съезд рабочие и крестьяне спросят нас: А где построенные вами новые фабрики? Сколько новых шахт у вас? На сколько процентов вы перешли довоенный уровень? — на эти вопросы нужно будет дать ответ. Мы надеемся, что ответ этот дадим и покажем товарищам новые заводы, новые шахты, новое оборудование. (Аплодисменты.)

Одной из причин, которая заставляет нас вступить на этот путь, является тот товарный голод, который отмечен в постановлении Съезда. Наша промышленность сильно поднялась, но вместе с тем мы имеем в стране недостаток товаров. Все вы, представляющие пролетариат столицы, знаете, что у нас теперь товар на фабриках и заводах раскупают из-под станка, и мысль, которая теперь занимает правительство, заключается в том, с каким товарным запасом мы придем к новому урожаю. Урожай, повидимому, будет хороший. Хлеба в стране мы рассчитываем (не поддавайтесь излишнему оптимизму, определенно можно будет сказать об этом лишь недели через две — три) иметь приблизительно на 300 — 400 миллионов пудов больше, чем мы имели в прошлом году. И вот перед нами встает вопрос: когда этот хлеб будет собран и когда крестьянин этот хлеб повезет на базар — будет ли у нас достаточное количество товаров, чтобы удовлетворить крестьянский спрос? На это мы должны сказать: если мы будем работать тем темпом, каким сейчас работаем, — товаров не хватит, потому что то, что мы сейчас производим, расхватывается. И в сентябре или октябре мы можем подойти к реализации урожая с пустыми фабрично-заводскими складами. А это — беда. Крестьянин, привезший хлеб для того, чтобы купить необходимые ему продукты, и не найдя этих продуктов, будет недоволен рабочим классом. Больше того, это может привести к колебанию нашей монеты, нашей денежной системы.

Надо принять все усилия к тому, чтобы этот товарный голод изжить путем повышения собственной продукции, а также путем дополнения к этой собственной продукции товаров, привезенных из-за границы. Нам нужно иметь к моменту снятия урожая такой запас фабрично-заводской продукции, который мы могли бы предъявить крестьянину в обмен на его хлеб и другие с.-х. продукты, т.-е. на техническое сырье: лен, свеклу, хлопок, то сырье, без которого наши фабрики и заводы работать не могут.

О ценах на товары.

Съезд Советов коснулся еще одного важного вопроса — цен на товары. Съезд указал, что в интересах широких рабочих и крестьянских масс в настоящее время правительством должно быть обращено внимание на борьбу с чрезмерными накладными расходами, как во внешней, так и во внутренней торговле, и с чрезмерными надбавками в розничной торговле, ибо та политика снижения цен, которую мы проводим и которую Съезд одобрил — а она должна проложить дорогу нашей продукции на крестьянский рынок, — не достигает цели потому, что крестьянин покупает не по оптовой цене, а по розничной. А известно,

когда товаров мало, то розничник может повысить цену на любую надбавку. Следовательно, только путем увеличения количества продуктов мы с этим злом поборемся. Оба эти зла—и товарный голод и слишком высокая розничная цена—могут быть преодолены только на том пути, который указал Съезд: во-первых — увеличить продукцию, расширить промышленность и строить новые заводы и фабрики, во-вторых—провести улучшение всего дела организации производства.

Вы, товарищи, знаете лучше меня, как еще плоховато организовано у нас производство, сколько накладных расходов поглощается в результате неправильной организации дела, и сколько требуется еще улучшений. Съезд и постановил, что в настоящий момент главное внимание руководителей наших промышленных предприятий и организаций должно быть обращено в сторону рационализации производства, т.-е. правильной научной постановки всего производства, в сторону улучшения всей его организации, введения технических усовершенствований, поднятия квалификации, подготовки новых кадров рабочих и технического персонала. Съезд совершенно точно указал: если мы хотим разворачивать промышленность, то нам нужны капиталы для покупки новых машин, инструментария, для постройки новых зданий; нам нужна новая техническая постановка самого производства. Для этого нужно в гораздо большей мере, чем до сих пор, использовать научные завоевания. Съезд недаром, по докладу т. Дзержинского, вынес следующее постановление:

«III Съезд Советов Союза ССР признает, что от знания, опыта, доброй воли и преданности делу возрождения советской промышленности технического и административного персонала зависит в большой степени успех поднятия производства, и поэтому поручает правительству обратить внимание на тщательный подбор этих работников, на поднятие их квалификации, на пополнение ими не только теоретических познаний, но и практического опыта, а также на увеличение кадров, создание им товарищеской обстановки в работе, улучшение бытовых условий их жизни и урегулирование их положения в общей системе управления промышленностью».

Тов. Дзержинский ставит вопрос правильно. В деле разворачивания нашей промышленности мы упираемся уже в три пункта: 1) необходимо влить побольше капиталов в промышленность, 2) использовать в большей степени в промышленности научные усовершенствования, побольше внимания науке, побольше квалифицированных работников, ибо то, чего не сможет сделать недостаточный капитал—может быть достигнуто введением всяческих научных усовершенствований в деле производства. И Съезд обратил внимание всех органов власти на положение научных работников технического и административного персонала. И, нако-

нец, третье, что важнее и первого и второго, это — положение самого рабочего класса. Можно иметь большие капиталы и великолепную науку, но если у нас не будет организованного рабочего класса, сознательно относящегося к своему делу и вместе с тем имеющего возможность использовывать свои силы для поднятия своего уровня, то, конечно, никакого развития промышленности и социализма мы не создадим. И Съезд Советов на это указал. В постановлении, которое было принято по докладу т. Дзержинского, говорится:

«На основе поднятия производительности труда и дальнейшего роста производства необходим рост и заработной платы рабочих, в первую очередь в отставших по заработной плате отраслях промышленности и районах. Вместе с тем принятые в этом году правительством меры по улучшению жилищного вопроса в рабочих районах должны быть в дальнейшем продолжены и расширены в виду весьма тяжелых жилищных условий рабочих во многих промышленных районах.

В целях усиления борьбы с безработицей среди промышленных рабочих Съезд признает необходимым вместе с развертыванием промышленности принять все меры к наибольшему привлечению их в расширяющиеся предприятия (фабрики и заводы), в первую очередь из наиболее ценных слоев квалифицированных промышленных рабочих».

Вопрос об укреплении положения рабочего класса, о поднятии уровня его материального благосостояния, о создании лучших условий жизни проходит красной нитью через все постановления Съезда, и не только по докладу т. Дзержинского, но и по докладу т. Сокольникова о финансовом положении страны. Это вполне понятно, ибо когда т. Сокольников начал разворачивать финансовые перспективы, то он, конечно, неизбежно, как представитель рабочего класса, уперся в тот же самый вопрос. Улучшение финансового положения страны невозможно без повышения культурного уровня жизни как рабочего класса, так и крестьянства.

Вот те основные пункты постановления о промышленности, которые были приняты Съездом. К этому можно прибавить, что в той же резолюции указано не только на помощь крупной промышленности, но и на помощь мелкой ремесленной кустарной промышленности.

Кустарная промышленность находится и развивается в деревне, она может поглотить тех безработных, которых дает наше производство. Кроме того, недостаток товаров должен заставить нас обратить внимание на то, чтобы кустарная промышленность давала нам как можно больше продуктов, которых не хватает. Бояться того, что кустарное производство забьет промышленность,—не приходится, потому что кредит в наших руках, транспорт в наших руках. Кустарю необходимо помочь. Если мы

производим на государственной фабрике 2 милл. сапог и, скажем, производство это надо увеличить до 8 милл. (в нашем Союзе 130 милл. населения), то пускай и кустари работают для населения и мы им поможем льготным кредитом. А когда мы построим новые фабрики, то будем их бить тем, что наша продукция будет и лучше, и дешевле. А пока надо помогать кустарю улучшать и развивать свое производство.

На помощь крестьянству.

Много внимания Съезд уделил вопросу о крестьянстве. Съездом принята очень подробная резолюция, в которой говорится, что все силы должны быть направлены на то, чтобы выяснить крестьянам, что́ Советское государство делает для крестьянства.

Мне приходилось много раз и очень подробно останавливаться на этом вопросе и говорить о том, что́ мы сделали в отношении крестьянства. Поэтому, повторять вам здесь лишний раз этого я не буду. Позвольте мне перейти прямо к тому, что было принято Съездом в отношении крестьянства. Прежде всего нам нужно вести курс на новую, богатеющую деревню, потому что наша промышленность должна развиваться, а богатеющая деревня будет являться базисом торговли, необходимой для сбыта продукции промышленности. Эта богатеющая деревня необходима для проведения социализма, необходима для укрепления положения страны. Для того, чтобы подойти к разрешению этих задач, необходимо, чтобы крестьянство богатело. А для того, чтобы крестьянство богатело, мы должны добиваться, чтобы оно с одной десятины крестьянского поля брало то, что давало бы ему известное обеспечение, мы должны добиваться того, чтобы продукция с этой одной десятины продавалась не только у нас в стране, но чтобы можно было часть продавать и за границу.

И вот, когда крестьянство от трехполки перейдет на многополье, когда крестьянство добьется того, что оно начнет лучше обрабатывать свою землю, лучше ухаживать за нею (у нас позорно низкий урожай. Европа таких урожаев не знает; она получает вдвое больше на одной десятине, чем мы) — и вот, когда крестьянин этого добьется, ему понадобится много больше предметов потребления, чем ему нужно сейчас, ему понадобится и лучшее зерно, и лучшая сеялка и жнейка, ему понадобятся и все продукты, необходимые для него, и для его жены, и для его детей, которые он и будет покупать. А эта необходимость в предметах крестьянского потребления, в свою очередь, будет повышать промышленность, будет заставлять промышленность вырабатывать возможно большее количество продукции. Поэтому политика Советской власти стоит на правильном пути, когда она обращает свое внимание на повышение доходности крестьянского хозяй-

ства. И мы можем сказать, что у нас счастливая обстановка, потому что в этой политике заинтересовано и рабочее население и крестьянство. Рабочие заинтересованы в том, чтобы крестьяне как можно больше покупали продукцию городской промышленности, а крестьяне заинтересованы в том, чтобы возможно дешевле покупать ее, а это возможно только при дальнейшем расширении индустрии. Я говорю, что это необычайно счастливая обстановка. Если бы оказалось, что рабочие и крестьяне противоположны в своих интересах, что интересы их расходятся, то здесь образовалась бы та щель, в которую влезали бы и контрреволюция и старый буржуазный порядок.

Исходя из того, что дается нам самой жизнью, самой действительностью, а не написано в книжке, мы сейчас можем твердо сказать, что это положение у нас закреплено на долгие и долгие годы. Мы стремимся к поднятию технического уровня и, кроме того, мы стремимся к облегчению положения крестьянского хозяйства, мы стремимся к тому, чтобы путем этого облегчения можно было улучшить обработку крестьянской земли, улучшить положение крестьянского хозяйства.

Может-быть, нам скажут, или, может-быть, у вас возникнет вопрос: не поведет ли такое облегчение положения крестьянства и заботы о крестьянском хозяйстве к выделению кулачества в крестьянстве, которое будет расти в деревне в виде буржуазной верхушки?

Я не буду останавливаться на этом вопросе. Я много об этом говорил и писал и здесь скажу только одно: у нас 40% безлошадного крестьянства, а кулаков у нас от 3 до 4%. В чем же состоит наша задача? Наша задача состоит в том, чтобы в первую очередь для 40% населения, которые не имеют ни одной лошади, создать такое положение, чтобы они хоть по одной лошади приобрели. И если эти 40% при помощи государства, при помощи кооперации приобретут по одной лошади, никакие нам 4% кулаков не опасны, а потому мы должны строить всю свою политику на росте производительных сил деревни, чтобы помочь бедноте и середняку выбраться из той нищеты, в которой они находятся до сих пор.

Резолюция Съезда Советов заключает в себе 25 пунктов. Читать их я вам не буду, остановлюсь только на одном пункте. Вы знаете, что государство должно взять с крестьянства 240 000 000 руб. налога.

Из 240 милл. рублей, которые крестьянство даст государству, Съезд Советов постановил 100 милл. руб. отдать волости на то, чтобы волость поправила свою школу, восстановила и поправила свою больницу, улучшила дороги.

Государству остается 140 милл. руб. Из них Съезд постановил 100 милл. руб. отдать Крестьянскому банку на восстановление

дешевого кредита. Таким образом, мы 200 милл. руб. отдаем назад крестьянству. В распоряжении государства остается 40 милл. руб., которые государство затратит на всякие другие нужды, удовлетворение которых одинаково необходимо как для рабочих, так и для крестьян.

Следующим стоял вопрос о землеустройстве. Вы знаете, ибо вы соприкасаетесь с крестьянством, что землеустройство есть именно одно из самых больных мест в деревне. Земля получена, но не устроена, а это мешает правильной обработке.

Съезд постановил закончить проведение землеустроительных работ в 10 лет, при чем землеустроительные работы бедняцкой части крестьян решено принять на государственный счет. Для этой цели в этом году постановлено ассигновать 3 миллиона руб.

Решено также отпустить 6 миллионов рублей для кредита крестьянам на землеустроительные работы, увеличить и удешевить в дальнейшем кредит для этой цели и удлинить срок кредитования. У нас 270 миллионов десятин пахотной земли, которая требует землеустройства. В среднем устроение одной десятины стоит от 80 коп. до 1 руб. Следовательно, если бы мы задались целью устроить всю нашу землю, провести межи, распланировать и т. д., нам нужно для этого 270 милл. руб. Их у нас сейчас нет. До сих пор землеустройство шло на добровольные взносы самого крестьянства. Крестьяне сами, видя большую нужду в землеустройстве, от своих нехваток уделяли известную долю и устраивали землю. Итак, Съезд постановил, чтобы — во-первых, в 10 лет в основных районах дело землеустройства закончить. Это срок небольшой для того, чтобы устроить весь наш Союз. Во-вторых, взять часть расходов на государственный счет. В-третьих, дать крестьянству под землеустроительные работы льготный кредит.

В этом году отпущено 6 миллионов рублей, в следующем году дадим больше.

Необходимо отметить также важное решение Съезда — о дополнительной передаче крестьянам земель, которые сейчас находятся в совхозах или государственном фонде. Отдать все мы не можем, — совхозы нужны государству. Но те совхозы, которые себя не оправдали, которые не могут себя оправдать, их список должен быть пересмотрен и все, что можно, должно быть передано крестьянству. То же самое и с землями государственного фонда.

Крестьянство испытывает также громадную потребность в лесе. Съезд постановил передать леса местного значения крестьянству. Передача эта начата еще в прошлом году и кое-где затягивается, опять-таки, из-за недостатка денег. Съезд постановил закончить передачу леса к 1 августа текущего года. В райо-

нах же безлесных решено «организовать государственные склады в целях снабжения крестьянства лесным материалом по доступной цене»... Дальше Съезд Советов разрешил расширить право аренды. Аренда краткосрочная допускается у нас, но при нынешнем положении, когда бедняк сидит на земле, у него нет инвентаря, нет лошади (40% безлошадных), ему нечем обрабатывать землю, а рядом с ним сидит крестьянин, который эту землю может обработать, и безлошадные крестьяне сдают в той или другой форме свой клочок земли своему более мощному соседу, который ее и обрабатывает. Делается это часто незаконно и скрывается от Советской власти. На этой почве в деревне вырастают всякие кабальные сделки. Съезд Советов своим постановлением внес ясность и определенность в эту область. Если тот или иной крестьянин не может обработать своей земли, он законно может сдать ее в аренду на определенный срок. Сроки аренды установлены такие: сдавать землю можно в аренду до двух севооборотов при многопольи и на срок не свыше 12 лет при трех и четырехпольи. Вместе с тем устраняется препятствие к сдаче в аренду неиспользованного земельного фонда крестьянским обществам. Решено сдавать в аренду участки государственных фондовых земель на срок не свыше 12 лет. Вместе с тем постановлено категорически запретить всякого рода субаренды, т.-е. передачу прав аренды третьему лицу. Это запрещение имеет целью борьбу с преступной спекуляцией национализированной землею, когда арендатор сам не работает, а передает аренду другому, т.-е. является только посредником и на этом зарабатывает. Съезд категорически запретил подобного рода сделки.

Съезд разрешил также широко применять наемную силу в крестьянских хозяйствах. Мы должны были убедиться, что наш закон о 8-часовом рабочем дне, о социальном страховании и т. д. мало подходит к нашим крестьянским условиям. Получается иногда так, что строгое соблюдение нашего кодекса о труде в деревне — восстанавливает против нас не только крестьянина, который хотел бы нанять работника, но и батрака, который, благодаря тому, что мы требуем обязательного письменного договора, 8-часового рабочего дня, обязательного страхования батрака, — не находит себе работы в деревне, идет в город и увеличивает здесь армию безработных. И когда батрак обращается в поисках работы к более или менее крупному крестьянину, тот ему говорит: «Я бы с радостью нанял тебя и дал бы тебе заработать, но ведь Советская власть запрещает, большевики запрещают». И выходит так, что и богач и батрак вместе недовольны Советской властью. Такое положение было неправильно. Надо было его пересмотреть. Съезд и пересмотрел его.

Дальше Съезд констатировал, что основная беда нашего крестьянского хозяйства заключается в недостаточности живого

и мертвого инвентаря. Крестьянство получило благодаря революции громадную дополнительную массу земель, но революция не дала крестьянству дополнительного инвентаря. И получается такая картина: земли много, а инструмента, инвентаря живого и мертвого для ее обработки у крестьян не хватает. Получается расхождение, своего рода ножницы, которые много хуже тех ножниц, которые мы часто с вами рассматривали. Земля есть, обработать ее нельзя, не хватает инвентаря. Крестьянину — землю дала революция, а лошадь отняли империалистическая война, гражданская война, набеги белых, голод. Крестьянин с землей, но землю обработать не может. Вся задача Советской власти должна быть направлена к тому, чтобы это противоречие между землею, которую дала крестьянину революция, и недостатком у него средств для обработки этой земли — устранить, чтобы помочь крестьянству вести свое хозяйство. Что для этого можно сделать? Во-первых — мы утвердили план и ассигновали средства на то, чтобы за пятилетний срок восстановить весь конский состав, не достающий по нашей земле, и дать его крестьянину; во-вторых — Съезд принял постановление, чтобы наша промышленность озаботилась специальным развитием тех заводов и мастерских, которые вырабатывают потребный для крестьянства инвентарь, орудия и инструменты, чтобы этот инвентарь продавался крестьянину по доступным ему ценам и с помощью государственного и кооперативного кредита, и наконец, третье: обратить особое внимание на то, чтобы ввести в крестьянское хозяйство сложные машины и, в первую очередь, тракторы. Мы не можем терпеть, чтобы у нас, при нашем развитии промышленности, при общем укреплении Советской власти, состояние сельского хозяйства носило на себе следы 40% безлошадности. Безлошадные крестьяне, это — те же пролетарии, но поставленные в гораздо худшие условия, чем городские рабочие. Они привязаны к куску земли, но не имеют возможности ее обрабатывать. У них создается особая пролетарская психология, но далеко не та, которая вырабатывается в общем труде на фабриках и заводах. Безлошадный деревенский пролетарий — голодный человек, хозяйство вести он не может, пока не обзаведется лошадью.

Но у нас есть способ притти ему на помощь, это — ввести тракторную обработку земли. Мы начали вырабатывать у себя тракторы и вырабатываем их довольно искусно. Коломенцы, напр., могут похвастаться: за последние месяцы, после ряда неудач, они выпустили трактор, который работает вполне удовлетворительно. Но все-таки надо признаться, что дело это поставлено у нас еще слабо, нам необходимо ввезти из-за границы достаточное количество тракторов, снабдить ими крестьянство для того, чтобы наше сельское хозяйство развивалось быстро

и широко, так же, как идет наша промышленность. Съезд Советов обратил на это внимание и закрепил свои пожелания в определенных резолюциях, имеющих теперь значение закона.

Наконец, Съезд постановил, чтобы в нашей политике мы придерживались правильного обмена между городом и деревней, чтобы крестьянин получал справедливую цену за свою продукцию. Это не значит, товарищи, что мы будем сами, как представители пролетариата, платить за хлеб любую цену. Мы знаем, что хлеб скопляется в буржуазной верхушке деревни, и спекулировать на хлебе, чтобы разорять деревню, мы не позволим. Мы должны дать основной массе крестьянства справедливую цену, такую цену, которая окупила бы его расходы и позволила бы ему приобретать продукты городской промышленности. Это наша основная задача. В общем и целом вы знаете, что мы в прошлом году имели возможность в государственной и кооперативной торговле цены на хлеб не повышать, чтобы не расстраивать бюджет рабочего класса. Ради этого нам пришлось с верхушкой крестьянства спорить, когда мы требовали, чтобы они продавали нам хлеб по определенной цене. Это было правильно. Но, с другой стороны, если будет урожай, если хлеба будет больше, то мы должны употребить все силы на то, чтобы не было у нас того, что имело место в 1923 г., когда хлеб упал в цене чуть ли не до 10 коп., и крестьянин, приехавший с большим количеством хлеба, чтобы купить нашу продукцию, не мог этого сделать. Надо обеспечить крестьянам справедливую, безубыточную,—но для рабочих выгодную,—цену за его продукцию, такую цену, которая оправдала бы его расходы, дала бы ему возможность дальше вести и восстанавливать свое хозяйство.

В тех же целях, чтобы крестьянство развивало свой труд, мы должны, — и Съезд это постановил, — добиться того, чтобы кустарный промысел, ремесленничество и ученичество получило развитие в более облегченных для них условиях.

Съезд, наконец, указал на два главных фактора, от которых будет зависеть подъем нашего крестьянского хозяйства. Первое — это кооперация. Я уже сказал, что наша страна — страна 20 миллионов мелких хозяев. И вот перед нами, руководящим классом, пролетариатом, становится вопрос, как от этих 20 миллионов мелких хозяйств перейти к социализму — крупному, коллективному, планомерному хозяйствованию. Нет ничего более убыточного, с точки зрения развития богатств страны, как эти 20 миллионов мелких хозяйств. Каждый из вас знает, насколько выгоднее крупное производство перед мелким. Подумайте о стране, в которой 20 миллионов отдельных хозяев, каждый живет на своем клочке земли. Какая это бесконечная затрата средств производства, какая бесконечная затрата человеческих сил, какая бесконечная суета с этой землей у каждого в отдель-

ности. Достаточно побывать в деревне, чтобы это увидеть. Это — полнейший разор, это — яма, это — каторга, которая держит хозяйство на низшем уровне развития, не дает человеку развиваться, поднимать культуру, образование, просвещение и т. д.

Какой из этого вывод? Нужно объединяться. Надо объединять эти хозяйства, сначала отдельные операции объединять, потом все более и более. Путь к этому есть, этот путь называется кооперацией. Когда отдельный хозяин не может купить машину и должен поэтому чуть ли не пальцами ковырять землю, у него выхода нет. Но вот когда 10 — 20 хозяев объединяются и покупают машину, трактор и заводят общую обработку земли,— они могут двигаться вперед. Тут есть дорожка к социализму. Человек становится свободным — машина за него работает. Но эта машина недоступна одному крестьянину, она доступна 10 — 20. Поэтому кооперация, особенно среди бедняков и середняков есть основная форма, которую Советская власть рекомендует крестьянству и которая будет поддерживать крестьянство кредитом. Все привилегии—кооперации и всякая помощь через кооперацию.

Если крестьянин сейчас не может купить машину, а мы не можем с вами каждому отдельному крестьянину дать кредит, но можем дать кредит кооперации, и уже ей даем, — он должен объединяться с другими крестьянами для покупки трактора. В кооперации он получит кредит года на три. И вот, когда эти 20 миллионов отдельных хозяйств объединятся в крупные, мощные кооперативные союзы, тогда мы с ними можем иметь дело, через них мы можем регулировать весь ход сельского хозяйства, через них можем учитывать, как лучше нужно сделать. Мы можем доверить наш государственный капитал кооперации, которая объединяет эти разрозненные хозяйства. Вот та главная форма, вот то орудие, при помощи которого Советское государство может помочь крестьянству, должно помочь, и через которое крестьянство будет втянуто в дело социалистического строительства.

Вот смысл доклада о крестьянском хозяйстве, который был прочитан на Съезде и который был всеми членами Съезда одобрен.

Увеличение мощи социалистических элементов хозяйства.

Мне остается теперь сказать несколько слов о том, что все наши успехи и в области сельского хозяйства, и в области промышленности отразились, конечно, не только на мощи экономического и политического укрепления нашей страны, но также и на нашем бюджете. Мы имеем бюджет, который утвержден

Съездом Советов, мы имеем смелость уже теперь в резолюции Съезда написать, что на следующий год у нас должен быть твердый бюджет. Вероятно, многие товарищи, здесь присутствующие, помнят, как не больше года тому назад я рассказывал московским рабочим, как мы работаем в Совнаркоме и СТО, и что у нас не только на 12 месяцев нет бюджета, у нас нет его и на полугодие, даже на три месяца...

Мы каждый месяц составляли особый бюджет расходов и приходов. И я спрашивал товарищей — легко ли управлять громадной страной, имея две дюжины комиссариатов и имея бюджет только на один месяц. — Нельзя. А ведь так было. С этих месячных бюджетов мы перешли на три месяца, потом на полугодовой, а теперь — на годовой. Что это значит? Это значит, что наше советское положение укрепилось, что наша денежная система улучшилась и окрепла, и мы можем теперь за год вперед сказать, какие будут у государства доходы и какие мы произведем расходы. Вот когда, только теперь, мы начинаем хозяйничать по-настоящему. Мы видим, как можно сбалансировать расходы, где можно скостить, где увеличить. Мы начинаем работать по плану.

Это свидетельствует об укреплении нашего финансового положения, о создании твердого бюджета. Это говорит о том, что мы можем подвести итог всем нашим успехам в различных областях нашего хозяйства.

Третий Всесоюзный Съезд Советов заслушал еще доклад о Красной армии и убедился, что и здесь мы должны будем приложить значительные усилия, чтобы не отстать от наших врагов. Съезд знал и твердо помнил, что сила наша в Красной армии и наше преимущество над нашими врагами не в том, что мы можем иметь больше пушек и самолетов, чем Англия и Франция,—этого будет трудно достигнуть потому, что у них громадные капиталы и они дают друг другу взаймы, а у нас капиталов мало и силы наши будут только в том, что у наших пушек и пулеметов стоят рабочие и крестьяне, которые будут знать, что они борются за свою страну, за свою независимость, за власть трудящихся против капитала. (Аплодисменты.) И вот этих рабочих и крестьян, которых дает нам город и деревня, надо вооружить. На это нужно тратить в ближайшее время больше, чем тратили мы до сих пор. Военная промышленность, которая изготовляет пушки, снаряды, газы, моторы и т. д., должна быть развернута, и теперешнее положение дает возможность развернуть ее.

И, наконец, последнее, что сделал Съезд, — это изменение, которое произошло в составе нашего Союза. За последний год выделилась республика Узбекистана и Туркменистана. В изменение того договора, который лежит в основе нашего Союза,

эти две республики были приняты в число равноправных членов Союза — теперь наш Союз состоит из 6-ти равноправных членов, соответственно этому изменению внесены изменения в наши основные законы.

Все эти работы показали, что действительная политика, проводимая Советской властью, соответствует интересам рабочих и крестьян, что на почве этой политики мы укрепляем союз рабочих и крестьян, подымая внешнее могущество Союза, а внутри увеличиваем все больше и больше мощь социалистических элементов хозяйства. Мы осуществляем то, что говорил Владимир Ильич: мы взяли власть, умейте употребить теперь ее на то, чтобы построить социализм, так, чтобы каждый рабочий и крестьянин принимал участие в этом строительстве в своей повседневной, постоянной работе, ибо только всем миром под руководством пролетариата можно построить социализм. Мы его начали строить, хотя вороны черные над нами и каркали, но мы его строим с успехом и построим несомненно. (Бурные аплодисменты.)

РЕЧЬ НА ВЫПУСКЕ СЛУШАТЕЛЕЙ ВОЕННОЙ АКАДЕМИИ. *

Товарищи! Выпуск новой фаланги вождей и командиров Красной армии является общим праздником для всего Союза. В предстоящем году рабоче-крестьянский союз должен будет доказать, что он действительно и реально приступил к социалистическому строительству. Мы боролись за право строить социализм. Мы пережили разруху, залечили раны, открыли дорогу социализму. Экономический подъем страны, подъем благополучия рабочего и крестьянина создают благоприятные условия для борьбы социалистических и несоциалистических элементов нашего хозяйства. Мы хотим не только богатства, но богатства социалистического. Мы хотим не только накопления, но накопления социалистического.

Борьба за социализм будет происходить на базе возрождения и подъема народного хозяйства. Только в союзе рабочего и крестьянина, только при руководстве промышленного пролетариата крестьянской массой мы сумеем одержать победу. Вы получаете в свои руки огромный организм, который является одной из важнейших школ по укреплению союза рабочих и крестьян и практическому руководству широкими крестьянскими массами. На вас ложится задача политического руководства красноармейскими массами, проведение на деле диктатуры пролетариата и союза его с крестьянством.

Рост нашего благополучия — великий соблазн для всех наших врагов. Каждый день нашего существования приближает гибель буржуазного мира. Вот почему идея войны, даже превентивной войны, которая бы помешала дальнейшему нашему развитию, популярна в широких кругах буржуазной Европы. Потому нам нельзя успокаиваться тем, что международное положение устойчиво.

---

* Произнесена 5 августа 1925 года.

Красная армия должна быть готова к отпору в любой момент. Командир Красной армии должен сочетать в себе задачи политического руководства с военными задачами. Это сочетание возможно только при применении методов ленинизма. Только при этом условии вы сможете стать руководителем армии. В уверенности, что вы выполните стоящие перед вами задачи, правительство приветствует вас и желает плодотворной работы.

Напечатана в «Правде»
6 августа 1925 г. № 178 (3100).

ПРЕДИСЛОВИЕ К СТАТЬЕ тов. БАБАХАНА. *

Печатаемая ниже статья представляет обзор важнейших мероприятий, проводимых Советом Труда и Обороны в связи с реализацией урожая.

Громадное определяющее значение для всей экономики (а следовательно, и политики) СССР условий реализации урожая делает совершенно необходимым широкое ознакомление партийных и советских работников не только с отдельными мерами, но и с той общей точкой зрения, с которой правительство подходит к отдельным частным вопросам данной кампании, и с теми общими целями, которые оно себе в данной кампании ставит. Тов. Бабахан, зав. научным секретариатом СТО, которому мною поручено было составить соответствующий обзор, с успехом выполнил свою задачу, и я рекомендую ознакомление с его статьей всем товарищам, стоящим близко к делу реализации крестьянского хлеба. А кто же ныне может позволить себе роскошь не интересоваться тем, как будет реализован наш урожай! Пока я хотел бы обратить внимание товарищей лишь на два обстоятельства.

Первое. Ход и исход реализации урожая будут иметь серьезнейшие социальные последствия, т.-е. его условия окажут серьезнейшее влияние как на взаимоотношения между городом и деревней и между пролетариатом и крестьянством, так и на отношения внутри деревни. Об этом говорят следующие цифры. Предварительные, нуждающиеся еще в проработке, уточнении и т. д. цифры ЦСУ [12]) говорят, что 61 проц. всех товарных излишков, т.-е. приблизительно около 600 000 000 пуд. идущего на рынок хлеба, сосредоточено в руках 14% крестьянского населения, при чем немного более $^1/_3$ всего крестьянства никаких излишков не имеют и хлеб будут прикупать. Эти цифры бросают очень яркий свет именно на социальное значение

* Статья тов. Бабахана «Основы и перспективы хлебозаготовительной кампании 1925—1926 хозяйственного года»; напечатана в «Правде» № 195 от 28 августа 1925 г.

урожая. Эти цифры надо твердо запомнить, для того чтобы вести правильную политику.

Второе обстоятельство, на которое я хотел бы указать в связи с работой СТО по реализации урожая, заключается вот в чем. Впервые за все время существования Советской власти Госплан имел возможность к августу месяцу разработать и представить в СТО единый план народного хозяйства на весь предстоящий год.

Несмотря на то, что этот план имеет, конечно, только черновой, первоначальный характер, самый факт его составления и обсуждения представляет—без лишних слов и без увлечений—громадный шаг вперед в деле социалистического строительства. С подобным планом в руках мы впервые подходим к сознательному, планомерному руководству всей хозяйственной жизнью страны и повышаем в десятки раз возможность для пролетариата направлять ее по желательному для нас, т.-е. по социалистическому руслу.

Несмотря на все имеющиеся в этом первом опыте увязки всего хозяйства, в целом, недостатки (а их неизбежно очень много), этот план представляет не меньшее наше завоевание, чем сами материальные наши успехи в деле разворачивания промышленности, транспорта или товарооборота. Однако, этот план целиком и во всех частях опирается на определенный учет реализации урожая. Размеры и темп развертывания промышленности, транспорта, внешней и внутренней торговли, денежной системы, кредита и т. д. в этом плане неразрывно связаны с ходом реализации урожая.

Это второе обстоятельство еще раз подчеркивает важность для партии и для страны вопросов, связанных с политикой правительства в деле хлебозаготовок.

ТОВАРИЩ ИНЕССА АРМАНД.

Это было, помнится, в 1910 году.

Среди небольшой группы товарищей, собравшихся вокруг Владимира Ильича Ленина и организованных в так называемую «Парижскую Группу Содействия Партии», появился новый товарищ. Он явно выделялся на общем фоне угрюмой эмигрантской жизни своим своеобразным обликом. В этом облике нового товарища невольно приковывала к себе внимание резкая черта сдержанности, в которой, даже при маленьком внимании, легко было рассмотреть внешнюю форму богатой и сложной духовной жизни.

И действительно, путь, который проделала Инесса для того, чтобы оказаться в кругу ближайших единомышленников и сотрудников Ленина в глухую пору реакции, был необычен.

Полу-француженка, полу-англичанка по происхождению, воспитанница богатого дома, она подошла к большевизму своим, своеобразным путем, после долгих поисков, подошла уже взрослым человеком. Не молодое увлечение, не модное умственное поветрие, не материальные тягости жизни, а опыт, воспитанный в негодовании и презрении к буржуазному миру, к буржуазной культуре, к буржуазной семье, привел Инессу на тот путь, где она встретилась с ленинской организацией.

Но, раз ставши на этот путь, она уже с него не сходила. Внешняя сдержанность прикрывала не только проделанный сложный путь от буржуазии к пролетариату, но и непоколебимую волю. При общении с Инессой чувствовалось, что этот человек, раньше чем окончательно стать на точку зрения пролетариата, глубоко и до конца продумал свой путь и принес революционной организации твердое, непоколебимое решение служить ей до конца и безотказно.

Никто никогда не слышал, чтобы Инесса отказалась от какой бы то ни было работы, как бы буднична, тяжела или опасна она ни была.

С детьми на руках она шла в тюрьмы, в эмиграцию, по первому зову отправлялась в нелегальную поездку в царскую Россию или во время войны — во Францию.

За дело пролетариата она боролась тем оружием, которое вкладывала в данный момент в ее руки партия: пером писателя, речью пропагандиста, а когда надо было — работала организатором; всегда без внешних эффектов, без громких фраз, но неуклонно, стойко и умно. Из прошлого она вынесла не только презрение и ненависть к буржуазному строю, но и широкое образование: она прекрасно владела иностранными языками.

Вместе с безусловной преданностью и идейной выдержанностью это качество делало Инессу совершенно незаменимым сотрудником узкого кружка большевиков, когда ему приходилось отстаивать свое существование на арене международного социализма. Когда в 1914 году, еще до войны, надо было отбить попытку международного меньшевизма — во главе с Каутским, Гаазе, Вандервельде и другими — похоронить большевизм путем «примирения» его с меньшевизмом на Международной Конференции, Центральный Комитет во главе с Владимиром Ильичем поручил именно Инессе быть глашатаем большевистской непримиримости среди явных врагов и лицемерных друзей большевиков. А когда война сделала ленинскую группу единственным очагом подлинного интернационализма, Инесса стала одной из ближайших сотрудниц В. И. в раскапывании, налаживании и укреплении первых слабых нитей международного объединения пролетарских революционеров.

Изучая иностранную корреспонденцию Ленина того времени (1915 — 1916 гг.), я неизменно наталкивался на руку Инессы: она была и переводчиком писем Ленина к иностранным товарищам — этих первых документов зарождавшегося Коммунистического Интернационала, — и разъездным агентом, и представителем на первых международных собраниях интернационалистов.

Помню первую встречу с Инессой после Февральской революции. Она только-что вернулась из-за границы, и мы встретились с ней в переполненном рабочими и солдатами Екатерининском зале Таврического дворца.

В этой кипящей толпе, строгая и как будто холодная, она пламенно отстаивала лозунги немедленной социалистической революции. Я попытался несколько охладить ее. Но нет — она оказалась «заряженной» на все 100%. С этим зарядом она уехала в Москву, там всеми силами готовила Октябрь и увидела его торжество.

Ни один историк Партии Коммунистов не пройдет мимо Инессы, если захочет понять тип профессионала-революционера ленинской школы, и не одно поколение рабочих и работниц будет вспоминать о той, которая своим умом и силой воли стала революционером до конца.

Напечатано в сборнике «Памяти Инессы Арманд», под редакцией Н. К. Крупской. Датировано 29 августа 1925 г.

НАШИ ДОСТИЖЕНИЯ, ТРУДНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ. *

Перед новым хозяйственным годом.

Мы находимся сейчас на рубеже года, который все мы называем рекордным годом в деле восстановления нашего хозяйства, года, который показал темп развития, далеко обогнавший наши предположения и наши планы, и вступаем в новый год, который, мне кажется, правильно уже получил название **последнего года восстановительного периода**. Благодаря тому темпу развития, который был усвоен страной под руководством нашей партии за кончающийся хозяйственный год, и благодаря тому темпу, который мы предполагаем для будущего года, мы, вероятно, достигнем к концу будущего года во всех почти областях хозяйства 100% довоенного уровня.

Обстановка складывается, в общем, чрезвычайно благоприятно. Мне кажется, четыре основных момента могут характеризовать эту благоприятную обстановку.

Во-первых, хороший урожай, который есть не только результат стихийного процесса, не зависящего от нас, а есть отчасти (не целиком, но отчасти,— несомненно) результат определенной нашей политики в деревне — политики расширения посевных площадей, снижения налога, политики семенных ссуд, усиления технических культур, снабжения машинами и т. д.

Во-вторых, широкое развитие промышленности и сравнительное улучшение положения рабочего класса.

Третье — такая денежная система и такое наличие финансовых рессурсов, которые дают возможность не препятствовать

---

* Здесь печатается в обработанном и несколько дополненном виде та часть доклада (и заключительного слова) Л. Б. Каменева на пленуме МК, 4 сентября 1925 г., которая ближайшим образом касается хозяйственных задач наступающего года. Другие части доклада, касавшиеся внешней политики, Коминтерна, внутрипартийных вопросов, здесь опущены.

дальнейшему развитию промышленности и хозяйства, а наоборот, подталкивают его вопреки тому, что было в 1922—1924 гг., когда недостаток денег у государства был тормозом для развития промышленности. Эти три условия являются материальными условиями складывающейся благоприятной обстановки.

Четвертое условие носит другой характер: это — создание ряда конкретных планов целых отраслей хозяйства и их увязка в общем плане народного хозяйства на предстоящий год. Самая возможность выработки подобного общего плана является громадным социалистическим достижением. Впервые за все годы существования Советской власти мы вступаем в новый хозяйственный год, имея перед собою некоторую, хотя бы в основных чертах нарисованную, карту нашего будущего развития. Если директор фабрики, купец или банкир должен иметь какой-нибудь план на несколько месяцев вперед, чтобы правильно руководить своим предприятием, то мы, как социалистическое пролетарское государство, в конечном итоге можем планомерно воздействовать на стихийные процессы развития только в том случае, когда имеем перед собой общий план развития народного хозяйства. До сих пор мы этой карты не имели, и поэтому часто нас захлестывали стихийные процессы, а перебои и невыполнение отдельных частичных планов отчасти объясняются тем, что у нас не было общего плана. Впервые теперь этот план, правда, в черновом виде, подлежащий проверке, изменению, корректированию и т. д., у нас имеется. Я остановлюсь на этом плане дальше, а покуда перейду к рассмотрению трех указанных выше материальных условий.

Урожай и темп развития промышленности.

Урожай хороший. Цифры расходятся, но в общем мы принимаем для своей политики цифру валового урожая всех хлебных культур в 4 200 000 000 пудов. Это значит, что в этом году хлебная продукция страны сравнительно с прошлым годом больше на сумму около 1 400 000 000 пудов. Товарная ее часть, т.-е. то, что будет выброшено крестьянством на рынок и что, следовательно, определит платежную и покупательную способность крестьянства, исчислена до 1 100 000 000 — 1 200 000 000 пудов из общего количества 4 200 000 000; остальная часть, т.-е. приблизительно 3 000 000 000, останется у крестьянства, для собственного потребления, прокормления скота, обсеменения. Сюда входит и 500 000 000 пудов хлеба внутридеревенского оборота. Урожай полностью обеспечивает потребности города и деревни, позволяет и крестьянству и государству создать серьезные запасы на будущий год и оставляет очень крупную сумму хлеба для вывоза за границу.

Промышленность находится в таком положении. Мы достигли к концу этого года 71% развития всей промышленности сравнительно с довоенным уровнем. * В наступающем году, по исчислениям Госплана, развитие промышленности достигнет 95% довоенного уровня. Сельское хозяйство за этот год достигнет 89% довоенного уровня. Вся продукция сельского хозяйства и промышленности достигнет 91% довоенного уровня.

Если мы взглянем на денежную массу в стране, то окажется, что в начале 1925 года мы имели 623 милл. руб., к концу этого года (к 1 октября) будем иметь 1 150 000 000, а к концу следующего 1926 года будем иметь более $1^1/_2$ миллиардов рублей в обращении. Если взять средства, которые наши государственные кредитные учреждения могут отдавать в долг промышленности и крестьянству, то окажется, что в начале этого года государство могло давать в долг 940 милл., к концу этого года 1 900 милл., а к концу следующего хозяйственного года государство будет обладать кредитными фондами, предназначенными для поддержки сельского хозяйства и промышленности, в сумме между тремя и четырьмя миллиардами рублей.

Если мы возьмем темп развития нашей промышленности, то здесь достаточно будет следующих немаловажных цифр. Каменноугольной промышленности предстоит развитие в наступающем году на 43% сравнительно с тем, которое мы имеем. Нефтеобрабатывающую промышленность мы двинем вперед на 20% и достигнем полностью 100% технически-возможного использования ее оборудования. Текстильная промышленность в этом году потребила до 10 милл. пудов волокна, в следующем она потребит не меньше 18 милл. пудов. Металлическая промышленность в наступающем году должна подняться на 75% выше того уровня, который мы имеем сейчас.

Общий итог развития крупной промышленности, непосредственно находящейся в ведении ВСНХ: за этот год мы пошли вперед на 63% в сравнении с прошлым годом и в следующем году дадим увеличение еще на 47%. Эти 63% в этом году и 47%, которые будем иметь в будущем году, доведут промышленность до 91% довоенного уровня.

Эти цифры достаточны для того, чтобы показать общую характеристику развития. Они подтверждают то, что я сказал.

---

* Здесь и в дальнейшем я пользуюсь контрольными цифрами Госплана. Ошибки в них—вероятны, но это единственные, имеющиеся у нас в данный момент сводные цифры, и пользоваться ими для общих выводов можно без риска впасть в большое расхождение с действительностью. Для практических выводов, конечно, необходима их критическая проверка и уточнение. Этой проверкой заняты сейчас наши центральные учреждения. Лишь после сопоставления результатов этой критической работы можно будет установить степень точности цифр Госплана.

Мы идем к тому, что к октябрю 1926 года достигнем в общем и целом довоенного уровня народного хозяйства в нашей республике. Тот план, который мы имеем перед собой и с которым хотя бы в общих чертах нужно ознакомиться, в первую очередь, каждому члену партии, опирается на эти данные. Если поставить, как черную черту, довоенный уровень в различных отраслях промышленности, мы увидим, как за последние два года линия нашего развития быстрыми шагами продвигается к этому уровню.

Теперь доказано фактами, что пролетарская революция в очень короткий, сравнительно, срок сможет решить задачу восстановления производства до довоенного уровня. Это очень важное достижение. Цифры, касающиеся темпа развития хозяйства капиталистических стран, показывают в общем и целом ту же картину восстановления довоенного уровня (кроме С.-А. Соед. Штатов, которые, в силу специальных условий, на которых я останавливаться не могу, далеко перешагнули довоенный уровень). Это остро ставит перед нами вопрос о темпе нашего дальнейшего развития. Мы доказали, что диктатура пролетариата и социалистические методы хозяйства, которыми мы работаем, не только не задержали темпа восстановления, как пророчествовали лакеи буржуазии из «ученых» меньшевиков, но, наоборот, помогли нам быстро встать на ноги, несмотря на то, что наша страна была больше всех разорена войной и интервенцией, несмотря на то, что она была наименее устойчивой благодаря своему низкому техническому уровню. Легко понять, какое значение имеет этот факт в смысле «пропаганды действием» принципов диктатуры пролетариата и социализма, как бьет он в лицо не только капиталистов, но и их прислужников из II Интернационала. Но с того момента, как мы взяли с бою эту высоту, перед нами встает новый вопрос—вопрос о «состязании на быстроту» в деле развития от довоенного уровня дальше.

Характерным для процесса восстановления нашего хозяйства является то обстоятельство, что мы все больше и больше связываемся с мировым рынком. Если бы мы не имели экспорта, если бы мы, опираясь на этот экспорт, не усиливали бы снабжения нашей промышленности и сырьем, и техническими средствами, процесс роста нашего хозяйства был бы заторможен. *Активное участие в мировом товарообороте есть необходимое условие нашего дальнейшего роста тем темпом, который мы перед собой ставим.*

А следовательно, состязание на этой мировой арене наших методов и методов капиталистических, *состязание на быстроту развития от довоенного уровня дальше* будет кардинальным вопросом нашей ближайшей политики. До сих пор мы могли не обращать на это внимания. Мы были

озабочены тем, как бы добраться до довоенного уровня. Теперь нам надо готовиться к состязанию, которое должно показать превосходство социалистических методов, которые мы применяем, над капиталистическими методами, которые применяют все остальные страны на арене мировой экономики.

Вот что становится видно с той высоты, которой мы достигли. Но надо подчеркнуть и другую сторону наших успехов. Мы быстро идем к довоенному уровню хозяйства, но, кажется, все прекрасно знают, что до войны социализма не было и достижение довоенного уровня отнюдь не является для нас идеалом. Мы добьемся того, что будет вырабатываться столько же металла, столько же угля, столько же хлеба, столько же мануфактуры, сколько вырабатывалось до войны. Но мы хотим не только восстановления хозяйства до его довоенного уровня. Мы — государство социалистическое, а это значит, что все хозяйство поставлено у нас на новую, принципиально другую основу (национализация промышленности и пр.). А эта новая социалистическая основа всего нашего хозяйства неизбежно должна отразиться на изменении всех соотношений внутри хозяйства.

Социалистическая организация хозяйства.

Не только количественное достижение довоенного уровня, но и реконструкция, т.-е. внутреннее изменение соотношений отдельных сторон нашего хозяйства на новой основе — вот какова наша задача.

Вот, кто сказал бы: «ныне отпущаеши», достигли довоенного уровня, дальше все пойдет гладко,— тот обнаружил бы непонимание самой сущности нашей постановки вопроса, обнаружил бы, что он видит только первую половину вопроса. Вторая половина его заключается в том, что нам в ближайший срок не только надо достигнуть довоенного уровня, но и изменить внутренние соотношения нашей экономики так, чтобы в них нашли себе максимальное выражение преимущества социалистического ведения народного хозяйства. Именно в этом направлении нам надо энергично подвигаться вперед.

Приведу парочку простых примеров: мы вычисляем, сколько всего производится продукции в нашем хозяйстве и сколько из этой продукции идет на рынок. Есть ли разница между взаимоотношениями этих двух величин в обществе капиталистическом и в обществе социалистическом? Конечно, есть принципиальная разница. Потому что частно-капиталистическое общество стоит на началах свободной конкуренции и все производство промышленности выбрасывается и обращается в порядке купли-продажи.

А у нас? У нас—нет. У нас промышленность огосударствлена, взята в руки государства, управляется из единого центра. Во внутреннем обороте промышленность не является исключительно рыночной. Продукция выбрасывается не только на началах купли-продажи, но и на началах централизованного перераспределения. Следовательно, процент общей продукции, который выбрасывается на рынок, в сферу свободного обращения, у нас должен быть меньше, чем в капиталистическом обществе.

В какой мере мы, как социалистическое общество, уже достигли этого? В какой мере мы избавились от тех накладных, непроизводительных расходов, которые несет капиталистическое общество благодаря этой полной свободе конкуренции? До сих пор не очень много. А дальнейший прогресс в этом направлении возможен и чрезвычайно необходим: это будет прогрессом в сторону социалистической организации хозяйства. Именно национализация промышленности дает нам возможность двигаться дальше по этому пути и таким образом использовать все наши преимущества при «состязании на быстроту развития» с капиталистическими странами.

Возьму другой пример, связанный с этим. Для того чтобы обернуть всю ту массу товаров, которая выбрасывалась на рынок до революции, которая выбрасывается на рынок вообще в капиталистическом обществе, нужна определенная сумма денег. Столько ли нужно денег для того, чтобы обернуть такую же массу товаров в нашем социалистическом обществе? Конечно, нет. Принципиальное отличие заключается в том, что для оборота той же суммы продукции нужно меньшее количество денег. Иначе говоря, *социалистическая организация хозяйства и здесь дает уже нам, а в дальнейшем может дать еще в большем размере, сокращение непроизводительных расходов, неизбежно сопутствующих капитализму.*

Возьмем еще один пример.

Национализация промышленности дает нам, опять-таки, возможность резкого сокращения тех накладных расходов, которые несет капиталистическое производство, путем общей рационализации производства, введения стандартов, уничтожения секретов производства, концентрации его на лучших заводах, на лучших фабриках и т. д. Мы, тем самым, достигаем экономии, которой капиталистическое общество или вообще не может дать, или же дает частично и за счет непроизводительной растраты человеческого труда.

Принципиально новым является в нашей организации народного хозяйства та роль, которую играет в деле распределения продуктов кооперация, и ее отношения с промышленностью. Мы сознательно отдаем предпочтение кооперации, мы устанавливаем

для госпромышленности известные обязательные отношения к кооперации (в области отпуска товаров, их цен и т. д.), мы добиваемся и будем добиваться в еще большей степени увеличения роли кооперации в обороте страны, в установлении связи между городом и деревней и т. д. Такой же принципиально новый характер носит наша электрификация или планомерное, систематическое, государством проводимое и регулируемое введение трактора в сельское хозяйство.

Все эти вопросы, которые мною здесь только намечены, составят содержание дальнейшего улучшения самого типа организации нашего хозяйства.

Мало достигнуть довоенного уровня; мало количественно производить столько же угля, столько же нефти и т. д.; надо вести политику так, чтобы качественно, благодаря перераспределению различных отраслей хозяйства, получить более выгодную организацию хозяйства, усиливать социалистические элементы в самой организации нашего хозяйства. Тут у нас еще непочатый край работы, ибо именно теперь, явно выбравшись из состояния нищеты, голода, всевозможных нехваток, можем зы как следует и во-всю поставить вопрос о полном использовании всех преимуществ национализации промышленности, принципов концентрации производства на лучших фабриках, принципов национализации земли и т. д., для улучшения самого процесса производства и самого характера нашего народного хозяйства.

Вся работа в этом направлении — в направлении практического осуществления социализма—в громадной степени облегчится выработкой общего плана хозяйства на будущий год, и вот почему я сказал, что этот план, несмотря на весь свой черновой характер, представляет громадное наше завоевание, такое же завоевание, как самые материальные наши успехи. Хорошо, что мы вырабатываем больше нефти, больше угля, больше металла, но также хорошо и то, что мы теперь имеем наметку плана народного хозяйства, который позволит нам сознательно руководить в определенном направлении всем этим процессом роста.

Если бы мы имели лишь рост производительных сил страны, но не имели бы плана его социалистического использования, то это было бы далеко не то, что нам нужно. Рост производительных сил может происходить и происходит не только у нас; он происходит в ряде стран. Наша задача заключается в том, чтобы этот рост повернуть на рельсы социализма, на рельсы социалистической организации. Эта задача в десятки раз облегчается, когда мы не только имеем план выработки нефти, план выработки металла, финансовый план, бюджетный план и т. д., но когда мы имеем общий

план, который увязывает все народное хозяйство. Вероятно не более года тому назад, мне еще приходилось докладывать, что мы не только для всего народного хозяйства, но и для нашего государственного хозяйства не имеем на год расписания и вынуждены жить из месяца в месяц, по три, по четыре раза в год пересматривая программы Донбасса, металлопромышленности и т. д. Достаточно сравнить это с нынешним нашим положением, чтобы убедиться, что за этот год мы сделаем громаднейшие завоевания в деле действительного социалистического строительства.

Новые затруднения в связи с подъемом хозяйства.

Однако, я думаю, что если бы мы ограничились тем, что пели бы восторженные гимны по поводу несомненных и крупных успехов нашего социалистического строительства, если бы не видели также и тех трудностей, которые возникают в результате нашего роста, то это сопряжено было бы с рядом опасностей. Надо отдать себе отчет: трудности у нас были при тяжелом состоянии нашего народного хозяйства; но и при развитии нашего народного хозяйства есть специфические трудности, темные точки в процессе нашего роста. Если бы партия оказалась слепа или глуха — а она, конечно, такой быть не может — к этим темным точкам и затруднениям, она, конечно, неимоверно затруднила бы себе решение своих задач.

Мы имеем несомненный экономический рост, рост богатства пролетарского государства. Но как этот рост идет, какую социальную форму он принимает? Кто этим ростом скорее всего и больше воспользуется? Какие группы и как этот рост усилят? в какой мере, напр., усилится на почве этого роста частный капитал, кулацкая верхушка деревни? В какой мере, наоборот, этот рост пойдет на пользу социалистическим элементам промышленности, бедняцким и середняцким слоям деревни? Это—первый основной вопрос, который нельзя отодвинуть общим заявлением, что мы вообще идем вверх. Надо понимать, что самое восхождение вверх сопряжено с известными трудностями и, главное, с трудностями нового рода, непохожими на трудности прошлого периода, и что эти трудности надо ясно видеть, чтобы успешно с ними бороться.

Мы были бы плохими марксистами, если бы, например, только радовались тому, что у нас хороший урожай, но не поставили бы себе вопроса: а каково социальное содержание этого урожая? Урожай есть громадный плюс, но если бы мы не поставили вопроса: а какая группа в наибольшей мере лучше всего этот урожай использует?—мы не могли бы вести правильной коммунистической политики. Поэтому, внимательное отношение к тому, в каких социальных формах совершается процесс общего нашего подъема, — это

основная задача для активной коммунистической политики в настоящий момент.

Посмотрим на задачи предстоящего года с этой точки зрения.

Мы имеем в нынешнем году великолепный урожай, а подхватить этот урожай целиком мы еще не сможем.

Задача стоит таким образом: если мы хотим удержать и упрочить то политическое равновесие, которое есть между крестьянами и рабочими, для этого необходимо снять с рынка 1 200 миллионов пудов хлеба. Если этот хлеб с рынка снят не будет, — страна будет переполнена хлебом и цены упадут ниже того уровня, который выгоден и крестьянству и государству в целом. Общий интерес и крестьянства и всего народного хозяйства в том, чтобы было снято с рынка все это количество хлеба, все 1 200 милл. пуд. Но из этого количества государство и кооперативные центры смогут закупить лишь 800 милл. пудов, а отдельные кооперативные организации снимут 100 милл., и таким образом государственные и кооперативные организации подхватят только 900 милл. А что будет с остальными 300 милл., которые мы подхватить не можем? Кто их подхватит? Их подхватит — должен подхватить — частный капитал, и мы должны отдать себе в этом ясный отчет.

Я приведу конкретный пример, как плохо мы подготовлены и как может угрожать беда от избытков. Вы знаете, что мы вели, и сознательно вели, пропаганду за увеличение посева кукурузы, как технически более высокой, засухоустойчивой культуры. Пропаганда была воспринята крестьянством, и вот нам докладывают: кукуруза даст, благодаря комбинированным условиям нашей пропаганды, восприимчивости к ней крестьянства, солнышка и пр. — больше 100 милл. пуд. урожая. Когда это выяснилось, мы себя спросили: а сушилки для того, чтобы высушить эту кукурузу, подготовлены? — Нет, не подготовлены. А рынок подготовлен? — Нет, не подготовлен. Экстренными — и потому, конечно, дорого стоящими мерами — мы с этой своеобразной «бедой от избытка» справимся, но итог все же таков: подхватить всей крестьянской продукции и даже продукции высоких культур крестьянства мы еще не можем. А между тем, это важнейший участок хозяйственного фронта. Здесь у нас брешь — к удовольствию, конечно, частного капитала, — и чтобы заделать ее, придется сильно поработать и в области кооперации и в области «уменья торговать» и т. д. Но чтобы учиться, — а мы учимся и научимся! — нужно видеть собственные нехватки.

Экспорт и политика цен.

Следующая трудность связана с вопросом экспорта и цен. В прошлом году, как вы знаете, у нас был недостаточный урожай. Цены поэтому были высокие, и наша политика заключа-

лась в том, чтобы не позволить хлебным ценам взлететь выше того уровня, который может выдержать бюджет рабочего государства и бюджет отдельного рабочего. На этом основывались лимиты. Иначе говоря, мы хотели купить хлеб (и только отчасти купили его) по цене, которая была бы приемлема для покупающего хлеб крестьянства и рабочих, не давши на голоде нажиться кулацкой верхушке деревни. Теперь мы имеем в стране на миллиард с лишним пудов хлеба больше, чем в прошлом году. Ясное дело, цены должны покатиться вниз, и наша политика принимает обратное направление.

Наша задача заключается в том, чтобы не дать цене на хлеб свалиться ниже определенного уровня. Если мы ставили в прошлом году лимиты наверху: — выше не платить! — теперь мы ставим себе целью оберечь крестьянство от такого падения цен на хлеб, которое бы заставило его сделать вывод: мало хлеба — плохо, много хлеба — тоже плохо!

Поэтому мы приняли политику директивных цен, т.-е. такой системы массовой государственной закупки, которая обеспечила бы крестьянству определенную, справедливую цену, согласованную также и с интересами потребителя хлеба: рабочего и закупающего хлеб крестьянства. Если мы видим, что цены начинают падать, мы должны в этом месте увеличить спрос и таким образом поднять цены. Если цены взлетают слишком высоко, мы должны снять заготовителей. Цена на хлеб, ход заготовок есть для нас не только экономический, но и важнейший политический вопрос. Мы должны обеспечить для крестьянства такие условия продажи урожая, которые наглядно показали бы ему заботу Советского государства о крестьянстве и заставили бы его ценить социалистическую организацию хозяйства.

Однако, на эти условия будут влиять в этом году и такие факты, которые не вполне от нас зависят. Мы имеем, как я сказал, излишки в миллиард двести миллионов, а потребить страна может (даже откладывая в запас, на случай неурожая и т. д., до 100 милл. пудов) лишь половину этого количества. Остальная половина, т.-е. миллионов шестьсот, нам для потребления не нужны. Если они останутся здесь — это значит: падение цен, сокращение посевной площади, политическое недовольство крестьянства, крестьянский напор на нашу организацию внешней торговли. Таким образом, вывоз на заграничный рынок диктуется политикой и экономикой и становится настойчивым требованием момента. Но, к сожалению, в Западной Европе нет ни Политбюро, ни Совнаркома. Там цены никто не устанавливает, не диктует, а хлебом торгуют капиталисты с целью наживы. Поэтому для того, чтобы на международном рынке продать наш хлеб, надо дать его по цене, которая там существует. Поэтому цена, которую мы здесь, внутри страны, платим, должна быть

такая, чтобы, уплатив эту цену, мы могли продать купленный по этой цене хлеб за границей и продать с некоторой выгодой, потому что на всякую копеечку, которую мы получаем от вывоза хлеба за границу, разевает голодный рот то же сельское хозяйство: подавай нам из-за границы улучшенные семена, удобрение, машины и т. д.

Вот первая твердая точка, которая определяет цены на хлеб и которая от нас не зависит — мировая цена. Но на мировом рынке мы не одни. Канада, Аргентина, Америка будут сбивать цены. Надо предвидеть падение мировых цен. А наша задача — дать крестьянству такую цену, которая не только вознаградила бы его труд, но и обеспечила бы ему возможность дальнейшего укрепления его хозяйства, покупку сельскохозяйственных машин, улучшенных семян, удобрения и т. д.

Если мы этого добьемся, то наше политическое и экономическое положение, доверие крестьянства к социалистическим методам хозяйства пролетариата укрепится неимоверно.

Ясно, однако, что трудности при проведении этой политики предстоят нам большие. Самый рост нашего сельского хозяйства подвел нас вплотную к вопросам заграничного вывоза, к борьбе за рынки и хорошие цены для крестьянского советского хлеба на мировом рынке. А отсюда вырастают вопросы о приспособлении нашего крестьянского хозяйства к потребностям заграничного рынка, об улучшении качества нашего зерна, о постройке элеваторов, об увеличении транспорта, о расширении и оборудовании наших портов. Между прочим: для выполнения нашей программы вывоза в этом году мы должны срочно увеличить количество наших вагонов на жел. дорогах на 33 000 штук. Только успешно справившись со всеми задачами, сможем мы действительно осуществить нашу задачу: обеспечить крестьянству такие цены на хлеб, которые были бы для него приемлемы и двинули бы вперед его продукцию, сделав для него хозяйственно-выгодным дальнейшее расширение посевов и переход к высшим культурам.

Откуда взять средства на расширение промышленности.

Перехожу к трудностям в городе. Мы идем быстро и уверенно к восстановлению довоенного уровня промышленности. Есть ли тут какие-нибудь затруднения? Прежде всего, даже тот темп разворачивания промышленности, который мы имеем, недостаточен. Если взять для сравнения довоенное потребление деревни, то мы увидим, что в 1926 году деревня получит только 67% тканей, 75% сахару, 75% керосину. А ведь довоенное

потребление русской деревни было самое нищенское, самое низкое в Европе.

Второе—для того, чтобы добиться к концу следующего года 91% восстановления промышленности,—нам надо вложить в промышленность капиталы очень крупного размера. Изношенность оборудования нашей государственной промышленности, ее техническая отсталость подвели нас вплотную к задачам переоборудования промышленности, — раз, поднятия ее на современный технический уровень,—два, постройки новых дополнительных заводов, — три. Все это даром не дается. Речь идет не о том, чтобы дать тресту несколько миллионов рублей для того, чтобы он мог обернуться. Речь идет о том, чтобы вложить в промышленность такие капиталы, которые будут возвращаться к нам через десятки лет, о восстановлении основного капитала промышленности. Обеспечение и восстановление основного капитала в таких крупных размерах обычно в молодых промышленных странах совершалось за счет иностранных капиталов, за счет займов. Займов мы с вами не имеем, оставаться же на том уровне промышленности, который мы имеем,—экономически и политически не можем. Оставить крестьянство без расширенной промышленности,—это значит сказать крестьянству, что пролетариат не может удовлетворить его товарами. И политическая и экономическая необходимость ставит нас перед задачей быстрого расширения и улучшения промышленности. Сколько на это нужно? Когда мы говорим: продукция промышленности к концу 1926 года дойдет до 91% довоенной нормы, то обязательно надо добавить: это будет так, если мы вложим в эту промышленность сейчас же около миллиарда рублей дополнительно, точно—800 миллионов рублей. Где нам взять эти миллионы? Выделить средства на эти абсолютно необходимые потребности приходится из средств всего хозяйства в целом, путем маневрирования, сжатия других расходов. Отсюда родилась идея займа хозяйственного восстановления. Этот заем хозяйственного восстановления есть заем специально на восстановление промышленности. Смысл его заключается в том, что свободные деньги, накопляемые в наших резервуарах—банках и других организациях, направляются на началах долгосрочного кредитования на восстановление промышленности. Однако, эта задача может быть выполнена лишь в том случае, если нам удастся собрать в государственные каналы все свободные деньги, которые имеются в тех или других организациях.

Вот почему мы проводим жесткую концентрацию средств, вот почему мы приняли, например, постановление об обязательном хранении всех сумм Цустраха в Госбанке. К этому надо добавить, что этот план восстановления промышленности требует обращения всех прибылей самой промышленности целиком

на это дело и значительной добавки из других государственных средств.

Это, однако, лишь одна сторона дела. Другая сторона его связана с тем, что затягивать на долгие сроки восстановление промышленности мы не вольны. У нас есть сотрудник очень притязательный—крестьянство, и оно нам такую льготу, чтобы мы восстановили в 2—3 года тот металл, тот текстиль, который ему нужен раньше, уже в этом году,—этой льготы оно нам не предоставит. Рост потребностей гонит нас вперед и заставляет сделать определенный шаг в год, а не в 2 или 3 года. А сделать в год—это значит в год ввезти из-за границы машины, инструменты, чертежи, сырье и т. д. на очень крупную сумму.

Программа ввоза на этот год в несколько раз больше прошлогодней. В прошлом году общий оборот внешней торговли был около миллиарда рублей, а в этом году наша программа—около двух с четвертью миллиардов. Мы должны вывезти приблизительно на 1 100 000 000 и ввезти на 1 000 000 000 с тем, чтобы у нас 100 000 000 осталось в резерве, ибо не исключены всякие осложнения, при которых нам потребуются денежки, которые имеют хождение за границей.

Поэтому вопрос о том, как построить нашу политику таким образом, чтобы увязать наш вывоз и ввоз, во-время продать свои товары и во-время заплатить за чужие товары, представляет один из важнейших и труднейших вопросов нашего роста.

Задача заключается не только в том, чтобы в конце года подвести благоприятный для нас итог, а в том, чтобы увязать наши получения и выплаты во времени. Текстильная промышленность не может ждать, чтобы машины для нее привезли к концу года, когда продастся хлеб; она говорит: машины дайте сейчас. А хлеба мы еще не продали.

Таким образом, восстановление промышленности и вывоз хлеба увязываются в один, совершенно неразрывный клубок и не только в общих перспективах, но и на каждую неделю, и валютный вопрос приобретает для нас чрезвычайную важность.

Промышленность и потребности крестьянства.

Но главные трудности заключаются в том, что у нас еще и в этом году не будет хватать товаров, и что мы будем переживать товарный голод, несмотря на все—действительно блестящее по быстроте—развертывание промышленности. Чтобы представить себе действительную картину нашего хозяйства, обязательно надо цифры разворачивания нашей продукции, данные в «плане», о котором я уже много говорил, дополнить цифрами, касающимися удовлетворения потребностей. Эти

цифры представляют обратную сторону медали, а нам надо видеть обе ее стороны, чтобы правильно судить и правильно вести свою политику.

Можно очень легко впасть в большие ошибки и нарисовать себе искаженную перспективу, если не поставить перед собой вопроса именно о той степени, в которой наша разворачивающаяся промышленность удовлетворяет потребности населения. Именно в этом пункте наш план проверяется миллионами масс, которы еникаких планов не читают. Именно здесь цифры переводятся на язык масс, т.-е. становятся политическими вопросами.

Как же обстоит дело, если посмотреть с этой стороны?

Если сосчитать, сколько в деревне будет свободных средств для закупок, т.-е. вычесть все другие расходы, вычесть налог и все прочие платежи и посчитать, сколько у крестьянства остается свободных средств, на которые оно могло бы приобрести всякие товары, то окажется, что этот покупательный фонд деревни исчисляется в 270 000 000. * Допустим, что крестьянство уже в этом году сможет позволить себе роскошь накоплять денежки, не пуская их в оборот, учтем, что часть своих средств оно истратит на неинтересующие нас сейчас продукты (самогон и проч.), допустим, что, благодаря этому, сумма свободных денег сократится у крестьянства еще на $^3/_4$ миллиарда. Окажется, что, и при этих предположениях, у него останется 2 миллиарда.

Сколько же товаров сможем мы противопоставить этому 2-миллиардному спросу?

Если сосчитать и то, что мы произведем сами, и то, что мы ввезем из-за границы, то окажется, что товаров мы сможем предложить крестьянству всего на 1725 миллионов, а около 275 милл. не найдут товаров. Произведенный Наркомвнуторгом расчет дает следующие цифры: мануфактуры у нас не хватит на 75 милл., металла не хватит на 85 милл., сельскохозяйственных машин—на 40 милл., обуви и кожевенн. изделий — на 40 милл. и остального на 10 милл. Последствия этого дефицита чрезвычайно серьезны.

Что, действительно, обозначает в общем радостном и возбуждающем плане будущего года дефицит нашей промышленности по сравнению с крестьянскими потребностями? Он обозначает, во-первых, возможность нового раствора ножниц. Ножницы, которые сомкнулись в летние месяцы, уже начинают

* Эти и дальнейшие цифры я беру из доклада Наркомвнуторга правительству по вопросу о снабжении деревни промтоварами. Эта ценная работа и представляет то необходимое дополнение к цифрам Госплана, о котором я говорил выше и без которого легко впасть в ошибку искажения перспективы.

вновь раскрываться, и мы должны иметь в виду, что нехватка товаров даст для этого благоприятную обстановку.

Недостаток товаров увеличивает разницу между оптовыми ценами и розничными. Опыт у нас в руках. Мы диктуем отпускные цены трестам и синдикатам. Но розница далеко не в наших руках, и надбавка, которая берется розницей, государством не регулируется. Эти надбавки принимают теперь иногда чудовищный характер. Так как это главным образом касается крестьянства, то недостаток товара и создает такое положение, когда на общем фоне прекрасного урожая, гигантского развития промышленности мы можем получить использование этих прекрасных условий частным капиталом, который больше всего вращается именно в области розницы. Это вторая темная точка, связанная с неполным удовлетворением нашей промышленностью крестьянского спроса.

Наконец, третья темная точка. Если мы за крестьянские деньги не сможем дать ему товара, то деньги останутся у крестьянства, а что это значит? Это угрожает колебанием покупательной силы червонца. Если в стране есть свободные деньги, против которых нет товара, то деньги начинают падать.

И наконец—четвертое, что можно наметить в самых общих чертах. Уже из того, что я вам успел сказать, ясно, что больше, чем когда бы то ни было, именно теперь, при нашем росте, при увязке с мировым хозяйством, монополия внешней торговли становится одним из важнейших орудий социалистического строительства. Если в те годы, когда мы ввозили и вывозили товаров на 100—200 милл. рублей, можно еще было понять рассуждения, клонившиеся к тому, что монополия внешней торговли есть одна из командных высот, но что она не является такой решающей в построении социализма, то теперь такая недооценка роли монополии внешней торговли была бы явной и грубой ошибкой. Теперь, когда через аппарат внешней торговли должно пройти на 2—2½ миллиарда народного достояния, когда развитие сельского хозяйства упирается во внешнюю торговлю, когда с нею же явно связывается быстрота восстановления промышленности, ясно становится, должно стать ясным для всякого, что это подлинная командная высота, что это подлинный рычаг социалистического строительства, который мы упустить из рук ни в коем случае не можем. И вот, в тот момент, когда такая роль монополии внешней торговли в деле развития социалистической промышленности и народного хозяйства становится наиболее ясной, наиболее опасным становится то, что, исходя из товарного голода, крестьянин, гораздо более культурный, чем он был 10 лет тому назад, может в той или иной форме атаковать эту высоту, надеясь — конечно, ложно — на лучшие условия продажи и покупки необходимых ему товаров.

Как видите, все указанные трудности, проистекающие из несоответствия отдельных отраслей народного хозяйства, могут оказать влияние не только в узко-экономическом направлении, но и в направлении социально-политическом.

Трудности роста и очередные задачи.

Какие же средства борьбы против этих темных точек мы имеем? Против первой опасности — ножниц — есть только одно решительное средство — дальнейшее и быстрое увеличение фабрично-заводской продукции, развитие промышленности. И потому, ставя во главу угла развитие крупной промышленности, мы в то же время сознательно и решительно идем на всякую поддержку кустарной и мелкой промышленности именно для того, чтобы возможно быстрее увеличить количество товаров в стране. И мы проводим это практически, давая кустарю хлопок, сырье, кредит.

Второе, это—дальнейшее проведение политики снижения цен. Этот вопрос в последнее время поставлен был на дискуссию. В своей статье в «Правде» т. Бажанов указывает на ту опасность, что, снижая цены на опт и не имея возможности регулировать цены в рознице, мы снижаем цены — фактически — не для крестьянина, а для посредника. В этом есть зерно истины, но отказаться от дальнейшего снижения мы не можем и не имеем права. Спасение не в том, чтобы отказаться от политики снижения цен, а в том, чтобы повести систематическую борьбу с накидками, которые делают на наши цены частные посредники, розничники. Как с этим бороться? Ответ прямой и простой — кооперация. Кооперация должна быть тем аппаратом, который донес бы снижение цен государства донизу. Следует спросить себя: достигли ли мы того, чтобы кооперативная система действительно понимала, что она есть орган, который должен донести до крестьянина государственное снижение цен? К сожалению, положительный ответ на этот вопрос был бы, выражаясь мягко, приукрашением действительности. На самом же деле у кооперативного аппарата,—и это понятно,—психология такая, что он тоже не прочь накинуть, чтобы заработать на нехватке товаров. Над кооперацией мы еще должны много и много поработать, чтобы пронизать ее государственным разумом. Но повинна в этом, конечно, не одна кооперация: в обстановке нэпа любой хозяйственный орган не прочь увеличить свои средства за счет товарного голода. Это—остатки капиталистической психологии, результат того, что мы принуждены производить не продукты для социалистического распределения, а товары, т.-е. прибегать к купле-продаже. Эта психология неизбежна и бороться с ней необходимо.

Далее, необходимы всяческие меры — и агитационные в том числе, — в том направлении, чтобы свободные наличные деньги крестьян, которые не могут сейчас быть обращены на приобретение товаров, шли бы в сберегательные кассы, — для этого увеличен процент в сберегательных кассах на вклады крестьян — шли бы на уплату взносов в кооперацию. Только в том случае, если свободные деньги попадут в кооперацию или в сберегательные кассы, они смогут быть государством направлены так, чтобы ценность денег не колебалась. И, наконец, последнее— проведение определенного плана завоза товаров с тем, чтобы те районы, в которых есть хлеб, который крестьяне будут продавать, были бы обеспечены максимальным количеством товаров.

Казалось бы, это уж не так трудно провести, а между тем твердый план завоза товаров в хлебные районы на август месяц был выполнен всего на 30%. В этой области нам приходится преодолевать серьезное сопротивление: каждому хочется продать там, где ему выгоднее, а не там, где ему указано планирующим органом. В Москве это не чувствуется. Но если возьмете какого-нибудь товарища с Сев. Кавказа или с Украины, то он вам многое порасскажет об этом. Итак, средства для борьбы с указанными черными точками у нас есть: дальнейшее развитие промышленности, в том числе и кустарной, импорт готовых изделий, продолжение политики снижения цен, загрузка кооперации, расширение и улучшение ее работы, строгое наблюдение за направлением товарного потока в важные для нас пункты и т. д. Но для того, чтобы правильно работать всеми этими рычагами, надо видеть те ухабы, через которые лежит наш путь, надо дать себе отчет в значительных трудностях, которые нам предстоит преодолеть. Они начинаются с того, что мы не можем подхватить всей крестьянской продукции, что мы не можем продвинуть эту крестьянскую продукцию в должной мере на заграничный рынок, что мы очень упорно должны будем добиваться обеспечения правильных цен на хлеб крестьянам, что мы не имеем достаточно товаров для того, чтобы дать крестьянину, что из всего этого возникает вновь проблема «ножниц», роста частного посредничества и наживы частного капитала на товарном голоде. Ясно, что все эти трудности есть **трудности роста**, что они возникают перед нами именно потому, что страна богатеет и идет вперед, что их можно преодолеть, усиливая социалистические элементы нашего хозяйства.

Процесс хозяйственного расслоения в деревне.

Есть и другие трудности, трудности, вытекающие из социального, классового строения нашего крестьянства. На них я сейчас коротенько остановлюсь.

Естественно, что если общий толчок движению вперед исходит в данное время, в первую очередь, от хорошего урожая, если мы знаем, что мы, как государство, должны снять с рынка около миллиарда пудов хлеба, то необходимо задать себе вопрос: в чьих руках этот хлеб находится?

Прежде всего приходится оговориться, что этот хлеб не распределен равномерно по всем крестьянским хозяйствам. У нас 22 миллиона крестьянских хозяйств. Если бы каждое хозяйство давало бы равную долю валового сбора и равную долю товарных избытков, то была бы совсем другая картина, прямо противоположная той, которую мы имеем на самом деле. Когда мы говорим: крестьянство выбросит на рынок 1200 милл. пудов хлеба, не думайте, что все 22 милл. крестьянских дворов это выбросят. 37% крестьян будут и в этом году нуждаться в хлебе и будут его покупать на стороне. Какая же это группа крестьянства? Та, которая имеет посев до 2-х десятин. Ей противостоит другая группа крестьянства, составляющая всего 14%; она имеет 33% валового сбора и 61% всех товарных излишков, т.-е. из 1200 милл. пуд., которые будут выброшены на городской рынок, около 700 милл. будут выкинуты не крестьянством вообще, а только 14% крестьянства, имеющего посевы свыше 6 дес. земли. Наконец, средняя группа 49%, которая имеет лишь 39% всего выбрасываемого на рынок хлеба. Эти пять цифр: 37% крестьянства, которые хлеб не только не будут продавать, а будут его покупать, 49%, которые вынесут на рынок немногим более трети всего рыночного товара, и 14%—которые выкинут немного менее 2/3, [12]) дают ответ на вопрос—у кого же этот хлеб и кто получит ту громадную сумму денег, товаров, машин и пр., которые, в обмен на урожай, пойдут в деревню.

Затем, нужно иметь в виду 40% безлошадных крестьян. Мы обеспечиваем определенную цену на хлеб на ссыпном пункте у пристани или у железной дороги и глубже, конечно, пойти не можем. Но туда надо хлеб довезти. Кто же его может довезти? Или тот, у кого есть лошадь, или тот, который должен занять лошадь у более богатого соседа, или же ему сдать хлеб для того, чтобы он отвез его на ссыпной пункт. Я спрашивал тт., которые близки к этому делу, какое расстояние среднее,—не у нас в Московской губернии, а на Северном Кавказе, на Украине, где это особенно важно. Верст 30—40—50. Эта география и эта безлошадность уже дают известное перераспределение. Что конный крестьянин получит ту цену, которую мы даем, это верно, но получит ли тот, который лошади не имеет,—это очень сомнительно. Он должен скинуть то, что у него пойдет на перевоз.

Дальше: громадный урожай создал такую страшную потребность в с.-х. машинах—уборочных, обмолоточных и т. д., что

вывезти на рынок хлеб сейчас — при высоких ценах — могут только те, которые могли этими машинами воспользоваться, а мы не должны закрывать глаза на то, кто имеет в своем распоряжении эти машины. Конечно, более зажиточные. Все эти обстоятельства в совокупности создают то, что известная и сравнительно малочисленная група крестьянства скорее всего воспользуется теми высокими ценами, которые мы должны удержать на хлеб.

Иначе говоря, мы должны ясно видеть, что урожай, представляющий сам по себе громаднейший вклад в народное хозяйство, больше использовывается зажиточными элементами деревни, чем середняцкими и бедняцкими.

Я должен сказать, что, к сожалению, не у всех существует точное понимание значения приведенных цифр. Как это ни невероятно, мне пришлось столкнуться с попыткой скрыть, замазать эти цифры в нашей печати.

Я уверен, что товарищи действовали из самых лучших побуждений. Но, как известно, прекрасными намерениями вымощен ад. Я уверен, что эти товарищи считали себя подлинными ленинцами. Но, конечно, нельзя представить себе ничего более враждебного, чуждого, противоречащего ленинской политике, ленинской тактике, ленинской практике руководства, чем подобная попытка замазать цифры расслоения крестьянства. Самая возможность подобного факта в нашей коммунистической среде так меня поразила, что я воспользовался первым же случаем, чтобы огласить эти цифры в наших газетах. Я прибавил к этим цифрам: эти цифры надо твердо запомнить.

На следующий же день после того, как появилась эта моя заметка, в одной высокой советской коллегии, где обсуждались как раз эти вопросы, один очень ответственный товарищ, прекрасный и испытанный советский работник, сказал: что это значит, почему Каменев пишет — надо запомнить эти цифры? Согласуется ли подобное подчеркивание этих цифр с политикой развития производительных сил в деревне? Он явно был обеспокоен тем, что будто бы если мы скажем во всеуслышание: 60% хлеба, который будет на рынке, сосредоточено у 14% крестьянства,— то не будет ли это разжиганием классовой борьбы в деревне, уступкой ошибочным взглядам т. Ларина? Я думаю, что подобное отношение к вопросу было бы совершенно неправильно. Скрывать, прятать этот факт, пытаться замазать то, что происходит в деревне на почве общего ее подъема, и то, что с урожая сливки снимут, в смысле укрепления своего социального положения, прежде всего, именно более зажиточные элементы деревни, это значит обрекать партию на некоммунистическую, не ленинскую политику. Никакого нового курса в этом нет, по той простой причине, что никакой партийный «курс» отнюдь не рекомендовал

закрывать глаза на наличие расслоения деревни и не запрещал анализировать, куда идет это расслоение, кто больше получит от урожая, что получится в смысле групповых и социальных отношений после урожая, станут ли они ровнее в деревне, или, наоборот, больше расслоятся.

Тот, кто понимает курс партии в противоположном смысле, кто понимает его в смысле затушевания роли кулака, кого это понимание приводит к попытке прятать расслоение деревни, тот идет прямой дорогой к отказу от ленинизма.

Подойдем к этому вопросу с другой стороны.

Середняк является «центральной» фигурой нашего земледелия.

Кооперация в советской стране, несомненно, представляет тот столбовой путь, идя по которому крестьянство только и может приобщиться к социалистическому общегосударственному хозяйству. Но это абсолютно правильное положение отнюдь не избавляет нас от анализа той роли, которую в данный момент, в данных условиях, при данной своей практике играет кооперация. Кому она больше помогает? И тут нельзя отрицать того факта, и было бы политикой страуса это отрицать, что кооперация, та́к, ка́к она поставлена сейчас, неизбежно, стихийно втянутая в товарный оборот, пока еще больше помогает более сильным слоям.

Возьмем вопрос о кредитовании в сельском хозяйстве. Мы кредит строим на началах хозяйственного расчета, т.-е. всякий руководитель кредитного учреждения, прежде всего, всякого желающего получить кредит спрашивает: а как насчет возврата? Твоя кредитоспособность? Отсюда вопрос: научились ли мы и кооперацию и кредитную систему делать орудием поднятия и организации середняка и бедняка? Тут тоже не надо предаваться излишним иллюзиям. Надо прямо сказать: научимся, но еще далеко не научились. Сделать кооперацию и кредит орудием поднятия бедняцких и середняцких слоев крестьянства и не сделать их орудием сплочения, материального укрепления кулацкой верхушки — этому мы еще не научились, этому мы будем учиться и учиться долго, памятуя слова Ленина о том, что середняк является «центральной фигурой» нашего хозяйства. Эти слова еще на большой период будут определять нашу партийную политику.

Конечно, если стоять на точке зрения, которую недавно повторил в «Правде» т. Троцкий: «Социализм, это — учет. При нэпе только формы учета иные, чем те, которые мы пытались применять при военном коммунизме»,— тогда, конечно, можно

всей суммы этих вопросов и не заметить. Но на этой точке зрения мы не стоим, мы знаем, что нэп не только «иные формы учета», а нэп — такая экономическая политика, при которой происходит состязание капиталистических и наших социалистических методов хозяйствования. Мы, конечно, очень усилились. Те цифры, которые я перед вами раскрывал, та картина, которую я вам представил, показывают, что наши социалистические командные высоты неимоверно, неожиданно быстро развиваются и укрепляются. Но тут возникает вопрос, который есть политический и социальный вопрос момента: из того факта, что мы в сильнейшей степени усилились и готовимся усилить в ближайший год наши социалистические позиции в еще большем размере, можно ли сказать, что снят ленинский вопрос: «кто кого?», что борьба за «центральную фигуру» — за середняка, борьба, которая лежит в основе нашей партийной политики, уже закончена? Нет, конечно, ленинский вопрос еще не снят, борьба лишь перенесена на новые рельсы.

Надо внимательно присматриваться к росту разных элементов нашего хозяйства.

На вопрос о сравнительной силе социалистических и частно-капиталистических элементов статистика отвечает так: если подсчитать все имущество, все капитальные фонды нашей страны, исключая только жилища, то мы получим такое распределение: $11^1/_2$ миллиардов находятся в руках государства, это — железные дороги, фабрики, заводы, рудники, шахты, оборудование, корабли и т. д., а $7^1/_2$ находится не в государственном владении, это — крестьянское оборудование, это — кустари, ремесленники, это — мелкое частное производство. Значит, $11^1/_2$ миллиардов рублей государственно обобществленного имущества и $7^1/_2$ миллиардов, находящихся не в государственном владении. К этому надо еще прибавить, что $^1/_2$ миллиарда составляют фонды кооперации.

Этими цифрами мы законно можем гордиться. Они служат, с одной стороны, показателем громадной мощности социалистических элементов нашего хозяйства, а с другой стороны — они служат твердым залогом дальнейших наших успехов в социалистическом строительстве. Но статистика не может в данном случае дать нам полной картины. Здесь требуется не только статистический, но и социально-политический учет. С этой точки зрения те $7^1/_2$ миллиардов, которые представляют сумму крестьянского имущества, еще слабее, потому что распылены, потому что нельзя противопоставить имущество, вложенное в Путиловский завод или Донецкий бассейн, соответствующему имуществу

*

нескольких миллионов крестьянских дворов. Но в то же время эти $7^1/_2$ миллиардов представляют стихию свободного оборота, который естественно растет к капитализму, представляют громадное большинство населения и накладывают свой отпечаток на всю экономику страны. Сравнительная слабость фондов кооперации еще более подчеркивает это. Именно рост этих кооперативных фондов будет в дальнейшем показывать нам, с какой степенью быстроты социализм преодолевает капиталистические ростки в деревне. Именно сравнительная слабость кооперативных фондов показывает, как много надо еще нам поработать, чтобы воплотить в жизнь задачу, указанную в последних статьях Ленина о кооперации и в ряде постановлений партии: помочь кооперации стать орудием вовлечения в социализм, приобщения к социализму, перехода к социализму основной массы распыленных крестьянских хозяйств. С другой стороны, можем ли мы сказать, что те $11^1/_2$ милл., которые огосударствлены, действительно целиком и полностью представляют социалистическую организацию? Этого тоже сказать еще нельзя, потому что они производят не продукты социалистического производства и потребления, а товары, потому, что они живут в сфере купли и продажи, действуют на началах извлечения прибыли, потому, что некоторые капиталистические категории действуют здесь.

То, что можно и следует сказать — это то, что на этом твердом фундаменте мы можем «доделать» и, несомненно, «доделаем» подлинно-социалистическую организацию хозяйства. Поэтому надо внимательно присматриваться к сравнительному росту разных элементов нашего хозяйства и, отдавая себе точный отчет в громаднейшем росте наших командных высот, в росте социалистических элементов, вместе с тем необходимо понять, что — правда, в гораздо более благоприятной внутренней обстановке — нам надо еще много и много поработать, чтобы окончательно снять с очереди ленинский вопрос.

Если бы нужны были еще какие-либо доказательства несомненности и величины наших успехов, то подобным доказательством могли бы послужить заявления тех товарищей, которые были в продолжение последних лет противниками и критиками усвоенной партией политики. Я уже цитировал глубоко неверное положение из последней статьи т. Троцкого. Но мы должны порадоваться, что после т. Осинского и т. Троцкий пропел такой гимн нашим хозяйственным успехам. Все помнят, что эти товарищи говорили тогда, когда мы определяли ту политику, которая привела к нынешним успехам. Пророчества о гибели страны, о перерождении и рассасывании социалистических элементов — еще у всех в памяти.

Прошло два года. Исторический итог может быть подведен, и мы можем только порадоваться, что нас избавляют от необ-

ходимости произвести очную ставку мрачных пророчеств т. Осинского и т. Троцкого с теми успехами, которые являются плодом той политики, которую мы в борьбе с ними начали осенью 1923 г., проводили и провели.

Положение, что «подлинный подъем социалистического хозяйства в России станет возможным только после победы пролетариата в важнейших странах Европы», *) опровергнуто не только в порядке теоретической дискуссии, оно опровергнуто историей, фактическими цифрами. Тем самым устранена такая точка зрения, которая — будь она воспринята партией, — несомненно искажала бы перспективу и тормозила бы работу социалистического строительства.

О ликвидационных настроениях.

В том же порядке устранения искажающих перспектив следует сказать пару слов и о других настроениях, настолько, правда, чуждых партии, что прямо-таки с трудом заставляешь себя признать их имеющими хотя бы какое-нибудь отношение к партии. Я уверен, что эти настроения являются уделом лишь отдельных лиц, но кой-какого внимания они заслуживают. Предо мной лежит документ, формулирующий точку зрения одного из наших «академиков». Должен сказать, что этот «академик» причислял себя к группе рабочей оппозиции. Вы помните, что эта группа пыталась представлять в нашей партии левое, подлинно-пролетарское крыло против «крестьянских уклонов», против «крестьянофильской» политики Центрального Комитета. Они хотели представить себя партии как подлинных защитников пролетарского ядра против буржуазного перерождения, против крестьянофилов, уступающих крестьянству, и т. д. Мы тогда же говорили, что это не подлинно-пролетарская, а подлинно-меньшевистская точка зрения. То, на чем зиждется идеология этой группы, противопоставление Советского государства и пролетариата, вело неизбежно к ликвидаторству и меньшевизму. А теперь послушайте, что в августе 1925 года говорит сторонник этой группы.

Выход из положения один: «надо спасать революцию соглашением с капиталистическим Западом и притом на широкой основе, надо отказаться от пересаживания авантюристских методов с Запада на Восток, тем более, что империалисты изыщут способы приспособления к новым условиям на Востоке, надо соблюдать на Востоке нейтралитет, нельзя дразнить Англию и одновременно требовать от нее кредита. Соглашение с Западом должно привести к изменению нашего законодательства.

---

* Л. Д. Троцкий. Собр. Сочин. том III часть 1-я.

Следует вспомнить, что еще в 1917 г. Ленин предвидел возможность отступления на позиции буржуазной демократии».

Хорош, не правда ли? А он утверждает, что это не его личный взгляд, а взгляд целой группы. Вы видите, что сущность этих взглядов заключается в подлинном ликвидаторстве пролетарской революции, в том, чтобы заключить соглашение с капиталистами, перестать их беспокоить и, подняв производительные силы, как мы их подняли, итти дальше по линии буржуазной демократии. Это и есть тот отказ от революционных задач, который иначе как ликвидаторством назвать нельзя.

Вот документ, который, повторяю, не нуждается в комментариях, но который показывает, как под общей оболочкой единой идеологии проникают иногда в нашу партию мысли и настроения явно враждебные ей, опирающиеся на иные классы, чем тот, который представляет наша партия.

Наша партия есть союз, вольный союз единомышленников-борцов, которые одинаково понимают цель и одинаково понимают средства достижения этой цели. У этих людей и цель другая и средства другие. Почему надо держать в нашем вольном союзе таких людей — непонятно.

Еще важнее, однако, другой вопрос. Можем ли мы, однако, рассматривать такие ликвидационные настроения, как чисто случайные, как набор фраз, как психический и политический вывих отдельного человека? Если бы это было так, то они не представляли бы для нас никакого интереса. К сожалению, мы должны сказать, что, как сохраняется ленинская постановка вопроса «кто кого», так же сохраняется и ленинское предупреждение, что мы осуществляем диктатуру пролетариата в крестьянской стране, и крестьянские настроения, не могущие найти исход в какой-нибудь другой партии, неизбежно будут пробивать щель для воздействия на нашу партию изнутри. Каковы элементы этих настроений? Их не трудно наметить и перечислить. Растущее на почве несомненно идущего вперед обогащения чувство протеста против классовой политики государства, против его политики поддержки бедняцкой части деревни, ревнивое чувство к государственной роли пролетариата, настороженное отношение к политике Коминтерна, приведение законодательства в соответствие с возросшей социальной мощью кулака — вот приблизительно те черты, которые характеризуют идеологию кулацкой верхушки деревни. Эти же черты объединяют ее с нэпмановскими элементами города, с известными кругами интеллигенции и т. д.

Не надо смешивать этой идеологии враждебных нам классовых групп с вопросом об изменении и смягчении форм диктатуры. То, что формы диктатуры должны и будут изменяться и смягчаться, это предвидела наша партия еще в 1919 году, т.-е. в самый разгар гражданской войны и военного коммунизма, и отразила это в партийной программе. На неизбежность этого неоднократно указывал тов. Ленин. Было бы верхом глупости, если бы мы не понимали, что формы осуществления диктатуры должны приспособляться к изменяющимся классовым отношениям. Громадная работа, которую проводит партия по оживлению советов, по привлечению к активному участию в обсуждении всевозможных вопросов широких крестьянских масс, по проведению принципа действительной выборности и действительной ответственности органов Советской власти, по укреплению революционной законности, расширение круга вопросов (налоговых, земельных, хозяйственных, административных и пр.), передаваемых на разрешение местных органов власти,—все это показывает, что партия движется именно в этом, правильном, направлении.

Но одно дело изменение форм осуществления диктатуры, другое дело—размывание, подрыв самых основ диктатуры пролетариата. А именно к последнему тянет идеология кулацкой верхушки, именно последняя отражается в таких документах, как заявление нашего «академика».

Не оценивать этого, затушевывать это, не говорить об этом было бы смешно и странно. Вот почему идейная борьба с подобными настроениями необходима, отпор подобному ликвидаторскому настроению, особенно внутри нашей партии, должен быть дан прежде всего в идейном порядке.

Внимание нуждам промышленности и рабочего класса.

Перехожу к выводам. Первый вывод, вытекающий из рассмотренных трудностей, заключается в недостаточном охвате промышленностью нашего крестьянства. Отсюда первый, общий лозунг—всемерное развитие промышленности и всемерный охват крестьянского хозяйства промышленностью и государственным капиталом и через рынок, и через государственные банки, и через кооперацию, руководимые пролетариатом. Это есть основная задача. Мы ни на минуту не должны отказываться и даже допускать мысль об отказе от всемерного содействия всестороннему развитию производительных сил в деревне, но мы ни в коем случае не должны забывать и о том, что рядом с этим развитием, параллельно с ним и несколько более ускоренным темпом, должна двигаться вперед промышленность для

того, чтобы крестьянское хозяйство могло быть целиком обслужено, а следовательно, и руководимо нами. Когда основная масса крестьянства действительно в полной мере будет иметь от государства товары, когда оно будет иметь необходимый ему кредит от государства, когда оно увидит, что рабочий класс действительно помогает ему налаживать кооперацию, на деле осуществляющую товарооборот между городом и деревней, тогда те процессы, которые происходят в крестьянстве, потеряют всякий след опасности. Если же промышленность начинает отставать, если товарный голод не будет удовлетворен не только в этом году, а и в следующем, если крестьянин будет получать необходимый кредит не от государства, а от богачей и т. д. и т. д., тогда, конечно, трудности будут больше увеличиваться. Поэтому-то развитие промышленности, направление средств на ускорение ее развития, есть наша первая задача.

На ряду с развитием промышленности будет итти и должно итти и укрепление положения рабочего класса. Рабочий класс в настоящее время находится у нас в несколько противоречивом положении. За последний год мы, несомненно, имеем рост заработной платы, однако рост, который в среднем по всей стране не достигает еще довоенного уровня.

Мы имеем гигантский рост промышленности, который рабочий практически видит у себя на производстве. Отставание от этого хода заработной платы — это отставание нервирует рабочего. Мы, конечно, отнюдь не можем обманывать рабочих пустыми посулами, обещаниями немедленно удовлетворить все их — и наши — пожелания. Необходимое повышение заработной платы должно быть согласовано с общим темпом развития промышленности, с политикой снижения цен и т. д., со всем тем общим переплетом хозяйственных явлений, о котором я говорил. Но даже когда мы через определенный срок достигнем повышения заработной платы до довоеннаго уровня, то и это ни в коем случае ни нас, ни рабочих удовлетворить не сможет. Проблема улучшения положения рабочего класса не только сравнительно с 1918, 19, 20 и 21 гг., т.-е. с совершенно невозможными условиями существования, но и сравнительно с довоенным уровнем, особенно в некоторых отраслях, как текстильная и т. п., становится в достаточной мере настоятельной.

В психологии рабочего класса начинает играть все большую роль повышенная чувствительность к вопросам этого рода. Это естественно, потому что рабочий видит общий подъем страны, видит, что страна вообще начинает оправляться, и настойчиво думает о том, как это общее улучшение отразится на его материальном положении.

Развитие промышленности ставит нам, в смысле человеческого материала, две проблемы: 1-я — дать квалифицированного

рабочего. Мы уже упираемся в нехватку квалифицированной рабочей силы. Стоит вопрос о быстрой подготовке квалифицированных рабочих. Это один из важнейших вопросов всего восстановления нашей промышленности. Другой вопрос: тот процесс разворачивания промышленности, который идет, требует усиленного привлечения специалистов. Нехватка специалистов впервые чувствуется в Советской республике в том размере, который сейчас наблюдается. Стоит поговорить с любым хозяйственником, и он с первых слов говорит: во-первых, нет в должном числе квалифицированного рабочего и, во-вторых, нет соответствующих специалистов. Когда спрашиваешь: ну, а молодежь, инженеры, которых мы выпускаем? Молоды, годика два-три надо поработать на заводе, — тогда другое дело. Это вызвало известное постановление ЦК, которое можно правильно оценить только с точки зрения фактической потребности пролетарского государства, расширяющего свою промышленность, в специалистах.

Быстро выполнить задачу строительства без спеца мы не сможем, а заплатить ему нужно не только повышенным окладом, который задевает законное чувство рабочего, но нужно заплатить ему другой обстановкой работы, согласием на обучение его детей и т. д. Это есть результат разрыва между нашими потребностями и тем, что наша молодежь еще не подоспела.

Рост влияния, рост значения, рост количества, рост материального благосостояния рабочего класса, рост чувства «хозяина» в советской стране — делают своевременным постановку вопросов о тех формах, в которых рабочий класс, как коллектив, мог бы ближе примкнуть к делу непосредственного руководства хозяйством, мог бы проявить больше заинтересованности в производстве. Надо принять во внимание также, что кадры нашего рабочего класса будут чем дальше, тем больше пополняться новыми элементами из деревни, не получившими той классовой выучки и не имеющими за собой той истории классовой борьбы, которыми обладает старое поколение рабочих. Создать для этих новых кадров обстановку заинтересованности в производстве, близости и к нему и ко всему государственному делу — очень важная и настоятельная задача. Тут я хотел бы поставить на обсуждение товарищей несколько своих личных соображений. Нужно сказать, что вопросы заработной платы, вопросы профдвижения стоят на повестке дня ближайшего пленума ЦК и, несомненно, с этого пленума перейдут и на партийный Съезд, но решений по этим вопросам еще нет. В тот или другой срок — но несомненно довольно скоро — мы дойдем до 100% довоенного уровня зарплаты. Не должна ли тогда Коммунистическая партия сосредоточить свою мысль на том, чтобы создать такие формы заработной платы, которые заинтересовали бы рабочий класс — не только каждого рабочего в отдельности, а как коллектив —

в дальнейшем развитии своего производства и которые усилили бы в рабочей массе чувство подлинного хозяина в государственной промышленности. Подлинного ощущения того, что рабочий в нашей промышленности не есть просто «наемный рабочий», что он в то же время хозяин,— этого, кажется, нет в той мере, в какой это желательно и необходимо. Ведь у нас и термина-то другого нет, как «наемный рабочий». До того момента, пока речь шла о достижении довоенного уровня заработной платы, нельзя было об этом и говорить. Надо было дать хотя бы ту заработную плату, которая была до войны. Но с момента, когда это будет достигнуто, нам надо будет задуматься: будем ли мы и дальше итти только путем повышения индивидуальной заработной платы, или же мы попытаемся — дополнительно — ввести новые формы, которые заинтересовали бы в повышении производства не только каждого индивидуального рабочего, но весь коллектив рабочих? Мне кажется, что следует и стоит деловым образом обсудить вопрос примерно в такой форме: не будет ли правильно, перейдя довоенный уровень заработной платы, испробовать в известных пределах и формах принцип участия рабочих в прибылях предприятий с тем условием, если эта часть прибыли составит, скажем, только для примера, 1000 р., что 500 (или 700) идет на увеличение индивидуального заработка, а остальные 500 (или 300) выдаются в такой форме, которой распоряжался бы весь рабочий коллектив данного производства, на цели общие всему этому коллективу, скажем, на улучшение рабочей кооперации, на постройку рабочих жилищ, на оборудование яслей, на удовлетворение культурных целей и т. д. Это было бы известной формой участия рабочих в прибылях предприятия, но участия коллективного и направленного на коллективные потребности рабочего класса.

А вместе с тем это ближе связывало бы рабочего с социалистическим производством, повышало бы его чувство «хозяина», приближало бы его реально и к социалистическому производству и к руководящему им социалистическому государству. Именно, поскольку мы имеем в кулацкой верхушке крестьянства элементы, которые будут рассматривать наше государство как государство не свое, — а эти элементы будут, — надо, чтобы рабочий класс все более и более чувствовал это государство своим, чувствовал это не только в речах, не только как член совета, не только как гражданин, а чувствовал в своей будничной производственной работе.

Конечно, первую роль во всем этом должны играть профсоюзы. Ответственные руководители наших профсоюзов в лице тт. Томского и Андреева как раз в последнее время в своих речах указали на те задачи, которые стоят перед профсоюзами, и на те их недостатки, которые надо решительно исправить,

чтобы профсоюзы смогли успешно решить те задачи, которые перед нами выдвигаются нашим ростом, положением рабочего класса, повышением его активности, повышением его морального состояния и т. д. Эти речи тт. Томского и Андреева констатировали уже, что профсоюзы в известной мере отстают от этих задач, что подлинная связь между верхушкой профсоюзов и широкой массой далеко еще не так жива, как этого хотелось бы и как этого нужно требовать. Этим объясняется то усиленное внимание к оживлению профработы, к ее обновлению, к усилению выборности, которое мы должны уделить сейчас профсоюзам. Вопрос о профсоюзах, несомненно, будет очень важным пунктом порядка дня ближайшего Съезда. Если ставка идет на то, чтобы, борясь с мелко-буржуазными настроениями, увеличить активность рабочего класса и еще более увеличить связь между рабочим классом и государством, то это возможно осуществить, за пределами партии, в первую очередь оживлением и массовой работой профсоюзов.

Помощь маломощным элементам деревни.

Теперь — о деревне. Мне кажется, что здесь исходить должно из того, что мы еще не научились из кооперации и кредита делать орудие организации и помощи бедняцким и середняцким слоям, а при господстве в деревне товарно-капиталистических отношений, если мы сами сознательно не направим руль в эту сторону, то, конечно, все это легко пойдет в лапы к тем, кто и без того экономически мощнее.

Могут ли сейчас маломощные элементы деревни пользоваться теми выгодами, которые дает кооперация? Правда, я знаю, что она дает очень мало выгод, но мы ведь уверены, что она будет давать более выгод, и что именно благодаря активному участию в практической работе кооперации ее члены поймут кооперацию как высшую форму ведения своего хозяйства.

Так вот я спрашиваю кооператора: кому реально направляется та помощь, которую кооперация может и будет давать? Ответ: — членам. Что нужно для того, чтобы быть членом? — Внести пай. Но маломощные хозяйства не могут внести тот пай, который вы требуете! На это кооператор отвечает: — конечно. Поэтому, для того, чтобы направить кооперацию по той линии, которая находилась бы в соответствии с нашими надеждами на нее, как на путь крестьянства к социализму, государство должно притти на помощь маломощным элементам деревни. Если предоставить дело стихии, то стихия-то у нас в деревне мелко-буржуазная, и выйдет тогда так, что если у крестьянина есть 10 руб., то он их внесет и будет членом кооперации, а если нет, то он должен удовлетвориться чтением нашей книжки «Через кооперацию к социализму».

Государство должно внести здесь деловую практическую поправку к стихии, должно поставить перед собой задачу — помочь бедняцким и середняцким элементам крестьянства сделаться членами кооперации за счет государства, получив от государства ссуду для членского взноса. Я не говорю, как это технически провести, — если захотим, проведем, — но политика партии должна итти в этом направлении. Я знаю, что некоторых смущает вопрос: можно ли совместить наш курс на развитие производительных сил в деревне и специфическую поддержку бедняка и середняка? Некоторые полагают, что первое исключает второе. Это, конечно, не верно. Возьмем последние партийные постановления. Вот резолюция XIII Съезда, т.-е. высший партийный закон: «В связи с происходящим расслоением сельского хозяйства особо важен вопрос о способах обеспечения маломощному слою деревни фактической возможности участвовать в кооперации». Значит, партийный Съезд говорит, что кооперацию мало только провозгласить как форму движения к социализму, но надо дать возможность маломощному в ней участвовать, что надо особыми мерами обеспечить неимущим слоям деревни участие в этой общественной форме, которая приближает и приведет их к социализму, т.-е. в кооперации. Мы должны спросить себя, не пришел ли именно сейчас момент проверить, что же сделано во исполнение этой резолюции относительно обеспечения маломощным слоям крестьянства участия в кооперации. Читаю дальше в той же резолюции: «Втягивание и облегчение доступа в кооперацию маломощным слоям деревни (приобретение из общественных средств паев и т. д.); содействие использованию маломощными возможностей, предоставляемых кооперации, для поднятия их хозяйств; усиление влияния маломощных в органах кооперации...» и т. д. Это было сказано последним партийным Съездом полтора года тому назад.

Не следует ли теперь нам, в связи с урожаем, с нашим ростом и проч., во исполнение этой резолюции поставить перед собой задачу — помочь в ближайшее время миллиону бедняцких и ниже-середняцких дворов войти в кооперацию? Противоречит ли это курсу на общее развитие производительных сил? Не противоречит. Есть ли это недопустимая уступка тем, кто не понимает центральной роли середняка в нашей экономике, кто недооценивает значения и смысла нашей ставки на развитие производительных сил деревни? Конечно, тоже — нет.

Беру следующий документ, резолюцию XIV Партконференции, которая решительно и совершенно правильно, конечно, подчеркнула курс на развитие производительных сил деревни. Читаю: «Рост производительных сил в условиях дальнейшего развития

товарно-денежных отношений влечет за собой, однако, и новые трудности. На ряду с укреплением социалистических элементов хозяйства СССР происходит и будет происходить в то же время развитие частного капитала и связанное с этим частичное обострение конкуренции между социалистическими и капиталистическими элементами хозяйства, как в городе, так и в деревне.

Начавшееся с переходом к новой экономической политике расслоение деревни найдет свое выражение в ближайшем будущем в дальнейшем увеличении и усилении на известное время новой крестьянской буржуазии, вырастающей из зажиточных слоев крестьянства, с одной стороны, и пролетаризации его бедняцких элементов — с другой».

Когда это было написано? 29 апреля 1925 года. Всуе резолюции писать, ежели при таком важном факте, как урожай при условии его реализации, этих резолюций не применять. Нужно было бы внести некоторые поправки и в дело кредита, чтоб и бедняк пользовался кредитом. Нужно бы проверить, поставлено ли у нас дело так, чтобы бедняцкому и середняцкому хозяйству была обеспечена возможность пользоваться кредитом для производственных целей. Будет ли здесь расхождение с тем общим курсом на поднятие производительных сил в деревне, который закреплен в партийных решениях? Нет, это будет лишь правильное приложение правильной ленинской политики партии. Это не последний документ.

После конференции был всесоюзный Съезд Советов, на котором центральным был крестьянский вопрос. Тогда мы тоже еще не знали об урожае, о том, как этот урожай распределится между отдельными группами крестьян, но уже тогда мы написали о кооперации: «Сельско-хозяйственная кооперация должна сосредоточить все свое внимание на своей основной задаче: действительном объединении многомилионных масс крестьян, в особенности середняков и бедняков, в целях укрепления их хозяйства». И дальше: «В целях выполнения кооперацией своей основной задачи, кооперативным объединениям середняцких и бедняцких слоев крестьянства и в дальнейшем должна быть обеспечена материальная помощь и поддержка со стороны Советского государства».

Я и делаю вывод. Ежели когда было время применять эти советы, то как раз сейчас, именно сейчас. Представьте себе, что нас постиг неурожай, тогда мы вряд ли могли бы это делать. Общий голод был бы поравнением. А сейчас дело совершенно другое.

Деревня, несомненно, поднимается, богатеет. Если бы у нас было 22 милл. равных крестьянских хозяйств и если бы этот рост богатства сразу поднимал 22 милл. крестьянских хозяйств на один уровень, это было бы очень хорошо и политику делать было бы очень легко: все шли бы рядышком вверх. Однако,

этого нет, нам в наследство остались капиталистические и даже докапиталистические отношения в деревне. При этих отношениях общий подъем происходит в противоречивых формах, сам подъем обостряет противоречия между кулаком и бедняком, и партия должна не только содействовать общему подъему, но и зорко следить, на сколько ступенек поднимается зажиточный крестьянин, и на сколько поднимается бедняк, сглаживается или растет разница между ними, какие на этой почве складываются между ними отношения. Вся наша деревня, в целом, бедна, нища, технически отстала. Мы должны всячески помогать ей подняться. Без этого ничего мы не добьемся. Но мы не можем поднимать один слой крестьянства, позволив ему грабить другой. Всякий лозунг, который прикрывает это, будет неверным и вредным лозунгом. Мы совсем не бессильны перед тем ростом расслоения, который наблюдается в деревне. Наоборот. У нас есть ряд очень действительных мер, которыми мы можем ввести в известные рамки выпячивание кулацкой верхушки, путем содействия поднятию середняка и бедняка. Мы будем это регулировать нашей налоговой политикой, нашей политикой цен, нашей кредитной политикой, мы будем регулировать этот рост через кооперацию, посредством предоставления известных льгот ей и т. д. и т. п. Это — путь завоевания середняка и бедняка. А завоевать их для социализма — и значит сделать тот решающий шаг в деле упрочения нового строя, о котором говорил Ленин во всех своих статьях (вплоть до последней) о крестьянстве, о роли кооперации и т. д. Но чтобы вести правильную политику во всех областях, надо прежде всего ясно видеть самое строение деревни, отношение кулаков, середняков и бедняков и т. д. И если есть товарищи, которые говорят: давайте об этом помолчим (ради чего? ради своего душевного спокойствия? — не будет ли это тем «сладеньким комвраньем», против которого недаром же предупреждал партию Ленин), то это есть не ленинская политика, не марксистская политика. Таким путем очень легко скатиться с коммунистического пути на путь идеологии капиталистического фермерства. Этот уклон надо решительно поправить. В нашей стране, с ее громадным давлением крестьянства и на идеологию и на практику, этот уклон всего опаснее.

Политика развития производительных сил в деревне, которая есть единственно правильная и единственно возможная политика, должна быть дополнена рядом мер, которые помогают организоваться и подниматься бедняку и середняку, помогают ему сопротивляться грабежу со стороны богатея. Конечно, мы знаем и не должны забывать, что наш деревенский богатей так же отстал материально, технически и культурно от, скажем, американского фермера, как наша техника от американской тех-

ники. Но как бы ни был сравнительно низок материальный уровень его хозяйства, он кулак по отношению к безлошадному крестьянину, и, конечно, мы не можем строить своей политики на том, чтобы помочь ему обогатиться за счет эксплуатации бедняка.

Делая здесь те или другие уступки — мы их сделали и сделали абсолютно правильно, в меру действительной необходимости, — мы должны бороться с непониманием того, что уступка есть уступка, и что уступая здесь, мы должны параллельно усиливать наши позиции на другом фронте.

Не только можем строить социализм, мы его строим.

Кончаю. Я изложил перед вами и наши достижения, и наши трудности и средства их преодоления. Наша партия не привыкла закрывать глаза на лежащие на ее пути трудности, черные точки, ухабы, камни. Да и как же иначе? Партия взяла на себя руководство громадным делом. Чтобы осуществить его, надо уметь видеть и — главное — предвидеть трудности. К нашим достижениям принадлежит и то, что эти трудности мы теперь умеем лучше предвидеть, реальнее себе их представить, подсчитать их.

Всуе планы писать и этими планами хвастать, если из этих планов не делать выводов для своей политики, не постараться вычитать из них заранее грядущих затруднений. Мы запаслись планом и знаем теперь то, что мы не могли знать еще в прошлом году. Но из этого плана мы видим также и трудности. Кому надо эти трудности знать? Руководителям, тем, которым эти трудности придется объяснять, которым надо заранее обдумать, как эти трудности обойти, наконец, всем трудящимся, которые эти трудности будут испытывать.

Основная трудность у нас заключается в том, что наша страна аграрно-промышленная. Снята ли эта трудность благодаря тому, что мы достигнем в этом году почти довоенного уровня промышленности? Нет, не снята, потому что страна остается крестьянской.

Снята ли проблема соотношения диктатуры пролетариата и мелких распыленных хозяйств? Нет, не снята, хотя мы и знаем теперь основной путь решения этой задачи через кооперацию. Это основные трудности, которые еще не сняты и выражаются в таких прозаических вещах, как цены на хлеб, в том, сколько за один пуд пшеницы можно купить аршин ситцу, в расслоении крестьянства и т. д. Но нужно быть уж очень слабонервными людьми, чтобы в 1925 году испытывать смущение перед этими трудностями. Что тогда нужно было делать этим людям в 21—23 гг.? Если трудности, которые были в 21—24 гг., мы преодолели и с голодом, и с отсутствием денег, и со стоящими фабриками и заво-

дами, и с зарплатой на 30—40% довоенной, смеялись над мрачными «пророками» и говорили: строим социализм, будем строить и построим,—то теперь, при прекрасном урожае, при заработной плате, которая местами перескочила довоенный уровень, при гигантском росте промышленности и рабочих, при росте кооперации, никакому смущению в наших рядах не должно быть места.

Мы не только можем строить социализм, мы его строим, мы не только «доделываем» социалистическую экономию, мы несомненно ее «доделаем». Спорить о том, можем ли мы его строить или не можем — смешно, когда каждый новый завод, каждый новый кредит, который мы открываем промышленности, сельскому хозяйству или кооперации, является новой гирей в пользу социализма против капитализма. Этот социализм живой, он перед нами, строится каждый день. Когда мы в борьбе со всяческими уклонами отстаивали тот путь развития, по которому мы пошли, мы знали, что отстаиваем правильный путь, что по этому пути мы придем к социализму. Но ручаться, что мы в три года достигнем довоенного уровня промышленности, что в три года мы получим превышение довоенного количества рабочих в крупной промышленности, что мы так концентрируем промышленность, что дойдем до уровня концентрации промышленности Сев.-Американских С. Штатов, что осуществим денежную реформу, что создадим без всякой заграничной помощи кредит для промышленности и сельского хозяйства, что сможем говорить о том, как быть дальше, когда достигнем довоенного уровня, как перешибить капиталистическое развитие Франции и Германии, — поручиться, что мы в этот срок сделаем это, мы не могли. А теперь мы это видим в действительности, победа, одержанная партией — здесь до того несомненна, ярка, так бросается в глаза, что не видеть ее, не оценить ее значения для мировой революции могут только слепорожденные.

Дорога социалистического строительства раскрывается перед нами шире, чем когда-либо, и она, несомненно, будет все расширяться. Правда, она усеяна камнями, есть на ней и трясины, — я на них указал. Но мы их видим и не споткнемся. Главная гарантия в том, что руководителем по этой дороге, организатором народного хозяйства является пролетариат под руководством Коммунистической партии. Морган был величайшим организатором американской промышленности. Стиннес был величайшим организатором германской промышленности, а пролетариат в качестве организатора народного хозяйства перешибет всех Стиннесов и Морганов с их банковскими капиталами. Наша социалистическая рука направляет не только город, но и сельское хозяйство, мы регулируем крупное производство, но мы регулируем

и кустаря, регулируем при помощи цен на хлеб и деревню, расчищаем перед ней дорогу к социализму. Уже сейчас мы видим, что в роли организатора всего народного хозяйства советское государство оставит далеко за собой все известные формы, при помощи которых капитализм организовывал и подчинял себе все отдельные отрасли промышленности, мелких хозяев и т. д. Нельзя сомневаться в том, что темп нашего развития, когда мы достигнем довоенного уровня, благодаря рычагам централизованного социалистического хозяйства будет гигантским, что мы не отстанем от классических примеров быстрого промышленного развития, который дал XIX век в лице Японии или Германии. А т. к. мы имеем централизованное руководство, национализированную землю, национализированную промышленность, организованный пролетариат, новую роль кооперации, то мы избежим и всех тех трудностей, которые связаны с капитализмом, и дадим темп, во много раз его превышающий. Трудности будут преодолены, если мы не дадим увлечь себя ни на путь беспочвенного пессимизма, ни на путь не замечающего сложности положения самодовольства, а будем твердо и упорно работать по указанному Лениным пути, твердо уверенные в своей победе и ясно видя лежащие по пути трудности.

РАБОЧАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И НАУКА. *

Товарищи! Столица советского государства — Москва, в лице его организованного представительства — Московского Совета, с глубоким уважением и гордостью приветствует Академию Наук. [13])

Мы приветствуем также представителей мировой науки, откликнувшихся на наше приглашение, и рады приветствовать их в стенах Москвы. Я надеюсь, что наши гости за те дни, которые провели у нас, в советской стране, убедились, что праздник науки есть в то же время праздник всех трудящихся, объединенных Советской властью.

Москва — центральная силовая установка, руководящая всей системой, направленной к введению нового социалистического строя. Москва — центральная лаборатория, в которой куется, вырабатывается новый общественный социалистический строй. Москва — то место, где сосредоточена власть, впервые взятая в руки самими трудовыми массами. Москва—тот центр земного шара, в котором воплощена в жизнь идея власти рабочего класса. Москва — прежняя столица, седая днями своими, вместе с тем является воплощением всего того нового, что создало трудящееся человечество в своем развитии. Москва — маяк будущего, Москва приветствует мировую науку. Москва надеется на дружеское содействие науки, на дружеский союз между наукой и рабочей революцией. (Аплодисменты.)

В дни юбилея Академии Наук сказано было много приветственных слов. Мне кажется, что мы поступим правильно, если свое глубокое уважение к мировой науке подчеркнем тем, что здесь, перед лицом представителей этой науки, откровенно и до конца расскажем и о своих задачах, и о своей работе.

Нам нечего скрывать перед представителями науки. Наши цели и наши средства кажутся нам настолько высокими и

---

* Речь, произнесенная 14 сентября 1925 года на торжественном заседании Московского Совета Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов, Районных Советов и Фабрично - Заводских Комитетов, посвященном двухсотлетию Академии Наук СССР.

настолько связанными со всей историей и со всем будущим человечества, что мы готовы их представить на суд любого собрания и прежде всего на суд объективной науки.

Наука сейчас в гостях у социализма. В гостях у той страны, которая строит социализм. В чем основа, какими методами мы строим его, каковы предпосылки нашего строительства? Пусть знают представители нашей советской и мировой науки, что в этом деле мы идем по их следам. Пусть знают, что в основе нашей работы лежат их методы. Это они, представители мировой науки, разложили на составные элементы древние тайны природы! Это они сорвали с той мистики, которая угнетала и держит в угнетении человечество, покров тайны! Это они разрушили очарование тайны и власть тайны над человечеством! Это они разложили солнечную систему, это они разложили солнечный луч, они разложили атом!

Пусть же признает мировая наука нас, коммунистов и строителей советского государства, своими учениками и последователями. (Аплодисменты.) Пускай не пугаются они, когда, идя по их следам, мы разложили государство, мы разложили капиталистическое общество, мы разложили таинственный и обманчивый покров войны. (Аплодисменты.) Следуя их методам, мы разложили государство и, следуя их заветам не бояться истины, мы вскрыли государственную организацию, организацию насилия меньшинства над большинством. Мы разложили капиталистическое общество и раскрыли тайну эксплуатации человека человеком, меньшинством человечества большинства его. Мы разложили войну и вскрыли в ее торжественных лозунгах, в ее обманчивой вывеске «защита наций», «защита отечества» — проявление интересов кучки капиталистов, которые жертвуют ради своих интересов миллионами жизней трудящихся.

Нас за это проклинают. Нас за это объявляют преступниками, злоумышленниками, потрясателями основ, разрушителями самой основной ячейки — цивилизации... Но разве представителей науки, ее лучших представителей не обвиняли в том же, разве не были пред лицом предрассудков и суеверий господствующих классов преступниками, заговорщиками и нарушителями божественного порядка Галилей, Джордано Бруно, Дидро? Разве не объявили потрясателями божественного порядка Дарвина, Роберта Майера?

Мы, пролетариат советской страны, признаем себя виновными.

Да, мы виноваты в заговоре против всех старых устоев. Да, мы бунтовщики против всех старых суеверий, но мы гордимся тем, что находимся в группе тех преступников, которые носят имена Галилея, Ньютона, Дарвина, Лапласа, Дидро и т. д.

Разлагая на составные элементы все, чем господствующие классы держали в угнетении человечество, мы действовали по

*

той формуле, которая лежит в основе научного развития, мы применили к общественным явлениям тот принцип всеобщего движения, на котором зиждятся все завоевания науки. «Все течет» — сказала наука, и она ниспровергла бога, ниспровергла геоцентрализм, ниспровергла «неподвижность вещей». «Все течет»,— подтвердил рабочий класс, и ниспровергает во имя этого так называемый старый государственный строй капитализма, старые войны.

Для нас нет святынь, а есть только истина. Истина, что сотни миллионов человечества, угнетенного до сих пор, впервые в советской стране, в советской форме государства, в диктатуре пролетариата, в борьбе против всех форм угнетения пробивают себе дорогу к будущему всего человечества.

Но у нас, товарищи, есть и отличие от работы представителей науки. Они разлагают то, что, казалось бы, неразложимо, в своих лабораториях, научных кабинетах и испытательных станциях. Мы разлагаем государства, строй угнетения и эксплуатации пред лицом всего народа. Наша лаборатория, наша аудитория—весь трудящийся класс. Мы не имеем тайн от него, мы привлекаем его к исследованию всех тайн развития общества, которые там скрываются всеми, поставившими задачу охраны старого строя. И в этой шири, в мировом размере нашей аудитории, мировом историческом значении нашего общества, в том, что мы не в тайных, отдельных кабинетах познаем тайны рождения и смерти капиталистического общества и создание нового строя социализма, а производим это перед глазами всех трудящихся, — заключается то великое, что вкладывает Советская власть в историю человечества.

Нам могут сказать: «да, методы ваши закономерны и обоснованы; да, в своей революционной работе пролетариат опирается на все прошлое человеческой истории. Он держит на плечах новое поколение, он ведет его вперед. Да, ваша аудитория есть аудитория всего мира. Но наука приучила нас проверять анализ фактами и испытывать все гипотезы опытом».

Мы готовы представить этот опыт, мы готовы выложить здесь, на суд мировой науки, наши достижения.

Пролетарское государство — молодое государство. Оно существует только 8 лет. Пусть не забудут те, которые хотят судить революционное дело пролетариата, пусть не забудут они, что у нас, в нашей стране, война кончилась не в 1918 году, что Англия, Франция, Япония, Америка воевали с нами на нашей территории до 1920 — 21 года. И пусть, памятуя это, оценят они наши достижения и материальные, и политические. Нам незачем склонять перед ними головы. На этот суд пролетариат и крестьянство нашей страны могут выйти с гордо поднятой головой. Да, мы доказали, — и это тоже входит в железный

инвентарь мировой науки, — мы доказали, что диктатура пролетариата, применяя методы социалистического хозяйства, поднимает страну из той ямы, в которую она была ввергнута врагами нашими, поднимает ее с неслыханной быстротой.

Пусть убедятся наши гости в том, что страна рабочих и крестьян работает, что она живет, осуществляет в себе новый социалистический строй.

Но не только в области материальной, не только в деле восстановления нашей промышленности, нашего хозяйства, нашего транспорта, нашего строительства, не только в деле подъема материального благосостояния широчайших народных трудящихся масс можем мы проверить свои достижения, — но и в области политической.

Я утверждаю здесь перед представителями мировой науки, перед нашими советскими научными работниками, что нигде в мире фактическое участие трудящихся масс в управлении государством не воплощено с такой полнотой и силой, как в стране подлинной диктатуры пролетариата, что только здесь, только на этой земле, политой кровью рабочих и крестьян в борьбе за социализм, воплощена подлинная демократия, сорваны лицемерные оболочки, которыми прикрывается фактическое господство небольшой группы привилегированных. Впервые здесь демократия в подлинном смысле этого слова, с подлинным участием и влиянием самих широких трудящихся масс в деле государственного строительства, воплощена и развивается.

Но, товарищи, мы не скроем перед ними, что то, что мы имеем, это не наш идеал. То, что мы успели воплотить, это не есть наш строй — полностью развернутого коммунизма, к которому мы идем. Мы наметили под гениальным руководством великого вождя Владимира Ильича Ленина правильную дорогу, мы претендуем на то, чтобы указать всему трудящемуся миру этот путь, но мы видим лежащие перед нами трудности, мы знаем степень отсталости нашей страны, мы знаем степень разорения, с которой досталось нам это наследство после царизма. Мы помним те жертвы, которые принесли рабочий класс и крестьянство, чтобы эту страну поднять. И мы можем сказать только одно: с той же энергией, с которой мы начали строительство социализма, мы его кончим. С той же энергией, с какой мы начали его делать, мы его доведем до конца и воплотим в широко развернутой форме в жизнь.

И торжество социализма и коммунизма, который мы ставим сознательно перед собой как задачу пролетарских масс, впервые вырвет плоды науки из рук тех, кого один из русских ученых назвал «цивилизованными дикарями».

Да, только социализм вырвет из рук эксплуататоров и поработителей использование великих завоеваний науки.

Нам, социалистам, нам, коммунистам, нам, пролетариям, нам, представителям крестьян, нужна химия не для войны; нам нужны успехи физики не для того, чтобы строить пушки, истребляющие как можно больше народа. Нам нужны химия и физика, нам нужна абстрактная наука для того, чтобы поднять строй государства, чтобы поднять благосостояние трудящихся масс. Мы проклинаем тот строй, в котором наука используется для угнетения, в котором наука и ее завоевания используются для того, чтобы натравливать одних трудящихся на других и топить их в морях крови, душить их ядовитыми газами.

Немудрено, что люди, не совсем преданные интересам господствующих классов, наблюдая современное положение, безвыходные противоречия, угрозу новых войн, эксплуатацию величайших завоеваний человечества и науки для интересов отдельных клик, приходят к пессимистическим выводам и заговаривают о закате европейской цивилизации. Мы не верим в этот закат, мы не знаем этого заката. Против заката капиталистической культуры Европы мы выдвигаем идею возрождения европейской цивилизации, но возрождения, которое можно реализовать только усилиями и только победой пролетарских классов во всем мире. (Аплодисменты.)

Здесь, в Москве, наши гости, — и Академия Наук, и представители иностранной науки, — могли видеть самые большие наслоения старого, именно остатки исторических эпох и, вместе с тем, рядом с этим — зачатки того нового, которое идет для всего мира. Они могли убедиться, что мы, что рабочая революция, не тот гунн, не тот варвар, который пришел, чтобы разрушать богатства мира.

Мы знаем, что богатства мира созданы не властителями, а порабощенными, не теми, кто господствовал, а теми, над кем господствовали.

Мы знаем, что дворцы, в которых сосредоточивался центральный аппарат подавления, строились рабочими руками, и не разрушить эти дворцы, а разрушить тех, кто пользовался этими трудами, для того, чтобы господствовать над большинством, пришли мы, а дворцы, — то, что построено рабочими руками, мы отдаем тем, кому они принадлежат по праву, — рабочим и крестьянам.

Не разрушить науку, не разрушить старые завоевания, полученные на протяжении долгой истории человечества, пришла пролетарская революция, а вывести их из того тупика, в который заводит их капиталистический мир, умножить эти завоевания, развернув перед ними новые и широкие горизонты.

Вот почему мы говорим: революция рабочих, рабочая революция и подлинная наука завоюют все. Обе эти сестры пре-

красны, обе они грозны врагам трудящихся, и обе они могут жить, только двигаясь вперед. Они имеют одну и ту же конечную цель — обеспечить счастье громадному большинству человечества.

Мы надеемся, что наши гости унесут с нашего праздника, с нашего общего праздника эту мысль, — мысль о том, что в груди рабочей революции бьется пламенное сердце, родственное пламенному сердцу подлинной, движущейся вперед, ломающей препятствия науки.

Наука революционна, как пролетарская революция научна. Торжество одной из этих сестер будет торжеством и другой.

Наука, ее использование в мозолистых руках пролетариата, подготовляет торжество пролетарской революции, пролетарская революция подготовляет подлинное торжество науки. Только в коммунистическом строе, только при социализме наука вернет себе ту роль подлинного руководителя, которую она в капиталистическом обществе иметь не может.

Здесь, где ведется бешеная борьба нового против старого, где наши гости могут наблюдать, как в тяжких трудах пролетариат советской страны строит это новое на костях старого, здесь, в Москве, в этом стыке между Европой и Азией, в этом пункте, через который, несомненно, произойдет приобщение сотни миллионов новых народов к достижениям научной мысли,— здесь мы рады приветствовать представителей мировой науки и сказать им: «Изучайте, как мозолистыми руками строится впервые в мире социализм; наблюдайте, как впервые в мире рабочий класс воплощает древнюю идею о царстве справедливости и равенства; учитесь здесь у рабочих, как мы готовы учиться у вас, и да здравствует союз труда, науки и рабочей революции!» (Аплодисменты. Оркестр исполняет «Интернационал».)

О КОНТРОЛЬНЫХ ЦИФРАХ ГОСПЛАНА. *

Контрольные цифры, опубликованные Госпланом, имеют огромное значение для экономической политики СССР.

Но, являясь первой попыткой цифрового выражения предвидения и регулирования народного хозяйства в целом на год вперед, контрольные цифры не могли не иметь ошибок и недочетов.

Госплан, правильно приняв метод сравнения с довоенным уровнем, однако, не внес сюда никаких поправок. Он должен был сделать поправки, которые показали бы не только количественные сравнения тех или иных отраслей промышленности с довоенным временем, но и качественные изменения взаимоотношений отдельных сторон хозяйственной жизни. При разработке отдельных цифр работники Госплана не обратили также достаточного внимания на вопросы о соотношении капиталистических и социалистических элементов хозяйства.

Наше хозяйство отличается от довоенного не только количественным отношением отдельных отраслей, но и принципиальными изменениями взаимоотношений между отдельными отраслями хозяйства на новой, социалистической основе. И если бы эта работа, все эти цифры подвергались изучению с точки зрения этих взаимоотношений, то я думаю, что она больше удовлетворила бы потребностям активной социалистической политики.

Важно также выяснить, чем являются контрольные цифры: система это или только попытка запротоколировать отдельные предложения по отдельным отраслям народного хозяйства на целый год?

Тов. Громан, делая доклад от имени Госплана, доказывал, что мы имеем дело с системой, и что ни одной цифры трогать нельзя. К сожалению, это еще не так. В цифрах Госплана мы еще не имеем «системы цифр», а пока только ряд цифр.

* Речь на заседании СТО 18 сентября 1925 г.

Работа Госплана ставит вопрос без попыток вскрыть те общественные формы, в которых происходит развитие производительных сил.

Нельзя составить правильного представления о ходе развития на будущий год без изучения, например, распределения урожая по отдельным группам крестьянства. Мне приходилось уже указывать на важное значение работы ЦСУ о хлебном балансе и приводить цифру 14% крестьянского населения, выбрасывающего на рынок 61% избыточного хлеба. Детальный расчет (в № 105 «Бюллетеня ЦСУ») показывает, что группа посевщиков выше 6 десятин составляет 14% крестьянского населения, и, конечно, далеко не однородна, включая в себе и середняков и кулацкие хозяйства, общее число которых в стране не превышает 3—4%. Таким образом, несомненно, что, во всяком случае, более 50% хлебных избытков находятся в руках посевщиков от 2 до 10 десятин, которые в громадном большинстве своем представляют середняцкие хозяйства. Вместе с тем те же данные свидетельствуют, что 30% всех хлебных избытков находятся в руках 4% крестьянского населения; здесь, в этой группе, и находятся кулацкие хозяйства. Необходимо не только подсчитать то, каков общий размер урожая или в каком количестве больше можно произвести нефти, металла и т. д., но вскрыть в то же время и те общественные формы, в каких должен происходить этот рост, вскрыть ту борьбу социалистических и капиталистических элементов, которая имеется налицо. Мы должны брать вопрос о развитии производительных сил страны в связи с вопросом о росте социалистических и капиталистических элементов в нашем хозяйстве, о создании нового, а не довоенного равновесия. Только тогда, когда планирующая работа будет пронизана этим методом, она сможет лечь в основу практической политики.

Затем мне думается, что контрольные цифры страдают чрезмерным оптимизмом. Динамические коэффициенты, установленные на основе 2—3 лет нашего восстановительного процесса тов. Громаном, получили перевес над экспортными оценками конкретных возможностей отдельных отраслей промышленности.

В результате этого была допущена оптимистическая оценка. В контрольных цифрах развитие промышленности представлено напр., в таком виде, который дает 2-месячные запасы, и этим кончается год для промышленности. Совершенно ясно, что 2-месячные запасы из обстановки не вытекают.

Оптимистическая оценка и метод исчисления Госплана привели к тому, что контрольные цифры не дают указаний на вытекающие из сложности нашей экономики затруднения и на то, как их обойти. Госплан

должен был дать некоторое представление о механике народного хозяйства. И чтобы руководствоваться ими и составить себе представление о народно-хозяйственных процессах, приходится эти данные переводить на язык удовлетворения наших потребностей, дополняя их теми планами и цифрами, которые, например, заключаются в докладе тов. Шейнмана о товароснабжении.

Контрольные цифры должны остаться той рабочей гипотезой Госплана, которая будет проверяться ежемесячно, еженедельно и ежедневно. СТО, с своей стороны, должен дать оценку тем прениям и сопоставлениям, которые здесь были сделаны, и, на основании их, дать Госплану конкретные указания. Прежде всего нужно указать на то, что цифры Госплана нуждаются еще в проверке, проработке и т. д.

Однако, моя критика не должна быть воспринята как какая-то недооценка той громадной работы, которая Госпланом произведена. Эта работа — несомненное завоевание социалистического метода руководства народным хозяйством.

Напечатано в газете
«Экономическая Жизнь» от
24 IX — 25 г. № 218 (2040).

ОБ ОСНОВНЫХ ЗАДАЧАХ НОВОГО ХОЗЯЙСТВЕННОГО ГОДА. *

Этапы оценки хозяйственного года.

Товарищи! В общей оценке хозяйственного года мы пережили, мне кажется, три этапа. Первый этап относится приблизительно к маю, к началу июня текущего года. Именно тогда, в виду плохой зимы, в виду неясных видов на урожай, нам приходилось в руководящих учреждениях слышать предложения даже о сворачивании промышленности. Тогда указания на то, что не слишком ли мы разогнались, не слишком ли широкие перспективы ставим перед собой, казались более или менее обоснованными. Я хорошо помню спор о дальнейшем разворачивании текстильной промышленности в СТО в мае или в начале июня месяца, когда высказывались эти опасения и от некоторых товарищей шли предупреждения: не пора ли нам сворачиваться? Мы тогда этих предложений не приняли, считая их не обоснованными.

Второй момент оценки общей хозяйственной перспективы относится к июлю месяцу. Именно в июле месяце были установлены общие основы и бюджета, и экспортно-импортного плана, и плана заготовок, и плана финансирования. Именно к июлю месяцу относится предположение о том, что нам удастся до 1-го января собрать 70% всего того хлеба, который мы предполагаем заготовить. Именно к июлю месяцу были установлены цифры вывоза и расчет на то, что мы успеем выскочить на заграничный рынок и захватить там позиции до выхода Канады и Аргентины, и таким образом воспользоваться высокими хлебными ценами на мировом рынке. Именно к июлю месяцу настоящего года относятся наши соображения насчет того, что нам придется иметь дело с массовым притоком хлеба на рынке и с неизбежным, поэтому, падением цен на нем.

---

* Доклад на пленуме ЦК РКП 9 октября 1925 г.

Уже в прошлом году мы говорили о том, что конкуренция хлебозаготовителей принимает непомерный и вредный характер и что в новую кампанию нужно вступить с меньшим количеством хлебозаготовителей и с более жестким планом их увязки. В июле же картина рисовалась таким образом: перед нами стоит массовый поток хлеба, необходимо собрать намеченные 70% всех хлебных избытков до 1-го января, и естественно, что план сокращения числа заготовителей тоже был как-то отодвинут.

К этому же моменту относится идея о том, что нам возможно будет провести в более или менее широком размере залоговые операции, обеспечить бедняков от осеннего падения цен, дав им возможность весной получить ту цену, которую осенью они получить не могли. Эти именно настроения создали основу для тех контрольных цифр Госплана, которые всем вам знакомы.

Когда, вернувшись из отпуска 1 августа, я стал ориентироваться в существующем положении, то оказалось, что наиболее остро стояли вопросы: Получим ли мы на мировом рынке достаточное количество судов для того, чтобы вывезти хлеб? Справится ли транспорт с тем потоком хлеба, который направится в порты? Как справимся мы с падением цен? Вот что беспокоило нас тогда.

Первые сомнения в полной реальности этих планов находятся в связи с дождями, и мы некоторое время пытались, так сказать, свалить все затруднения на дожди. Но очень скоро оказалось, что попытка отослать все затруднения к дождям недостаточно обоснована, — ясно стало, что налицо более серьезные явления, коренящиеся в самой экономике, которые заставляют вносить некоторые поправки к первоначальным нашим предположениям.

Уже в августе при повторном обсуждении общего плана заготовок обстановка заставила нас отвергнуть оптимальные цифры Госплана и пойти на низшие цифры, предлагаемые Наркомвнуторгом, на цифру в 780 миллионов пудов. Затем начался поток сообщений о поступлении хлеба на рынок и о ценах на хлеб. Ясно стало, что мы имеем дело не с массовым падением цен ниже определенного уровня, а, наоборот, имеем цены, которые стоят гораздо выше того уровня, по которому мы предполагали вести заготовительную кампанию. Это было расхождение плана, который был построен в июле, с реальностью, которую мы в августе стали ощущать. Теперь, в начале октября, совершенно ясно, абсолютно ясно, что в наш план внесены поправки.

Дело, конечно, в том, что 22 миллиона крестьянских дворов хозяйствуют каждый за себя, по той формуле, которую Ленин ненавидел больше всего, которую он приводил как характеристику товарных отношений: «каждый за себя, а бог за

всех». Действуя по этому «плану», эта стихия рынка внесла целый ряд поправок в наш план: это стало возможным потому, что этот год есть, пожалуй, первый год совершенно свободной игры крестьянского рынка. Строя в этом году наш план развития промышленности, план усиления и укрепления социалистических элементов нашего хозяйства, мы недооценили значения снижения налога. Мы понизили налог так, что налог перестал быть тем прессом, который заставляет крестьянина выбрасывать свою продукцию на рынок. Оценка этого налога крестьянством, как налога чрезвычайно низкого, как налога легкого, конечно, нам известна. Мы установили, что, во-первых, налог начнет собираться нами только к 1 ноября и, во-вторых, что мы не будем менять сроков налога.

Далее. Мы двинулись в кампанию этого года без каких-либо лимитов, т. е. без каких-либо мер административного воздействия на рынок. Мы создали у крестьянства действительно сознание того, что он полный хозяин над своими продуктами. Мы выпустили 8 заготовителей. Мы дали этим заготовителям денег вперед в полном размере, по тому соображению, что хлеб будет низок в цене, а следовательно надо во-всю предъявлять спрос, чтобы не дать цене упасть слишком низко.

И вот этот первый год свободной игры крестьянского рынка, не ограниченного ни лимитами, ни административными мерами, ни хозяйственным зажимом, ни налогом, действующим как пресс, дает себя чувствовать в тех поправках, которые стихия мелкого товарного производителя вносит в наши предположения. Задача заключается в том, чтобы своевременно и правильно учесть эти обстоятельства и добиваться осуществления наших задач в данной обстановке.

Наш план выгоден для крестьянства.

Значит ли это, что мы имеем данные для того, чтобы пересмотреть наш годовой план? Я этого не думаю. Я думаю, что об этом покуда рано говорить. Покуда еще действительных оснований для пересмотра плана в целом нет, хотя несомненно уже, что сроки его выполнения передвинуты, и что крестьянство растягивает его выполнение.

Наш план, несомненно, выгоден и для всего народного хозяйства и специально для крестьянства. Он ведь заключался в том, чтобы вывезти на внешний рынок побольше избыточного хлеба, пока Канада и Аргентина не вышли на него, пока стоят высокие цены. Тогда можно было бы подешевле купить полуфабрикаты, сырье и т. д. и в январе двинуть быстрым ходом вперед нашу промышленность, заткнуть дыры, образовавшиеся вследствие товарного голода, и, таким образом, удержать цены на хлеб на

известной высоте на весь год. Таким образом этот план выгоден был не только для народного хозяйства и промышленности, но он выгоден и для крестьянства.

Но осуществление его целиком было бы возможно, если бы крестьянское хозяйство тем или иным путем было целиком включено в нашу общую хозяйственную систему. Этого еще нет. К этому мы только идем. Пока такого подлинного включения крестьянского хозяйства нет, пока кооперация не играет присущей ей роли включения мелких распыленных хозяйств в общую систему, нам приходится, с одной стороны, разъяснять совпадение подлинных интересов крестьянства с интересами всего хозяйства, а с другой стороны, осторожно маневрировать, учитывая те стихийные поправки, которые вносятся в наши предположения.

Какие же поправки в них внесены? Приведу несколько цифр. Мы предполагали в июле заготовить всего 680 милл. пуд. хлебов, в том числе пшеницы 240 милл. В августе месяце, как я говорил, Госплан предполагал поднять эту цифру до 840 милл. Мы не пошли так далеко и взяли цифру 780 милл., в том числе пшеницы 277 милл. За июль, август и сентябрь назначено было 169 милл. пуд., выполнено 92%. Казалось бы недурно, но если взять пшеницу, то процент выполнения падает до 75%, из 72 милл. выполнено 56. Если взять по месяцам: в августе пшеницы было назначено 28 милл., выполнено 21; в сентябре назначено 40, выполнено с напряжением 32. Мы предполагали за июль, август и сентябрь сконцентрировать 50 милл. пудов хлеба в портах; сконцентрировали — 40, в том числе пшеницы мы предполагали сконцентрировать 25 милл. пуд., а сконцентрировали — 12½ милл. пуд., т.-е. 50%, при обнажении внутреннего рынка.

Из этих поправок, касающихся заготовки, концентрации, вывоза, вытекает и сокращение импортного плана. По тем данным, которыми мы располагаем, мы имеем такую картину: по лицензиям предполагалась выдача в первом квартале на 324 миллиона рублей, сможем выдать на 267 миллионов рублей, валюты для расчетов в первом квартале, вместо 242, будет 200 милл. В переводе на реальные потребности промышленности это означает сокращение валюты в первом квартале для хлопка на 2 милл., для шерсти — 1,5 милл., для шерстяной пряжи — на 2 милл., для кожсырья — на 4 милл. и т. д.

У меня рядом с этой справкой о сокращении есть справка ВСНХ о том, что̀ для них обозначают эти, казалось бы, небольшие цифры (мы, вообще говоря, стали считать и внутри и вне на миллиарды). При начавшемся ледоходе социалистического строительства, при громадном шаге вперед, который мы делаем, получаются трения и заторы, о которых я считаю особенно

нужным сообщить Центральному Комитету. Ибо то, что мы движемся вперед, — это всем известно, это не требует доклада, а доклада требуют возникающие трудности. Так вот каждый абзац этой справки говорит, что урезка в импортном плане реально обозначает недовыполнение плана разворачивания промышленности. А ведь весь импортный план и поддерживающий его план экспорта был рассчитан на то, что мы максимально быстрым порядком подадим на крестьянский рынок нехватающие ему товары. И мы рассчитывали, что к концу этого квартала мы сможем заткнуть ту щель, которая образовалась между продукцией нашей промышленности и потребительскими возможностями крестьянского рынка. Эти сокращения отодвигают момент, когда мы сможем закрыть эту щель.

Цены на хлеб и внешняя торговля.

Поправки, о которых я говорю, относятся также и к ценам. Сущность директивных цен сводилась к тому, чтобы крестьянин не был вынужден сказать: «Неурожай — плохая вещь, а когда урожай — тоже плохо, потому что цены падают». Чтобы не получить такого эффекта, нами была принята система директивных цен, т.-е. удержание цен рядом экономических (отнюдь не административных) мер на определенном уровне. Чем определялся этот уровень? Тремя элементами. Прежде всего наш план был основан на том, что если мы оставим в стране всю ту массу излишков хлеба, которая в стране есть, то это неизбежно приведет к сильному падению цен и к громадному дефициту в крестьянском хозяйстве, в его годовом балансе. Будет ли падение цен в октябре, или же крестьянин, удержав хлеб, выкинет его весной перед новым урожаем, общий баланс его хозяйства при падении цен будет с минусом. Значит, наобходимо было удержать такие цены, которые не только оплатили бы труд крестьянина, но и дали бы ему возможность дальше продолжать восстановление своего хозяйства. Для этого необходим вывоз, для этого необходимо перебросить через нашу границу несколько сот милл. пуд. хлеба. Этот вывоз должен быть доходен: нельзя продавать за границей хлеб дешевле, чем он нам стоит.

Итак, доходный вывоз необходим не только для нашего государственного хозяйства, бюджета, накопления валюты и т. д., но и для того, чтобы крестьянин не потерял весной на массовом, катастрофическом падении цен.

С другой стороны, бюджет нашего государства не позволяет вздувать хлебные цены выше определенного уровня. Итак: мировые цены, восстановительные цены плюс прибыль на улучшение крестьянского хозяйства и бюджета рабочего, а тем самым бюджета государства — вот рамки для хлебных цен.

Но директивные цены, вытекающие из этих трех условий и рассчитанные на комбинацию интересов всего народного хозяйства, крестьянства и рабочего, остались только желаемой целью, в то время как в действительности цены оказались на 20 — 30% выше. Мы двинулись в хлебозаготовительную кампанию с рядом мер для того, чтобы предупредить массовое п а д е н и е цен, а оказались неожиданно перед картиной явно вздутых цен. Если сравнить движение цен на хлеб у нас и за границей, то окажется, что мировые цены падают, а наши растут.

Вывод: проведение экспорта при данных условиях в данный момент недоходно. А нерентабельность вывоза хлеба, основного продукта вывоза, ставит дальнейшее развитие нашего хозяйства перед серьезными трудностями.

Что значат затруднения в вывозе основных продуктов? Кого это бьет? Что мы хотим вывозить?

Состав нашего импорта таков, что 62% нашего импорта представляют собою сырье для промышленности, полуфабрикаты и предметы технического оборудования, при чем мы ввозим таким образом: в прошлом году мы ввезли сырья для промышленности на 216 миллионов, в этом году хотим ввезти на 363 милл. В прошлом году мы ввезли полуфабрикатов на 84 милл., в этом году предполагаем ввезти на 173. Предметы технического оборудования: ввезено в прошлом году на 45 миллионов, теперь хотим ввезти на 95 миллионов. Т.-е., без всякого преувеличения, получается темп ускорения движения прямо неслыханный. Конечно, я не забываю уровня, не забываю, что и 400 миллионов на иностранное сырье (в грубых цифрах) — нищенская цифра для нашей страны. Этот уровень нужно, конечно, иметь всегда в виду. Однако, мы имеем от прошлого года к наступающему крупнейший перелом, почти удвоение потребных нам заграничных машин, сырья и т. д.

Но сейчас я говорю о соотношении различных статей, о структуре нашего импорта. Итак, 62% всего, что мы ввозим, есть сырье, полуфабрикаты, предметы технического оборудования. Почти 20% — сельское хозяйство и сельскохозяйственные машины, рост которых таков: в прошлом году мы привезли на 30 милл. с.-х. машин, в текущем году хотим привезти на 85 миллионов (и то — мало!). Значит, 62% на техническое оборудование, на промышленность, 20% — на сельское хозяйство. Все остальное — предметы потребления и т. д. — составляет остальные 20%. Таков наш импорт. Что же из этого вытекает? Вытекает то, что неисполнение импортного плана, зависящее от нерентабельности нашего вывоза — бьет больше всего по разворачиванию нашей промышленности, режет нас в этом месте, а это место для нас самое больное. Мне кажется, что из этого положения, которое мы имеем сейчас, вытекает основная директива: нажать на пе-

даль нашей промышленности, чтобы подать стране дешевый и добротный товар. Однако, задержка крестьянством хлеба для экспорта держит нас за руку в деле общего развития всего народного хозяйства и, в частности, в деле дальнейшего развития промышленности.

Почему это так? Потому, что в экспортном плане 42% составляет вывоз хлеба, 14% — животноводство, 8% — лен, пенька и т. д. Если сосчитать, это будет: 70% вывоза — сельскохозяйственное сырье и зерновые продукты. Это естественное отношение. Мы — страна аграрно-промышленная, а должны стать промышленно-аграрной. Мы для того и создали монополию внешней торговли, чтобы держать в своих руках состав товарных масс, которые ввозятся, и состав товарных масс, которые вывозятся. Это — наша социалистическая линия.

Но ясно, что при таком составе нашего экспорта и импорта развитие нашей промышленности находится в теснейшей зависимости от хода вывоза с.-х. продуктов. Свобода маневров здесь ограничена условиями кредита, а он пока далеко недостаточен.

Я должен еще остановиться на некоторых наших достижениях в области экспорта. Ведь в прошлом году мы хлеба не вывозили, и вы, естественно, спросите: а как же мы справились с экспортом без хлеба? Мы должны отнести к нашим успехам, что в прошлом году полумиллиардный вывоз был осуществлен, несмотря на то, что хлеб не вывозился, благодаря тому, что мы оказались способны поднять другие экспортные отрасли хозяйства. Мы добились возможности без дефицита свести наш торговый баланс, тем, что, скажем для примера, продукция животноводства, которая в 1923 — 1924 году составляла только 7% общего нашего вывоза, в истекающем году составила уже 19%. В 1923 году мы вывезли этих продуктов на 39 миллионов, в заканчивающемся году на 93 миллиона, а хотим вывезти в этом году на 156 миллионов. То же самое относится и к другим отраслям, как лен, пенька. В 1923 — 1924 году мы вывезли их на 25 миллионов, в прошлом году — на 55 миллионов, в этом году вывезем на 83 миллиона. То же относительно продуктов горной промышленности (нефть); ее вывоз идет таким образом: на 51 миллион в 1923 — 1924 году, на 97 миллионов в прошлом году и в этом году на 125 миллионов.

То, что мы таким образом сумели, не вывозя хлеба, осуществить оборот с заграницей в один миллиард руб., показывает, что у нас есть экспортные возможности, даже не считая основной громадины хлеба. Мы сможем тут разворачивать и нажимать. Мы не в рабской зависимости от вывоза хлеба. Мы можем двинуть и другие отрасли сельского хозяйства по вывозу и даже некоторые отрасли нашей промышленности, как, например, неф-

тяную, которая представляет несомненную валюту. Но требуется работа годов, чтобы поставить это дело как следует, а покуда разворачивание всего нашего хозяйства и, в частности, промышленности зависит от вывоза хлеба (42% всего нашего вывоза!), но тут нас крестьянство держит за руку.

Из всего этого неизбежно вытекает практический вывод: действительное доведение цен до уровня директивных. Что такое директивные цены? Директивные цены — такой маневр заготовками, при котором осуществляется определенная цена на хлеб. Если цена поднялась несуразно высоко, то товарищ Шейнман должен маневрировать так, чтобы цены упали до определенного, справедливого уровня. Надо при этом помнить, что всякая неувязка между нашими государственными планами и крестьянством дает выигрыш частному капиталу. Во всякую щель между нами и миллионами крестьянских хозяйств, поскольку мы их не успели охватить ни электрификацией, ни кооперацией, пролезает частный капитал, в ней гнездится и пухнет.

Ни в коем случае речь не может итти о том, чтобы взять у крестьянина хлеб ниже той цены, которую мы считаем восстановительной ценой, ценой, оплачивающей труд крестьянина, да еще с прибавкой, необходимой для восстановления его хозяйства. Нет! Задача ни в коем случае не может заключаться в том, чтобы снизить цены ниже этого уровня, а в том, чтобы довести их до этого уровня. Мы бы охотно пошли и на более высокие цены, но в том-то и дело, что Нью-Йорк и Лондон, мировые хлебные биржи, этого не позволяют. А там, как я выразился в одном из своих докладов, нет ни Политбюро, ни Совнаркома! Пока-что, приходится всем нам с этим считаться.

В чьих руках находятся хлебные излишки?

Естественно, что, оказавшись перед такой картиной, мы должны обратиться, хотя бы на очень короткий момент, к вопросу о том, у кого этот хлеб находится, в чьих руках находятся товарные хлебные излишки. Я должен предупредить, что вопрос о том, где, у кого находится хлеб, не есть вопрос о классовом расслоении деревни. Это азбучная истина, которую на пленуме ЦК повторять нечего. Все работы Ильича говорят о том, что по одним размерам посева нельзя судить о классовом расслоении деревни. Ильич обращал эту критику против мелкобуржуазных идеологов, которые, беря лишь один признак посева, хотели доказать, что при капитализме не происходит расслоения деревни.

Ясно, что и при равном количестве земли при капиталистических отношениях имеется различное применение наемного труда, обработки земли, использования машин и т. д. Ильич бил народников, бил Давида, бил Герца и т. д., говоря: вы — мелкобуржуазные мещанские затушевыватели и прикрыватели эксплуатации деревни, потому что вы хотите доказать нам, что только распределение земли дает картину классового расслоения. Это все относится к основам методологии марксизма или, вернее сказать, к основам методологии ленинизма в аграрном вопросе, в изучении классового строения деревни. Следовательно, распределение урожая по посевным группам само по себе ни в какой мере еще не отвечает на вопрос о классовом расслоении деревни.

Ответ на вопрос о расслоении деревни можно дать, лишь учтя все те признаки, которые требует старая марксистская методология, т.-е. не только общий посев, но и посев технических культур, интенсивность земледелия, системы полеводства, употребление машин и удобрения, характер скотоводства и наемный труд в первую очередь, ибо если вы не взяли признака наемного труда, ответа на вопрос о расслоении в деревне вы не получите, или же ваша методология не марксистская. У меня лежат несколько диаграмм, присланных мне тов. Ионовым, и все они мною были отвергнуты. Вы знаете, что я большой любитель диаграмм, но вы никогда не видели, чтобы я вам показывал картину расслоения в деревне, и не потому, чтобы я не интересовался этим вопросом, а потому, что нам еще не дали точную картину.

Приняв во внимание, что одно дело — классовое расслоение деревни, а другое дело — ответ на вопрос, где находится хлеб, мы должны изучить данные, которые дает ЦСУ о распределении хлебных избытков. Вот табличка, которую представило ЦСУ. Эта таблица называется: «Вес отдельных посевных групп в общей массе населения и по производству хлеба». Значит, не по производству льна, не по производству скота, а по производству хлеба, и только хлеба.

Без посевов — населения 3%. С посевом до одной десятины — 12% населения и 3% валового сбора. От одной до двух десятин — 22% населения и 12% валового сбора. Здесь отсутствие всяких избытков и налицо необходимость покупать хлеб.

Дальше: при засеве в 2 — 3 десятины начинается если еще не избыток, то начинается возможность не покупать хлеба. Так вот таких посевщиков от 2 до 3 десятин — 20% населения. Они имеют 16% валового сбора и 3% всего избытка хлеба. С посевом от 3 до 4 десятин — 14% населения, 15% валового сбора и 11% избытков. С посевом от 4 до 6 десятин — 15% населения, 21% валового сбора и 23% избытков. С посевом

от 6 до 8 десят. — 7% населения, 12% валового сбора и 19% избытков. С посевом от 8 до 10 дес. — 3% населения, 7% валового сбора и 12% избытков. И, наконец, последняя графа: свыше 10 дес. — 4% населения, 3,5% дворов, 14% валового сбора и 30% избытков. Даже эта последняя группа не вся сплошь состоит из кулаков, ибо кулаков по хлебу не столько, сколько здесь сказано, не 4%. Но зато и не все кулаки входят в эту группу, ибо кулак может сидеть и на двух десятинах, только не по хлебу, а по каким-нибудь другим культурам, — может просто свиней разводить или торговать, ничего не сея на продажу. Если принять во внимание эти две оговорки, то все-таки основную массу кулаков искать нужно здесь—в этих 3,5% дворов с 30% хлебных излишков.

Приведенные мною цифры касаются всей страны (без Закавказья, Туркестана и Киргизии). Они, конечно, должны быть проверены по районам, ибо тот же размер посева играет глубоко различную роль, скажем, на Сев. Кавказе и в Московской губ. Как только я натолкнулся на эту таблицу, я просил ЦСУ дать мне данные по районам. Эта таблица передо мной. Она дает распределение урожая и хлебных избытков по посевным группам *различной мощности применительно к разным районам*. В этой таблице к маломощным отнесены в потребляющих, производящих районах и на Украине хозяйства с посевом до 2 дес., а на Сев. Кавказе и в Сибири до 4 дес. К мелким и средним отнесены в потребляющем районе хозяйства от 2 до 4 дес., в производящем районе и на Украине от 2 до 6, на Сев. Кавказе и Сибири от 4 до 10 дес. Следующая группа — зажиточные хозяйства: в потребляющем районе к ним отнесены хозяйства с посевом от 4 до 6 дес., в производящем и на Украине — от 6 до 10 дес., на Сев. Кавказе и в Сибири — от 10 до 16. А затем к богатым хозяйствам отнесены в потребляющем районе хозяйства с посевом свыше 6 дес. в производящем районе и на Украине — свыше 10 дес., на Сев. Кавказе и Сибири — свыше 16 дес.

Конечно, и это деление условно, но оно уже много точнее общих средних цифр для всей страны; оно может дать некоторую приблизительную картину для ориентировки.

Что мы получаем в итоге этих порайонных данных? По сведениям сводной таблицы, мы имеем следующее распределение: 3% хозяйств имеют 25% хлебных излишков. Сверх того, у 9% дворов, отнесенных по указанным выше признакам к группам зажиточных, — 29% избытков. Зажиточные и богатые — 9 + 3 будет 12%. Общая сумма избытков у них — 29 + 25 = 54%. Вот какой итог мы получаем, проверяя общие средние цифры, дающие цифры 12% и 61%, более точными порайонными данными. Надо еще принять во внимание, что по-

районная таблица составлена на месяц позже, по новым данным об урожае.*

Правильно ли, однако, методологически это сложение? Что значит, если мы говорим, что 12% дворов имеют 60%, или по последней таблице — 54% всех хлебных излишков, с пониманием, что это не классовое деление деревни, а деление по хлебу, и с оговоркой, что в этих 12% есть 3,5% (570 000) хозяйств, которые имеют 25 — 30% (320 милл. пуд.) всех излишков, и что именно в этой группе надо искать кулачество? Это есть сумма зажиточных и богатых. Можем ли мы употребить это выражение? Можем и должны. Мы не академики, а политический центр, который должен видеть процессы для того, чтобы их регулировать. Наша политическая методология заставляет смотреть на процесс роста, на процесс подрастания, на то, кто куда растет. Было бы странно, если бы мы не понимали, что то, что мы называем зажиточным,—это есть та верхушка середняка, из которой растет новая деревенская буржуазия.

Надо это видеть, как и то, что раз мы установили, что кулаки находятся среди 3,5%, которые имеют 30% избытков, то из этого вытекает, что у середняков и бедняков 70% избытков, потому что 100 минус 30 будет 70. Таковы общие данные о распределении урожая. Они очень важны для познания экономики нашей страны, а следовательно и для нашей политики.

О товарном голоде.

Перехожу к следующей части доклада и спрашиваю себя вместе с вами: как исправить ту картину, которую мы видели, чем ее регулировать? Ответ на этот вопрос заключается, по-моему, в следующем: дать товар.

Мы знаем общие методы регулирования взаимоотношений между нами и крестьянством и взаимоотношений внутри крестьянства. Это — кооперация и электрификация: когда кооперация охватит крестьянство и электрификация даст силовые установки, нажимая на которые можно будет регулировать все хозяйство. Но кооперация, как подлинный регулятор торгового оборота и подлинный рычаг передвижки крестьянского хозяйства на высшую техническую базу, еще впереди. К электрификации мы

* Абсолютные цифры, из которых получены вышеуказанные проценты, по той же таблице ЦСУ, таковы: данные ЦСУ касаются всего 19 777 000 хозяйств. Из них по указанным выше признакам к богатым отнесено 578 200 хозяйств и к зажиточным — 1 653 800, т.-е. всего 2 232 000 хозяйств. У этих $2^1/_4$ миллионов хозяйств находятся 699 миллионов пудов избытков продовольственных и кормовых хлебов из общего количества этих избытков в 1120 миллионов. При этом у высшей группы (578 200 хозяйств) находятся 321 миллион избытков.

только идем. Остается тот метод, которым мы работали в последнее время: дать товар.

Как с этим обстоит дело? Я не буду останавливаться на том, что преисполняет нас гордостью и радостью, я буду останавливаться лишь на трудностях. Я не буду говорить о перспективе 95% довоенного уровня в нашей промышленности. Вряд ли мне стоит рассказывать о том, как быстро мы идем вперед в области обработки нефти, в добыче каменного угля, в выработке чугуна, мануфактуры, металло-изделий и т. д. Все это имеется в известных вам контрольных цифрах Госплана и в отдельных производственных программах. Не буду говорить также о том, что увеличение количества рабочих в нашей промышленности идет вперед громадными шагами. В 1924 году мы имели 1 600 000 рабочих, в 1925 году — 1 900 000, в этом году хотим довести число рабочих до 2 300 000 — по данным, относящимся только к нашей цензовой промышленности (цензовая промышленность — это 16 рабочих при двигателе и 30 рабочих без двигателя), причем в этой же промышленности в 1913 году было 2 600 000 рабочих. Рабочий класс подбирается и концентрируется. Слова о деклассировании пролетариата отошли, к счастью, в прошлое.

Но и при этом количестве рабочих, и при 100%-ной нагрузке основного капитала, и при гигантских шагах в отдельных отраслях промышленности, при том, что мы в этом году переработаем раза в полтора больше хлопка на наших текстильных фабриках, — нам не хватает товаров для удовлетворения того спроса, который будет предъявлен. В какой мере? Общий подсчет дает такую картину что платежеспособный спрос, который может быть предъявлен нашей промышленности, спрос на хлопчатобумажные ткани, сельскохозяйственные машины, металло-изделия, обувь, сахар, соль, табак, махорку, спички и т. д. выразится в 3 миллиардах руб. А мы по этим товарам можем дать только 2700 миллионов.

Если спросить себя, как обстоит дело в деревне, то мне кажется, что тут и цифры не нужны. Ведь все вы привезли нам одно и то же требование: дать поскорее и побольше товаров в деревню. Конечно, расчеты наши очень приблизительны: определить потребность крестьянина очень трудно, и надо иметь в виду, что мы скорее преуменьшаем цифры платежеспособного спроса крестьянина. Если мы к концу года и справимся с этими затруднениями, то во всяком случае в первые месяцы будет трудно.

Следует еще принять во внимание вопрос — кто потребляет нашу продукцию? Тут мы имеем чрезвычайно любопытные данные, быть-может для характеристики нашей связи с крестьянством более важные, чем какие-либо другие. 80% продукции нашей промышленности потребляются основной

массой крестьянства: группами беспосевных, маломощных, мелких и средних. Конечно, каждое из хозяйств, стоящее на более высоком уровне, покупает сравнительно больше, чем маломощное или мелкое, но в массе своей продукцию нашей промышленности на 80% потребляют указанные группы.

Интересно, как растет потребление различных групп крестьянства. Маломощные и беспосевные увеличат свое потребление, по предположениям ЦСУ, в этом году на 20% по сравнению с прошлым годом, мелкие и средние увеличат свое потребление на 50%, так называемые зажиточные — на 78%, а высшая группа в 3% хозяйств увеличит свое потребление на 140%. При всем том и в этом наступающем хозяйственном году более 80% всего потока наших продуктов, направляемых в деревню, будет иметь своим потребителем именно основную массу крестьянства — середняка и бедняка. Именно их потребление есть база для разворачивания нашей промышленности.

С какими же последствиями товарного голода мы можем иметь дело?

Во-первых, ножницы. Ножницы стоят перед нами, как совершенно реальная угроза. Раз товаров в промышленности мало, а хлеб перекрывает эту продукцию, ножницы естественны. Вы помните, что обозначал для страны широкий раствор ножниц осенью 1923 года. Наша политика снижения цен на промтовары, твердой валюты, поднятия цен на сельскохозяйственные продукты привела к тому, что линия, которая обозначает промышленные цены, пошла вниз, сельскохозяйственные цены поднялись вверх, и в марте 1925 года эти линии сошлись.

Потом наоборот — перекрытие, маленькое раздвижение ножниц в другую сторону. При товарном голоде и падении цен на хлеб — раздвижение ножниц может вновь стать неизбежным, хотя, конечно, в гораздо меньшем размере. А розница этот раствор еще больше увеличивает. Разница между оптовыми и розничными ценами растет. Деревня все еще должна продавать слишком много, чтобы купить ситец, при чем ситец она до сих пор покупает в значительной мере у частного торговца, а не в кооперативе.

Последствия товарного голода, это — намечающийся раствор ножниц, рост накидок на оптовые цены, наконец, наличие в деревне свободных денег, не находящих товаров, следовательно, некоторая угроза покупательной силе червонца и некоторая угроза удара по реальной заработной плате,— вот в чем дело. При ножницах мы можем получить рост номинальной заработной платы и снижение реальной, если не захватим в свои руки регулирование цен на товары. И, конечно, увеличивающаяся роль частного капитала, который, спекулируя на товарном голоде, делает «хорошие» дела. Но когда мы ругаем частный капитал за спе-

куляцию на товарном голоде, мы не должны забывать, что на товарном голоде выиграть хотят все, а не только частный торговец. Нет такого хозяйственного органа, нет такой кооперации, которые не хотели бы тоже заработать на этом товарном голоде.

Как с этими опасностями можно бороться? Первое — то, что мы уже применяем, но что, однако, не представляет общего ответа на вопросы, это — ввоз.

Второе, что мы должны двинуть здесь, это кооперация, потому что именно теперь, при товарном голоде, кооперация должна выполнить свою важнейшую функцию: донести до низового крестьянского потребителя наши сниженные цены на товары. Мы пошли на систему генеральных договоров с кооперацией, т.-е. мы обеспечили кооперацию определенной массой товаров на определенный срок по определенной цене. Но мы за это должны потребовать от кооперации: если ты по генеральным договорам имеешь определенную массу товаров по определенной цене, в определенный срок, то ты обязана выполнить свою важнейшую функцию — донести до потребителя сниженные цены на нашу государственную продукцию. В прошлом году кооперация перевернула по главнейшим товарам $2^1/_4$ миллиарда; в этом году она предполагает перевернуть $3^1/_2$ миллиарда по тем же товарам.

«Таким образом кооперация рассчитывает пропустить в этом году через свою сеть в розничном обороте до 70 проц. продукции хлопчато-бумажных тканей, от 40 до 50 проц. сахарной продукции, до 80 проц. — соляной и до 45 проц. металлических изделий»—пишет в своем докладе Совету Труда и Обороны Центросоюз.

Это — результат генеральных договоров. Но если мы даем такую нагрузку, то мы в праве требовать: ты должен быть тем органом, который не будет спекулировать на голоде. Послушайте, что говорит закончившаяся на-днях сессия кооперации: «XIV сессия совета с удовлетворением отмечает следующие достижения Центросоюза за отчетный период: в деле установления нормальных взаимоотношений с госпромышленностью на основе признания единства системы и необходимого посредничества союзных объединений Центросоюз после чрезвычайно напряженной борьбы добился первых значительных успехов». Прямо реляция с поля сражения. Вы видите, кооперация говорит: «неслыханной, напряженной борьбой добились первых результатов», и обещает, что и дальше будет воевать.

Да, кооперация «добилась» очень многого, и потому-то мы и в праве спросить ее: «а берешь ли ты на себя обязанность 70% мануфактуры провести через свою систему так, чтобы крестьянин почувствовал снижение цен?». Когда дело доходит до этого, они говорят так: «значительное во многих случаях расхождение между розничными ценами первичной сети и оптовыми

кооперативных центров требует принятия решительных мер к дальнейшему снижению накладных расходов и слишком высоких накидок по всем основным товарам».

Ну, раз уж такая реляция о победе, надо было бы, по-моему, здесь найти другие слова, надо бы, чтобы все кооператоры понимали, что, давши им 70% мануфактуры, 50% металлических изделий, 80% разных других товаров, мы обязаны сказать строго: при товарном голоде, если вы будете спекулировать, вы будете делать работу, подрывающую самую основу наших отношений с крестьянством. Мы должны возложить на них задачу довести пониженные товары до крестьянства. Эта работа должна быть одним из центров нашей работы.

Для борьбы со скверными последствиями наличия свободных средств, не находящих приложения, мы выдвинули целый ряд мер: усиление агитации за то, чтобы крестьянин свободный капитал вкладывал в сберегательную кассу, по усилению паевых взносов, усиление страховых взносов. В последнее время выдвигается плодотворная идея — предварительная подписка на машины, ангажирование крестьянского кредита на машины, которые мы получим из-за границы. Я думаю, на местах можно продумать реальные практические меры, при помощи которых мы можем ангажировать свободные крестьянские средства, чтобы они не давили на денежный рынок.

Центральная задача — развертывание промышленности.

Все это я оцениваю как меры, абсолютно необходимые, но все же меры паллиативного характера. О с н о в а ж е в с е г о, п о д л и н н о е л е к а р с т в о — р а з в о р а ч и в а н и е п р о м ы ш л е н н о с т и: б е з э т о г о м ы д а л е к о н е у й д е м. Вот почему вопрос о разворачивании промышленности ставится в центре нынешнего года.

Предпосылки необходимости именно этой политики ясны. Я вспоминаю два указания Владимира Ильича и думаю, что они сейчас звучат полновесно, звучат как практические директивы. Первое указание это то, где Ленин говорит о цветущей промышленности, как необходимой мере подлинного мира и союза с крестьянством. Есть единственный способ завоевать полное доверие крестьян и сказать, что наше строение лучше капиталистического, это — цветущая промышленность. Наша промышленность еще не является цветущей, она начинает чуточку расцветать; надо этому помочь.

Второе указание Ильича, которое я постоянно вспоминаю, это — слова о той копеечной экономии, которая нам нужна и которая должна быть обращена на развитие крупной промышленности.

Позвольте, товарищи, эти прекрасные слова привести: «Если мы сохраним за рабочим классом руководство над крестьянством, то мы получим возможность ценой величайшей и величайшей экономии хозяйства в нашем государстве добиться того, чтобы всякое малейшее сбережение сохранить для развития нашей крупной машинной индустрии, для развития электрификации, гидроторфа, для достройки Волховстроя. В этом и только в этом будет наша надежда. Только тогда мы в состоянии будем пересесть, выражаясь фигурально, с одной лошади на другую; именно, с лошади крестьянской, мужицкой, обнищалой, с лошади экономий, рассчитанных на разоренную крестьянскую страну, — на лошадь, которую ищет и не может не искать для себя пролетариат, на лошадь крупной машинной индустрии, электрификации, Волховстроя и т. д.».*

Это написано 2 марта 1923 г. Но именно сейчас, когда мы хозяйственно начинаем становиться на ноги, когда мы можем уже делать некоторую экономию, некоторые сбережения и на урожае, и на вывозе и т. д.. — эти слова звучат как практическая директива. Ильич писал: «В этом и только в этом может быть наша надежда», но в то же самое время, буквально в те же недели, он писал свою статью о кооперации, в которой указал путь деревни к социализму. Мне кажется, что мы поступаем правильно, когда объединяем эти два указания Ильича, когда говорим, что социализм, это — Советская власть плюс электрификация, т.-е. плюс крупная машинная индустрия, позволяющая регулировать хозяйство всей страны в целом, плюс кооперация, т.-е. поголовное объединение мелких крестьян-производителей.

Исходя из этих общих указаний, я подчеркиваю, что разворачивание промышленности приобретает сейчас крупнейшее практическое значение потому, во-первых, что мы находимся накануне полной, 100-процентной нагрузки основного капитала нашей крупной промышленности; во-вторых, потому, что мы все ближе и ближе ввязываемся в мировой торговый оборот, ввязываемся в мировое хозяйство и не смеем здесь отставать; в-третьих, потому, что крестьянство не дает нам отсрочки и уже на базисе первого урожайного года (ведь мы надеемся, что будут урожаи второго и третьего года) подстегивает нашу промышленность и говорит: работай скорей, работай лучше, отвечай на мой урожай нужной мне продукцией, докажи, что ты умеешь как следует быстро маневрировать, умеешь быстро поворачиваться, умеешь быстро работать: в-четвертых, потому, что мы должны помнить цифры Госплана (их еще надо уточнить): $11^1/_2$ миллиардов огосударствленного имущества, $7^1/_2$ миллиардов неогосу-

* Н. Ленин. Собр. соч. т. XVIII, часть II, стр. 128. «Лучше меньше, да лучше».

дарствленного имущества, главным образом крестьянских хозяйств.

Вы знаете, что Госплан произвел исчисление, сколько капитальных фондов находится в руках государства и сколько находится в распыленном состоянии у мелких товаропроизводителей, главным образом у крестьян, и получил цифры, которые в известном смысле являются условными, — в них, например, не включены жилища, — но которые в общем дают картину, отражающую действительность. В руках государства капитальные фонды сосредоточены в сумме $11^1/_2$ миллиардов, а в руках мелких хозяев в распыленном состоянии, в руках, главным образом, крестьян находится $7^1/_2$ миллиардов, в руках кооперативных организаций — $^1/_2$ миллиарда. Спрашивается, какой должна быть в этом отношении наша дальнейшая политика?

Наша дальнейшая политика заключается в том, чтобы эти $11^1/_2$ миллиардов подтянули и переварили $7^1/_2$ миллиардов, находящихся в распыленном состоянии. Сколько для этого потребуется времени, сказать, конечно, очень трудно, это неизвестно, но политика вчерашнего, сегодняшнего и завтрашнего дня будет заключаться в том, чтобы $7^1/_2$ миллиардов, находящихся в распыленном состоянии в руках мелких производителей, главным образом в руках крестьян, эти $7^1/_2$ миллиардов, из которых растет капитализм, и не может не расти, — это является азбучной истиной, — чтобы эти $7^1/_2$ миллиардов переварить. Это очередная задача. Чем же мы будем их переваривать? Кооперацией, конечно, электрификацией, конечно, но прежде всего тем, что сегодня реально можно двинуть: это — развернуть как можно скорее промышленность, дать хороший, дешевый продукт крестьянству из государственной социалистической пролетарской промышленности. Вот почему мы по этому вопросу стоим под известным давлением и должны здесь поторопиться.

Перспективы развития промышленности.

Что мы можем сделать в этот год? Мы сможем дать в этом году для разворачивания промышленности от 800 до 900 милл. руб. Мы знаем, что это мало, но дальше этого мы пойти не можем. Эта сумма должна быть влита в промышленность двумя руслами. Во-первых, займом хозяйственного восстановления. Что это такое? Это обращение на восстановление промышленности и на ее разворачивание тех твердых остатков, которые получаются в наших резервуарах от общего хозяйственного оборота. Второе средство, это — собственные средства промышленности и тот план организации общества финансирования промышленности, который сейчас разрабатывается.

Мы говорили два года тому назад: равняйся по крестьянской силе, не забегай вперед, не говори о высоких прибылях. В сущности говоря, это была формула: равняйся по крестьянскому бессилию. Теперь, я думаю, мы можем сказать уже, вкладывая новое содержание: равняйся по крестьянской силе, т.-е. подтягивайся к тому факту, что крестьянство стало сильнее и требовательнее.

Конечно, деревня нища еще во всех своих частях, даже вместе с кулаком, который стоит еще на нижайшем уровне и в смысле культурном, и в смысле достатка, и которого никак нельзя сравнить с американским фермером или грос-бауэром в Германии. Деревня только-только начинает становиться на ноги. Урожайность даже в этом году была только 40—45 пудов с десятины. Только тогда мы сможем сказать, что мы с задачей справились, когда крестьянство будет иметь урожайность вдвое бо́льшую с десятины, чем теперь. Но все-таки крестьяне стали сильнее. Общий котел страны, из которого мы должны черпать средства и для промышленности, стал побогаче. Чуть-чуть и жирок появляется. Куда этот жирок надо направить? Я думаю, не забывая ни на минуту сельского хозяйства, потому что тут есть опасность, что может получиться разрыв между интересами города и деревни, — этот жирок надо направить на усиление промышленности.

Это вытекает из того, что мы хотим строить социализм, а не что иное. Ведь ясно же всем, что дополнительные затраты на промышленность будут выгодны не только для промышленности, рабочих, но будут выгодными и для крестьянства.

Без расширения промышленности нельзя продолжать политику снижения себестоимости. Без политики снижения себестоимости нельзя продолжать правильную политику снижения цен, а без снижения цен, без разворачивания промышленности нельзя дать крестьянству те дешевые товары, того дешевого инвентаря, тяговой силы и т. д., без которых наша деревня останется на низком уровне. Той сытой России, которая необходима для того, чтобы социалистические элементы промышленности, базируясь на богатеющей деревне, росли и крепли, — этого еще нет, но к этому мы идем, и идем сравнительно быстро.

План промышленного строительства становится на очередь дня. В этом году вряд ли что-нибудь построим более или менее крупное. Но пора уже дать директивы ВСНХ и СТО и т. д., чтобы они приняли, как настоятельную задачу, разработку плана постройки заводов и, главным образом, приспособления их к потребностям крестьянства, чтобы крестьянство видело, что мы обслуживаем его и строим новые заводы в крестьянских районах, ближе к нему. Для этого надо ввести новые предметы оборудования, заложить новые фабрики и т. д., и тогда крестьянство получит тот прибыток, который ему нужен.

Крестьянство знает, что Советская власть уже сейчас немало дает крестьянству. Так, на центрально-черноземный район в самое последнее время дано 25 миллионов, на засушливые районы — 77 миллионов, на хлопководческие районы — до 60 миллионов. А значительное снижение налога? Крестьянству, которое вырабатывает хлопок, лен, пеньку, технические культуры, мы хотим дать хлеб подешевле, ибо важно, чтобы в общем балансе хозяйство поднималось за счет технических культур, а не за счет разорительного первобытного зернового хозяйства. Для того, чтобы декханин (туркестанский крестьянин) мог заниматься хлопководством, нужно дать ему подешевле хлеб. Для того, чтобы во Владимирской губернии занимались льноводством, нужно им дать подешевле хлеб. Это и вызывает ту политику цен, которую мы предлагаем.

Годовой план удастся осуществить без больших потрясений. Конечно, затруднения будут. Но в общем рост общенародного хозяйства налицо, рост социалистических элементов внутри общей массы налицо; возможность маневрировать бо́льшая, чем прежде.

Что мы еще не научились торговать — это правильно. Мы еще не научились составлять такие планы, чтобы через месяц их не поправлять. Нам нужно поправлять наш аппарат. Я считаю, что уже давно начинает вырисовываться, что наша административная верхушка не вполне приспособлена к тому радостному ледоходу, который мы имеем. Аппарат создавался в другие годы. Он должен быть гибче теперь, когда ему приходится крутить миллиардами вместо десятков миллионов, в которых мы крутились раньше; он должен быть больше приспособлен к маневрам и т. д. У нас получается часто таким образом, что нарком должен за малейшей суммой денег проходить через секцию Госплана, затем через президиум Госплана, через административно-финансовую комиссию, через СТО, из СТО в Совнарком, и выше. Мы должны поставить свой аппарат таким образом, чтобы нарком, который теперь имеет возможность и должен планировать, руководить и оперировать миллиардами, чтобы он по поводу каких-нибудь 5 тысяч не маялся. Нужно дать больше самостоятельности тем оперативным органам, которые работают, при большей увязке и крепости наверху.

Главное, нам нужно всеми силами (о формах я сейчас не говорю) усилить процесс подтягивания рабочих к государственной власти и к социалистическому производству. Рабочие у нас будут новые. Цифры, которые я привел, показывают, что за $1^1/_2$ — 2 года мы будем иметь 700 000 новых рабочих. Рабочий придет с новым духом из деревни. Его нужно включить в нашу систему, дать положение, при котором он чувствовал бы, что фабрика новая, государство новое, и он чувствует себя по-новому. Если мы это сделаем, то никакое расслоение в крестьянстве,

которое происходит теперь, никакое сосредоточивание 30% урожая в руках 3½% дворов (а это есть факт, через который не перескочишь) — не будут опасны.

Вот те перспективы и данные о нашей работе, которые я имел сообщить Центральному Комитету.

Проект резолюции по хозяйственным вопросам.

1. Доклад тов Каменева одобрить.

2. Благоприятная общая обстановка нового хозяйственного года, созданная хорошим урожаем, быстрым ростом госпромышленности, укреплением денежной и кредитной системы и несомненным укреплением социалистических элементов хозяйства, открывает перед партией широкие возможности усиленного социалистического строительства, несмотря на ряд трудностей, связанных с самим ростом хозяйства. Основные из этих трудностей заключаются в следующем:

1) Растущие потребности городского и деревенского рынка, в особенности основной массы крестьянства, предъявляют к нашей промышленности требования такого роста, который может быть осуществлен лишь при крупных дополнительных вложениях капитала на постройку новых заводов, переоборудования, поднятие технического уровня и т. д. Наличность же средств, которые могут быть сейчас же вложены в промышленность, хотя и достигают крупных размеров, однако, далеко еще не достаточны.

2) На этой почве ощущается недостаток товаров (товарный голод), который в свою очередь ведет к раздвижению ножниц, облегчает рост розничных накидок, содействует росту частного капитала и может даже через повышение цен иметь результаты понижения реальной заработной платы.

3) В то же время мы имеем налицо несомненный рост расслоения крестьянства. Самый урожай, являясь громадным плюсом, укрепляя и облегчая дело дальнейшего социалистического строительства, распределен среди отдельных групп крестьянства таким образом, что усиливает его дифференциацию. Несомненно, что очень значительная доля всех средств, которыми город оплатит урожай, направится в руки сравнительно незначительной группы крестьянства и усилит ее экономическое, а, следовательно, и политическое влияние.

4) Налицо несовпадение наиболее выгодных для всего народного хозяйства сроков и условий реализации урожая, как внутри, так и на внешнем рынке, с фактическим ходом поступления хлеба на рынок.

Расчеты, построенные на массовом поступлении хлеба на рынок, начиная уже с сентября месяца, и связанный с этим

план сельскохозяйственного экспорта с одной стороны и импорта промышленных продуктов и предметов оборудования с другой, явно не оправдались. В связи с задержкой поступления хлеба на рынок основной трудностью оказалось — не падение цен на хлеб, как можно было предполагать, а наоборот, вздутые цены. Было бы преждевременно предполагать, что этим нарушен план разворачивания хозяйства в наступающем году, но несомненно, что осуществление этого плана растянуто и календарные сроки его передвинуты. Задача разместить на заграничном рынке желательное для нас количество хлеба, удержать на известном уровне цены, обеспечить ввоз промышленного сырья и оборудования, без которого неосуществим необходимый темп роста промышленности и устранение товарного голода, потребует от соответствующих органов усиленного внимания, гибкого маневрирования и уменья быстро ориентироваться в усложняющейся обстановке.

5) Главные орудия непосредственного воздействия на основную массу крестьянства в виде кооперации, сельскохозяйственного кредита, снабжения машинами и т. д. в силу своей сравнительной слабости далеко еще не оказывают на политику цен, товарный оборот и перестройку крестьянского хозяйства своего влияния в желательном размере. Неизбежный рост кулацкой верхушки деревни, опирающийся на общее повышение производительных сил, на хороший урожай, рост товарооборота и т. д., далеко не компенсируется соответствующим хозяйственным ростом основной массы середняцких и бедняцких слоев деревни. В этой обстановке необходимы своевременные меры экономической политики для того, чтобы указанные условия не стали исходным пунктом для дальнейшего экономического наступления новой деревенской буржуазии.

6) При общем несомненном росте производительных сил страны материальное положение рабочих масс в городе хотя и явно повышается, но все же продолжает оставаться низким. Чрезвычайно низким остается и уровень материального благосостояния основной массы крестьянства.

Преодоление указанных трудностей возможно только путем дальнейшего развития производительных сил и в городе, и в деревне на почве дальнейшего укрепления социалистических элементов хозяйства и подъема материального благосостояния и культурного уровня широких масс населения. Основной задачей должно оставаться дальнейшее развертывание государственной промышленности, подъем продукции сельского хозяйства, общее повышение товарооборота в стране и рост на этой почве социалистических элементов за счет несоциалистических.

1.— Восстановление основного капитала промышленности, ее расширение и реконструкция на новой, более высокой техначе-

ской основе выдвигается на первую очередь как тем, что мы подходим к 100%-ному использованию старого основного капитала, так и тем важнейшим с точки зрения строительства социализма обстоятельством, что только расширенная и перестроенная на новой основе промышленность сможет действительно всесторонне охватить и обслужить крестьянство и направить хозяйственный подъем в деревне по социалистическим рельсам.

Центральный Комитет одобряет меры, направленные к созданию долгосрочного кредита для промышленности и в том числе организацию займа хозяйственного восстановления и указывает на необходимость обращения на задачу восстановления основного капитала промышленности всех тех средств, которые могут быть выделены для этого при общем подъеме хозяйства страны.

Этот подъем несомненно расширяет возможность направления дополнительных средств в промышленность. Эти затраты, со своей стороны, окажутся несомненно выгодными и для основной крестьянской массы, ибо должны привести к устранению товарного голода в деревне, снижению как оптовых, так и розничных цен и повышению технического уровня крестьянского хозяйства путем облегчения для него приобретения с. х. машин и т. п.

Центральный Комитет поручает соответствующим органам (ВСНХ, Госплан, СТО) разработать план нового промышленного строительства. В основу этого плана должны быть положены: 1) быстрейшее удовлетворение нужды крестьянства в с. х. машинах и орудиях, 2) близость производства к потребителю, т. е. географическая децентрализация промышленности, создание производственных центров в лишенных до сих пор промышленности районах и на окраинах, 3) учет естественных условий отдельных районов (между прочим, возможность использования свободных рабочих рук в деревне), 4) необходимость ставить новые заводы и фабрики сразу на высокую техническую базу (увязка с планом электрификации).

Центральный Комитет указывает на необходимость систематически продолжать работу над снижением себестоимости продукции промышленности, обеспечивающей дальнейшее проведение политики снижения цен, вполне доказавшей свою целесообразность. Вместе с тем должны быть приняты решительные меры, чтобы снижение оптовых цен действительно доходило до потребителя. Важнейшая роль в этом принадлежит кооперации. Борьба с непомерными розничными накидками, борьба за сближение розничных и оптовых цен должна быть в центре ее внимания. Генеральные договоры между госпромышленностью и кооперацией, обеспечивая кооперации определенную массу товаров по определенной цене и в определенные сроки, дают ей

возможность действительно выполнить важнейшую ее функцию в настоящих обстоятельствах товарного голода и спекуляции на нем: донести до массового потребителя удешевление цен промтоваров. Эта согласованная работа госпромышленности и кооперации даст возможность извлечь всю выгоду из снижения оптовых цен и неуклонно проводить его в дальнейшем.

2.— В области сельского хозяйства основная задача заключается, с одной стороны, в том, чтобы поднять количество и ценность с.-х. продукции, с другой, в том, чтобы создать выгодные для основной массы крестьянства условия реализации этой продукции.

Несмотря на хороший урожай, урожайность остается чрезвычайно низкой. Столь же низким является технический уровень крестьянского хозяйства с его неизбежными последствиями: слабой производительностью труда, низкой доходностью, перенаселением, слабой покупательной способностью крестьянского рынка. Технические культуры (хлопок, лен, конопля и т. д.), на которых базируется наша промышленность и развитие которых необходимо для ее дальнейшего роста и освобождения ее от зависимости от заграничного сырья,— а также животноводство, маслоделие и проч., несмотря на несомненный рост,— все же играют непомерно малую роль в общем с.-х. производстве. Центральный Комитет одобряет меры, направленные к поднятию с.-х. производства, в частности, специальные ассигнования на поднятие Центральной Черноземной области (25 милл. руб.), областей, пострадавших от неурожая (77 милл. руб.) и на поднятие хлопководческих районов (до 60 милл. руб.).

Рост с.-х. продукции приводит, однако, неизбежно к тому, что ее продажа на заграничных рынках становится важнейшим условием удержания цен на выгодном и необходимом для ее дальнейшего подъема уровне.

Центральный Комитет указывает, что именно осуществление экспортного плана обеспечивает 1) цену на хлеб, выгодную для крестьянского хозяйства, и 2) тот импорт промышленного сырья и оборудования, без которого невозможно соответствующее развертывание промышленности, а, следовательно, и действительная борьба с товарным голодом и высокими ценами на промтовары.

Центральный Комитет одобряет политику цен, направленную к тому, чтобы основная масса крестьянства получила при реализации продуктов своего хозяйства не только восстановительную цену, но такую цену, которая бы позволила ей поднимать свое хозяйство. Установление этих цен должно происходить путем чисто экономических мер. Если с одной стороны эти меры должны противодействовать падению цен ниже вышеуказанного уровня, то с другой стороны совершенно необходимо теми же экономическими мерами противодействовать непомерно

высоким ценам, снижая их до уровня директивных и тем обеспечивая возможность вывоза. Необходимость своевременного вывоза избытков с.-х. продукции и полное совпадение в этом пункте интересов крестьянства и интересов всего народного хозяйства в целом должна быть широко разъяснена.

Только при указанной выше политике цен возможно также обеспечить снабжение хлебом по определенным ценам тех районов, крестьянство которых занято выработкой технических культур (хлопок, лен и т. д.), и предотвратить таким образом падение посева этих культур.

Перед лицом растущего расслоения деревни и далеко неравномерного использования отдельными группами крестьянства урожая нынешнего года политика партии заключается не в ускорении, или содействии ускорению, накопления кулацких верхушек деревни, а в том, чтобы этому неизбежному на известный период времени процессу противопоставить содействие поднятию уровня хозяйства основной середняцкой и бедняцкой массы крестьянства.

3. — Как дальнейшая реконструкция промышленности, так и дальнейший подъем сельского хозяйства требует усиленного использования заграничного рынка. Маневрирование экспортом и импортом является уже сейчас важнейшим орудием Сов. государства. В целях дальнейшего развития хозяйства и усиления его социалистических элементов при осуществлении этой задачи система монополии внешней торговли единственно гарантирует, как состав экспортно-импортных масс, так и благоприятный для нас баланс. Центральный Комитет указывает, что в нынешнем году экспортно-импортный план должен быть построен так, чтобы в наибольшей мере был обеспечен ввоз промышленного сырья и оборудования, а также предметов оборудования сельского хозяйства, экспорт всячески увеличен также за счет все большего вовлечения в экспорт отдельных отраслей хозяйства и приспособления их к потребностям мирового рынка (т.-е. помимо нефти, леса, хлеба и т. д., также масла, яиц, бекона и т. д. и т. п.). Проведение самого экспортно-импортного плана должно базироваться на расширении заграничных товарных и банковских кредитов и тщательно согласовано с валютными планами.

Центральный Комитет указывает, что расширение торговых сношений с заграницей ставит массового потребителя лицом к лицу с ценой и качеством заграничной продукции и настоятельно требует от нашей промышленности способности использовать все преимущества социалистической организации для соответствующего и быстрого улучшения и удешевления своей продукции.

4. — Центральный комитет обращает особое внимание на то, что кооперация и сельскохозяйственный кредит должны все более и более превращаться в орудия поднятия хозяйства и

обеспечения широких основных масс крестьянства — середняков и бедняков — и что данные в этом направлении указания XIV Партконференции должны действительно быть воплощены в жизнь.

Пленум Центрального Комитета поручает соответствующим организациям проверить, что именно сделано в данном направлении кооперативными и кредитными организациями, и обсудить возможность массового привлечения бедняцких и середняцких слоев в кооперацию путем известных форм государственного содействия.

5.— Центральный Комитет, ставя политику заработной платы в прямую зависимость от уровня производительности труда и разворачивания промышленности, считает необходимым дальнейшее проведение политики повышения заработной платы и подтягивания отсталых отраслей.

Центральный Комитет предлагает Профсоюзам и ВСНХ обсудить вопрос о возможности хотя бы в виде опыта применить новые формы оплаты труда с тем, чтобы повысить коллективную заинтересованность рабочих масс в социалистическом производстве.

Издана отдельной брошюрой
в изд-ве «ГИЗ» в 1925 г.
под тем же названием.

НА ОЧЕРЕДИ.*

Задачи момента.

Сила нашей партии зиждется в значительной мере на том, что мы ведем политику на строго научных марксистских основаниях, что мы обладаем возможностью анализировать массовые соотношения, вскрывать те тенденции, которые проявляются в миллионных народных массах, и направлять нашу политику сообразно реальным соотношениям отдельных групп.

Еще очень недавно этот метод марксистского анализа нам приходилось применять к вопросу о том, найдутся ли такие силы, которые способны скинуть Советскую власть. Этот вопрос снят с очереди. Теперь наш анализ, наше изучение должны быть направлены, главным образом, на внутренние отношения в нашей стране, но не с той точки зрения, найдутся ли силы, которые способны потрясти власть пролетариата. Мне думается, что этот вопрос уже в данный момент не может нас занимать.

Конечно, это не значит, что мы вступили в такой период, когда внешние силы не могут попытаться потрясти нашу власть. Наоборот, наша политика должна постоянно иметь в виду, что мы окружены врагами, что враги эти отнюдь не примирились с фактом существования советского социалистического пролетарского государства, что они только выжидают момент, чтобы на нас напасть, но в данный непосредственный отрезок времени, который мы можем ближайшим образом обозреть, эта опасность непосредственно нам не угрожает. Мы поэтому должны направить всю силу своего разумения на то, чтобы вскрыть внутренние отношения в нашей стране, чтобы отдать себе отчет в том, в каких обстоятельствах приходится нам строить социализм.

---

* Доклад «Об итогах пленума ЦК РКП (б)» на общегородском собрании актива Московской организации РКП (б) 16 октября 1925 г.

То, что социализм мы строим, что мы его можем построить, что мы его построим,— в этом, по крайней мере, в нашей среде, в нашей партии сомнений нет и быть не может. Если бы такие сомнения могли быть, то последние годы, показавшие невиданный размах нашего социалистического строительства, показавшие и доказавшие не только нам, но и западно-европейским рабочим, даже тем, которые остаются в пределах социал-демократической партии, доказавшие, что мы не только смогли разрушить капиталистические отношения, но что мы реально, фактически, каждый день все более и более ускоренным темпом строим новые социалистические отношения,— эти годы, эти успехи, выраженные в совершенно материальных фактах—в разворачивании заводов, в увеличении количества рабочей массы, в усилении наших командных высот, в том, что наши командные высоты все более и более усиливаются за счет мелкобуржуазной стихии—эти годы и эти факты всякие сомнения, всякий пессимизм должны были разрушить.

Это, товарищи, конечно, не значит, что строить социализм в нашей стране дело легкое и не требующее напряжения всего пролетарского коллективного разума и всей пролетарской коллективной воли. Трудности большие, и эти трудности меняются. В прошлом году эти трудности были не такие, как в этом году. Мы справились с прошлогодними трудностями, справимся и с трудностями этого года. А в следующем году у нас вырастут новые трудности, дорога перед нами каменистая. Основа для этого не в чем ином, как в том, что мы, пролетарская партия, строим социализм и хотим построить его в стране аграрной, в которой 80% населения минимум принадлежит крестьянству, и в капиталистическом окружении. Тут надо строить и осматриваться. Тут надо строить и проверять. Этому учил нас Ильич, этому трезвому расчету, умению каждый камень положить так, чтобы он уже действительно оказался прибитым на свое место. И эту традицию нашей партии надо, конечно, сохранить.

Пленум ЦК, недавно закончившийся, явился продолжением XIV партконференции. Он занят был главным образом этими внутренними вопросами, он именно пытался вскрыть те тенденции, которые проявляются в массовом движении, он уловил и дал ответ на те трудности, которые перед нами в настоящий момент стоят.

Пленум ЦК продолжил ту линию, которая была взята приблизительно год тому назад в октябре 1924 года и затем получила свое завершение, точную и ясную формулировку в резолюции XIV партийной конференции. Опыт этого года показал, что политика партии в деревне, нашедшая свое выражение в решениях XIV партконференции, была вполне правильна. В резуль-

тате мы можем определенно констатировать значительное улучшение политического положения в деревне и укрепление авторитета Советской власти в основной массе крестьянства.

Но пленум ЦК собрался через несколько месяцев после партийной конференции, собрался в несколько новых обстоятельствах и должен был учесть новые факты. Ведь для того мы с вами и установили систему ежегодных съездов, 6-месячных или 3-месячных конференций, 2-месячных собраний пленума ЦК, для того, чтобы возможно чаще проверять ситуацию, анализировать текущий момент, вносить дополнения в свои решения, делать дальнейшие поправки в их развитие.

Какие основные факты — конечно, только основные — мы имеем за время между XIV партийной конференцией и последним пленумом?

Мне кажется, что если считать только основные, только самые важные, то факты троякого рода должны быть отмечены. Во-первых, мы уже после партийной конференции получили урожай, и урожай хороший, а урожай в нашей стране и при пролетарской диктатуре определяет целый ряд чрезвычайно важных элементов нашего строительства. Второе: уже после партийной конференции реально выяснился тот размах, та быстрота развития нашей промышленности, которая перед нами реально открывается. Именно после конференции оказалось, что наша промышленность может в этом году получить такой размах, который доведет ее до 95% довоенного уровня.

И, наконец, пленум имел перед собой годовой опыт проведения нашей политики в деревне. Та политика оживления советов, политика ставки на развитие производительных сил деревни, политика развязывания товарооборота в деревне, которая проводилась нами в последнее время, она уже теперь дала определенные плоды и могла быть проверена.

Вот эти факты сосредоточили на себе внимание пленума ЦК. Я и обращаюсь прежде всего в своем отчете к вопросу о том, что нового заметил пленум ЦК в деревне и как он на это новое реагировал.

«Ларинский» уклон.

Вы знаете, что уже на XIV партконференции, которая абсолютно правильно сформулировала нашу задачу в развитии производительных сил деревни, что уже там наметился некоторый уклон, который на конференции получил решительный отпор. Этот уклон был представлен на конференции тов. Лариным, схема которого сводилась к тому, что раз мы идем к разворачиванию товарооборота в деревне, раз мы идем на те уступки, которые мы сделали на партконференции и на III Съезде Советов и которые были абсолютно необходимы, во-первых, и сделаны были абсо-

лютно в меру, во-вторых, то тем самым должны разворачиваться капиталистические отношения в деревне.

До сих пор он был прав. Да, уступки в деле аренды, уступки в деле применения наемной силы, ставка на дальнейшее разворачивание товарооборота в деревне, конечно, как и отметила XIV партконференция, должны, по крайней мере, на первых порах, породить рост дифференциации деревни, создать условия, при которых выделение кулацкой верхушки будет происходить более интенсивно, чем тогда, когда этот товарооборот был зажат у нас, когда над наймом рабочей силы в крестьянском хозяйстве стоял целый ряд ограничений и т. д.

Но тов. Ларин шел дальше. Он рассуждал таким образом: если эта дифференциация будет дальше происходить, то, значит, народится в деревне новая буржуазия, свергнуть которую нам придется новой революцией. Новая вторая революция как результат проведения нэпа в деревне, — вот что рисовалось тов. Ларину.

Конечно, эта теория абсолютно противоречит и нашей политике и нашему пониманию нэпа и тем путям, которые указывал нам тов. Ленин. Мы всегда понимали так, что нэп есть неизбежный путь к социализму. Нэп—не прямая лобовая атака на остатки капитализма, а путь обходный, маневр, который делает пролетариат для того, чтобы захватить и привлечь к себе основную толщу крестьянства, крестьянского середняка. Этого мы никогда не забывали, и тут, с этой трибуны, Владимир Ильич рассказывал нам о нэпе, как о маневре необходимом, но вместе с тем о таком маневре, который ведет нас к социализму, а не к чему-нибудь другому.

Тов. Ларину это представляется иначе. Ему кажется, что из нэпа будут расти такие формы капитализма, ниспровергать, сломать, задушить которые можно будет только новой, второй пролетарской революцией. Корни этого взгляда тов. Ларина, конечно, коренятся в давно известных и отвергнутых партией взглядах насчет того, что столкновения рабочего класса и крестьянства неизбежны. Вы знаете эти теории, знаете, что партия употребила много энергии, чтобы выяснить неправильность этих теорий. Нельзя не признать, что корни Ларинского представления о неизбежности второй революции, в которой пролетариат столкнется с новой деревенской буржуазией, и что другого пути к социализму нет, как только через то, что мы эту баррикаду кулачества ниспровергнем новой гражданской войной, — нельзя не признать, что корни этого взгляда коренятся в том представлении, что пролетариат и крестьянство неизбежно столкнутся, как два противоположные класса. Это—старое представление вульгаризаторов марксизма, которое обозначает фактически пессимизм и неверие в дело социалистического строительства.

Эта теория Ларина бьет, таким образом, в лицо тому, что нам говорил Ленин о нэпе, и тому, что усвоила партия относительно неизбежности и возможности вовлечения основной массы крестьянства в социалистическое строительство через кооперацию, и тому, что говорил тов. Ленин о середняке как о центральной фигуре нашей деревни, и, наконец, тому, что говорил нам тов. Ленин о переходе при диктатуре пролетариата от лозунга гражданской войны к лозунгу гражданского мира.

Тов. Ленин в 1921 г. писал: «Кто не понимает смены лозунга гражданской войны лозунгом гражданского мира, тот смешон, если не хуже». Это, конечно, абсолютно правильная мысль. Когда мы с вами были угнетены буржуазной властью и хотели ее ниспровергнуть, мы стояли за гражданскую войну. Когда пролетариат стал у власти, он против того, чтобы кто-нибудь шел на него гражданской войной, он против гражданской войны и за гражданский мир. Тов. Ленин писал тогда: «Новым в настоящий момент является для нашей революции необходимость прибегнуть к «реформистскому», постепенному, осторожному, обходному методу действий в коренных вопросах экономического строительства». В этом и заключается нэп. Все это, конечно, не значит, что мы пришли к уничтожению классов, что у нас нет классов и нет классовой борьбы. Она есть, она может и будет даже временами усиливаться и обостряться — в частности в деревне. Не видеть этого, не считаться с этим недопустимо. Но она протекает в новых формах, отнюдь не в формах гражданской войны.

Ясное дело, что взгляд тов. Ларина, упускающий возможность через кооперацию подобрать и подтянуть к социализму основную середняцкую массу, бьет в лицо этим положениям Ильича. Таков был этот первый уклон, который проявился уже на партконференции и который там же встретил отпор. Тов. Ларину было сказано, что он упускает роль середняка и возможности для середняка под руководством пролетариата расти к социализму, а не к капитализму. Этого он и не оценил, а ведь если бы было доказано, что середняк неизбежно и при диктатуре пролетариата врастет всей своей массой в капитализм, тогда, конечно, наша политика нэпа была бы неверна. Нэп был создан для середняка, и теория Ленинской кооперации рассчитана именно на то, что, имея в своих руках промышленность, железные дороги, кредитную систему и, главное, государственную власть, мы можем захватить середняка своими щупальцами и вовлечь его в социализм, мешая ему расти к капитализму. Если кто-нибудь не верит в эту теорию, он должен пересмотреть всю нашу политику. Кто не верит в это, тот должен поверить тем, которые говорят: «Вы на словах как будто бы строите социа-

лизм, а построите вы совсем другое, построите вы богатую мелкобуржуазную крестьянскую страну». Вот к чему это может привести, если бы партия хотя бы на минутку поверила в правильность Ларинских построений и взяла тот курс, который советовал ей Ларин. Это значило бы поставить партию на путь катастроф. Это совершенно опрокидывало бы всю нашу сейчас ведущуюся политику в деревне.

Второй уклон — недооценка кулака.

Но это не единственный уклон. Уже после партконференции в партийной печати мы заметили ряд высказываний, которые были прямо противоположны уклону Ларинскому. Чтобы взять только тот пример, который был приведен на пленуме ЦК, я процитирую только одного товарища, взявшего очень рельефно и очень ясно противоположный Ларину уклон, но столь же вредный, столь же неправильный. Тов. Богушевский в журнале «Большевик» в номере 9/10, стр. 63—64, от 1 июня—после конференции — писал так: «Кулак, это — жупел, это — призрак старого мира. Во всяком случае, это — не общественный слой, даже не группа, даже не кучка. Это — вымирающие уже единицы... только терминологической инерцией, с позволения сказать, можно объяснить выпячивание в ряде статей значения в нашей деревне фигуры кулака».

Вот эта небольшая цитата при внимательном к ней отношении может вскрыть уклон, который может завести нашу партию, если бы это не встретило решительного отпора, на очень скверные рельсы. Я тов. Богушевского не знаю, совершенно уверен, что он написал это из самых лучших побуждений, я помню и все мы помним слова Ильича, что нет такого политика, который бы не ошибался, и что весь вопрос в том, чтобы, допустив ошибку, быстро ее поправить. Быстро поправить допущенную ошибку,—вот в чем суть дела.

Что действительно скрывается за тем, когда тов. Богушевский говорит, что напрасно происходит «выпячивание в ряде статей значения в нашей деревне фигуры кулака», что кулак, это — не кучка, не группа, не общественный слой, а просто вымирающие единицы? Если бы действительно кулак «выпячивался» только в статьях, то тогда политически это было бы не так серьезно. Но дело-то в том, что он «выпячивается» и в жизни, и тот, кто этого не видит, тот ничего не понимает, тот замазывает действительность, толкает партию на такие рельсы, что она может потерять свой большевистский облик и характер.

Если вы присмотритесь к ходу жизни в деревне, если вы прочтете отчеты, которые присылаются в ЦК, то надо будет признать, что «выпячивание» кулака происходит именно в жизни,

как естественный и неизбежный результат разворачивания товарооборота в деревне, устранения в ней остатков «военного коммунизма», наших уступок и т. д.

Неизбежным явилось то, что кулак стал поднимать голову не только экономически, но и политически. Мы знаем, как происходили выборы в советы в целом ряде мест, как кулаки, пользуясь своим экономическим положением, кладя бедняка на обе лопатки, пробирались в руководящие органы местной сельской власти. Мы знаем, как кулак пытается, пользуясь слабостью наших деревенских организаций, захватить позицию в кооперации и других общественных организациях в деревне, и мы можем с полным правом говорить, что нам необходимо считаться с экономическими и политическими поползновениями кулака.

Страшно ли это? Нет, не страшно! Ново ли это, неожиданно ли это? Нет, не ново и не неожиданно. Потому что мы хорошо знаем, и тов. Ленин 5 лет тому назад, с момента нэпа, не переставал предупреждать, что если допустить свободный товарооборот, свободную продажу хлеба, то неизбежно получится нарастание новой деревенской буржуазии. Нам это не страшно, нам нужно только вести правильную политику. Но когда нам говорят, что «вышячивание» кулака происходит лишь в статьях, что кулак, это — жупел, которым пугают, то при этом явно извращают всю картину нэпа, всю перспективу дальнейшего строительства социализма.

Мы должны проводить новую экономическую политику и мы знаем, что нэп в нашей стране в данной международной ситуации есть неизбежный и единственный наш путь. Но нэп есть оживление капитализма, так определил это и Ильич. И при диктатуре пролетариата в среде мелкого распыленного крестьянства при настоящей дифференциации в деревне нэп должен порождать на верхушках известные группы кулацких хозяйств, т.-е. новую деревенскую буржуазию.

Вот если не понимать этого неизбежного последствия нэпа, тогда можно говорить, что кулака нет, что это просто жупел.

А между тем мы должны знать, что в нашей деревне развитие происходит в противоречивых формах, т.-е. что суть нэпа заключается в состязании, в конкуренции социалистических и частнокапиталистических элементов хозяйства. Для того, чтобы победил социализм, нам надо знать, с кем и с чем мы можем и должны в деревне бороться. Если мы врага не будем видеть, то мы будем плохо двигать свои колонны на этого врага, неизбежно будем плохо маневрировать. Врага необходимо видеть, это необходимо в особенности в деревне, ибо распыленные крестьянские хозяйства пока еще не объединены нами в кооперацию, не вовлечены в наше общее социалистическое хозяйство.

Какие отсюда проистекают практические последствия, об этом я скажу вам дальше. О том, как распыленная масса крестьянских хозяйств, пока очень скверно регулируемая, влияет на наши расчеты и что она в них вносит, как она влияет на темп роста нашей промышленности, на наш вывоз и ввоз, об этом я вам расскажу с цифрами в руках. У нас, с одной стороны, крупнейшая крепость — цитадель социалистической пролетарской промышленности, а с другой стороны 22 миллиона разрозненных, распыленных крестьянских хозяйств, производящих на рынок, живущих стремлением к получению прибыли, хотя и очень маленькой, нищей, бедной, но все же дохода самостоятельных собственников-хозяев, движимых в своем хозяйстве только этим расчетом. Ясно, что при таком положении у нас развитие совершается в противоречивых формах. Тот, кто этого не понимает, тот неизбежно ведет к срыву политики партии в деревне.

Каким образом может произойти такая ошибка, как у тов. Богушевского? Случайна ли она? Я думаю, что нет. Такой уклон естествен и, пожалуй, неизбежен при не совсем точном и ясном понимании политики партии. XIV партконференция правильно высказалась в том смысле, что мы ставим ставку на развитие производительных сил деревни. Мы ставим ставку на то, чтобы вся деревенская масса поднялась, чтобы деревня становилась сытее, богатее, чтобы она больше потребляла промышленных товаров, чтобы на основе расширяющей свой спрос деревни разворачивалась наша промышленность. Это все абсолютно правильно. Но мы не должны допустить, чтобы эта правильная ставка, этот правильный курс истолковывался в смысле какого-то мирволения, поддакивания кулакам, в смысле замазывания той дифференциации, которая происходит в действительности. Вот что более всего опасно.

Вы можете себе представить, что если мы допустим какуюнибудь ошибку здесь, в Москве, то что получится в провинции? Мы знаем, что ошибочка, допущенная в центре, в провинции, где пролетарское ядро окружено сплошной массой крестьянства, где на него напирает мелкобуржуазная стихия, где проведение пролетарской диктатуры и пролетарского руководства очень затруднено, что эта ошибка, если ее не поправить в центре, там может увеличиться во много раз.

Для того, чтобы итти к социализму, куда мы пойдем, несмотря на отдельные ошибки того или иного товарища, мы должны себе сказать: да, мы за развитие производительных сил, но в то же время мы не должны закрыть глаза и мирволить росту кулацкого хозяйства. Тот, кто неправильно понимает нашу ставку на развитие производительных сил, тот может не видеть кулака, тот может писать, как пишет один неизвестный мне до сих пор даже по имени това-

рищ * в последней книжке журнала «Печать и Революция», а именно: «Охваченный кольцом социалистических командных высот, аграрный капитализм будет рычагом роста социалистических элементов советского хозяйства». «...В Соединенных Штатах или в Канаде фермер льет воду на мельницу финансового капитала, у нас он даже в своем законченном «кулацком» виде будет одним из винтиков машины социалистического накопления...»

Это я сегодня вычитал в книжке этого журнала. Ежели у товарища такое понимание политики партии, то ему надо посоветовать прежде всего хорошенько почитать резолюции XIV партконференции и последнего пленума, а потом толковать политику партии. Мы хотим поднять всю основную массу крестьянства, середняка и бедняка, на более высокую ступень, мы хотим, чтобы общий хозяйственный подъем деревни шел по нашему пути, а не путем усиления кулацких хозяйств с неизбежным распространением их экономического и политического влияния на середняка и бедняка. Это—не наша дорога, по этому пути никогда партия не пойдет и никого итти по этому пути не звала.

Так из этой маленькой цитаты, из этого отрицания наличия кулака вскрывается политика, которая оказалась бы политикой вредной и которая в резолюции, принятой пленумом ЦК, охарактеризована как вредный и опасный уклон, сводящийся к замазыванию дифференциации в деревне, к замазыванию и недооценке кулацкой опасности.

Что действительно означало бы, если бы партия не дала этому уклону отпора? Я уже говорил, что если бы партия хотя бы на минуту встала на Ларинский путь, усвоила Ларинский взгляд, то это привело бы нас к катастрофе. А что было бы, если бы хоть на минуту партия стала на точку зрения, здесь развиваемую: кулака нет, это жупел, напрасно его «выпячивают». Тогда мы пришли бы к противоречию с деревенским бедняком и середняком, которые кулака видят не в книгах, а в жизни, а затем незаметно для себя могли бы скатиться к идеологии, которая была бы идеологией развивающегося кулацкого хозяйства. Этого, конечно, не будет в нашей партии.

Борьба с обоими уклонами.

Что же говорит та резолюция, которая охарактеризовала эти два уклона? Я прочту центральные места резолюции, принятой пленумом ЦК о работе в деревне по докладу тов. Моло-

* Автором этих строк является Ю. Спасский.

това. Резолюция напечатана. Вы все ее, конечно, прочтете полностью. Я же прочту только те места, которые сейчас в связи с моим докладом представляют интерес: «...и в области сельскохозяйственного производства, в частности, совершенно неизбежен одновременный рост и капиталистических элементов (кулацкие земледельческие хозяйства, торговцы и т. д., неизбежно выделяющиеся из более зажиточных слоев крестьянства) и элементов, развивающихся в сторону социализма (коллективные хозяйства, кооперация и т. д.). Такие противоречивые тенденции неизбежно должны наблюдаться даже внутри самой кооперации, и вопрос окончательно решит лишь борьба этих тенденций».

Я прошу товарищей вслушаться в эту резолюцию, единогласную резолюцию ЦК. Это очень не похоже на то, что говорил тов. Богушевский. ЦК трезво и смело констатирует: да, в деревне при нынешних условиях будут развиваться неизбежно и элементы социализма и элементы капитализма, и в самой кооперации даже, прибавляет ЦК, которая есть столбовая дорога для основной массы крестьянства к социализму, и в ней неизбежно должны наблюдаться такие же противоречивые тенденции. Это звучит иначе, чем говорит Богушевский. ЦК говорит: будет борьба, и если мы хотим строить социализм, а мы этого хотим, то необходимо обратить внимание на капиталистические ростки, которые есть в деревне, не надо становиться на точку зрения, что этого нет, и что все пойдет гладко, что кулак будет работать на социализм. Ростки капитализма есть и будут расти, с ними надо бороться, но, конечно, не по-Лармински.

Нужно ли объявление гражданской войны? Нужно ли введение комбедов? Нужно ли начать военный поход против этих ростков? Ничего подобного, мы слишком сильны сейчас, чтобы применять такие методы. У нас есть наша кооперативная политика, наша кредитная политика, наша налоговая политика, наша избирательная политика, и этими всеми методами мы можем эту опасность, эту нарастающую деревенскую буржуазию ограничивать в известных пределах.

Это не значит, что мы должны ее сейчас с корнем выкорчевать. Если мы допускаем свободу торговли хлебом и всеми остальными продуктами сельского хозяйства, если мы стоим за развитие товарооборота в стране, если мы понимаем, что для развития товарооборота нужно, чтобы деревня стала на более высокий уровень, больше производила и больше продавала, тогда неизбежно будет вырастать на верхушке кулак, который будет сливочки класть себе в карман. Воевать против этого по-Ларински объявлением гражданской войны, пророчествами о новой революции, новыми комбедами — неумно. Нас к этому никто и ничто не принуждает. А если нас схватят за горло вооруженной интервенцией?—

Не знаю. Но сейчас действовать по этому методу было бы просто уж очень — как бы сказать повежливее — неразумно, что ли!

Резолюция дальше говорит: «В связи с этим создается опасность искажения этой политики в двух направлениях: в направлении недооценки отрицательных сторон нэпа и в направлении непонимания значения нэпа как необходимого этапа к социализму. Первая опасность — опасность недооценки отрицательных сторон нэпа — ведет к забвению интересов деревенской бедноты и недооценке кулацкой опасности...»

Вот точная и ясная формулировка тех опасностей, которые вытекают из той теории, на почве которой стоит тов. Богушевский,—забвение интересов деревенской бедноты и недооценка кулацкой опасности.

Вторая опасность, о которой я уже говорил,—«непонимание всей необходимости нэпа», ведет к забвению важнейшего в данный период значения основной середняцкой массы крестьянства, к разрыву союза рабочих и крестьян и, следовательно, к ослаблению пролетарской диктатуры в стране».

Вот точная и ясная формулировка второй опасности, которая вытекает из той теории, на почве которой стоит тов. Ларин и которую я выше разобрал.

Отсюда основная директива пленума ЦК, данная в резолюции по докладу тов. Молотова: «Решительная борьба с обеими этими опасностями есть непременное условие для предотвращения срыва принятой партией политики в деревне и для правильного проведения в жизнь решений XIV партконференции».

Организация и помощь бедноте.

Резолюция дальше перечисляет целый ряд мер, которые необходимо принять для того, чтобы наша партия не оказалась в положении, когда бедняцкие слои деревни перестанут чувствовать в партии свою защитницу против кулаков, когда она оказалась бы в таком положении, что не могла бы вести систематической постоянной борьбы за высвобождение середняка от фактически захватываемого, и в политическом и в экономическом отношениях, влияния кулаков.

Проведение решений XIV партконференции, говорит дальше резолюция, «особо важное значение приобретает в данный момент в виду ускоряющегося развития товарных отношений вследствие хорошего урожая и неизбежного для ближайшего времени усиления процессов социального расслоения (дифференциации) крестьянства».

Я надеюсь, что здесь нет ни одного слабонервного товарища, который испугался бы этих слов ЦК. ЦК предупреждает партию,

что в ближайшее время на основе роста товарного оборота, который нам необходим для строения социалистических крепостей, на основе хорошего урожая, неизбежно для ближайшего времени усиление процесса дифференциации крестьянства, выделение с одной стороны — кулака, с другой стороны — бедняка, а следовательно и обострение классовой борьбы в деревне. Вот если бы мы перед этим процессом были бессильны, если бы мы не знали, как основную массу середняка и бедняка на свою сторону привлечь, то это было бы очень скверно. Но мы не вчера родились на свет как пролетарская власть и не малые дела переделали, и мы знаем хорошо, что имеем средства для того, чтобы избежать тех последствий, которые могли бы от этого получить. У нас есть средства, которыми можно и должно и середняка и бедняка притянуть к себе.

У нас есть совершенно реальные методы усиления союза рабочих и крестьян, союза рабочих и беднейших крестьян с середняками. Мы это делали, начиная с 21 г., и мы продолжаем эту работу, усиливая этот союз, завоевывая середняка на нашу сторону, и делаем это недурно. Разве наша деревня сейчас похожа на деревню 21—22 г.? Разве то, что имело место тогда, имеет не только место, но хотя бы основание вспыхнуть у нас сейчас? Нет, конечно.

Наша партия и Советская власть в деревне в бедняцких и середняцких слоях несомненно укрепилась. Мы знаем, как завоевать на свою сторону середняка, как через союз с бедняком привлечь к себе середняцкий элемент и вырвать его из-под власти кулака. Но надо ясно видеть окружающую обстановку и не закрывать глаза на неприятные факты. Надо ясно видеть стратегическую обстановку и твердо вести свою линию.

В чем она заключается? Резолюция ЦК говорит: укрепляйте связь партии с бедняком. Резолюция в практической части своей говорит: «В дальнейшей работе советов (а также в кооперации, крестпомах) необходимо проводить особые собрания бедноты, приступить к организации в селах, волостях и районах групп бедняков (с непременным втягиванием в них батрачества), всемерно стремясь при этом к с о в м е с т н о м у с с е р е д н я к а м и отстаиванию практических мероприятий в работе советов, кооперации крестпомов и к совместному с середняками выдвижению кандидатов при перевыборах».

Далее, обращаясь уже к партии, ЦК говорит: «Во всей работе советов, кооперации, крестпомов, парторганизации, при активном участии Комсомола, должны брать на себя инициативу в деле организации беднейших слоев и обеспечения их интересов в работе соответствующих органов».

Вы видите, товарищи, что линия этой единогласно принятой резолюции нисколько не похожа на ту линию «Богушевских»,

которую я разбирал выше, и сила нашей партии заключается в том, что такие ошибки быстро и решительно отвергаются.

Означает ли эта резолюция, что мы должны повернуть нашу политику? Нисколько! Эта резолюция есть продолжение проведения линии, формулированной уже давно и нашедшей свое отражение и в резолюциях XIV конференции. Не эта резолюция нова и неожиданна, а ново и неожиданно, когда мы видим такое толкование нашей ставки на развитие производительных сил в деревне, какое мы встречаем в словах Богушевского.

Вот, если бы мы сказали: надо, чтобы деревня росла и развивалась, чтобы росли ее производительные силы, чтобы крепли ее производство и потребление, а потому давайте не обращать внимания на расслоение деревни, рост кулака, давайте говорить, что кулак не кулак, а полезный винтик в социалистической машине, — вот это было бы действительно ново и неожиданно и во всяком случае не похоже на то, что говорил Ленин. Резолюция же ЦК говорит: «Мы ставим ставку на развитие производительных сил в деревне, мы дали известные у с т у п к и новой буржуазии в деревне, дали ей право более широкой аренды, более широкого использования наемного труда и т. д., но одновременно мы укрепляем другой участок фронта, привлекая к себе бедняков, чтобы объединить вокруг себя и середняка, а эксплуататорским тенденциям кулака положить известный предел». Это — по-ленински, по-коммунистически.

Если вы спросите меня: «Ново это или нет?» — я отвечу: «В практических предложениях, конечно, ново (группы бедняков, фонд для бедняков и т. д.), а по существу нет, не ново». Это есть проведение нашей старой политики. Вот пара слов из Владимира Ильича, из его письма, написанного 16 марта 1922 г.: «В виду преобладающей важности подъема сельского хозяйства и увеличения его продуктов — Ильич, как видите, исходил в 1922 г. из того, из чего исходим мы сейчас: нам необходимы подъем сельского хозяйства и увеличение его продукции — в данный момент политика пролетариата по отношению к кулачеству и зажиточному крестьянству должна быть направлена, главным образом, на о г р а н и ч е н и е его эксплуататорских стремлений и т. д. Как ограничить эти стремления, как защищать * бедноту должно и может наше государство, — в этом вся суть».

Если вы возьмете эти слова Ленина, сказанные в 1922 г., и прочтете вслед эту резолюцию, то вы убедитесь, что это есть лишь проведение Ленинской политики.

Неожиданной эта политика могла бы показаться лишь тому, кто воспринял резолюции XIV конференции и всю линию нашу

* Письмо т. Молотову для членов Политбюро «О тезисах т. Преображенского по работе в деревне». Напечатано в № 9—10 журн. «Большевик» от 1 июня 1925 г.

в деревне, как смазывание расслоения в деревне. Но XIV партконференция понимала, конечно, линию партии по-Ленински, а не по Богушевскому и не по-Ларински. И только так понимая ее, только направляя нашу политику в деревне по Ильичу, только помня о кулаке и не давая ни на минуту повода думать, что партия пролетариата, партия коммунистов, отвернулась от бедняка, — только так можно сохранить пролетарский характер нашей деревенской политики. Это и делает резолюция ЦК.

Вы видите, что в ней есть две неразрывно связанные стороны. Одна сторона — политическая. Резолюция ЦК говорит: политика оживления советов, политика сплочения вокруг советских органов крестьянского актива должна проводиться таким образом, чтобы наша партия становилась во главе бедняцких и середняцких групп крестьянства, помогала им выдвигать свои кандидатуры, чтобы середняки и бедняки обсуждали свои интересы, свои кандидатуры и осуществляли проведение их в крестпомах, советах, кооперации и т. д. вопреки и против поползновений кулачества.

А другая сторона резолюции говорит об экономических мерах, указывая ясно и прямо на то, что необходимо обеспечить участие бедноты в кооперативном строительстве, что необходимо сделать и из кооперации и из кредита форму содействия организации бедняков и середняков против кулаков.

Научились ли мы это делать? Нет, еще не научились и довольно порядочное время еще будем учиться. Важно и ценно указание ЦК, направленное к тому, что наша система кооперации, наша система государственного кредита должна быть нами так использована, и мы должны маневрировать таким образом, чтобы сделать из них орудие сплочения середняков и бедняков против кулаков.

Это должно быть конкретно разработано и надо уже сейчас заставить органы Советской власти работать во исполнение этого решения ЦК. Как создать специальные фонды для поддержки бедняцких слоев? Каковы условия льготного кредитования на производительные нужды бедняцкого хозяйства, как обеспечить возможность того, чтобы в кооперацию вступили широкие слои середняков и бедняков, — это все практические вопросы, которые по этому указанию ЦК должны быть разработаны.

Вот передо мной лежат постановления XIV сессии совета Центросоюза. Резолюция по докладу правления Центросоюза прямо говорит: «Необходимо разрешить задачу создания в предстоящем году массового притока в деревенскую потребительскую кооперацию новых членов из середняцких и бедняцких элементов и тем самым усилить роль этих элементов в деревенской потребительской кооперации». Толчок дан, и дело пойдет. Отнюдь не ручаюсь, что через пару месяцев действительно в кооперации

будет масса бедняков, кредит сейчас же широко потечет на укрепление бедняцких хозяйств. Но мы не на резвость гоним, а на крепость, прочность нашей постройки. Толчок ЦК дан и, конечно, дело будет развиваться и даст реальные плоды. Не буду на этом дольше останавливаться. В моем докладе Московскому комитету от 6 сентября: «Наши достижения, трудности и перспективы» я уже достаточно подробно на этом останавливался.

Два пути развития деревни.

Вы, вероятно, заметили, что в цитате, которую я привел из Ильича, рядом с кулачеством поставлено и зажиточное крестьянство. У Ильича сказано: «В данный момент политика пролетариата по отношению к кулачеству и зажиточному крестьянству должна быть направлена главным образом на ограничение его эксплуататорских стремлений и т. д.». Естественно здесь задуматься, почему Ильич, говоря об ограничениях эксплутаторских стремлений, добавляет к кулачеству и зажиточное крестьянство. Ответ совершенно ясен: потому что Ильич интересовался не только тем, что есть в данный момент, но и тем, что куда растет, не только статикой, но и динамикой, интересовался процессами, которые происходят в деревне.

Какие же процессы действительно происходят в деревне? XIV партийная конференция ответила на этот вопрос. Она сказала: новая деревенская буржуазия растет из зажиточного крестьянства, и в словах, которые я только-что прочел из резолюции ЦК, эти слова повторены, потому что они правильны. В резолюции ЦК тоже сказано: «В области сельскохозяйственного производста, в частности, совершенно неизбежен одновременный рост и капиталистических элементов, неизбежно выделяющихся из более зажиточных слоев крестьянства» и т. д. Зачем партия повторяет это? И Ильич сказал, и на XIV партийной конференции это было сказано: «новая деревенская буржуазия растет из зажиточных слоев крестьянства», и здесь в резолюции пленума это повторено. Почему? Потому что мы должны наблюдать за теми процессами и тенденциями, которые происходят в деревне.

Основной вопрос, который стоит перед нами, в этом и заключается: куда же растет середняк, куда растет зажиточный крестьянин? Мы знаем теперь из анализа цифр распределения урожая, что если взять 12% всех крестьянских дворов, то у них окажется около 60% хлебных излишков. Конечно, это не кулак. Смешно по хлебу определять кулака. Кулака надо определять в первую очередь по наемному труду, а не по посеву.

Смешно думать, что партия, которая еще несколько месяцев тому назад единодушно определила число кулаков в 3—4% (мне пришлось назвать именно эту цифру кулаков, 3—4%, в своем докладе о III Съезде Советов еще в мае этого года), вдруг оказалась перед фактом, что у нас 12% кулаков. Кулаков не 12%, а те же 3—4%. Эти 12% неоднородны. В эти 12% входит 3,5% сеющих свыше 10 десятин и имеющих 30% всех хлебных избытков. 3½% крестьянских дворов, имеющие 30% всех хлебных избытков,—вот здесь, в этой именно группе, надо искать кулака. Здесь он сидит. И даже не вся эта группа кулаки.

Но, кроме кулаков, надо видеть и те зажиточные слои крестьянства, из которых растет новая деревенская буржуазия. 12% это и есть кулаки плюс верхушка середняков. Если разделить строго только на кулаков, только на середняков, только на бедняков, то, конечно, окажется, что у середняков и у бедняков хлебных избытков процентов 70, а 30% у 3½% дворов, которые подходят подлинно к кулачеству. Но сам по себе факт, что 30% хлебных избытков находятся у 3,5% крестьянских дворов, а около 60% хлебных избытков находятся у 12% дворов, не оспаривается и он отнюдь, конечно, для нас не маловажен и отнюдь не безразличен.

Нас интересует вопрос, куда растет зажиточный крестьянин. В деревне происходят два процесса. Один процесс был недавно очень живо описан А. И. Рыковым. Он рассказал, как из покупки трактора развиваются неизбежно формы коллективного хозяйства. Крестьяне сложились, образовали маленький кооператив, купили трактор. Сначала каждый работал на своей полоске. Потом увидели, что это не выгодно. Начали поле запахивать подряд вместе те, которые объединились в кооператив для закупки трактора. Потом приходит мысль, что раз вместе вспахали, и урожай можно вместе собрать. Раз вместе собрали, можно вместе продать. Одним словом, из кооперативной закупки трактора зарождаются и развиваются подлинно коллективные формы хозяйства, т.-е. то, что нам надо, что мы поддерживаем, т.-е. кооперация, которая эту крестьянскую массу приведет к социализму, свяжет с рабочим хозяйством, с рабоче-пролетарским государством.

Но есть и другой процесс в деревне. Другой процесс заключается в том, что при капиталистических отношениях, если у человека сегодня имеется маленький излишек, и он на этом излишке кое-что заработал, на эти заработанные им деньги купил, скажем, ту или другую машину или лошадь, потом дал соседу на имеющейся у него лошади попахать, на этом опять заработал и так понемножечку, накапливая индивидуально, поднимая свое хозяйство, этим путем он переходит постепенно от середняка к зажиточному, от зажиточного к кулачку.

*

Вот два процесса. Один процесс в сторону социализма, т.-е. наша дорога, по которой мы хотим вести крестьянство, та дорога, по которой крестьянство в основной своей массе, середняцкой и бедняцкой, пойдет. А рядом другая, стихийная форма, которая соответствует капиталистическим отношениям. Сегодня небольшой избыток, завтра ловко обернул этот избыток, потом чуть больше, перешел к найму батрака, потом двух, потом он—кулак.

Можем ли мы охватить этот процесс? И как это сделать? В этом основном пункте политика не только сегодняшнего дня, но, конечно, она останется основным на ряд лет. Можем ли мы и что должны мы сделать для того, чтобы из этого середняка не росла новая буржуазия, а чтобы он сам рос в массе своей к социализму? Что для этого нужно сделать? Надо охватить хозяйство этого середняка и этого растущего от середняка к зажиточному крестьянину, охватить его нашей пролетарской промышленностью, охватить кооперацией, охватить электрификацией, охватить нашим государственным кредитом, охватить системой нашей внешней торговли и повернуть его рост с капиталистических рельс индивидуального накопления на социалистические рельсы общего массового подъема.

Можем ли мы это сделать?—Можем! Справимся ли мы с этим?—Справимся! Основной путь к этому, это—кооперация, это—электрификация, т.-е. развитие крупной машинной индустрии. Задача заключается именно в том, чтобы «центральную фигуру» нашей деревни, т.-е. середняка, захватить во время ее подъема и этот подъем направить через кооперацию, через все наши рычаги по социалистическому руслу. Это—не такая легкая задача. Я не говорю, что ее можно разрешить в год. Ильич говорил, что годы нужны на то, чтобы переработать эти индивидуальные отдельные крестьянские хозяйства в общую социалистическую систему. Долго будем работать над этим, но будем работать и несомненно добьемся успеха. Почему? Потому, что мы имеем сильные рычаги.

Промышленность—основной рычаг.

Я и перейду к тем рычагам, которые находятся в руках пролетариата и при помощи которых он эту колесницу середняков заворачивает на социалистические рельсы. Но раньше я спрошу себя: нужно ли, следует ли насчет этих вопросов тревожиться? Я думаю, что нужно, и нужно, между прочим, потому, что этими же вопросами тревожился и Владимир Ильич.

Вы помните одну из его последних статей, ту статью, которую, конечно, каждый из нас воспринимает как указание на долгие годы. Статья эта—«Лучше меньше, да лучше». Там, вы

знаете, Владимир Ильичь развивает целый большой стратегический и тактический план нашей политики. Он указывает, как мы должны двигаться вперед, и вдруг, развивая свой план, прерывает себя и спрашивает себя и нас: «Но не будет ли это царством крестьянской ограниченности?». Сам себя прервал и спросил: а если будем двигаться по этому пути, не придем ли мы всего только к «царству крестьянской ограниченности»? — и тут же ответил: нет, это не будет царством крестьянской ограниченности, если мы сделаем то-то и то-то, и кончает статью словами: «Притом мы будем в состоянии удержаться не на уровне мелкокрестьянской страны, не на уровне этой всеобщей ограниченности, а на уровне, поднимающемся неуклонно вперед и вперед к крупной машинной индустрии».

Ильича беспокоил этот вопрос. Он разсуждал: страна будет богатеть, и это хорошо; середняк будет подниматься, и мы к этому должны стремиться; деревня будет становиться сытее, и это необходимо, если мы хотим иметь потребителя для социалистической фабрики. Все это так, но вместе с тем, не будет ли это царством мелкокрестьянской страны, не будет ли это уровнем мелкобуржуазных отношений? Так спрашивал Ильич и говорил: нет, мы должны принять такие-то и такие-то меры, и тогда этого не будет.

Вот на эти-то меры нам и нужно обратить внимание. Ильич сказал, какие это меры: кооперация — раз, электрификация, развитие крупной машинной индустрии—два, культурная революция—три. «Если мы сохраним за рабочим классом руководство над крестьянством, то мы получим возможность ценой величайшей и величайшей экономии хозяйства в нашем государстве добиться того, чтобы всякое малейшее сбережение сохранить для развития нашей крупной машинной индустрии, для развития электрификации, гидроторфа, для достройки Волховстроя и проч. В этом и только в этом будет наша надежда».*

Вот ответ Ильича. Вот что тревожило Ильича, и вот его ответ в последних статьях: развитие машинной индустрии и — в следующей статье — кооперация. Кооперация плюс электрификация, т.-е. всеобщее объединение основной массы крестьянства и вовлечение его в социалистическое строительство — раз; развитие крупной машинной индустрии, укрепление таким образом пролетарских центров и обеспечение благодаря этому руководящей роли пролетариата в союзе рабочих и крестьян — два. Вот этими рычагами мы и направим подъем нашей страны на социалистические рельсы. Вот этими путями мы и переварим те миллионы крестьянских хозяйств, которые сейчас хозяй-

---

* Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. II, стр. 128. «Лучше меньше, да лучше».

ствуют еще не по социалистическим принципам, а по принципу купли-продажи, т.-е. на основе товарного производства.

Ну, а сейчас, немедленно, что мы можем и должны делать для этого? Мой ответ и ответ, который ЦК целиком поддержал по моему докладу, заключается в простых словах: нажимать на разворачивание нашей промышленности.

Мы в этом году имеем громадный рост нашей промышленности. Если взять самое небольшое количество цифр, и прежде всего обратиться к количеству рабочих и спросить себя, как развивается количество рабочих в нашей промышленности, ответ Госплана о числе рабочих цензовой промышленности, т.-е. промышленности, уже стоящей на определенном уровне (это не вся промышленность ВСНХ), говорит следующее: в 1923 — 1924 г. в этой промышленности был 1 милл. 600 тыс. рабочих, в 1924—1925 г. было 1 милл. 900 тыс. рабочих. В наступающем году это число должно дойти до 2 милл. 300 тыс. рабочих, тогда как в довоенное время, в 1913 г., в той же промышленности было 2 милл. 600 тыс.

Вы видите, здесь крупнейший, громаднейший шаг, представляющий действительно определенное изменение в классовых взаимоотношениях нашей страны. Одно дело, когда наш авангард базировался на полутора миллионах рабочих в крупной цензовой промышленности, а другое дело, когда за полтора-два года мы увеличиваем количество рабочих на 700 тыс. и доводим почти до $2^1/_2$ милл. только в цензовой промышленности, не считая мелкой, не считая транспорта и т. д. Вот цифра кардинальная, которая определяет разворачивание только одной крупной промышленности.

Если взять валовую продукцию нашей промышленности, то движение идет таким образом. По довоенным ценам в 1923—1924 г. в крупной промышленности мы вырабатывали на $2^1/_2$ миллиарда рублей; в 1924 — 1925 г. уже вырабатывали на 4 миллиарда, а в наступающем году собираемся выработать на 5 с четвертью миллиардов. А те же заводы до войны вырабатывали на 5 миллиардов 600 милл. Подходим к довоенному уровню.

Не буду затруднять вас слишком большим количеством цифр, но если возьмем хлопчатобумажную пряжу, то увидим, что мы в прошлом году перерабатывали 199 тыс. тонн, в этом году—257 тыс. тонн. Если взять чугун: в прошлом году—1 милл. 227 тыс. тонн, в этом году план построен на 2 милл. 479 тыс. Почти вдвое. Если взять каменный уголь и антрацит: в прошлом году—15 милл., в этом году—25 милл., 95% использования всех технических возможностей. Если взять нефть: в прошлом году—6 милл. 900 тыс., в этом году—8 милл. 500 тыс. и т. д. и т. д.

Нет ни одной отрасли промышленности, которая бы по планам ближайшего года не дала бы нам бурно поднимающейся вверх кривой. Этот рост промышленности и есть, конечно, главное укрепление наших сил. Потому-то мы и можем быть твердо уверенными, что со всякими трудностями справимся, что промышленность у нас растет, количество рабочих из года в год увеличивается, и наши пролетарские крепости действительно становятся крепкими узловыми пунктами всего дальнейшего развития пролетарской революции.

Кооперация — столбовая дорога к социализму.

Укажу также и на то, что вместе с разворачиванием промышленности совершенно неслыханную ни в одном государстве роль начинает играть у нас потребительская кооперация.

Мы недаром говорим: «Кооперация — путь к социализму». Конечно, кооперация у нас еще плоховата. Много ей нужно и чиститься и чтобы мы ее чистили, чтобы она стала тем, чем она должна быть, т.-е. главным орудием, при помощи которого социалистическое государство доносит до потребителя свой улучшенный и удешевленный товар, а пока кооперация не всегда это делает и даже не прочь заработать на товарном голоде.

Но посмотрите, каков размер ее оборота. В прошлом году она перевернула товаров — мануфактуры, кожи, сахару, масла, керосина и т. д. — на 2250 милл. рублей. А в этом году ее план составлен на 3360 милл. рублей. Кооперация рассчитывает пропустить в этом году через свою сеть до 70% хлопчатобумажных тканей, до 50% сахарной продукции, до 80% соли, почти половину металлических изделий. Я привожу эти цифры для того, чтобы показать, что кооперация становится изо дня в день, из года в год все более и более важным фактором распределения *социалистического* производства.

Если кооперация через свои органы имеет в виду пропустить 70% всей мануфактуры, то это значит, что мы здорово прижали в этом деле частный капитал, что мы тут имеем успех. Но вместе с тем мы должны самым внимательным образом наблюдать, чтобы кооперация, которой мы доверяем это дело, не перепродавала ту государственную мануфактуру, которую мы ей даем, частникам и не зарабатывала бы на товарном голоде, а чтобы она донесла эту госмануфактуру и государственные металлические изделия до низов, до потребителя — рабочего и крестьянина. Донесла, не наживаясь сама, и доказала бы, что кооперация — это лучший метод товарооборота, что кооперация выполняет то, что ей поручено, доносит до низов товары по сниженным ценам.

Товарный голод.

Казалось бы, что при таком развороте промышленности, при таком увеличении числа рабочих, при таком повышении роли кооперации нам остается только радоваться. Но вы знаете, что в жизни складывается не так. Несмотря на такое развитие промышленности, несмотря на то, что мы вкладываем в этом году в промышленность новые дополнительные средства в сумме около 800 миллионов рублей, несмотря на это — у нас в стране товарный голод.

Что обозначает этот товарный голод? Это значит, что крестьянство, получив урожай, — а у нас первый настоящий урожайный год, — пришло к пролетарскому государству, к пролетариату, который держит в своих руках фабрики и заводы, и говорит: вот тебе моя продукция, чем ты можешь ответить? А у нас в промышленности, несмотря на весь ее рост, — нехватка, дефицит, несоответствие массовому спросу.

А если у нас нет достаточно товаров, чтобы противопоставить крестьянской продукции, это значит, что знаменитые ножницы, с которыми мы бились два года и в конце концов свернули их, снова начнут разворачиваться.

Вы помните кризис в октябре 1923 года, вы помните сворачивание промышленности, закрытие фабрик и кризис в партии на этой почве. Потом мы с вами нажали для того, чтобы погнать вниз цены на промышленные продукты и поднять цены на сельскохозяйственные продукты. Вы видите, что в результате этой политики в апреле 1925 года ножницы сошлись.

Но теперь, благодаря товарному голоду, т.-е. тому, что наша развернутая промышленность не может удовлетворить своими товарами потребности страны, эти ножницы, предположительно, будут опять разворачиваться. Это раскрытие ножниц угрожает меньше, чем это было раньше, но все же оно может угрожать нам в этом году.

В чем выход? В дальнейшем разворачивании промышленности. Чем еще угрожает нам нехватка товаров? Тем, что накидка на розницу при нехватке товаров будет все время расти. Вы сами прекрасно знаете и слышите на фабриках и заводах, что одно дело оптовая цена на ситец в синдикатах и трестах, а другое дело цена на ситец, когда его покупают в деревне. Вы знаете что при товарном голоде накидка эта неизбежна. Это расхождение цен, как я выразился на пленуме ЦК, показывает степень недовольства крестьянства в отношении к нашему производству: «И мало даешь, и дорого даешь». Этот ропот не замолк и не сможет окончательно замолкнуть до тех пор, пока деревня, наконец, не скажет: пролетарское хозяйство дает товары хорошие и дает их дешево.

Разница между оптовыми ценами и розничными означает рост прибылей частного капитала, ибо во всякую щель между нашей социалистической промышленностью и крестьянским хозяйством неизбежно лезет частный капитал. В этих-то щелях он и живет и плодится, и чем эта щель больше, тем частный капитал больше жиреет, тем он становится нахальнее, и тем больше доступа получает он к крестьянству.

Вот почему товарный голод представляет и известную политическую опасность.

Наконец, товарный голод, нехватка товаров, которые мы должны послать в деревню, задерживает наши заготовки. Крестьянство достаточно сообразительно, чтобы понять, что деньги интересны лишь тогда, когда на них можно купить необходимые предметы. Поэтому, прежде чем везти хлеб на базар, крестьянин соображает, сможет ли он на вырученное купить мануфактуру, сапоги, железо, которые ему нужны. Если он видит, что на эти деньги он эти товары купить не может, то он предпочитает с вывозом хлеба подождать, он ждет. А раз он хлеб не везет, значит мы не можем вывезти его за границу. А раз не вывозим за границу, значит не можем купить новых машин, а не поставивши новые машины, не можем увеличить производства фабрик и заводов, увеличить количество товаров.

Выход в разворачивании промышленности.

Сейчас этот круг задерживает тот план разворачивания промышленности, который мы имеем. Итак, вот что заставляет нас спешить в деле разворачивания промышленности и вот почему теперь очередной задачей стоит перед нами: нажать на разворачивание промышленности, как я выразился на докладе ЦК.

Во-первых, мы подошли к 100% пагрузки основного капитала нашей промышленности. Заводы, стоявшие годами, мы пускаем изо дня в день, и очень скоро мы подойдем к тому, что все заводы наши, все машины наши будут нагружены полностью, и нам нужно будет увеличить основной капитал, повести дело переоборудования, постройки новых заводов, установки новых машин.

Второе: мы ввязались в мировой рынок, мы уже теперь громадную массу товаров ввозим и вывозим за границу и мы не можем отставать в деле развития промышленности от мирового, капиталистического развития. Отставать мы здесь не должны.

Третье, — и практически наиболее важное, — крестьянин слишком большую отсрочку нам дать не может. Мы имеем первый хороший урожайный год, и он уже предъявляет к нам требование на товары. Все товарищи, которые приезжают с мест из Украины, Северного Кавказа, Сибири, говорят: «Чтобы получить из деревни хлеб, надо дать деревне товар».

Это — первый урожайный год, ну, а на второй урожайный год, если мы опять опоздаем с разворачиванием промышленности, что скажет крестьянин? Он скажет, что наша промышленность вяло работает, не быстро поворачивается, не соответствует его запросам. Вот для того, чтобы не получить такого упрека со стороны крестьянства, мы должны признать, что в деле разворачивания промышленности мы отставать не можем. Максимум своей энергии, максимум того, что мы накапливаем, мы должны пустить на развитие промышленности.

И, наконец, последнее: Госплан подсчитал, что если разделить все капиталы, все имущество, которое имеется в Республике, и подсчитать, какая часть находится в руках государства и какая часть находится в руках отдельных хозяйств, то получатся такие цифры. Мы, как государство, держим в своих руках $11^1/_2$ миллиардов всех капитальных фондов (заводов, фабрик, жел. дорог, шахт и т. д.), а $7^1/_2$ миллиардов находятся в руках распыленных крестьянских, ремесленных, кустарных хозяйств.

Какова наша дальнейшая дорога? Эти $7^1/_2$ миллиардов, которые находятся в руках отдельных крестьянских хозяйств, втянуть в социалистическое хозяйство. Я уже несколько раз повторял — путь к этому через кооперацию, через электрификацию. Но прежде всего для того чтобы втянуть их в наш социалистический круг, надо усилить оборот между городскими промышленными товарами и крестьянской продукцией. Если мы здесь будем опаздывать, то будем опаздывать в деле социалистического строительства, а это не годится. Надо дело делать трезво, надо не задаваться легковесными планами, но надо видеть свою дорогу и твердо шагать по этой дороге. И поэтому всякий раз, когда теперь заходит речь о наших практических задачах, надо вспоминать, опять-таки, два указания Владимира Ильича, те его слова, которые сейчас звучат именно как директива, как прямое практическое указание.

Первое указание, это — то, что Ильич говорил на Съезде Советов в 1921 году. Он говорил: «Если крупная промышленность находится в цветущем состоянии, если она может сразу снабдить крестьян достаточным количеством продуктов или бо́льшим количеством продуктов, чем прежде, и установить таким образом правильные отношения между поступающими от крестьян запасами сел.-хоз. продуктов и промышленными изделиями, — тогда крестьянство будет вполне удовлетворено, тогда крестьянство в своей массе, беспартийное крестьянство, признает силой вещей, что этот новый порядок лучше порядка капиталистического». *

---

* Ленин. Собр. сочин., том XVIII, часть 1, стр. 433.

Наша промышленность еще не цветущая промышленность. Она еще только начинает расцветать, но мы должны помнить слова Ленина, что для того, чтобы удовлетворить полностью крестьянство, чтобы получить в нем непоколебимого союзника, чтобы этот союз не мог быть разорван ничем, — для этого необходим действительный расцвет промышленности

Года два тому назад, когда промышленность, мечтая о высоких прибылях, рванулась вперед и наткнулась на кризис сбыта, мы говорили: равняйся по крестьянской силе. Это значило — равняйся по крестьянскому бессилью, не разворачивайся слишком, не ставь таких цен, что крестьянство не сможет купить твоих продуктов. Но теперь крестьянство стало сильней. Правда, оно еще нищее. Даже наш «зажиточный» зажиточен только по сравнению с нашим бедняком, а наш бедняк бедней всякого бедняка.

Вся наша деревня еще нища, технический уровень ее еще очень низок, и первым долгом мы должны приложить все усилия к тому, чтобы поднять ее, чтобы расширить ее покупательную способность, чтобы хозяйственно укрепить всю основную массу крестьянства. Но все-таки деревня стала посильней. Уже сейчас она может купить больше, чем мы можем предложить. Поэтому, промышленность может пошире разворачиваться и ставить перед собой новые задачи: построение новых заводов, установку нового оборудования и т. д., не забывая основной задачи: производить дешевле и лучше. Вот почему слова Ильича о цветущей промышленности и его же слова о том, что каждый грошик экономии надо направлять на развитие крупной машинной индустрии, становятся для нас теперь совершенно ясной и определенной директивой.

Трудности в крестьянской стихии.

Как же пойдет в ближайший год дело этого строительства? Я должен сказать, что наши планы разворачивания промышленности, построенные на учете урожая, потерпели уже некоторые изменения. Крестьянская стихия внесла ряд поправок в наши планы. Задержка крестьянством хлеба держит нас за руки, и, видимо, так быстро развернуться и в те сроки развернуться, как бы мы этого хотели, нам не удастся.

Прежде всего урожай из-за дождей пострадал в довольно значительной мере. Мы считали, что избытков товарного хлеба у крестьянства будет 1 200 000 000 пудов. Последние данные говорят, что дожди настолько попортили, что оно будет иметь только 1 000 000 000. И это немало, конечно, но в связи с этим должен измениться и целый ряд наших планов.

Крестьянство внесло поправку в трех направлениях. Во-первых, в сроках. Мы хотели закупить 70% хлеба до 1 января.

Видимо, крестьянство нам этих 70% не продаст до 1 января. Во-вторых, в количестве: крестьянство дает нам меньше хлеба, чем мы ожидали, и, в-третьих, в цене. Мы ожидали при урожайном годе падения цен на хлеб и приготовились бороться против низких цен на хлеб, чтобы спасти крестьянство от катастрофического падения цен. Но оказалось, что цены не только не упали, как ожидалось, но что они очень вздуты, вздуты настолько, что становится невыгодной продажа хлеба за границу.

Что означают эти три поправки? Наш план был выгоден не только для нас, но и для самого крестьянства. Из того миллиарда пудов хлеба, которое крестьянство вынесет на рынок, мы в своей стране можем потребить немногим более половины. Миллионов же 400 внутри страны мы потребить не сможем. Их надо продать за границу. Иначе хлеба в стране будет слишком много, и неизбежно цена на него сильнейшим и невыгоднейшим для крестьянства образом упадет, если не сейчас, то к весне.

Наш план и заключается, поэтому, вот в чем: покуда Канада и Аргентина не вышли на международный хлебный рынок, а они выходят в октябре и ноябре, нам надо первым притти на этот хлебный рынок, когда там хлеба мало, по высоким ценам продать как можно больше нашего хлебного излишка и, получивши на этих высоких ценах известную прибыль, ввезти из-за границы товары крестьянского потребления, а главным образом машины и сырье для наших фабрик и заводов, и таким образом дать крестьянству товары в нужном количестве и дешевле.

Этот план выгоден для промышленности, выгоден для государства, выгоден и для крестьянства. Но крестьянство действительной выгоды в массе своей не смогло осуществить. Крестьянство не везет сейчас в той мере, в какой нужно, хлеб на рынок. Почему? Товаров нет.

А затем еще давнишняя мечта: весной получу более высокую цену. Помнят, как весною в прошлые годы цены сильно поднимались, и теперь отдельный хозяин рассуждает так: зачем мне осенью везти хлеб? — подожду, если в прошлые годы весною цены взлетали, то и нынешней весной я получу гораздо больше. Но он ошибется.

У нас урожай. У нас миллиард пудов хлебных излишков. Внутри страны мы потребим только половину этого хлеба, а половина нам не нужна, и если мы сейчас не усилим вывоза хлеба за границу, то весною, когда все выбросят на рынок хлеб, цены могут упасть.

Оказалось, что наш план и понимание крестьянином своих интересов разошлись. Результаты получились такие: мы сейчас платим за хлеб у себя внутри страны столько, что вывозить его

за границу становится невыгодно. За границей цены упали, так как Америка, Канада и прочие страны стали вывозить свой хлеб и вступили в конкуренцию с нами. Мы же, имея недостаточный подвоз хлеба у себя, вынуждены были повысить цены. У нас в настоящее время города имеют маленький запас хлеба, а крестьянин хлеб придерживает.

Здесь кстати будет сказать: мы обязательно должны строго блюсти свой союз с крестьянином. Но иногда и союзникам приходится поспорить. Мы должны путем агитации разъяснить крестьянству его подлинный интерес. Крестьянство должно понять, что, связывая нас в развитии промышленности, в подаче новых партий товаров, оно и себя приводит к убытку и свой баланс в конце года сведет плохо, если не усилит подвоз хлеба. Я абсолютно уверен, что из нашего плана мы к концу года наверное 90% выполним, но срок выполнения плана и выгодность наших маневров будут хуже. Мы уже не сможем так маневрировать на международном рынке, как маневрировали бы, если бы получили хлеб во-время по нормальным ценам. Я ставил перед ЦК вопрос, надо ли пересматривать сейчас годовой план, и отвечал: нет, годового плана пересматривать еще не надо. Мы должны добиваться его выполнения.

Но теперь уже ясно, что он будет растянут. То, что мы хотели сделать в 1-м квартале, придется сделать во 2-м и 3-м. Мы в 1-м квартале хотели подать машины текстильной промышленности, придется сделать это во 2-м квартале. Мы хотели кожевенной промышленности в 1-м квартале дать все дубители, чтобы двинуть эту промышленность, а теперь мы говорим ей: подождите немножко, а обуви на рынке нет, и она дорога.

Из нашего ввоза 62% падает на предметы технического оборудования промышленности, полуфабрикаты и сырье, 20% идет на ввоз предметов сельского хозяйства, в том числе машины, тракторы и т. д., и 20% на прочие предметы — чай, кофе и т. п., а вывозим мы в таком порядке: из всего вывоза 42% — хлеба, 14½% — продукты животноводства, 8% — лен и пенька, 7% — продукты рыболовства и звероловства, остальное падает на лес, нефть и т. д.

Это строение совершенно понятно: страна мы аграрно-промышленная, а хотим стать страной промышленно-аграрной. При таких обстоятельствах, при сокращении вывоза страдает прежде всего промышленность. Дать ей в полной мере то, что мы хотели дать ей из-за границы, в виде хлопка, дубителей, красителей, оборудования, т.-е. то, чего мы у себя не вырабатываем, и дать это в нужные сроки мы не сможем, а это, в конечном счете, скажется на крестьянстве же.

Монополия внешней торговли — основа социалистического строительства.

К этим вопросам о промышленности и о ходе развертывания всего нашего хозяйства в связи с ввозом и вывозом естественно примыкает вопрос о Внешторге, который специально рассматривался в ЦК. В этом году оборот Внешторга поднимается в 2 — $2^1/_2$ раза против прошлого года. В прошлом году внешняя торговля обернула продуктов на миллиард руб. В этом году этот же наш аппарат должен обернуть около $2^1/_2$ миллиардов.

Ясно, что такой рост заданий, поставленных перед старым аппаратом, потребовал некоторой его реорганизации. Специальная комиссия и РКИ работали над вопросом изменения форм осуществления монополии внешней торговли, чтобы приспособить их к новым заданиям. Относительно самой монополии внешней торговли никакого сомнения ни у кого в ЦК и в партии, я полагаю, не может быть. Именно теперь монополия внешней торговли становится одним из основных рычагов.

Вы видите, что круговорот между сельским хозяйством, промышленностью и социалистическим строительством, как это ни покажется странным, пролегает и через заграничный рынок. Надо вывезти за границу наши избытки хлеба, овса и ячменя, чтобы купить там новые машины, на которых будет подниматься наше сельское хозяйство и промышленность и итти по пути социалистического строительства. *Поэтому монополия внешней торговли становится в данный момент таким важным рычагом, без которого мы не можем двигаться по пути социалистического строительства.* Только при монополии внешней торговли мы можем держать под своим контролем состав ввозимых и вывозимых товарных масс. Только монополия внешней торговли гарантирует нам, что из страны не будет вывезено больше того, что мы хотим ввезти, и что наши богатства не будут разворованы. Монополия внешней торговли абсолютно необходима.

Другое дело — формы осуществления монополии внешней торговли. Когда приходится на $2^1/_2$ миллиарда перевернуть товаров, когда почти каждая наша фабрика заинтересована в том, как купить, что купить, на что купить, когда привезут, когда все наши директора всех наших фабрик связаны теми или другими путями с заграничными покупками — одному нужна заграничная машина, другому сырье и т. д. — тут возникает вопрос о более гибких формах монополии.

ЦК принял положение, сводящееся к тому, что наши хозяйственные органы в гораздо более широком виде, чем до сих пор, смогут осуществлять сами права закупки и продажи за границей.

Однако, он оставил эти хозяйственные органы, выходящие на заграничный рынок, в составе единого торгового представительства за границей. Это значит, что мы должны сохранить за границей единый фронт. Мы не можем все хозяйственные органы выпустить за границу, потому что эти милые хозорганы и здесь дерутся. Но в нашей среде на них есть управа, а если за границей они подерутся, то от этого только заграничные купцы выиграют. Поэтому единый фронт за границей во что бы то ни стало должен быть сохранен.

Но вместе с тем оставить такое положение, что одно торгпредство должно покупать и напильники, и иголки, и галантерею, и машины, и мыло, и турбо-генераторы, конечно, тоже невозможно: это уже изжитой момент. Поэтому формула, принятая ЦК по докладу тов. Куйбышева, гласит: единое торгпредство за границей, как представительство всего советского государства за границей, сохраняется. Но внутри этого торгпредства — осуществление операций отдельными хозяйственными органами гораздо более свободное, чем это было до сих пор; получится больше контроля, больше приспособления к потребностям каждого отдельного предприятия, отдельных объединений, и это хорошо.

Вы знаете, что за идею советского торгпредства за границей мы вели хотя и не кровавую, но довольно ожесточенную дипломатическую борьбу. При всех наших дипломатических переговорах все государства заявляют нам: что ваш посол должен пользоваться неприкосновенностью, — как это ни неприятно, но это нужно будет сделать. Но вы хотите, чтобы кроме вашего посла еще и ваш торговый представитель и его книги, счета и т. п. пользовались неприкосновенностью, и чтобы только он один мог покупать наш товар и только он один мог продавать ваш товар. Этого они никак в толк не возьмут, или, вернее, они очень хорошо берут в толк, что их капиталистам это невыгодно. Их много, а мы одни, и мы можем выиграть на их конкуренции. Они всюду сопротивляются этому нашему требованию.

Серьезной победой оказалось то, что как раз к моменту заседания ЦК германское правительство в германско-советском торговом договоре признало наш принцип монополии внешней торговли. Вот вернейшая черта той реформы в способах осуществления внешней торговли, которую принял ЦК.

Работа профсоюзов.

Из того же вопроса о разворачивании нашей промышленности вытекает и другой вопрос, который стоял на пленуме ЦК, но получил там только предварительное решение и будет поставлен во всей своей широте на партийном съезде. Это — вопрос о профсоюзах. Совершенно естественно, что этот вопрос именно в нынеш-

ний момент стал перед нами. Мы уже видели громадное увеличение числа рабочих. Вы должны себе отдать отчет также и о составе этих рабочих. Если мы в течение полутора лет включили в свое производство 700 тыс. новых рабочих, то это значит, что мы черпаем довольно глубоко уже из деревни. Состав рабочих меняется. Число увеличивается. Активность рабочей массы повышается. Политический уровень ее тоже повышается. При таких условиях вопрос о том, чтобы приблизить рабочую массу и к государству и к социалистическому производству, является основным.

Именно потому, что у нас в деревне происходят сложные процессы дифференциации, выделения кулацкой верхушки, именно потому, что мы еще идем только к организации бедноты, здесь, в городе, надо, чтобы рабочий класс получил возможность гораздо ближе примкнуть и к рабочему государству и к социалистическому производству. Что это значит? Это значит усиление массовой работы в самой толще пролетариата. Кто является главным агентом этой массовой работы? Конечно, профсоюзы.

Положение профсозов в данной обстановке очень сложно, и от них требуется максимум мудрого искусства маневрирования, потому что имеются две крайности, в которые можно впасть. С одной стороны, можно впасть в крайность противопоставления рабочего класса государству, с другой стороны, можно впасть в крайность обезличения профессионального движения, т.-е. впасть в такое положение, когда масса не видит в профсоюзах защитников своих материальных, будничных, постоянных интересов. Обе эти опасности должны быть избегнуты. Мы должны оживить работу профсоюзов и усилить их рост как подлинных массовых организаций пролетариата без бюрократических извращений, без отрыва от масс, без механического подхода к вопросам, построить их так, чтобы масса видела в них действительное выражение своих подлинных интересов, с другой стороны, обезопасить их от соблазна противопоставлять себя рабочему государству.

Эта трудная, сложная, но и важнейшая работа может вестись только на основе самого широкого оживления работы профсоюзов, на основе привлечения подлинных рабочих масс не только к участию в профсоюзах, но и к будничной их работе. Система выборности, отчетности, подотчетности профессиональных верхов широкой рабочей массе, усиление работы производственных совещаний, превращение профсоюзов в подлинные школы социализма, в такие школы, которые подводят широкие массы к интересам социалистического производства, — вот что стоит на очереди.

Вместе с тем нужно сказать, что эти задачи оживления и массовой работы профсоюзов могут быть осуществлены только тогда, когда партия не будет проявлять над ними мелочной опеки,

дергания, будет понимать, что это есть массовая организация, коммунистический дух которой должен быть обеспечен работой фракции, но не может быть заменен чиновническим руководством или дерганьем сверху. Профсоюзы должны быть массовой пролетарской организацией беспартийных рабочих, в которых коммунисты обеспечивают свое влияние не нажимом сверху, а подлинной работой снизу.

С другой стороны, эти задачи профсоюзов могут быть выполнены и должны быть выполнены, если мы действительно хотим, чтобы рабочий класс шел с нами нога в ногу, только если будет устранен уклон, который заключается в сращивании профессионалиста и хозяйственника. Эти случаи у нас бывали и они плохо кончались. Это сращивание часто ставит массу в такое положение, когда она не знает, где кончается директор, и где начинается его профорганизация. Поэтому, в случае какого-нибудь конфликта, недовольства и т. д. это недовольство может катиться через голову профсоюзов, и это мы имели также и по Московской губернии.

ЦК отметил все эти пункты, как важнейшие моменты по докладу т. Томского, который нарисовал ЦК подлинную, настоящую, без всяких прикрас картину целого ряда недостатков в работе профсоюзов, и поручил тов. Томскому разработать ряд тезисов и поставить этот вопрос на ближайший партийный съезд, ибо вопрос об оживлении работы профсоюзов, об их подлинном руководстве, о привлечении рабочих к нашему производству есть, конечно, кардинальный вопрос.

Внутрипартийная демократия и коллективное руководство.

Теперь разрешите перейти к тому, что увенчивает все дело. Мы хотим оживлять работу в деревне, группировать вокруг себя бедноту, подтягивать к себе середняка, организовать и бедноту и середняка вокруг нашей политики, мы хотим оживить советы сверху донизу, оживить профсоюзы.

Но кто это мы, и кто это может сделать и провести? Конечно, наша партия. Партия наша сложна и становится все сложнее и сложнее. Партия наша по объему своей работы имеет перед собой все более и более крупные задачи. Наше государство, по мере того как мы выходим из бедноты, из абсолютной нищеты, становится все сложнее, отдельные органы управления этого государства становятся все более тонкими механизмами. Советы, несомненно, уже начали и будут играть все бо́льшую и бо́льшую роль. Поэтому перед нашей партией задачи все более усложняются и требуют специального приспособления к разного рода отраслям работы.

Наша партия — единственная партия в стране, в стране богатеющей, становящейся на ноги, в которой политическое сознание растет, в которой есть разные тенденции, и все это давит на нашу партию, изнутри нее пытается провести свои тенденции, так как рядом нет организаций, которые автоматически отражали бы их групповые и классовые интересы: все напирают на нашу партию.

При этих условиях, чтобы осуществить те задачи, которые мы перед собою ставим, необходимо оживлять и внутреннюю жизнь нашей собственной партии. *Это оживление должно сопровождаться укреплением руководства, укреплением руководства коллективного.*

По предложению Политбюро, ЦК поручил ему обратиться в ближайшие же дни с письмом к партийным организациям, в котором должно быть указано на необходимость действительного проведения и оживления партийной демократии при гарантии твердости партийного руководства. Мы стоим перед съездом, но не только потому, что перед нами съезд, а именно потому, что этого требует сложная обстановка, величие задач, которые перед нами стоят, необходимость руководить сложными аппаратами профсоюзов, кооперации, советов и т. д. заставляет ЦК поставить на очередь вопрос об оживлении внутрипартийной мысли, внутрипартийной демократии, большего проведения выборности и т. д.

Это, конечно, должно сопровождаться, с одной стороны, точным и ясным руководством, с другой стороны, проведением ясной, точной политической линии, ибо сила нашей партии, с чего я и начал, заключается не только в завоевании доверия громадных масс пролетариата и крестьянства, в громадном практическом боевом революционном опыте, который мы накопили до революции, во время революции и после Октябрьских дней, но также в умении наметить, поставить и провести ясную, определенную, истинно Ленинскую линию. Вот если мы обеспечим эту линию,—а она обеспечена решениями ЦК,—если мы дадим возможность партии действительно оживить внутреннюю свою жизнь и, с другой стороны, обеспечить коллективное правильное руководство, то в таком случае мы со всеми своими задачами справимся.

Секции Коминтерна.

Мне остается остановиться хотя бы в нескольких словах и самым кратким образом на последних событиях в работе компартии в мировом масштабе. Я буду совершенно краток и укажу только на то, что за последнее время мы имели ряд фактов, которые показывают громаднейший рост нашего влияния и истинный процесс большевизации этих партий.

Доказательством этого сейчас может служить, с одной стороны, французская партия, поведение которой во время войны с Марокко показало, что эта партия действительно большевизируется и действительно становится на путь Ленинской политики. Это было серьезным испытанием для Коминтерна: первая более или менее серьезная война, которую ведет великая капиталистическая держава — Франция, и нужно сказать, что под руководством Коминтерна наша французская секция в борьбе против войны оказалась несомненно на высоте положения.

На такой же высоте положения оказалась гораздо более слабая по числу, но ведущая большую работу наша английская секция. Вы знаете, что последний конгресс тред-юнионов, на котором нашу партию и профсоюзы представлял тов. Томский, что этот конгресс тред-юнионов в Скарборо пошел гораздо дальше по пути подлинной рабочей политики, чем какой бы то ни было конгресс английских рабочих раньше. Это был 57-й конгресс английских профсоюзов, но это был первый конгресс, который принял ряд резолюций, написанных и предложенных коммунистами. Наша компартия в Англии не велика, но она оказалась способной провести эту политику завоевания изнутри профсоюзов и направления их путем идейного влияния, который рекомендовал еще Ленин и который лежит в основе политики единого фронта. Маленькая, небольшая партия, кажется, в 4 — 5 тыс. членов, смогла, однако, играть видную роль на Британском конгрессе тред-юнионов, провести там ряд своих резолюций, повести его вперед, хотя бы пока и не очень далеко.

Это понравилось нам, но очень не понравилось английскому правительству, которое, как мы сегодня прочли в газетах, ответило на великолепную работу, проделанную партией, арестами важнейших вождей английской компартии. Ясное дело, что эти преследования после той работы, которая была проведена на конгрессе тред-юнионов, аресты Политта, Инкпина и других будут только увеличивать, усиливать значение коммунистов в толще английского рабочего класса.

Можно прибавить к этим важным фактам, указывающим на то, что коммунистическое движение идет по правильному пути, еще и роль компартии, — также сравнительно небольшой, — на Востоке, в китайских событиях. И там эта небольшая партия, действуя через гораздо более широкую партию Гоминдана, оказывала решающее влияние на ход революционных событий в Китае.

Но рядом с этими фактами, показывающими успехи и осуществление правильной политики, у нас есть и факты печальные, факты кризисного свойства. Да и странно, если бы их не было. Дело большое, мировое. Стабилизация капитализма, хотя бы временная и частичная, несомненно налицо.

*

При этих условиях было бы странно, если бы явлений кризиса не было. Есть кризисы «левые», как, например, в Польской и, в частности, в Германской партии. Эти «левые» говорят так: руководящую роль в Коминтерне играет РКП, а РКП осуществляет диктатуру пролетариата в крестьянской стране и потому должна итти на уступки. Так как чисто пролетарскую линию в крестьянской стране не провести, то нельзя ли руководство РКП в Коминтерне заменить другим руководством. Ясно, что это придирка и что говорят это те элементы, которые на самом деле хотели бы освободиться из-под суровой руки Ленинской тактики и политики.

Наиболее острый кризис происходит в верхушке Германской партии, где несомненно налицо кризис руководства. Вы, вероятно, все читали подробное письмо, посвященное кризису Германской партии, опубликованное Исполнительным Комитетом Коммунистического Интернационала. Я повторять его не буду, а укажу только в нескольких словах нынешнее положение дела: после снятия группы правых — Брандлера и других, которые вели неправильную политику, которым не доверяли коммунистические рабочие, и потому их надо было снять, после этого еще не выкристаллизовалась та новая группа подлинных коммунистических пролетариев, которые могли бы стать во главе руководства партией.

Мы должны были поддержать во главе партии определенную группу, которая выдвинулась в борьбе с правыми, т.-е. группу Маслова, Рут Фишер, но эта группа оказалась неспособной осуществить правильное коминтерновское руководство, она вступила в конфликт с Коминтерном, пыталась не исполнять его директив, и теперь спасение руководства заключается в том, чтобы из самой рабочей массы выкристаллизовалась подлинная новая рабочая группа.

Эта рабочая группа есть. Но эта группа встречает сопротивление со стороны товарищей, в роде Шолема, Рут Фишер и Маслова, не умеющих или не желающих провести правильное руководство. Отсюда затяжный кризис руководства. Он не потрясает основы партии, в основе партия здорова и может пойти по правильному пути, если ее не будут путать сверху, а сверху путают такие люди, как Маслов, Рут Фишер, которые неправильно понимают директивы Коминтерна, вопросы профсоюзной работы, необходимость массовой работы, путают неправильным подходом к социал-демократическим рабочим.

Вы видели, когда социал-демократическая делегация приехала сюда, как мы сумели взять их здесь под наше идейное влияние. Оказалось, что это — такой материал, который нашему идейному влиянию поддается, но в Германии, при неправильном руководстве коммунистической партией, социал-демократических рабочих

ставят на одну доску с Шейдеманом и Носке, оскорбляют вместо того, чтобы привлечь и втянуть в свою работу. При такой неправильной политике мы имеем затяжной кризис, на который приходится затрачивать много работы, чтобы его выправить.

В заключение позвольте прочесть вам несколько слов относительно последнего конгресса II Интернационала. То, что я прочту, написано не коммунистами, а самими участниками II Интернационала.

Вот что пишет «Форвертс» — центральный орган шейдемановцев — об участниках конгресса II Интернационала: «Партии II Интернационала делятся на три группы. Это или партии, которые принимали участие в правительствах на началах коалиции, или же партии, которые руководили рулем государства, образовав правительство меньшинства при доброжелательном нейтралитете части буржуазии, или партии, которые планомерной поддержкой делали возможным существование левых буржуазных правительств, влияли на них и контролировали их. Нет в настоящее время в Европе почти ни одной социалистической партии, которая бы не принадлежала к одной из этих трех категорий».

Другой участник конгресса, г. Диаманд, пишет так: «До войны социалистические партии не принимали участия в политических решениях своих стран. В этом отношении положение изменилось в корне. Зал конгресса переполнен бывшими канцлерами, премьерами, министрами иностранных дел и т. д.».

Я думаю, что самой лучшей агитацией среди рабочих, еще не коммунистов, послужит массовое распространение этих выдержек. Положение совершенно ясно. Бывшие канцлеры, премьеры, министры иностранных дел руководят конгрессом II Интернационала. Английские, французские, болгарские коммунисты сидят в тюрьмах капиталистов. Обычно такое положение вещей кончается тем, что те, кто сидит в министерствах, садятся в тюрьмы, а те, кто сидит в тюрьмах, берут власть в свои руки. Нет сомнения, что и в данном случае дело кончится так же. (Бурные аплодисменты.)

Заключительное слово и ответы на вопросы.

Товарищи, я, к сожалению, никак не могу помочь тов. Богушевскому в его попытке оправдаться. Помочь ему я не могу вот почему: когда он напечатал свою статью, и некоторые товарищи обратили внимание на это место, то редакция «Большевика» поместила заявление, что с той частью, которую я цитировал, редакция «Большевика» не согласна. На пленуме ЦК тов. Молотов — докладчик по деревенскому вопросу — цитировал это место статьи Богушевского и заявил, что «следует признать, что такая

оценка, вернее — недооценка, роли кулачества в современной деревне, конечно, внесла бы смуту и путаницу в оценку действительного положения нашей деревни. Она противоречит тому, что партия говорила и говорит о кулаке». Среди членов ЦК не нашлось ни одного товарища, который вступился бы за товарища Богушевского и сказал, что его неправильно цитируют и неправильно поняли.

Приходится выбирать: или тов. Богушевский относится к таким писателям (бывают такие писатели), с которыми происходит такое несчастье, что никто их не может понять (смех на местах), или, — что естественнее предположить, — тов. Богушевский ошибся. То, что ошибся Богушевский, отнюдь не потрясает нашу партию. Для нас важна не ошибка тов. Богушевского, а тот оттенок мысли, который в этой ошибке сказался. Такие ошибки не могут быть случайными, потому что наша партия — единственная в стране, и не может быть того, чтобы течения, существующие в стране, краешком хотя бы, не задевали на том или другом крыле нашу партию, и чтобы тут не обнаруживалась бы маленькая царапина. Наша линия, постановление XIV партконференции было слегка оцарапано тов. Богушевским, и если сейчас же не промыть этой царапины, т.-е. не употребить дезинфицирующего средства, она загноится, будет нарыв, и его придется резать. Лучше во-время царапину прочистить ваточкой. Я это и сделал в докладе, как это сделано и в резолюции ЦК.

Теперь относительно попытки тов. Богушевского подменить меня тов. Лариным. Если бы это было где-нибудь в очень глухом углу, то там, может-быть, тов. Богушевскому удалась бы его попытка, но здесь сказать, что я недооцениваю середняка, что я не понимаю необходимости для рабочего класса учинить крепкий союз с середняком, — это не выйдет, тов. Богушевский! И знаете почему? Потому что с 21 г., с момента нэпа, вероятно, никому другому в Московской организации не приходилось так часто, на самых разнообразных собраниях, беспартийных и партийных, рабочих и крестьян, районных и центральных, при Ильиче, при председательствовании Ильича и после него, объяснять смысл нэпа, — как мне. Так что попытаться намекнуть на то, что я недооценил середняка, не понял значения союза с середняком, — это уже очень смешно.

Серьезнее вопрос тов. Богушевского о том, что я будто бы не подчеркнул всей новизны той линии, которая заключается в решении пленума. Нет, я сказал, что решения пленума могут показаться неожиданно новыми тов. Богушевскому. Об этом я предупредил собрание. Почему? Ясно почему. Если кто-либо понимает ставку на развитие производительных сил в деревне так, что оно идет, поднимая все крестьянство, не разделяя его, не расслояя его, не выделяя кулака, тогда такому товарищу,

конечно, может показаться, что надо выбирать — или развитие производительных сил, или помощь беднякам. Но XIV партконференция так не рассуждала и так рассуждать не могла.

Уже XIII съезд сказал так: «В связи с происходящим расслоением сельского хозяйства особенно важен вопрос о способах обеспечения маломощному слою деревни фактической возможности участвовать в кооперации», а XIV партийная конференция сказала: «Рост производительных сил в условиях дальнейшего развития товарно-денежных отношений влечет за собой, однако, и новые трудности. На ряду с укреплением социалистических элементов хозяйства происходит и будет происходить в то же время развитие частного капитала и связанное с этим частичное обострение конкуренции между социалистическими и капиталистическими элементами хозяйства, как в городе, так и в деревне». И дальше: «Начавшееся с переходом к новой экономической политике расслоение деревни найдет свое выражение в ближайшем будущем в дальнейшем увеличении и усилении на известное время новой крестьянской буржуазии, вырастающей из зажиточных слоев крестьянства, с одной стороны, и пролетаризации его бедняцких элементов,— с другой».

Это сказала XIV партконференция (а не Ларин, тов. Богушевский!). Что же, вы думаете, что коммунистическая партия, которая сказала, что она стоит перед фактом роста и увеличения новой крестьянской буржуазии и пролетаризации бедняцких элементов, что же, вы думаете, что коммунистическая партия, уткнувшись, как представляет себе тов. Богушевский, в идею развития производительных сил, оставит эти пролетаризированные бедняцкие элементы без помощи и не попытается связать себя с этими бедняцкими элементами, забудет бедняков? Это — странное, очень странное представление о нашей партии! Только в головах плохих коммунистов можно противопоставить ставку на развитие производительных сил и помощь середнякам и беднякам против кулаков. Только плохо читавший резолюции XIV партконференции или усвоивший из всей нашей политики в деревне только то, что мы сделали уступку, т.-е. дали аренду, расширили право найма, и больше ничего в ней не заметивший, только тот может недоуменно разводить руками перед резолюцией ЦК.

Партия, которая в резолюциях XIV партконференции видела не только уступку известным буржуазным слоям деревни в виде развития права на наемный труд и аренду, которая понимала, что эта необходимая и правильная уступка должна сочетаться с усилением нашего коммунистического фронта путем привлечения к нам бедняков и середняков, партия такого истолкования своей линии, конечно, не допустит.

Затем нельзя же, вообще, вести историю партии только от XIV партконференции. Нельзя же отрицать, что Ильич, введя

нэп, в 1922 году писал то, что я вам прочитал: «В виду важности подъема сельского хозяйства и увеличения его продукции (т.-е. в виду важности развития производительных сил в деревне — *Л. К.*), в данный момент политика пролетариата по отношению к кулачеству и зажиточному крестьянству должна быть направлена главным образом на ограничение его эксплуататорских стремлений. Как ограничить эти стремления, как может и должно наше государство защищать бедняков,— в этом вся суть». Так надо же быть Иваном, не помнящим родства, чтобы после того, как я прочел эту цитату из Ильича, который сказал это в 1922 г. (а мы теперь в 1925 г. практически осуществляем эту директиву созданием специальных фондов для бедняцких хозяйств, приспособляем кооперацию к тому, чтобы она вовлекла в себя бедняцкие хозяйства, путем того, что государство будет помогать бедняку вносить паи, и т. д.), чтобы после этого не видеть, что это и есть столбовая дорога нашей политики в деревне.

Сказать же так, что только теперь, в 1925 году, наша партия додумалась до того, что мы должны помогать беднякам и сплачивать вокруг своей партии бедняков и середняков против кулаков, сказать, что мы только в 1925 г. додумались до этого, это значит опять-таки обнаружить очень, очень странное представление о нашей партии и ее политике. Партия знала это, когда вводила нэп, в 1922 г. Ильич писал об этом, на XIII Съезде это указано, на XIV конференции подтверждено, и на III Всесоюзном Съезде Советов в моем докладе о крестьянстве специально подчеркнуто, что «сельскохозяйственная кооперация должна сосредоточить все свое внимание на своей основной задаче действительного объединения многомиллионных масс крестьян, в особенности середняков и бедняков», что специально «кооперативным объединениям середняцких и бедняцких слоев крестьянства должна быть оказана материальная поддержка и помощь Советской власти». После всего этого линия на укрепление нашей партии в бедняцких и середняцких слоях может показаться неожиданной только тому, кто не понял нашей основной линии, линии партии в нэпе, тому, кто не понял значения отрицательных сторон нэпа.

Перехожу к вопросам. Спрашивают меня: «Как же тов. Зиновьев поддерживал Рут Фишер, а она ведет неправильную линию?»

Должен сказать, что ее поддерживал не Зиновьев, а поддерживали все мы, весь наш ЦК. Снимая Брандлера и др., мы ставили ставку на ту группу, во главе которой стояли Маслов и Рут Фишер. Мы тогда сделали оговорку, что полного доверия эта группа не заслуживает, но так как группа Брандлера потеряла доверие среди коммунистических организаций в Гер-

мании, а эти товарищи стояли во главе оппозиции, то партия, естественно, их выдвинула. Мы думали, что они обучатся. Мы ставили ставку на то, что если они, будучи в оппозиции, и забирали влево, то, получив руководство Германской партии, под контролем Коминтерна начнут учиться, приобретут больше опыта, почувствуют больше ответственности за свои поступки. Эти надежды, которые разделяли мы все, не оправдались. Это со всяким политиком может быть. Поставили ставку на то, что люди научатся, а они задурили еще больше.

Следующий вопрос: «Как вы представляете себе организацию бедняцких групп, будет ли это фракция при сельсовете или иного типа организация?»

Я думаю, что ответ на этот вопрос заключается в самой резолюции. Правда,— ответ осторожный. Там указывается на то, что нужно собирать группы бедняков для выставления вместе с середняками кандидатур, что надо собирать эти группы внутри сельсовета или волсовета или райсовета для обсуждения их специальных нужд и обязательно с коммунистами. Но ЦК не дал здесь точной организационной формы, и не дал этого сознательно. Дело это все-таки новое. Тут дана идея, указание партийным организациям — собирайте бедняков, вместе с ними обсуждайте кандидатуры, обсуждайте нужды, вместе с ними настаивайте на проведении законов, которые дают льготы крестьянам и которые часто в деревнях не проводятся. Но как эту организацию закрепить, на это ЦК пока не ответил, желая получить опыт мест.

Ясно, что работа этих бедняцких групп, может-быть, иначе будет развиваться на Украине, скажем, где есть комнезамы, иначе — на Северном Кавказе, где этих комнезамов нет, а кулачье играет более видную роль, чем в Московской и Владимирской губерниях, и т. д. Поэтому ЦК считает, что кое-какое разнообразие в этой новой работе сплочения бедняков не повредит, а даст возможность учесть опыт и создать новые формы.

То, что ясно и особенно подчеркнуто,— это всяческое усиление работы Всеработземлеса. По некоторым данным считается у нас полтора миллиона батраков. Батрачество и дальше будет развиваться. Данные об урожае из земледельческих губерний показывают сейчас, что уборка урожая вызвала очень большую потребность в наемной силе даже в таких хозяйствах, которые систематически ее не употребляют, но которые при таком урожае не могли обойтись без наемной рабочей силы. Поэтому, усиление работы Всеработземлеса, усиление батрацких организаций, организаций наемного с.-х. труда,— это то, что всегда нами подчеркивалось и что не могут не подчеркивать коммунисты, которые, будучи партией пролетариата, не являются исключительно партией городского пролетариата, но всегда и всюду, начиная с зарождения марксизма, были партией городского и с.-х. пролетариата,

пролетариата города и деревни. Это должно быть подчеркнуто в нашей линии. Это совершенно ясно.

Следующий вопрос: «Является ли понятие кулак твердо установленным и общепринятым для всех областей СССР, как Сибири, Украины и т. д., или при определении понятия кулак необходим особый подход?»

Конечно, у нас нет и быть не может в нашей стране единого, всюду применяемого понятия кулака. Ничего подобного. Для каждого района признаки кулацкого хозяйства будут различны, при чем сами эти признаки отнюдь, конечно, не могут ограничиваться признаком величины посева. Надо совершенно забыть марксизм, забыть ленинизм, чтобы думать, что достаточно узнать, сколько у человека хлеба и сколько он сеет, чтобы сказать, кулак он или нет.

Я уже указал, что одним из основных признаков капитализма в земледелии, как и вообще всей капиталистической системы, является наемный труд. Если вы скажете: вот у такого-то крестьянина 15 дес. земли, и он собирает столько-то урожая и столько-то продает, а не скажете, наемный труд он употребляет или нет, систематически употребляет или нет, то вы ответа на вопрос, кулак он или нет, по-марксистски не получите.

И поэтому делают ошибку те, кто деление по посевным группам, т.-е. по засеянной земле или по избыткам хлеба принимают за классовое деление деревни. Дело обстоит сложнее. Тот, кто хотя бы только прикасался к марксизму, знает, что классовое деление деревни надо проводить по признакам и земли, и наемного труда, и системы хозяйства, и употребления машин, и употребления удобрений, и животноводства и т. д. Только по совокупности всех этих признаков можно провести такое классовое деление деревни, при чем по разным районам признаки, конечно, будут изменяться.

Вопрос: «Не получится ли из групп бедноты прежних комбедов при условиях растущей борьбы в деревне? Как увязать это решение с неоднократным заявлением о том, что не нужно форсировать классовую борьбу?»

И следующий вопрос: «Прошу разъяснить, необходимо ли разжигать классовую борьбу в деревне, не явится ли это организацией бедноты в комбеды?»

Комбеды были боевыми организациями в эпоху гражданской войны. Комбеды раскулачивали средствами прямого государственного принуждения вплоть до применения вооруженной силы. Как же можно подумать, что какой-нибудь здравомыслящий человек предложит нам сейчас группы бедноты превратить в комбеды и, в частности, приступить к раскулачиванию путем военной силы, насильственному отобранию излишков и пр.? Мы ведем не политику гражданской войны, а политику постепенного,

осторожного, но систематического втягивания основных масс крестьянства, крестьянских хозяйств в наше советское социалистическое строительство и делаем это не штыком, не помощью военной силы, не принуждением, а экономическим маневром, определяемым нэпом. При таких условиях нам комбеды не нужны, и никакого перерождения групп бедняков в комбеды мы не допустим.

Надо ли разжигать классовую борьбу в деревне? Конечно, не надо. Глупо ее разжигать. Зачем мы — стоящие у власти — будем разжигать классовую борьбу в деревне? Нужно было ее разжигать тогда, когда мы шли на приступ для завоевания власти, и тогда это «разжигание» заключалось в том, чтобы вокруг передового пролетарского авангарда, готовящегося к войне, собрать все остальные элементы, подтягивая их для того, чтобы ударить в лоб противнику. Тогда мы разжигали классовую борьбу.

Теперь мы с вами у власти, мы правим государством и вместо того, чтобы разжигать классовую борьбу в деревне, мы применяем не столь резкие, но достаточно серьезные и чувствительные методы, как, например, налоги и пропорциональное их разложение на бедняка, середняка и кулака, или кредитную политику, при помощи которой мы должны оградить бедняка и середняка от эксплуатации, и т. д. и т. п.

И эти методы мы будем проводить не в порядке гражданской войны, а в порядке гражданского мира, имея весь государственный аппарат в своих руках.

Нам нужно только, во-первых, видеть расслоение деревни, а во-вторых, организовать вокруг себя бедноту и середняков.

Вопрос: «Как понимать заявление Ильича на XI съезде партии о приостановке отступления, если сопоставить это заявление с нашей нынешней политикой в деревне?»

«Отступление прекращено», говорил В. И. на XI съезде партии. Это значит, что из рамок нэпа, которые были Ильичем намечены, мы не должны выходить. Мы их и не переходим. Какие это рамки? «Нэп, — говорил Ильич — это — капитализм, который мы — пролетарское государство — отпускаем, но держим на цепи». Пока мы держим эту цепь, мы хозяева положения. Эта цепь, на которой мы держим капитализм, в наших руках, и она крепка.

Что с того момента изменилось? Наши руки стали крепче, потому что пролетариата стало на полмиллиона больше. Пролетариат стал крепче материально, проведена громадная политическая воспитательная работа. Наши фабрики и заводы дымят, а не стоят, как в 1921 году. Поэтому мы считаем нашу продукцию и товары на миллиарды, тогда как во время Ильича считали только па миллионы. Сейчас нам не приходится висеть па проводах и спрашивать: где находится такой-то вагон с хле-

бом для Москвы. А Ильичу это приходилось делать. Мы стали сильнее, руки наши крепче, и цепь, на которой мы держим капитализм, тоже крепка.

Есть ли опасность, что этот капитализм сорвется с цепи? Нет, никакой опасности нет. Руки крепки, и цепь крепка. Мы сняли в деревне остатки «военного коммунизма», которые не были сняты. Когда мы сказали: не надо административных мер при закупке хлеба у крестьян, а только благоволите покупать хлеб при помощи экономических маневров, перешли ли мы тот нэп, проводить который нам завещал Ильич? Нет! Мы остаемся в этих рамках. У нас нет необходимости их переходить.

Речь идет о том, чтобы из деревни выдернуть те остатки административного усмотрения, административных злоупотреблений, административного вмешательства в хозяйственную жизнь деревни, которые до сих пор имели там место, как, например, случаи с извращением политики лимитов в прошлом году, когда лимиты объявлялись твердой ценой и когда кое-где местные власти выставляли объявления: государственная цена на хлеб 60 копеек и больше не смей выплачивать. Вот эту штуку выкорчевать из деревни нужно.

Это будет осуществлено и, непременно, в тех рамках, которые указал Ильич.

Вопрос: «Разъясните, что препятствует темпу развертывания крупной промышленности, которая нужна для изжития товарного голода?»

Препятствует развертыванию крупной промышленности одно: у нас с вами денег нет в достаточном количестве. Если бы у нас были деньги, построили бы заводы, купили бы новые машины, пустили бы их на полный ход и дали бы крестьянству мануфактуру 100 — 105% против потребностей, чтобы хоть 5% иметь на складе в запасе. Препятствие в том, что нам никакой американский дядюшка денег не давал, что у нас с вами наследство тоже небольшое, и что поэтому разворачивать промышленность приходится с оглядкой.

Если мы можем, однако, это делать, то потому, что немного съэкономили. Конечно, мы еще не научились торговать, как проповедывал Ильич, торгуем плоховато, но кое-чему мы научились, и вот съэкономили кое-что на покупку новых машин, на пуск заводов и т. д. В следующем году, вероятно, будем богаче, если будем правильно вести политику. И тогда начнем строительство новых заводов, в первую очередь заводов сельскохозяйственных машин, и прежде всего в крестьянских областях, создавая в них новые пролетарские центры.

Мы за союз рабочих и крестьян, за их крепкий союз, за то, что говорит Ильич, — надо сплотиться с основной массой крестьянства, с рядовыми трудовыми крестьянами. И тогда,

продолжал Ильич, наше продвижение к социализму в известный момент наступит такое, о котором мы сейчас и мечтать не можем.

Я уже сказал несколько месяцев тому назад, на одном собрании Московской организации, что мы, несомненно, присутствуем при начале того ускорения движения к социализму, о котором мечтал Ильич. Это все более подтверждается. Несмотря на все трудности, несмотря на то, что мы осуществляем и строим социализм в крестьянской, аграрной стране, это ускорение движения к социализму громадно, и мы можем твердо сказать, что с теми трудностями, которые есть, мы справимся.

Размолвки с крестьянами будут, смешно мне было бы перед вами, коммунистами-пролетариями, сказать, что этого не будет. Ведь это не один класс, это союз двух классов, значит, между ними остается возможность трений и колебаний. Средний крестьянин — не социалист, но он станет социалистом под руководством пролетария, переваренный кооперацией и электрификацией, переделанный той культурной революцией, о которой говорил Ильич. Он еще не социалист, но мы втянем его в строительство социализма и построим социализм. Размолвки будут, он будет за одну цену, мы — за другую. Вопрос заключается в том, чтобы сманеврировать так, чтобы этот союз политически и экономически укрепить, а вместе с тем все больше и больше укреплять социалистические элементы в нашем хозяйстве.

До сих пор наша партия делала это с успехом. Пленум ЦК еще раз это сформулировал, подвел итоги, указал дальнейшие пути, и я уверен, что и далее наша партия социализм в особо сложных условиях нашей страны будет строить и построит.

Издана отдельной брошюрой
в издании ГИЗ'а в 1925 г.
под тем же названием.

ИЗУЧАЙТЕ ЛЕНИНИЗМ!

«Я—червь, говорит идеалист. Я — червь, пока я невежествен, — возражает материалист-диалектик,— но я — бог, когда я знаю».

Г. В. Плеханов.

Плеханов умер до основания «Безбожника» и даже раньше, чем Советская власть на старых стенах Москвы вырубила слова: «религия—опиум народа». Но Плеханов был безбожником.

Когда он писал: «Я—червь, пока я невежествен, но я—бог, когда я знаю», он думал не о поповских выдумках, а о том, что лишь знание законов общественного развития дает возможность организованному авангарду трудящихся — пролетариату — подготовить, провести и закрепить победу рабочей революции, освобождающей мир от рабства и эксплуатации.

Лишь овладев—через посредство своей руководительницы—партии—знанием законов, которыми движется человеческая история, масса трудящихся становится на путь подлинно-революционной политики, превращается в подлинного хозяина жизни и истории, превращается из наемного раба в строителя социализма, из «червя» в «бога».

Иначе говоря: чтобы быть подлинным революционером, подлинным участником коммунистического строительства, подлинным хозяином нового этапа человеческой истории, нового государства, нового общества—надо знать: знать законы развития истории, законы классовой борьбы, условия победы своего класса, условия строительства социалистического общества, условия закрепления своей победы.

Это знание 75 лет тому назад впервые сформулировали Карл Маркс и Фридрих Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии». Истина, как и все достойное жизни, рождается в борьбе. В борьбе, в ожесточенной борьбе классов, родилась и истина марксизма.

В десятилетиях борьбы марксово учение о неизбежности краха капитализма, о классовой политике пролетариата, о восста-

нии пролетариата, его диктатуре и переходе к социализму проверялось, крепло и охватывало все бо́льшие массы рабочего класса. Это учение подвело итог всей предшествующей истории человечества и установило незыблемо основные линии его грядущей истории. Именно поэтому оно могло в продолжение десятилетий служить путеводной нитью в борьбе миллионов трудящихся за лучшее будущее. Именно поэтому оно и сейчас остается тем компасом, по которому должен ориентироваться рабочий класс, чтобы найти дорогу к социализму. И эту роль оно будет выполнять вплоть до окончательной победы коммунизма.

Но история, а следовательно и борьба классов, не стоит на месте. Развиваясь по тем путям, которые предуказал Маркс, капитализм принимает новые формы; новые народы втягиваются в борьбу, пролетарская борьба усложняется и обостряется.

Конец XIX и начало XX века знаменовали крупнейший переломный момент в мировой истории. Капитализм вступил в эпоху империалистической политики.

Вместе с тем открылась эра пролетарских революций. 1905 год принес первую революцию в империи Романовых, революцию, во главе которой стал пролетариат. В огне революции создались новые формы движения: соединение экономической и политической стачки, перерастание стачки в восстание, Советы Рабочих Депутатов, как органы восстания и как зачатки новой революционной власти, как новые формы государства нового типа.

Революция в России всколыхнула Восток: Персия, Турция, Китай вступили на путь революционного развития. Обострились национальные противоречия в сколоченных штыком и рублем государствах. До крайнего предела дошла борьба между крупнейшими державами-рабовладельцами за раздел между ними мира. В 1914 г. грянула мировая война. II Интернационал крахнул. Старые вожди обанкротились.

Арена борьбы пролетариата неслыханно расширилась, самые формы борьбы усложнились и обострились, вопрос о союзниках пролетариата приобрел новое и особо-серьезное значение, вопрос о завоевании власти пролетариатом, о социалистической революции стал конкретной задачей, непосредственной задачей дня.

Учение Маркса надо было применить к обстановке и задачам новой эпохи,—эпохи империализма и пролетарских революций. Надо было очистить революционное учение Маркса от мещанских извращений и искажений, которым оно подверглось в предшествующую эпоху «мирного» развития. То, что у Маркса было дано лишь в зародыше, лишь в виде пророческого предвидения, надо было разработать в стройную систему.

Опыт, на который опирался Маркс,—опыт революций конца XVIII и трех четвертей XIX века,—надо было дополнить новым

опытом,—опытом революционной борьбы конца XIX и начала XX века. Опираясь на Маркса и на этот новый опыт масс, надо было итти вперед: создать теорию и тактику непосредственной пролетарской революции, а затем—после ее первой победы—теорию и практику первого пролетарского государства, непосредственно строящего социализм. Это и сделал гениальный ученик и продолжатель Маркса—Ленин.

Вот почему нельзя быть теперь сознательным революционером, подлинным строителем социализма, не изучая Ленина, не учась ежечасно и систематически у Ленина. Тот, кто отказывается от этого, неизбежно обрекает себя на роль «червя». Тот, кто не хочет остаться «червем», кто хочет знать прошлое, понимать настоящее и видеть будущее, кто хочет быть сознательным участником величайших мировых событий, итти в ногу с историей и своим классом, а не гнить в бездеятельности, глухим и слепым, на задворках истории,—тому открыта к этому широкая дорога через изучение Ленина.

И тот, кто пойдет по этому пути, получит величайшее удовлетворение. Учиться у гения-современника, следить за его мыслью, видеть, как он вскрывает вековые обманы, как под его пером растет правда, освобождающая миллионы человечества, как он разит врага и преследует его на его извилистых путях,—великая, радостная и освобождающая школа.

Истина рождается в борьбе. В постоянной, систематической борьбе с классовыми врагами и случайными попутчиками, с злостными укрывателями правды и добросовестными—по-своему—слепцами, Ленин выковал классовую идеологию пролетарского коммунизма.

Иначе и быть не могло. Классовая идеология пролетариата складывается лишь в систематической борьбе против буржуазных и мелкобуржуазных влияний, широкой волной напирающих на непримиримо-пролетарское ядро. Лишь постоянно очищая свое теоретическое оружие и постоянно проверяя его, лишь тогда, когда это оружие вылито действительно из одного куска, может пролетарский коммунизм противостоять разлагающим влияниям непролетарской среды.

Вот почему идейная работа Ленина носит по преимуществу полемический характер, представляет непрерывный идейный бой с постепенно, непрерывно, систематически меняющим свою шкуру и масть врагом. Вот почему изучение Ленина есть, вместе с тем, лучшее противоядие против проникновения в идейный багаж коммунизма чуждых влияний, одна из важнейших гарантий против соблазнов всяческих «уклонов».

В этой борьбе за пролетарский коммунизм со всеми оттенками непролетарских влияний, идей и настроений Ленин не оставил незащищенным ни одного участка фронта. Нет ни одной

отрасли знания или практики, мало-мальски соприкасающихся с борьбой рабочего класса, по которой Ленин не высказался бы с исчерпывающей точностью и полнотой.

Он оставил нам в наследство полную энциклопедию теории и практики классовой борьбы за социализм. Вопросы философии и естествознания, самые запутанные вопросы теоретической политической экономии, вопросы культуры, теория государства, вопросы программы, тактики и организации, профессионального и кооперативного движения, аграрный и национальный вопросы, теория империализма и практические вопросы проведения восстания, вопросы международного движения и практические вопросы организации управления в социалистическом государстве и т. д. и т. п. — все это нашло свое отражение в работах Ленина. И все это связано в его работах единой мыслью, пронизано единым и целостным духом.

Учение Ленина не сборник рецептов на все случаи жизни, не мертвый катехизис. Он дал нам *оружие для борьбы* и учил, как надо применять разное оружие в разные моменты борьбы все для той же единой цели. И так же, как вот уже три четверти века мировое рабочее движение питается учением Маркса, так долгие и долгие годы рабочее движение разных стран, развиваясь в разных условиях, будет впредь питаться учением Ленина и только руководясь этим учением придет к победе.

Учение Ленина — *оружие для борьбы*. Оно будет полноценно и полновесно лишь в руках тех, кто хочет бороться. Оно создано для миллионов, для улицы, для площади, а не для кабинетов. Чтобы быть ленинцами, мало знать, что сказал или написал Ленин, надо еще поступать как Ленин, т.-е. нести свое знание в гущу жизни, в кипящую в жизни борьбу, сделать это знание орудием борьбы и победы. «Без революционной теории не может быть и революционного движения» — не уставал повторять Ленин.

Практицизм, не освещенный, не руководимый, не направляемый революционной теорией — грозит измельчанием, уклонениями в сторону, блужданиями, т.-е. грозит потерять революционный характер. Теоретизирование, оторванное от революционной практики, не проверяемое ею, не применяемое к ней, грозит выродиться в пустую забаву, в «умничание», в выхолащивание революционной теории.

В ленинизме — величайшее соединение, сочетание, согласование современной революционной теории с современным революционным движением.

Я пишу эти строки для Комсомола. Комсомол уже сейчас помогает пролетариату строить социализм. Комсомол — величайшая школа будущих строителей. Пусть же твердо запомнит каждый комсомолец: ни строить, ни построить социализм без

изучения, без знания ленинизма нельзя. Нельзя успешно и победоносно завершить величайшее революционное движение человечества — переход к социалистическому обществу — без революционной теории. А единственная действительно революционная теория наших дней — ленинизм.

«Мы идем тесной кучкой по обрывистому и трудному пути, крепко взявшись за руки. Мы окружены со всех сторон врагами и нам приходится почти всегда итти под их огнем. Мы соединились, по свободно принятому решению, именно для того, чтобы бороться с врагами и не оступаться в соседнее болото; обитатели которого с самого начала порицали нас за то, что мы выделились в особую группу и выбрали путь борьбы, а не путь примирения». * Так писал Ленин 20 с лишним лет тому назад о нашей партии, когда она была рядом небольших подпольных кружков. Это верно и сейчас, когда она стоит во главе громадного государства. И это относится не только к нашей партии, но и к Комсомолу.

Чтобы не сбиться с трудного и обрывистого пути, чтобы не оступиться в болото, чтобы притти к окончательной победе — изучайте ленинизм, товарищи комсомольцы!

Статья опубликована
в «Комсомольской Правде»
№ 133 от 29/X — 1925 г.

---

* Н. Ленин. Собр. соч., т. V, «Что делать?»

О 2-м КРЕСТЬЯНСКОМ ЗАЙМЕ. *

Восстановление народного хозяйства СССР в ближайший период будет совершаться главным образом, если не исключительно, за счет внутренних рессурсов. В этих условиях государственный кредит приобретает исключительное значение. Государственный кредит есть мощное средство для того, чтобы усилить финансовые источники, из которых питается народнохозяйственное строительство, и поддержать тот быстрый темп восстановления, которым мы идем в течение последних лет.

Собрать в государственную казну распыленные средства, скопляющиеся в деревне и в городе в миллионах мелких трудовых хозяйств,—такова задача госзаймов и, в частности, 2-го крестьянского выигрышного займа.

Это дело, имеющее первостепенное значение вообще, приобретает особый вес и остроту в настоящее время. Значительный урожай этого года является предпосылкой для роста благосостояния населения страны. Однако, недостаток промтоваров создает такое положение вещей, при котором крестьянство воздерживается от реализации своих хлебных рессурсов. Это задерживает наш экспорт, что в свою очередь уменьшает наши импортные возможности.

С другой стороны, денежные средства, накопляющиеся у населения, не могут быть немедленно помещены в товары и могут остаться без производственного использования. Реализация 2-го крестьянского займа будет для крестьянства дополнительным фактором, стимулирующим продажу хлеба; вместе с тем заем даст возможность использовать свободные средства населения для производительного назначения.

---

* Заметка, помещенная в «Финансовой Газете», № 250, 1 ноября 1925 г.

ПАМЯТИ тов. М. В. ФРУНЗЕ. *

Товарищи! Центральный Комитет партии большевиков и правительство Союза ССР поручили мне сказать «последнее прости» старому большевику, верному солдату пролетарской революции, организатору, руководителю и вождю Красной армии Михаилу Васильевичу Фрунзе.

Стоя перед его раскрытым гробом, мы видим, что в этом гробу лежит один из лучших представителей профессионально-революционно-пролетарского дела, один из тех, кто в продолжение десятков лет под руководством Владимира Ильича организовывал пролетарские силы, сплачивал их, в определенный момент призвал их к бою, не испугался первых поражений, пережил годы разрухи, поднял вновь рабочую армию, привел ее к победе и в непрестанных боях победу эту закрепил.

Жизнь Михаила Васильевича, это — история русского рабочего класса, история пролетарских восстаний, история нарастания форм борьбы пролетарской революции.

Он начал 21 год тому назад пропагандистом и организатором небольших рабочих кружков в петроградском подполье; затем он был организатором широкого массового забастовочного движения иваново-вознесенских ткачей; вместе с ними, во главе этой громадной группы, он шел на приступ твердынь самодержавия, учил их и вместе с ними учился переходить от разрозненных стачек, от экономических забастовок к широким политическим демонстрациям, к широкой политической стачке, а от нее, от этой стачки,— к вооруженному восстанию. Он принимал участие у нас в Москве на пресненских баррикадах в декабрьские дни 1905 года.

После поражения этого первого вооруженного восстания русских рабочих он снова спустился в глубины, в самую толщу пролетарских масс, вместе с ними продолжал борьбу, вместе с ними делал героические попытки задержать наступление самодержавия и организовывал арьергардные бои первой русской революции в 1907 году

* Речь, произнесенная на Красной площади 2-го ноября 1925 г.

в том же текстильном районе. Как храбрый боец, как вождь пролетарских масс, он был взят в плен самодержавным правительством, судим и приговорен к смертной казни.

В продолжение недель он ожидал смерти от руки палача в царских застенках, был привлечен ко второму делу о вооруженном сопротивлении рабочих полиции,—снова судим и снова приговорен к смертной казни. Случайно уцелел, ушел на каторгу.

Семь лет под звон кандальных цепей жил он в царских застенках, семь лет жизнь его была мучением, жил он только потому, что верил в окончательную победу рабочего класса, верил в то, что придет момент, когда двери царских темниц распадутся под мощными ударами пролетарской руки.

Дождался этого момента—и немедленно, без отдыха, принялся опять за революционную работу. Попал на фронт, стал строить революционные организации среди армии,—в самый разгар империалистской войны, в момент, когда одураченные трудящиеся массы шли по приказам своих командиров против рабочих и крестьян другой нации, он медленной систематической работой строил революционные опорные пункты в царской армии и во главе революционных солдат нанес последний удар самодержавному правительству.

Немедленно после победы Февральской революции ушел с фронта опять к своим, знавшим его, любившим его рабочим Владимирской губернии. Там организовывает совет рабочих депутатов, становится во главе его, строя новую власть, новое государство. Затем впереди Ленинградского и Московского советов он закладывал основы подлинной Советской власти, опирающейся на подлинное творчество революционных вооруженных пролетариев.

По призыву советского правительства, во главе текстильщиков отправился на фронт. Дрался на всех фронтах, организовывая под руководством пролетариата крестьянские массы, вызванные к исторической жизни. По повелению партии и власти переходил с Восточного сибирского фронта на Туркестанский, оттуда на врангелевский, на польский, защищал границы Советской власти от многочисленных врагов.

Был организатором и руководителем в боях, которые войдут в историю как самые славные страницы героической борьбы угнетенных против угнетателей. Сбросил в море последние остатки помещичьей и капиталистической контр-революции, организовал для мирного труда новые аппараты в самых трудных условиях сложной украинской обстановки и, как лучший, как мужественнейший, как наиболее даровитый представитель организованной Красной армии, был призван на пост председателя Революционного Военного Совета и с честью нес эту тяжелую и трудную обязанность.

Вот жизнь профессионального революционера, который вел пролетариат, учился у пролетариата, рос, креп и развивался вместе с тем, как рос, креп и развивался рабочий класс нашего Союза.

Его биография—биография рабочего класса. Его успехи—успехи рабочего класса. Его победы—победы рабочего класса. Только рабочий класс мог создать эту поразительную героическую фигуру, только история революции могла выковать этого славного, великого борца, который умел работать в маленьком рабочем кружке в подполье и решать кардинальные вопросы мировой революции,—товарища, который был на месте и во главе совета рабочих депутатов в г. Шуе и в Исполнительном Комитете Коммунистического Интернационала.

Мы стали беднее, стали беднее прекрасной головой и прекрасным сердцем.

Весть о том, что Фрунзе нет с нами, наполнит радостью сердца наших врагов, возбудит их надежды. Они обманутся, конечно. Они не знают того, что революция пролетариата родит из самой себя героев и руководителей, воспитывает их и ведет вперед.

Мы стали беднее, мы стали без Фрунзе слабее, но сила рабочего класса непреодолима, сила коммунистической партии непобедима. Ход мировой истории, ведущей к победе тех идей, во имя которых жил и боролся Михаил Васильевич, не может быть ничем изменен, не может быть ничем сломлен.

Перед открытым гробом Михаила Васильевича мы должны сказать себе, что мы сплотим свои ряды еще крепче, что мы еще дружнее возьмемся за руки, что как ни тяжек этот удар накануне 8-й годовщины Октябрьской революции, но перед нами длинный победоносный путь пролетариев, организатором и учителем которых он был и которым он отдал всю свою жизнь.

Он завещал Красной армии, во главе которой он стоял и вместе с которой прошел весь путь длинной и героической борьбы, дальнейшую борьбу, дальнейшее строительство и дальнейшее укрепление. И перед его раскрытым гробом мы, представили Центрального Комитета, его товарищи по борьбе, мы, представители советского правительства, его товарищи по власти, говорим пролетариям нашего Союза: «Выше пролетарские знамена!» И обращаясь к Красной армии, говорим: «Тверже, товарищи красноармейцы, держите винтовку в руках! Бои впереди. С памятью о нашем военачальнике т. Фрунзе, во имя его идей и под его знаменами, пойдем через трупы врагов к победе!».

Речь напечатана в «Правде»
3 ноября 1925 г.,
№ 252 (3183).

ВОСЕМЬ ЛЕТ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ. *

От декабристов до Октября.

Ровно 100 лет тому назад на Сенатской площади в Петербурге небольшая кучка декабристов во главе нескольких полков солдат подняла вооруженное восстание против царской власти Николая I.

Восставшие были расстреляны, руководители восстания были частью повешены, частью отправлены на каторжные работы в Сибирь.

С тех пор, с момента декабрьского восстания 1825 г., [14]) не прекращалась борьба против русского царизма. Сначала это была борьба одиночек. Они поднимали руку против колосса самодержавия и гибли, как герои. Из года в год продолжались казни, ссылки в тюрьмы и в Сибирь. Лишь в конце XIX столетия эта борьба одиночек развернулась в борьбу масс. В конце XIX столетия грянула первая в царской империи массовая стачка рабочего класса, и тогда стало ясно, что родился могильщик самодержавия и капитализма, родилась та организованная сила, которой предстоит не только борьба, но и победа.

20 лет тому назад, в дни октября, ноября и декабря 1905 г., под руководством пролетариата разразилась первая всеобщая стачка, [15]) парализовавшая всю жизнь империи и впервые нанесшая русской монархии тот удар, от которого она уже не могла оправиться. Октябрьская стачка 1905 года, перерастание этой стачки в вооруженное восстание, принявшее особенно широкие размеры в Москве, на Красной Пресне, [16]) показали, что царскому самодержавию пришел смертный час и что на исторической арене появился такой боец, который объединит всех трудящихся и довершит дело низвержения царизма и капитализма. Уже тогда, в 1905 г., 20-летие которого мы празднуем, были выявлены пролетариатом основные формы его борьбы. Всеобщая

---

* Речь на торжественном заседании пленумов М. К. Р. К. П., Моссовета и М. Г. С. П. С. 6 ноября 1925 г.

стачка, которая перерастает из экономической в политическую, и вооруженное восстание, — вот то, что через 12 лет, в октябре 1917 г., привело его к победе.

Этот путь, — длительный, столетний путь рождения и развития революции, долгий путь, по которому двигалось революционное движение, раньше чем оно превратилось в массовое движение рабочего класса, собравшее под свое руководство крестьянские массы, — усеян бесчисленными жертвами. Русские трудящиеся массы добились победы в октябре 1917 г. в результате неисчислимых жертв. И столь же громадны были жертвы, которые пали для того, чтобы раз вырванную победу закрепить. Каждый из нас вспоминает десятки тысяч бойцов пролетарского и крестьянского дела, которые лежат сраженные пулями врагов, замученные в тюрьмах и на каторгах, лежат в сырой земле.

Мы их помним. Мы хотим жить по их заветам. Мы хотим бороться тем оружием, которое они нам завещали. Мы знаем, что вместе с ними ушел от нас и тот, кто вел нас к борьбе и победе, под знаменем которого только и может победить наша международная пролетарская революция, — наш великий учитель Владимир Ильич Ленин.

8 лет тому назад кипел бой на улицах Петрограда.

8 месяцев Февральской революции показали широким массам народа, что ни выхода из войны, ни земли, ни свободы, ни подлинного господства рабочего, трудящегося народа они не получат из рук тех, кто в феврале взял власть в свои руки.

В течение 8 месяцев широкие трудящиеся массы видели измену тех партий, которые, прикрываясь именем социализма, на самом деле делали дело империалистов и капиталистов. Стало ясно, что дело может решить только вооруженная борьба. Во главе ее стоял пролетариат. Вопрос заключался в том, будет ли пролетариат поддержан в новой революции широкими массами крестьянства как в селах, так и тех крестьян, которые в солдатских шинелях и с винтовкой в руках находились на фронте. Тактика нашей партии, направленная к тому, чтобы сплотить вокруг пролетариата эти широкие массы вооруженного крестьянства, оправдалась целиком, и удар, который был подготовлен к 25 октября по старому стилю (к 7 ноября — по новому), был нанесен метко и оказался победоносным.

Какие же задачи ставили перед собой октябрьские бойцы? Во имя чего поднял оружие трудящийся народ во главе с пролетариатом 8 лет тому назад?

Можно отметить, мне кажется, четыре главных задачи.

Первая — мы поставили перед собой задачу создать и укрепить тип пролетарского государства — советского государства, содержанием которого должна была стать диктатура пролетариата; вторая задача, вставшая перед нами, — наладить и напра-

вить в социалистическое русло хозяйство нашей страны; третья — поднять и вовлечь в общее социалистическое строительство громадные массы крестьянства, большинство населения нашей страны. Четвертая задача заключалась в том, чтобы это новое советское государство, опирающееся на социалистическое производство и крепкое союзом рабочих и крестьян, стало тем маяком для всего человечества, для международного пролетариата, который будет указывать ему путь к социализму. Создать государство во главе с рабочим классом, привлечь к участию в управлении громадное большинство населения — крестьян, поставить, наладить, организовать вместо капиталистического социалистическое производство и создать крепость, цитадель международной пролетарской революции, — вот что рисовалось перед теми, кто в октябрьские дни с оружием в руках по всем городам тогдашней России, на фронтах и в тылу сражался под знаменем Ленина.

Задачи, которые я назвал, неимоверно широки и велики.

Впервые в истории мира эти задачи были поставлены не как идеи той или иной кучки людей, а как широкие задачи миллионов.

Задачи были грандиозные, и препятствия к их осуществлению были неслыханно тяжелы и трудны. Прежде всего, для того, чтобы строить социализм, строить новое государство, осуществить диктатуру пролетариата, необходимо было вырвать страну из империалистической бойни. Красный флаг пролетарской революции взвился в стране разоренной и отсталой; организовать новое государство, новое производство, новую жизнь надо было в стране бедной, разоренной, нищей. И, наконец, мы были окружены со всех сторон врагами. Мы сознавали, что победа не может быть куплена одним ударом по врагу, сознавали, что перед нами этим ударом только открывалась длительная эпоха гражданской войны. Мы, коммунисты, вызвали рабочий класс и крестьянство на эту борьбу и не скрыли от них, что это совсем не легкое дело, что для того, чтобы осуществить эти задачи, придется пройти через много лишений, потребуются величайшее напряжение воли и масса жертв.

Но мы указывали тогда, что перед страной — два пути: либо путь буржуазной диктатуры, когда власть будет захвачена международным капиталом, и он, установив в России такое правительство, которое будет на самом деле агентом английской, американской и французской буржуазии, закабалит рабоче-крестьянский народ нашей страны, — либо путь диктатуры пролетариата.

Мы, затем, в тяжкой борьбе убедились, что это предсказание было правильно, что действительно, для того, чтобы отстоять свою власть, для того, чтобы заложить основу социализма, нам

пришлось вести борьбу с теми правительствами, которые господствовали над всем миром. Ведь нет такого буржуазного правительства, которое не попыталось бы вооруженным с ног до головы стать на нашу землю, нет такого правительства, которое после Октябрьской революции не попыталось бы задушить нашу власть рабочих и крестьян всеми способами, которые давали им в руки их богатство, их громадные армии, их техника, их вооружение.

Рабочий класс и крестьянство для того, чтобы закрепить Октябрьскую победу, должны были пройти через эпоху самой ожесточенной гражданской войны. И если мы пришли к победе, если оказалось, что отсталая, разоренная, нищая страна способна не только свергнуть власть царя и капитала, не только выдвинуть новую власть в виде диктатуры пролетариата, но оказалась способной и отстоять эту власть от капиталистических правительств всего мира, — то это потому, что рабоче-крестьянские массы Союза оказались способными на величайшие жертвы в деле осуществления объективных задач революции, а буржуазные правительства оказались дезорганизованными и обессиленными тем движением пролетариата, которое поднялось в тылу у наступавших на нас капиталистических наемников. Мы победили прежде всего потому, что авангард пролетариата нашего Союза, организованный коммунистической партией, оказался гениальным массовым организатором всех сил нашей страны, и, во-вторых, потому, что крестьянство оказало полное доверие и поддержку руководству пролетариата. Мы победили и потому, что Октябрьская революция вызвала взрыв горячей симпатии угнетенных масс всего мира, и эти массы оказались достаточно сильными для того, чтобы наложить свою руку на направляемые против нас военные предприятия наших врагов — капиталистов.

И сейчас, через 8 лет, оглядываясь назад, мы можем спросить себя: что же из тех великих задач, которые поставила перед собой Октябрьская революция, выполнено?

Основные достижения за восемь лет.

Наши достижения велики. 8 лет, которые прошли, можно разделить на два периода. Первые 4 года, до 1921 года — прямая, непосредственная вооруженная борьба за самое существование власти рабочих и крестьян, борьба с внутренней контр-революцией, борьба с внешней интервенцией. Борьба, в которой враги наши не останавливались ни перед чем. И второе четырехлетие — с 1921 года, когда, отбив контр-революционные попытки, заставив наших врагов отказаться от прямого вооруженного вмешательства в наше строительство, мы начали залечивать раны, нанесенные трудовому народу нашей страны предшествующей империалистической войной, блокадой и интервенцией.

8 лет в деле строительства социализма, в деле устройства нового общества, это — краткое мгновение. И все-таки за это историческое мгновение мы достигли величайших успехов.

Одной из важнейших задач было построить новый тип государства. Да, в нашем государстве много еще недостатков. Да, наш государственный аппарат во многом еще страдает. Но новый тип государства, общие рамки нового государства, в котором власть принадлежит рабочему классу, который опирается на союз рабочего класса и крестьянства, который создан для того, чтобы охранить трудящихся от насилия богачей, — этот тип государства создан, вошел в историю, послужит примером для всякой победоносной пролетарской революции, в какой бы стране она ни произошла. Этого вычеркнуть, вырубить — нельзя. Этого нельзя даже залить кровью, если бы этот факт — существование Советской власти в течение 8 лет — попытались залить кровью все капиталистические государства.

За всю известную нам историческую жизнь человечества государство было всегда и везде орудием, машиной угнетения большинства меньшинством. Впервые в истории пролетариат совместно с крестьянством нашей страны создал и пустил в ход машину, которая защищает интересы громадной массы трудящихся от всяких покушений капиталистического меньшинства. Впервые в истории государство ставит перед собой задачу — поднять самые широкие низы и приобщить их к делу управления. Впервые государство превращается в сознательное орудие поднятия всех угнетенных национальностей и приобщения их к свободной и культурной жизни.

Впервые государство говорит прямо, что оно есть боевая организация союза рабочих и крестьян для защиты их интересов и преобразования общества на новых социалистических началах. Советская власть создана самими рабочими массами в ходе борьбы, как боевой орган. Она найдена не в книгах, не в резолюциях, не в программах, — она найдена организаторским коллективным умом рабочего класса, и она представляет ту форму государства, которая является переходной формой к его уничтожению. Нам нужно государство, как боевая организация, и нам не нужно будет государство, когда мы перейдем к подлинному социалистическому обществу. И этот переход—от боевой организации рабочего класса против капиталистов к реальному торжеству социализма и коммунизма без государственной формы, — этот переход найден! Найден, повторяю, коллективным организаторским умом рабочего класса в виде Совета Депутатов.

Вторая положительная задача, которую ставила перед собой Октябрьская революция,—наладить и пустить в ход социалистическое производство. Эта задача ставилась впервые в мире. О социализме писали много с тех пор, как появился наемный

рабочий. С тех пор стали создаваться социалистические системы, стала подвергаться критике система капитализма. Но впервые нам удалось приступить к осуществлению социализма в действительности, хотя нам и предсказывали, что эта попытка не удастся, что социализм — утопия, сказка, мечта, иллюзия, то, о чем может мечтать человек угнетенный, но чего построить нельзя, что не будет держаться на ногах.

И вот теперь, всего только через 8 лет, а вернее, — всего через 4 года после перехода к реальному восстановлению народного хозяйства, мы можем сказать, что не теорией, не книгами, не речами и не резолюциями опровергли мы величайшую буржуазную ложь — о невозможности социалистического производства. Делом доказали мы, что это социалистическое производство возможно, что оно правильно, что оно выгодно с точки зрения интересов народных масс.

У нас, конечно, есть недостатки, и сейчас мы находимся в таком положении, когда в поднятии народного хозяйства мы еще только подходим к довоенному уровню. Но мы знаем, что мы стоим уже на ступенях той лестницы, которая совершенно правильно поднимается вверх при разворачивании наших производственных сил. Мы доказали вполне, что производство, социалистическое производство, в нашей стране возможно, мы доказали, что возможно создать хозяйство без того «священного» принципа, который тяготел над человечеством до сих пор: без принципа частной собственности.

Нам говорили, что если мы уничтожим этот «священный» принцип частной собственности, то мы погибнем в голоде и холоде. Мы доказали, что, разрушив этот старый принцип и водрузив на его место принцип новый, не дающий возможности за счет бедняка, за счет пролетариата наживаться кому бы то ни было,—мы получили положительные результаты. Мы добились развертывания нашего хозяйства.

Мы имеем теперь определенные факты развертывания этого хозяйства, и мы говорим не только перед судом буржуазии (с буржуазией мы не судимся, а боремся!), но перед лицом всего мирового пролетариата: «Смотрите, мы разрушили старый принцип угнетения масс, мы начали строить по-новому наше хозяйство, и мы за это время в нашем новом строительстве добились таких результатов, которые показывают, что весь мир может быть перестроен по этому новому принципу».

Третьей нашей задачей было: решительное привлечение к делу социалистического строительства, под руководством пролетариата, широкой массы населения — крестьянства. Эта задача чрезвычайно трудна в условиях раздробленности, в условиях распыленности крестьянского хозяйства. Вырвать эту массу из-под влияния капитала, завоевать ее как политически, так и эконо-

мически, завоевать доверие крестьянства к Советской власти,— без этого не могла бы наша революция двигаться вперед. Мы знаем, что и в этой труднейшей области — налаживании союза рабочих и крестьян мы добились громаднейших результатов. Мы знаем, что и здесь еще не все ладно, и здесь трудно было и трудно будет, мы знаем, что нам придется искать новых форм союза, мы знаем, что придется искать более гибких форм, но мы знаем также, что мы добились уже со стороны крестьянской массы этого доверия, и не только в деле военном (когда мы вместе с нею бились на фронтах), но и на фронте хозяйственном, что много труднее. Союз оказался крепким и в деле хозяйственного строительства.

И, наконец, четвертая задача: превратить это новое государство в маяк нового пролетарского мирового движения. Нам могут кинуть упрек в том, что тогда, вскоре после Октябрьской революции, мы представляли себе разрешение этой задачи — приход мировой революции — близким. Но те изменники социализму, которые делают нам этот упрек, не понимают того, какой величайший комплимент они нам говорят. Да, если мы надеялись, что мировая пролетарская революция вскоре после Октябрьской революции поддержит нас, то какой же крепкой оказалась Советская власть, если срок этот оказался не близким, а далеким. Они не понимают, что Советской власти было гораздо труднее удержать эту власть, когда мы оказались окруженными со всех сторон врагами, окруженными капиталистами,—и мы все же держались, мы все же держали знамя высоко, несмотря на все тягчайшие условия, несмотря на временную стабилизацию капитализма, несмотря на тягчайшие испытания, постигшие нашу страну. Мы все же оказались тем светлым маяком, к которому обращены взгляды всего мирового пролетариата, всех угнетенных.

Великие исторические силы подымаются.

Сейчас капитализм в Западной Европе переживает период временной стабилизации; гражданская война в острых вооруженных формах временно приостановилась. Но не имея возможности сегодня положить конец господству своей буржуазии, пролетариат знает, тем не менее, что завтра он пойдет по нашим стопам. Это все растущее и все поднимающееся значение Советской Республики, как революционизирующего фактора всей международной обстановки, не может быть сглажено ничем.

Если мы прибавим, что эти 8 лет были вместе с тем годами постепенного, все более расширяющегося, роста революционного и национально-освободительного движения на Востоке, если мы поймем, что Восток,—эти величайшие области, в которых живет

большинство всего человечества,—что они только теперь выступают на историческую арену, что то, что мы видим сейчас в Турции, Персии, Китае, есть только первые проблески того могучего движения большинства человечества, которое изо дня в день растет, и когда наши враги начинают понимать, что это новое движение новых народов вдохновляется, берет пример и черпает свою надежду в существовании Союза ССР, — тогда понятным становится, почему мы можем смело сказать: «Да, эту роль факела мировой революции, да, эту роль крепости, цитадели освобождения всех угнетенных народов, ради которых было поднято октябрьское знамя, эту роль мы выполнили».

Мы не знаем сроков, не знаем, в какой момент Восток освободится совершенно, до конца от империалистического засилья. Мы не знаем, как и в каких формах пойдет гражданская война в великих странах Востока, но каждый день приносит нам новые и новые подтверждения, что там начинают рушиться устои угнетения и капиталистического насилия, а мы знаем, что начавшаяся там борьба не сможет остановиться до тех пор, покуда не придет к полной победе над империализмом. И если в Китае, в Турции, в Персии и Индии миллионы и десятки миллионов пробужденных к жизни бывших рабов, если они окажутся способными к борьбе, если они смогут не терять духа при неизбежных поражениях, то это потому, что они знают, что за ними стоит, им сочувствует, считает их дело своим делом Советская власть стотридцатимиллионного государства, расположенного и в Европе и в Азии.

Великие исторические силы подымаются за нашей спиной. Революционно-освободительное движение на Востоке подтачивает устои империализма. Действие подземных сил капиталистического мира подготовляет могучий подъем революционной волны, которая, уничтожив капиталистическую систему, обеспечит окончательную победу социализма во всем мире.

Нам приходилось в эти годы совершать и отступления. Вы, которые в значительном своем количестве побывали на фронтах и империалистической и гражданской войны, знаете, что не бывает борьбы и не бывает побед без своевременных, умно проведенных отступлений. И в этой великой войне, которую мы с вами объявили капиталистам, нельзя представить себе, что мы могли бы провести ее, не маневрируя и никогда не отступая. Да, нам приходилось отступать, да, новая экономическая политика 1921 года была известным отступлением. Да, и сейчас нам приходится делать те или иные уступки. Но не ясно ли, что наши частичные отдельные отступления как-то замечательно совпадают с непрекращающимися нашими наступлениями на капитализм во имя социализма. Каждое новое веретено, каждая десятина вновь вспахан-

ной земли, каждая новая школа, каждая верста проведенной дороги есть наступление социализма на капиталистический мир, которое, несомненно, видят и наши враги. И при виде этого наступления у капиталистов рождается мысль о том, что если не пресечь в корне, немедленно, как можно скорее это наше мирное наступление, то, пожалуй, потом будет поздно.

Поэтому опасность войны, так называемой превентивной, т.-е. такой войны, когда противник нападает для того, чтобы не дать возможности другому усилиться, стоит перед нами ежеминутно. Расчет наших врагов правилен: если уже теперь мы для них твердый орех, то через несколько лет, когда укрепится наша промышленность, поднимется сельское хозяйство, вырастет и технически обучится Красная армия, и когда самый отсталый крестьянин в Европе будет знать, что здесь растет и развивается социалистическое государство рабочих и крестьян, тогда для них война будет уже не под силу, тогда они не смогут поднять на нас руку.

Вот почему в тактике капиталистических держав в отношении к нам мы видим постоянное метание: то приливы злобы, которые заставляют их предпринимать те или другие провокационные шаги, то попытки каким-нибудь образом гладко и ладно уладить наши отношения.

Мы должны быть хладнокровны и спокойны. Мы знаем опасности, которые угрожают со стороны наших врагов, мы знаем и уверены в том, что никаких возможностей для них сейчас, в данный момент напасть на нас нет, и поэтому мы даем себе завет: держа крепко в руках винтовку, использовать каждый день для укрепления нашей экономической силы. Красная армия гарантирует спокойствие труда рабочего и крестьянина. Мы имеем в настоящее время особенно длительную передышку, но враги должны знать, что если бы они попытались эту передышку прервать, то ведь мы за эти четыре года мира не разучились еще держать винтовку в руках, и те, которые сейчас направляют всю свою энергию на поднятие производительности труда на фабрике и на земле, смогут в нужный момент заменить свой мирный труд трудом фронтового бойца.

Наши достижения велики, несмотря на все наши нехватки. Мы ведем мирное наступление против международного капитала, и это мирное наступление будет продолжаться. Каждый новый день существования на границах между Европой и Азией великого Советского Союза, государства рабочих и крестьян, будет новой и новой угрозой для капиталистического мира. Действительно, не наступление ли это, не наступление ли на самые основы капитализма, когда мы доказываем, что 130 милл. народа могут жить, могут прокормиться, могут увеличивать свои богатства, уничтожив частную собственность? Разве это не вели-

чайшее мирное наступление на самую систему капитализма, когда мы доказываем, что, уничтожив кастовую армию, армию генералов и офицеров, мы не остались безоружными и бессильными, а создали на ее место Красную армию, армию рабочих и крестьян? Разве не наступление на самые основы капиталистического мира то, что, уничтожив буржуазную систему суда, уничтожив буржуазную систему науки, мы показали, что на новых, на социалистических началах мы можем дать гораздо больше справедливости и гораздо больше культуры, чем какая бы то ни была другая система управления?

Трудности роста.

Однако величие задач, которые перед нами стояли, громадность успехов, которых мы достигли, полная наша уверенность, что наше дело будет доведено до конца, не должны закрывать перед нами те трудности, те опасности, которые стоят на нашем пути. Никто из нас не скажет, что 8 лет победы гарантируют нас от каких бы то ни было опасностей и трудностей!

Мы, большевики, всегда воспитывали рабочих и крестьян на правде. И это естественно, ибо сила нашей партии, сила Советской власти — в коллективной воле и в коллективном разуме самих трудящихся, а чтобы эта воля была напряжена и чтобы этот разум знал ту дорогу, которая перед нами стоит, он должен видеть те трудности, те ухабы, которые могут оказаться перед нами. Но одно мы можем уже сейчас сказать. Если 8 лет наши трудности были трудностями всяческого рода нехваток, трудностями бедности, нищеты, разоренности, то те трудности, которые мы можем встретить и, вероятно, встретим впереди, будут трудностями роста, будут вытекать из того, что мы быстро и неуклонно растем.

Рабочий класс и крестьянство показали за эти 8 лет, и особенно за первые 5—6 лет, как великолепно умеют они с помощью своего геройства, сплоченности, дисциплины справляться с нехватками. Мы теперь должны научиться справляться с этими «болезнями» роста, которые возникают в стране. Жизнь наша все время будет усложняться, потребности народных масс будут расти, не всегда сможем мы во-время эти потребности удовлетворять. И при всякой заминке, при всякой невязке нам будут говорить: «Вот опять доказательство того, что рабочий класс и крестьянство не умеют строить своего хозяйства!». Мы не придем в панику от этого, мы заранее скажем: «Да, невязки будут, да, затруднения, несомненно, случатся, но все эти затруднения, все эти невязки не будут признаками какого-либо краха или кризиса в деле нашего строительства, а будут только дока-

зательством того, что мы недостаточно быстро учимся тому великому делу, на которое мы поставлены».

Это великое дело — организовать социализм в стране со 130-миллионным населением, в стране отсталой и бедной. Для того, чтобы это делать, надо уметь переходить от лобовой атаки к маневрам. Надо вести не только работу прямую и видную, надо вести работу невидную, подземную. Вот это умение всего рабочего класса и крестьянства не впадать в панику при тех или других затруднениях, а, наоборот, усложнять, делать свою тактику все более и более гибкой, уметь изучать действительность, применяться к ней,— этого от нас потребуется больше, чем когда бы то ни было.

Несмотря на все эти затруднения, мы можем уже сейчас сказать, что в новой сложной обстановке мы уже имеем такой рост и преобладание социалистических элементов нашего хозяйства над элементами частно-капиталистическими, мелкобуржуазными, который гарантирует нам победу социализма. Нас часто спрашивали (и это было одним из самых основных возражений изменников социализма, называвших себя, однако, социалистами): как же вы хотите построить социализм в стране, в которой большинство населения принадлежит к крестьянству, и в которой крестьянство ведет свое частное раздробленное хозяйство, производит на рынок? Ведь тут, говорят они, и социализмом-то не пахнет.

Но вот теперь мы имеем некоторые итоги. Мы знаем, что сравнительная сила государственных элементов в нашем хозяйстве и сравнительная сила раздробленных частных средств в нашей стране распределяется так, что уж сейчас в руках пролетарского государства находятся огосударствленные, социализированные средства, оцениваемые в $11^1/_2$ миллиардов; негосударственные же, распыленные средства, которыми распоряжаются отдельные люди по своему, а не по общегосударственному плану, представляют собою только $7^1/_2$ миллиардов.

Вот каково соотношение элементов социализма и элементов частно-хозяйственных. Значит ли это, что мы должны на этом успокоиться? Нет, эти затруднения, эти невязки, которые нам еще встретятся, происходят именно оттого, что в нашей стране есть оба эти элемента, и что если в руках всего государства в виде заводов, фабрик, шахт, машин, железных дорог находятся средства на $11^1/_2$ миллиардов, то в руках распыленных хозяйств их $7^1/_2$ миллиардов, и эти хозяйства есть хозяйства крестьянские. Вот из этой невязки могут проистекать те затруднения, которые мы должны суметь преодолевать и победить. Преодоление это и составит содержание новой эпохи Советской власти, новой эпохи диктатуры пролетариата.

Союз рабочих и крестьян — гарантия победы.

Основная задача, которая перед нами стоит и разрешение которой потребует многих лет, будет заключаться именно в том, чтобы эти многомиллионные массы крестьянства вовлечь, включить в наше общегосударственное, социалистическое хозяйство.

И Ленин указал нам тот путь, при помощи которого социализм будет господствовать не только в городах, на фабриках, на заводах, но он будет господствовать и в деревнях и в крестьянском хозяйстве. Где этот путь? Два пути указал нам Ленин (и нет никаких других путей). Эти пути неразрывно связаны между собой. Один путь — электрификация, другой путь — кооперация.

Что значит, когда Ленин говорил: «Социализм есть Советская власть плюс электрификация»? Это значит, что социализм действительно будет до конца осуществлен в нашей стране тогда, когда Советская власть сможет перестроить, поднять всю страну, создать такую мощную крупную промышленность, которая даст крестьянину в необходимом ему количестве дешевую, хорошую продукцию.

Если сейчас крестьянство на восьмом году рабоче-крестьянской власти может высказать по поводу хозяйства пролетариев то или другое недовольство, то оно исходит прежде всего именно из этого,— недостаточно наше хозяйство дает еще деревне продуктов, дает их еще дорого и дает их еще плохого качества.

И мы должны сказать: да, товарищи крестьяне, еще не управились мы вполне за 8 лет (из которых 4 были годами войны), не успели пролетарии отстроить все разрушенные заводы, построить новые, наладить все станки и привезти из-за границы новые, чтобы подать вам во-время и дешево необходимые вам продукты. Но мы должны сказать вам, что в этом году мы пустим уже все заводы, которые только были у старой России, а со следующего года мы начнем строить новые заводы, при чем заводы не такие, как строили капиталисты,— для выработки пушек, снарядов и т. д.,— нет, мы будем строить заводы для выработки тех продуктов, которые необходимы крестьянам,— заводы для производства сельскохозяйственных машин, заводы для выработки всех тех потребительских продуктов, которых больше всего не хватает сейчас крестьянству.

Правы товарищи крестьяне, когда говорят, что мы не все еще сделали. Ну, а разве мы, представители власти, говорили вам когда-либо, что мы сразу и полностью все можем сделать? Ведь мы можем дать только то, на что дают нам средства сами широкие народные массы. Для того, чтобы дать все те про-

дукты, которые нужны крестьянам, нам пришлось бы развернуть такое количество фабрик, запастись таким количеством сырья, нанять такое количество рабочих, для которого нам понадобилось бы слишком много средств,— а откуда их взять? И наше советское крестьянство бедно, и наши рабочие еще не достаточно удовлетворены своей зарплатой, а за границей у нас, кроме бедняка-крестьянина и бедняка-пролетария, доброжелателей нет. Мы должны поэтому, идя вперед, рассчитывать свои шаги: там, где мы хотели бы пустить в ход 10 заводов, мы иногда принуждены пустить два завода. Там, где мы хотели бы открыть новый завод, чтобы удешевить продукцию, чтобы дать крестьянам сельскохозяйственные машины, мы вынуждены это откладывать на следующий год, потому что нет для этого достаточных средств.

Вот почему я и говорю: заминки, невязки возможны и будут, но мы их будем преодолевать, и главный способ для этого преодолевания — сохранение нерушимости союза пролетариата с основными массами крестьянства. И этот союз еще больше укрепится с развитием кооперации, которая, как указывал Ленин, есть та дорога, через которую пойдет осуществление социализма в нашей стране. Организовывая разрозненные крестьянские хозяйства в кооперацию, мы приобщим крестьянские массы к социалистическому строительству. Преобразование земледелия на высокой технической базе, создание вместо разрозненных единичных хозяйств обобществленного сельского хозяйства на социалистических началах,— вот та конечная цель, которую мы должны осуществлять через кооперацию.

Но я должен прямо сказать: если мы 8 лет побеждали, то мы побеждали потому, что в этом союзе руководящая роль принадлежала пролетариату. И если мы хотим побеждать дальше, мы должны понять — должны это понять и крестьяне,— что наш союз победит лишь в случае, если пролетариат, рабочий класс, удержит в этом союзе руководящую роль.

В чем сила крестьянства? В том, что его много, большинство. В чем его слабость, слабость, которая позволяла царю сидеть на крестьянской шее десятилетия и десятилетия, та слабость, которая позволяла Деникину и Колчаку на Урале и в Сибири полностью усесться на крестьянской шее? В его неорганизованности, распыленности, вытекающей из условий мелкого товарного производства. Когда был свергнут царь? Тогда, когда массовые силы крестьянства были возглавлены и организованы городским, вышколенным в городской классовой борьбе, пролетарием. Когда полетели с крестьянской шеи Де-

*

никин и Колчак? Когда во главе массовых протестов крестьянства, протестов неорганизованных, стихийных, стала организованная дисциплинированная сила городских пролетариев.

В торжественный день восьмилетия Октябрьской революции, которая была осуществлена союзом рабочих и крестьян, таким союзом, в котором рабочие взяли на себя руководство общей борьбой,— в этот день я хотел бы сказать откровенно всем крестьянам, и особенно тем, которые присутствуют здесь: да, товарищи, руководство пролетариата нашим общим делом есть подлинная гарантия того, что мы победим. Для того, чтобы массовые силы крестьянства были организованно направлены на правильный путь и привели скорейшим образом к окончательной победе,— рабочий класс должен явиться организатором этого союза. Не потому, что у рабочего класса особенные мозги, не потому, что рабочий класс «миром помазан», а потому, что рабочий класс в своей ежедневной будничной работе учится организации и дисциплине, учится солидарности, потому что это — единственный класс, в котором эти основные начала — солидарность, дисциплина, организованность — больше всего воплощены.

Вся история и первой и второй революции свидетельствует о том, что руководство пролетариата в союзе рабочих и крестьян есть гарантия нашего успеха. Величайшая мысль Ленина заключалась именно в правильной постановке и в правильном решении этого вопроса о союзе рабочих и крестьян под руководством пролетариата. Мы знаем, когда в 1905 году крестьянство опоздало поддержать рабочий класс, рабочий класс был разбит на-голову, и революция была отсрочена на 12 лет.

Наша партия крепнет.

Мы знаем, что в тот момент, когда крестьянство колебалось между нами и партиями буржуазии и буржуазных наемников, в роде эс-эров и меньшевиков, этим временем воспользовались для интервенции империалисты. Мы победили всех своих врагов тогда, когда авангард революции — фабрично-заводский пролетариат нашел себе поддержку в крестьянских массах и сумел их возглавить. Вот этот величайший урок всей революции должны мы вспомнить в этот момент и в дальнейших боях. Союз рабочих и крестьян под руководством пролетариата есть гарантия нашей победы. Это руководство пролетариата широкими массами трудящихся воплощается в руководстве нашей партии. Мы ответственны, как партия, за Октябрьский переворот, мы ответственны за поражение, если бы оно было понесено, и мы несем на себе и тяжесть побед, когда они есть.

Наша партия — партия пролетариев-коммунистов — есть союз людей, которые решили до конца и во что бы то ни стало, без всяких колебаний бороться за коммунизм в мировом масштабе. Мы рассматриваем себя только как отряд международной армии пролетариев. Для того, чтобы вступить в нашу партию, надо до конца проникнуться нашими идеями, надо до конца разделить нашу программу и нашу тактику, надо вместе с тем наложить на себя обязательство жесткой дисциплины, и мы должны прямо сказать: если бы накануне революции, в момент революции, во все трудные моменты революции партия коммунистов не оказывалась на сторожевом посту,— революция не победила бы.

Поэтому жизнь нашей партии, сила ее, не может быть безразлична для каждого беспартийного рабочего или крестьянина. И теперь, к концу 8-го года, мы можем сказать, что наша партия пользуется доверием среди самых широких рабочих и крестьянских масс. Нас было 200 000 коммунистов, когда накануне Октябрьских дней Ленин писал свою знаменитую брошюру «Удержат ли большевики власть?». Нас теперь около миллиона. Мы слуги народа, и поэтому мы хотим быть той партией, которая победит в будущих боях. Мы знаем дорогу, по которой пойдет страна, и поэтому организуем вокруг себя самые широкие массы.

Как во всех делах, о которых я говорил раньше, и в работе нашей партии есть свои недостатки. Мы, коммунисты, плоть от плоти, кровь от крови рабочего народа, и если в рабочем и крестьянском народе есть нехватки, то они и в нашей партии есть. Но несмотря на все нехватки, несмотря на необходимость их излечивать, мы ставим перед собой задачу, чтобы каждый трудящийся человек видел в коммунисте и в коммунистической организации подлинного выразителя своих интересов. Случается, что коммунистической организации приходится говорить то, что как будто противоречит сегодняшним интересам того или другого рабочего, того или другого цеха, того или другого крестьянина. Бывает так. И в этот момент мы должны, как коммунисты, иметь смелость сказать: «Да, ты, товарищ, думаешь, что мы неправы, тебе кажется, что твои интересы задавлены, но во имя общих интересов всего рабочего класса в целом, во имя пролетарской революции в целом мы должны в данный момент интересы того или другого принести в жертву общим интересам».

Наши задачи во всем этом великом движении — отстаивать общие интересы, отстаивать великое дело пролетарской революции. Наша партия делает все для того, чтобы стать действительно доверенным лицом трудящихся, и мы можем констатировать громадные успехи, достигнутые в этом отношении. Партия наша становится все более и более массовой, она действительно становится органом выражения интересов рабочих

и крестьянских масс. Мы строим нашу организацию так, чтобы охватить все более широкие круги масс рабочих и крестьян, рабоче-крестьянской молодежи, мы ведем специальную работу среди женщин, которые дольше всего условиями своей жизни были отодвинуты от общих государственных и хозяйственных вопросов, от политики. Партия стремится подготовить трудящихся к тому, чтобы на смену борцам старым пришло новое поколение пролетарской и крестьянской молодежи, которая наше знамя не опустит, а поднимет выше и выше—и пойдет по указанной нами дороге.

Трудящиеся учатся управлять государством.

Все указанные мною задачи и все те решения и вся та борьба, которую мы провели за 8 лет, направлены к тому, чтобы создать новое государство, новое социалистическое общество.

У нас много старого хлама и в отношении между людьми, и в нашем государстве, и в нашем хозяйстве, старого хламья, оставшегося нам в наследство от веков угнетения, от старого строя. Очищение от этого хлама идет, но не так быстро, как это было бы желательно. Нам, кроме всех этих завоеваний, всех тех задач, которые я указывал, необходимо еще одно,—и на это тоже указывал Владимир Ильич: нам необходима культурная революция, революция, которая охватила бы сознание и быт всех широких масс трудящегося народа.

Это не есть книжная революция. Культурная революция не значит только, что надо ликвидировать неграмотность (это, конечно, тоже надо, но наша задача в культурной революции шире). Она должна заключаться в том, чтобы миллионы народа были в состоянии решать сами свои дела, разбираться в сложных вопросах государственного хозяйства, решать и ставить вопросы мирового масштаба. Величайшая заслуга Октября заключается в том, что революция подняла самые низы, что она поставила ставку на низового человека и сказала ему: «Ты хозяин, ты должен учиться управлять государством, ты должен сам построить жизнь так, чтобы она подошла к социализму. Никто за тебя этого сделать не сможет».

И вся система государства, вся работа партии, направленная к оживлению советов, оживлению профсоюзов, громаднейшая сеть раскинутых по всей территории селькоров, вся система сети, покрывающая нашу страну, ведущая к самоуправлению, должна создать советскую демократию, такую, о которой говорил Ильич: чтобы всякая кухарка смогла научиться управлять государством.

Уже теперь, когда мы стали чуть-чуть лучше жить, мы уже выполняем эту задачу, и через тысячи ячеек, профсоюзных,

советских, кооперативных организаций, где рабочие и крестьяне сходятся для выявления своих нужд, где они выбирают людей в органы управления, через эти тысячи ячеек, через эти каналы самый отсталый человек может подняться снизу вверх, и всякий может и должен стать строителем своей жизни, хозяином пролетарского государства.

8 лет прошло с момента нашей революции. Мы можем сказать, что задача, поставленная нами в Октябре, выполнена и выполняется, что советское государство мы создали и будем дальше укреплять, что союз рабочих и крестьян поставлен на правильные рельсы, и в этом направлении будет и дальше укрепляться и продолжать работу, что роль маяка как для народов Востока, так и для пролетарской революции Запада наш СССР будет выполнять и дальше. Мы в этом уверены. И с этой уверенностью мы можем твердым шагом итти вперед, несмотря на все наши потери и неудачи, которые у нас были в прошлом и которые могут постигнуть нас в будущем.

Издана отдельной брошюрой
под тем же названием в издании
ГИЗ'а в конце 1925 г.

ОТЧЕТ ЦК РКП. *

«Стабилизация» и наше внешнее положение.

Товарищи! через три недели предстоит партийный съезд. Этот съезд должен будет спросить у Центрального Комитета партии, что сделано им для укрепления первого пролетарского государства, как в области внешней, так и в области внутренней политики.

Съезд спросит также Центральный Комитет, что сделано им со времени последнего Съезда для укрепления и развития социалистического хозяйства и социалистической культуры в нашей стране.

Съезд спросит также, в какой мере обеспечил Центральный Комитет дальнейшую работу социалистического хозяйства в Союзе.

Эти же вопросы стоят, конечно, и перед всеми членами партии и перед вашей конференцией, и мой доклад будет посвящен именно этому вопросу, — ответу на этот вопрос — выполнены ли Центральным Комитетом партии все поручения, которые были даны предшествующим Съездом и которые возложены на него волею партии.

Заранее скажу вам, что я думаю, что Центральный Комитет сможет явиться и перед всей партией и перед всем Съездом с сознанием выполненного долга и выполненных обязанностей и на все вопросы, которые здесь поставлены, Центральный Комитет сможет ответить утвердительно.

Да, мы, несомненно, за последний год укрепили и положение Союза вовне и укрепили социалистическое хозяйство внутри. Несмотря на ряд трудностей, которые партии приходится преодолевать, мы, несомненно, обеспечили своей политикой и дальнейшее развитие социалистических начал в нашей стране.

---

* Доклад на партконференции Баумановского района 22 ноября 1925 года.

Прежде всего в области нашего внешнего положения. Последний год был в области внешней политики довольно сложным и противоречивым. С одной стороны, весь год был заполнен попытками капиталистических стран договориться между собой и образовать единый фронт. На этот год приходятся два таких значительных для капиталистических государств факта, как план Дауэса и затем Локарнское соглашение. План Дауэса имел целью экономическую стабилизацию Европы; Локарнское соглашение имеет задачей политическую консолидацию, или политическое объединение крупнейших стран Европы. Это — с одной стороны.

С другой стороны, рядом с этим процессом сплочения и как будто бы внешнего укрепления капиталистических держав, шел непрерывный процесс революционизирования широких масс в самой Европе, в капиталистических странах, и еще более резкий процесс революционизирования колониальных и полуколониальных стран. И вот между этими двумя процессами и пришлось нам вести партию и нашу страну.

Какая при этом у нас была цель? Какую задачу ставили мы перед собой? Вы знаете, что эта задача была формулирована еще Владимиром Ильичем и она остается в полной силе для нас и теперь. Эта задача состоит в том, чтобы выиграть время для хозяйственно-политического укрепления нашей страны. Каждый день, выигранный нами в борьбе разных сил и разных групп буржуазии, несомненно, прибавляет наши силы и увеличивает наши шансы на то, что когда придет день неизбежного столкновения, мы окажемся достаточно сильными. И вот эта политика выигрыша времени нами сознательно проводилась и проведена, мне кажется, с успехом.

Что касается международной обстановки, то она была охарактеризована партией как временная и частичная стабилизация капитализма. И это действительно так. Мы имеем налицо некоторую — временную и частичную — стабилизацию в капиталистических государствах. Эта стабилизация не может быть упущена нами из виду; мы вели бы неправильную политику, если бы не отдавали себе отчета, что сейчас, на седьмом году после Версальского мира, благодаря помощи Америки, капитализм чувствует себя временно несколько крепче, чем он чувствовал себя в 1920 году.

Благодаря этой помощи Америки — накопившей за время войны громадные запасы золота — европейским капиталистическим державам удалось кое-как на время справиться с непосредственными результатами империалистической бойни и немного стать на ноги. Повторяю, мы были бы глупы, если бы закрывали на это глаза и с этими фактами не считались.

Но вместе с тем, — это видят даже и слепые, эта стабилизация только прикрывает факты продолжающейся внутренней борьбы капиталистических держав.

Соглашение в Локарно, которое будто бы должно было гарантировать внутриевропейский мир, на самом деле является сделкой между капиталистическими державами, углубляющей противоречия между ними. Сделка направлена прежде всего против нашего Союза; направлена затем против всякого революционного движения в Европе и проведена под руководством Англии, которая в Локарно взяла верх над Францией. Вот смысл этого Локарно, которое, с одной стороны, носит характер как будто бы умиротворения Европы, а с другой стороны есть результат прямой внутренней борьбы и таит в себе опасность целого ряда будущих столкновений.

То революционное движение, которое как будто бы должно было при стабилизации капитализма угаснуть, — взрывается все новыми и новыми языками пламени в новых и новых странах. Так называемая стабилизация капитализма прекрасно уживается с такими фактами, как целый ряд колониальных войн, в Марокко, в Сирии, с одной стороны, и, с другой стороны, с таким фактом революционного движения и его усиления, которое мы видим сейчас в Китае.

Таким образом, если брать слова в полном их значении, ни о какой действительной стабилизации капитализма в смысле твердого устроения капиталистического мира говорить, конечно, нельзя. Продолжается в новых формах борьба различных сил: борьба государств капиталистических между собой, борьба всех капиталистических государств вместе взятых с революционными элементами Востока. Продолжается их подготовка к борьбе с нами. и все это вместе называется «стабилизацией капитализма». Повторяю, что при этом наша задача заключается в том, чтобы не оказаться в данный момент в дураках, чтобы добиться продления передышки, чтобы вместе с тем обеспечить себе революционный тыл.

Что же касается оттяжки неминуемого столкновения, то мы, несомненно, уже имеем выигранное время. Что же касается несомненности этого столкновения, то мы должны отдать себе совершенно ясный отчет в том, что капиталистические державы, заключающие те или другие соглашения между собой, первым делом смотрят именно на наш Союз. Они, как вы знаете, надеются на то, что нам не удастся процесс восстановления.

Затем они надеются на то, что мы не справимся с нашими экономическими задачами и сами разложимся под влиянием этих возможностей для нас восстановить промышленность. Эта надежда питала их достаточно долгое время, и, несомненно, они надеялись, что мы сами погибнем от холода и голода и неумения справиться с хозяйством. Они временно откладывали вопрос о военном нажиме на нас.

Теперь они видят, что с хозяйством мы справились, что оно с каждым годом становится лучше, и наши силы крепнут, и, если

им не удастся поставить нам палки в колеса, то мы через несколько лет окажемся если не самой богатой, то одной из самых богатых, и во всяком случае сплоченной, самой энергичной и самой сознательной страной во всем мире.

Эта перспектива не может не пугать такие государства, вся власть которых основана именно на подавлении колониальных народов. Вы знаете, что одним из главных наших врагов является правительство английских консерваторов, и, весьма понятно, почему именно правительство английских консерваторов является главным руководителем всех враждебных действий, направленных против нас. Это объясняется тем, что сила английского капитализма и империализма, представителями которых являются Черчилли, Болдуины и все прочие господа, сидящие сейчас в правительстве, все их могущество основано на систематическом подавлении и систематическом ограблении колониальных стран, и они понимают, что наша помощь, наша сила, наш рост отражаются на взаимоотношениях между Англией и ее колониями.

Надо быть совершенно уже ничего не понимающими в политике младенцами, чтобы не понять того, что английские консерваторы,—а они люди, хорошо вышколенные столетиями и овладевшие государственным управлением капиталистических стран,—сами понимают, что не только улучшением своего положения, а самим фактом своего существования, могущественнейший Союз Социалистических Республик поднимает народы Востока на борьбу с капитализмом, служит им примером, указывает им дорогу.

Именно поэтому английский империализм не может не быть нашим заклятым врагом и не может не противодействовать всяческому усилению нашего могущества. Если вы примете во внимание, что английское правительство на Европейском континенте располагает целым рядом второстепенных держав, которые могут существовать, только опираясь на деньги и руководство Англии, если вы затем сообразите, — а это не трудно видеть,— что все наши успехи поднимают не только колониальные народы а служат наглядной демонстрацией для европейских и американских рабочих, то нетрудно будет видеть, что идея превентивной войны, т.-е. такой войны, которая помешала бы нам в дальнейшем развитии, которая вызвана была бы одним соображением: задушить СССР, раньше чем он встанет окончательно на ноги и соберется с силами, является реальной угрозой.

Коалиция всех буржуазных государств эту идею превентивной войны, несомненно, прикрытую, запрятанную в глубине дипломатических канцелярий, разрабатывает. Мы это можем видеть, как бы от нас ее ни прятали, как бы они ни прикрывали ее смысл.

Если мы хотим видеть все трудности, которые перед нами будут стоять, — а мы должны их знать, для того, чтобы нас не

застали врасплох, — мы должны посмотреть, почему именно эта идея прикрывается прекрасными словами. Вы не должны считать наших врагов дураками, они очень умные люди при защите своих интересов, поэтому они видят, что каждый пропущенный месяц и год для них — смерти подобен.

Почему они не пытаются устроить выступление раньше? Во-первых, потому что они между собой сговориться не могут. Локарно, это — первая попытка такого сговора, которая открыла для английского и французского империализма дорогу к границам СССР через Германию. Но так как Германия, недавно ими разбитая, чувствует себя порабощенной, ограбленной страной, это чувствуют не только широкие трудящиеся массы, но и буржуазия, — то предварительный сговор Англии и Франции с Германией для общего нападения представляет довольно большие затруднения, и мы не можем считать его окончательно законченным. Локарно, это — первый шаг к тому, чтобы обеспечить Франции и Англии через Лигу Наций возможность для нападения на нас через Германию. Это является первым фактом того наступления, которое, несомненно, против нас предполагается.

Но что, конечно, гораздо более важно, это то, что рабочие массы зорко следят за поведением капиталистических правительств своих стран, которые не без основания боятся, что попытка враждебного нашему Союзу действия вызовет протест со стороны пролетариата. Вот этот рост революционного движения и является для нас гарантией в том, что та превентивная война, о которой я говорил и идея которой, несомненно, существует в капиталистических державах, оттягивалась, а может-быть, при определенном росте рабочего движения в Европе и росте пролетарского сознания и не получит осуществления, несмотря на страстное желание Черчиллей, Пуанкаре, Мильеранов и т. д.

Между тем эти революционные движения в самой Европе развиваются грандиозно. Мы замечаем во многих местах, несмотря на отсутствие внешних эффектных форм, борьбу на улицах, захват власти и т. д. Я не буду приводить старых фактов, уверенный в том, что вы с ними знакомы, достаточно будет привести хотя бы последние факты. Вот выборы в Чехо-Словакии, которые дали коммунистической партии больше миллиона голосов, доказали, что она является первой партией по численности во всей стране, сделали ее самой крупной партией в Чехословацком парламенте и поставили перед тамошними социал-демократами и буржуазными партиями вопрос так, что они не могут образовать буржуазного правительства без участия коммунистов. Сегодня в газетах мы все могли с удивлением прочесть о том, что целый ряд газет, представляющих буржуазные и так называемые меньшевистские партии, предлагают коммунистам войти в правительство. (Смех).

В то же время мы видим непрерывный рост голосов, подаваемых за коммунистов в Германии, видим новые большие победы коммунистов в Бельгии, видим действительно сильную, фактически обнимающую и ведущую за собой рабочий класс компартию во Франции; мы видим рост компартии, находящейся под Муссолиновским фашизмом,[17]) замечаем чрезвычайный сдвиг на пути английского профессионального рабочего движения.

ЦК полагает, что мы должны объединяться, привлекать к себе рабочий класс всеми способами, которые у нас существуют, прямой пропагандой, прямой организацией коммунистических партий всюду, кроме того выработать гибкий подход к рабочим, которые еще не готовы прямо вступить в Коммунистическую партию,— на этом и была нами основана тактика единого фронта. Вы знаете, что эта последняя тактика единого фронта представляет собой завоевание не-коммунистических рабочих на сторону наших идей. Эта тактика единого фронта дала громадные результаты именно в английском рабочем движении, где при небольшой коммунистической партии (в Англии компартия сейчас насчитывает 4—5 тысяч товарищей) мы получили громадное влияние на весь массив английского профессионального движения, объединяющий 6—7 миллионов рабочих. Вы знаете, как встречали там нашу делегацию. Вы знаете, что английское профдвижение пошло на создание Англо-Советского Международного Рабочего Комитета, имеющего своей задачей совместно действовать против войны, а следовательно и совместно действовать против основ капиталистического мира вообще. Вы знаете, что этот Комитет отнюдь не остался только благим пожеланием и бумажкой, он реально действует, выступает и руководит.

Этот сдвиг английского рабочего движения в нашу сторону, контакт, связь, которая установлена между английским профдвижением и нашим ВЦСПС, является блистательным завоеванием тактики единого фронта, дополняющим ту прямую работу организации коммунистических партий, которая происходит сейчас почти во всех странах.

Мы имеем нарастающее движение рабочего класса, идущего к нам на помощь. Если мы соберем все это вместе, то получим обстановку, при которой господам Черчиллям и Мильеранам, как бы им ни хотелось бороться против нас и задушить нас до того момента, пока мы окончательно не окрепли, они этого не сделают и, пожалуй, сил для того, чтобы это сделать, иметь не будут.

Вот та внешняя обстановка, которая разворачивалась в течение этого года и которая нами была использована в том смысле, чтобы оттянуть время каких бы то ни было столкновений, выиграть время для нашего укрепления, в то же время усиливая нашу связь как на Востоке с непосредственным революционным освободительным движением колониальных народов, так

и наши стремления к единству рабочего класса в Европе и в Америке в борьбе с капитализмом.

Мы, конечно, не можем сказать заранее, как нам удастся эту тактику проводить в дальнейшем, так как мы находимся в борьбе с другими силами, которые так же, как и мы, определяют ход событий. Но я думаю, что мы в ходе 8-летней борьбы кое-чему научились и можем предсказывать международную погоду. Исходя из вышеизложенного, мы можем все-таки сказать, что вероятно и в ближайшее время господа капиталисты не получат возможности выполнить свои намерения, и прервать нашу работу по строительству социализма каким бы то ни было нападением им не удастся.

Если это будет так, то их дело все время будет ухудшаться, а наше положение улучшаться. Революционное движение Востока они оттянуть никакими силами не смогут, ибо это есть историческое движение, за которым стоят сотни миллионов народа, рвущихся из капиталистических цепей. Правда, здесь могут быть временные поражения, они могут посылать броненосцы, которые временно расшибут повстанческое движение, но окончательно остановить движение миллионов им не удастся.

С другой стороны, будет развиваться и пролетарское движение в Европе. Таким образом, у нас есть основания полагать, что на ближайший, по крайней мере, срок мы еще будем иметь передышку, оттяжку для нашего строительства.

Об успехах и трудностях социалистического строительства.

Теперь я обращаюсь к вопросу о том, как мы воспользовались этой международной обстановкой для укрепления наших социалистических позиций. На этот вопрос ЦК может ответить несомненно положительно. Я не буду повторять, что мне неоднократно приходилось говорить в своих докладах, которые, вероятно, тт. известны, — цифры, говорящие о нашем росте, я думаю, что они вполне уже выяснены, скажу только кратко, что после проверки всех цифр, которые говорят о нашем росте, мы можем остаться при убеждении, что этот год будет годом, в котором мы в области промышленности подойдем почти к довоенному уровню, в этом году, мы вероятно, будем иметь не меньше 90% довоенного уровня продукции.

Если взять отдельные отрасли нашего хозяйства, как, например, металл, мы увеличили эту отрасль в два раза сравнительно с прошлым годом, Донбасс в прошлом году дал 600 мил. пудов угля, в этом году 900 мил. пудов. Все эти цифры говорят о громадном движении вперед. Положение наступающего года дает нам основание предполагать, что этот быстрый темп разво-

рачивания промышленности будет продолжаться и, таким образом, мы сумеем через некоторое время достичь довоенного уровня.

В связи с этим произойдет увеличение количества рабочих и их зарплаты. За последний хозяйственный год и за полугодие нового года мы имеем увеличение количества промышленных фабрично-заводских рабочих на 1 миллион человек, таким образом самый уровень промышленности, концентрация и консолидация пролетариата происходит у нас за последние годы довольно сильно. А ведь это и есть основа диктатуры пролетариата, это и есть та социалистическая крепость, без укрепления которой движение вперед, к социализму было бы невозможно.

Вы знаете, что политика разворачивания промышленности этим темпом, на который я указывал, не явилась результатом стихии. Этот темп явился результатом сознательной политики партии.

Ставка на развитие промышленности, при чем разворачивание промышленности, по указанию партии, шло по определенному пути, сопровождалось совершенно определенной политикой цен и главное — политикой сочетания развития промышленности с вопросами нашей крестьянской политики.

Вы помните, что два года тому назад, когда намечались основы этой политики, в известной дискуссии перед нами имелись два плана строительства социализма и что громадная часть партии стала на один из этих путей. Этот путь характеризовался определенным пониманием союза рабочих и крестьян и указанием на то, что развитие нашей социалистической промышленности должно базироваться, опираться на постоянно поддерживаемый союз с крестьянством, а не отрываться от него; что, исходя из этого, мы проводили определенную политику снижения цен и что только на основе этих предпосылок нашей политики мы действительно добились тех результатов, которые мы здесь можем показать.

Эти результаты убедительны не только для нас. Для нас они убедительны потому, что каждый рабочий и крестьянин в городе и деревне ощущает совершенно реально громадное улучшение, громадное развитие, повышение уровня жизни, которое имеется налицо.

Для нас вопрос заключается не только в том, действительно ли за это время и рабочие и крестьяне почувствовали реально улучшение своего положения. Несомненно, рабочие и крестьяне это улучшение почувствовали. Безусловно, развитие производительных сил в нашей стране идет вперед, улучшение положения широких масс трудящихся — первая наша задача. Систематически планомерная система улучшения положения нашего хозяйства вещь для нас абсолютно необходимая. Но мы должны ответить себе еще на один вопрос: при увели-

чении общего богатства (а наша страна богата), при обще-хозяйственном подъеме элементы социализма возросли или нет; совершается ли этот общий подъем хозяйства за счет капиталистических методов, или за счет социалистических методов? Этот подъем хозяйства укрепляет наши социалистические элементы в хозяйстве страны, или укрепляет капиталистические элементы? И наконец, последний вопрос — этот общий подъем хозяйства укрепляет ли положение пролетариата, как руководителя крестьянства, ибо мы, ленинцы, не можем забыть, что союз рабочих и крестьян, на базе которого мы стоим, без которого двинуться мы не можем, есть такой союз рабочих и крестьян, в котором руководящая роль принадлежит пролетариату. Так вот эта роль пролетариата, как руководящего элемента в союзе рабочих и крестьян, увеличилась за эти годы или ослабла?

На все эти вопросы, которые мы должны поставить себе, как коммунисты, которые не только заботятся о том, чтобы страна шла вперед, но чтобы она шла по социалистическим рельсам, — на все эти вопросы мы можем ответить: положение страны при общем подъеме народного хозяйства таково, что социалистические элементы увеличиваются за счет не-социалистических; роль пролетариата, как организатора народного хозяйства, как организатора нашего государства и как руководителя крестьянских масс, тоже увеличилась.

Несколько доказательств этого положения: государственной плановой комиссией был произведен расчет всех капитальных фондов, которые находятся в наших руках, которые обращаются в нашей стране, и этот подсчет дал такие результаты, которые я неоднократно в своих докладах приводил и здесь только повторяю. Из этих капиталов, которые вообще имеются в нашей стране, если вычесть жилища, окажется — семь с половиной миллиардов руб. находятся в руках отдельных хозяйств, т. е. главным образом хозяйств крестьян, хозяйств ремесленников, кустарей, частных и т. д., и одиннадцать с половиной — в руках пролетарского государства.

Сопоставление этих двух цифр дает ответ на вопрос о роли социалистических элементов в нашем хозяйстве. Фонд в одиннадцать с половиной миллиардов рублей есть наш фонд, находящийся непосредственно в управлении нашего социалистического пролетарского государства, ими мы распоряжаемся, мы даем им то направление, которое нам кажется наиболее выгодным с точки зрения строительства социализма и на ряду с этим семь с половиной миллиардов руб., которыми распоряжается крестьянство, главным образом 22 000 000 распыленных крестьянских хозяйств. Вот первый ответ, объективный, цифровой, на вопрос о роли государственного капитала и роли частного или распыленного крестьянского капитала в нашей стране.

Но мало еще видеть соотношение, надо знать, увеличилось ли наше дело, дело, вложенное в фабрики и заводы, шахты, рудники, ж.-дор. и т. д., или за счет обобществленных элементов увеличивается капитал распыленных, мелких, находящихся в руках крестьян, хозяйств?

На этот вопрос цифры дают возможность ответить, что несомненно усиливается дело огосударствленного, т.-е. находящегося в руках пролетарского государства капитала.

Вы знаете, что основная трудность построения в нашей стране социализма заключается в том, что пролетариат строит социализм в стране, в которой громадное большинство населения принадлежит крестьянству, и должен строить социалистическое общество в стране, в которой рядом с его хозяйством, с хозяйством государства и пролетариата, существует 22 000 000 распыленных отдельных крестьянских хозяйств, которые надо еще вовлечь в социалистическое строительство, которые нужно так охватить щупальцами нашего социалистического строительства, чтобы подчинить это хозяйство нашему общему плану.

Какие методы у нас с вами, как представителей пролетариата, есть для того, чтобы охватить своими щупальцами частные интересы этих двадцати двух милл. крестьянских хозяйств, из которых каждое хозяйствует по-своему? Хозяйство Донбасса есть государственное хозяйство, которое распределено и ведется с точки зрения интересов всего народа в целом, с точки зрения общих интересов всего народонаселения, всех трудящихся, с точки зрения общественных государственных задач. Так ведется наше государственное хозяйство.

А рядом с этим имеются 22 миллиона отдельных крестьянских хозяйств, из которых каждое заботится только о себе, которое рассуждает не с точки зрения общегосударственных интересов и которое не может так рассуждать, потому что оно является мелко-товарным хозяйством и, как таковое, само по себе не может участвовать в строительстве социализма.

Как же нам быть? Какой исход? Как увязать политику Донбасса, Азнефти, наших ж. д., Путиловского завода, металлической промышленности с этой громадной массой—22 миллионами разрозненных крестьянских хозяйств?

Ильич нам указал пути. Первый путь, это — путь объединения всех мелких хозяйств. Когда мы имеем до 22 миллионов отдельных крестьянских хозяйств, то направить их развитие по тому или другому пути, учесть результаты их хозяйничания — вещь чрезвычайно трудная. Объединение их, при помощи кооперации, сразу изменит картину. Если мы имеем дело с громадным кооперативным объединением крестьян, которое действительно направляет их хозяйства, то здесь регулирующее влияние государства, сочетание нашего плана с планом объединенного крестьянского

хозяйства — вещь вполне возможная и необходимая. Поэтому вопрос о кооперации и поставлен Влад. Ильичем так остро, и выдвинут им на первый план перед партией. Потому что кооперативное объединение крестьянства есть та форма ведения крестьянского хозяйства, при помощи которой мы можем вовлечь все эти распыленные хозяйства в социалистическое строительство, подтянуть их к нашему государственному социалистическому хозяйству. Это один путь — важнейший путь, путь указывающий форму, в которой мы можем провести регулирование нашего хозяйства.

Другая задача, которую ни в коем случае нельзя забывать — это электрификация. Ильич сформулировал свою мысль следующим образом: «Советская власть плюс электрификация — социализм».

Что подразумевал Ильич под этой формулой? Советская власть, это — диктатура пролетариата, опирающаяся на союз между рабочим классом и крестьянством, плюс электрификация, т.-е. крупная машинная индустрия, или, как разъяснял Ильич — способность государства снабдить крестьянина всем тем, что ему необходимо, и доказать крестьянину, что городское, промышленное, фабрично-заводское хозяйство, находящееся в руках пролетариата, управляемое Советской властью, выгоднее для крестьянина, чем фабрично-заводская промышленность, находящаяся в руках капиталистов и управляемая капиталистами и частными собственниками.

Вы можете спросить нас — ЦК: что сделано в обоих этих направлениях, в области кооперирования и в области поднятия крупной машинной индустрии, которая бы доказала крестьянству, что мы, пролетариат, стоящие у власти, можем дать все то, что необходимо крестьянству и чтобы мы доказали крестьянству, что ему выгоднее, чтобы промышленность находилась в наших руках, а не в руках частного предпринимателя.

Конечно, мы можем констатировать не окончательное решение задач, а только первые успешные шаги в этом направлении. Если бы эти задачи были разрешены полностью, то мы имели бы уже социализм. *Если будет совершено кооперирование крестьянства, вовлечение его в социалистическое строительство, если крестьянство будет удовлетворено полностью всеми продуктами нашей промышленности, если наша промышленность достигнет широчайшего развития индустрии, на новой, высокой, американской, технической базе — когда все это осуществится, то будет осуществлен и социализм.*

Поэтому мы не можем сказать, что все уже осуществлено, но за этот год мы сделали несколько крупных шагов в этом

направлении и, главное, наметили совершенно правильную дорогу, по которой мы и будем итти в дальнейшем.

Что касается развития промышленности, то я сказал, что мы имеем крупнейшие достижения, достижения, которые разбивают на-голову всех наших врагов. Наши враги говорили: «куда уж большевикам справиться с промышленностью, разрушить промышленность они могли, а восстановить не смогут». Теперь эти сказки исчезают из заграничных эмигрантских газет. И враги наши принуждены признать, что мы восстанавливаемся, что некоторые отрасли промышленности у нас уже доведены до довоенного уровня.

Но если мы, с другой стороны, обратимся и спросим себя: удовлетворяет ли достигнутое нами развитие промышленности полностью нашу страну, то мы можем сказать — нет: всюду товарный голод, т.-е. недостаток товаров, а вместе с этим создающийся на основе товарного голода рост цен и, главным образом, конечно, рост розничных цен, т.-е. тех цен, по которым крестьянин покупает продукции промышленности. Не все ли равно крестьянину, какие цены установлены в наших трестах? Он может сказать — цены в трестах установлены такие-то, но что́ мне до этого, — я получаю товар через третьи руки и получаю его в три раза дороже.

С этой точки зрения мы увидим, что дело далеко не доведено до конца, что в стране у нас явная нехватка товаров и не потому, что стоят фабрики и заводы. Почти все фабрики и заводы уже пущены в ход и, вероятно, к концу года не останется ни одной фабрики и ни одного завода на всей территории Союза, который бы не работал.

Но я должен сказать, что не всегда пуск старых фабрик и старых станков выгоднее. Иногда было бы выгоднее не пускать старых фабрик, а построить новые. Но то, что мешает нам сейчас заменить старое оборудование новым оборудованием, заменить старую фабрику новой фабрикой, это же самое мешает нам развернуть промышленность в той мере, которая бы отвечала спросу населения и которая дала бы снижение цен. Этот факт — отсутствие капитала.

Вообще говоря, развитие промышленности сейчас, при хорошем урожае, при высоком спросе, не представляло бы никаких затруднений, и казалось бы, что ЦК легко вынести такое постановление: построить столько-то новых фабрик, столько-то заводов и т. д. Мы и места знаем, где их строить можно, знаем, какую нужно технику применять, одного у нас нет — достаточного количества денег. Дальнейшее развитие промышленности требует вложения громадных капиталов, их у нас нет, потому что источниками получения этих капиталов у нас могут быть — или получение их из-за границы или же взять внутри у себя. Внутри у

себя — это значит или из прибылей самой промышленности или при помощи каких-либо налогов.

Мы действуем и тем и другим рычагом и считаем, поскольку эти рычаги не приведут нас к ссоре с крестьянами и поскольку они не подорвут твердости нашей валюты, мы можем пользоваться ими для того, чтобы вложить средства в нашу промышленность.

Промышленность представила нам свой план, который требует вложения средств в один миллиард двести миллионов рублей. Вложение этих средств требуется не для того, чтобы полностью развернуть промышленность, а только для такого разворачивания, которое заткнет дыры в нашей промышленности. Всей этой суммы мы дать не могли, но мы сказали, что максимум того, что страна может дать — будет дано.

Откуда взять эти средства? С одной стороны, налоги в той мере, в которой эти налоги не превысят возможностей основного населения—крестьянства. С другой стороны, мы можем дать эти средства при помощи того, чтобы громадная доля прибылей, которые получает наша промышленность, были затрачены на разворачивание самой промышленности. Если вы развернете наш государственный бюджет, то вы увидите, что почти все, что промышленность вкладывает в наш бюджет, все это мы ей возвращаем обратно, на покупку оборудования, сырья и т. д. Бюджет имеет кое-что от промышленности, но в виде акциза, а прямая прибыль участвует в нашем государственном бюджете в очень малой доле, ибо всю ее мы возвращаем обратно.

С другой стороны мы из общих налоговых поступлений даем на промышленность столько, сколько можем дать, имея в виду другие отрасли, напр. школу, армию и т. д. Теперь, когда мы имеем уже до 70% развития нашей промышленности, к началу этого нового хозяйственного года, вероятно, не менее 800 миллионов руб. новых капиталов будет вложено в промышленность, для ее дальнейшего разворачивания, для нового оборудования, постройки новых заводов и т. д.

Вот ответ, который партия дает на задачу дальнейшего разворачивания промышленности. С одной стороны, как я сказал, вопрос стоит об объединении самого крестьянства, кооперировании. Уже сейчас цифры говорят о том, что почти четверть крестьянских дворов у нас в той или другой степени захвачены кооперативной сетью. Но, конечно, не нужно поддаваться иллюзиям и не нужно думать, что это есть уже та самая кооперация, которая действительно выполняет социалистические задачи. Кооперация подразумевает деятельное активное участие членов кооперации и захват кооперацией по возможности всесторонне нашего крестьянского хозяйства в члены кооперации. Этого, конечно, у нас еще нет.

Обращусь к цифрам: мы имеем уже сеть кооперации, которая охватила четверть крестьянских дворов. Это есть громаднейшее завоевание. Задача заключается в том, чтобы углубить эту кооперативную работу, чтобы кооперативная сеть действительно охватила все крестьянское хозяйство, чтобы крестьянство не только числилось в кооперации и не только сдавало кооперации те или иные продукты, а чтобы оно было действительно активным членом кооперации. Эта громаднейшая задача связана как раз с той культурной революцией, о которой В. И. говорил в своих последних статьях. Он говорит, что социализм есть строй цивилизованных кооператоров. Кооперации прежде всего надо цивилизоваться. Тут предстоит нам громаднейшая задача и тут мы стоим на правильном пути. Это одна сторона дела.

Другая сторона дела заключается в том, что уже в этом году произошла неувязка нашего государственного плана с «крестьянским планом». Вы уже знаете из моего доклада Ц. К-ту, опубликованного в газете, где я говорил, что мы должны констатировать несомненнейшую неувязку. В чем заключалась эта неувязка? Грубо говоря, в том, что планы, составленные в июне месяце и одобренные всеми соответствующими инстанциями, рассчитаны были так: у нас 4 миллиарда 100 милл. пуд. урожая, из них 3 миллиарда остается в крестьянском хозяйстве, а 1 миллиард 100 миллионов свободно будут выброшены на рынок. Мы, государство, купим около 800 миллионов, т.-е. 70%, до 1-го января вывезем это за границу, и таким образом на заграничные рынки придем со своим хлебом первые. Продадим по высокой цене и купим на эти деньги с.-х. машины, привезем сырье, пустим его в ход, а к февралю, марту месяцу увеличится наша промышленная продукция. Это будет выгодно и для государства, и для промышленности, и для крестьянства.

Но в этом плане оказались неучтенными две вещи. Во-первых, в статистическом отношении — дожди, которые пошли, изменили самые цифры; урожай оказался не так велик, как казалось сначала, хотя очень хорош. Этот урожай надо уменьшить на 200 000 000 пудов. Эта техническая ошибка не так существенна и от нее мы не гарантированы и в будущем, потому что подсчитать 4 миллиарда 100 милл. пудов хлеба трудно без ошибок.

Но есть другая ошибка, уже не арифметическая, а социальная. Мы не дооценивали степень сопротивляемости крестьянского хозяйства. Мы исходили при этом построении плана из того, что совершенно ясно и выгодно для крестьянина продать как можно больше хлеба, чтобы мы могли его вывезти за границу, и там по высокой цене продать его.

Это сопротивление крестьянского хозяйства не какое-нибудь преднамеренное политическое, а просто основанное на узком хозяйственном расчете крестьянина, который не совпал с государствен-

ным расчетом. Крестьянин мог рассчитывать совершенно иначе. Он многого не знает. Во многом не разбирается. Именно потому, что не ликвидирована неграмотность, потому, что у него нет сведений о международном рынке, нет информаций, постановлений и т. п. Поэтому для него неизвестно: какие цены стоят на международном рынке, когда на нем появится европейский хлеб, австралийский хлеб, канадский и т. д. Все это для него неизвестно. Он знал только, что налог мы берем очень легкий, что на рынке нет товаров и, следовательно, он хлеба не вывез.

Мы думали, что 70% излишков хлеба крестьянин вывезет до 1-го января. Этот план оказался неосуществимым, потому что крестьянин рассчитал по-своему и по-своему оказался прав, так как нет никаких оснований крестьянину в этом году торопиться с продажей своего урожая, и он хлеб придержал. А раз он придержал хлеб, мы не могли его вывезти за границу, за границей не могли купить во-время сырье, станки для наших фабрик и заводов и наши фабрики и заводы не могли развернуться так быстро, как мы этого хотели. Тут, повторяю, не арифметическая ошибка, а это ошибка по недоучету психологии крестьянства.

Повторяю, что тех основных причин, которые заставляли бы осенью вывозить крестьянина хлеб на рынок, у него в этом году не было. Потому что мы пошли ему навстречу, понизили налог, с одной стороны, а, с другой стороны, потому, что он не получал тех товаров у нас, которые ему нужны для хозяйства. Вот тот опыт, который мы в этом году получили.

Я хотел бы предостеречь товарищей, что иногда у нас бывает перевернутое представление о положении вещей, а нам нужно, чтобы не было искажения перспектив. Несмотря на то, что была допущена ошибка и неувязка планов, все-таки и в смысле заготовки и в смысле вывоза хлеба мы сделали гигантский шаг вперед в сравнении с прошлыми годами. Мы до сих пор уже заготовили 260 милл. пудов, кажется, до 1-го октября. Из них уже продали заграницу, погрузили на пароходы и получили деньги, 80 000 000 пудов. Но мы, несомненно, хотели продать больше. Мы хотели продать к этому времени не 80 милл., а приблизительно 100—120. Жаль, конечно, что так не вышло. Но если вспомнить, что в прошлом году мы не продали ни одного пуда, а ввозили хлеб к себе и платили золотым запасом из банка, если мы вспомним, что в позапрошлом году, в 23/24 г., когда был первый вывоз за границу, мы вывезли за весь год 180 милл., а теперь только до 1 октября, т.-е. август, сентябрь и начало октября, 80 милл., это — все же крупный шаг в нашем хозяйстве.

Вы видите, мы народ жадный, и поэтому нам показалось, что при таком урожае мы вывезем 150 милл. пуд. до октября. Мы

столько не вывезли и очень, конечно, жаль, но не нужно терять перспективы. В прошлом году мы не вывезли ни одного миллиона пудов, а в этом году 80 милл. уже теперь вывезли и денежки положили в карман. В позапрошлом году мы вывезли за весь год 180 милл. или до 1 января собрали хлеба 100 милл. п., а теперь до 1 января нам еще 2 месяца, которые всегда были месяцами наибольшей подачи хлеба со стороны крестьянства. Но если за август, сентябрь, октябрь собрано 260 милл., предположим, что за декабрь мы соберем 120, то это будет 380 милл. до 1 января. Если мы вообще имеем план собрать 700 милл. п., то 380, собранные до 1 января, дают громадный процент.

Крестьянство немножко поправилось. По нашему плану мы думали, что оно гораздо больше вовлечено в наше хозяйство и гораздо скорее пойдет по тому пути, который мы указали. Несмотря на это, мы имеем громаднейшие достижения в этой области, и хотя срок выполнения нашего плана растянут, и то, что мы собирались сделать в ноябре, должны отложить, но в общем и целом темп разворачивания промышленности остается прежний, а это самое важное, несмотря на то, что придется, видимо, сократить наши и экспортные и импортные возможности.

Развитие производительных сил и мировой рынок.

Заканчивая вопрос о наших достижениях в области промышленности и сельского хозяйства, необходимо остановиться еще на одном: это на вопросе о том, что же собственно происходит в нашей деревне. Нет никакого сомнения в том,— по указаниям В. И. уже с самого начала введения нэпа в деревне,— что крестьянское мелкое производство неизбежно должно породить капиталистические отношения.

Вы знаете, что наша задача заключается в том, чтобы поднять всю деревню на гораздо более высокий уровень хозяйства, чем тот, на котором оно находится сейчас. Деревня сейчас бедна. Эта нищая деревня, которую оставил нам в наследство царизм, не может стать основой социалистического хозяйства. Для того, чтобы иметь действительное развертывание социалистического хозяйства, широкое развертывание промышленности, мы должны опираться на базу богатой деревни. Деревня в своей основной массе населения, которая в деревне живет, которая составляет 80% всего населения, должна стать богаче. Поэтому задача развития производительности деревни должна стать одной из наиболее важных задач. Ее мы никогда упускать не можем.

Эта задача, однако, перед нами вскрывает тот факт, на который я указывал раньше, что деревня, поскольку в ней господствует частное товарное хозяйство, купля-продажа, неизбежно должна дифференцироваться. Этого факта никто не станет отрицать.

Можно спорить о том, как быстро идет развитие дифференциации,— одни преувеличивают темп, другие его уменьшают, одни делают такие выводы, как т. Ларин, что дифференциация пойдет скакать такими шагами, что в деревне столкнутся лбами пролетариат и новая буржуазия, и тут дело нельзя будет решить иначе, как новой революцией; другие говорят, что вообще нет в деревне никакого кулачества,— но чтобы отрицать тот факт, что деревня при развертывании товарооборота, при свободной продаже продукции, должна дифференцироваться, и в ней будут выделяться различные слои, более богатые и более пролетарские, надо быть слепцом и не знать элементарных истин марксизма. Первый слой — богатых — будет стараться эксплуатировать второй слой, бедноту. Этого отрицать никто не может.

Что должна делать компартия в этом вопросе, какова ее позиция перед лицом дифференциации деревни, которая неизбежно выделяет капиталистическую верхушку? Ясное дело, тут сомнений не может быть,— партия должна направить всю свою энергию на поддержку основной массы бедноты и середняков и усилить их сопротивление кулаческим элементам, которые стремятся и бедняков и середняков политически и экономически подчинить себе.

Вот этот лозунг относительно линии развития производительных сил вообще всей деревни, всей основной массы крестьянства, поддержки в процессе развития хозяйства массы середняков и бедняков и их организации против эксплуататорских стремлений со стороны кулаков и подтверждается постановлением октябрьского пленума ЦК, которое, я считаю, найдет правильным и Съезд.

Линия на развитие производительных сил, указанная постановлением XIV партконференции, линия, обращающая внимание партии на необходимость и политической и экономической поддержки бедняцких слоев деревни и поддержка их в сопротивлении эксплуатации со стороны растущего кулака указаны в постановлении пленума ЦК. Эти две линии определяют правильную политику партии в деревне: она должна заключаться в том, что мы должны принять меры к тому, чтобы вся деревня стала богаче и, с другой стороны, превратить и кооперацию, и госкредит, и органы Советской власти в единое, сплоченное этим государством орудие борьбы основной массы крестьянства против всяческих попыток эксплуатации со стороны неизбежно выделяющейся кулацкой верхушки.

Теперь, т.т., я хочу сказать несколько слов относительно той роли, которую играет в нашем хозяйстве сейчас международный мировой рынок. Вы видите, насколько тесна эта связь. Мы ставим своей задачей развитие промышленности. Для того, чтобы развернуть промышленность, абсолютно необходимо целый

ряд предметов, которые мы пока не производим у себя,— и в области сырья, напр., у нас не хватает собственного хлопка, и в области машин, и в области вообще европейской техники, ибо поднятие промышленности мы не мыслим себе без новой технической базы, без использования высших достижений американской техники,— это мы должны получить из-за границы. Для того, чтобы мы это вывезли из-за границы, мы должны продать за границей, главным образом, продукцию сельского хозяйства. Затем мы продаем за границу нефть. Для того, чтобы продавать продукцию сельского хозяйства за границей, мы должны развить нашу промышленность. Мы с.-х. продукцию продаем за границей, а машины привозим к себе на фабрики, фабрики растут, больше удовлетворяют крестьян, которые расширяют посевы культур, которые требуются на международном рынке, и таким образом строительство социализма все больше начинает проходить через заграничный рынок.

При этих условиях вопросы внешней торговли и ее организации приобретают особое значение. Прежде всего вопрос о монополии внешней торговли. ЦК поставил перед собой этот вопрос. Исходя именно из того, что в прошлом году весь наш оборот, и ввоз и вывоз, составлял один миллиард рублей: на 500 милл. мы вывезли и немножко меньше чем на 500 мы ввезли,— в этом году наш оборот должен равняться 2 миллиардам, т.-е. в два раза должен быть увеличен. Теперь на основании того, что я сказал, придется немножко сократить этот план, но во всяком случае расширение оборота нашей внешней торговли заставило ЦК поставить перед собой вопрос об аппарате нашей внешней торговли, о создании аппарата для выполнения новых заданий.

Ни один из членов ЦК и, наверно, ни один из членов партии не будет сомневаться в том, что монополия внешней торговли теперь приобретает особое значение. Монополия внешней торговли дает нам две вещи: она дает нам возможность регулировать темп развития, она дает нам возможность регулировать составы тех товарных масс, которые мы ввозим и вывозим. Тот или другой трест, синдикат — потребитель, а государство с обще-государственной точки зрения руководит вывозом и ввозом, определяет, что нам нужно ввезти и что нужно вывезти. Если бы у нас этого регулирующего аппарата не было, то, конечно, говорить об осуществлении хозяйственного плана нельзя было. Например, те товары, которые у нас вырабатываются и которые с обще-государственной точки зрения не нужно ввозить из-за границы, ввозились бы потому, что от этого получала бы прибыль определенная масса лиц. Монополия внешней торговли дает нам возможность регулировать в интересах социалистического строительства ввоз и вывоз, состав ввоза и вывоза товаров.

Наконец, монополия внешней торговли дает нам возможность держать в порядке наш торговый баланс, а торговый баланс наш должен быть активен. [18]) Мы должны больше вывозить, чем ввозить, с тем, чтобы оставить у себя в кармане некоторый запас золотой валюты. Это нам необходимо для того, чтобы в случае, если разыграются события, которых мы, конечно, не хотим, но развитие которых не только от нас зависит, нам можно было бы обороняться. Мы находимся в таком положении, что можем испытывать нужду в твердой валюте, ведь мы за время голода растратили свой золотой запас. 1921 — 22 гг. заставили нас подрастратить запас; без запасного фонда государство жить не может. Поэтому нам надо вывозить больше чем ввозить, и некоторый запас денег оставлять.

Если бы не было монополии внешней торговли, если бы мы не определяли, сколько нам нужно ввозить и вывозить, то в таком случае, как я уже сказал, хозяйственный план не осуществился бы. Расширение оборота внешней торговли, расширение спроса на импортные товары со стороны наших хозорганов требовало сделать аппарат монополии внешней торговли более гибким. Надо было поставить наши хозорганы в более благоприятное положение, и избежать того бюрократизма, который часто наблюдался в органах внешней торговли, избежать таких фактов, когда текстильная промышленность страдает от недостатка хлопка или текстильных машин, а в это время ввозили машины для выделки сапожных щеток. Нужно было создать более гибкие формы взаимоотношения хозяйственных органов, это сделано в последнем опубликованном в газете постановлении ЦК.

Но мы пошли дальше; этот год показал, что существование отдельных комиссариатов внутренней и внешней торговли ведет к целому ряду излишних столкновений, конкуренции и борьбе. На этом я подробно останавливаться не буду, но укажу вам на лен, который является для нас важным предметом вывоза; заготовляет лен в нашей стране как орган, находящийся под руководством внутренней торговли, так и орган, находящийся под руководством внешней торговли. Одни тянут лен к себе для внутреннего потребления, другие тянут лен за границу, чтобы продать его подороже. Происходит борьба на почве заготовок, постоянные столкновения, разрыв цен, внутренние и международные цены не согласовываются, это происходит так потому, что есть два комиссариата, из которых один заботится только о внутренней цене, другой — о внешней цене.

После детального обсуждения мы решили, что уничтожение этого параллелизма, этого разрыва, этой конкуренции одинаково заготовляющих на крестьянском рынке аппаратов возможно будет тогда, когда мы объединим наркоматы внутренней и внешней торговли в единый орган, который должен заготовлять в данном

случае лен и по указаниям высших государственных органов продавать его где бы то ни было, по указанию высших государственных органов известное количество заготовленного льна отправить за границу, остальное оставить для потребностей страны. Конечно, как и всякое новое дело, оно, вероятно, будет иметь известные недостатки и не даст сразу, тотчас же, того результата, который нам нужен. Возможно, будут некоторые изменения. Но теперь, когда мы перепрягли лошадей, нам показалось, что это будет лучше. Мы в течение всего времени наблюдали за работой двух комиссариатов, так что, объединив последние в один комиссариат, мы сделали это не только из каких-нибудь теоретических соображений, а по прямому опыту.

Трудности роста.

Товарищи, то, что я до сих пор рассказывал, указывает в общем на громадный народный хозяйственный подъем, на усиление в подъеме социалистических элементов и на движение к разрешению тех задач, которые перед нами стоят. Машина наша начала двигаться более быстрым темпом. Вы знаете, что на быстром ходу поправлять машину гораздо труднее, чем на том ходу, который у нас был в 1920—1922 году. Если на быстром ходу не хватит топлива то это вызовет гораздо больше потрясений, чем тогда, когда наша машина шла черепашьим шагом, чуть-чуть пыхтела. Этот новый громадный темп нашего хозяйственного подъема надо принять во внимание. Надо принять во внимание, что это требует усиленного напряжения, усиленного руководства, усиления гибкости и ловкости, еще большей работы над устранением волокиты. Если мы считали два, три года тому назад на миллионы, то теперь мы считаем на миллиарды. Поэтому со стороны всех организаций, которые будут стоять во главе государства и партии, требуются, повторяю, несколько новые методы руководства.

Первым результатом этого народно-хозяйственного подъема является общий подъем благосостояния масс. В виду увеличения активности во всех слоях деревни, равным образом, всех деревенских групп, проявляющих большое внимание как к экономическим, так и к политическим вопросам, необходимо усилить нашу работу. Этот поток активности, о котором я только что говорил, необходимо направить на наши рельсы, надо работать над тем, чтобы не дать этому потоку, росту активности, уклоняться в сторону. При этих условиях наша задача заключается в том, чтобы возможно скорее укрепить политически и культурно диктатуру самого рабочего класса. Если бы произошло такое несчастье, что при общем хозяйственном подъеме, при общем подъеме благосостояния, при общем политическом

и культурном подъеме страны рабочий класс стал бы отставать от этого процесса, то это было бы величайшим ударом по самой диктатуре рабочего класса. Последний не имеет ни малейшего права в какой бы то ни было мере отставать от этого процесса. Наоборот, он должен стать во главе последнего, его положение—материальное, политическое, культурное—должно быть всячески укреплено.

Самой широкой формой объединения рабочего класса, самой широкой школой коммунизма для пролетариата, если не считать всей Советской власти, являются профессиональные союзы. Поэтому оживление работы профессиональных союзов, увеличение активности их членов является очередной задачей, которую ЦК выдвигает на XIV партсъезде.

Но и укрепление советов, укрепление профсоюзов, оживление кооперации, все это, конечно, должно быть проникнуто общей идеей, общей мыслью, общим руководящим началом, которое может дать только наша партия. Поэтому все те задачи, которые я перед вами осветил, все те итоги, которые я вам перечислил, они упираются в одну главную задачу,— в оживление нашей партии, т.-е. действительное проведение внутри нашей партии всех начал внутрипартийной демократии, о которой говорил последний пленум ЦК и по поводу которого он обратился с специальным письмом.

Мы все знаем, что партия наша перенесла в своей истории очень много и имеет за собой громаднейшую школу. Каждый месяц будет стоять перед нами новая задача, которая будет требовать новых ответов и нового напряжения сил. Обстановка требует участия в решении стоящих задач всего коллективного разума партии. Теперь мы переживаем, несомненно, такой момент, когда от партии требуется напряжение более коллективного выражения мысли, ибо все те процессы, о которых я говорил, показывают, что мы вступаем в новый период, который можно назвать концом залечивания старых ран; мы подходим к пределу, когда можно будет сказать,— ну, все те удары, раны, которые понесла наша страна от империалистической и гражданской войны, мы залечили, теперь-то мы начинаем строить на новом фундаменте подлинное социалистическое общество и построим его, несомненно, ибо мы имеем все данные для того, чтобы построить его, несмотря на капиталистическое окружение.

Построить это социалистическое государство партия сможет только в том случае, если всю активность, которая намечается в настоящее время, она направит по своему руслу, если она усилит идейную работу над новыми стоящими проблемами, а она это усилит и она это сделает. Несомненно, вся обстановка показывает условия, при которых партия, очутившись перед новыми задачами, проявляет себя достойной того дела, осуществление которого перед ней стоит.

Это дело можно охарактеризовать таким образом: к концу 8-летнего периода, накануне XIV партийного съезда, мы имеем перед собой, яснее чем когда бы то ни было, задачи по строению социализма в нашей стране. Мы имеем цифры, говорящие о том, что в наших руках достаточно силы и возможности для того, чтобы построить социализм. Для наискорейшего осуществления этого строительства все внимание партии теперь должно быть сосредоточено реально на работе по строительству нового социалистического хозяйства.

Трудности будут не малы. Я отчасти указывал на те трудности, которые станут на партийном съезде. Это все те трудности, о которых нам говорил В. И. Ленин: как строить социализм, какие методы применять, чтобы построить социализм в стране, которая по составу своего населения и по хозяйству является крестьянской страной.

Мы очень многому за последнее время научились. В виду того, что вся партия руководствуется единым принципом, единым началом, а именно — ленинским — партийный съезд на основе ленинизма, в полном единстве, задачи, которые стоят перед партией, разрешит.

Вот, товарищи, те данные, которые я в кратком докладе мог сообщить о деятельности ЦК и о перспективах, которые он имеет на ближайшее будущее.

Заключительное слово.

Товарищи, в прениях и записках затрагивается целый ряд отдельных вопросов, но мне кажется, что товарищей главным образом интересуют два вопроса: 1) о нашей внешней торговле и о слиянии наркоматов внешней и внутренней торговли, 2) о хлебозаготовке.

Прежде всего — о хлебозаготовке. Надо отдать себе отчет в том, как в действительности обстоит дело с хлебозаготовками. Мы предполагали, что у крестьян останется лишнего хлеба 1 миллиард двести миллионов пудов. Из всей этой массы товарного хлеба мы предполагали чрез государственные органы закупить 780 миллионов. Имея в виду такую крупную закупку, а ведь закупка на всем пространстве союза 780 миллионов пудов вещь не простая, мы решили, что закупка может быть осуществлена основными государственными заготовителями. Только 8 основных государственных заготовителей выступали для закупки всей массы хлеба, они были снабжены достаточным количеством денег, к тому же мы опасались, что осенью на рынок будет выброшена громадная масса хлеба и что цена благодаря этому упадет.

Понятно, что падение цен на хлеб обозначало бы недовольство крестьян, поэтому, опасаясь того, что будет выброшена на

рынок громадная масса хлеба, что могло вызвать политическое недовольство крестьян, мы повели политику, направленную к тому, чтобы удержать цены от падения. Мы должны были определить средний уровень, который должен был быть около рубля. Я помню, что в прошлом году мы при неурожае боролись с противоположным злом, — так как хлеба было в стране мало, а ртов много, то цены на хлеб стояли очень высокие, и деревня, главное в ее зажиточных кругах, отбирала от города больше, чем давала. Но в этом году потребности будут меньше предложения, цены будут очень низки и крестьяне будут недовольны. Вот на чем было построено первоначальное наше предположение.

Мы предполагали, что вывезем этот хлеб за границу, когда там будет нужда в хлебе, в августе, сентябре, октябре, продадим там этот хлеб по высокой цене, купим там необходимые нам машины, быстро привезем их сюда, быстро развернем промышленность и подготовим крестьянству весь товар, который ему необходим.

В чем же заключается теперь изменение этого плана? В том, прежде всего, что урожай благодаря дождям в конце августа и начале сентября оказался меньше, чем можно было предполагать в июле месяце, до дождей. Пришлось скинуть за счет меньшего урожая 150 — 200 миллионов пудов.

Затем оказалось, что крестьянство не имеет побудительных причин везти этот хлеб на рынок, так как налоги оказались легкими и товара на рынке не было, крестьянин разумно, с своей точки зрения, хлеб задержал, предполагая в дальнейшем повышение цен. Тогда выяснилось, — раз хлеба меньше и крестьянство на рынок хлеба не везет — что тем 8 заготовителям, которые между собою конкурируют, друг перед другом набивают цену крестьянам на хлеб — не оказалось достаточно работы.

Я сказал, что из такого расчета мы исходили, а какие поправки будут внесены — еще не окончательно установлено. Будет установлено закупить около 680 миллионов вместо 780, т.-е. на 100 миллионов меньше, чем мы думали. Из этих 680 миллионов, которые должны быть заготовлены за этот год, 260 миллионов уже заготовлены в половине ноября. Наркомвнуторгом предполагается, что до 1 января удастся закупить еще 110 — 120 миллионов пудов хлеба, тогда к первому января у нас будет закуплено государственными органами 380 миллионов пудов хлеба. Если теперь подсчитать, какою это является частью в этом плане, то это будет определяться в 50%.

Я говорил, что мы собирались до 1 января закупить 70%, надеясь на то, что главная масса крестьян выбросит именно осенью, в начале зимы хлеб, но оказалось, что мы к 1 января приобретем только 60% всей годовой закупки. Значит, крестьян-

ство нас поправило, но поправило не очень значительно, не так уж чтобы все наши планы разлетелись. Мы будем иметь хлеба на 1 января меньше, чем хотели, на 10% т.-е., не 70, а 60%.

Какие выводы для общего нашего хозяйства вытекают из этого? Прежде всего вытекает то, что мы немножко меньше хлеба вывезем. Но опять-таки повторяю, что в прошлом году не только ни одного зерна не вывезли, а целый год ели американскую пшеницу. В этом году мы вывезем 325 — 350 миллионов пудов хлеба.

Если бы мы смогли крестьянству разъяснить, чтобы оно не держало у себя хлеб, так как весной он не будет нужен за границей, так как она будет иметь уже другие запасы хлеба и весной могут быть виды на хороший урожай, тогда крестьянин почешет в затылке и скажет: да, нужно было послушать большевиков и вывозить хлеб на рынок. В позапрошлом 1923 г. мы вывезли за границу 180 миллионов пудов, а в этом году до половины ноября запродали 180 миллионов пудов, это, вы знаете, все-таки громадное движение вперед.

Из этого вытекали некоторые изменения, которые некоторых товарищей привели в большое недовольство. Например, товарищ из Резинотреста говорил, что ему обещали ввезти на $9^1/_2$ миллионов сырья, а дали на 7 миллионов, товарищ должен нас еще благодарить, что 7 миллионов ему дали. Если мы хлеба благодаря дождям 100 миллионов пудов не дополучили, то даром нам из-за границы ни каучуку, ни другого сырья не дадут. Ясное дело, что кого-нибудь надо было резать; мы резали кожу, резали Резинотрест, резали хлопок. Но пусть товарищи сравнят, что мы им дали в этом году и что давали в прошлые года, тогда они увидели бы, что мы пошли далеко вперед.

Общий итог заключается в том, что если мы поставили перед собой большие цели и немного недохватили: 10 — 12% по стихийным обстоятельствам и потому, что крестьянство не захотело «тютелька в тютельку» выполнить того, что мы ему советовали, а оказало известное хозяйственное недоверие, когда нам не продавало хлеба в расчете продать дороже весной, — то все-таки мы план развертывания народного хозяйства и план развертывания промышленности будем осуществлять. Его придется только немножко растянуть.

Если мы увеличим ввоз хлеба, мы дадим Резинотресту 9 милл. Если этого не будет, мы ему дадим 7 милл., а может-быть только и 6, смотря по тому, как пойдет вывоз. Вот когда мы вывезем, тогда может-быть мы дадим еще миллион и еще миллион. Только так мы можем хозяйствовать в наших обстоятельствах.

Когда мы подсчитываем нашу промышленность, наше хозяйство, мы имеем производственный план и финансовый план,

а относительно крестьянского хозяйства мы ничего не можем сказать. Мы не можем прямым способом воздействовать на его хозяйство. Мы не можем указать ему: сей столько-то и столько-то десятин и сей обязательно лен, а не рожь и пшеницу. Прямого способа воздействия на крестьянское хозяйство в условиях нэпа, когда мы сами говорим ему: делай как хочешь, продавай кому хочешь, когда мы отказываемся от методов командования,— быть не должно. Мы должны были отказаться от такого метода воздействия, и мы можем воздействовать только косвенными методами.

Затем вопрос, который многих товарищей интересует,—это вопрос о Внешторге и Внуторге. Когда я слушал товарищей, связанных с промышленностью, то мне была совершенно ясна их линия, и мне кажется, что их линия неправильная. И мне приходится с ними сталкиваться на верхах партии очень часто. Товарищи, которые близко стоят к производству, рассуждают таким образом: дайте нам возможность самим поехать за границу и купить то, что нам нужно. Нам не нужны никакие бюрократические органы, Госторги и т. д. Сами текстильщики знают, какие продукты нужны. Мы сами поедем за границу, купим, привезем и сделаем и продадим, и чтобы с нами никто не конкурировал, никакой Госторг. Так рассказывал один товарищ, и эта линия неправильна.

Пойти на это мы не можем по той простой причине, что за границей наша сила заключается в едином фронте против капитализма. Если мы выпустим все крупные организации, которым нужно купить одну машину или то или другое сырье, то они поедут за границу, и тогда будет такой развал, которого не оберемся. Единый фронт наших органов за границей, это была исходная точка, которая не позволяла ЦК и Комиссариату Внешней Торговли пойти по предлагаемому пути. Мы сами поедем за границу, будем покупать, а Внешторг будет регулировать сверху. Тогда наши организации будут конкурировать за границей и по цене, и по качеству, это будет выгодно для тех, кто нам продает и которые очень быстро под ферулой капиталистических банков, трестов и синдикатов объединятся против нас. Поэтому мы сказали: за границей должен быть единый фронт.

Но для того, чтобы действительно устранить всякую волокиту и массу глупостей, которые делаются в нашем аппарате внешторговском, также как и в других аппаратах, ибо вы не станете отрицать, что эти глупости делаются, так как наши аппараты еще молоды,—когда они будут седыми, тогда этого не будет,—они еще молодые, им всего только 8 лет—для этого ЦК принял меры и проводит одну очень важную реформу, которая устранит целый ряд вещей, тормозивших работу.

ЦК в своем постановлении сказал следующее: при сохранении монополии внешней торговли и единого фронта на загра-

ничном рынке, в целях привлечения к импортным операциям государственных и хозяйственных органов и для улучшения качества ввозимых товаров, снижения накладных расходов и правильной политики цен, необходимо организовать специальные импортные т-ва или акционерные о-ва по обслуживанию фабрик, заготовке оборудования и сырья для отдельных отраслей промышленности и с. х-ва. Чего же больше? Все отрасли могут отныне организовать специальные вывозные или ввозные т-ва, под общим наблюдением нашего Комиссариата Внешней Торговли, осуществляя свои закупки заграницей с большей самостоятельностью чем прежде. Это правильно: чтобы текстильщики покупали текстильные машины, а электрические лампочки закупались не каким-нибудь чиновником, сидящим в Берлине, а электротехниками. Поскольку у нас были такие глупости, мы от них отказались, мы проводим такую линию, чтобы текстильщики покупали хлопок и текстильные машины, металлисты токарные станки, а нефтяники сами продавали свою нефть, но вместе с тем, чтобы все находилось под общим руководством нашего торгового аппарата, чтобы они не смели выходить из общих рамок и держали единый фронт: дальше этого выйти нельзя. В этом будет сохраняться монополия внешней торговли.

Здесь товарищ говорил таким образом, что не лучше ли вместо того, что мы ввозили готовую мануфактуру, не лучше ли ввозить станки для изготовления этой мануфактуры. Вообще говоря, так оно и должно быть, но дело в сроках. Если бы мы имели время подать мануфактуру крестьянам тогда, когда мы этого хотим, мы обязательно бы это сделали, и мануфактуру не ввозили, а ввозили бы хлопок и текстильные машины, они выработали бы мануфактуру и мы продали бы ее крестьянам. Но вы сами сказали, что крестьянин—практик, он практически рассуждает: пускай большевики покупают и ввозят, что желают, но я им хлеб дам тогда, когда они дадут мануфактуру.

Если мы будем так делать, то мы должны тем самым крестьянам сказать: подождите два месяца, за два месяца мы управимся и дадим мануфактуру, но хлеб нам нужен скорее, и приходится делать исключение и давать право органам ввозить мануфактуру. Мы ввозим мануфактуру потому, что иначе нам нельзя было бы взять хлеб у крестьян. Мы обратились в ВСНХ и говорим: у тебя есть мануфактура, чтобы подать на крестьянский рынок? Он отвечает: в полной мере нет. Тогда мы говорим: сколько тебе нужно времени для изготовления мануфактуры? — 4 месяца. А если ее привезти из за-границы, то 3 недели. Мы говорим: ввози, в виде исключения, а не в виде общего правила.

Вероятно, такие *исключения*, в зависимости от крестьянского спроса, нам еще придется делать. *Общая линия конечно заключается в том, чтобы расширить*

нашу промышленность настолько, чтобы основные предметы потребления крестьянства и предметы потребления широких масс вообще мы целиком делали у себя в стране. Покуда этого нет, мы будем пользоваться иногда заграничным рынком, как резервом, для того, чтобы ускорить подачу такого рода товаров к тому или другому сроку в деревне. Я думаю, что против этого восставать не приходится, так, как это делали некоторые товарищи.

Теперь перехожу к отдельным вопросам, которые мне были заданы. Первая записка: до чего может дойти положение дел в Китае? Я не знаю, мы в ЦК сидим, но пророчеством никогда не занимаемся. (Смех.) Но если разобрать классовые отношения, то можно нарисовать следующую картину: мы имеем, с одной стороны, революционно-освободительное движение в самых общих, неопределенных формах, возглавляемое известными элементами буржуазии, с другой стороны—движение революционное по своему характеру, организованное в партию Гоминдан. Сейчас мы имеем движение народных армий, в частности Фын-Юй-Сяна, направленное против общего врага Чжан-Цзо-Лина, представителя реакционных элементов, работающего на Японию. Если это совместное движение удастся, и Чжан-Цзо-Лин окажется разбитым, что весьма вероятно, то мы должны отдать себе отчет в том, что начнется борьба внутри этого блока, который идет сейчас против Чжан-Цзо-Лина, т.-е. между элементами, группирующимися в настоящее время вокруг У-Пей-Фу, и подлинно республиканскими элементами, которые группируются вокруг Гоминдана. Сейчас они работают вместе для того, чтобы добить общего врага, но когда он будет сломлен, что весьма вероятно, то произойдет раскол между двумя крылами, о которых я говорил.

Кто победит в этой борьбе—трудно сказать. Все данные за то, что блок народных армий и гоминдановцев победит Чжан-Цзо-Лина в ближайшее время. Фын-Юй-Сян оттягивает борьбу с Чжан-Цзо-Лином до тех пор, пока начнется разложение армий Чжан-Цзо-Лина. Потом, еще раз повторяю, начнется борьба внутри самого блока, борющегося против Чжан-Цзо-Лина.

Здесь можно сказать, что гоминдановцы, опирающиеся на широкие крестьянские массы, пользующиеся доверием рабочих масс, организованных в коммунистические партии и профессиональные союзы, укрепившиеся на промышленном юге Китая, что они окажутся сильнее своих врагов, но срок определить чрезвычайно трудно, ибо мы имеем перед собой громадную страну, с населением, доходящим до 400 миллионов, но раздробленную, разбитую по отдельным провинциям. На ряду с этим имеются также отдельные города, как, например, Шанхай, с современным рабочим движением, имеются классово-сознательные провинции. Какой срок должен пройти, чтобы вся масса слилась в поток защит-

ников гражданской войны, трудно предсказать. Наше дело, как дружественной страны, китайскому освободительному движению оказать всемерную поддержку.

Как отразится на наших взаимоотношениях с Германией вступление ее в Лигу Наций? Конечно, оно отразится ухудшением отношений между нами и Германией. Германия ведет двойную игру. Она делает вид, что сохраняет с нами дружеские отношения, и в то же время тянется к победителям. Германия после войны оказалась страной разоренной, и мы не знаем, превратится ли Германия в простого наемника Лиги Наций и Антанты или же события пойдут таким образом, что в Германии возьмут верх те элементы, которые понимают, что из своего рабского положения по отношению к английскому, французскому и американскому капиталу Германия может выйти только в союзе с нами. Это покажут дальнейшие события. Сейчас вся германская буржуазия, поддерживаемая германскими меньшевиками, социал-демократами и шейдемановцами, пытается лизать пятки у победителей.

Следующий вопрос: «Скажите пожалуйста, каких цифр достигла наша Красная армия и каков процент Красной армии к армии царской?». Цифр оглашать не буду, скажу только одно: в виду той обстановки, которую я вам нарисовал, мы отдаем себе полный отчет в том, что должно быть уделено всяческое внимание нашей Красной Армии, что тот общий хозяйственный подъем, который в стране идет, должен принести пользу не только тем просвещенцам, о которых хлопотал один товарищ (смех). Напрасно на него товарищи набросились, он должен был это сказать и сказал здесь. У нас имеются детишки, которые кричат очень много. Одного из всех детишек — Красную армию, мы ставим на первом месте. Из того общего подъема народных средств, который есть и который дает прилив в государственную казну, мы очень большую долю уделяем на увеличение бюджета нашей армии. Мы увеличили бюджет нашей армии на 150 милл. рублей, т.-е. на $1/3$ больше, чем в прошлом году. В прошлом году уделили 450 миллионов, а в настоящем 600 миллионов. Это главным образом на улучшение технического состояния нашей армии, повышение ее боеспособности и улучшение положения командного состава, что неразрывно связано одно с другим.

Следующий вопрос: «Чем вызвано перемещение тов. Раковского и Красина?». Оно не имеет никакого специального политического смысла, тут нечего скрывать, здесь нет никакой тайны, просто ЦК нашел, что тов. Раковский больше способен выполнить те задачи, которые сейчас стоят во Франции, а Красин — в Лондоне.

Вопрос: «Какова была политика Лиги Наций, когда она предложила СССР вступить в Лигу Наций?». Нам еще никто не предлагал вступить в Лигу Наций, это ошибочное сведение, нам еще

никто не предлагал, а если бы и предложили, то получили бы отказ. (Аплодисменты.)

Вопрос: «Скажите, а что, имеющаяся у нас новая экономическая политика, содержащая в себе частное хозяйство и промышленность, не может ли нас задушить и каким образом нам удушить нэп, чтобы он не мешал нам итти по дороге к социализму?».

То, что я вам рассказал об итогах нашего хозяйственного развития, показывает, что мы этот нэп породили, мы им воспользовались и мы его, когда нужно будет, удушим.

Это будет возможно тогда, когда мы сможем установить непосредственный, а не через рынок, обмен между нашими социалистическими предприятиями и поголовно кооперированными в крупные производственные единицы производителями с.-хозяйственных продуктов.

Каким образом может возникнуть мысль, что этот нэп может нас задушить? Если бы можно было доказать, что на основе нэпа частный капитал у нас растет быстрее, чем наша социалистическая промышленность, и что в деревне не только выделяются неизбежно кулацкие верхушки, но что они берут верх над остальной массой середняцкой и бедняцкой части деревни, то тогда пришлось бы почесать голову и сказать: сами породили дитя и оно нас пожалуй удушит.

Когда мы в 1921 г. перешли к нэпу, мы сделали гениальный ход, который оправдал в три года себя вполне. Где бы мы были, если бы теперь мы не перешли от военного коммунизма к нэпу, что было бы с нами? А перейдя к нэпу от военного коммунизма, развязав крестьянскую продукцию, установив союз с крестьянством, давши права свободной торговли, мы получили то, что все наши фабрики и заводы пошли в ход, пролетариат увеличился, общее благосостояние страны поднялось, и мы наши командные высоты не только перестроили, но и укрепили.

Конечно, для нас нэп только дорога к социализму, мы работаем не для нэпа, а работаем только для социализма, но к социализму идем через нэп и другой дороги у нас нет.

Когда нужно будет полностью устранить частные капиталистические отношения, капиталистическую эксплуатацию, отношения наемного труда в частном хозяйстве, даже в частной промышленности, и когда мы перестроим всю нашу промышленность и земледелие на новых коллективных началах, подняв и развив производительные силы на высшую степень развития, — тогда это и будет то осуществление социализма, которое возможно в нашей стране и которое при поддержке международного пролетариата может быть закреплено.

Следующий вопрос: «Мы ощущаем голод в промышленных товарах, как его изжить?». Спасение от товарного

голода, есть в разворачивании нашей промышленности. Ввоз из-за границы предметов потребления может быть лишь временным лекарством, временной заплаточкой, которую надо сделать. Общее же лекарство против товарного голода, это есть разворачивание промышленности. И я скажу так, товарищи: если при первом хорошем урожае у нас окажется, что мы не сможем подать крестьянству полного количества необходимых продуктов,—а если второй урожайный год, а если третий урожайный год? Что будет тогда? Крестьянство будет накоплять средства, потребности его будут расти, и вдруг промышленность не сможет подавать ему необходимых товаров. Крестьянин тогда на нас очень сильно рассердится, он может сказать, что пролетариат взял в свои руки фабрики и заводы, жел. дороги и т. д., а товаров в полной мере по определенной сходной цене не дает ему. И задумается крестьянин, и эта думка будет для нас неприятна; поэтому мы говорим: надо разворачивать промышленность как можно скорее и во что бы то ни стало, надо сделать продукты дешевого качества. Тогда мы пойдем в ногу с крестьянством и его потребностями. Крестьянство с нами тогда ничем не разорвешь, и тогда союз наш будет крепок.

И, с другой стороны, необходимо расширение производства. Если мы будем поднимать зарплату рабочего в городе, а рабочий не будет иметь возможности за эту зарплату получить необходимую мануфактуру, то цена этой зарплаты будет падать, смысл и значение покупательной способности заработной платы будет понижаться, несмотря на ее повышение. Для того, чтобы не получилось падения реальной зарплаты при номинальном ее повышении в городе, надо делать так, чтобы зарплата рабочих могла иметь свое соответствие с ценой наших товаров. Вот почему, с точки зрения рабочего класса и с точки зрения всей экономики нашей страны и, наконец, с точки зрения того, чтобы утереть нос иностранным капиталистам, мы должны как можно скорее разворачивать нашу промышленность и показать, что мы можем поднять ее очень высоко.

Чего нам не хватает для этого дела, так это капитальных вложений, возможности для нас сразу поместить в промышленность и на оборудование, на постройку фабрик и заводов определенные капиталы. Вот поэтому нам приходится и урезывать себя и разворачиваться не с той быстротой, с которой нам было бы желательно.

Спрашивают: «Как сейчас обстоит дело с Германской коммунистической партией после конференции?». Конференция, как вы знаете, целиком высказалась за линию, утвержденную Коминтерном. Распределение голосов было таково: крайние левые получили 30 голосов из 300, а 270 гол. были целиком поданы за ту линию, которая была принята Исполкомом Коминтерна и которая была опубликована в нашей газете.

Следующий вопрос: «Входит ли в $7^1/_2$ миллиардов частновладельческий капитал, исключая крестьян и кустарей? Если бы это было так, то надо было бы «свертывать удочки»?». Нет, тт., это не так. Все крестьянство, все кустари и ремесленники входят в $7^1/_2$ миллиардов, а у нас против этого имеется одиннадцать миллиардов. Сколько останется у частного капитала? Я думаю, что только полмиллиарда.

Следующий вопрос: «Будет ли Троцкий избран XIV партсъездом в ЦК и Политбюро?» Я, тт., о себе не знаю, буду ли я избран, как же я могу знать о другом!

«Какой процент прибыли получается от продажи спиртных напитков?».

Процент, тт., я не знаю, но должен покаяться, что в тех миллионах и сотнях миллионов, которые мы собирались дать промышленности, транспорту, Красной армии и сельскому хозяйству, есть немножечко прибыли, количеством в двести миллионов рублей.

«Что предпринимает правительство для борьбы с пьянством?». Мы приняли ряд мер, которые будут скоро опубликованы. Мера (я думаю, что она здесь никого не огорчит): мы вместо рубля решили продавать бутылку за 1 р. 50 к.

Ясно, что мы продешевили на этом деле. Ведь все равно в деревню водка попадает не по нашей цене, так лучше, чем давать наживаться скупщикам, будем брать в казну. Как избежать перекупки водки? Это вещь чрезвычайно трудная. Мы ввели такие правила: во-первых, давать на человека не больше одной бутылки, во-вторых, дали право кооперации запрещать продажу кооперативам, по постановлению общего собрания. Дали право губернским исполкомам, по постановлению сельских сходов, или городских в фабричных местностях, запрещать в том или другом районе продажу водки. Наконец, запретили продажу водки в те часы, когда вообще запрещена торговля. Дальше, постановили запретить продажу водки в фабричных местностях в предпраздничные дни после прекращения работы. Словом, целый ряд мер, которые направлены к тому, чтобы оградить рабочий класс от пьянства, которое у нас развивается.

Конечно, я не могу сказать, что мы водку выпустили и будем притворяться невинными. Раз пустили — значит народ будет пить. Но надо напрячь все силы к тому, чтобы вытеснить самогон. И надо сказать, что некоторую роль в этом деле водка играет. Но ведь мы выпустили одну пятую того, что раньше выпускал царь, царь выпускал 100 милл., а мы только 20 миллионов, царь имел прибыли 800 миллионов, а мы только 200 миллионов. Я должен сказать, что, несмотря на перепродажу, мы на расширение производства водки не пойдем и больше того количества, которое даем, — давать не будем.

Следующий вопрос: «Укажите, каково положение с вывозом, какие продукты в этом вывозе фигурируют?». В нашем вывозе около 60% будут играть продукты сельского хозяйства, хлеб, продукты рыбной промышленности, звероловство, пушнина, животноводство, конопля, яйца, масло и т. д. Из продуктов промышленности главной вывозной статьей является нефть. Немножечко будем вывозить руды и леса.

Наша задача заключается в том, чтобы возможно большее количество отраслей народного хозяйства сделать экспортноспособными. У нас масса вещей, которые могут быть вывозимы за границу, которые нужны за границей, но мы не умеем их достаточно разрабатывать, с другой стороны, не умеем их как следует вывозить. Например, яйца и масло. Они могли бы составить для нас громадную статью прибыли и мы за них могли бы ввозить машины, электроустановки и т. д. Но для этого нужны холодильники, нужны специальные вагоны, специальная обработка и т. д. Этого мы делать как следует не научились, но в будущем эти экспортные статьи должны быть всячески увеличены.

Сейчас такое положение: сейчас мы вывозим 65% сельского хозяйства, а ввозим 65% для промышленности. Это что значит? Это значит, что мы страна аграрно-промышленная, т. е. главную долю в нашем народном хозяйстве занимает крестьянское хозяйство, а хотим мы сделаться такой страной, в которой главная роль принадлежала бы индустрии. Поэтому, вывозя продукты сельского хозяйства, мы обмениваем их на продукты, необходимые для развертывания нашей промышленности.

Но это не значит, конечно, что мы обижаем крестьян. Мы получили возможность снизить цены на продукты, которые идут крестьянам. Мы должны сказать, что крестьянское хозяйство без дешевой машины, без дешевого инвентаря мы ни за что не поднимем, а это можно дать крестьянину только тогда, когда мы нашу промышленность поднимем.

Следующий вопрос: «Ответьте, пожалуйста, почему государство частным лицам запретило покупать хлеб дороже, чем платят государственные органы?». Это неверно. Мы не запрещаем и не можем запретить покупателю крестьянского хлеба платить какую бы то ни было цену. Мы боремся с частным капиталом, закупая больше хлеба государственными органами, но запретить мы не можем. Крестьяне скажут: почему нам власть запрещает продавать по той хорошей цене? и будут недовольны, — скажут: какое же это правительство!

Борьба с частным капиталом, с частными хлебными заготовками должна вестись другим путем, именно тем, что мы

должны частный капитал стеснять и лишать всякого кредита в наших банках, должны вести на железных дорогах такой режим, при котором была бы обеспечена в первую очередь перевозка государственным хлебозаготовителям, кооперации, и был бы для них специально установлен тарифный режим выше, чем для перевозки государственного хлеба. Если мы терпим теперь частных покупателей хлеба, то потому, что мы не можем в полной мере взять на себя снабжение всех городов хлебом. Если выйдет какая-нибудь заминка снабжения хлебом, кто окажется виновным, что хлеба нет? Мы, государственные организации, потому что мы запретили какой бы то ни было ввоз хлеба. Следовательно, к этой мере мы можем перейти лишь тогда, когда наша заготовительная организация будет в состоянии удовлетворить хлебом в такой мере, в какой это необходимо. Поэтому мы стесняем частного торговца по мере возможности, но не запрещаем ему покупать хлеб.

Следующий вопрос: «Каковы общие директивы ЦК по борьбе со спекуляцией, имеются ли в ЦК сведения, что в спекуляции участвуют члены партии?».

Товарищи знают, что последовал специальный циркуляр тов. Дзержинского, который ясно и определенно резко ставит вопрос об уголовной ответственности и всякой ответственности всех государственных органов, которые занимаются спекуляцией, которые играют на товарном голоде. И партия, конечно, будет совершенно беспощадно бороться с теми членами нашей партии, которые используют свое положение в качестве руководителей трестов, синдикатов и банков и т. д. для спекуляции, даже тогда, когда они делают эту спекуляцию не лично для себя, а в интересах своего учреждения. Есть такие товарищи, что они для себя лично спички не возьмут, но думают, что они делают большое государственное дело, если сыграют для своего учреждения на товарном голоде. Это есть преступление против социалистического строительства и поэтому против него мы будем, конечно, бороться самыми резкими мерами, вплоть до исключения из партии.

Следующий вопрос: «По какой цене продали хлеб заграницу?» Заграницу мы продали хлеб в среднем от 1,50 до 1,70.

«Как дело обстоит с добычей хлопка в СССР во избежание привоза его из-за границы?»

Дело с хлопком стоит в центре нашего внимания и увеличение добычи хлопка для наших текстильных фабрик рассчитано таким образом, чтобы в течение пяти лет нам не понадобилось ни одного пуда ввозного хлопка из заграницы. Для этого мы отпустили на расширение хлопковых плантаций в Туркестане до 60 миллионов рублей, а в этом году урожай хлопка чрезвычайно хорош и товарищи, которые говорили, что туркестанский хлопок даст нам 9 миллионов пудов, теперь говорят, что добыча хлопка

дойдет до 12 или $12^1/_2$ миллионов пудов. Так что нам придется докупить 5 или $5^1/_2$ миллионов пудов хлопка в Америке для того, чтобы загрузить все наши текстильные фабрики полностью и целиком.

Вопрос: «Каковы результаты концессий? Как концессионеры выполняют взятые на себя обязанности?». Я должен сказать, что вся сумма дохода, которую мы имеем от концессионеров, достигает всего 4 миллионов рублей, из которых 1 миллион 200 тысяч приходится на концессию Гаремана по разработке марганца. Это значит, что наша концессионная политика больших результатов еще не дала. Участие иностранного капитала еще незначительно. И тут дело заключается не в том, что мы боимся концессионера, а в том, что нам не удалось еще привлечь к делу капиталистов мало-мальски больших размеров.

Вопрос: «В каком состоянии находится вопрос о долгах иностранному капиталу?». Очень печальном для тех, которые думают получить их. (Аплодисменты.)

ВОПРОСЫ ХОЗЯЙСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА.

Тезисы доклада на XIV партсъезде, одобренные Политбюро ЦК РКП (б.).

1. Общие задачи партии в руководстве народным хозяйством.

Работа над осуществлением социализма в СССР с его преобладающим крестьянским населением требует усиленного внимания партии к трем задачам:

1) Усилению промышленности в общей экономике страны, как непосредственной и единственно прочной основы социалистического хозяйства и как опоры диктатуры пролетариата.

2) Вовлечению крестьянства в социалистическое строительство при помощи широкого кооперирования его на базе растущей индустриализации страны, хозяйственного укрепления середняцких и бедняцких слоев крестьянства и широкого культурного подъема в стране.

3) Обеспечению руководящей роли пролетариата во всем этом процессе.

Только на этом пути могут быть преодолены препятствия в деле социалистического строительства, создаваемые в обстановке нэпа остатками капиталистических отношений в деревне и возрождением этих отношений на почве мелкого крестьянского производства и свободного товарооборота.

Одним из необходимейших условий победы социалистических форм хозяйства над капиталистическими является все большая рационализация промышленности, находящейся в руках государства, повышение ее технического уровня, повышение в ней производительности труда и связанные с этим понижение стоимости и повышение качества продуктов государственной промышленности. С другой стороны, необходимым условием социалистического строительства является широкое развитие производительных сил в деревне, всемерное повышение технического уровня

крестьянского хозяйства, рост общего благосостояния сельского населения и расширение таким образом крестьянского рынка.

Эти задачи связаны с успехом кооперирования крестьянства и мерами, направленными к интенсификации и индустриализации земледелия и коллективизации его.

Указанные выше задачи могут быть решены лишь при условии активного участия в них всей массы трудящегося населения.

Это участие должно получить свое выражение в том, что дело народного хозяйства во всех его отраслях отнюдь не является исключительно делом центральных органов, но при общем необходимом руководстве из центра должно являться делом всех звеньев советской системы (союзные и автономные республики, областные объединения, местные советы). Экономическое районирование Союза, усиление заинтересованности местных и областных органов в выполнении общегосударственных заданий и широкое развитие местной промышленности должны обеспечить правильное взаимодействие и тесную связь между работой центральных и местных органов в деле развития народного хозяйства.

Влияние и содействие делу народного хозяйства со стороны рабочего класса должно сказаться прежде всего в деятельности профсоюзов, кои должны стремиться стать поголовной организацией рабочего класса, с одной стороны, и принимать ближайшее участие в деле организации и развития промышленности, с другой стороны.

Такой же формой участия широких масс трудящихся в деле развития и рационализации народного хозяйства должна стать кооперация, охватывая во все большей мере разнообразные стороны крестьянского хозяйства.

Советы, профсоюзы и кооперативные объединения должны стать подлинными школами коммунистического управления как государством, так и народным хозяйством.

Специальной задачей партии в наших условиях является приобщение к промышленному развитию отсталых окраинных областей Союза, в которых продолжают господствовать патриархальные, докапиталистические формы хозяйства.

2. Достижения.

Несмотря на чрезвычайно трудные условия построения социалистического хозяйства в условиях разоренной аграрной страны при капиталистическом окружении, достигнутые уже результаты громадны.

Мирное строительство насчитывает в нашем Союзе всего 4 года. Эти годы ознаменовались систематическим, все ускоряющимся подъемом во всех областях народного хозяйства, при чем

истекший хозяйственный год дал громадный скачок вперед, а предстоящий хозяйственный год имеет все шансы закончить движение к довоенному уровню, — в общем, на старой технической базе, — и открыть новый этап социалистического хозяйства, в котором центр тяжести будет лежать в расширении и реконструкции всего народного хозяйства и, в частности, промышленности.

Этот подъем характеризуется следующими основными чертами:

Общая продукция сельского хозяйства исчислялась в 1923—24 г. в 8 116 милл. руб., в 1924—25 г.—в 8 106 милл. р. и в 1925—26 г. — свыше 10 миллиардов рублей.

Ценность продукции государственной промышленности в довоенных рублях определялась в 1923—24 г. в 1 854,5 милл. руб., в 1924—25 г.—в 2 998,3 милл. руб. и в 1925—26 г.—4 511,7 милл. рублей.

Количество рабочих, занятых в цензовой промышленности, равнялось в 1923—24 г. 1 516,7 тысяч, в 1924—25 г.—1 846,9 тысяч; предполагаемое увеличение на 1925—26 г.—2 300 тысяч (данные Госплана).

Добыча нефти в 1923—24 г. достигла 362,46 милл. пуд. (64,5 проц. довоенной добычи), поднялась в 1924 — 25 г. до 423,7 милл. п. (75,5 проц. довоенной добычи) и, по предварительным планам, должна достигнуть в текущем году 521,4 милл. пуд. (93 проц. довоенной добычи).

Соответственные цифры для угля будут: 962,5 (54,5 проц.), 979,4 (55,3 проц.), 1 514,5 (86 проц.); для мартена: 562,8 (22 проц.), 698,3 (44,3 проц.), 1 825 (71 проц.); для чугуна: 402,9 (15,6 проц.), 795,1 (30,9 проц.), 1 512,1 (58,7 проц.); для переработки хлопка: 6 527 (25 проц.), 12 399,5 (48,7 проц.), 17 996,3 (70 проц.); для готовой ткани: 1 174,8 милл. арш. (35 проц.), 2 095,5 милл. арш. (62 проц.), 3 051,1 милл. арш. (90,5 проц.).

Торговые обороты 291 треста за 1924—25 год достигли 3 623,6 милл. рубл., увеличившись сравнительно с предшествующим годом на 52,4 проц.

Оборот 12 синдикатов за год увеличился на 76 процентов и достиг 1 130,2 милл. рублей.

Обороты прочих государственных торговых организаций за год достигли 800 милл. руб., увеличившись вдвое.

Увеличение оборотов потребительской кооперации за год равно 55 проц., достигнув в истекшем году 3 720 милл. р., при предполагаемом обороте в текущем году 4 555,6 милл. руб.

Обороты сельскохозяйственной кооперации увеличились по отношению к прошлому году на 57 проц., достигнув в 1924—25 году 996,7 милл. руб.

Средняя суточная погрузка, достигшая в 1923—24 г. 13 500 вагонов, в 1924—25 г. достигла 17 398 вагонов и в 1925—26 г. явно превысит 22 тысячи вагонов.

Общая сумма перевезенных грузов равна соответственно 4 120,1, 5 040 и 6 410 милл. пудов.

Общее количество денег в народном обращении поднялось за год с 627,1 милл. руб. (1923—24 г.) до 1 246 899,5 тыс. (почти вдвое).

Общая сумма кредитов, предоставленных Госбанком и пятью акционерными банками народному хозяйству в 1923—24 г., — 956,8 милл. руб., в 1924—25 году — 1 997 милл. руб. (увеличение на 109 проц.) и превысит, вероятно, в текущем году 3 миллиарда рублей.

Бюджет в 1923—24 г. равнялся 1 917 милл. руб., в 1924—25 г. — 2 800 милл. руб. и для 1925—26 г. — предположительно 4 000 милл. руб.

Этот подъем свидетельствует о том, что диктатура пролетариата справилась со своей предварительной задачей восстановления страны после империалистической и гражданской войн.

Этот подъем мог осуществиться, однако, лишь благодаря правильной политике партии, основанной на укреплении союза рабочих и крестьян.

Лишь при правильном сочетании интересов двух основных классов — рабочих и крестьян, — лишь через нэп могли быть достигнуты указанные выше результаты.

Достигнутые результаты вполне подтверждают правильность систематических указаний партии, дававшихся ею, начиная с осени 1923 года, о необходимости «тщательного согласования всей хозяйственной политики с уровнем развития крестьянского хозяйства», «об ошибочности с точки зрения социалистического строительства включения в цены продуктов расходов на такое быстрое восстановление и расширение основного капитала, которое явно не под силу в данный момент основной массе населения страны», «о необходимости, строго проводя политику приспособления к массовому рынку, понижения себестоимости и расширения производства предметов массового потребления, проложить себе дорогу к крестьянскому массовому рынку» и «о необходимости темп развития промышленности строго согласовать с общим ходом расширения емкости крестьянского рынка».

Осуществление этой политики за истекший период укрепило положение промышленности, расширило емкость крестьянского рынка, усилило доверие широких масс крестьянства к социалистическому хозяйству и пролетариату, как его руководителю, и позволяет ныне, опираясь на общий подъем народного хозяйства, сделать новый крупный шаг в деле расширения социалистических элементов нашего хозяйства.

В дальнейшем хозяйственная политика партии должна зиждиться на тех же началах, учитывая, однако, несомненный рост емкости рынка, подъем крестьянского хозяйства и несомненную возможность и настоятельную необходимость расширения государственной промышленности за счет роста общего накопления в стране.

3. Трудности роста и их преодоление.

Общий подъем народного хозяйства создает для дальнейшего продвижения вперед социалистического строительства новую обстановку, которой свойственны свои специфические трудности. Трудности эти заключаются, во-первых, в том, что при противоречивых тенденциях в нашем хозяйстве общий подъем страны открывает дорогу усилению роли несоциалистических элементов хозяйства (рост новой буржуазии в городе и деревне; относительное усиление крайних флангов в деревне: кулачества, с одной стороны, и деревенской бедноты и батрачества — с другой; попытки частного капитала — при несомненном увеличении удельного веса государственной и кооперативной торговли — сохранить и даже усилить свои позиции в товарообороте между городом и деревней). Вторая трудность заключается в том, что государственная промышленность, которая призвана преодолевать эти процессы путем планомерного воздействия на стихию крестьянского рынка и хозяйства, испытывая недостаток капиталов, не успевает в полной мере выполнить свои задачи.

Основной задачей и основной трудностью остается — вовлечь в социалистическое хозяйство 22 миллиона раздробленных крестьянских хозяйств, доказав им на деле преимущество социалистических форм хозяйства, и охватить их рычагами государственного хозяйства (снабжение продуктами государственной промышленности, электрификация, государственный кредит, государственная заготовка сырья, монополия внешней торговли, транспорт).

Сосредоточивая в своих руках бóльшую часть всех капитальных фондов и опираясь на национализацию земли, советское государство может выполнить эту задачу лишь при условии систематического расширения крупной машинной индустрии, роста кооперирования, усиления своего планомерного воздействия на стихию рынка и умелого сочетания непосредственных интересов основной крестьянской массы с общими интересами советского строительства.

При этом необходимо, однако, полностью учитывать самостоятельные тенденции крестьянского хозяйства и степень устойчивости этих тенденций.

Предположения о сдаче крестьянством 70 проц. всех товарных излишков хлеба уже к 1 января, о соответствующем падении

цен на хлеб и связанные с этими предположениями расчеты на размеры экспорта и расширение промышленности связаны были именно с такой недооценкой.

Необходимо считаться с тем, что совершенно правильная политика Советской власти, направленная к отказу от административных мер воздействия в экономической сфере, облегчению налогового бремени крестьянства и проч., расширила для крестьянства возможность реализовать свою продукцию в сроки и на условиях, не совпадающих с теми, которые были бы наиболее выгодны для всего народного хозяйства в целом. В ту же сторону действовали недостаток промтоваров, широкое финансирование хлебозаготовителей и конкуренция их между собой. Те изменения, которые должны быть в результате внесены в первоначальные расчеты, ни в коем случае не должны, однако, скрывать тот факт, что в сравнении с прошлыми годами мы и в этой области имеем значительные успехи.

Исходя из валового урожая в 4 100 милл. пуд., предполагалось за год заготовить средствами основных заготовительных хлебных культур 780 милл. пуд. Ныне предполагается, что возможно будет заготовить до 645 милл. пуд. На 21 октября заготовлено 260 милл. пуд. С предполагаемой до 1 января 1926 г. заготовкой вся заготовка к этому моменту составит 350 милл. пуд., т.-е. 44,8 проц. первоначального и 54,2 проц. измененного годового плана. Из заготовленного хлеба на 21 ноября уже запродано 88,2 милл. пуд., фактически вывезено заграницу на то же число 78,1 милл. пуд. (Весь вывоз хлеба за 1923 — 24 г. равнялся 182,2 милл. пуд.)

Некоторый рост расслоения деревни и в этом году несомненен. Неизбежно при этом и то, что в руках сравнительно незначительной группы крестьянства сосредоточивается сравнительно большее с прошлыми годами количество хлеба и что соответственно усиливается экономическое влияние этой группы. Опираясь на это, кулацкая верхушка получает сравнительно с прошлым бо́льшую возможность влиять — в отрицательном, конечно, смысле — на ход выполнения общегосударственных планов и пытается использовать подъем производительных сил деревни в капиталистическом направлении.

Основной формой противодействия этому и воздействия на направление крестьянского хозяйства в сторону социализма в руках Советской власти, на ряду с общей индустриализацией и электрификацией страны, является кооперация.

Настоятельно необходимое повышение участия крестьянского хозяйства в общем товарообороте страны, повышение его товарности, т.-е. переход от потребительского типа крестьянского хозяйства к производству на рынок, могли бы угрожать социалистическим элементам нашего хозяйства, если бы параллельно

этому процессу не развивалась и не росла кооперация и вся система государственного воздействия на сельское хозяйство.

Съезд еще раз обращает внимание всех членов партии на ту совершенно исключительную роль, которую в связи с этими явлениями приобретает кооперация в деревне.

Кооперация является основной формой вовлечения распыленных крестьянских хозяйств в общее социалистическое строительство. Она в десятки раз облегчает и ускоряет процесс перехода крестьянского хозяйства к более высоким и производительным формам хозяйства. Она должна превратиться в орудие поднятия уровня хозяйства основной середняцкой и бедняцкой массы крестьянства и облегчить ей сопротивление кулацкой верхушке деревни. Она, наконец, обеспечивает проведение планового начала в сельском хозяйстве и систематическое его преобразование в направлении индустриализации и тесной связи с современной техникой.

Состязание между кооперацией и индивидуалистической формой развития производительных сил составит основное содержание социально-экономической борьбы в деревне, причем сама кооперация может стать в известных случаях ареной борьбы противоположных тенденций.

Могучие экономические силы, находящиеся в руках пролетариата при Советской власти, делают победу советской кооперации над капиталистическими ростками современной деревни совершенно неизбежной и гарантируют партии при правильной политике действительный переход к тому «строю цивилизованных кооператоров», о котором писал Ленин.

Но эта неизбежная победа не должна затушевывать того факта, что на данной стадии своего развития кооперация еще далеко не в состоянии парализовать противоположные ее задачам частно-собственнические тенденции крестьянского хозяйства, стихийно растущие на почве его раздробленности и свободного товарооборота.

Партия и Советская власть должны направить свою политику на обеспечение окончательного перевеса кооперации над противоположными тенденциями, систематически и неуклонно направляя все находящиеся в их руках рычаги в сторону поддержки основной массы крестьянства и обеспечивая тем развитие производительных сил деревни в формах, соответствующих росту социализма. Одновременно партия должна употребить все усилия для обеспечения социалистической линии в недрах самой кооперации, воздействуя в этом направлении всеми имеющимися в ее распоряжении средствами.

Политика партии должна быть направлена на союз с середняцкими и бедняцкими массами крестьянства против кулацкой его верхушки.

Развертывая промышленность, как основную базу социалистического строительства и основное орудие преодоления всех противоборствующих тенденций, необходимо признать, что ее задачи смогут быть в каждый данный момент тем лучше выполнены, чем больше будут ее материальные резервы, без которых задачи планирования и регулирования рынка необычайно затруднены.

Растущая связь нашего и мирового хозяйства несомненно облегчает нам задачу реконструкции всего нашего хозяйства на новых началах, но не должна закрывать от нас того факта, что сама эта связь в известном смысле облегчает для враждебного нам капиталистического окружения возможность попыток наносить удары нашему строительству. При построении наших планов, как и при осуществлении ввоза и вывоза, это должно быть принято во внимание в смысле создания известных резервов (активный, расчетный и торговый баланс и проч.).

4. Сельское хозяйство.

В области развития сельского хозяйства основная задача заключается, с одной стороны, в том, чтобы возможно быстрее поднять как общее количество сельскохозяйственной продукции, так и увеличить значение наиболее ценных культур, с другой стороны, в том, чтобы создать выгодные для основной массы крестьянства условия реализации этой продукции, стремясь к понижению ее себестоимости и соответственно цены.

Несмотря на хороший урожай текущего года, урожайность остается чрезвычайно низкой; столь же низким является технический уровень крестьянского хозяйства с его неизбежными последствиями: слабой производительностью труда, низкой доходностью, аграрным перенаселением, слабой покупательной способностью крестьянского рынка.

Технические культуры (хлопок, лен, конопля, свекла, подсолнух и т. д.), на которых базируется наша промышленность и развитие которых необходимо для ее дальнейшего роста и освобождения ее от зависимости от заграничного сырья,—а также животноводство, овцеводство, маслоделие и проч., несмотря на несомненный рост, а иногда и превышение довоенного уровня, все же играют непомерно малую роль в общем сельскохозяйственном производстве.

Все эти обстоятельства, отражающие слабое развитие производительных сил деревни, требуют к себе особенного внимания партии, ибо они определяют условия жизни громадной массы населения страны и неизбежно задерживают темп социалистического строительства как в деревне, так и в городе.

Преодоление этих условий требует энергичных мер в деле восстановления основного капитала в сельском хозяйстве, его

расширения, повышения его технического уровня и индустриализации его, а также облегчения связи его с рынками путем усиленного дорожного строительства.

Современное положение сельского хозяйства и необходимость быстрого и решительного улучшения этого положения требуют от государства, помимо всестороннего содействия кооперации, также прямой финансовой поддержки, как в форме государственного кредита, так и в форме прямых бюджетных ассигнований.

На удешевление кредита для крестьянства и на приспособление его форм к действительным потребностям последнего должно быть обращено особое внимание.

Съезд одобряет специальные ассигнования, произведенные на поднятие центрально-черноземной области (25 милл. р.), областей, пострадавших от неурожая (77 милл. р.) и на поднятие хлопководческих районов (до 60 милл. р.).

Как кредитные средства, так и прямые ассигнования на поднятие сельского хозяйства должны быть направляемы таким образом, чтобы служить к укреплению хозяйств широких основных масс крестьянства — середняков и бедняков — и чтобы усилить их сопротивление эксплуатации со стороны кулацкой верхушки деревни.

Рост сельскохозяйственной продукции приводит неизбежно к тому, что ее продажа на заграничном рынке становится важнейшим условием удержания цен на выгодном и необходимом для ее дальнейшего подъема уровне.

Только при все расширяющемся экспорте сельскохозяйственной продукции возможно обеспечить:

1) и цену (на хлеб и другие продукты), выгодную для крестьянского хозяйства, и 2) тот импорт промышленного сырья и оборудования, без которого невозможно соответствующее развертывание промышленности, а следовательно и снабжение крестьянства промтоварами и дальнейшее снижение их цен.

Необходимость своевременного вывоза избытков сельскохозяйственной продукции и полное совпадение в этом пункте интересов крестьянства и интересов всего народного хозяйства в целом должны быть широко разъяснены.

Политика цен должна быть направлена к тому, чтобы основная масса крестьянства получила при реализации продуктов своего хозяйства такую цену, которая бы позволила ей поднимать свое хозяйство.

Установление этих цен должно происходить путем чисто-экономических мер. Если, с одной стороны, эти меры должны противодействовать падению цен ниже вышеуказанного уровня, то, с другой стороны, совершенно необходимо теми же экономическими мерами противодействовать непомерному вздутию цен.

Только при указанной выше политике цен возможно осуществить экспортный план, а также обеспечить снабжение хлебом по определенным ценам тех районов, крестьянство которых занято выработкой технических культур (хлопок, лен и т. д.) и, таким образом, расширение посевов этих культур.

Создавая своей политикой условия, облегчающие общий рост производительных сил деревни и общий подъем материального благосостояния ее, политика партии в то же время должна содействовать усиленному росту и укреплению хозяйства и повышению активности основной середняцкой и бедняцкой массы деревни, как при помощи их кооперативного объединения, так и при помощи прямого содействия этим слоям со стороны советского государства (льготные условия кредита, облегчение для этих слоев приобретения сельскохозяйственных машин, льготы по с.-х. налогу и проч.).

Съезд одобряет решения XIV партконференции и октябрьского пленума ЦК, сочетающие политику развития производительных сил деревни с укреплением середняцких и бедняцких слоев против растущих капиталистических элементов деревни, и обращает внимание всех работников на необходимость действительного проведения в жизнь решений III Съезда Советов, направленных к укреплению и развитию крестьянского хозяйства.

5. Промышленность.

Достигнутый уровень промышленного производства, несмотря на небывало быстрый его рост, все еще не в состоянии полностью удовлетворить нужды деревни, обеспечить достаточно быстрое восстановление транспорта во всех его видах, противостоять капиталистическому Западу, как вполне конкурентно-способная сила, полностью обеспечить нужды обороны страны и удовлетворить растущие потребности пролетариата.

Восстановление основного капитала промышленности, ее расширение и реконструкция на новой, более высокой технической основе выдвигается как тем, что мы подходим к 100 проц. использования старого основного капитала, так и тем, важнейшим с точки зрения строительства социализма обстоятельством, что только расширенная и перестроенная на новой основе промышленность сможет действительно всесторонне охватить и обслужить крестьянство и направить хозяйственный подъем в деревне по социалистическим рельсам.

Существующий в стране недостаток промышленных товаров (товарный голод) ведет к росту розничных накидок, раздвижению оптово-розничных ножниц, содействует росту частного посреднического капитала и может даже благодаря повышению цен иметь результатом понижение реальной заработной платы.

При этих условиях дальнейшее планомерное развертывание промышленности, направленное к увеличению количества товаров, удешевлению их стоимости и улучшению их качества, является настоятельной задачей как с точки зрения укрепления социалистических элементов хозяйства, так и с точки зрения укрепления доверия крестьянства к социалистическим методам хозяйства. Ту же задачу выдвигает перед нами и расширение связи нашего хозяйства с мировым рынком и необходимость не отставать от него в темпе. На ближайшие годы основной проблемой развития промышленности явится проблема нового промышленного строительства.

Это дальнейшее развертывание промышленности требует со стороны государства направления в промышленность дополнительных средств. Эти затраты, со своей стороны, окажутся, несомненно, выгодными и для основной крестьянской массы, ибо они должны привести к устранению товарного голода в деревне, снижению как оптовых, так и розничных цен и повышению технического уровня крестьянского хозяйства путем облегчения для него приобретения сельскохозяйственного инвентаря, машин и т. п.

Основным источником дополнительных вложений в промышленность может явиться лишь рост национального дохода и накопления в стране. Путем решительной экономии в области непроизводительного потребления необходимо добиться того, чтобы максимальная часть добавочных, получаемых в результате накопления, средств была направлена на производственные цели, в первую очередь на восстановление и расширение основного капитала промышленности.

Государственный бюджет ради интересов развития промышленности должен и в этом году отказаться от расходования получаемых от государственной промышленности доходов на какие-либо иные цели, кроме расширения самой промышленности, и восполнить увеличение капиталов промышленности в той части, в которой это не может быть сделано за счет прибылей самой промышленности и за счет кредита. Средства государственного кредита должны быть направляемы в промышленность не только в виде краткосрочного кредитования, но и в виде долгосрочных вложений (через заем хозяйственного восстановления) за счет средств, скапливающихся в системе государственного кредита.

Промышленное хозяйство, полученное советским государством в наследство от буржуазии, призвано было удовлетворять интересам, прямо противоположным тем, которые ставит перед собой Советская власть. Игра интересов частных предпринимателей определяла и распределение промышленных предприятий между отдельными отраслями народного хозяйства, и географическое их размещение, и характер их оборудования.

Социалистическая промышленность, имеющая перед собой задачу удовлетворения потребностей широких масс населения, в частности обслуживание крестьянского рынка и вовлечение крестьянского хозяйства в общее дело социалистической перестройки всей экономики страны, может добиться осуществления этих задач лишь путем систематической и планомерной реорганизации всего этого хозяйства. Эта грандиозная задача может быть выполнена, конечно, лишь в течение ряда годов. В меру осуществления этих задач промышленность Союза сможет выявить все преимущества социалистической организации перед капиталистической и явиться победоносной силой на арене мировой конкуренции.

Необходимо, однако, помнить при составлении и осуществлении практических планов, направленных к осуществлению этой задачи, что темп этой реорганизации находится в тесной зависимости от тех средств, которые будут предоставляться социалистическому государству общим хозяйственным подъемом страны, и что практические планы должны быть строго увязаны с ходом накопления средств как в крестьянском хозяйстве, так и в государственном бюджете и в каналах государственного кредита. Политика партии должна быть направлена к тому, чтобы в меру роста благосостояния страны все бóльшая сравнительно доля средств направлялась на промышленное строительство, электрификацию и общую индустриализацию страны.

Для текущего хозяйственного года капитальные затраты промышленности могут быть определены в суммах от 800 до 900 милл. руб.

Новое промышленное строительство и характер переоборудования наших фабрик и заводов должны определить общее направление развития нашего хозяйства и посему должны происходить на основе строго продуманных планов, увязанных с перспективами развития всех отраслей народного хозяйства.

В этом важнейшем деле недопустима никакая затрата средств, несогласованная с общими планами, никакие уступки частичным или местным интересам, не увязанным с общегосударственными планами.

В основу этого плана должны быть положены общие интересы укрепления социалистического фундамента всего Союза, в частности интересы повышения обороноспособности Союза и установление более тесной смычки между государственной промышленностью и крестьянским хозяйством на основе: 1) необходимости ставить новые заводы и фабрики сразу на высокую техническую базу с точной увязкой с планом электрификации

(наличность источников энергии); 2) учета естественных условий отдельных районов (наличность сырья и путей сообщения), а также возможности использования свободных рабочих рук в районе; 3) быстрейшего удовлетворения нужд крестьянства в сельскохозяйственных машинах и орудиях; 4) близости производства к потребителю, т.-е. географической децентрализации промышленности, создания производственных центров в лишенных до сих пор промышленности районах и на окраинах; 5) военно-стратегических соображений.

Вся работа по оборудованию и расширению промышленности должна быть подчинена задаче всемерной рационализации государственной промышленности, имеющей своей целью как наиболее полное производительное использование природных богатств страны, так и снижение себестоимости продуктов промышленности и повышение их качества, а также наибольшее приспособление к использованию местного сырья и технического обслуживания сельского хозяйства.

Необходимо систематически продолжать работу над снижением себестоимости продукции промышленности, обеспечивающей дальнейшее проведение политики снижения цен, доказавшей свою целесообразность. Вместе с тем должны быть приняты решительные меры, чтобы снижение оптовых цен действительно доходило до потребителя.

Необходимо, чтобы торговая политика производственных организаций была строго увязана с общими задачами, стоящими перед Советской властью в других областях народного хозяйства (заготовкой хлеба и сырья, осуществлением экспортного плана, обеспечением развития отдельных сельскохозяйственных районов и отраслей сельского хозяйства в желательном направлении). Необходимо поэтому установить, что торговые организации (в частности синдикаты) должны осуществлять распределение промтовара по планам, согласованным между ВСНХ и Наркоматом внешней и внутренней торговли.

Недостаток промтоваров и наличие неиспользованных рабочих рук подчеркивают важность развития местной промышленности, рассчитанной на обслуживание текущих нужд местного населения, базирующейся на использовании местного сырья и местной рабочей силы. Инициативе мест в деле развития местной промышленности должно быть оказано всяческое содействие.

6. Внешняя и внутренняя торговля.

При нэпе связь между государственной промышленностью и крестьянством осуществляется через свободный товарооборот. Меры, принятые партией и Советской властью за последний год, освободили товарооборот между городом и деревней и в самой

деревне от остатков мер административного воздействия. Между тем регулирование внутреннего рынка является одной из главных мер воздействия на развитие крестьянского хозяйства в желательном направлении и подчинение его интересам всего народного хозяйства в целом.

Между тем и сейчас еще, вероятно, не менее половины всех товаров (что, однако, представляет результат значительных достижений государственной и кооперативной торговли по сравнению с прошлыми годами), производимых государственной промышленностью, получается непосредственным потребителем, в особенности деревенским, из рук частного розничного посредника. Частный же посредник использует товарный голод при помощи неслыханно высоких накидок на отпускные цены государственной промышленности, эксплуатируя в значительной степени в свою пользу политику снижения цен государственной промышленности.

При этих условиях усиление роли государственных и кооперативных органов в этой важнейшей сфере непосредственной смычки государственной промышленности и крестьянского хозяйства является основной задачей. Основная роль в этой области принадлежит кооперации: борьба с непомерными розничными накидками, борьба за снижение розничных и оптовых цен должна быть в центре ее внимания.

Обеспечивая кооперации определенную и все возрастающую массу товаров по определенной цене и в определенные сроки, необходимо требовать от кооперации выполнения ее важнейшей функции в настоящих обстоятельствах товарного голода и спекуляции: донести до массового потребителя удешевление цен промтоваров.

Лжекооперации, пытающейся использовать товарный голод в свою пользу, не должно быть места в кооперативной системе.

Основной задачей торговой политики должно оставаться обеспечение правильного снабжения широких масс потребителей, и в частности крестьянства, направление товаров по государственным и кооперативным каналам, активное воздействие на рыночные цены и всесторонняя борьба с расширяющимися «ножницами» между оптовыми и розничными ценами.

В деле заготовок дезорганизующей роли конкуренции и несогласованности между организациями, работающими на внутренний и внешний рынок, должен быть положен конец путем прежде всего уже проведенного объединения наркоматов внешней и внутренней торговли.

Упорядочение внутреннего рынка требует прежде всего решительной борьбы с громоздкостью и несогласованностью действий различных заготовительных организаций, со стремлением торговых организаций использовать товарный голод в своих интересах, с высокими накладными расходами и несогласованностью действий кредитных учреждений.

Политика кооперации, политика цен и кредитная политика должны быть направлены к тому, чтобы постепенно сужать сферу действий частного посредника по мере замещения его кооперативными и государственными организациями.

Как дальнейшая реконструкция промышленности, так и дальнейший подъем сельского хозяйства требуют усиленного использования заграничного рынка.

Маневрирование экспортом и импортом является уже сейчас важнейшим орудием советского государства в целях дальнейшего развития хозяйства и усиления его социалистических элементов.

При осуществлении этой задачи система монополии внешней торговли единственно гарантирует как состав экспортно-импортных масс, так и благоприятный для нас баланс.

Экспортно-импортный план должен быть построен так, чтобы в наибольшей мере был обеспечен и ввоз промышленного сырья и оборудования, а также предметов оборудования сельского хозяйства, а экспорт всячески увеличен за счет все большего вовлечения в экспорт отдельных отраслей хозяйства и приспособления их к потребностям мирового рынка (т.-е., помимо хлеба, леса, нефти и т. д., также масла, яиц, бекона и пр.).

При проведении самого экспортно-импортного плана должны быть использованы все возможности выгодных заграничных товарных и банковских кредитов при обязательном согласовании этих операций с нашими валютными планами.

Важнейшей задачей текущего хозяйственного года является обеспечить значительную активность нашего торгового баланса. Активным же должен быть и расчетный баланс. Съезд одобряет * соответствующее решение ЦК от 2 ноября 1925 г.

Несмотря на то, что эти требования неизбежно ведут к сокращению импортного плана и этим известным образом влияют в отрицательном смысле и на темп разворачивания нашей промышленности, они должны быть проведены во что бы то ни стало как в целях укрепления нашей денежной системы — необходимейшего условия нашего дальнейшего хозяйственного подъема, — так и в целях повышения устойчивости всего советского хозяйства в целом.

В целях обеспечения реального проведения этих заданий план импорта должен в первую очередь опираться на действительно реальные, твердые возможности вывоза; лишь по мере успеха экспорта, превышающего указанную твердую норму, возможно расширение и импортного плана.

Съезд одобряет постановление октябрьского пленума ЦК о НКВнешторге, направленное к созданию более гибких форм

* Необходимо иметь в виду, что тезисы представляли проект постановления съезда. *Ред.*

связи хозяйственных организаций с заграничным рынком при твердом условии сохранения монополии внешней торговли.

Задача разместить на заграничном рынке желательное для нас количество хлеба, удержать на известном уровне цены, обеспечить ввоз промышленного сырья и оборудования, без которого неосуществим необходимый темп роста промышленности и устранение товарного голода,— потребует от соответствующих органов усиленного внимания и гибкого маневрирования и умения быстро ориентироваться в осложняющейся обстановке, а также твердого руководства заготовителями и устранения нездоровых форм конкуренции между ними.

7. Транспорт.

Общий хозяйственный подъем, увеличение продукции как промышленности, так и сельского хозяйства, громадный рост товарооборота в стране предъявляют все повышающиеся требования ко всем видам транспорта Союза.

Работа транспорта по грузам достигла уже почти довоенного уровня (85 проц.) и превысила этот уровень в деле обслуживания пассажирского движения.

Эта усиленная работа могла быть выполнена транспортом лишь благодаря громадному напряжению сил и ряду технических улучшений, осуществленных на транспорте уже во время революции.

Однако, изношенность основного оборудования и недостаточность подвижного состава железных дорог, восстановление которого явно отстает от растущих потребностей страны в транспортных средствах, может превратить транспорт в задержку всего хозяйственного развития страны.

При этих условиях необходимо признать, что основная масса выручки транспорта должна оставаться в самом транспортном хозяйстве и в гораздо большей мере, чем до сих пор, должна быть направлена на восстановление основного капитала транспорта и на расширение его хозяйства.

Согласно общего плана расширения работы транспорта на очередь должно быть поставлено обеспечение со стороны промышленности транспорта металлом, новым подвижным составом и т. п.

Не считая возможным выделить в текущем году сколько-нибудь значительные средства на новое железнодорожное строительство, съезд признает, однако, что расширение железнодорожной сети диктуется настоятельной необходимостью и должно в ближайшие годы вызвать к себе особое внимание.

Съезд обращает внимание на необходимость решительной борьбы с бездорожьем сельских местностей страны и на настоятельную необходимость приведения в порядок шоссейных дорог.

8. Денежная система, кредит, бюджет.

Хозяйственные успехи Союза непосредственно связаны с установлением твердой валюты и систематическим расширением денежной массы, увеличившейся в три раза в течение последних двух лет. Сохранение твердой денежной системы во что бы то ни стало является основным принципом нашего хозяйства.

При недостатке на рынке промтоваров, с одной стороны, накоплении свободных денежных средств и росте розничных цен, с другой стороны,—задачей финансовой политики является сугубая осторожность, направленная к безусловному предотвращению какой бы то ни было опасности инфляции.

Съезд констатирует несомненные успехи нашей кредитной системы, оказывающей всестороннюю поддержку различным отраслям народного хозяйства, и указывает на необходимость дальнейшего развития этой системы при строгом обеспечении твердости валюты. Развитие и укрепление кредитной системы является одним из основных и решающих условий общего развертывания всех отраслей хозяйства.

Одной из важнейших задач финансовой и кредитной политики должно быть вовлечение в общий хозяйственный оборот накоплений, происходящих в крестьянском хозяйстве на почве подъема производительных сил деревни.

Государственный бюджет Союза принципиально отличается от государственных бюджетов капиталистических стран тем, что помимо обычных доходов и расходов включает в себя итоги работы национализированной промышленности, транспорта, кредита, торговли и т. д.

Таким образом, бюджет Союза должен являться основным механизмом распределения и направления средств не только государственной казны, но и народного хозяйства.

Подъем всего народного хозяйства, и в частности тех отраслей его, которые непосредственно находятся в руках государства, получил отражение в бюджете этого года тем, что бюджет за один год вырос более чем на 40 проц. (с 2 миллиардов 800 миллионов до 4 миллиардов).

В то же время упрочение советской экономики позволило в нынешнем году окончательно перейти к твердому годовому бюджету, что является громадным достижением и гарантирует как всему государственному аппарату управления, так и связанным с бюджетом отраслям народного хозяйства планомерное развитие в твердых, заранее установленных рамках.

Сам бюджет на текущий год характеризуется ростом затрат государства на производительные (промышленность, электрифи-

кацию, сельское хозяйство) и общекультурные цели. Затраты на обороноспособность страны значительно увеличены, при чем, однако, процент затрат на армию и флот в общих расходах государства не увеличился.

Несмотря на урожай этого года, в бюджете в полном размере сохранены те суммы, которые в прошлом году были обращены на борьбу с последствиями неурожая и на поддержку голодающих районов, с направлением их ныне дополнительно к другим средствам на общий подъем крестьянского хозяйства, интенсификацию его, борьбу с засушливостью, развитие хлопководства и т. д.

Это улучшение расходной части бюджета достигнуто, несмотря на уменьшение сельскохозяйственного налога и без какого-либо повышения ставок прямых, а также и косвенных налогов. Таким образом, рост бюджета и рост государственных расходов на производительные и культурные нужды является результатом общего роста благосостояния страны, роста поступлений, связанных с расширением промышленности и потребления ее продукции, а также роста неналоговых доходов, т. е. доходов, поступающих в казну, благодаря лучшему и более производительному использованию государственных имуществ и предприятий.

На ряду с ростом общесоюзного бюджета необходимо отметить, как значительное достижение, рост, укрепление и оздоровление бюджетов союзных республик. Дальнейшее укрепление этих бюджетов должно опираться на твердо установленную бюджетную компетенцию союзных республик, обеспечивающую каждой республике государственное, культурное и хозяйственное строительство.

Общее оздоровление финансового положения страны с особой настойчивостью выдвигает вопрос о дальнейшем улучшении, укреплении и внутреннем оздоровлении местных и в частности волостных бюджетов. Волостной бюджет должен при этом играть особо значительную роль, расширяя хозяйственную самостоятельность и инициативу низовой советской ячейки, непосредственно связанной с крестьянством.

При осуществлении бюджета необходимо стремиться к всемерной экономии, направляя возможные в течение года повышения поступлений против намеченных цифр на улучшение и укрепление промышленности и сельского хозяйства.

9. Рабочий класс.

Развитие промышленности за истекший год дало значительное увеличение количества занятых на фабриках, заводах и предприятиях рабочих.

Разворачивание промышленности в текущем году еще более усилит этот процесс. Процесс деклассирования пролетариата

оставлен далеко позади и сменился противоположным процессом собирания и сплочения рабочего класса вокруг работающих полным ходом и расширяющихся государственных предприятий.

Рядом с этим процессом идет процесс увеличения производительности труда и повышения заработной платы во всех отраслях производства.

Несоответствие между ростом заработной платы и ростом производительности труда неизбежно привело бы к повышению себестоимости продуктов, повышению их цен, сокращению темпа разворачивания промышленности и тем самым ударило бы по общим интересам рабочего класса.

В последнем полугодии истекшего года и в начале 1925—26 года произошло значительное повышение заработной платы. Партия считает необходимым дальнейшее подтягивание заработной платы в отставших в этом отношении отраслях труда. Руководящим принципом в общей политике заработной платы в дальнейшем должно быть согласование ее повышения с поднятием уровня производительности труда и снижением себестоимости продукции.

Разворачивание промышленности привело уже к тому, что, несмотря на усиленное привлечение старых квалифицированных кадров рабочих, наша промышленность стоит перед вопросом о недостатке квалифицированной рабочей силы. Вместе с тем аграрное перенаселение выталкивает в города крестьянскую молодежь, не обладающую необходимыми техническими навыками. Вопрос о подготовке массовой рабочей силы и о специальной выработке квалифицированных рабочих становится одним из наиболее острых вопросов дальнейшего развития промышленности. Для быстрого и благоприятного разрешения этих вопросов необходимо дальнейшее облегчение условий индивидуального и бригадного ученичества и максимальное развитие профтехнического образования с установлением тесной связи последнего с промышленностью.

Высший Совет Народного Хозяйства, Наркомпрос и Комсомол совместными и согласованными усилиями, улучшением постановки дела в школах фабрично-заводского ученичества, организацией вечерних курсов и т. п. должны гарантировать рабочему классу и промышленности воспитание и обучение новых кадров рабочих, стоящих на уровне требований, предъявляемых современной техникой.

Задачи, стоящие перед промышленностью в области ее переоборудования, повышения производительности труда, не могут быть решены без активного и сознательного отношения к этим задачам со стороны самых широких рабочих масс.

Необходимо добиться того, чтобы эти массы отдавали себе ясный отчет как в тех целях, которые ставит перед собой

социалистическая промышленность, так и в ее внутренней организации и текущих задачах.

Ознакомление рабочих масс с производственными планами предприятий, их ресурсами, направлением дополнительных средств и т. п. является настоятельно необходимым. Работа профсоюзов и производственных совещаний в этом направлении должна опираться на ясное сознание руководителей хозяйственных предприятий того, что дальнейший рост и реорганизация промышленности невозможны без активного и систематического содействия со стороны рабочих каждого данного предприятия.

Объективные трудности, стоящие перед социалистическим строительством, будут преодолены тем легче и тем быстрее, чем более быстро будет итти собирание пролетариата вокруг развивающейся промышленности, его организация, повышение его активности и непосредственное участие во всем деле социалистического строительства.

Социалистическая фабрика и завод, пущенные в ход энергией пролетариата, должны быть не только основной ячейкой социалистического хозяйства, но и форпостом всего социалистического строительства.

10. Подготовка и использование научно-технических сил.

Общий подъем народного хозяйства, начало нового этапа социалистического строительства, установление все расширяющихся связей с мировым хозяйством настоятельно требуют усвоения нашим хозяйством во всех его областях высших достижений современной техники. Это невозможно без широкого и полного использования накопленного опыта старых специалистов, с одной стороны, и высокой научной квалификации подрастающего поколения советских техников, инженеров, агрономов и т. д. — с другой.

Необходимо создать благоприятные условия для широкой научной работы в Союзе, осуществить на деле указания партии относительно улучшения условий работы специалистов, улучшить и приблизить к практическим потребностям работу высшей школы, в частности высшей технической школы, увязав обучение в ней с соответствующими отраслями хозяйства, и обеспечить постоянную связь молодого поколения технических руководителей народного хозяйства с достижениями европейской и американской техники (путем систематических командировок последних заграницу, привлечения высококвалифицированных иностранных специалистов, в особенности для проектных работ, и т. д.).

В частности необходимо пересмотреть распорядок работ учащейся молодежи в высшей школе в направлении разгрузки уча-

щихся, и в частности учащихся коммунистов и комсомольцев, от излишней работы, не связанной непосредственно с учением, с целью сосредоточить их энергию на действительно научной работе.

11. Вопросы темпа и плана.

До последнего времени мы пользовались для измерения наших достижений сравнением с довоенным уровнем хозяйства. Этот узкий и в значительной мере искусственный критерий (искусственный, ибо он не принимает во внимание тех принципиальных изменений в строении хозяйства, кои созданы диктатурой пролетариата) становится явно недостаточным и неправильным для наступающего периода. При составлении перспективных планов развертывания народного хозяйства и для оценки текущей работы необходимо в дальнейшем пользоваться сравнением с уровнем международной техники и мирового хозяйства.

Политика экспорта, являющаяся необходимым условием расширения и поднятия как промышленного, так и сельскохозяйственного производства, будет действительно реальной и плодотворной лишь в той мере, в которой направляемые заграницу продукты хозяйства СССР окажутся по цене и качеству способными выдержать конкуренцию с продуктами капиталистической промышленности Европы и Америки. С другой стороны, расширение торговых сношений с заграницей ставит массового потребителя лицом к лицу с ценою и качеством заграничной продукции.

Социалистическая организация производства, национализация земли, монополия внешней торговли, государственная организация кредита и т. д. дали возможность сильнейшим образом сократить период восстановления хозяйства. Все эти рычаги могут и должны быть ныне систематически использованы для того, чтобы как можно более сократить срок, необходимый для ликвидации культурной и технической отсталости страны и для достижения народным хозяйством СССР такого уровня, который позволил бы ему и на арене мирового рынка наглядно демонстрировать хозяйственные преимущества социалистической организации перед капиталистическими методами хозяйства.

Достигнутые уже успехи гарантируют нам при правильной политике достижение этой задачи.

Отсутствие возможности пользоваться в деле восстановления хозяйства в широком размере иностранным капиталом (финансовая блокада, займы), без которого не обошлась ни одна из капиталистических европейских держав, затронутых войной, замедляет желательный и возможный темп расширения народного хозяйства СССР. Но должно считать совершенно доказанным, что и без иностранного капитала вышепоставленные цели

вполне достижимы собственными средствами народного хозяйства СССР, располагающего неисчерпаемой энергией трудящихся масс, проникнутых твердой волей строить и построить социализм.

Выполнение всех указанных выше задач требует всесторонней увязки отдельных отраслей государственного и народного хозяйства в общем плане. Все большее проникновение планового начала во всю хозяйственную работу Советской власти становится настоятельной задачей. Общий хозяйственный план должен создаваться на основе тщательного согласования планов тех отраслей хозяйства, которыми непосредственно руководит государство, с хозяйственными процессами, стихийно складывающимися в крестьянском хозяйстве. Только подобный тщательный учет, свободный от недооценки самостоятельных тенденций крестьянского хозяйства, может гарантировать нас от срывов государственных плановых заданий.

Однако этот план не может существовать как план чисто хозяйственный. При построении всех его частей, как и при осуществлении его он должен быть теснейшим образом согласован с текущими политическими задачами, которые выдвигаются и разрешаются партией. Удачное и правильное разрешение экономических задач все в большей и большей мере становится решением и политических задач. Совершенно необходимо, поэтому, дальнейшее проведение политики, обеспечивающей в полной мере руководящую роль партии в постановке и решении основных хозяйственных проблем.

Поскольку хозяйственная жизнь все более и более усложняется и требует все более и более гибкого маневрирования в зависимости от меняющихся условий конъюнктуры, необходимо обеспечить в пределах установленных планов большую оперативную самостоятельность, но вместе с тем и большую ответственность отдельных органов, управляющих соответствующими отраслями народного хозяйства, а также местных организаций Советской власти.

Напечатано в № 271 (3202)
«Правды», от 27 ноября 1925 г.

ОТЧЕТ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЦК РКП.*

Вопросы, стоящие перед партией.

Товарищи, прежде чем перейти к отчету, который я обязан вам представить, позвольте мне от имени Центрального Комитета нашей партии передать вашей конференции братский и дружеский привет. (Аплодисменты.)

Центральный Комитет знает, что коммунисты, которые работают в Северо-Кавказском крае, поставлены в особо трудные условия и что на них возложены особенно трудные задачи. Вы работаете в краю многонациональном, в краю, который сохранил в себе до сих пор еще остатки специфических сословных отношений, вы, наконец, работаете в таком краю нашего союза, который соприкасается непосредственно с внешним, а следовательно, капиталистическим миром.

Все эти условия: и внутреннее хозяйственное строение вашего края, и специфические отношения между различными группами его населения, и ближайшая возможность проникновения заграничных влияний сюда по широкому морю, около которого вы живете,—все это возлагает на вас особые обязанности и ставит перед вами особо трудные задачи.

Мы все — одна семья, куда бы ни кинула нас партия, мы везде должны быть и остаемся коммунистами, но те коммунисты, которых забросила партия сюда, поставлены перед особыми задачами и мы с особым вниманием относимся к тому, какие успехи вы здесь одерживаете.

Мне кажется, что я выражу общее мнение Центрального Комитета, если скажу, что тот отряд общей коммунистической армии, который работает здесь, который направлен нами сюда, вполне оправдал те надежды, которые мы на него возлагали, и счастливо разрешает те специальные задачи и проблемы, которые перед нами всеми и перед вами в частности стоят. (Аплодисменты.)

---

* Доклад на Партконференции Северо-Кавказского края 28 ноября 1925 г.

Вы увидите, товарищи, из моего доклада, что вопросы, которые перед нами стоят сейчас, не маловажны и не легки. Партийный Съезд, который соберется через две недели, так же, как и ваша конференция, должен будет задать Центральному Комитету три основных вопроса:

Во-первых, что сделал Центральный Комитет для того, чтобы укрепить международное положение первого пролетарского государства, как маневрировал ЦК в той сложной международной обстановке, в которой приходится нам жить? Добился ли он и сделал ли он все для того, чтобы как можно дольше оттянуть то неизбежное столкновение между нашим пролетарским государством и капиталистическим окружением, чтобы продлить передышку, которая нам необходима для того, чтобы мы могли встретить это неизбежное столкновение более мощными и с громадными шансами на успех?

Нас спросят, что сделали мы для того, чтобы поднять общий уровень материального благосостояния рабочего класса и крестьянских трудящихся масс. Использовали ли мы в полной мере ту передышку, ту военную передышку, которую мы имеем для того, чтобы поднять общее состояние производительных сил страны и укрепить хозяйственную базу всей нашей Республики?

И третий вопрос, который будет нам задан и на который мы должны будем держать ответ, заключается в том, что сделано для того, чтобы продвинуть вперед элементы социалистического хозяйства, чтобы сделать новый шаг в деле построения социализма.

Мне кажется, что эти три основных вопроса в общем и целом исчерпывают те задачи, которые перед нами стоят. Мне кажется также, что ЦК на все эти вопросы, стоящие перед партией, перед Съездом и перед вашей конференцией, ответит положительно и скажет, что во всяком деле, а особенно в таком трудном деле, которое мы делаем, неизбежны ошибки, просчеты и т. д.; несмотря на все это, во всех этих трех направлениях мы достигли максимальных результатов.

Моя задача будет заключаться в том, чтобы показать, каковы результаты нашей политики за последний год во всех этих областях и каковы те перспективы, которые перед нами раскрываются.

Углубление противоречий между СССР и империалистами.

Начну с нашего международного положения. Скажу прямо, что здесь задача наша должна заключаться в том, чтобы неизбежное столкновение между нашей республикой и капиталистическим окружением по возможности оттянуть, дабы выиграть время для нашего укрепления и усиления.

Вы знаете, что мы никогда не представляли себе нашей революции, первой в истории пролетарской революции, оторванной и отделенной от общего мирового пролетарского движения. Вы знаете, что окончательное закрепление того социалистического строительства, которое мы ведем, возможно только при сотрудничестве пролетариата нашего союза с пролетариатом ряда других стран. Вы знаете, что мы живем в период, когда наша революция является только прообразом грядущего революционного пролетарского движения в Европе и в Америке и руководителем, возбудителем ряда революционно-национальных движений на Востоке. В этой обстановке для нас чрезвычайно важно маневрировать таким образом, чтобы избежать возможного срыва нашей работы в такой момент, когда вооруженное нападение на нас не было бы немедленно сорвано революционным движением пролетариев Европы и революционным наступлением крестьянства и пролетариев Востока.

Вы знаете, что мы должны были констатировать несколько месяцев тому назад несомненную, хотя и временную, частичную стабилизацию капиталистических держав. Нам незачем закрывать на это глаза. Мы должны прямо сказать, что надежды на то, что империалистская война, первая империалистская война, прямо и непосредственно поведет к срыву всех буржуазных отношений в Европе, не оправдались, что этот процесс затянулся. Мы знаем и причины затяжки этого процесса, но мы должны были отдать себе ясный отчет в том, что непосредственная революционная ситуация, та ситуация, которая характеризуется непосредственными массовыми выступлениями с открытым вооруженным сопротивлением пролетариата буржуазии, что этот момент несколько отодвинут.

Мы видим целый ряд попыток, и до сих пор более или менее удачных, капиталистических держав создать против грядущего коммунизма и против пролетарского движения единый фронт.

Одним из проявлений подобных попыток консолидации европейских буржуазных государств являлся план Дауэса, а в последнюю неделю эта консолидация была увенчана Локарнским соглашением. Соглашение в Локарно есть повторение Версальского мира. Содержание Локарнского соглашения есть попытка через 7 лет после подписания мира подтвердить еще раз незыблемость тех основ, на которых был создан Версальский мир. [19]) Вы знаете, что так же, как война 1914 г. носила империалистский характер, столь же империалистский и грабительский характер носил Версальский мир, столь же империалистский и грабительский оттенок по своему характеру носит и Локарнское соглашение.

Совершенно правильно то, что это Локарнское соглашение целиком направлено именно против СССР и имеет своей задачей

объединение всех буржуазных правительств против пролетарского движения. Вы знаете, что это Локарнское соглашение оказалось возможным потому, что кроме капиталистических клик всех держав, участвовавших в мировой войне без разделения на победителей и побежденных, что кроме этих клик буржуазных к Локарнскому соглашению приложил свою руку и Второй Интернационал, интернациональный меньшевизм. Как в Германии, так в Англии и во Франции и во всех прочих государствах Локарнское соглашение одобрено желтым Интернационалом.

Для нас это не новость, но это есть характерная черта, указывающая на то, на что мы неоднократно уже указывали, что буржуазная система ныне может держаться, опираясь не столько даже на непосредственную диктатуру буржуазии, сколько на косвенную и прямую поддержку социал-демократов, представителей и членов II Интернационала.

Казалось бы, при объединении вокруг явно империалистических целей, при некоторой хотя бы и частичной стабилизации капиталистических отношений, при отсутствии вооруженного пролетариата на улицах Парижа, Берлина, Лондона и Нью-Иорка, при систематической поддержке и защите буржуазных отношений со стороны II Интернационала, мы должны бы при этих условиях считаться с очень длительным периодом нашего одиночества и с очень сложной обстановкой нашего дальнейшего существования. Однако, эта внешняя стабилизация и эти соглашения не должны закрывать перед нами то, что самый фундамент этой частичной стабилизации, несомненно, насквозь прогнил.

Возьмите те отношения, которые существуют сейчас между различными капиталистическими державами, обратите внимание на внутреннее состояние этих держав, и вы увидите, что все эти соглашения, и Локарнское соглашение и то соглашение, которое лежит в основе плана Дауэса, подсказываются не растущей силой этих капиталистических держав, не упрочением их внутреннего положения, а, наоборот, несомненным разложением капиталистических форм, капиталистического хозяйства, капиталистических политических отношений — с одной стороны. И с другой — все эти соглашения подсказываются животным страхом перед пролетарской революцией, который охватывает каждое из этих правительств, и той глубочайшей ненавистью и глубочайшим противоречием, которое разделяет его с другими буржуазными правительствами.

Если мы возьмем последнее Локарнское соглашение, то нет никакого сомнения в том, что оно навязано Европе подлинным, современным капиталистическим гегемоном — Америкой, что именно американский капитал, желая предотвратить ближайшее столкновение между европейскими капиталистическими державами, желая обеспечить себе спокойный рынок в Европе и для

товаров и для капиталов, пытается потушить тот пожар, который постоянно вспыхивает на европейской капиталистической почве.

Ближайшим помощником американского капитала является капитал английский, который равным же образом больше всего охвачен страхом перед всеми формами восстания, которыми охвачены английские колонии, который больше всего боится того, что империалистическая основа английского могущества будет подрезана растущим революционным движением и, поэтому, больше всего оказывается данником и рабом американского капитала. Именно английскому капиталу принадлежит план, как-нибудь замазать последствия империалистической войны, вовлечь в общий союз всех капиталистических держав побежденную и ограбленную Германию и, таким образом, помирить бывших победителей с бывшими побежденными на общей основе утверждения капиталистического строя, создать единый фронт против нашей пролетарской республики. Локарно и не обозначает ничего другого, как первую, после империалистической войны, попытку сговориться побежденным капиталистам с победителями-капиталистами перед лицом общей пролетарской опасности.

Для нас совершенно понятно, почему именно теперь стремление сговориться за наш счет и победителям и побежденным делается таким настоятельным. Вы знаете, что отношения капиталистического мира к нашей республике пережили известную историю. В первый момент международному капитализму казалось, что мы просто бунтовщики, которые могут просуществовать 2 — 3 недели, которые, просто воспользовавшись известной обстановкой, захватили власть, но совершенно не способны ее удержать. Таков был первый момент отношения капиталистического мира к нашей республике. Простой «бум», который будет ликвидирован палками и пулеметами.

Вы знаете, что мы заставили их изменить эту точку зрения, и что они, убедившись в том, что с нами не так просто справиться, попытались вести с нами систематическую войну, что они поставили было свои ноги почти на все окраины нашей республики, но что они эти ноги должны были убрать.

Тогда наступил второй момент в их отношениях к нам. Они сказали себе: «Да, видимо, русских рабочих и крестьян сломить в данный момент, когда они борются против капиталистов, против помещиков, нельзя; но они сломают себе шею, когда будет закончен период разрушения и когда необходимо будет перейти к периоду строительства».

Во втором этапе отношений всего капиталистического мира к нашей республике доминировало убеждение, что мы захлебнемся в голоде, в холоде, в разрушенных шахтах и фабриках и принуждены будем стать на колени перед капиталистами, когда увидим свою собственную неспособность прокормиться и прожить.

Последние два года служат величайшим опровержением именно этой последней надежды капиталистического мира.

Капиталистическая пресса, а, главным образом, прислужники капитализма — так называемые социалисты II Интернационала, убеждали и убедили часть рабочих в том, что если мы способны разрушить старый строй, то ни в коем случае не способны построить на его костях новый общественный строй. И вот эта надежда на то, что мы обанкротимся в деле строительства, лежала в основе политики той части буржуазии, которая говорила: «Да, надо отказаться от блокады и интервенции; не надо мешать естественному процессу умирания большевизма. Большевизм умрет, потому что его свергнут сами народные массы, убедившись, что большевики не смогут стать строителями».

И вот теперь, не только мы и те европейские рабочие, которые, не будучи коммунистами, явились сюда, чтобы пощупать собственными руками элементы социализма в нашем хозяйстве, все поголовно убеждаются в том, что мы не только разрушили старый строй, но и строим новый, и с каждым днем это строительство принимает все более и более крепкие и грандиозные формы. Не только мы и наши классовые друзья, рабочие, приходят к этому выводу, но и экономисты самой буржуазии не могут уже отрицать того, что мы вступили на путь строительства и сделали по этому пути первые, но решающие и определяющие шаги.

В этот момент руководящие капиталистические клики не могут не притти к мысли о превентивной войне, [20]) — войне, которая предупредила бы наш дальнейший рост, о такой войне, которая сшибла бы нас с ног в первые моменты нашей строительной работы. И вы поймете, товарищи, что они со своей точки зрения совершенно правы.

Представим себе на минуту весь земной шар, в котором все человечество, за исключением 130 миллионов, живущих под красным знаменем, находится под властью небольшой кучки, разноплеменной, но объединенной капиталистической эксплуатацией, магнатов финансового и промышленного капитала. Они отдают себе отчет в том, что каждый шаг нашего действительного строительства является более серьезной пропагандой действия за социализм, чем любая речь, любая статья, любой съезд, любая резолюция; что каждая наша вновь выстроенная фабрика, каждое повышение зарплаты рабочим, каждый лишний сноп, который собирается на полях крестьян, свидетельствуют отныне о жизненности и об успехе социалистического строительства и что эти наши успехи не могут быть скрыты, что они становятся известными пролетариату и крестьянству всего мира; что за этими успехами с напряженнейшим вниманием следит все угнетенное человечество Запада и Востока. — Понятно, что наиболее

дальнозоркие и наиболее умные руководители капиталистического мира должны поставить перед собою такую проблему: «или мы, капиталисты, останемся нейтральными, сложим руки и будем смотреть дальше на то, как Республика Советов под руководством Коммунистической партии растет и развивается, но тогда мы через несколько лет не удержим в повиновении ни своих колониальных рабов, ни своих наемных рабочих; или же мы должны готовиться к тому, чтобы не дать русским рабочим и крестьянам, рабочим всего Союза достроить социализм, доказать возможность реальной воплотимости социалистических отношений, чтоб сорвать их строительство самым варварским методом — методом вооруженного вмешательства».

Так как мы с вами, товарищи — коммунисты и привыкли руководствоваться не словами, а анализом реального соотношения сил, то сколько бы господа Черчилли, Штреземаны и прочие и прочие ни заявляли бы нам о своем миролюбии, ни оттягивали бы по тем или иным причинам проявления непосредственного враждебного отношения к нам, мы должны отметить, что столкновение при этих условиях неизбежно и что оно может быть предотвращено только одним: разгаром мировой революции. Затяжка непосредственного выступления пролетарских сил в Западной Европе обозначает неизбежно новые и новые попытки вооруженного вмешательства в наши дела, вооруженного срыва нашей мирной строительной работы.

Если этот срыв не был еще произведен, если тот единый фронт, который необходим европейским и американским капиталистам для того, чтобы выполнить эту задачу или попытаться ее выполнить, если этот момент еще не наступил, то по двум причинам: во-первых, потому, что им чрезвычайно трудно сговориться, а во-вторых, потому, что они боятся, что именно то, что может сорвать их попытку, т. е. восстание, возмущение пролетариата, отказ пролетариата повиноваться этим планам капиталистов, наступит именно в тот момент, когда они выкинут открыто лозунг наступления на нашу пролетарскую Республику.

Рост революционного движения.

Все сведения, которые мы имеем о ходе революционного движения на Востоке, показывают, что как бы капиталистам ни хотелось сунуться к нам и затушить костер пролетарской революции, который у нас горит, они не могут этого сделать и это объясняется этими двумя факторами: раздорами, которые они примирить не могут, и ростом революционного движения на Востоке и Западе, который хотя и не идет с той быстротой, как нам желательно, но идет достаточно быстро для того, чтобы держать за фалды наших врагов.

Наиболее характерным признаком этого роста является рост революционного движения в колониальных странах. Мы были свидетелями движения в Марокко, которое, несмотря на то, что за ним стоит отсталое, плохо вооруженное племя, до сих пор не может быть подавлено первостепенной державой, какою является Франция. Такое же движение мы видим в Сирии и, наконец, китайское революционное движение.

Вы знаете, что Китай представляет собою громадную страну с населением в 4—5 раз превосходящим население нашей страны, находящимся на таком уровне, когда ожидать централизованного планомерного движения не приходится. Там кипит революционная война, в которую пытаются вмешаться все капиталистические державы и пытаются там разыграть свои мелодии и свои мотивы и вытащить из огня каштаны для себя чужими руками. Но они не могут преодолеть того основного, что есть в китайском движении, а именно: массового революционного движения против засилия иностранных империалистов.

Китайское движение важно для нас потому, что оно приводит громаднейшую массу народа, впервые вступающего в революционную жизнь, к сознанию, что у него нет ни одного государства, нет ни одного организованного союзника, кроме СССР.

Совсем не нужно, чтобы посол наш т. Карахан или мы здесь дразнили Францию, Англию или Японию заявлениями о нашей полной солидарности с китайским революционным движением. Трудящиеся массы хорошо сами сознают, что мы являемся единственным союзником, единственным помощником их, и это сознание растет изо дня в день в Китае, создает для нас громаднейший престиж. Эти громадные массы знают, что для них существование СССР не менее необходимо, не менее важно существования их революционного штаба, и что оно является единственной гарантией успеха китайского народного движения.

Мы, конечно, различаем в этом китайском движении различные течения; мы видим, что на левом крыле, наиболее приближающемся к китайским крестьянским массам, стоит Гоминдан.[21] Дальше, слева направо, идут народные армии, руководимые генералом Фыном. Если считать еще правее — группы, возглавляемые Упей-Фу, и на крайнем правом крыле Чжан-Цзо-Лин — несомненный агент Японии.

Эти четыре борющиеся силы сейчас находятся в таком расположении, что первые три с Гоминданом до Упей-Фу фактически осуществляют боевой союз против Чжан-Цзо-Лина. Последние сведения показывают нам, что победа этой коалиции над Чжан-Цзо-Лином, вероятно, — дело ближайших недель.

Что будет дальше? Было бы наивностью предполагать, что победа этой боевой коалиции над Чжан-Цзо-Лином будет знаменовать установление в Китае прочного порядка и прекращение

гражданской войны. Мы должны открыто отдать себе отчет, что победа над Чжан-Цзо-Лином является только одним из моментов расширения этой гражданской войны, ибо народные армии, руководимые Фыном и Упей-Фу, являются буржуазными и крайне правыми группировками, в то время как Гоминдановская партия, на которую оказывает влияние наша коммунистическая партия, представляет подлинные интересы революции, революционного Китая на началах, соответствующих интересам крестьянства и удовлетворяющих рабочий класс на той ступени его развития и социальной мощи, в которой он находится сейчас.

Следовательно, мы должны дать себе отчет в том, что победа над Чжан-Цзо-Лином будет началом борьбы между двумя группами, участвующими в его свержении, — Гоминданом и буржуазной партией Упей-Фу. Задача заключается в том, чтобы в ходе войны с Чжан-Цзо-Лином рядом с Кантоном создать независимые центры революционного движения, такие как Шанхай, которые доказали полную способность выдержать гражданскую войну — и это вполне понятно, т. к. в Шанхае имеются сплоченные пролетарские кадры, т. к. Шанхай является центром текстильной промышленности и портовым городом.

В таком случае дальнейший ход гражданской войны будет все больше увеличивать партию Гоминдана, а следовательно и организацию рабочего класса.

Должен сказать, что дело вооруженной борьбы и системы вооруженных сил в Китае стоят, конечно, чрезвычайно низко. Там преимущественно борются наемные армии, солдаты, питаемые теми генералами, у которых они служат, или, вернее, теми провинциями, которые эти генералы занимают, и подлинной организованной военной силой являются те армии, которые имеются у Гоминдана и в Кантоне. При сильнейшем переплете различных социальных групп Китая, при постоянном вмешательстве иностранных капиталистов, это наличие подлинной организованной военной силы гарантирует то, что при дальнейшем разворачивании гражданской войны партия Гоминдана будет выдвигаться все более и более вперед. Вот почему мы можем сказать, что в Китае разыгрываются гражданские войны, которые будут иметь длительный характер, а это значит, что империалистам не удастся сделать Китай опорным пунктом против нас. Вернее предположить, что вся эта громадная территория будет все более тяготеть к нам в силу своих интересов. На этот процесс тяготения китайской революции к СССР английские, французские и американские капиталисты не могут смотреть спокойно, как они не могут спокойно смотреть на то, что происходит в Сирии, и что, очень возможно, в ближайшем времени будет происходить в Индии.

Т. Зиновьев в глаза не видал Абдул-Керима, но вся французская буржуазия уверена, что Абдул-Керим является ближайшим другом т. Зиновьева и чуть ли не действует по его прямым директивам. Почему это так? Почему у империалистов такое преувеличение наших заслуг? По той причине, что в этой лжи есть кусочек исторической правды. Да, Зиновьев Абдул-Керима не видел и директив ему не давал, и так как он находится далеко, то и материальная помощь не могла бы быть ему доставлена. Но империалисты правы, когда связывают СССР с Абдул-Керимом, потому что они понимают, как понимаем и мы, что восстание колониальных стран не может не быть водою на мельницу всех революционных движений. Поэтому Абдул-Керим — хочет или нет—поскольку он борется против империалистических капиталистов, помогает французским рабочим свергнуть иго капитала, а следовательно — помогает и Коминтерну. И обратно — массы, руководимые Абдул-Керимом, будут в ходе борьбы все более понимать, что борьба за освобождение их тем более облегчается, чем больше побед одерживает Коминтерн. Поэтому, несмотря на отсутствие сношений, отсутствие переписки, материальной помощи, действительное дело революции в Европе и колониальных странах, движения в Сирии, в Марокко, в Индии, развивающиеся параллельным потоком,— их победы являются нашими победами, и наши победы являются их победами. Вот почему такая ненависть у господ капиталистов против нашего существования и вот те факты, которые мешают им осуществить единый фронт против нас.

Укажу некоторые дополнительные сведения, которые вам, вероятно, известны из печати относительно положения наших коммунистических партий в Европе и на Востоке.

Укрепление компартий на Западе.

Вы знаете, что мы сейчас понимаем нашу задачу таким образом, чтобы как можно больше превращать коммунистические партии в партии, с одной стороны, массовые, с другой стороны,— подлинно ленинские. Да, мы должны считаться с тем, что данный момент не есть момент непосредственной, прямой вооруженной борьбы. Это передышка, это временная, частичная стабилизация отношений в Европе, *которую мы используем хорошо только в том случае, если коммунистические партии Европы и др. стран выйдут из этого периода более укрепившимися в двух отношениях: в отношении подлинной своей ленинизации, с одной стороны, и в отношении большего расширения своего состава за счет пролетарских масс, с другой.*

Этот период трудный, — период, требующий новых навыков, период, требующий иного подхода к массе и практическим задачам, не так, как они рисовались в 18—19—20 годах. На этой почве искания нового подхода, попыток нового захвата массы, усиления своего влияния на до сих пор нейтральную массу — в коммунистических партиях мы переживали ряд кризисов.

Вам известен кризис верхушки Германской коммунистической партии, кризис верхушки Польской коммунистической партии и кризис,— в который нам пришлось вмешаться,—в Чехо-Словацкой партии и т. д. Но эти кризисы неизбежны. При определенном повороте исторического хода развития и соответствующего изменения задач, они не должны от нас скрывать того, что под формой этих кризисов идет несомненнейшее углубление работы коммунистических партий и их влияния.

Ряд фактов могут об этом свидетельствовать. Возьмем хотя бы тот факт, который проявился на последних выборах в Чехо-Словакии только-что, месяца 3 тому назад. Мы, как Центральный Комитет, и наша делегация в Коминтерне должны были принять участие в обсуждении ряда кризисных моментов верхушки Чехо-Словацкой партии. Было исключено несколько членов ЦК — несколько членов их парламента. Казалось бы, партия неизбежно ослабела, а между тем последние выборы показали громаднейший рост этой партии. Рост, который удивил не только наших врагов, но и нас самих.

Партия собрала на выборах более миллиона голосов, партия стала самой крупной партией в парламенте, и результатом этого явилось то, что совершенно обескураженные своим поражением буржуазные и социалистические партии официально и печатно предложили нашей коммунистической партии в Чехо-Словакии войти в состав правительства, потому что, — говорили они, — вы самая сильная партия, пролетариат весь за вас, мы без вас — не правительство. Вот один результат на одном участке фронта.

Такая же неожиданная и широкая победа,— конечно, гораздо меньшая чем в Чехо-Словакии,— была нами получена в Бельгии.

Но быть-может более всего любопытна и знаменательна та роль, которую играет коммунистическая партия в Англии, с одной стороны, и во Франции, с другой стороны. В Англии мы имеем небольшую коммунистическую партию, насчитывающую 4—5 тысяч человек. Рядом с ней огромное профессиональное движение, которое насчитывает 5 — 6 миллионов членов, имеет выработанных долгими годами специального подбора лидеров, лидеров, воспитанных в оппортунистическом духе, никогда не проходивших школы действительной революционной классовой борьбы и очень часто не считающих себя даже социалистами. И вот последние два года, и в частности последний год, принесли нам такое положение дел, когда эта небольшая коммунистическая партия оказы-

вает решающее влияние на ход и решения профессионального движения, т.-е. тред-юнионистского движения всей Великобритании.

Последний конгресс тред-юнионов, [22]) на котором нашим представителем был товарищ Томский, показал, что эта маленькая партия коммунистов фактически диктует если еще не действия, то резолюции и решения и общий дух направления английского профдвижения. Конечно, ведь не случайно, что такие руководители рабочего движения, как Персель, покойный Брамли и другие, по существу не имеющие никакой связи с коммунистической идеологией, не имеющие никакого коммунистического воспитания, являются во всем европейском профессиональном движении первыми, которые ближе всего стали к нашему движению.

Чем это объясняется? Это объясняется тем широким брожением низовых масс, которое они отражали. И это же брожение низовых масс заставило их в то самое время, когда Макдональд исключал из рабочей партии коммунистов, прислушиваться к той руководящей линии, которую дают коммунисты профессиональному движению.

Товарищ Томский рассказывал нам, и это уже теперь не тайна, что все основные резолюции, принятые на последнем конгрессе профсоюзов в Англии, были написаны и внесены нашими коммунистическими организациями. Результатом этого явилось создание и укрепление Англо-советского комитета, который представляет из себя ныне один из крупнейших фактов международной политики.

Англо-советский комитет, объединяющий генеральный совет профессионального движения Англии и ВЦСПС нашей Республики, представляет собой в международной обстановке чрезвычайно важное явление, ибо нигде, ни в одной стране мы не видели такой способности рабочего класса через профессиональное движение влиять на иностранную политику, как в Англии. Вот поэтому деятельность Центрального Комитета за этот год в области связывания с рабочим движением, привлечения и сплочения рабочего класса вокруг наших знамен шла по двум линиям: с одной стороны, по линии всемерной поддержки, всемерного укрепления коммунистических партий, с другой стороны — по линии поисков новых путей проникновения в самую толщу рабочего класса Европы. В свою очередь, эта последняя линия разветвлялась: с одной стороны, на ту систему делегаций, которые вы все видели и которые принесли нам несомненнейшую пользу, ибо они повезли туда, в рабочую массу Европы, подлинные слова, подлинное наблюдение рабочих за нашим социалистическим строительством; с другой стороны, по линии все большего смыкания основного руководящего ядра всего европейского профессионального движения в виде английских профсоюзов с нашими профсоюзами.

Мы, таким образом, сейчас имеем два рычага, которые могут быть пущены в ход при всякой попытке капиталистических держав прервать ту мирную передышку, которую мы имеем. С одной стороны, коммунистические партии, усилившиеся за последний год, приобревшие бо̀льшую выдержку и бо̀льшую способность, чем раньше, правильно маневрировать; с другой стороны — наши проводники к широким массам, объединенным в профсоюзы, которые в этот раз, конечно, будут гораздо более внимательны к нашим указаниям, чем они были раньше. Таким образом, имея в виду эту систему обоих рычагов, мы действительно можем понять, почему та превентивная война, которая несомненно зреет в умах наших врагов, не может быть ими сейчас осуществлена, и весьма возможно, что они с этой превентивной войной, которую им очень хотелось бы провести, опоздают.

Вот, товарищи, наш ответ на вопрос о том, как мы используем на внешнем фронте ту передышку, которую завоевали нашей гражданской войной 19, 20 и 21 года, и вот ответ на те перспективы, которые открываются перед нами.

Да, наша политика будет заключаться в том, чтобы эту мирную передышку затянуть как можно дольше, ибо каждый день мира выгоден для нас и губителен для наших врагов. Вместе с тем мы вполне уверены, что уже и сейчас всякая попытка наших врагов пойти на нас открытой войной, как бы она ни была тяжела для нас, какого бы ни потребовала от нас напряжения сил, как бы она ни приводила к временному срыву нашего строительства, закончилась бы гибелью для них. (Аплодисменты.)

Итак, мне кажется, на вопрос о том, как мы маневрировали в области внешней политики, мы можем сказать: маневрировали мы, вероятно, не дурно и будем продолжать маневрировать в области оттяжки неизбежных столкновений в целях дождаться большего обострения классовой борьбы на Западе со стороны пролетариата и упрочения революционных сил на Востоке. А тогда, когда оба эти элемента будут уже налицо, тогда момент столкновения, быть-может, будут определять не только наши враги, но и мы сами. (Аплодисменты.)

Главное — сохранить диктатуру пролетариата.

Товарищи, для того, чтобы мы могли выполнить то, на что я указал в последних словах, нам надо быть сильными прежде всего внутри. И это второй вопрос, который вы, естественно, зададите Центральному Комитету, это — вопрос о наших внутренних достижениях.

Мне кажется, этот вопрос можно в свою очередь подразделить на два вопроса: во-первых, об укреплении на нашем внутреннем

политическом и об укреплении на нашем внутреннем хозяйственном фронте. Одно, конечно, связано неразрывно с другим. Мы, коммунисты, прекрасно понимаем, что упрочиться политически, не укрепляя хозяйственного фронта — задача неразрешимая. Во всяком случае, раньше чем обратиться к анализу нашего хозяйственного положения и полученных нами достижений, я должен сказать, что Советская власть с момента окончания гражданской войны никогда политически так сильна не была, как ее застает XIV партийный съезд.

Я думаю, что вы это чувствуете у себя, мы все чувствуем это на всей территории нашего Союза.

Основная проблема политическая, которая перед нами стояла, ради которой была провозглашена новая экономическая политика, которая беспокоила Владимира Ильича на его смертном одре, о чем он писал в последних своих статьях,— эта задача политического укрепления союза рабочих и крестьян разрешена за последний период, так что мы можем смело сказать, что этот союз никогда не был так крепок, как крепок сейчас. (Аплодисменты.)

Достигнуто это на обоих путях, и на путях хозяйственного строительства, и на путях приспособления диктатуры пролетариата к тем очередным задачам, которые перед нами стоят.

Мы никогда не утверждали, что диктатура пролетариата постоянно сохраняет одни и те же формы. Диктатура пролетариата в эпоху гражданской войны имеет одни формы, диктатура пролетариата в эпоху мирного строительства имеет другие формы. И если бы мы попытались действовать и проводить диктатуру пролетариата в эпоху мирного строительства так, как мы должны были ее проводить в эпоху гражданской войны, то это, конечно, свидетельствовало бы о полной нашей политической неопытности. Вы сами знаете, что мы понемножку изменяли формы диктатуры пролетариата и что то оживление Советов, оживление политической активности всех слоев населения, новые формы управления, новые методы вовлечения беспартийных и рабочих и в частности и в особенности — крестьянских масс, их привлечение к системе государственного управления — означают проведение диктатуры пролетариата в новой форме, соответствующей новым отношениям между пролетариатом и крестьянством.

ЦК, конечно, чувствует и знает, что вопрос о необходимости диктатуры пролетариата, о необходимости сохранения руководящей роли за пролетариатом над крестьянством и по отношению к крестьянству, часто теперь смущает крестьян. Я думаю, что на этот вопрос мы должны отвечать товарищам-крестьянам прямо и до конца. Нам нет никакой необходимости скрывать от них или пытаться спрятать от них

то, что представляет основу наших взглядов, нашей политической программы и нашей тактики. Мы должны сказать прямо: Да, если в эпоху гражданской войны диктатура пролетариата была необходима для того, чтобы победить в вооруженной борьбе помещиков и капиталистов и если вы, товарищи-крестьяне, признали, что победить вы могли и отстоять ваши земли, вы могли только постольку, поскольку во главе крестьянской массы становился пролетариат и руководил этой массой,— мы должны вам сказать и теперь, что окончательное освобождение от всяких капиталистических отношений, действительная постройка нового социалистического общества невозможна без того, чтобы во главе строителей-крестьян не шел бы руководитель-пролетариат.

И это мы, коммунисты, утверждаем не потому, конечно, что мы особенно любим пролетариат или считаем пролетариат помазанным каким-то особым елеем, — нет, только потому, что пролетариат самим действительным положением на фабриках и заводах, самим характером своей работы — более организован, более сплочен, более дисциплинирован и более кровно заинтересован в постройке подлинного социалистического общества, чем широкие распыленные крестьянские массы.

Сила крестьянства в том, что его много, слабость его в том, что оно распылено и не организовано. И мы можем спросить любого сознательного крестьянина, — а несознательный крестьянин, вероятно, узнает эту истину со слов своего сознательного товарища, — мы можем спросить любого сознательного крестьянина — могла ли быть осуществлена победа над царизмом, если бы широкое крестьянское движение не было возглавлено пролетариатом? Могла ли быть осуществлена победа над Керенским, если бы тогдашнее широкое аграрное движение не было возглавлено Питерским, Московским и другим пролетарием? Был ли бы прогнан Колчак, если бы широкое крестьянское повстанческое движение не было организовано, объединено, руководимо пролетарским дисциплинированным кадром? И не относится ли то же самое к Врангелю, Деникину и ко всей вообще контр-революции? Я думаю, что если крестьяне задумаются над этим вопросом, они должны будут признать: Да, крестьянство не решило бы само по себе ни одной из этих проблем, если бы не было возглавлено, организовано и руководимо пролетарской массой.

Тогда пускай уж товарищи-крестьяне послушают нас и в том, что если мы хотим перестроить всю нашу страну с верху до низу, если мы хотим из бедной, нищенской, отсталой страны сделать богатую и подлинно социалистическую страну,— этого нельзя сделать иначе, как двигаясь единым сплошным фронтом, объединяя и рабочих и крестьян, но с тем, что руководящую роль, ведущее начало, будет играть тот, кто будет прокладывать

пути, кто будет организовывать всю эту массу, — пролетарий. В этом отношении ЦК никогда, конечно, не сделает ни малейшей уступки, здесь у партии не может быть никаких колебаний или послаблений. Мы должны это разъяснить, мы можем это разъяснить и мы абсолютно уверены в том, что нас поймут крестьяне, конечно, если наша деятельность, как организатора нового социалистического хозяйства, будет доказана не только нашими словами, не только нашими резолюциями, не только нашими претензиями, а будет доказана нашими делами.

Наши достижения.

По этим делам, как говорил Ленин, и судят о нас крестьяне, и мы готовы выйти сейчас на крестьянский суд с нашими достижениями за последний год, мы готовы выйти не только перед лицом коммунистов, но и перед лицом всей страны, перед лицом всей беспартийной крестьянской массы, готовы держать ответ на вопрос о хозяйственных достижениях этого года.

Крестьяне знают, какую страну получили мы в наследство. Они видели, в каком состоянии находились их поля, находились фабрики и заводы, города и поселки, шахты и рудники в момент, когда коммунисты-рабочие смогли отложить в сторону винтовки и взяться за молоток. Они могут сравнить это положение с нынешним положением и принуждены будут признать, что коммунисты в качестве руководителей общего народного творчества оказались на высоте призвания.

Я приведу несколько цифр для того, чтобы показать, каким темпом идет развитие наших успехов. Я буду сравнивать последние три года по общим центральным узловым пунктам нашего хозяйства.

Если мы возьмем продукцию сельского хозяйства, она в 23 — 24 году исчислялась в 8 миллиардов рублей. Почти в той же сумме, благодаря неурожаю, она исчислялась и в прошлом году. В этом году она оценивается выше чем в 10 миллиардов. Но можно сказать, что в области сельского хозяйства — и это будет правильно — сознательное участие государства, сознательная его поддержка играет до сих пор минимальную роль. Это правда: как ни печально в этом сознаться, но и до сих пор рост сельского хозяйства определялся больше дождичком и погодой, чем государственными усилиями.

Это не значит, однако, чтобы государство за последние годы не обращало усиленного внимания на сельское хозяйство. Мне придется обратиться к этому пункту попозже и я там укажу, почему и каким образом мы пришли к мысли о необходимости сосредоточить один из главных центров своего внимания на

сельском хозяйстве и что мы для этого сделали, а покуда пойду дальше и обращусь к промышленности.

В 23—24 году общая ценность государственной промышленности исчислялась приблизительно в 2 миллиарда рублей, в 24—25 гг.—в 3 миллиарда рублей. В том году, который уже наступил, мы оцениваем продукцию государственной промышленности в 4 миллиарда 500 миллионов руб., т.-е. мы хотим за этот год сделать скачок на 50%, в полтора раза повысить общую ценность нашей продукции.

Это отражается, конечно, и на количестве занятых рабочих. Мы имели в 23—24 году полтора миллиона рабочих в крупной цензовой промышленности. В истекшем году—1 800 000 рабочих. В наступающем году будем иметь 2 300 000 рабочих. Таким образом, мы в течение полутора лет увеличили почти на миллион количество рабочих.

Если обратиться к отдельным отраслям нашего хозяйства, то, например, нефти мы добывали: два года тому назад—360 миллионов пудов; в истекшем году добыли 425 миллионов пудов и надеемся в этом году добыть—520 000 000 пудов, что составит 93% от довоенной добычи.

Для угля соответственные цифры будут такие: 962 миллиона пудов, 979 милл. пудов, 1 014 миллионов пудов, т.-е. 86% довоенного.

Для чугуна—400 милл. пудов, 790 милл. пудов, 1 500 милл. пуд., т.-е. около 60% довоенного.

Два года тому назад мы переработали 6 милл. пудов хлопка, в прошлом истекшем году 12 милл. пуд., в этом году переработали 18 милл. пудов хлопка.

Изготовили тканей два года тому назад—1 100 милл. метров. в истекшем году 2 милл. метров, в наступающем году приготовим 3 миллиарда метров, т.-е. 90% довоенного.

Это же самое можно перенести и на все остальные отрасли хозяйства.

Я не буду затруднять вас дальнейшим чтением цифр, они напечатаны и в тезисах моего доклада на партсъезде, так что надеюсь, что вы с ними ознакомитесь. Эти цифры я привел для иллюстрации того факта, что мы имеем не только общий процесс восстановления, но этот процесс идет систематически, этот процесс не есть какой-нибудь результат болезненного напряжения сил; это не то, чтобы мы напрягались, выскочили, дали большую продукцию—а потом, нам захватит дыхание и мы сорвемся. Нет, нарастание общего благосостояния, нарастание производства во всех отраслях идет систематически и планомерно, увеличиваясь из года в год, и приводит к тому, что в этом году мы, вероятно, дойдем до довоенного уровня во всех отраслях народного хозяйства.

Правда, этот довоенный уровень совсем не высок. Мы знаем, что Россия до войны была бедна, мы знаем, что довоенная Россия базировалась на частной собственности, и весь ее довоенный уровень определялся отношениями между капиталистами и помещиками. Нам этот уровень не указ. Мы не хотим восстановить той бедной России, которой она была до войны. Мы хотим совсем другой России, и совсем другой в смысле богатства и в смысле взаимных соотношений элементов; мы хотим социалистической России, и богатой социалистической России.

Но, как мерка, довоенный уровень до известной степени годится. Ведь нас скинули с той России, какой она была в 14-м году, в глубочайшую яму, затем нас на дне этой ямы пытались затоптать наемные солдаты всех капиталистических держав. Потом из этой ямы мы начали мало-по-малу выкарабкиваться, и вот эта мерка довоенного уровня годится для того, чтобы сказать в этом году: из ямы, в которую нас затоптала буржуазная контр-революция, мы выбрались, — и теперь перед нами новые дали, новые задачи и новые трудности, встающие с этими задачами. Скрывать перед вами то, что мы будем иметь новые трудности, мы ни в коем случае не собираемся.

Трудности мелкобуржуазной стихии.

Эти новые трудности на нашем уровне развития определяются основной задачей, которая перед нами стоит. Вот тут товарищ, который говорил передо мной, свидетельствовал об успехах наших во всех областях и, в частности, в крестьянском хозяйстве. Он говорил: давайте все вместе — казаки, крестьяне, рабочие — будем строить сильное и крепкое государство. Я бы сказал так: «Да, товарищ, верно, мы все вместе хотим строить сильное и крепкое государство, но нас интересует еще вопрос, *какое* государство? Сильное и могучее государство — *социалистическое*». Тогда мы поймем друг друга до конца, ибо, право же, не стоило огород городить для того, чтобы восстановить старое буржуазное государство, хотя бы и сильное и крепкое. Если пролито столько крови, затрачено столько энергии, истрачено столько сил, то для того только, чтобы построить новое, социалистическое государство.

И вот спрашивается, как же тут дело шло у нас? Основная трудность построения социализма в нашей стране заключается в том, чтобы вовлечь в это строительство распыленные крестьянские хозяйства. Мы осуществили социалистическое начало, взявши в руки пролетарского государства фабрики, заводы, жел. дороги, банки, шахты, рудники. Мы осуществили один из подступов к социализму, когда национализировали землю и запретили, чтобы земля

была объектом торгового оборота, объектом купли и продажи. Это все — предпосылки социализма. Но рядом с этими элементами социализма, у нас существует 22 миллиона крестьянских хозяйств, которые живут раздробленно, распыленно, которые не осуществляют идеи и начала социализма. И мы, коммунисты, понимаем, что только тогда мы достроим социализм, когда эти 22 миллиона раздробленных крестьянских хозяйств подтянем к социализму, вовлечем в общее наше строительство, свяжем их в единую систему.

А есть ли эта единая система? Нет, этой единой системы нет. И вот я приведу вам пока еще пример того, как плохо сказывается на наших общегосударственных делах то, что эти крестьянские хозяйства не целиком еще втянуты в нашу общегосударственную систему. Дело идет о хлебозаготовках. Они интересуют и крестьян и рабочих, но они пошли не тем ходом, который мы предполагали, не по тому плану, который мы осуществляем, и стоит разобраться в этом деле для того, чтобы понять, какое практическое значение имеет вовлечение крестьянских хозяйств в систему социализма.

Что мы хотели, и в чем заключался наш план? Когда мы узнали о хорошем урожае, мы попытались его оценить и пришли к предположению, что в нашей стране окажется 1 100 миллионов пудов хлебных излишков, которые в нашей стране, внутри ее, целиком не могут быть потреблены. Мы знали, что крестьянство около миллиарда пудов должно выкинуть на рынок. Но наше крестьянство северных губерний, крестьянство тех районов, которые сеют не хлеб, а другие культуры, и города, в общем, могут потребить около 500 миллионов пудов.

Что же делать с остальными пятьюстами миллонов пудов, которые внутри крестьянского хозяйства не были нужны и которые города не могли потребить? Казалось, что и наш общегосударственный интерес, и интерес рабочего класса, и интерес самих крестьян говорили, что надо эти излишки вывезти за границу, продать за границей как можно дороже и на вырученные деньги привезти в нашу страну то, чего нам не хватает.

А чего нам не хватает? Нам не хватает: крестьянину оборудования разного и с.-х. машин. Не хватает потому, что наша промышленность не может полностью и целиком удовлетворить тот спрос, который страна предъявляет промышленности. Таким образом, наш государственный план был ясен и прост: излишки, не нужные в нашей стране, вывезти и продать за границей, на эти средства купить, с одной стороны, сельскохозяйственные машины для крестьян, с другой стороны, сырье и оборудование для нашей промышленности и, таким образом, дать крестьянству готовые товары.

Но мы знали, что на мировом рынке мы не одни, что мы туда пришли как новички, что мы в продолжение нескольких

лет, за редкими исключениями, хлеба не вывозили, и поэтому во время нашего отсутствия эти заграничные рынки захватили другие страны, более богатые, чем советские крестьяне. А так как они более богаты, то могут на лучших условиях продавать покупателям: и кредит больше оказать, и свое зерно очистить и подобрать, и приготовить специальные культуры, которые нужны мировому рынку. Мы знали, что борьба предстоит очень тяжелая, что для того, чтобы продать наш хлеб за границей, надо бороться — с кем? С такими богатыми странами и с такими богатыми земледельцами, капиталистами, как американские, канадские, австралийские фермеры.— Но у нас был один шанс. Этот шанс заключался в том, что американский и аргентинский хлеб поспевает позже нашего и может появляться на рынке только в октябре, а мы могли поспеть со своим хлебом уже в августе и сентябре.

Следовательно, казалось бы, что общий интерес и крестьянства, и пролетариата, и всего дела укрепления нашего хозяйства и подведения социалистических элементов под него требуют: пока не появится наш международный конкурент на мировом рынке, вывезти хлеб, так как тогда мы могли бы продавать его дорого; дешево купить оборудование и сырье, отправить их на фабрики, которые пустить полным ходом, и дать крестьянству товары.

Это можно было бы осуществить, и препятствий не было бы, если бы все крестьяне действовали так же планомерно, как действует, скажем, наш Донбасс. Мы Донбассу в начале года говорим: вот тебе задание, столько-то миллионов пудов; вот тебе денежные средства в таком-то количестве; вот тебе сырые материалы, которые тебе нужны—и благоволи, используя это, к концу такого-то срока давать столько-то угля. Бывают срывы,—мы люди, только начинающие хозяйствовать,— бывают просчеты, но мы знаем, сколько угля и в какой срок дадут.

А насчет крестьянства как? Мы этого не знаем. Крестьянство крестьянствует, хозяйствует не в одном каком-нибудь совокупном единении, а хозяйствует отдельно. Каждый хозяин за себя, а их 22 миллиона хозяйств — и что же получилось? Крестьяне увидели, что им платят более или менее дорогие цены, — так как мы надеялись за границей продать дороже, — и решили подождать, пока цены будут еще дороже. Расстаться с хлебом, — думали они, — мы всегда успеем. Товаров на рынке не оказалось в достаточном количестве.

Если бы мы могли объяснить всем крестьянам толком, что именно для того, чтобы крестьянство получило товары, оно должно поскорее отдать государству хлеб, чтобы государство вывезло его за границу, тогда, может-быть, крестьянство в своей массе поняло бы, что чем раньше сдадим хлеб, тем скорее фабрика

для них выкинет товар. Но, имея перед собою 22 миллиона крестьянских хозяйств, мы этого полностью сделать не могли, и получилось расхождение между нашим планом и «планом» этих 22-х миллионов крестьянских хозяйств.

Что же в результате получилось? Пока мы здесь нажимали и упрашивали — сдайте нам хлеб — время прошло, и на рынке появился и австралийский хлеб, и канадский, и американский, и цены на международном рынке стали падать; так как мы вывезли сравнительно мало хлеба, то и ввезти сырья и машин мы тоже не способны столько, сколько нам думалось. В результате нам пришлось сокращать наш ввозной план, так как сократился наш вывозной план. Кто же на этом выиграл? Может-быть, крестьянство выиграло, удержав твердые цены? Нет, те товарищи крестьяне, которые так рассуждали, явно ошиблись и к своей и к нашей беде.

Нам нужно богатое государство. Мы не собираемся строить социализма на бедности. На бедности крестьянства, на обнищалой деревне — социализма построить нельзя. Не то что социализм — капитализм хороший построить на нищей деревне нельзя, а социализм и подавно. Для того, чтобы построить цветущую социалистическую промышленность, для того, чтобы пустить фабрики и заводы полным ходом, чтобы вместо 4—5 миллионов работающих фабрично-заводских рабочих—иметь 10 миллионов, для этого нужно, чтобы для этой промышленности был потребитель. И потребитель не нищий крестьянин, не нищая деревня, а та деревня, которая будет строиться, которая хочет хорошо питаться, которая хочет хорошо одеваться, которая не горит ежедневно и хочет иметь в деревне культурные учреждения, которая заботится о том, чтобы ее сыновья учились — одним словом, деревня, поднятая на высшую ступень, по сравнению с тем, как она находится сейчас.

Я и спрашиваю — кто же выиграл от такого расхождения нашего плана? Никто не выиграл, а мы вместе с крестьянством потеряли. Ведь оно хлеб сохранило и ожидает, что весною продаст по высокой цене, но в стране сейчас хлеба больше, чем мы можем съесть — и когда подойдет время нового урожая и все крестьянство выкинет хлеб на рынок, то цены неизбежно упадут, а продать в Европу будет поздновато.

Кое-что мы вывезем, но тогда будут низкие цены, так как конкуренты из Америки и Канады захватят наши позиции, люди закупят хлеб, и нам придется за границей сдавать хлеб по низким ценам. Надежда на то, что крестьянство, задержав осенью хлеб, получит весною дороже, не оправдаются — и к их и к нашей беде, и выиграют на этом только заграничные потребители, которые купят излишки нашего хлеба по низкой цене.

Почему это произошло, что мы проиграли? Мы думали, скажем, текстильную промышленность развернуть так, чтобы

достигнуть довоенной нормы потребления мануфактуры, когда на голову населения у нас вырабатывалось 16 арш. (мы вырабатываем сейчас 12—13 аршин, а вы знаете, что ее совсем не хватает).

Мы думали: хлеб будет вывезен, за этот хлеб мы купим в Америке хлопок, которого нам не хватает, хлопок привезем сюда и развернем нашу текстильную промышленность до довоенного уровня, т. е. 16 аршин на душу. В Америке и во Франции приходится не 16, а 36 аршин на душу населения, но нам хотя бы до этой голодной нормы добраться первый год, а потом мы пойдем так быстро скакать, что догоним и их. А в этом году хотелось выработать хотя бы столько, сколько давалось до войны.

Для этого нашего хлопка не хватает. Туркестан и Кавказ дадут только 12 миллионов пудов, а нам для того, чтобы добиться этой нормы, нужно не менее 19 миллионов пудов. Следовательно, до 7 миллионов надо купить в Америке.

Чем купить? Золотом. Но нам царская казна золота не оставила, а Колчак то, что казна оставила, украл. Следовательно золота у нас нет. Чем мы можем заплатить за американский хлопок? У нас есть нефть, лес, сел.-хоз. продукты, но нефти мы вырабатываем еще недостаточно, чтобы оплатить все то, что нужно, потому что нам нужен не один хлопок, а нужна резина, тракторы. Ни нашего леса ни нашей нефти на это не хватает. Надо было именно воспользоваться урожайным годом, чтобы двинуть вывоз хлеба. Но мы не получили хлеба достаточно. Мы срезали план текстильной промышленности. Мы сказали тов. Дзержинскому: «Ты всех заводов не разворачивай, мы хлопка не купим, а следовательно и в деревню попадет меньше текстиля».

И вам в деревне нужно рассказать эту нехитрую механику: если бы вы, крестьяне, во-время продали хлеб, то и текстиль был бы. Вот, повторяю, та нехитрая механика, которая лежала в основе наших планов и которая соответствует интересам и рабочего класса и крестьянства, и которая не оправдалась, потому что, имея возможность планировать непосредственно нашу промышленность, мы только косвенным образом можем направлять и планировать хозяйство крестьянства. И в этом основная трудность нашего социалистического строительства, на устранение этого недостатка потребуются годы работы пролетариата и его союзника, крестьянства.

Для нас не существует никакого сомнения, что все время мирной передышки, которую мы получим, должно быть направлено на то, чтобы эту проблему вовлечения крестьянского хозяйства в общую систему советского хозяйства как можно скорее решить. Если я говорю «скорее», то не потому, что мы большевики и хотим скоро решать, а потому, что тут борются

две противостоящие тенденции, и мы не должны дать возможности развиться одной из этих тенденций. О какой тенденции я говорю? О той, которая неизбежно развивается при товарном производстве, когда имеется свободный рынок, о тенденции капиталистической.

Какие отношения у нас существуют в деревне? Что обозначал нэп? Вы знаете, что нэп обозначал прежде всего свободную торговлю, свободное распоряжение крестьянина продуктом своего труда. Что это значит? Каждый, кто заглядывал хотя бы одним глазом в книжки Ильича, знает, что освобождение мелкой частно-хозяйственной единицы обозначает: производи на освобожденной земле и своими продуктами распоряжайся как знаешь, лишь бы ты уплатил причитающийся государству налог. На этой почве неизбежно должны развиваться капиталистические отношения в деревне, и они есть, они неизбежно растут.

В чем они выражаются? В том, что необходимый подъем производительных сил не совершается так ровно, гладко, когда вся крестьянская масса поднимается равномерно,— а в том, что этот подъем идет противоположными путями, одну группу поднимая, усиливая, другую спуская. И, несмотря на то, что основная масса крестьянства принадлежит к середняцким слоям, мы видим в деревне два разных полюса развития: усиление кулацкой группы и увеличение бедняцкой группы. Это не есть процесс случайный, а процесс естественный. До тех пор, пока в основе сельского хозяйства будет лежать принцип выработки продуктов в частном хозяйстве на свободный рынок, этого избежать нельзя. Мы достаточно развиты, чтобы понимать, что это естественно.

Но у нас есть одно оружие, которым мы можем воздействовать на этот процесс: диктатура пролетариата, то, что мы сосредоточили в руках пролетариата все главные экономические силы в виде транспорта, кредита и т. д. Следовательно, основной вопрос экономики и политики для нас заключается в том, чтобы видеть, что в деревне есть процессы развития капиталистического и социалистического характера, и уметь повернуть развитие крестьянской массы на социалистические рельсы. Тот, кто скажет, что крестьянство все равно без сознательного воздействия будет развиваться к социализму, тот ошибается. Без сознательного воздействия мы этого не достигнем. Тот, кто скажет: что что бы мы ни делали, все равно из этого свободного оборота выползет капитализм, будет тоже не прав, потому что он не дооценивает того, что ныне деревня развивается при таких условиях, когда основные экономические силы находятся в руках пролетариата. Следовательно, наша задача — направить деревню не по капиталистическим рельсам, а по рельсам общего развития социалистического хозяйства.

Над этим больше всего мы бьемся, к этому пункту сводятся все остальные наши построения, ибо в этом пункте увязывается вся наша забота о развитии промышленности, о развитии кооперации, забота о внешней и внутренней торговле и вся наша работа в деревне, т.-е. среди 80% нашего населения. Тот, кто не понимает этих условий, тот не понимает самого основного пункта нашей политики, потому что союз рабочих и крестьян в 1918 г. имел другие формы, чем в 1920 г., а в 1921 г. этот союз имел другие формы, чем в 24 г., и в 25 г. центр вопроса лежит не совсем там, где он находился в 21 г., когда Ильич провозгласил: ради союза рабочих и крестьян мы объявляем свободу торговли.

Мы сказали крестьянину: ты свободен распоряжаться своей продукцией. В 1925 г. центр вопроса заключается в том, чтобы понять, что на почве этого права свободной торговли, которое было дано крестьянству в 1921 г., в деревне начинается рост разных противоположных течений, и партия должна направить весь свой коллективный разум к тому, чтобы повернуть крестьянские массы на социалистические рельсы в то время, когда верхушка их тянет на капиталистические рельсы.

Сможем ли мы эти массы повернуть? Сможем. Сможем ли мы их повернуть быстро, военным порядком? Пустяки, не сможем. Мы не повернем крестьянство до тех пор, пока оно не будет снабжаться нашею промышленностью товарами полностью и целиком, пока мы не поставим нашу кооперацию на такую высоту и не придадим ей такого характера, чтобы она перешибала противоположную капиталистическую тенденцию. Вот почему Владимир Ильич указывал на особенное значение кооперации.

Почему Ильич в последние дни вспомнил именно о кооперации? Потому что перед ним стоял вопрос, куда пойдет деревня и как повернуть ее к социализму. При задержке мировой революции, при том положении, когда капиталистическое окружение действует со всех сторон, при том, что пролетариата мы имеем всего 3 миллиона и надеемся, что будем иметь 5 миллионов, — подлинное, настоящее кооперирование крестьянства дает возможность эти распыленные хозяйства спаять в единый организм и развить одновременно промышленность, потому что голой кооперацией, которая не будет иметь против продуктов сельского хозяйства тракторов, машин, мануфактуры, всего того, что необходимо крестьянину, мы тоже социализма не сделаем. Поэтому сплетаются воедино, как самая настоятельная задача: развитие промышленности, инду-

стриализация страны и развитие кооперации в деревне. Вот три орудия, при помощи которых мы будем избегать расхождения наших планов с планами крестьянства, которое мы видели в хлебозаготовках.

Борьба за крестьянские массы — главное.

Тут предыдущий товарищ требовал прямого ответа на вопрос, кто такой кулак, середняк и бедняк. Я думаю, как ни печально это для товарищей, но такого рецепта, чтобы решить и сразу определить, кто кулак, кто середняк, кто бедняк, нет и быть не может. Тут дело заключается не в том, что у того или другого крестьянина 4 или 5 лошадей, а дело заключается во взаимных отношениях различных групп крестьянства.

Для того, чтобы немного иллюстрировать, как складываются эти отношения, я прочту парочку слов из обследования Моск. губернии, произведенного т. Кретовым и называемого «Деревня после революции». Вот что пишет тов. Кретов на основании обследования одной волости Моск. губернии: «В настоящее время центральное место целиком принадлежит середняку. По отношению к бедноте середняк настойчиво выдвигает требование реформы налоговой системы на началах уравнительного обложения исключительно земли. Он говорит: «Так брать налог не годится. До каких же пор мы будем отдуваться за бедноту?» Общественное положение бедноты таково, что подавляющее ее большинство принуждено вести себя очень пассивно, только одиночки из бедноты проявляют активность. Бедняк на обществе, — в присутствии середняка, — стушевывается. Тут дело не столько в индивидуальной, сколько в общественной экономической зависимости бедноты от середняков. Если беднота станет предъявлять большую общественную активность, то она окажется в своеобразной блокаде, стихийно организуемой середняками, и бедняку трудно будет рассчитывать на помощь как со стороны общества, так и со стороны отдельных середняков. В отношениях с кулацкими элементами деревни роль запевалы также принадлежит середнякам. Если нужно прижать кулака, то инициатива исходит чаще всего от середняков, а беднота лишь содействует. Таким образом, середняк занимает положение гегемона и, когда нужно, воюет как против бедняков, так и против кулаков. Когда он выступает против бедняков, то действует вместе с кулаком; когда же он выступает против кулаков, то блокируется с беднотой». * (Смех.)

Вот видите, товарищи, если эта характеристика отношений не только в том уезде, о котором пишет товарищ (а я думаю,

* Ф. Кретов. «Деревня после революции», стр. 24 — 25.

что она шире),— то это ставит специальные задачи перед нашей партией.

Если деревня общественно строится таким образом, что середняк использует свое положение для того, чтобы блокироваться то с кулаком против бедноты, то с беднотой против кулака, то это не есть наша политика, и мы его поддерживать в этом деле не будем. Перед нами стоит чрезвычайно трудная задача: убедить этого середняка, что его подлинная позиция заключается в том, чтобы блокироваться с нами, с коммунистической партией, и с беднотой против кулака.

Почему, спросит вот тот товарищ, который здесь говорил, почему вы против кулака? Не считаете ли вы кулаком того, у кого 4 лошади? Нет, дорогой товарищ, я не считаю кулаком того, у кого 4 лошади, а считаю кулаком того, кто эксплуатирует чужой труд и кто хочет повести деревню по пути узаконения эксплуатации чужого труда. Против этого мы делали Октябрьскую революцию. Неужели до сих пор даже этого не поняли? Мы идем к строю, в котором не должно быть эксплуатации одного человека другим. И если кулак хочет узаконить, как важнейшую форму хозяйства, эксплуатацию богатыми более бедных, то это не есть наша политика.

Как же можно представить себе дело? Мы должны стоять за поднятие уровня всей деревни в целом. Мы должны содействовать всеми силами развитию производительных сил всей деревни. Я уже сказал, без этого мы социализма не построим. Но так как мы знаем, что середняк и беднота отстали и обнищали, то мы, как государство пролетарское, должны помочь, чтобы рост середняка и бедняка шел быстрее, чем рост кулака.

Как это сделать? Другого пути нет, как только кооперацию направить на это дело, как только наш государственный кредит сделать орудием сплочения середняков и бедняков против кулаков. Поэтому мы, как коммунисты, должны отдать себе в этом полный отчет. У нас в деревне неизбежно идет и будет еще идти — сразу этого вопроса не решить — борьба разных тенденций. Одна тенденция будет: через кооперацию к социализму; другая тенденция будет: через усиление, обогащение одной группы, через усиление эксплуатации этой группой других групп, восстановление капиталистических отношений.

Это не значит, что мы можем с этой тенденцией бороться какими бы то ни было административными мерами. Все постановления Центрального Комитета, начиная с XIV партконференции, указывают на то, что применению административных мер в регулировании деревенского хозяйства должен быть положен конец раз и навсегда. Но тем паче мы, как коммунисты, должны понимать увеличивающееся значение не административной, а чисто экономической политики в направлении развития нашей коопера-

ции, направлении нашего кредита, направлении политики снабжения машинами и т. д.

Вот, если мы во всех этих областях будем вести правильную линию, если мы кооперацию будем развивать, если мы денежный государственный кредит будем направлять не к богачам, а к тем, которые относятся к группе середняков и бедноты, если мы поставим снабжение машинами таким образом, чтобы поддержать кооперативное объединение середняков и бедняков, а не делать эти машины орудием накопления отдельных кулаков, то мы эту капиталистическую тенденцию перебьем. Мы имеем полную возможность ее перебить, потому что у нас все хозяйство в городе социализировано, потому что власть наша состоит из трудящихся, не заинтересованных в усилении капиталистических элементов.

Но вы, естественно, зададите нам вопрос: почему же мы говорим о социалистических элементах нашего хозяйства, а не о социализме? Потому что мы еще пока не можем этого сказать. Мы имеем налицо не социалистический строй, а элементы социалистического строя, борющиеся с элементами капиталистическими. Мы имеем все преимущества, мы заняли все форпосты, держим в своих руках командные высоты, и эти капиталистические тенденции сокрушим несомненно.

Но мы с вами решили, когда ввели новую экономическую политику, которую теперь отменять ни в коем случае не собираемся, что мы их сокрушаем не так, как сокрушали в 18 и 19 году помещика и даже того же кулака. Тогда мы их сокрушали с оружием в руках, а теперь мы будем сокрушать остатки и новые ростки капиталистических отношений и капиталистической эксплуатации при помощи правильной экономической политики, при помощи укрепления нашей промышленности, укрепления кооперации, укрепления и облегчения государственного кредита для бедняка и середняка, облегчения для бедняка и середняка индустриализации и машинизации его хозяйства.

Вот почему, товарищи, для нас сейчас чрезвычайно важно рядом с процессом роста кооперирования иметь процесс усиленного развития нашей промышленности. Я указал на это потому, что уже в этом году наши ассигнования промышленности далеко превзойдут все то, что мы делали до сих пор. Мы подстегиваемся в этом направлении тем товарным голодом, который налицо, и наша промышленность есть то орудие, которым пролетариат завоюет доверие крестьянства.

Крестьянство может судить о коммунистическом хозяйстве правильно только постольку, поскольку оно видит, что пролетариат — хозяин фабрик и заводов — удовлетворяет крестьянские потребности лучше, чем делал это капиталистический строй.

В данный момент, при существовании товарного голода, при спекуляции на товарном голоде, при высоких розничных накидках, с которыми мы еще не справились, немудрено услышать от крестьянина жалобы на то, что мы даем ему товара меньше, и даем этот товар хуже, и он до него доходит дороже, чем это было раньше.

Мы ему говорим: мы даем тебе товара меньше и даем тебе дороже, потому что наша промышленность не может быть восстановлена еще в полном размере. Но мы должны понимать, что нельзя только отговариваться словами, что вся наша энергия должна быть направлена на то, чтобы скорее перевернуть эти отношения. Не так надо поставить дело, чтобы крестьянин требовал товар, стоял перед заводом, а завод ему отказывал, а наоборот: чтобы у завода были такие запасы товаров, которые он мог бы планомерно распределять по всей стране.

Наша промышленность, несмотря па все ее успехи, о которых я вам сказал, работает еще без запаса. Наша промышленность до сих пор еще не может полностью удовлетворить те потребности, которые к ней предъявляются. Наша промышленность не может еще конкурировать с заграничной примышленностью.

Вот, товарищи, те трудности, которые перед нами стоят. Но и достижения наши велики. Они настолько велики, что поражают не только нас самих, но и наших врагов, поражают, с какой быстротой пролетариату и крестьянству удалось восстановить нашу страну.

Велико то напряжение сил, которое еще потребуется от трудящихся для того, чтобы перебороть, с одной стороны, капиталистические тенденции в деревне, с другой стороны, отстоять доминирующее, руководящее влияние промышленности и ее направляющее влияние на рынок. Эти задачи останутся перед нами. И вот решение этих задач требует ряда мер в других областях.

Об осуществлении внутрипартийной демократии.

Решение этих задач требует, прежде всего, целого ряда мер, направленных к улучшению и поднятию положения рабочего класса. На партийном съезде специально поставлен вопрос о профсоюзах, именно потому, что та противоречивая обстановка, в которой мы сейчас находимся, требует нового напряжения от рабочего класса, требует создания организации в такой форме, которая больше удовлетворяла бы актуальным потребностям рабочего класса.

Мы несомненно имеем теперь радостный процесс роста и сплочения пролетариата. Но этот пролетариат пополняется

все новыми и новыми кадрами. Тот пролетариат, который теперь приходит на фабрики и заводы, не тот пролетариат, который провел гражданскую войну 17 и 18 года. Все больше и больше деревня будет присылать нам новых пролетариев. Они не смогут так, как старый кадр пролетариев, сравнить нынешнюю социалистическую фабрику с фабрикой капиталистической, и им иногда покажется: «что же, с меня требуют большой производительности труда, заработная плата не достигает еще довоенного уровня, требуют дисциплины»,—и у него может создаться такое настроение, которое не будет соответствовать его положению хозяина в нашем государстве.

А мы должны создать такое положение, чтобы пролетарий чувствовал себя больше чем когда бы то ни было хозяином и объединенной государственной промышленности и всего государственного управления. Чем больше поднимают головы на фоне общего подъема страны нэповские антисоциалистические элементы, чем больше они хотят влиять на нашу политику, тем решительнее, сплоченнее, организованнее, активнее должны быть сами пролетарии. Именно поэтому мы должны в области профсоюзов, которые являются самой широкой формой организации пролетариата, внести новый дух, выкорчевать там до конца всякий дух чиновничества, бюрократизма, о котором говорил здесь товарищ, и сделать их подлинной школой коммунизма.

Мы не имеем никакого командного состава, кроме того командного состава, который приходит на верхушку нашего государства из профессиональной и кооперативной работы. Эти массовые организации должны подготовить и поставить широкие массы ближе к делу управления и хозяйством и государством. Вот, поэтому, лозунг оживления Советов, оживления кооперации, оживления профсоюзов так резко выдвинут за последний год ЦК нашей партии и неизбежно связан со сложностью положения, с новой эпохой строительства. Именно потому, что мы окончательно вылезли из грязной ямы, в которой мы сидели, потому, что мы вышли на открытую дорогу, потому, что перед нами открылся новый этап экономического строительства, потому, что старые мерки мы должны отбросить и должны реорганизовать всю нашу промышленность и все наше народное хозяйство на основах социализма; именно потому, что в этой работе по выполнению стоящих перед нами задач мы будем иметь противоречивые тенденции и здесь не все пойдет гладко,—именно поэтому так велико значение вышеуказанного лозунга. Известная группа, кулацкая группа крестьянства, будет сопротивляться и пытаться направить наше развитие по своему руслу, именно поэтому требуется больше, чем когда бы то ни было, пробудить

активность рабочего класса, поставить его ближе, чем когда бы то ни было, к производству не в смысле какого-нибудь вмешательства профсоюзов в административные распоряжения фабрично-заводской администрации, а в смысле того, чтобы каждый член профсоюза знал бы положение, направление задач всего объединенного социалистического производства, понимал бы, что работа есть только частичка общей работы, направленной не к тому, чтобы выработать определенное количество продуктов, а к тому, чтобы заложить и построить основы социалистического общества, чтобы увенчать, таким образом, Октябрьскую революцию.

Но, тт., вы прекрасно понимаете, что лозунг оживления Советов, оживления кооперации, оживления профсоюзов может быть проведен только тогда, когда подобное же явление будет осуществлено и в нашей партии. Нельзя давать профсоюзам, Советам кооперации, советы о большей выборности, большей подотчетности, более идейном обсуждении разных вопросов, если не осуществлять это в партии. Вот почему последний пленум ЦК постановил обратиться к партии с напоминанием о необходимости действительного осуществления принципа внутрипартийной демократии. И это произошло не потому, что Центральный Комитет неожиданно вспомнил—подавайте-ка сейчас сюда внутрипартийную демократию, а потому, что наблюдается повышение социальной, и политической, и экономической активности всех слоев населения, ибо люди стали сытее, люди стали крепче чувствовать себя на ногах, и вместе с жизнью поднялась активность населения. С этой новой активностью, с этой поднимающейся культурностью наша партия должна целиком справиться, должна возглавить это движение. Мы, которые вместе с кандидатами в нашей партии всего составляем миллион (следовательно, на 130 мил. населения у нас очень незначительный процент), — мы именно своей организованностью, дисциплинированностью и высокой идейностью можем удержать за собой роль руководителя и направителя всего этого процесса.

Тот съезд, который должен собраться через две недели, должен будет подытожить те громадные достижения, которые мы имели за прошлый год, должен будет также отметить и те трудности, которые я перед вами не скрыл. Я говорю, что перед нами отнюдь не эпоха мирного строительства в том смысле, чтобы не было борьбы разных тенденций. Наоборот, эта борьба разных тенденций будет, и она, весьма возможно, будет еще обостряться. Мы также должны помнить об этой опасности, именно потому, что мы сейчас углубили и расширили связи с международным рынком, потому, что целый ряд наших планов по восстановлению промышленности и сельскому хозяйству упирается в заграничный рынок, потому, что всякий разрыв

отношений может затруднить нас в нашем внутреннем строительстве.

Все эти трудности должны быть обсуждены, и мы совершенно уверены, что на партийном съезде, где партия коллективным разумом предусмотрит и решит все стоящие перед ней вопросы, будут найдены, будут вновь подтверждены те правильные пути, по которым мы до сих пор шли и которые неизбежно приведут нас к победе. (Аплодисменты.)

Ответы на вопросы и заключительное слово.

Меня спрашивают: «Чем вызвана вакханалия конкуренции между хлебозаготовителями?» Должен ответить, что мы, допуская 8 основных хлебозаготовителей, исходили из того предположения, о котором я говорил, что осенью на рынок будет выброшена основная масса хлеба. Мы в этом предположении, как вам известно, просчитались. Хлеба оказалось выброшено меньше, хотя я должен сказать, что тут не должно быть никакого пессимизма. Мы себя любим очень критиковать, и в этом, конечно, наша сила, и мы правильно критикуем наш просчет, потому что здесь просчет не только арифметический, а недостаточный учет степени сопротивляемости крестьянского хозяйства нашим общегосударственным социалистическим планам.

Этот опыт мы должны учесть для того, чтобы в следующих планах быть немножко осторожнее и понимать, что необходимо глубже и больше считаться с самостоятельными тенденциями крестьянского хозяйства, которое не всегда будет итти как раз в ногу с нашими предположениями. Так вот, несмотря на наш просчет и несмотря на то, что мы поступили правильно, критикуя самих себя в неосуществимости первого нашего плана, мы должны сказать, что в этом году уже сейчас заготовили 260 милл. пудов хлеба, т.-е. больше, чем заготовили в прошлом и позапрошлом году к этому времени, по крайней мере на 50%. Вывезли же из заготовленного хлеба и запродали за границу почти половину того, что в 1922—1923 году вывезли за весь год.

Так вот, исходя из этих несколько преувеличенных планов, когда думали вывезти до 1 января около 300 миллионов пудов, мы выпустили на рынок 8 основных заготовителей. Им всем нашлось бы дело, и конкуренция между ними, конечно, строго регулируемая, направляемая твердой рукой из центра, была бы полезной, если бы оказалось то количество хлеба, которое мы ожидали. А так как хлеба на рынке оказалось мало, и так как мы их подстегивали, потому что хлеб запродали за границу, то их конкуренция приняла несколько безобразную форму. И последнее решение Центрального Комитета гласит о том, что среди этих заготовителей должен быть введен самый строгий порядок, что

руководство из центра, из Комиссариата Внутренней Торговли должно быть усилено, и Наркомвнуторгу должно быть предоставлено право снимать заготовителей, сокращая их число. А я слышал, что вы здесь на месте, на Северном Кавказе, применяете, по-моему, вполне целесообразные меры распределения, разделения районов между отдельными заготовителями и сокращения в отдельных районах их количества. Отказаться совершенно от конкуренции между заготовителями, мне кажется, было бы нецелесообразно. Это значило бы установить монополию одного органа. На монополию одного органа итти мы не можем.

Следующий вопрос: «Скажите, в какой степени может быть снабжено станичное или деревенское население промышленными товарами и долго ли будет товарный голод?»

Должен прямо сказать вам, товарищи: надеяться на то, что мы совсем изживем товарный голод в этом году, не приходится. При первоначальном нашем плане при осуществлении того экспорта, о котором я говорил, мы могли надеяться, что к 3-му кварталу, 1926 году, т.-е. с апреля месяца, голод будет изжит. Теперь так сказать мы не можем, а можем сказать, что, вероятно, со второго квартала — с февраля месяца — острота минует. Тов. Дзержинский, т.-е. ВСНХ, напрягает все силы к тому, чтобы увеличить, по возможности, выпуск товаров, и он значительно будет увеличен. Но именно потому, что мы не можем купить за границею достаточного количества станков и сырья, подать крестьянскому и городскому населению все количество необходимых товаров вряд ли мы сможем.

Следующий вопрос: «Не стоит ли наша промышленность при ее росте перед опасностью нехватки нужной квалифицированной рабочей силы?»

Да, это один из серьезных вопросов нашей промышленности: нехватка и квалифицированной рабочей силы и специалистов. Мы так уже развернули нашу промышленность, что нам не хватает ни того ни другого. Что касается специалистов, то вы знаете то решение ЦК, которое направлено к тому, чтобы привлекать специалистов к работе. Кроме того, принят целый ряд решений ЦК, направленных к облегчению положения ученичества, к введению более льготных норм для ученичества индивидуального и ученичества бригадного, к облегчению вообще положения молодежи и привлечению ее к производству в целях массовой подготовки квалифицированной рабочей силы. Кроме того, принят целый ряд мер, которые должны несколько реорганизовать фабзавуч, ввести ряд вечерних курсов, именно с этой же самой целью. Работа в этом отношении только начинается. Но сознание того, что нам уже не хватает квалифицированных рабочих и наших молодых квалифицированных специалистов, инженеров, агрономов, техников и т. д.,—это у нас в полной мере есть.

«Как ЦК будет проводить в деревне на социалистических началах сельское хозяйство?»

Если бы я попытался ответить на этот вопрос очень подробно, то нужно было бы специальный доклад читать. В общем же могу вам сказать следующее: каждый трактор, который мы вводим в деревню, каждое машинное товарищество, которое мы организуем, каждое мелиоративное товарищество или товарищество по совместной обработке земли, не говоря уже о колхозах, представляет собой, несомненно, элемент социалистического хозяйствования в деревне. Нельзя, и никогда ни один коммунист, начиная с Маркса и кончая Лениным, не представлял себе, что можно перестроить сельское хозяйство на социалистических началах в короткий срок. Все мы с самого начала существования идеи коммунизма понимали, что самое трудное будет, и это вы найдете в сочинениях Ленина,—труднее даже, чем сшибить буржуазию,—осуществить полностью социалистическое производство в сельском хозяйстве, потому что не трудно социализировать городскую промышленность: фабрики, шахты, заводы, железные дороги; не трудно национализировать кредит, банки и т. д.; трудно основную массу населения в нашей стране (80%) передвинуть целиком на новый социалистический хозяйственный базис, особенно, когда ведь мы знаем превосходно, что в нашем-то Союзе есть не только остатки капиталистических отношений, но и остатки патриархальных отношений. Ведь у нас есть целые области, которые живут еще скотоводством и не привыкли еще к оседлому земледелию. Так что дело переработки крестьянского хозяйства на социалистических началах есть основная трудность, основная и длительная задача, которую мы можем решить постепенно только и решить ее с разных концов; решить ее колхозами, коммуной, кооперацией, введением электрификации, введением тракторизации, машинизации, индустриализации деревни. Все это бьет в одну точку: вырвать наше крестьянское хозяйство из распыленного, раздробленного, анархического и поэтому пораженного буржуазными отношениями и отношениями эксплуатации положения и перевести его на высшую ступень общественного хозяйства.

Но ведь для этого, прежде всего, товарищи, нужно, чтобы сама деревня мало-мальски поднялась из того положения, в котором она находится. Ежели мы сейчас еще в деревне работаем на трехполье, если есть деревни, в которых нет ни одной машины, если у нас до 45% крестьянских хозяйств не имеют тягловой силы, безлошадные, то, конечно, работа по социализации сельского хозяйства представляет очень большие трудности. Подходить теперь нужно с разных сторон, и поэтому на вопрос, как ЦК будет проводить в деревне социалистическое хозяйство, я отвечаю: будет проводить всеми мерами с разных концов, демонстрируя

перед крестьянами преимущества коллективной обработки земли, коллективного хозяйства перед индивидуальным в меру тех средств, которые нам будет давать электрификация. Не даром Ильич сказал: «Советская власть плюс электрификация есть социализм». Почему это он сказал? Потому, что электрификация, как представительница крупнейшей машинной индустрии, и должна быть тем орудием, которое вырвет деревню из ее отсталости, — поднимет ее на высшую ступень, сольет ее с городской промышленностью. А задача коммунизма заключается также и в том, чтобы разрушить ту стену, которая капитализмом воздвигается между городом и деревней.

Спрашивают меня: «Скажите, нет ли сейчас процесса обнищания и пролетаризации существующих крестьянских хозяйств?»

Мне кажется, что я в своем основном докладе на этот вопрос вообще ответил. Повторяю: конечно, элемент пролетаризации есть. Если бы меня спросили, хорошо ли для нынешнего состояния сельского хозяйства рост пролетаризации, я бы не ответил утвердительно. Нас интересует не вопрос о пролетаризации сам по себе, а вопрос о соотношении между различными группами. И главная беда, которую мы сейчас видим, состоит в том, что рост различных групп идет не равномерно на почве общего подъема урожая. Есть общий подъем, но, несомненно, этот подъем не одинаково поднимает все группы. Он поднимает более богатых быстрее, чем средних или чем бедных. А это-то и угрожает нам.

Политика наша должна заключаться в том, чтобы при общем подъеме крестьянского хозяйства, при общем подъеме всех слоев *нам необходимо помогать беднякам и середнякам расти быстрее, чтобы их не обогнал рост зажиточных или кулацких групп.* И в этом есть ответ на вопрос, как предполагается парализовать рост кулачества. Я уже сказал: мы не имеем оснований прибегать к административным мерам в этом отношении. Мы достаточно сильны для того, чтобы не иметь нужды в административном нажиме с этой стороны. Наша политика должна заключаться в том, чтобы парализовать попытку кулачества эксплуатировать бедноту и середняков, помогая беднякам и середнякам.

«Какие перспективы на 1926 год на вселение в деревню стальных коней — тракторов?»

Я сейчас точной цифры назвать не могу, но, насколько вспоминаю, общий план ввоза новых тракторов для сельского хозяйства в этом году мы исчисляем в 12 000 штук.

«Есть ли возможности достижения довоенной зарплаты в 1925—1926 году?»

Я думаю, что фактически к концу года мы придем к довоенному уровню зарплаты. Обещать это сделать лозунгом, сказать,

что мы это обязательно осуществим, я ни в коем случае не могу, потому что политика зарплаты у нас сейчас должна сочетаться с политикой расширения промышленности и с политикой снижения себестоимости.

Действительно, подумайте минуточку. И те товарищи, которые выступали после меня, все говорили, — для того, чтобы строить социализм—первым делом надо крупные машины иметь, индустрию, развить промышленность. А на какие деньги ее строить, откуда мы можем взять деньги? Вы все понимаете положение с товарным голодом, но ведь явление товарного голода есть результат нехватки средств для крупной промышленности. Что же вы думаете, когда в товарах предъявляют требование в такой мере как сейчас на металл, мы не могли бы загрузить всех металлургических заводов, не могли бы усилить выработку руды? Могли бы. Но для этого требуется вложить новые капиталы в промышленность. Эти новые вложения были бы весьма полезны в первую очередь крестьянству, потому что, расширив промышленность, вложив новые капиталы, мы могли бы продукцию пустить дешевле, мы могли бы товарный голод прекратить, а следовательно разбить всех тех спекулянтов, которые перепродают наши продукты крестьянству и всю разницу кладут себе в карман, играя на товарном голоде,—но средств для этих новых вложений у нас нет. Мы в ЦК принуждены были несколько урезать заявки промышленности, совершенно твердо зная, что эти заявки правильны. ВСНХ заявлялся к нам и говорил: в стране товарный голод, потребность в текстиле, металле и т. д. такая-то, для этого мне надо столько-то новых заводов, столько-то сырья, а для этого нужны такие-то денежные авансы, которые окупятся через три-четыре месяца от продажи продукции. Между тем, мы принуждены были говорить, что этих денег у нас нет.

Откуда мы их можем взять? Из-за границы? Но вы знаете, что мы оттуда не берем на тех условиях, на которых они нам предлагают, и не собираемся на этих условиях брать. Следовательно, можем взять только внутри нашего хозяйства. Где же взять? Вы знаете, что у нас два основных класса, две пары работающих рук. Все, что можно вложить в промышленность, должно быть создано каким-нибудь трудом крестьянства и рабочего класса. Значит, мы должны это взять или с рабочего класса при помощи неполной выплаты ему зарплаты, или с крестьян при помощи увеличения налога. Мы не хотим итти ни на то, ни на другое выше определенного уровня. Дальнейшее развитие промышленности покуда еще требует жертв и со стороны крестьянства и со стороны рабочего класса и, не доплачивая рабочему и держа на известном уровне налоги на крестьянство, мы этим самым создаем те капиталы, которые необходимы и промышленности и крестьянству.

Но тут нам поставлен известный предел. Мы не можем задерживать рост зарплаты дальше известного предела, мы не можем нажимать на крестьянское хозяйство дальше известного предела, и эта граница нами совершенно ясно чувствуется. Вот почему, отдавая себе полный отчет в том, что вложение в промышленность теперь было бы выгодно крестьянам, было бы выгодно всему государству, но мы не можем этого полностью провести, ибо оно требовало бы миллиарда двухсот миллионов, а мы, вероятно, сможем дать только две трети этого, только 800 миллионов,— но при этих условиях сказать рабочему классу, что мы своей задачей ставим лозунг довести его зарплату обязательно к концу этого года во всех отраслях до довоенного уровня,— не можем. Мы, вероятно, придем к уровню, приближающемуся к довоенному. Повышение зарплаты в конце прошлого года и в начале этого уже значительно приблизило зарплату к довоенному уровню, например, у металлистов до 80—85%, в некоторых других отраслях только до 65—70%. При пересмотре колдоговоров в апреле месяце, во втором полугодии, вероятно, произойдет шаг в повышении, но будет ли это равно 100% довоенного, сказать затруднительно.

«Переход от централизованных закупок и продажи на иностранном рынке к торговле через ряд акционерных обществ не приведет ли к ликвидации внешней торговли на деле и не следует ли серьезно задуматься над тем, что иностранная буржуазия приветствует решение ЦК об изменении форм монополии внешней торговли?»

Насчет приветствия я думаю, что они приветствуют нашу реформу так же, как Чжан-Цзо-Лин приветствует Карахана. По сути дела мы, конечно, подробно взвешивали эту реформу именно с точки зрения того, не явится ли эта реформа нарушением монополии внешней торговли. Но мы абсолютно твердо убеждены, что сомнения этого товарища, который подал записку, не основательны.

Монополия остается в полной неприкосновенности именно теперь, когда мы начинаем строить социализм на новой базе. То, что я вам сказал о хлебозаготовках, о вывозе, о ввозе и т. д., показывает вам, что, если бы мы здесь не держали твердо в руках монополию внешней торговли, если бы это определяли не мы, не государство в целом, а отдельные тресты и синдикаты, то они сорвали бы весь наш подъем и весь наш рост. Мы не должны забывать, что как мы ни становимся сильнее, а капиталистическая мощна все еще покуда сильнее нас. Поэтому, если ее допустить, если не оградиться высокими стенами, если каждую копеечку, которая идет из-за границы к нам, мы прощупывать не будем и не будем справляться, на что она идет, то легко можно себе представить, что они все стены снесли бы и весь наш подъем эксплуатировали бы в свою пользу.

Поэтому монополия остается полностью и целиком, но вопрос идет о формах, в каком виде торговать.

Мы не смогли удовлетворить требование тех товарищей, которые говорили, что пускай, под общим руководством государства, каждый трест, каждая фабрика, каждый местный совет, каждая национальная область закупает то, что ей нужно. Это очень соблазнительно, потому что каждый местный совет знает, сколько ему нужно, чего ему нужно и лучше он поехал бы за границу сам, пощупал бы, купил, может-быть, на гривенник дешевле, но что это значило бы? Мы потеряли бы за границей единый фронт.

Если бы все госорганы получили возможность даже под общим контролем выехать за границу и там закупать себе товар, то это значило бы, что мы разбили бы свой единый фронт, а господа капиталисты собрались бы в единый кулак и нам диктовали бы цены. А теперь — у нас единый кулак и мы диктуем цены им. Поэтому, так далеко идущие претензии ЦК отклонил, но он признал правильным требования приблизить к делу закупок и к делу вывоза те организации, которые специально на этом деле стоят, а не делать все через чиновника, не делать так, как было раньше, когда в Берлине сидит один чиновник и закупает все, начиная от электрических машин и кончая сапожными щетками. Мы разрешили тем предприятиям, которые работают сапоги, поехать за границу и посмотреть машины для изготовления сапог, а тем, которые строят электрические станции, чтобы они посмотрели турбогенераторы, но когда на это потребуется иностранная валюта, которой у нас мало, тут-то каждый и должен пройти через чистилище монополии внешней торговли, и купить то и на столько, на сколько мы разрешим тебе, когда подсчитаем все количество покупок и денег. Вот в чем состоит реформа, проведенная ЦК. Она облегчит и улучшит дело с заграничным рынком, но не нарушит монополии.

«Чем было вызвано перемещение тт. Раковского и Красина?»

Просто личными соображениями. Не думайте, что это связано с особыми политическими комбинациями в Лондоне или в Париже. Просто в ЦК мы нашли более целесообразным использовать их иначе и переместить, это не связано с комбинациями ни в Политбюро, ни в Лондоне.

«Будут ли наши представители в Лиге Наций как слушатели?»

Ни как слушатели, ни как члены они не будут ни в какой Лиге Наций.

Из стенографического отчета
III краевой Северо-Кавказской
партийной конференции.
26/XI — 1/XII 1925 г.

МЕЖДУНАРОДНОЕ И ВНУТРЕННЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ. *

Товарищи! Позвольте мне прежде всего передать вам горячий, братский привет от пролетариев Москвы и от того Центрального Комитета Коммунистической Партии, который по полномочию рабочих и крестьян взял на себя руководство великим новым делом строительства социализма в нашей стране. (Аплодисменты, «ура», «Интернационал».)

Товарищи, когда это дело было взято коммунистической партией нашего Союза 8 лет тому назад, мы не отдавали себе отчета в тех громадных трудностях, которые нам предстоит преодолеть. Оглядываясь назад, на эти 8 пройденных лет, можно даже сказать, что мы не представляли себе в полном размере всех тех трудностей, которые перед нами стояли.

Мы сказали, что борьба будет жестокая, что освобождение рабочих и крестьян не только от власти царизма, но и от власти капитализма потребует от рабочих, от крестьян и от всех членов нашего трудового общества громадных жертв и усилий, но мы не представляли себе тогда, в какой степени будет сильно это сопротивление. Мы, быть-может, не отдавали себе отчета целиком в том, что наша буржуазия и представители нашего помещичьего класса в борьбе за свои привилегии, за свою власть, забыв те самые идеалы, которые они иногда внешне проповедывали, бросятся к стопам иностранцев, станут фактически рабами иностранного капитала и попытаются с их помощью задушить революцию рабочих и крестьян. Попытаются задушить нас хотя бы при помощи иностранного золота, иностранных пулеметов, при помощи организованной блокады, рассчитанной на то, чтобы в голоде и холоде погубить народные массы России.

Мы, однако, пережили всё это. Мы видели иностранных солдат почти на всех окраинах нашей страны; мы знали, что не осталось ни одного представителя капиталистического и поме-

---

* Доклад на заседании партийных, советских и общественных организаций г. Новочеркасска 29/XI — 25 г.

щичьего класса, который не связал бы своей судьбы с иностранной интервенцией. Мы пережили тяжкие годы гражданской войны, мы пережили тяжкие годы холода и голода и мы можем теперь подвести некоторый итог.

Восемь лет в истории человечества, в истории подлинной народной революции—краткий момент. И, однако, в этот краткий момент мы уже видим, как перед нами расстилаются новые дороги, как мы оставляем за собой тяжкие и труднейшие преграды и рубежи.

Благодаря героическим усилиям Красной армии, благодаря величайшему организационному таланту, проявленному нашим пролетарием, благодаря неимоверному упорству и систематическим жертвам со стороны рабочих и крестьян мы добились того, что страна наша, страна, которая является первой рабоче-крестьянской республикой в мире, очищена на всех своих окраинах и границах не только от внутренней контр-революции, но и от представителей иностранного капитала.

Только с этого момента мы могли начать положительную работу, только с этого момента мы могли сменить винтовку на молот, только с этого момента мы могли поставить перед собой положительные задачи социалистического строительства.

Мы освобождены от необходимости беспрестанно защищать рубежи нашей советской земли не так давно: три-четыре года. И мы теперь видим, что эти задачи строительства двинуты вперед с такой неслыханной быстротой, которой не ждали не только наши враги, но и мы сами.

Мы получили в наследство разоренную и обнищавшую страну, мы получили в наследство стоящие фабрики, запущенные поля, не работавшие учебные заведения, сломанную государственную машину, почти пустую государственную казну. А мы хотели и хотим не только восстановить нашу страну на том уровне, на котором она находилась до империалистической войны, мы хотим перестроить ее сверху донизу на новый лад.

Эта богатая страна, расположенная на границах, на рубежах Европы и Азии, объединяющая миллионы населения, была в продолжение веков ареной насилия, ареной рабства, являясь в лице дворянских командующих классов мировым жандармом, не пропуская ни одного случая, чтобы помочь в Европе или Азии укрепить господствующий буржуазный порядок. Эта страна для того, чтобы превратиться из темницы народных масс в подлинную страну подлинной народной свободы — не обманной свободы верхов, а подлинной, истинной свободы трудящихся масс — должна была быть перестроена сверху донизу.

И вот в результате трех-четырех лет строительной работы, мы можем с гордостью констатировать, что пролетариат и крестьянство показали себя не только величайшими разрушителями старого строя, но и величайшей созидательной силой.

Вы знаете, что по отношению к нашей Октябрьской революции, революции рабочих и крестьян, отношение буржуазного мира менялось. Сначала это восстание рабочих и крестьян рассматривалось господами капиталистического мира, как случайный бунт рабов, которых можно в короткий срок опять заковать в цепи, опять подчинить старой власти.

Но они скоро разочаровались в этом, и тогда они возложили свои надежды на то, что рабочие и крестьяне, все трудящиеся массы способны разрушить старый строй, но что они не способны на развалинах старого построить новый. Наши враги говорили нам: «Да, вы разрушите помещичьи землевладения, да, вы разрушите капиталистические отношения, да, вы уничтожите частную собственность, вы сломаете старую государственную машину, — может-быть, говорили они, вам это удастся. Но разрушив это, вы получите голод и холод, анархию и беспорядок; вы не создадите нового государства, вы не создадите нового хозяйства». И уверенность в том, что рабочие и крестьяне не способны это сделать, была так велика, что даже часть европейских рабочих относилась скептически и подозрительно к нашей работе. Им казалось, что задача слишком велика и что мы с ней не справимся.

И вот, подводя итоги, мы можем теперь сказать, отчитываясь не только перед коммунистической партией, не только давая отчет в своих действиях перед трудящимися Советского Союза и мировым пролетариатом, но и на суде перед лицом всемирной истории: в тот краткий срок,который мы имели в своем распоряжении, мы доказали, что русский пролетариат, русский крестьянин, русский трудящийся человек вообще в союзе с трудящимися всех наций, населяющих наш великий Союз, способны подлинно строить и построить и новое государство, и новое хозяйство, и новую культуру.

Мы знаем, что для того, чтобы это строительство развивалось дальше, первым условием является мир, мир для спокойной возможности вести строительную работу. Вот первое, что мы должны себе обеспечить. Вы знаете, что мы окружены врагами, что власть во всех окружающих нас государствах принадлежит враждебным нам классам, что эти классы проникнуты ненавистью к нам и что эта ненависть по-ихнему законна. Мы не моралисты и не сентименталисты. Мы хотим рассуждать трезво, давая себе отчет во всех трудностях на предстоящем пути.

И поэтому, трезво взвешивая интересы наших врагов, мы говорим — да, с их точки зрения их ненависть к нам законна, ибо наши успехи, наши победы знаменуют для них все быстрейшее приближение смертного часа. Да, строй, который основан на эксплуатации, на невежестве масс, на рабстве колоний, на беспрерывных и неизбежных бойнях, — этот строй обречен на гибель по мере успехов социализма в нашей стране. Ибо каждая

новая фабрика, пущенная нами в ход, каждый лишний сноп, собранный на нашей земле крестьянами или казаками, каждая лишняя школа, которая служит орудием культурного освобождения трудящихся масс, каждое лишнее техническое завоевание, каждое достижение в деле установления мира между различными нациями, населяющими наш Союз — все это свидетельствует для широчайших масс человечества Европы и Азии о том, что власть рабочих и крестьян — не миф, не сказка, не мечта, а что она может быть реально и действительно воплощена в жизнь.

И в этом мире, мире, созданном капиталистами, который весь насквозь пронизан целым рядом непримиримых противоречий, существование республики труда, которая доказала — и чем дальше, тем больше, — что она может существовать без помещиков, без капиталистов, без богача-банкира, без старого сановника, без старого чиновника и без старого генерала, — самый факт существования подобной великой страны, самый факт социалистического строительства в нашей стране — является тем динамитом, который взрывает основы капиталистического мира сильнее каждой нашей речи, сильнее каждого нашего митинга, сильнее наших книг и резолюций взрывает старый, капиталистический мир, вселяет бодрость в умы и сердца угнетенных всех стран, служит маяком дельнейшего движения человечества вперед.

Вот почему с такой ненавистью и с таким негодованием, с таким страстным желанием помешать нашему мирному строительству клевещут на нас господа Чемберлены, Пуанкаре и Кулиджи и все прочие властители капиталистического мира. Мы должны отдать себе полный отчет в том, что они неизбежно влекут мир к идее превентивной войны, к идее войны, которая сорвала бы наше мирное строительство, которая сбила бы нас с ног, которая прекратила бы этот возмущающий их и смертоносный для них опыт построения социализма в определенном углу земного шара.

Эта идея превентивной войны, несомненно, зреет и в канцеляриях дипломатов и подготавливается в генеральных штабах европейских армий, и если эта идея не получила еще до сих пор своего осуществления, если мы можем смело надеяться, что она и не получит своего осуществления, то это потому, что те, которые хотели бы нас задушить, чувствуют, что они, чем дальше, тем более бессильны это сделать. Нет никакого сомнения, что в результате укрепления престижа нашей республики не в умах Чемберлена, Пуанкаре и Кулиджа, а в умах широких народных масс и в первую очередь пролетариев, всякая попытка пойти открытой войной на республику Советов знаменовала бы для европейских держав прямую угрозу пролетарского возмущения во всех странах.

Мы знаем, что все эти льстивые и мирные речи, все те признания, которых мы добились, продиктованы не доброй волей

нью-йоркских или парижских бирж и соответвующих генеральных штабов, а продиктованы настоянием и систематическим давлением низов. Мы знаем кроме того, что эти господа, которые чванятся своей цивилизацией и культурой, осмеливаются говорить о свободе и демократии, что они строят свое дело на пороховом погребе, что вся их власть, все их богатства зиждутся на эксплуатации широчайших масс; мы знаем, что положение Англии, Франции целиком основано на их колониальном могуществе и мы считаем своей величайшей заслугой перед всемирной историей человечества, что эти колониальные основы могущества империалистических держав поколеблены нами до самых корней. Мы знаем, что то, что предполагали мы, то, что с империалистической войной человечество вступило в новую эпоху мировой истории, в эпоху пролетарской революции, в эпоху потрясений и революционно-освободительных движений на Востоке, что это есть подлинная историческая правда.

В истории эпохи не оцениваются и не измеряются годами. Наше нетерпение подсказывает нам желание укоротить все сроки, но сравнительно с историческим процессом сроки, которые хотели бы мы, и сроки, в которые действительно совершатся те события, которых ждем, говорят нам, что разница между этими сроками не так велика и что потрясение колониальных народов идет, оно нарастает, что все-таки пролетарское движение в капиталистических странах, освободительное, революционное движение на Востоке растет, как снежный ком. То, что мы видим сейчас в Марокко, в Сирии, что разворачивается такой широкой и буйной полосой гражданской войны в Китае, что действительно происходит в Египте и Индии, — это все явления всемирного исторического порядка, явления, которые связывают руки, не дают возможности свободно направить удар против нашей Республики господам Чемберленам и Пуанкаре.

Если мы пользуемся передышкой для нашего мирного труда, если капиталистические главари мира принуждены удерживать свою ненависть и принуждены тайно точить оружие против нас, не осмеливаясь открыто сказать перед народом свои подлинные намерения, это потому, во-первых, что они не могут создать мира между собой; потому, во-вторых, что их держит за руки страх перед социалистической революцией в их собственных странах, которая неизбежно возникнет в тот момент, когда они попытаются повести армию рабочих и крестьян против первой Рабоче-Крестьянской Республики; потому, в-третьих, что они слишком увязли в своих колониях, которые из очага обогащения, пункта эксплуатации превращаются все больше и больше в пункты восстаний, в пункты, подтачивающие силы мирового империализма.

Если вы возьмете хотя бы последнюю попытку создать единый фронт против нашего Союза со стороны всех капитали-

стических держав, или, точнее, со стороны крупнейших капиталистических держав, сделанную в Локарно, то вы увидите, что и Локарнское соглашение отнюдь не может примирить тех внутренних противоречий, которые разъедают капиталистическую систему. Если вы взглянете на состояние правительств и их устойчивость в тех или иных странах, вы увидите, что сама база капиталистического господства явно дает трещины и явно показывает свою гниль, что только при полной дезорганизации, при неизбежно растущем процессе разложения возможна та министерская чехарда, те постоянные попытки сговора, завершающиеся разрывом, те постоянные новые и новые попытки сговориться, из которых ничего не выходит, что мы сейчас наблюдаем во всех капиталистических странах.

Раньше чем напасть на нас, им надо было бы сговориться между собой, а несмотря на полную возможность для них, казалось бы, сговора — им это устроить не удастся. На самом деле противоречия интересов капиталистических клик Англии с капиталистической кликой Франции, с капиталистической кликой Италии и Германии дошли до того, что под всяким внешним договором о мире и согласии, соединенных действиях, мы явно видим зачатки новых столкновений, зачатки новых драк, зачатки новых войн, ибо, несмотря на 7 лет мира, Европа, капиталистическая Европа, не успокоена, не умиротворена. Рамки, созданные в результате империалистической войны, не есть те рамки, в которых может свободно и мирно развиваться хозяйственная и политическая жизнь Европы.

Наоборот, если бы какая-либо дьявольская сила хотела бы неизбежно поставить человечество перед опасностью новых войн, новых столкновений, если бы эта сила хотела бы двинуть его по пути, когда спокойное хозяйственное развитие было бы желанной, но недостижимой мечтой, то только эта сила могла бы создать тот Версальский мир, который теперь еще раз подтвержден в Локарнских соглашениях. Этим они создали у себя и для себя тот пороховой погреб, который неизбежно их взорвет. И этот рост негодования среди пролетарских масс, рост революционно-освободительного движения на всем Востоке, неспособность и невозможность капиталистических клик окончательно договориться между собой, вся эта лихорадочная атмосфера капиталистического мира, грозящая новыми войнами,— она и создает ту мирную передышку, которой мы пользуемся, несмотря на то, что окружены врагами, что враги наши сильнее нас в смысле своих армий, в смысле своих непосредственных богатств, даже в смысле организации тех сил, которые они могли бы направить против нас.

Мы победили и Францию, которая приходила на нашу землю, и Англию, которая стояла в Архангельске, Италию, которая была в Одессе, Японию, которая была во Владивостоке, мы победили

их не потому, что мы богаче их, не потому, что мы создали более сильную армию, а потому, что за нами стоит величайшая историческая сила, потому, что мы единственные построили такое государство, которое указывает человечеству пути будущего.

Наша политика заключается в том, чтобы как можно дольше оттянуть неизбежное столкновение, чтобы как можно более продлить ту мирную передышку, которую мы используем для хозяйственного строительства. Я думаю, что все народы и трудящиеся массы нашего Союза оценят правильно и признают правильной политику нашей партии, которая в области международных отношений была направлена к тому, чтобы маневрировать таким образом, чтобы оттянуть возможно дольше момент острого вооруженного столкновения. Я думаю, что все трудящиеся массы как поддерживали нас в прошлом, так поддержат нас и в будущем в нашем стремлении укрепить международное положение нашего Союза, установить возможно более тесные связи с международным хозяйством, используя все, что мы можем, для укрепления нашего внутреннего положения, используя каждый день этой передышки для укрепления наших сил.

И вот, обращаясь к вопросу о том, куда же больше всего должно быть направлено наше внимание, наша энергия в предстоящие годы, мы видим две области, которые непосредственно должны дать нам силу, и третью область, которая, пожалуй, объемлет обе эти области и является основной предпосылкой для нашего дальнейшего развития.

Первая область — это Красная армия. Если мы сможем достроить то, что мы начали, — то только постольку, поскольку на наших рубежах будет стоять преданная рабоче-крестьянскому делу, преданная нашей рабоче-крестьянской республике красноармейская стена, связанная непосредственно со всей толщей нашего трудового народа. Мы делаем все, чтобы эта стена была подлинной гранитной стеной и чтобы она ни на минуту не отрывалась от подлинных интересов широких народных масс.

Наша армия принципиально отлична от всякой другой армии. Мы знаем, что наши враги кричат о нашем красном империализме. Находятся даже такие умники, которые говорят, что мы под новой внешней формой на самом деле осуществляем старую великорусскую национальную политику, и эти умники в Европе пугают малых детей тем, что большевики продолжают политику дальнейших завоеваний и расширений своих границ, но это сказка, повторяю, для малых детей.

Я уже сказал, что наша армия принципиально отлична от армий всех других стран, потому что перед ней стоят принципиально другие задачи. Армия любой капиталистической державы должна быть неизбежно слепым орудием в руках командующих классов и чем более слепо это орудие, чем более послушно воле

командующего класса, тем оно лучше, тем более способно выполнить, теоретически говоря, те задачи, которые перед ней стоят.

А мы смотрим на нашу армию с прямо противоположной точки зрения. Наша армия будет тем сильнее, будет тем крепче, чем больше будет проникнута она до последнего красноармейца полным сознанием и отчетливым знанием тех задач, которые стоят и перед нашим государством и перед ней. (Аплодисменты.)

Там, в капиталистических странах разделение между армией и командирами, командующим классом вообще неизбежно; у нас слияние Красной армии, слияние каждого рядового бойца этой армии со своим командиром и тем правительством, которое поставлено рабочими и крестьянами, должно каждый день увеличиваться и в этом единении должна рождаться подлинная сила нашей Красной армии. Вот почему сознательность Красной армии, ее постоянная связь с нашим аппаратом государственного управления, с нашими рабоче-крестьянскими организациями является основным заветом в деле строительства Красной армии и вот почему мы уверены, что идя по этому пути, связывая Красную армию все ближе и ближе с широкими народными массами, с самым процессом их строительства, мы получим подлинную непобедимую защитницу дела социалистического строительства.

Вот, товарищи, первая область, к которой нам необходимо приложить свое внимание и энергию и которая требует и потребует от нас решения известных и довольно крупных задач, но от которых мы не можем отказаться, и мы уверены, что не отказываемся от этих задач не только мы, представляющие правительство, но что каждый рабочий и крестьянин, принося определенные жертвы для поддержания вооруженных сил республики, знает, что он производительно вкладывает свои средства, отдает свои сбережения в те твердые руки, которые должны гарантировать ему мир и мирный труд.

Вторая область, охватывающая целиком все трудящиеся массы нашей страны,— это есть область нашего хозяйственного строительства. Я указал уже, что за 3 — 4 года мы достигли таких результатов, которых трудно было предполагать не только нашим врагам, или посторонним свидетелям, но нам самим. Достаточно пройти по улицам наших городов или сел, достаточно вспомнить картины 20 — 21 года, достаточно сравнить состояние шахт, рудников, заводов и фабрик в те годы и теперь, достаточно сравнить поля тех лет и поля этого года, чтобы сказать: достижения в этой области у нас громадны.

Мы были сброшены в очень глубокую яму нищеты и разорения. Вопрос о хозяйственной разрухе не сходил с очереди дня; я помню те дни, когда наш гениальный вождь и организатор нашего государства, Владимир Ильич, должен был сам сидеть на прямых проводах, наблюдая за тем, чтобы пара вагонов с хле-

бом подошла бы к Москве, или чтобы пара вагонов с мануфактурой направилась бы в крестьянские районы, или чтобы пара цистерн с нефтью подошла бы к электрическим станциям, освещающим Москву и Ленинград. Это было не так давно и гениальный ум должен был напрягаться, чтобы в этой яме разорения и нищеты подхватывать последние, казалось бы, ниточки хозяйственного развития и связывать их.

А теперь, через 3—4 года мы почти достигли, а, вероятно, к концу года целиком достигнем довоенного уровня во всех областях нашего хозяйства (аплодисменты). Нет ни одной отрасли нашего хозяйства, в которой рост за последний истекший хозяйственный 24—25 год измерялся бы меньшими скачками, чем в 30—40, а иногда и 50%.

И наступивший 25—26 хозяйственный год будет продолжать эту линию развития. Все кривые, указывающие на ход добычи угля, нефти, руды, перевозочных материалов, усиления посевов технических культур, переработки хлопка, развития текстильной промышленности, погрузки железных дорог, государственного кредита, денежного обращения и бюджета,— все эти кривые указывают стремительный рост вперед, они, как буйным вихрем, действительно вскочили вверх, начиная с 23 года, и только благодаря этой подлинно революционной энергии рабочих и крестьян и вообще всех трудящихся можно было достигнуть этих результатов.

Я не буду вас утруждать отдельными цифрами, показывающими рост нашего хозяйства, вы должны ощущать это в своей собственной жизни на каждом шагу, но это не значит, однако, товарищи, что мы удовлетворены этими результатами. Да, выбраться из этой ямы, вылезти из нее и стать, наконец, на плоскости—это было необходимым предварительным условием дальнейшего строительства. Но нам этого мало. Мы делали революцию не для того, чтобы восстановить уровень благосостояния и уровень производства, который мы имели до империалистической войны. Мы делали революцию для того, чтобы в десять раз повысить уровень благосостояния страны и дать в десять раз больше развития ее производительным силам.

Да, у нас в этом году прекрасный урожай, но мы знаем, что урожайность на нашей десятине позорно мала, мы знаем, что затрата нового капитала культуры и науки должна превратить нашу урожайность в урожайность удвоенную и утроенную. Да, мы восстановили старые шахты и заводы, да, мы даем на заводах почти довоенную производительность, но наши заводы износились, а потребность народа возросла, крестьянин хочет больше потреблять, он хочет шире строиться, он хочет лучше обучать своих ребят, рабочий хочет лучше жить, и это законное право революционного народа.

Но, чтобы больше потреблять, чтобы лучше жить, чтобы отстроить новые фабрики и заводы, нельзя удовлетворяться тем уровнем, который мы получили в наследство от старого режима. Нам нужны новые цифры урожайности, нам нужна революция в области крестьянского хозяйства, подъем на высший технический уровень, полное прекращение старых дедовских методов, разорительных для всего народного сельского хозяйства, нам нужны фабрики и заводы, нам нужны новые продукты, дешевые продукты, нам нужно переделать все хозяйственное лицо нашей республики, нам нужно с энергией приняться за обработку тех неисчислимых естественных богатств, которые имеются в нашей стране, нам надо показать производительность нашего труда бо̀льшую, чем ее может дать капиталистический строй. Мы хотим Россию голодную и холодную, по словам Ленина, сделать прежде всего сытой Россией, а затем хотим сделать ее сытой социалистической Россией. (Аплодисменты.)

Вот почему, товарищи, те громадные достижения, которые куплены трудом рабочих и крестьян и которые подняли нас на довоенный уровень, нам кажутся только первой ступенью. Мы сделали только предварительную работу. Только сейчас мы можем начать подлинное строительство на новых основах и не только на новых технических, но и на новых социальных основах.

Сейчас перед нами раскрываются новые дали, новые дороги. Они будут трудны. Мы отнюдь не обещали легкого пути, никогда ни один большевик не говорил, что свергнуть старую власть и создать власть рабочих и крестьян есть легкая задача. Мы никогда не говорили, что эту задачу можно выполнить в неделю, в месяц, или в год. Взять Зимний Дворец легко, а вот, взяв его, перестроить все хозяйство великой страны, это — задача, требующая годов и годов.

Так же говорим мы и сейчас. Задачи, которые перед нами будут стоять, будут иметь свои трудности. Мы пережили самые тяжелые годы, годы голода, холода, разваливания фабрик и заводов. Теперь мы начинаем строиться и эта стройка будет вызывать новые трудности.

Но мы преодолеем эти трудности по двум причинам: во-первых, потому что мы строим новыми методами, невиданными до сих пор в мире. Во всем капиталистическом мире организаторами народного хозяйства являются крупнейшие капиталистические тузы, а мы выдвинули нового организатора — коллективный разум рабочих и крестьян. Мы хотим строить, опираясь на их волю, их энергию, их сознание; и эта наша ставка до сих пор нас не обманывала. Она целиком оправдалась.

Если мы из развалин старой армии создали новую, гордость и красу нашей Республики, новую Красную армию, — то кто ее построил, разве отдельный человек? Ее построили коллективные

усилия рабочих и крестьян. Если мы восстановили фабрики и заводы, пустили их в ход, разве это можно приписать тому или иному отдельному организатору? Нет,— эти фабрики, заводы, поля подняли, пустили в ход коллективный разум, энергия всех трудящихся под руководством передового авангарда организованного, вышколенного суровой школой классовой борьбы городского пролетариата. (Аплодисменты.)

И если мы теперь уверены, что мы преодолеем все стоящие на нашем пути трудности, если мы уверены, что мы победоносно закончим дело строительства, то потому, что мы строим это наше будущее опять-таки не на доверии к отдельным лицам, или к отдельным группам, а на доверии к коллективному разуму и коллективной воле всех трудящихся масс, а затем потому, что раскрепощение этих масс и освобождение нашего народного хозяйства от тех налогов, от той дани, которую оно должно было платить помещичье-капиталистическому классу, освобождает новые силы; потому, что мы будем строить дальше, не исходя из частных интересов прибыли той или иной группы, а из общих интересов всего народного хозяйства. И мы абсолютно уверены в том, что теперь на том уровне, которого мы уже достигли, строя методами социализма, а не капиталистической анархией, капиталистической конкуренцией, мы сможем построить наше хозяйство, поднять его в кратчайший срок так, как не удавалось еще ни одному буржуазному правительству.

Я сказал, что кроме этих двух основных областей — строительство наших вооруженных сил, строительство социалистического хозяйства страны, поднятие материального благосостояния всех трудящихся, работающих на земле, работающих на фабриках и мастерских,— есть третья область, которая должна объединить все эти области, которые необходимы для нас: это область культуры. И недаром товарищ Ленин почти уже на смертном одре, в момент, когда он хотел оставить нам, всем его сотрудникам в великом деле, указания на будущие пути, недаром в этих своих завещательных статьях он указал, как на одну из величайших наших задач — на культурную революцию.

Это слово в устах Владимира Ильича обозначало систематическую работу над извлечением трудящихся масс нашей республики из той бездны невежества, отсталости, темноты, в которых веками держали его командующие классы. Мы знаем, что эта культурная революция произойдет не только путем усвоения книг, что не только книжный путь усвоения знаний подразумевал Владимир Ильич, когда завещал нам провести культурную революцию.

Для того, чтобы поднять миллионы, вырвать их из старых предрассудков, вырвать их из старой пассивности, сделать их

активными гражданами социалистического государства, активными строителями социализма, нужна подлинная революция, которая будет итти различными путями и которую мы будем подвигать вперед, двигая все рычаги, которые только возможно. Всякая новая фабрика, всякая новая электрическая установка есть момент этой культурной революции. Всякое введение агрономических улучшений в обработке земли, всякая новая машина, приложенная к земле, всякий трактор освобождает десятки, сотни, тысячи людей от старых предрассудков, от старого рабства, от старой психологии раба. Всякий шаг вперед в коллективном строительстве, всякое привлечение широких масс к делу управления той или другой частичкой государства или хозяйства в виде участия в советах, участия во всяких общественных организациях — есть тот кусочек культурной революции, о которой говорил Владимир Ильич. И уж, конечно, куском этой революции являются новые школы, новые крепости распространения высших знаний, технических и всяких других.

На эту область работы мы до сих пор не могли обратить достаточного внимания. Вы знаете прекрасно, что при такой финансовой тяжести, при тех нуждах, которые свалились на нас в результате хозяйственного разорения гражданской и империалистической войн, всякая копейка была чрезвычайно дорога, и хотя мы знали тогда, что вложение этой трудовой копейки в дело распространения образования, в дело ликвидации всяческой технической, политической и просто азбучной неграмотности, что каждая вложенная таким образом копейка принесет свой плод сторицей, но копеек этих было мало; мы государство, которое было бедно, которое бедным остается и сейчас. Нам не дает никто никакого вспомоществования, никакого кредита и аванса, а нет между тем, — за исключением Америки, — ни одного государства, затронутого войной, которое бы не поддерживало своего восстановления без каких-либо иностранных займов. Мы живем без займов, мы доказали, что без них мы можем совершать строительную работу, и нам придется доказать господам заграничным капиталистам, что мы им не поклонимся и без их займов мы дело свое довершим. (Аплодисменты.)

Но это, товарищи, возлагает на нас тяжкие ограничения. Несмотря на всю желательность для нас двинуть вперед дело и народного образования, и культуры вообще, и промышленности, и сельского хозяйства, мы, попросту говоря, по одежке должны протягивать ножки. Мы можем расходовать только то, что создано народным трудом, мы не получили в наследство капиталов, мы не имеем капиталов из-за границы, и каждая новая школа, каждый новый аппарат в лаборатории, каждый новый завод и каждый новый трактор могут быть нами приобретены лишь за счет народного накопления, лишь за счет народного

труда, — иных доходов у нас нет. И поэтому мы должны здесь итти твердым, уверенным, но, к величайшему нашему сожалению, медленным шагом.

Да, мы знаем, если бы в ваши благодатные места, на ваши благодатные земли бросить десятки тысяч тракторов, улучшенные семена, технические рассадники, агрономические знания в том размере, как это желательно, это смело окупило бы наши затраты в самое короткое время. Мы знаем, если бы мы среди 130 миллионов нашего населения, отсталого и заброшенного, устроили бы маяки технического и другого знания в виде университетов, техникумов, лабораторий, испытательных станций, мы окупили бы это в короткий срок с лихвой.

Мы знаем, что если бы мы могли сейчас затратить несколько десятков миллионов на устройство новых металлургических заводов, новых шахт, электрических установок, мы срезали бы тот товарный голод, который начинает усиливаться, мы укрепили бы тем самым союз между рабочими и крестьянами, который теперь этим голодом несколько расстраивается, нарождается недовольство среди крестьян вследствие недостатка и дороговизны продуктов.

Мы знаем все это, но у нас нет денег для того, чтобы бросить десятки тысяч тракторов, и только 12 тысяч тракторов на весь Союз мы можем ввезти в этом году. У нас нет достаточно денег, чтобы в короткий срок установить, создать всеобщее обязательное образование и обеспечить сверху донизу всеми необходимыми средствами это общее образование. У нас нет достаточно денег для того, чтобы сразу затратить сотни миллионов, которые необходимы для постройки новых заводов и шахт, но все-таки наш бюджет в прошлом году исчислялся в 2 800 000 000 р., а в этом году он будет равен 4 миллиардам рублей. За один год мы повышаем наши государственные расходы на разного рода народные нужды на 1 200 000 000 рублей.

И эти 1 200 000 000 рублей распределены нами по трем главным каналам. Первый канал, это — улучшение сельского хозяйства, второй канал, это — финансирование нашей промышленности, чтобы она успевала подавать товары крестьянам в той мере, в которой это нужно, и чтобы она, улучшая свое оборудование, могла бы снижать цены на эти товары и делать их доступными крестьянскому рынку. И третий канал, по которому мы эти добавочные средства направляем, — дело народного образования.

Мы делаем все, что можем, в той сложной обстановке, в которой сейчас находимся. Мы сейчас, как я уже сказал, сделали только первые шаги по пути строительства подлинных социалистических отношений. Дальнейшая дорога будет трудна, но те, которые пережили 18 — 19 — 20 и 21 годы, которые умирали на фронтах, которые изгоняли из нашей страны иностранный капитал, которые голодали и холодали, которые стояли у неза-

сеянных полей, у неработающих фабрик и заводов, тем никакие новые трудности не будут тяжки, и поэтому мы выражаем уверенность, что в единении рабочих, крестьян, в их объединении с наукой и под защитой штыка красноармейца мы свое дело выполним до конца (аплодисменты) и докажем всему миру, что мы с вами не только умели разрушать, но что и строим и построим такое новое общество, что все угнетенные скажут: раз русские рабочие и крестьяне построили так хорошо, то и нам нужно итти по их дороге, и тогда наше дело победит во всем мире. (Аплодисменты, «ура», «Интернационал».)

Заключительное слово.

Товарищи! Я тронут до глубины души теми приветствиями, которые здесь слышал. Я отношу их не к себе, а к тому великому объединению, которое в тяжкую годину жизни рабочих, крестьян и трудовых казаков стояло во главе Октябрьского переворота, которое отдало лучших своих товарищей и друзей на полях сражений, на полях строительства за лучшее будущее всех народов и всего трудящегося человечества.

Я отношу эти приветствия прежде всего к тем, которые могли учиться у нашего великого учителя и гениального учителя международного пролетариата, тов. Ленина. Я беру на себя смелость заверить вас, товарищи, что Центральный Комитет нашей партии и вся Коммунистическая партия в целом имеет своей задачей только одно — выполнить до конца заветы Владимира Ильича и помочь трудовому народу одержать победу во всем мире.

Мы будем считать свою задачу выполненной только тогда, когда мы, коммунисты, отдадим целиком все свои силы и все свои знания за счастье трудящихся масс. В этой борьбе нам нужны знания, нам нужна энергия, нам нужно могущество, нам нужно вот это оружие. Я принимаю его от имени кавалеристов, потому что, мне кажется, наша красная конница является воплощением нашего будущего. С той стремительностью, с тем порывом, который не знает никаких препятствий на своем пути, коммунистическая революция будет мчаться вперед и пройдет вокруг всего земного шара.

Да здравствует победа пролетариата, крестьянства и трудового казачества!

Да здравствует победа трудового народа во всем мире!

Да здравствуют пролетарии города Новочеркасска!

Да здравствует Красная армия! Да здравствует Красная конница! (Бурные аплодисменты, «Интернационал».)

ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ.*

Товарищи, когда 8 лет тому назад наша партия подняла и позвала пролетариат на социальную революцию, мы предупреждали рабочий класс и его союзника—крестьянство, что задача, которую мы ставим перед собой, тяжела и трудна. Мы никогда не говорили, что можно свергнуть старую власть и поставить новое государство и новое социалистическое хозяйство—в течение недели, месяца, или даже года. Для того, чтобы выкорчевать с корнем строй, который веками угнетал трудящиеся массы, нужны долгие усилия. Сопротивление, которое оказывал нам командующий класс — было велико.

Вы знаете, что для того, чтобы сопротивляться власти рабочих и крестьян, наша буржуазия, наш генералитет и наши помещики обращались за помощью к чужим капиталистам, а те ввели в нашу страну своих солдат, чтобы затоптать нашу революцию. Когда с ними справились, когда благодаря героическим усилиям Красной армии, поддержанной всем рабочим классом и всем крестьянством, мы очистили нашу Республику от русских и иностранных капиталистов, когда мы под красным знаменем вновь объединили нашу страну от Белого и до Черного моря и от Балтийского моря до Тихого океана, — тогда только мы смогли заняться своим прямым делом, делом устройства новой общественности, нового хозяйства, делом восстановления хозяйства на новых социалистических началах.

Вы знаете, что эта восстановительная работа ведется нами всего только 3—4 года, что мы в наследство от старого царского строя получили страну, разоренную войной, жадными поборами командующего класса, получили страну с остановившимися фабриками и заводами, неработающими мастерскими и с большим недочетом в нашем населении, благодаря гибели десятков миллионов молодых жизней на полях империалистической войны.

---

* Доклад на собрании рабочих завода «Красный Аксай», г. Ростов. 30/XI — 1925 г.

*

Вот эту страну мы должны были поднять, перестроить на новых началах. Вы знаете, что мы, Коммунистическая партия, в этом деле перестройки возложили все наши надежды на коллективный разум и коллективную волю рабочего класса и его союзника — крестьянства.

Не потому мы надеялись побороть разруху и выйти на новую дорогу, что знали какой-то рецепт, который могли бы предложить. Мы, коммунисты, знали только общественную дорогу и знали, что назад возвращаться нельзя. Знали, что есть всего две системы власти в мире — диктатура пролетариата — с одной стороны и диктатура буржуазии — с другой стороны.

Мы умели разоблачить перед народными массами обман тех корыстных групп, которые пытались повести народ за собой, указывая на какую-то третью возможность.

Мы говорили, что этой третьей возможности — нет, что тот, кто не стоит прямо и до конца — за власть Советов и диктатуру пролетариата, тот — друг контр-революционеров и буржуев, хотя бы он десять раз называл себя социалистом.

Но каким путем мы будем итти, как начнем свое строительство нового государства, и каким темпом пойдет это строительство? Это должен был определить коллективный разум самого рабочего класса.

И если мы теперь спросим себя, через 8 лет после восстания пролетариата в гг. Ленинграде и Москве и других: оправдались ли наши надежды и сделали ли мы большие достижения, — то мы с полным правом можем держать ответ перед всем народом: мы скажем ему, что исполнили все то, к чему мы его звали. Все то, к чему мы его звали — оказалось действительным, реальным, проникающим в жизнь.

Повторяю, что когда мы позвали на восстание пролетариат Ленинграда, Москвы, Харькова и всех остальных городов; позвали, на помощь ему, широкие крестьянские массы, — мы знали, что нам предстоит большой труд, и что только героическим самопожертвованием пролетариата и крестьянских масс можно одолеть старый строй. И эту жертву рабочий класс и крестьянство — принесли.

Мы все помним еще годы голода и холода, полной хозяйственной разрухи, приостановки заводов и фабрик, когда пролетариат рассыпался по деревням за куском хлеба, — эти тяжелые годы были неизбежной расплатой за прошлое, за войну, которую нам навязала иностранная буржуазия.

Теперь мы с каждым днем улучшаем свое положение. Каждый из вас, каждый трудящийся во всей Советской Республике знает, что эти слова об улучшении нашего положения — не выдумка, не сказка, не мечта: вместе с Советами, с Советской властью крепнет народ, крепнет его положение: увеличивается

количество фабрик и заводов, растет посевная площадь и культура во всей стране.

Я не хочу задерживать вас цифрами, но скажу вам, что нет ни одной отрасли хозяйства — начиная с металлургии и кончая текстильной промышленностью, начиная с сельского хозяйства и кончая транспортом, начиная с области государственного бюджета и кончая нашей денежной системой — нет ни одной области хозяйства, в которой за истекший хозяйственный год мы не сделали бы громадного прыжка вперед, и которая не дала бы 30% — 50% продукции и расширения производства.

Если мы еще год тому назад вырабатывали всего только 600 миллионов пудов угля, то в этом году мы вырабатываем 1 миллиард пудов; если мы всего только два года назад на наших текстильных фабриках могли переработать 3—5 миллионов пудов хлопка, то теперь наша программа охватывает 17—18 миллионов пудов хлопка. И так во всех других отраслях нашей промышленности. Это, несомненно — достижение, и достижение колоссальное.

Результатом чего же явилось это достижение? Чему мы можем это приписать? Именно тому, что мы работали не на старых основах капиталистического мира, когда фабрики, заводы принадлежали капиталистам, которые ради своей прибыли эксплуатировали рабочих; именно тому, что мы все фабрики, заводы рассматривали как единое цельное хозяйство, принадлежащее трудящимся; тому, что мы работали не ради прибыли той или другой группы, а ради общего блага и подъема благосостояния всей широкой пролетарской массы.

Мы одержали эти победы, товарищи, потому, что провели на деле заветы нашего гениального учителя, организатора первой Рабоче-Крестьянской Республики и руководителя всего мирового пролетариата — Владимира Ильича Ленина. Он завещал нам помнить, что базой, основой, фундаментом всего дальнейшего народного строительства должен быть союз рабочих и крестьян.

Мы знаем, товарищи, что пролетариев в нашей стране не так много, что главной массой населения является именно крестьянство; мы знаем, что все наши враги строят свои расчеты на том, чтобы пробить щель между рабочим классом и крестьянством — и в эту щель проникнуть самим, сквозь эту щель протащить вновь свое господство. Мы знаем это — и бережем, как зеницу ока, союз рабочих и крестьян; мы все наше внимание устремляем на согласованные действия этих двух основных трудящихся классов.

С своей стороны — когда мы строим планы относительно дальнейшего развития нашей промышленности, учитываем продукцию наших заводов и обсуждаем методы разворачивания различных отраслей нашего хозяйства — мы считаемся с этим

в первую очередь. Мы не перестаем указывать крестьянству, что только тогда оно будет сильно и только тогда сможет довести до конца то дело, за которое мы взялись в Октябре, если во главе его будет стоять организованный рабочий класс.

Мы рассуждаем об этом так потому, что об этом свидетельствует наша история. Сила нашего крестьянства в том, что его много, слабость его в том, что оно распылено, не организовано, мало сознательно. Сила же пролетариата в том, что, несмотря на свою малочисленность, он организован в своей работе, сплочен единой идеей борьбы с капитализмом, что в нем высоко поднято самосознание и что он имеет традиции классовой борьбы в продолжение десятилетий. Всякий раз, когда дело доходило до решительного сражения, пролетариат это сражение выигрывал потому, что широкие массы возглавлялись его старыми испытанными бойцами за дело рабочего класса. Потому был свергнут царь, потому лишился своего недолгого господства Керенский, что широкое крестьянское движение было возглавляемо и руководимо пролетариатом. На основе этого должно продолжаться и дальнейшее сотрудничество рабочих и крестьян — под руководством пролетариата, во главе с его Коммунистической партией.

Сейчас, товарищи, перед нашим трудовым Союзом разворачиваются во всю свою ширь задачи как во внешней, так и во внутренней политике. Каковы наши задачи во внешней политике? Вы знаете, что мы окружены врагами. Сколько бы нас ни признавали, сколько бы ни льстили нам, но господа капиталисты нас до глубины души ненавидят и ненавидят, быть-может, правильно, ибо «хорошего им от нас ждать нечего». Они, эти «господа хорошие», прекрасно помнят судьбы русской буржуазии, судьбы русских капиталистов и очень хорошо понимают, что если их европейские и американские рабочие пойдут по нашему пути, то им, этим «господам хорошим» — не сдобровать. Ясное дело, международная буржуазия ненавидит нас до глубины своего сердца и только и ждет того момента, чтобы кинуться на нас. На это закрывать глаза нам нечего — и мы поэтому должны отдавать себе отчет перед каждым словом, которое шлет нам наш капиталистический враг. Мы должны давать себе отчет в том, что этот капиталистический враг кует против нас оружие.

Да, он не может сейчас кинуться на нас, потому что прекрасно знает, что всякое капиталистическое правительство, которое попытается бросить рабоче-крестьянскую молодежь в солдатских мундирах против нашей Республики рабочих и крестьян, само выроет себе могилу и вызовет восстание пролетариев. Если господа Чемберлены, Пуанкаре, Муссолини и другие признают теперь нашу Республику, завязывают с нами сношения, то это не потому, что они действительно нас «полюбили»,

но потому, что этого требуют широкие рабоче-крестьянские массы, и каждый «Чемберлен», раньше чем решиться «говорить» с нами, или послать хотя бы роту солдат на нашу территорию, очень и очень подумает относительно того — не явится ли перед его министерством толпа английских рабочих, чтобы требовать от него отказа от задуманного им плана. Этот страх удерживает господ, подобных Чемберлену, заставляет их говорить нашим послам льстивые слова. Это — одна причина.

Но есть, товарищи, и другая причина, которая не позволяет нашим врагам делать все, что им хотелось бы в отношении нас. Эта причина — растущее движение на Востоке. Все страны, которые до сих пор были рабами европейского империализма, которые представляли собою объект для эксплуатации и выжимания богатства для одной кучки господ, — все эти страны подвержены сейчас восстаниям.

Мы видим, как языки революционного пламени вспыхивают среди маленьких народностей, мы знаем, как маленький народ риффы сопротивляются такой крупной державе, как Франция, которая вышла только-что победительницей из империалистической войны. Мы видим, как восстание поднимается и в Сирии — и там народ борется за свою свободу, за свои права. Мы, наконец, видим, как в громадном Китае, который имеет население в четыре раза больше, чем в нашем Союзе, — мы видим, как там разгорается гражданская война, в которую вступило крестьянское революционное движение; и этот громадный Китай направляет все свои усилия против иностранных капиталистов. Это все не случайно.

Товарищи, можно, конечно, аэропланами и бомбами закидать восстание в Марокко или в Сирии, можно одержать ту или иную победу в Китае, но это массовое народное движение имеет под собой такие глубокие корни, оно показывает такое пробуждение сознания у тех, которые еще недавно были послушными рабами мирового капитализма, что задушить это движение до конца — не удастся ни одному капиталистическому правительству.

А все эти движения, где бы они ни пробуждались, в каком бы конце земли ни поднимали своей головы угнетенные народы — все они знают — всюду в этом уверены, что есть одна страна, одно правительство во всем мире, которое целиком и полностью поддерживает всякое освободительное движение. Если против этого движения ополчаются правительства Японии, Америки и Франции, то зато есть правительство рабоче-крестьянской страны, которое целиком и полностью содействует и сочувствует этому мировому освободительному движению. (Аплодисменты.)

И поэтому имя русского рабочего и крестьянина, имя красноармейца, имя Союза Советов Социалистических Республик —

всюду, во всем мире воспринимается как символ, как маяк освобождения человечества. (Аплодисменты.)

Если до Октябрьской революции все народы не знали народов, населяющих наш Союз, и не знали русского народа, а знали только их царя, как жандарма, то теперь зато все, даже самые отдаленные от нас народы, все знают, что в России произошла революция и произведена она рабочими и крестьянами России. Знают, что, несмотря на все трудности, эта революция победила весь мир и что она утвердила свою власть и строит себе государство — без капиталистов, без фабрикантов, без помещиков и банкиров, а строит ее — рабоче-крестьянскими руками, и ради рабоче-крестьянского блага.

И вот почему наше существование и каждый наш успех, каждая новая машина на наших заводах, каждый новый трактор на наших полях и каждый лишний сноп, который собирают трудящиеся массы крестьянства и казачества, — являются динамитным патроном, который положен под самое основание могущества капиталистических держав. Ибо что держит капиталистов и те темные массы народа, которые склонны верить им? Они говорят им таким образом: «вот посмотрите на русских рабочих и крестьян, которые захотели жить без царской указки и без капиталистов. И вы увидите, что заработная плата у них низка: вот они голодают, холодают. Сидите вы, поэтому, смирно, и не поступайте так, как русские рабочие и крестьяне». И наиболее отсталые слои трудящихся — верят им.

Но все эти слова разрушаются. Разрушаются не только нашими словами, митингами и собраниями, а разрушаются, ежедневно, каждым нашим успехом. И когда из-за границы приехали сюда одна за другой делегации — германская, бельгийская, шведская, австрийская и др., из рабочих, они смогли увериться в том что их обманывали. Они приехали, чтобы своими пальцами пощупать, что у нас здесь делается: действительно ли у нас царство холода и голода, или действительно растет какой-то новый, лучший строй. И они убедились в этом. Все они, вернувшись домой, могли там сказать: «Да, у русских — государство бедное. Да, у них многого еще не хватает. Но у них подлинное государство трудящихся, которое живет и работает только ради блага рабочих и крестьян».

И вот эти их слова, когда их говорят их же рабочие: «Да, их государство еще бедно, но зато там нет грабителей в лице капиталистов и помещиков. Там власть, действительно, в руках рабочих и крестьян. Там широкие массы рабочих и крестьян, действительно, привлечены к государственной работе»,— это сильно действует на западно-европейских и восточных рабочих. Они начинают задумываться: если отсталая Россия могла прогнать своих капиталистов и помещиков и смогла выдержать пару лет тяжелой невзгоды, а затем — выйти на ясную и светлую дорогу,

которая с каждым годом будет приближать их быстрыми шагами к общему подъему всей культуры и к общему улучшению, — когда все они это слышат, то говорят: «почему бы и нам не сделать того же?».

Вот почему капиталисты с таким негодованием относятся к самому факту существования нашей Республики; вот почему они были бы рады наброситься и сорвать наши успехи и затоптать ростки новой жизни, которая пробуждается и есть и у них.

Но у них руки для этого коротки. Этого сделать им не позволяет их собственный пролетариат и восстания в их колониях. И поэтому мы имеем мирную передышку, которую мы должны продлить как можно дольше; ибо за каждый день мира мы будем укрепляться в новом хозяйстве и развивать его. А они будут все более и более разлагаться. И чем дольше удастся нам оттянуть это столкновение с ними — тем будет для нас выгоднее.

Вот каковы основы мировой политики, которую ведет Советская власть и которую она будет вести. Мы никому не поклонимся и ни перед кем не склоним своей пролетарской головы; мы никому не позволим диктовать нам каких-либо условий, и наши враги не дождутся того, чтобы рабоче-крестьянская страна им поклонилась.

Но мы и не полезем в драку, если не будем уверены в том, что у нас 99 шансов за то, что мы победим. (Аплодисменты.) Вот основы, повторяю, нашей внешней политики, политики Советской власти.

Как используем мы эту передышку? В первую очередь, конечно, для того, чтобы восстановить наше хозяйство. Я уже говорил вам, что достижения наши за прошлый год — очень велики. Этот хозяйственный год, который идет теперь, мы хотим превратить в последний год восстановительного периода, то-есть достигнуть, во всех отношениях, довоенного уровня.

Мы хотим: чтобы к концу этого года не было бы ни одной десятины земли, которая не была бы запахана и засеяна крестьянином; чтобы ни один завод, ни одна фабрика не оставались бы неработающими; чтобы ни одна мастерская не оставалась бы застывшей; чтобы все они получили полную нагрузку. И мы этого добьемся; к концу этого года мы должны этого добиться. Мы добьемся того, что все фабрики и заводы будут пущены и будут работать полным ходом.

Но нам этого мало. Мы революцию делали не для того, чтобы восстановить довоенный уровень. Мы хотим итти дальше к социализму, и итти быстрыми шагами. Поэтому перед нами стоит задача нового хозяйственного строительства и, прежде всего, нового промышленного строительства. Мы—страна аграрно-промышленная. Страна, в которой гораздо бо́льшую роль играет сельское хозяйство, чем промышленность. А задача, перед нами

стоящая, такова: мы должны быть страной, в которой промышленность будет играть гораздо бо̀льшую роль. Это нам подсказывает мировая конъюнктура — весь мир развивает, распространяет и усиливает роль промышленности, — всякая страна в мире богата тем, что развивает промышленность, крупную машинную индустрию, горное дело и пр. Мы на этой линии последние годы отставали: поэтому вся наша энергия должна быть направлена на то, чтобы из страны аграрно-промышленной — превратиться в страну промышленно-аграрную.

Это—задача на много лет вперед, но начать осуществление ее мы должны немедленно. И мы уже начали. Эта задача объединяет интересы и рабочих и крестьян. Вы знаете, что у нас в деревне получилась масса свободных рук, которые не могут приложить себя к земле. Эти руки идут из деревни на сторону, и мы должны дать им занятие. Какое же занятие мы можем им дать? Построить новые фабрики и заводы.

В прошлом году у нас было рабочих — 1 700 000 чел., в этом году будет — 2 300 000 чел. За один год мы получили до $^1/_2$ миллиона новых рабочих. И мы хотим общее количество пролетариев: — и ВСНХ, и железно-дорожных предприятий, и других предприятий, — довести до 5-ти миллионов человек, а в ближайшие годы мы хотим, чтобы было не 5 000 000 человек, а 10 000 000 пролетариев. А это—неизбежно требует постройки новых фабрик и заводов и их расширения.

Но не только избыток крестьянских рук в деревне и не только наше желание иметь пролетарский класс в 10 000 000 человек требуют этого, но сама потребность нашей страны заставляет нас расширить нашу промышленность.

Что мы теперь переживаем в нашей стране? Мы развернули промышленность очень на много в сравнении с тем, как она стояла в 1922—23 г. (когда товара не хватало и он был очень дорог), потому что потребность страны в ней повысилась: крестьянство хочет получить более хороший товар, чем оно получало до войны; хочет лучше одеться, лучше обучить ребят и лучше вести свое хозяйство. Для этого ему нужны машины и тому подобное.

И наш рабочий не хочет больше жить на том уровне и в тех условиях, в которых его застигла революция.

Он слишком много страдал, он имеет полное право на то, чтобы повысить уровень своей жизни, чтобы получить лучшую квартиру, лучше воспитывать своих детей, лучше есть и одеваться. Это вполне естественно, что вся наша страна хочет лучше одеваться, лучше жить, хочет получить больше, чем она имеет.

Но когда у нас есть нехватки товаров, то на этом выигрываем не мы с вами, не рабочие и крестьяне, а выигрывают

перекупщики, которые получают товары по определенным ценам, но когда товары доходят до крестьянина — они набавляют разницу — 50 — 100% и кладут эту разницу себе в карман. Это положение для нас, товарищи, теперь становится нетерпимо, этот товарный голод должен быть прекращен. Только одним путем: расширением промышленности. Только тогда, когда наши фабрики удвоятся в числе, они смогут дать товары в таком количестве, какого требует наша страна. Только тогда наша продукция станет дешевле и мы будем в силах прекратить этот товарный голод и перестать жаловаться на недостатки товаров; только тогда мы сможем снизить розничные цены, на которых так наживается частный посредник. Вот почему мы видим, что нам необходимо сосредоточить все наши силы, все внимание на всяческом расширении нашей промышленности.

Но я спрашиваю себя, спрошу и вас, товарищи — откуда же взять нам средств на расширение нашей промышленности? Это верно — нам необходимо это расширение. Но на какие деньги мы будем строить наши фабрики и заводы, на какие средства будем закупать сырье, фабрикаты, проводить электрификацию, приобретать сельско-хозяйственные машины для крестьян? Из каких средств мы возьмем этот фонд?

Обычно есть два средства: или иностранный заем, который государство заключает у другого государства для того, чтобы вложить этот капитал в промышленность, а потом выплачивать проценты. Но на каких условиях нам могли бы дать заем иностранные капиталисты? Вы знаете, что нам заем дадут только при условии, чтобы мы выплатили царские долги. Но мы отказываемся от этого. Это было бы «себе дороже», и потому мы не можем на это пойти. Поэтому насчет «заграничного дядюшки», который даст нам деньги — для того, чтобы в дальнейшем мы смогли развивать нашу рабоче-крестьянскую страну, — нам и задумываться нечего, заботы относительно этого нам нужно отложить в сторону. Значит, нам нужно искать иных путей, иных средств.

Какие же это пути, какие средства? Нам нужно искать средств внутри страны, в нашем внутреннем хозяйстве. И мы их ищем и находим; эти средства есть. Но так же, как и все победы, которые до сих пор одержали рабочий класс и крестьянство, зиждились на воле рабочих и крестьян—и на том, что им приходилось урезывать себя,—так и этот новый подъем нашей промышленности будет зиждиться на наших собственных заботах и жертвах.

Мы знаем, что та зарплата, которую мы в данное время выплачиваем рабочим, далеко еще не достаточна. Почему? Почему при таком подъеме промышленности мы не идем на то, чтобы достичь полной нормы заработной платы? Вот именно потому, что если бы мы это сделали, то у нас не осталось бы ни копеечки на разворачивание новой промышленности.

У нас есть еще другой класс, который мог бы дать нам денег. Этот класс — крестьянство. Вы знаете, товарищи, что сами крестьяне говорят, что они готовы авансировать нас теми или другими суммами, но вы знаете также, что существует известный предел, и тот налог, которым мы обложили крестьян, мы не можем поднимать выше известного предела, если не хотим вызвать у крестьян недовольства. Налог, который мы накладываем на крестьянство, и поднятие производительности труда есть тот источник, на основе которого мы разовьем нашу новую промышленность. Когда расширится новый торговый оборот, мы дадим крестьянству дешевые сельскохозяйственные машины, благодаря чему оно сможет поднять новую целину на своей земле, повысить урожайность на своей земле.

Когда мы получим новые ценности, мы сможем выбросить их на заграничный рынок, продать их и получить за них те деньги, которые необходимы нам. Уже в этом году мы рассчитываем вывезти за границу значительное количество хлеба — 200 миллионов пудов — для того, чтобы закупить то, без чего мы жить не можем: мы закупим новые станки, новые тракторы, которых мы сами производить не можем; мы закупим краски, которых не выделываем сами, электрические машины, которых не можем сами приготовить.

Мы имеем возможность выбросить за границу избыток хлеба уже и теперь, и не только хлеб, но и другие продукты, например нефть. Как вы знаете, мы—страна, богатая нефтью, но до сих пор, однако, обращались с нефтью небрежно, а между тем нефть, это для нас—чистая золотая валюта. Уже в прошлом году мы смогли вывезти заграницу около 20 миллионов пудов нефти, а в этом году — 35 миллионов пудов. На это золото, которым нам заплатят за нефть, мы приобретем необходимый нам фабрикат.

Вы все, товарищи, знаете, что мы сделали все для того, чтобы развернуть наши фабрики, в особенности текстильные. Но вы знаете также, что весь Кавказ и весь Туркестан дают нам вместе всего только 12 миллионов пудов хлопка. А для того, чтобы выполнить наши задания, удовлетворить запросы рабочих и крестьян на текстиль — нужно переработать не менее 18 миллионов пудов хлопка. Его надо привезти из-за границы. Он растет только в Америке, и мы должны там его закупить.

Если бы царь-батюшка оставил нам золотые слитки, если бы Колчак это золото не украл, то мы заплатили бы иностранным капиталистам этим золотом, но мы в первый раз делали революцию и не все меры предупреждения приняли; в другой раз, конечно, будем «умнее». Золота этого у нас нет. И вот мы бросили за границу нефть и другие продукты—для того, чтобы заплатить за те 7 миллионов пудов хлопка, которые необходимо здесь переработать, чтобы хоть отчасти удовлетворить острую

нужду крестьянства и рабочих в текстиле, ситце и др. Вот те основные замечания, которые заставляют нас поставить на очередь дня вопрос о всемерном развитии нашей промышленности и которые заставляют нас сказать, что это развитие требует от нас чрезмерного напряжения сил.

Мы должны сказать, что самое трудное, несомненно—за нашей спиной. Те дни, которые мы переживали в 1918—20 годах, безусловно уже не повторятся. Мы не будем переживать вновь тех голода и разрухи, которые нами уже окончательно и бесповоротно побеждены.

И холод и голод окончились нашей победой над ними. Постепенно мы получаем и семена для засева, и машины для наших фабрик и заводов, и все остальное. Мы надеемся выполнить поставленную нами задачу.

На чем же строится наша уверенность, что мы эту задачу выполним?

Мы твердо знаем, что наш союз рабочих и крестьян—новый, мы также знаем и говорим вам: «нельзя строить новое социалистическое общество без дальнейшего укрепления пролетарских организаций. Пролетариат и пролетарская организация есть основа социализма». (Аплодисменты.)

Чем больше пролетариата в стране и чем больше сплочен он и втянут в государственную и хозяйственную работу — тем больше мы будем приближаться к социализму. Вот почему мы и представляем себе, что наша задача сейчас состоит в том, чтобы расширить участие рабочего класса в делах государственных и хозяйственных.

Вы думаете, что мы, там в Москве, не знаем всех недостатков, которые имеются в нашем государстве? Мы знаем и чувствуем это, как чувствуем и все безобразия, которые делаются в нашей стране. Все знаем. Но знаем также и один только рецепт: все большее привлечение самих пролетарских масс к делу управления. Мы не можем (простите) родить или найти где-нибудь вам хороших местных чиновников. Разве у нас есть запасные директора заводов или руководители канцелярий и проч.? Они есть в вашей же среде. Все это дело находится в руках самих пролетарских масс и зависит от их сознательности.

Наша промышленность развивается. Но промышленность развивается и наше хозяйство крепнет, поскольку весь пролетарский класс нашей страны принимает активное участие в этом строительстве, весь пролетариат, который понимает, что это его собственное дело, что для улучшения его жизни ввозятся машины, организуется кооперация и тому подобное, что он должен быть хозяином во всем этом деле. (Аплодисменты.)

Вот тот ответ, который даем мы, коммунисты. Мы говорим: да, 8 лет тому назад мы начали громадное дело. Много

было колеблющихся и сомневающихся; их колебания можно было понять: действительно, впервые решил рабочий класс построить государство таким образом, чтобы не было в стране капиталистов и помещиков. Казалось, это — мечта. Это было 8 лет тому назад, когда воля пролетариата была, действительно, осуществлена, и об его волю сломились все противоположные тенденции и все те, кто покушался восстановить наши старые отношения. Все они должны были отскочить от нас, набивши себе здоровые шишки на лбу.

Но теперь мы должны будем доказать, что мы строим новую страну на новых основах, уничтожающих эксплуатацию человека человеком, стремящихся к подлинному равенству и братству людей, на основах социалистического хозяйства.

Это очень трудная задача. Много будет у нас недостатков. Но поскольку количество пролетариев будет все время увеличиваться, поскольку фабрики и заводы перестанут быть мертвыми домами и начнут работать полным ходом, поскольку будет усиливаться наша власть и роль пролетариата—постольку будет сделана и культурная революция в нашей стране.

Тов. Ленин недаром, в последней своей статье, завещал нам—«Помните не только об общем деле строительства социализма, но и о специальных задачах культурного строительства».

Это значит, что он отдавал себе отчет, что тот народ, который оставила нам прежняя власть, безгранично темен. И вот переработать эту темноту и создать высшую культуру, поднять культурный уровень народа—вот та великая задача, по заветам Ильича, которую еще пока мы мало подвинули вперед. Нам надо построить большее количество школ, детских домов, технических училищ; подготовить новые кадры рабочих. Ведь мы уже теперь натыкаемся на недостаток в квалифицированной рабочей силе. А между тем из деревень к нам подсыпает новая молодежь.

Задача учебы и рассеяния этой темноты — это одна из громадных задач, которые стоят перед нами.

Все усилия мы должны направить целиком на то, чтобы поднять уровень нашего хозяйства, пустить полным ходом наши машины в городе и деревне и поднять наше благосостояние.

Рабочие и крестьяне развернут на этой же почве широкую борьбу с невежеством и темнотой, которая есть в нашей стране. А если, вместе с этим, весь рабочий класс и крестьяне, т.-е. каждый трудящийся, сумеет — сегодня быть у станка, а завтра осуществлять общее руководство (другого кадра у нас нет, как пролетарская масса и крестьянство), тогда мы под защитой Красной армии двинемся вперед быстрыми шагами и покажем миру, какая новая и громадная сила растет на этом куске земли. Тогда мы двинемся вперед такими шагами, которые покажут капиталистам и остаткам капитализма, старым командующим клас-

сам, эту новую рабочую силу; тогда широко развернется дело освобождения трудящихся масс, дело устройства социалистического общества.

Повторяю еще раз: самое трудное пройдено. Дорога пред нами ясна и открыта. Мы идем по ней смело и свободно. С каждым днем наш крепкий Союз преодолевает, под руководством Коммунистической партии, все встречающиеся трудности. И мы говорим: «русские трудящиеся массы сумели не только разрушить старое, но они строят новое социалистическое общество, где не будет ни эксплуатации, ни классов, ни нищеты». (Аплодисменты.)

ТЕКУЩИЙ МОМЕНТ И ЗАДАЧИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ. *

Товарищи, прежде всего позвольте мне поблагодарить вас от имени советского правительства за тот горячий прием, которым вы меня встретили. Я отношу этот прием не лично, конечно, ко мне, а к той великой работе, которую совершает Советская власть. Я чувствую глубочайшее удовлетворение, присутствуя на этом собрании и видя здесь действительное единение новых научных сил с представителями той науки, плодами которой мы все должны будем воспользоваться для того, чтобы построить и укрепить коммунистическое общество.

Я должен передать вам привет не только от советского правительства, но и от центрального комитета нашей Коммунистической партии. (Аплодисменты.)

Задачи, которые поставили перед собой большевики-коммунисты 8 лет тому назад, — задачи грандиозного, всемирно-исторического масштаба. Мы подняли народные массы во имя лозунгов, которые не переставали звучать в истории человечества, но которые никогда не были еще сформулированы так точно и определенно, которые никогда еще не звучали таким императивным призывом, как в момент мировой империалистской войны.

Но мы никогда не предполагали и никого не учили тому, что задача, которая перед нами стояла, — задача легкая, или могущая быть разрешенной в течение короткого срока. Мы всегда отдавали себе отчет и этому учили рабочий класс, что, овладев оружием, ему не трудно захватить Зимний дворец, но что подлинные трудности социалистического и коммунистического строительства начнутся только на следующий день после баррикадных схваток, тогда, когда на плечи рабочего класса ляжет задача устроения нового государства, нового хозяйства и новой культуры.

* Доклад на собрании научных работников, студенчества и технического персонала Вузов г. Ростова 30 ноября 1925 г.

Раньше чем мы могли приблизиться к положительному разрешению этих задач, нам всем пришлось пройти через бешеное сопротивление старых командующих классов. Мы — реалисты и понимаем, что их ненависть к нам и к восстанию рабоче-крестьянских масс была по-своему обоснована. Мы понимаем, что они боролись за интересы своего класса, так же, как мы боролись за интересы своего класса. Разница между нами была в том, что они представляли класс обреченный, уходящий в историю, негодный для выполнения тех задач, которые раскрываются перед всем человечеством, а мы воплощаем тот класс, который историей предназначен вести вперед многомиллионные массы человечества и вывести их из того тупика, в который они заведены буржуазной и капиталистической культурой.

Вы избрали меня и я принимаю с гордостью это звание — слушателем вашего университета. Я случайно прошел через довольно много университетских дверей. Мне пришлось переходить из одного университета в другой и переменить их довольно много не только на территории России, но и за границей.

Но была другая школа, другой университет, через который проходили не единицы, а проходил целый класс. Была другая школа, другой университет, который воспитал и продолжает воспитывать руководителей нового государства. Эта школа и этот университет — трудовая школа организованного труда и революционной классовой борьбы пролетариата. И необходимость прохождения этой школы мы понимали всегда.

Какими безумцами казались мы многим ученым людям в тот момент, когда словами Ильича мы, большевики, заявили, что берем на себя дело перестройки всего мира, реорганизации государственной формы, глубокой реконструкции хозяйства, принципиального изменения основ всей культуры.

С какими силами, спрашивали нас, вы это сделаете? Где те люди, которых вы поставите на место старого государственного аппарата? Откуда вы возьмете кадры руководителей хозяйства, откуда вы берете смелость взять на себя изменение постановки всего школьного дела и чьими руками вы это осуществите?

Мы отвечали выражением глубокой уверенности, что не только в привилегированных школах старого строя, не только на основе той науки, которая была доступна лишь верхушкам командующих классов и их сыновьям, но и в этой школе труда и революционной борьбы воспитались те кадры, которые возьмут на себя проведение этого дела.

И вот теперь прошло 8 лет. Мгновенье — с точки зрения всемирной истории; небольшой отрезок времени — с точки зрения того этапа всемирно-исторического процесса, через который мы сейчас проходим, но 8 тяжких лет, 8 лет, в течение которых на всех фронтах, военном и культурном, хозяйственном и всяком

другом, Коммунистическая партия и с нею вместе рабочий класс и крестьянство сдавали экзамен не только перед нашей страной, но и перед всем миром, экзамен на звание строителей нового общества.

И здесь, без ложной похвальбы, без претензий на то, что мы уже решили поставленные перед собой задачи, но с полным сознанием преодоления тяжкого пути, который мы уже прошли, который мы оставили за собой, мы можем сказать, что рабоче-крестьянские массы нашего Союза под руководством советского правительства и под руководством Коммунистической партии этот экзамен выдержали и выдержали, быть-может, глубже и более блестяще, чем этого ожидали не только наши враги, но и мы сами.

Если окинуть взором эти истекшие 8 лет, вы увидите, что половина из них занята кровавой борьбой за самое право существования нового типа государства, за самое право рабочего класса и крестьянства только приступить к переустройству нашей страны. Вы знаете, что эту борьбу нам пришлось вести не только с командующими классами собственной страны, что, благодаря их неорганизованности, недостаточному вкоренению в толщу жизни, малодушию, было не так трудно, — но что эти командующие классы нашей страны, естественно, нашли себе поддержку во всем командном классе всего капиталистического мира и для того, чтобы отвоевать право на свое существование, для того, чтобы отвоевать право доказать истории строительные способности рабочего класса и крестьянства, мы должны были вести борьбу с мировой буржуазией, и мы ее разбили.

Опять-таки не потому, что мы были лучше вооружены или что мы были богаче. Даже не потому, что мы были организованнее, в военном и финансовом отношении, таких капиталистических колоссов, как Германия, Англия, Франция, Америка, Италия, Япония, которые все ведь перебывали на нашей советской земле, которые требовали от нас крайнего напряжения сил для того, чтобы освободить советскую землю от их нашествия, от их интервенции. Мы победили потому, что мы представляли на нашем участке в нашей стране кусочек мирового движения, потому, что нашему движению было обеспечено глубочайшее сочувствие, фактическая реальная помощь всего угнетенного человечества, и если тяжки были эти испытания, — результатом нашей героической борьбы был Союз Советских Социалистических Республик. Наше знамя поднято высоко над всем миром.

Если раньше царская Россия обладала высоким престижем на мировой арене, то это был престиж, о котором один из блестящих наших предшественников, Герцен, говорил: «мне стыдно сказать, что я русский», — ибо этот престиж был престижем всемирного жандарма.

Мы сломили этот престиж, но мы добились другого престижа. Мы добились того, что нет ни одного рабочего пред-

местья на Западе и Востоке, нет такой нации, среди которых не было бы высоко поднято знамя нашего Союза, как маяк движения вперед, как факел, освещающий для них путь, как призыв к освобождению, как призыв надежды на то, что будет сломлен гнет капитала, что он не вечен, что он преходящ и будет низвергнут.

Однако, справиться с этой задачей ни одна из стран кроме нашей Советской страны не могла. Мы же смогли приступить к той задаче, ради которой поднято было оружие рабочими и крестьянами в Октябрьские дни. Эта работа насчитывает не очень длительный срок, три-четыре года. Вы помните все и вы знаете, в каком виде получили мы эту страну. Вы все прекрасно знаете степень ее разрушения, отсталости, бедности ее хозяйства, разрухи и национальной раздробленности. Каждому из нас, пережившим эти годы, легко сравнить 20, 21 и 22-й год с тем, что мы имеем сейчас. Было бы слишком длинно и сложно представлять цифры, которые свидетельствуют фактически о громадном росте, который мы сейчас переживаем. Я смею вас уверить, что этот рост не есть результат какого-нибудь надрыва или непланомерного скачка вперед, не имеющего под собой твердого основания, нет, наше развитие, наш подъем идет систематически и планомерно.

Если мы будем говорить о нашем росте во всех областях, то нужно сказать, что кривая нашего развития буйно вздымается вперед, и все тенденции, которые она обнаруживает, свидетельствуют о том, что этот буйный взмах идет планомерно.

Тот подъем, который начался два года тому назад и который дает громадное увеличение во всех областях, говорит за то, что он будет продолжаться.

Но, товарищи, я должен сказать, что, так же как и в Октябрьские дни мы указывали на трудности предстоящего пути, так и сейчас я считаю долгом своим от имени правительства, от имени партии не столько указывать на достигнутые результаты, не столько демонстрировать успешность нашей прошлой работы, сколько выявить основные недостатки, остановиться над теми перспективами, которые перед нами развертываются.

Вам, которые должны стать во главе отдельных учреждений государственного управления, во главе отдельных учреждений народного хозяйства, мы должны сказать, чтобы вы, все вместе взятые, не успокоились на сознании достигнутых побед, а были бы на чеку.

Да, мы шагнули далеко вперед. Мы положили много сил во время империалистической войны, интервенции, баррикад и разрухи, но мы поднялись. Мы смело можем сказать, что этот год будет последним годом восстановительного периода, что мы, закончив его, достигнем во всех областях довоенного уровня.

*

Но, товарищи, довоенный уровень был уровнем отсталости, бедности, довоенный уровень характеризовал нашу страну как страну наиболее бедную, наименее культурную, глубоко отсталую сравнительно с общим уровнем мирового хозяйства.

Мы с вами получили новые гигантские рычаги, рычаги гигантской мощи, для того чтобы как можно быстрей наверстать ту разницу, которая отделяла нашу страну в области техники, в области промышленности, в области просвещения и в области культуры вообще от других стран.

Эти рычаги, которые позволят нам подвинуться в смысле культуры, помогут нам максимально сократить срок, необходимый для того, чтобы подняться над довоенным уровнем, чтобы не отстать от общего темпа всего мирового развития, — это принцип социалистического строительства.

Этот принцип уже за эти 8 лет доказал свою правильность именно тем, что он позволил нам быстрей, чем это можно было предполагать, излечить нанесенные нам раны. Он должен послужить в наших руках именно тем рычагом, который даст нам возможность не только не отставать от темпа мирового развития, но позволит нам догнать и перегнать его.

И вот это и есть та основная трудность, которая перед нами стоит и разрешение которой возможно только соединенными усилиями пролетарских и крестьянских масс вместе с той наукой, представителями которой вы здесь являетесь, и светоч которой вы должны будете понести в самую гущу масс.

Недаром наш гениальный вождь, организатор первого рабоче-крестьянского государства, в своих последних статьях сосредоточивал свою мысль не только на проблемах мировой пролетарской революции, на проблемах революционного восстания колониальных рабов, не только на проблемах вовлечения миллионных масс крестьянства в социалистическое строительство, — т.-е. всех важнейших основных проблемах нашей эпохи, — но с особой энергией подчеркнул необходимость культурной революции.

Да, как это ни странно, после революции февральской, сбросившей царя, после революции Октябрьской, сбросившей господство буржуазии, после целого ряда попыток мирового пролетариата пойти по нашему пути, после ряда одержанных побед, наш вождь на смертном одре завещает нам еще новую революцию и говорит, что все предшествующие революции будут окончательно завершены и закреплены лишь тогда, когда всю нашу страну сверху донизу глубоко пропашет плуг новой революции, культурной революции масс.

Владимир Ильич подразумевал под этой культурной революцией не только книжное учение, не только то просвещение, которое заимствуется из книг; нет, под именем культурной революции он понимал тот глубочайший переворот в сознании, в психологии,

в привычках, в быте многомиллионных масс, которые пропитаны наследием старых веков, долгих веков темноты и рабства.

Почему советская форма государства кажется нам наиболее приспособленной формой перехода от диктатуры буржуазии к диктатуре пролетариата и к полному торжеству коммунистических принципов, то-есть к отмиранию государства? Потому, что советская форма власти есть единственная, созданная историей и историей проверенная форма массового, постоянного, систематического обучения государственному управлению самых широких трудящихся масс. Ибо это есть та форма, в которой широчайшие трудящиеся массы могут подойти к делу построения и управления государством как к своему собственному делу. Советская власть ценна именно тем, что она срывает покровы таинственности и мистичности с того древнего орудия, которое постоянно служило орудием угнетения самых широких масс очень небольшой командной верхушкой, срывает покровы мистичности, недоступности с машины государства.

С другой стороны, Владимир Ильич, провозглашая и завещая нам культурную революцию, понимал, что только широко развитая промышленность, перестраивающая не только внешние формы хозяйства, но и самую психологию широких народных масс, только новые фабрично-заводские корпуса, шахты, рудники, только обобщение всего этого нового промышленного строительства, с овладением основными силами природы, и электрификация нашей страны, — что только эта система развития действительно вырвет широкие массы трудящихся из той рабской жизни, из той психологии, которая создается отдельным раздробленным хозяйством у крестьянства, не бывавшего дальше своей околицы.

Ведь трудность строительства социализма в нашей стране и заключается в том, чтобы вовлечь в это строительство те десятки миллионов распыленных крестьянских хозяйств, которые, с одной стороны, являются базой для развития промышленности, с другой стороны, должны быть еще охвачены щупальцами этой промышленности, втянуты в ее аппарат, подчинены ее планомерным заданиям, чтобы стать элементом подлинного социалистического хозяйства.

Борьба между элементами социализма и элементами возрождающихся капиталистических отношений, базой для которых служит раздробленное крестьянское хозяйство, стоит на очереди и будет заполнять ближайший отрезок времени в нашем строительстве.

Эта трудная задача требует того, чтобы вся наша энергия, все наше внимание были сосредоточены на вопросах повышения технического уровня и разворачивания производительных сил нашей страны.

Вот вы, товарищи, вы, посаженные волей партии, волей рабочих организаций, волей крестьянства, на учебные парты,

оторванные часто от станков, для того чтобы получить знания,— вы должны будете стать во главе этой борьбы, этой конкуренции, этого соревнования новых социалистических начал и остатков старых капиталистических тенденций. Вот почему с таким вниманием принуждены мы обращать все время свой взор к делу, которое будет делаться вашими руками. Вот почему, несмотря на все трудности нашего положения, дело учебы, дело науки все больше и больше места занимает на нашем горизонте.

Да, правы были товарищи, которые выступали с этой трибуны и указывали на то тяжкое материальное положение, в котором находится дело образования в нашей стране не только в смысле материального положения учащих и учащихся, но и в смысле оборудования, материальной базы их работы, их лабораторий, их испытательных станций и т. д. Мы знаем, что каждая копейка, которая была бы оторвана от нашего бюджета и вложена в дело просвещения и науки, оплатилась бы сторицей. К сожалению, несмотря на все наши успехи, мы все еще бедное государство, несмотря на все наши успехи или, быть-может, благодаря этим успехам, мы не имеем шансов на финансовую помощь со стороны.

Всякий трактор, который мы выводим на крестьянское поле, всякий новый фабрично-заводский цех, каждая новая школа, каждый новый институт, каждая новая лаборатория может быть оплачена только усилиями народного труда. Никаких других источников мы не имеем.

Вот почему нам приходится взвешивать каждую копейку, вот почему каждая лишняя копейка накопления требует от нас самого большого внимания при ее распределении. Мы должны рассчитать строго, куда ее пустить: на электромотор, или на трактор, или на улучшение семян, или на больницы, или на школы, или на лаборатории.

Товарищи, из внутренних средств нашей страны мы можем почерпать только необходимые материальные предпосылки дальнейшего пути развития нашего хозяйства. Та зарплата, которую мы даем рабочим, может-быть, и недостаточна. Разве рабочий класс не мог бы претендовать на то, чтобы через 8 лет неслыханных переживаний, героизма, он получил довоенный уровень зарплаты? На это он претендовать может, но дать ему этого мы не можем, потому что за каждую копейку зарплаты рабочего мы должны отчитываться и каждую копейку мы отрываем из обще-государственной казны.

Мы не можем развить нашу политику налогов больше, чем она есть. Мы не можем освободить от них крестьянство, так как это есть тот карман, при помощи которого мы средства нашего крестьянского хозяйства берем на обще-государственные нужды.

Это одна из тех трудностей в нашем положении, с которой вам придется столкнуться. Я не могу упустить этого, ибо не хочу дать вам надежду на то, что эта политика по отношению к рабочему и крестьянину сможет быть быстро изменена. Если мы хотим усилить рост нашей промышленности, если мы хотим, чтобы этот рост являлся основным путем социализма, если мы хотим, чтобы укреплялся союз рабочих и крестьян, чтобы крестьяне все больше и больше проникались доверием к тому, что пролетариат может строить хозяйство,— то мы должны показать, что наша социалистическая промышленность может давать крестьянам на рынке товару больше, дешевле и лучше, чем давала капиталистическая организация.

Разве мы можем сказать, что это достигнуто, что действительно социалистическая организация промышленности уже дает крестьянину в полной мере необходимые ему товары, дает их дешево, дает их добротного качества? — Нет.

Мы не имеем других источников кроме труда. Мы должны требовать удешевления товаров для крестьян. Это есть третья трудность в нашей политике.

Эта третья трудность отражается на крепости смычки рабочих и крестьян.

Вот, товарищи, у нас есть трудности культурные, трудности хозяйственные и трудности политические, которые развиваются на достигнутом нами уровне.

Исходя из того, что кругом нас капиталистическое окружение, которое с величайшим страхом наблюдает за нашими успехами, следует сказать, что каждый наш материальный успех, каждая новая победа в процессе борьбы, каждый новый успех в сельском хозяйстве, каждый успех в деле восстановления национального мира между различными нациями, живущими в нашем Союзе, каждый наш успех в деле расширения и улучшения школ, просвещения, каждый этот успех является актом пропагандистским. Лучшая пропаганда делом.

Все это доказывает, что социализм, господство трудящихся, власть мозолистых рук — не миф, не сказка, не мечта, которая может быть осуществлена в каком-то другом мире, а что это — реальность, к которой мы идем. Это — реальность, которую мы видим, которую мы ощупываем.

Может-быть она серей, будничней, чем те великие картины будущего человечества, которые мы несли в народные массы в течение последних 10-летий. Но этот живой социализм, который строится нами на каждой фабрике, на поле крестьянином, это — живая реальность.

Социализм растет. Этот рост самый опасный для властителей капитала. Он опаснее для него, чем самые зажигательные прокламации.

Вот почему идея срыва нашего мирного строительства, идея, заключающаяся в том, чтобы внешним нападением помешать нам довести до конца поставленное перед нами дело, эта идея неизбежно зреет и в дипломатических канцеляриях и в генеральных штабах капиталистических держав.

Рост революционного движения на Востоке, восстания колоний, которые вспыхивают то тут, то там и принимают, как в Китае, грандиозные размеры, рост и укрепление рабочих коммунистических организаций в Европе, — все это мешает господам Чемберленам, Пуанкаре, Кулиджам приступить к тому, чтобы сократить срок нашего мирного строительства, чтобы вновь вырвать из наших рук молоток, циркуль, книгу, заступ, и заставить нас всех схватиться опять за винтовку.

Наша политика заключается в том, чтобы этот, быть-может, неизбежный момент оттянуть как можно далее, чтобы та мирная передышка, которой мы пользуемся, была бы как можно более растянутой, и чтобы мы использовали эту передышку полностью и целиком для дела нашего внутреннего укрепления. А наше внутреннее укрепление в нынешний момент, когда основные политические задачи нашего Союза в его внутренней жизни можно считать решенными, — они все концентрируются в этих двух пунктах: подымать и строить новую культуру на почве подлинной науки, крепить наши хозяйственные достижения, развивать нашу промышленность, втягивать в общее социалистическое строительство многомиллионные и распыленные крестьянские хозяйства.

С чем большей энергией мы наляжем на эти задачи, тем более полно используем мы эту передышку перед столкновением нашей Республики Труда с капиталистическими державами, тем более непреоборима будет наша сила в грядущем столкновении, тем более уверенно можем мы сказать: как бы ни были богаче нас другие государства, но наш Союз в союзе с пролетарскими силами всего мира представит из себя ту скалу, которая уже непреодолима для враждебного капиталистического моря.

Рабочие и крестьяне преисполнены бодростью и уверенностью в окончательном торжестве нашего дела. Нам, быть-может, сейчас, кроме нашей материальной бедности, не хватает больше всего именно той новой советской молодежи, техников, агрономов, руководителей хозяйств, педагогов, которых мы должны были воспитать за эти годы.

И позвольте мне, товарищи, указать еще на одно. Вы находитесь на учебе во временном отпуске с фронта социалистического строительства, но последний не может слишком долго ждать ваших рук, вашего разума, вашей энергии. Дело кипит и развивается все быстрее и быстрее, и фронт социалистического строительства требует, чтобы вы как можно скорее с учеб-

ных парт вернулись к делу руководства всеми отраслями нашего хозяйства.

Мы поставим вас в условия хотя и трудные, но дающие вам возможность использовать все то знание, которое накоплено человечеством за прошлые годы. Мы с радостью приветствуем то действительное единение представителей науки с столь молодым пролетарским студенчеством, которое мы считаем величайшим нашим завоеванием. Мы рады констатировать, что былые недоразумения ушли и, конечно, не повторятся.

Вот это единение представителей накопленных знаний с жадным порывом рабоче-крестьянских масс поскорее взять это знание и превратить его в организатора нового хозяйства, в организатора нового государства, использовать это знание не как мертвый, а как живой капитал, который оплодотворит нашу почву, который ляжет в основу нового социалистического строительства, — это единение совершенно и абсолютно необходимая предпосылка успеха всего нашего дела.

Итак, товарищи, рабоче-крестьянские массы ждут с нетерпением, когда вы понесете к ним то знание, которое вы сейчас приобретаете, и когда, опираясь на это знание, в полном единении с теми, которые проходят университет жизненной борьбы на фабриках, заводах и полях, вы поведете вперед дело, начатое Октябрем. (Бурные аплодисменты.)

ОТЧЕТ ПРАВИТЕЛЬСТВА СССР. *

Товарищи, позвольте мне прежде всего передать вам, старым борцам за дело рабочего класса, привет пролетариев нашей красной столицы Москвы. (Аплодисменты.)

Позвольте мне затем, лично от себя, сказать вам товарищеское спасибо за то почетное избрание кузнецом, которым вы меня сейчас удостоили. Быть в ваших рядах кузнецом общего пролетарского дела — великая честь.

Я уверен, что та масса рабочего класса, которая под руководством Владимира Ильича Ленина поднялась для того, чтобы своим молотом разбить оковы старого капиталистического и царского рабства и создать железный фундамент нового государства, нового хозяйства, новой культуры свободного трудящегося человечества, — я уверен в том, что эта рабочая масса цели своей добьется и водрузит красное знамя труда над всем миром.

Товарищи, дело, которое делает по вашему полномочию Центральное Советское правительство, — трудное и ответственное дело, и я пользуюсь этим вашим громадным собранием для того, чтобы хотя в кратких чертах дать вам отчет в том, как мы, правительство, ведем порученное нам дело; к каким целям мы стремимся, какие достижения имеем, и какие трудности мы на своем пути видим.

Правительство Советов рабочих и крестьянских депутатов существует для того, чтобы вести трудящиеся массы во главе с пролетариатом к новой жизни. Вы знаете сами, как трудна эта дорога; вы знаете, что нам пришлось затратить массу труда; рабочему классу пришлось принести неисчислимые жертвы для того, чтобы отстоять самое право рабочей руки строить свое государство. Капиталистический мир, буржуазия, и наша и иностранная, отрицали за нами право строить собственное государство; они считали, что управлять имеют право только они; что

* Доклад на собрании рабочих Ленинских ж.-д. мастерских Ростовского узла 30 ноября 1925 г.

только они, люди белой кости, могут являться руководителями народа, а народ должен итти за ними. Мы в Октябре объявили войну этой великой лжи; мы заявили, что мы сами, рабочие и крестьяне, должны являться подлинными хозяевами всех народных богатств, всего государства и всего хозяйства.

И мы выдержали 4-летнюю гражданскую войну, нашествия русских и иностранных генералов, чтобы иметь право укреплять власть Советов. Эту задачу с великим трудом и с великими жертвами рабочий класс выполнил.

Но тогда встала пред ним новая задача: на развалинах старого строя построить новое социалистическое хозяйство; из той ямы, в которую ввергла нас империалистическая война и наступление империалистов на нашу страну,— подняться и итти вперед. И вот теперь, товарищи, вы имеете право и должны спросить нас, поставленное вами правительство: далеко ли мы ушли от той разрухи, от того разорения, от той нищеты, в которых мы были несколько лет тому назад.

И на этот ваш вопрос, товарищи, я могу ответить вам с полной уверенностью так, что мы перешли самые трудные рубежи, мы вступили на дорогу, которая открывает нам новые и новые победы.

Я могу поздравить вас с тем, что к концу этого года не будет на советской земле ни одной фабрики, ни одного завода, которые не работали бы полным ходом; не будет ни одного предприятия, которое не получило бы полной довоенной нагрузки. Не будет ни одного подлинного пролетария, который не был бы вовлечен в хозяйственно-производительную работу; не будет ни одной десятины земли, которая обрабатывалась до войны и потом была заброшена, которая вновь не стала бы обрабатываться к концу этого года.

К концу этого года мы залечим все раны, которые нанесла нам война и гражданская разруха, и достигнем во всех областях работы довоенного уровня.

И этот громадный шаг вперед — сделан энергией и организацией самого рабочего класса. Нам не только никто не дал ни копейки денег на то, чтобы поднять наше хозяйство; нам не только ни одно буржуазное правительство не предоставило никакого займа затем, чтобы обновить наши оборудования, чтобы снабдить крестьянство новыми машинами, но, наоборот, они, употребляли все усилия и всю свою силу к тому, чтобы мешать нам в этом деле. Ибо не было бы для всего капитализма большей радости, как если бы он мог, обернувшись к своим народным массам, сказать: «вот глядите на русских рабочих, они задумали жить без капиталистов, без хозяев, без буржуазии — и погибли в холоде и голоде». Если бы капиталисты могли это сказать своим народным массам,— делу рабочего класса во всем мире был бы нанесен удар непоправимый.

А теперь своими успехами мы наносим непоправимые удары всей системе капиталистов: эксплуатации и рабству. Ибо каждая новая фабрично-заводская труба, каждый новый выпущенный из нашей мастерской паровоз, каждый новый гуляющий по нашей земле трактор, — все это есть динамитный патрон, подложенный под самую основу капиталистического господства.

Все угнетенное человечество, миллионы людей, которые жили в рабстве и не видели света — они смотрят на нашу страну с биением сердца, с трепетом и думают: удастся ли нам здесь без старого командующего класса построить хозяйство и крепкую свою рабоче-крестьянскую страну. И если это дело будет доведено нами до конца, — а мы теперь с полной уверенностью можем сказать, что оно будет доведено до конца, — тогда неслыханная весть разнесется по всему мировому пролетариату, и каждый рабочий, как бы задавлен он ни был, как бы ни обманывали его буржуазия и II Интернационал, — он скажет: «если русские рабочие могут жить, существовать и улучшать свое положение, поднимать свою страну, строить новую культуру и новую жизнь, создавать для своих детей новые условия,—то почему не сможем сделать этого и мы?». И тогда придет последний час мировой буржуазии, и тогда настанет подлинная победа Красного рабочего знамени во всем мире.

Вот почему, товарищи, таким негодованием кипит против нас мировая буржуазия; вот почему она пытается чуть не каждый месяц придумывать новые и новые комбинации против нас; вот почему она все время пытается,—правда, до сего времени безуспешно—создать единый фронт всех капиталистических держав против нашей Республики. Они знают, что мы вступили на путь успехов; они знают, что каждый день будет подтверждать правильность нашего пути и укреплять силу рабоче-крестьянского государства. И они мечтают о том, чтобы сорвать наше мирное строительство, чтобы вложить палки в колеса того поезда социалистического строительства, который идет по СССР, управляемый пролетариями нашего Союза.

Вот почему мы должны быть на-чеку, вот почему мы должны построить на нашей границе гранитную стену — Красную армию, которая охраняла бы наш мирный труд. Вот почему на нас—на правительстве, поставленном вами, лежит обязанность употребить всю энергию на то, чтобы мирную передышку протянуть как можно дольше.

Вы в праве спросить нас: хорошо ли мы маневрируем, делаем ли мы все для того, чтобы оттянуть этот час столкновения, чтобы укрепить симпатии трудящихся масс всего мира к нам, чтобы связаться с международным пролетариатом и революционным Востоком, чтобы они держали крепко за руки нашего врага, не позволяя ему обрушиться на нас?

И в ответ на этот ваш законный вопрос я от имени правительства говорю вам: весь наш разум направлен на то, чтобы обеспечить нашему пролетариату и крестьянству мир и мирный труд; на то, чтобы оттянуть нападение на нас, если оно неизбежно; на то, чтобы каждый день мирной передышки употребить на укрепление нашего положения внутри и вовне, чтобы каждый день этой передышки употребить на укрепление международного рабочего движения и революционного движения в колониальных странах, чтобы безумная рука той или другой империалистической державы или их подсобников, если бы она поднялась на нашу Республику,—встретила бы такой громовой единодушный отпор, чтобы у кого бы то ни было пропала всякая охота мешать нам делать наше мирное дело, строить социализм.

И мы можем, товарищи, гарантировать вам, несмотря на кипящую против нас ненависть капиталистов, несмотря на то, что английские консерваторы прилагают все усилия к тому, чтобы окружить нас железным кольцом своих наемников, несмотря на то, что капиталистический мир с завистью и злобой глядит на наше дело,—мы можем гарантировать вам мирный труд, мирную работу, с полной уверенностью, что в тот момент, когда понадобится дать отпор врагам рабочего и крестьянского дела в нашей стране—мы будем все так же едины на фронте обороны своей Республики, как мы сейчас объединены в проведении мира и мирной политики.

Товарищи, обеспечивая себе этот мир, мы направляем все усилия к тому, чтобы использовать эту мирную передышку для укрепления нашего хозяйства. И вы сами видите плоды этих усилий. Вы сами можете сравнить картину нашей страны, наших городов и деревень в 20—21—22 годах и в этом году. И сравнивая эти две картины, вы увидите и почувствуете, какой громадный шаг вперед сделан нашим хозяйством и в городе и в деревне.

Это развитие носит бурный характер.—Мы прибавляем улучшения большими дозами. Нет ни одной отрасли хозяйства—возьмем ли мы добычу топлива, металлургию, текстильную промышленность, нефтяную промышленность или какую-либо другую,—которая за последние годы не дала бы 30—40% роста.

И этот подъем, это развитие идет таким твердым шагом, основано на таком твердом фундаменте, что мы смело говорим вам, товарищи, что этот наступающий год будет годом дальнейшего подъема во всех областях хозяйства. Мы к концу года увеличим в полтора, а в некоторых случаях и в два раза нашу продукцию, и также будет увеличиваться основная база всего нашего строительства, всего нашего государства—промышленный пролетариат.

Еще 2—3 года тому назад крупная промышленность, не считая транспорта, имела полтора-два миллиона пролетариев, и эти полтора-два миллиона были тем костяком, вокруг которого нарастало, развивалось все наше государственное, профессиональное, кооперативное, культурное и хозяйственное строительство. И вот за последний год в наши ряды влились новые полмиллиона пролетариев.

И в наступающем году этот рост пролетарского класса будет увеличиваться, а вместе с его ростом растет и его активность, его сплоченность и организованность.

Именно из рядов пролетариата, только пролетариата должны мы черпать подлинных руководителей государственной и хозяйственной работы. Вы знаете, что старые руководители старого государства и старого хозяйства черпались из специальных учебных заведений, где дворянские и буржуазные сыновья получали специальное образование, чтобы властвовать над народом. Мы, товарищи, не имеем другого резервуара, из которого можно было бы черпать новый командный состав нашего государства и наших предприятий, как только рабочий класс.

Наш великий учитель, имя которого с честью носит ваше предприятие, ваши мастерские,—Владимир Ильич Ленин (аплодисменты) недаром говорил, что Советская власть потому так хороша, что она дает доступ к управлению государством любому трудящемуся человеку; что советское государство уничтожает стену между теми группами, которые командуют наверху, и теми массами, которые трудятся и работают на предприятиях. Эта стена сломана, и сломана навсегда.

Мы говорим: если вы хотите хорошего государственного аппарата, если вы хотите хороших директоров наших предприятий, если вы хотите хороших молодых советских инженеров, агрономов, докторов; если вы хотите хороших руководителей кооперации, хороших руководителей профсоюзов—выдвигайте их из своей среды.

Мы знаем, как знаете и вы, все недостатки, которые еще имеются в нашем строе. Основной из наших недостатков, это—бедность нашей страны. Да, мы дошли до довоенного уровня, да, мы подняли промышленность, предприятия и сельское хозяйство, да, мы сделали многое, сделали силами рабочего класса,—но даже когда мы полностью дойдем до довоенного уровня, то ведь это будет дореволюционный уровень старой России, уровень отсталости культурной и технической, уровень низкой потребности и низкого удовлетворения. Нам не этот уровень нужен: для нас это только первая ступень, когда мы выходим из глубокой ямы, откуда нам трудно было вылезать, и многие обломали себе пальцы и хранят следы кровавых ран, холода и голода, которые мы перенесли, чтобы выбраться из этой ямы.

И вот теперь, когда мы поднялись, то мы все-таки достигли только того уровня, который у нас был перед войной. А нам этого мало: нам надо теперь от этой первой ступени итти вперед и вперед, итти быстрыми шагами, чтобы нас не обгоняла мировая техника и мировое хозяйство, чтобы нас не обгоняли буржуазные государства. Мы имеем для этого все данные: в нашей стране, которая принадлежит трудящимся, хранятся неисчислимые богатства; мы прогнали прочь тех пиявок, которые высасывали кровь из народа. Теперь мы спешим быстрым шагом наверстать то, что не было и не могло быть сделано при старом строе.

Для этого нам нужен прочный союз между рабочими и крестьянами, нужно, чтобы наша промышленность получила подлинное развитие, чтобы она расширялась, давала дорогу новым и новым кадрам пролетариата; чтобы понижалась себестоимость продукции промышленности и повышалась заработная плата рабочего класса. Надо, чтобы масса продукции все время увеличивалась и увеличивалась.

Основным потребителем нашей продукции является многомиллионное крестьянство,— а бедное крестьянство, разоренное, неразвивающееся, не будет в состоянии потреблять продуктов нашей промышленности, оно будет жить попрежнему в старых курных избах, не употреблять сельско-хозяйственных орудий, если оно будет бедно. Нам, пролетариям, надо не такое крестьянство, не такая нищая, обедневшая деревня; нам нужна деревня поднимающаяся, растущая, более культурная, которая потребляла бы больше железа, больше машин, больше мануфактуры, больше всевозможной продукции, которую вырабатывают городские пролетарии на фабриках и заводах. И чем больше будет расти крестьянский спрос, чем более культурно будет жить крестьянин, тем более прочный фундамент будет под расцветом нашей промышленности.

Вот та глубокая связь между интересами рабочих и крестьян, вот тот фундамент, который положен в основу нашего Союза—два трудящихся класса: крестьянин на земле и рабочий на фабрике и заводе, в шахтах и рудниках,—они составляют подлинный костяк всего нашего государства.

Мы знаем, товарищи, что наша промышленность, несмотря на ее развитие, на громадное движение вперед, не может еще до сих пор удовлетворить полностью крестьянский спрос. Наша страна поднялась, никто не хочет жить так, как он жил раньше, и он прав: народ стал культурнее, требовательнее; он хочет лучше питаться, лучше одеваться, лучше воспитывать детей, иметь лучшую квартиру. Поэтому того, что мы производим, еще недостаточно. Поэтому на нашем рынке сейчас ощущается нехватка металла, нехватка текстиля, мануфактуры, нехватка сахара, нехватка обуви, ибо мы не поспеваем за ростом потреб-

ности нашей страны: потребность растет быстрее, чем мы можем вырабатывать продукты. И основная задача советского правительства в данный момент заключается в том, чтобы напрячь все силы для того, чтобы разрыв между потребностями страны и тем, что вырабатывает наша государственная промышленность, был устранен.

А как это можно сделать? Для дальнейшего разворачивания промышленности необходимо вложить новый капитал, переоборудовать предприятия, поставить новые машины. И вот, несмотря на ограничение средств, которыми мы можем располагать, мы в этом году, обсудив наш бюджет, решили, что новые 800—900 миллионов рублей должны быть вложены в новое промышленное строительство, капитальный ремонт промышленных предприятий и в его переоборудование.

И только тогда, когда эта задача будет выполнена, когда действительно фабрики и заводы будут работать полным ходом, когда рядом со старым будет создаваться новое, тогда на каждый крестьянский спрос будет готов ответ: «есть, готово, подают». Вот когда эти продукты будут дешевле, только тогда, действительно, мы выполним ту задачу, которая перед нами стоит: только тогда развернется целиком широкий подъем нашей страны; только тогда страна начнет богатеть изо дня в день.

Я вам скажу, товарищи, что мы вполне уверены в том, что тот темп развития, который мы имели за последний год, та быстрота восстановления, быстрота оборудования—это только начальная быстрота. Наши машины только еще начинают раскачиваться, а когда дело пойдет полным ходом, тогда мы наше социалистическое строительство сильно двинем вперед. Тогда скажут: да, русский пролетариат не только сумел старый строй разрушить, он и новое государство строит, показывает пример для всего мира, указывает дорогу для всех революционных масс.

Но кроме этой хозяйственной задачи, которая перед нами стоит, имеется еще одна задача, которая ясно перед нами вырисовывается. И об этой задаче сказал в своих последних письмах Владимир Ильич, уже на смертном одре обдумывая тот путь, по которому пойдет весь трудовой народ, который он послал на восстание, который он возглавлял в продолжение самых трудных лет нашей революции.

Он написал в одной из своих статей, что нам нужна, помимо всего того, что мы сделали и делаем, еще культурная революция, т. е. ожесточеннейшая систематическая, постоянная борьба с тем невежеством, неграмотностью, темнотой и предрассудками, которые коренятся, главным образом, именно в крестьянской среде.

Машина—лучший просветитель, и заводский рабочий, работающий в городе, в коллективе со своими товарищами, около

техники, которая представляет величайшие завоевания человеческого коллективного ума, культурнее, чем крестьянин; эти машины и этот труд уничтожают предрассудки, суеверия, невежество, заставляют учиться и участвовать в общей народной и пролетарской жизни.

Не так идет дело в деревне, в глухих, заброшенных углах, где человек ковыряется над кусочком земли, не видит результатов современной техники, а ковыряет по-стародедовски на своем трехполье. Вот где тот враг, который не вооружен, который не наступает, но который, как тяжелая гиря, висит на наших ногах и удерживает наши движения вперед. Этому врагу мы должны объявить борьбу, и руководителем в этой борьбе должен явиться тот же городской пролетарий, как действительный руководитель и организатор крестьянских масс.

Крестьянские массы сильны количеством, но они слабы своей темнотой, распыленностью и неорганизованностью, а пролетарии, рабочий класс — как будто капля в этом крестьянском море. Его сила не в его количестве, а в его сплоченности, в его классовом сознании. Вот почему постоянно и во всем руководящая роль выпадала на долю рабочего класса. Вот почему только когда широкое массовое крестьянское движение возглавлялось и руководилось пролетариями старой классовой выучки, только тогда это движение побеждало.

Если мы свалили царя, затем свалили капиталистов и отбили наступления Колчака и Деникина, то это только потому, что широкое крестьянское движение в этот момент организовалось, возглавлялось и руководилось испытанным пролетариатом — и в деле дальнейшего строительства будет то же самое. Всей народной толщей мы должны разрешать эту новую задачу. В случае если будет неизбежна массовая борьба, то пролетарий-массовик, который в общении с товарищами научился солидарности, дисциплине,— он явится руководителем и организатором крестьянской массы, он должен будет стоять и во главе вот того похода против невежества и темноты, который Советская власть ведет изо дня в день.

Товарищи, еще одно, на что я хочу вам, от имени правительства, указать. Мы имеем своей задачей привлечь как можно более широкую массу к вопросам государственного и хозяйственного управления.

Вы знаете, что Советская власть именно за последний год кинула лозунг: «оживление советов», «оживление профсоюзов».

Чем подсказаны эти лозунги? Тем, что страна наша, поднимаясь, становясь немножко сытее, — не скажу, чтобы она была сыта, она сытее, чем была года 2 тому назад, а до полной сытости придется еще совместно поработать, — крепче чувствует себя на ногах. Все оживляется, все становится бодрее, энергичнее;

все начинает думать, размышлять над стоящими вопросами, над недостатками, которые имеются в нашем государственном управлении. И вот, путем оживления советов и путем оживления профсоюзов, мы хотим привлечь широкие беспартийные массы и, в первую очередь, рабочий класс к делу государственного управления.

Товарищи, ваши мастерские образцовы во многих отношениях, и между прочим и в том, что у вас здесь, как рассказывали ваши товарищи, около 30% коммунистов. Это высокий процент. Но если вы посмотрите, какой процент мы — коммунисты — составляем во всей стране, то увидите, что нас немного и что мы были бы безумцами, если бы мы все хотели сделать своими руками. Нет, так нельзя.

Мы знаем: поскольку нам доверяет широкая беспартийная масса, рабочие и крестьяне, — мы можем быть руководителями и указывать пути, но строить социализм, поднимать хозяйство нужно не одними руками коммунистов, а руками всей рабочей массы, которая была бы активна и понимала, что, ведя свою работу на том посту, на котором она работает, она выполняет теперь не какую-нибудь чужую работу, а выполняет дело в интересах всего рабочего класса.

Вот почему мы — коммунисты — провозгласили лозунг: «оживление советов» и «оживление профсоюзов», превращая эти рабочие и крестьянские организации в подлинных руководителей государственной и хозяйственной жизни страны.

Чем большая масса рабочих, старых и молодых, рабочих-мужчин и работниц-женщин пройдет через эти организации, будет на этом сначала малом деле понимать общие положения страны, тем более она, как по ступенькам, поднимется вверх и возьмет в свои руки управление государством.

Вы видите, товарищи, я не скрываю от вас наших недостатков, я не пришел к вам, пролетариям, к тем рабочим, которые провели Октябрьскую революцию, которые имеют ныне славу не только в России, но и во всем мире, говорить о том, чего мы с вами достигли. Вы люди трезвые, люди реальной жизни, вы знаете сами, чего вы достигли.

Я должен сказать, что задачи наши не закончены. Мы не собираемся сложить руки и сказать, что все хорошо. Мы собираемся вести борьбу в дальнейшем за улучшение положения рабочего класса, за улучшение положения многомиллионного крестьянства, за поднятие хозяйства нашей страны, за поднятие просвещения и за поднятие культуры.

Но я говорю вам, что этого мы одни своими руками никогда не сделаем, что это можно сделать только сплотившись воедино всему рабочему классу и взяв на себя руководство всем крестьянским и рабочим делом.

Я могу выразить полную уверенность, что прошлая история,— то, что мы перенесли в продолжение этих 8-ми лет — дает полную гарантию в том, что дальнейшая задача также будет выполнена.

Те пролетарии, которые прошли 17 — 18 — 19 и 20-й годы, которые на фронтах сражались с контр-революцией, которые голодали, которые видели голод своих жен и ребят, — они не могут бояться никаких трудностей.

То, что предсказывал Владимир Ильич Ленин, действительно осуществляется на деле. Правда, не в те сроки, как бы хотелось, обваливается капиталистический мир, но каждый, кто смотрит в газеты и чует шаги истории, видит, что этот капиталистический мир с момента империалистической войны шатается на всех своих основах и каждый день ему наносит — то в Марокко, то в Сирии, то в Китае, то в Египте, то в Индостане — все новые и новые удары под самую основу капиталистического мира в лице вспыхивающих восстаний.

Этот мир шатается, но новый мир, мир рабочего класса, трудящихся рождается в муках, с трудом и с ошибками. А как же без ошибок? Если начали строить государство, начали делать дело, от которого веками нас отстраняли, если делаем мы это дело только 8 лет, т.-е., с точки зрения истории, один маленький момент, как же тут не быть ошибкам? Ошибки были и будут.

Вопрос в том, где правильный путь и как исправлять эти ошибки. Правильный путь намечен не одной гениальной головой тов. Ленина, он намечен коллективным разумом и волей всего рабочего класса, и исправление ошибок лежит в руках рабочего класса, перед которым нет заграждений, который может и должен поправлять ошибки, который может и поставлен вести крестьянство в борьбе за социализм.

Чем больше рабочие будут вмешиваться в дела своих беспартийных и партийных организаций, в дело государственного строительства, чем больше будут исправлять ошибок, — тем скорее добьемся победы.

Мы — коммунисты, — призвав вас, товарищи-рабочие, в Октябре на восстание, на низвержение всего старого мира, никогда не скрывали от вас, что это задача трудная.

Но позвольте сказать, что те успехи, которых мы достигли за этот короткий срок, больше даже того, на что мы могли надеяться; и эти успехи будут расти с быстротой, которой мы до сего времени не встречали. И тогда наступит момент, когда рабочие всего мира скажут: «да, русский пролетарий строит то здание государства и хозяйства, которое должно быть домом для всего рабочего класса». Это будет час нашего общего торжества.

*

Позвольте мне, товарищи, выразить полную уверенность, что пролетарии Ростова, имеющие славную революционную историю и великие заслуги перед пролетарской революцией в России и во всем мире, такой же дружной семьей, такой же крепкой опорой будут служить для советского правительства, для его руководителя, Коммунистической партии, и в будущем.

Позвольте мне, в заключение моего краткого отчета, воскликнуть: «Да здравствуют пролетарии Ростова и всего СССР!» (Гром аплодисментов.)

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИМЕЧАНИЯ К XII ТОМУ.

[1]) Лимит — от слова — лимитировать, ограничивать. В данном случае означает крайнюю цену на хлеб, которую установило государство в период хлебозаготовительной кампании 1924 г. и выше которой хлебозаготовители не должны были платить. В действительности лимитные цены в 1924 г. являлись стержнем, вокруг которого хлебные цены колебались вверх и вниз в зависимости от различных условий. Задача лимитной политики заключалась в том, чтобы не дать возможности поднять чрезмерно цену на хлеб и, таким образом, сорвать твердый денежный знак.

[2]) II Интернационал — иначе — «Международное Товарищество Рабочих». Образовался в 1889 г. после 17-летнего перерыва с момента распада I Интернационала, основанного Марксом в 1864 году и распавшегося в 1872 г. после поражения «Парижской Коммуны». II Интернационал не связал социалистические партии разных стран в одну рабочую партию, т. к. решения его не были обязательными для отдельных партий. В деятельности его можно различать два периода: до начала 900-х годов в нем преобладала революционная точка зрения — на конгрессах принимались решения о невозможности сотрудничества с буржуазией, недопустимости вхождения в буржуазные правительства, протесты против войны и вооружений. Им установлено международное празднование 1-го Мая. Но как только пришлось переходить от резолюций к практическим действиям, мелкобуржуазные элементы, вошедшие в мирную эпоху во II Интернационал, шатнулись вправо. С 1904 года, с первой русской революции, во II Интернационале получается засилье оппортунистических (соглашательских) элементов — центр, с Каутским во главе. В 1914 году обнаруживается полнейший крах II Интернационала. Бо́льшая часть партий, отказавшись от классовой борьбы, стала на точку зрения гражданского мира и защиты «отечества», изменив резолюциям своих же конгрессов — Штуттгартского, Копенгагенского и Базельского. Отдельные вожди оказались участниками империалистических правительств. Это предательство рабочих интересов давало полное основание называть II Интернационал — «Желтым Интернационалом». Война 1914 г. прекратила его существование. После войны оппортунистические остатки попытались оживить этот труп и он сейчас существует как левое крыло буржуазии. Революционные элементы II Интернационала во главе с т. Лениным уже с начала войны 1914 г. подняли голос за организацию действительного Коммунистического Интернационала.

Коммунистический Интернационал организовался окончательно в 1919 году.

[3]) «Лига Наций» — организация, созданная после войны 1914 г. якобы для того, чтобы впредь улаживать конфликты между государствами мирным путем. СССР не признает Лиги Наций, ибо считает, что коренные противоречия капиталистического строя не могут быть разрешены

мирным путем, поскольку затрагиваются интересы господствующих классов в их погоне за сверх-прибылью; что Лига Наций служит лишь орудием господства стран-победительниц и орудием обмана народных масс. Доказательством этому являются войны: Турции с Грецией, Армении с Грузией, Румынии с Венгрией. Лига Наций не могла их предотвратить. Больше того: они были не чем иным, как «пробным шагом», «прощупыванием» друг друга крупными державами, руководящими Лигой Наций.

За последнее время, в особенности после того, как на Локарнской конференции был решен вопрос о вхождении в Лигу Наций Германии — усилились зазывания СССР в Лигу Наций.

Эти зазывания, само собой разумеется, должны остаться безрезультатными, ибо: во-первых, войдя в Лигу Наций, мы тем самым содействовали бы поднятию ее авторитета и, стало-быть, усилению вредных пацифистских иллюзий, не изжитых еще некоторыми слоями рабочих Западной Европы; во-вторых, СССР всегда был бы в Лиге Наций в одиночестве и, в случае каких-нибудь новых потрясений, большинство Лиги Наций стало бы единодушно выступать против СССР; в-третьих, войдя в Лигу Наций, мы взяли бы на себя долю ответственности за ее грабительские империалистические деяния по отношению к угнетенным колониальным народам, и в-четвертых, самое главное, мы связали бы себя по отношению к революционному движению, ликвидировали бы СССР как плацдарм мировой социалистической революции. Поэтому позиция СССР по отношению к Лиге Наций не может быть изменена.

[4]) Амстердамский Интернационал — международное объединение профессиональных союзов, организовавшееся после окончания империалистической войны в феврале 1919 г. С самого начала руководителями его оказались социал-соглашатели (Жуо, Удегест и др.). Политика Амстердамского Интернационала основывалась на отрицании необходимости пролетарской диктатуры и сводилась к тактике примирения с капитализмом и сотрудничества с буржуазией. Так, например, он принимал самое близкое участие в работах Бюро Труда при Лиге Наций. Амстердамский Интернационал претендует на роль единственного представителя мирового профдвижения. Между тем, на ряду с ним существует Профинтерн, объединяющий революционные профсоюзы, и целый ряд союзов, не входящих ни в тот, ни в другой Интернационал. За последний год широко развернулась борьба за единство мирового профдвижения, начавшаяся по инициативе советских профсоюзов. Эта борьба встретила горячий отклик у рабочих всего мира, а особенно в Англии, где тред-юнионы (английские профсоюзы) высказались за единство. Результатом присоединения английских профсоюзов к борьбе за единство явилось создание Англо-Русского Комитета, куда входят представители английских и советских профсоюзов.

Вожди Амстердама всячески саботируют борьбу за единство. Они отказываются от всяких переговоров с русскими профсоюзами, заявляя, что последние могут войти в Амстердамский Интернационал, если примут его устав и подчинятся ему. Такое решение вопроса является, конечно, совершенно неприемлемым для наших союзов.

Единственно приемлемым для нас и достигающим своей цели путем, для достижения единства, является роспуск и Амстердамского Интернационала и Профинтерна и создание нового единого Интернационала Профсоюзов.

[5]) Генуэзская конференция. — Генуэзская конференция европейских держав была созвана 10 апреля 1922 г. (в Италии) для обсуждения вопроса о восстановлении хозяйства Европы после мировой войны 1914 г. На этой конференции впервые после войны участвовала побежденная Германия (Вирт) и Советская Россия (Чичерин). В центре работ Генуэзской конференции стоял русский вопрос, в котором капиталистические

державы стремились добиться восстановления в России частной собственности иностранцев и признания старых русских долгов. Франция и Бельгия были непримиримы в этих вопросах, Англия, Италия соглашались на частичное восстановление и на частичную уплату долгов. Русская делегация отклонила оба эти вопроса, считая, что долги покрыты расходами Сов. России на борьбу с блокадой и интервенцией. Генуэзская конференция работала почти $1^1/_2$ мес. в пустую. Советской России она дала то, что был заключен договор признания и сотрудничества с Германией— Рапальский договор.

[6]) Стабилизация капитализма — укрепление, восстановление устойчивости капиталистического мира. Хозяйственный и политический кризис создал революционную обстановку в Западной Европе в конце 1923 г. (Германия, Польша и др. страны). Некоторый подъем хозяйства, — явившийся следствием, главным образом, получения займов из Америки— в конце 1924 и 25 гг. не мог не повлиять на отлив революционной волны на Западе.

Эти явления, оцененные Коминтерном и нашей партией как временная и частичная стабилизация капитализма, многие склонны были рассматривать как длительную стабилизацию, отодвигающую революцию на десятки лет.

Последние события полностью отвергают эту точку зрения. Финансовый кризис во Франции, промышленный кризис и колоссальный рост безработицы в Германии, финансовый крах Польши, война в Китае, Сирии, Марокко показывают, что «стабилизация» является еще более «частичной и временной», чем это предполагала даже наша партия.

[7]) Консерваторы — буквально — защитники старых порядков, противники нововведений. В Англии это самая реакционная партия, состоящая из помещиков, высшего чиновничества, духовенства, биржевиков. Твердо стоит на защите старых устоев капитализма, империализма и военщины. Представители — Чемберлен и Болдуин.

[8]) Пацифистская эра — дословно «мирный период» — «мирное время». В начале 1924 г. в Европе, когда буржуазия увидела, что с рабочим движением нельзя справиться открытыми фашистскими (черносотенными) способами, она выдвинула вперед свое «левое» крыло в лице социал-демократии и наиболее левых буржуазных партий, допустив их к управлению: Макдональд в Англии, Эррио во Франции, Давидович в Юго-Славии и т. д. Социал-демократы оценили этот поворот как наступающую длительную эпоху мира и сотрудничества.

Никакого «соглашательства», никакой мирной эры на самом деле не наступило. «Рабочее» правительство Макдональда скоро сменило реакционнейшее правительство Болдуина. Точно также оказались недолговечными левые правительства Франции, Юго-Славии и др. Вместо пацифистской эры в этом году мы имеем почти непрекращающиеся военные действия между ставленниками различных государств в Китае, войну в Марокко, в Сирии, при чем ко всем этим «пацифистским» деяниям приложили свою руку и левые правительства.

[9]) Взрыв собора в Софии (Болгария). — 16 апреля 1925 г. в соборе во время панихиды по убитом фашисте Георгиеве, на которой присутствовало все правительство, генералы и знатные фашисты, взорвались две адские машины, установленные под крышей собора. Обвалившимся куполом и потолком убито около 150 человек и несколько сот ранено, в том числе несколько министров. Висельнический режим правительства Цанкова, доведший массы трудящихся до отчаяния, толкнул их на террористическое выступление. После взрыва по всей стране прокатилась волна белого террора. Все руководители рабочего и крестьянского движения повешены; преданы смертной казни тысячи рабочих и крестьян. В особенности пострадала коммунистическая партия.

[10]) Антанта — по-французски значит «согласие».

«Державы Согласия» — Англия, Франция, Бельгия, Италия и царская Россия заключили между собой союз во время мировой войны 1914 г. в противовес Германии и ее союзникам. Союз (кроме России) сохранился и после войны с целью совместного ограбления Германии. Это не мешает союзникам при каждом удобном случае подставлять друг другу ножку и готовить вооружения на случай войны между собой.

«Малая Антанта» — союз Румынии, Чехо-Словакии и Юго-Славии — родное детище Антанты Большой, созданное ею для борьбы против СССР и других захватнических целей.

[11]) План Дауэса — проект решения вопроса о получении контрибуции с Германии союзниками-победителями. Принят конференцией в Лондоне 1923 г. Дауэс — американский генерал, агент миллиардера Моргана.

Сущность плана заключается в следующем: 1) жел. дор. изымаются из ведения германского правительства и передаются в управление специальному обществу, которое выпускает на сумму 26 миллиардов (стоимость герман. ж. д.) золотых марок акций и облигаций (закладных листов). Этим самым союзники получают право на бо́льшую половину акций, т. е. становятся хозяевами железнодорожной сети Германии и, кроме того, получают ежегодно свыше $1/2$ миллиона золотых марок процентов. Совет «Общества жел. дорог Германии» состоит из 18 человек (9 от германского правительства и 9 от союзников) под управлением комиссара Репарационной комиссии;

2) для оздоровления германской денежной системы в целях усиления платежеспособности Германии организуется «Новый банк» сроком на 50 лет с смешанным капиталом в 400 миллионов зол. марок. В течение 50 лет банк имеет исключительное право на выпуск бумажных денег взамен уничтожаемых прежних. Банк совершенно независим от контроля германского правительства.

3) Для оздоровления хозяйства Германии предоставляется заем в 800 миллионов зол. мар. При чем эти деньги остаются в виде вкладов в заграничных банках, а под их обеспечение выпускается 2 миллиарда банковых билетов, которые передаются германскому правительству.

4). Главным источником платежей, по плану Д., являются налоги, которые усиливаются, в особенности косвенные, на водку, пиво, сахар, табак и т. д.

По этому плану Германии придется выплачивать только наличными: за 1925 г. — 1 миллиард з. м.; за 1926 и 27 гг. по 1220 милл. з. мар.; за 1928 г. — 1750 мил., за 1928 г. 2500 милл. зол. мар. и т. д.

План Дауэса обращает Германию в колонию американского капитала и всей тяжестью ложится на трудящихся, которые обращаются в колониальных рабов Америки. Зарплата германского рабочего в 4 раза ниже американского и более чем в 2 раза ниже английского.

[12]) О цифрах ЦСУ. Эти цифры, огромная практическая важность которых ясна для каждого, вызвали со стороны НКРКИ обследование методов их составления и проверку самих данных специальной комиссией. Комиссия внесла ряд поправок и уточнений в цифры ЦСУ, отметила значение продажи хлеба беднотой (с последующими превышающими продажу покупками) и т. д.

Цифра 14%, приводимая в тексте, охватывает вместе с действительным кулачеством — количество которого можно определить в 3—4% — также значительный слой зажиточного крестьянства, стоящего на грани между типическим середняком и оформившимся кулаком.

[13]) Академия Наук — ученое учреждение; в России открыта в 1725 г. при Екатерине I под названием: «Академия Наук и курьезных художеств».

[14]) Декабристы — тайное общество наиболее передового дворянства — офицерства, возникшее на почве осознания невыгодности крепост-

ного труда, тяжести крепостничества и абсолютной монархии для дальнейшего развития России. Несомненно, находились под влиянием идей Великой французской революции и Наполеоновских войн, а также французских материалистов и просветителей. Общество декабристов было не однородно по программе и методам борьбы, делилось в основном на Северное и Южное общество.

Северное (в Петербурге) выдвигало программу ограниченной дворянской монархии с высоким избирательным цензом, освобождение крестьян с одной усадьбой и огородом без земли. Его тактика выявилась в восстании 14 декабря 1825 года на Сенатской площади — боязнь обращаться к массам солдат, а тем более крепостных крестьян, пропаганда в узком кругу, довольно мирная демонстрация во время коронации 14 декабря с тем, чтобы толкнуть царя на путь конституции. Несмотря на то, что в их руках находилась часть войск, они не пустили их в дело даже тогда, когда царские войска открыли стрельбу.

Южное общество, во главе с Пестелем,—более демократическое, предлагавшее демократическую республику со всеобщим избирательным правом. Пестель предлагал освобождение крестьян с землей, часть земли национализировать с тем, чтобы государство ею распоряжалось для нужд развития культуры. Члены вели пропаганду в войсках и в конце декабря 1825 г. подняли восстание на юге в Черниговском полку. Многие умерли смертью героев. Часть декабристов казнена, другая сослана в Сибирь. Несомненна связь декабристов с торгово-промышленными кругами Питера.

[15]) **Всеобщая октябрьская стачка 1905 года** — явилась результатом постепенно нараставшей волны забастовочного движения по всей России перед октябрем 1905 г. Во всеобщую превратилась благодаря включению в забастовочную волну железных дорог. Стачка приняла явно политический характер и остановила всю экономическую жизнь России. Правительство пошло на известные уступки, опубликовав манифест 17 октября о «свободах». Во время забастовки происходили вооруженные столкновения во многих городах. Октябрьская всеобщая стачка сыграла огромнейшую роль в революционной борьбе, показав первый раз мощь и силу рабочего класса и приведя к созданию С. Р. Деп.

[16]) **Вооруженное восстание на Красной Пресне** явилось наиболее ярким эпизодом декабрьского восстания в Москве 1905 года. Когда вся Москва артиллерийским и пулеметным огнем Дубасова уже была приведена в спокойствие, Красная Пресня все еще оставалась «цитаделью» восставших рабочих.

«Пресня была у всех на устах, она давала массам бодрость и силу продолжать почти безнадежную борьбу, и если бы не было Пресненского эпизода, вооруженное восстание в Москве закончилось бы гораздо раньше»,— говорит один из участников декабрьского восстания.

Несколько сот дружинников при поддержке рабочих отбивались от артиллерии Дубасова под руководством представителей Московского Комитета большевиков Доссера («Леший») и Литвинова («Седой»). После упорного сопротивления, во время которого дружинники проявили стойкость, дисциплинированность и преданность рабочему делу, они были разбиты. Пресня своим геройским сопротивлением заслужила название «Красной». Меньшевики осудили декабрьское восстание словами Плеханова: «не нужно было браться за оружие».

[17]) **Фашизм** — контр-революционное буржуазное движение. Название происходит от итальянского слова «фашио» — союз, т. к. это движение возникло в Италии после окончания мировой войны. Союзы фашистов ставят своей задачей борьбу с социализмом и революцией. Фашизм возник в период обострения революционного движения, когда буржуазия, для подавления пролетариата, отказывается от «нормальных» демократических форм своего господства и устанавливает свою открытую дикта-

туру. Деятельность фашистов выражается в открытых выступлениях против рабочих и беднейших крестьян, в убийствах и истязаниях коммунистов и социалистов, в разгроме профсоюзов, рабочих газет, кооперативов и т. п. Часто кроме буржуазии в фашистские организации входят несознательные, отсталые рабочие. Из Италии фашизм распространился по всему миру. Так, например, в Америке существует их организация — «Куклуксклан», в Германии — «Оргеш», в Бельгии — «Гражданская гвардия», в Испании — «Соматен».

[18]) Активный торговый баланс. — Страна имеет в международной торговле активный торговый баланс, если она вывозит товаров на бо́льшую денежную сумму, чем ввозит, благодаря чему при расплате у нее остается излишек золота, который она ввозит из-за границы. Если ввоз в страну больше вывоза и золото вывозится из страны для оплаты разницы, то это будет пассивный торговый баланс.

При активном торговом балансе излишек золота не всегда ввозится в данную страну, потому что она в свою очередь может расплачиваться с иностранцами (контрибуции, проценты по долгам и проч.) на гораздо бо́льшую сумму, чем ей осталось от торговли.

Общий расчет между странами называется платежным балансом, который может быть и активным и пассивным.

Для укрепления хозяйства СССР сейчас нужен активный торговый и также платежный баланс.

[19]) Мирный договор, подписанный 28 июня 1918 г. в Версале (Франция) державами Антанты и Германией после империалистской войны 1914 — 18 гг. По этому договору Германия лишалась части своих владений в Европе (Эльзас-Лотарингия, Познань, Данциг), всех колоний; ограничивала численность армии, лишалась воздушного флота, отдавала Антанте бо́льшую часть военного флота, часть торгового, часть подвижного ж.-д. состава и выплачивала контрибуцию в 90 миллиардов зол. марок. Такой грабеж оказался не по силам Германии и разрушил ее хозяйственную жизнь, что в свою очередь отразилось также и на хозяйстве стран-победительниц.

[20]) Превентивная война — дословно — предупредительная война, под каковой понимается война, намеренно провоцируемая одним государством в виду того, что усиление врага угрожает ему в будущем войной в условиях худших чем те, которые складываются в данный момент. Так, в 1756 году Фридрих Великий, король прусский, начал войну (так называемую «Семилетнюю») против Австрии, как превентивную, в виду полученных им сведений о формировании против него большого военного союза (Австрии, Франции и России). В 1859 году Австрия вела превентивную войну против Пьемонта (тогда королевство на севере Италии) с целью воспрепятствовать национальному объединению Италии, что угрожало в будущем более тяжелой для Австрии войной с объединенной Италией. В настоящее время рост рабочего движения на Западе, усиление Коминтерна, укрепление экономической и политической мощи Советского Союза может поставить буржуазию перед мыслью о превентивной войне против СССР.

[21]) Гоминдан — революционная партия в Китае, основанная в 1900 г. Сун-Ят-Сеном. По своему существу эта партия мелко-буржуазная и объединяет, главным образом, интеллигенцию, студенчество, мелких торговцев, а также передовые слои крестьянских масс. Ставит своей задачей национальное освобождение Китая от иностранного капитала и образование в стране республиканско-демократического строя. При слабости рабочего движения и слабости коммунистической партии — Гоминдан фактически является единственной партией, которой возглавляется вся освободительная борьба Китая. Гоминдан в своей борьбе ориентируется на СССР. За последнее время, в связи с развитием революционной борьбы, от партии

откололась правая часть, что означает очищение партии от буржуазных попутчиков.

[22]) Тред-юнионы—название профсоюзов в Англии. Английские тред-юнионы возникли в XVI в. и считаются самой древней профорганизацией. По своему существу они являются узко-цеховыми организациями, ставящими своей целью оказание взаимопомощи членам, улучшение условий труда, самообразование. Тред-юнионы долго отказывались от политической борьбы, считая, что бороться за изменение капиталистического строя не входит в их обязанности. Во главе тред-юнионов стоит слой «рабочей аристократии», часто подкупаемый капиталистами и подкармливаемый за счет усиленной эксплуатации колониальных рабочих. Эти элементы являются опорой Второго Интернационала и Амстердамского профессионального объединения. Последнее время наблюдается усиленный рост политического сознания рабочих, входящих в тред-юнионы. Левая, более революционная часть профсоюзов во главе с Перселем организовала, совместно с Всеросс. Центр. Советом Професс. Союзов, объединенный «Англо-Русский Комитет».

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН.

(В алфавитном порядке.)

Адлер, Виктор — старый австрийский социал-демократ; редактор социал-демократической газеты «Рабочая Газета». Один из видных членов II Интернационала.

Брандлер — видный деятель германского рабочего движения. Во время войны 1914 г. выступал против нее вместе с Розой Люксембург и Карлом Либкнехтом. Один из организаторов Германской коммунистической партии. Стоял во главе партии с 1922 г. до поражения германской революции осенью 1923 г. Известная доля вины за поражение падает на Брандлера и его группу, так как она не сумела использовать в тот момент непосредственную революционную ситуацию. Кроме того, находясь в течение одиннадцати дней во главе правительства Саксонии, группа Брандлера не использовала своей власти для вооружения революции, а вела «парламентскую канитель» с социал-демократами. Партия и Коминтерн осудили линию поведения Брандлера и его группы.

Вандервельде — член социалистической партии Бельгии; один из виднейших вождей II Интернационала. Во время войны 1914 г. был королевским министром и агитировал за поддержку в войне русского царя. С той же целью — добиться поддержки империалистической войны приезжал в Россию после февральской революции. В 1922 г. приезжал в РСФСР защищать на суде социалистов-революционеров, стараясь обелить их контрреволюционную деятельность. Непримиримый враг Советской власти.

Варский — старый коммунист, соратник Р. Люксембург, один из руководителей Польской коммунистической партии.

Врангель — барон, один из видных генералов белой армии. В 1919 г. руководил действиями белой армии под Царицыном. После разгрома Деникина принял на себя «верховное командование всеми вооруженными силами Юга России» и обосновался в Крыму. После отчаянного сопротивления в начале ноября 1920 г. был выбит Красной армией с Крымского полуострова и с остатками своих войск бежал в Турцию.

Галилей Галилео — знаменитый итальянский ученый, математик и физик, живший с 1564 г. по 1642 г. Изобретатель воздушного термометра, телескопа и первого микроскопа (1612 г.). Был привлечен к суду духовенством за приверженность к еретическому учению Коперника, доказавшего, что не солнце движется вокруг земли, а наоборот — земля вращается вокруг солнца. Был заточен в тюрьму и ослеп.

Гинденбург — немецкий генерал, бывший главнокомандующим немецкой армией в 1916 — 17 гг. Гинденбург прославился главным образом своими победами над царской армией в Восточной Пруссии. Эти победы сделали Гинденбурга чрезвычайно популярным среди патриотических кругов Германии. В апреле 1925 г. Гинденбург, ярый монархист, был выбран президентом республики.

Гогенцоллерны — династия, фамилия бывших королей Пруссии, с 1871 г. ставших императорами Германии. Последний император — Вильгельм II.

Гучков — вождь крупной буржуазии. Организатор партии октябристов, которая поддерживала столыпинский режим. Организатор военно-промышленных комитетов во время войны 1914 г. В 1917 г. — военный министр Временного Правительства. Сейчас в эмиграции.

Джордано Бруно — великий итальянский мыслитель-философ, живший с 1548 до 1600 г. За свое учение был отдан на суд духовенству (инквизиция). После семилетнего тюремного заключения сожжен на костре.

Дзержинский, Ф. Э. — Род. в 1877 г., умер в 1926 г. Старый партийный работник. Начал революционную деятельность в 90-х гг.; в 95 г. вступил в литовскую с.-д. партию, работая в литовских и польских организациях; участвовал на конференции с.-д. Польши и Литвы в 1902 г. С 1905 г. работал в качестве главного члена Правления с.-д. Польши и Литвы; участвовал на Стокгольмском объединенном съезде Р. С.-Д. Р. П. и входил в ЦК партии, как представитель польской с.-д. Подвергаясь неоднократно арестам, ссылкам и заключениям, был освобожден из московского Централа только революцией. В Октябрьскую революцию входил членом в Воен.-Рев. Комитет. С 1917 г. состоял бессменным членом ЦК РКП и работал все время на ответственнейших постах Сов. Правительства: сначала в качестве организатора и председателя ВЧК, затем — Наркомвнудел, Наркомпути и, наконец — предс. ВСНХ и предс. ОГПУ.

Дидро — французский ученый, философ, живший в 1713—1784 г. За свои выступления против бога и духовенства был заключен в тюрьму.

Думерг — президент Французской республики, сменил Мильерана, бывшего президентом до 1924 г.

Евдокимов, Г. Е. — Родился в 1884 г. — с.-д. большевик, рабочий; работал в качестве матроса, чернорабочего, с.-х. рабочего, фрезеровщика на ленинградск. заводах. В партии состоит с 1903 г. За участие в революционном движении несколько раз подвергался арестам и ссылкам, член ЦК РКП.

Жорес — один из вождей французского социалистического движения. Не марксист; поддерживал Мильерана, когда тот получил от буржуазии пост министра. Основатель известной социалистической газеты «Человечество». Всю жизнь боролся с милитаризмом (военщиной), отстаивая идею организации народной милиции против постоянной армии, сокращения сроков военной службы, вооружения. Предательски убит за день до начала мировой войны 1914 г. из боязни его влияния на широкие массы.

Кембэлл — член ЦК Английской коммунистической партии, редактор еженедельника партии «Уоркерс Уикли».

Керенский — присяжный поверенный, лидер «трудовиков» в 4-й Гос. Думе. После февральской революции 1917 года был министром юстиции, а потом военным министром и премьером во Временном Правительстве, где проводил буржуазную политику, отстаивая лозунг «война до победы». В Октябре 1917 г. пытался сопротивляться, но, покинутый сторонниками, бежал за границу. Все время агитировал за интервенцию и против признания СССР. Принадлежал к партии социалистов-революционеров и сейчас примыкает к самой правой группе ее.

Керзон, лорд — вождь консерваторов в Англии, заядлый империалист. В кабинете Ллойд-Джорджа был министром иностранных дел; организатор интервенции и блокады против Советской России. В 1922 году своим знаменитым ультиматумом хотел спровоцировать войну СССР с Англией. Умер.

Колчак — адмирал, командовал Черноморским флотом до революции. Организатор контр-революции в Сибири в после-октябрьский период. В ноябре 1919 г. объявил себя «верховным правителем России». На деньги Антанты ему удалось организовать армию, которая на короткое время захватила Сибирь и Урал. Колчака поддерживало так называемое «Учре-

дительное Собрание», или, вернее, эс-эровско-меньшевистские остатки его, которых Колчак разогнал при первом удобном случае. Крестьянство, находившееся в армии Колчака, скоро поняло, что защищает не свои интересы, стало бежать из армии и организовывать партизанские отряды. Нажим Кр. армии ускорил разложение армии Колчака. В феврале 1920 г. Колчак захвачен в плен и расстрелян по постановлению Иркутского Ревкома.

Кулидж. — В 1920 г. избран вице-президентом С.-А. С. Ш., со смертью Гардинга в 1923 г. стал президентом республики. При выборах в ноябре 1924 г. переизбран президентом. Кулидж — член республиканской (реакционной) партии, противник признания СССР. В последнее время под давлением реальных интересов буржуазии его позиция по отношению к СССР несколько изменяется.

Лаплас — знаменитый французский ученый, математик и астроном, живший в конце XVIII века. Очень много работал по теоретической астрономии и небесной механике. Создал теорию, объясняющую происхождение солнечной системы и земли.

Леви, Пауль — бывший член союза «Спартак», участник Циммервальдской и Кинтальской конференций; впоследствии член ЦК и председатель ЦК Германской коммунистической партии, член президума II конгресса Коминтерна. В 1920 г. поддержал Серрати (вождя итальянской соц. партии), отказавшегося выполнить требование Коминтерна о разрыве с реформистами. В 1921 г. во время мартовского выступления немецких рабочих занял неправильную позицию по отношению к этому выступлению и выступал с возмутительными нападками против Советской России и РКП, вследствие чего был исключен из партии. В настоящее время — член с.-д. партии Германии.

Ллойд-Джордж — виднейший политический деятель Англии. Либерал, нарушивший пресловутые английские «свободы» во время войны 1914 г. проведением жестокого империалистического режима. Будучи председателем министров, вместе с Клемансо навязал знаменитый Версальский мир побежденной Германии. Помогал организовать блокаду и интервенцию против Сов. России. Инициатор Генуэзской конференции. Сейчас видной роли не играет; примыкает к правому крылу либеральной партии.

Майер, Роберт — выдающийся немецкий врач и естествоиспытатель, один из основателей механической теории теплоты. Жил с 1814 по 1878 г.

Макдональд, Рамзей — главный вождь английской «Независимой Рабочей Партии». Старый оппортунист, соглашатель. Во время войны 1914 г. агитировал за мир, за что сидел несколько месяцев в тюрьме. В 1920 г. вместе со своей партией вышел из II Интернационала и вошел в $2^1/_2$-й Интернационал, но потом вскоре опять вернулся обратно. С января по октябрь 1924 г. стоял во главе английского рабочего правительства, где проводил не пролетарскую, а буржуазную политику.

Мильеран — недавний президент Французской республики (ушел в июне 1924 г.). Бывший социалист — теперь самый ярый реакционер и вождь французской буржуазии. Один из первых социалистов, вступивших на путь измены пролетариату и сотрудничества с буржуазией; получил пост министра в буржуазном правительстве еще в 1899 г.

Милюков — виднейший вождь русской буржуазии, лидер кадетской партии, профессор-историк. Выдающийся идеолог русского империализма В войну 1914 года вел агитацию за захват Дарданелл, за что получил кличку «Милюков-Дарданельский». После февраля 1917 г. был министром иностранных дел. Знаменитая нота 18 апреля, в которой Милюков заверял союзников, что он будет вести войну до победного конца, вызвала волнения среди трудящихся масс и солдат. В августе 17 года поддерживает Корнилова, а после Октября активно участвует в организации контр-революции. За границей все время проповедывал интервенцию. Теперь Милюков возглавляет левое крыло кадетской партии.

Ньютон — знаменитый английский математик, умерший в 1727 г. Дал основания для развития аналитической механики и астрономии; открыл закон всемирного тяготения; изобрел усовершенствованный телескоп.

Персель — председатель Амстердамского Интернационала, бывший председатель Генерального Совета конгресса английских трэд-юнионов. Представитель левого крыла английского профсоюзного движения, один из наиболее последовательных сторонников мирового единства профдвижения. Персель возглавлял английскую делегацию, совершившую поездку по СССР и выпустившую потом чрезвычайно благоприятный отчет о нашей Республике. Был одним из инициаторов создания Англо-русского комитета единства, членом которого он состоит.

Пуанкаре — крупнейший вождь буржуазии во Франции. Будучи президентом, являлся вдохновителем и организатором империалистской войны 1914 г., за что получил название: «Пуанкаре-Война». В 1922 г. союзом партии промышленных королей и французской биржи был посажен на кресло премьер-министра для организации экономического грабежа Германии, что он блестяще выполнил своей знаменитой оккупацией Рурского угольного бассейна в январе 1923 г.

Сокольников, Г. Я. — (р. 1888 г.) — с.-д. большевик с 1905 г. До 1907 г. работал в Московской организации в качестве организатора и агитатора. С 1909 г. до революции 1917 г. находился в эмиграции в Швейцарии, Италии, Бельгии, Франции. С февраля 1917 г. в России — агитатором Моск. обл. Бюро РКП, членом редакции «Правды», чл. ЦК. После Октября руководил работой по национализации банков, участвовал в Брестской мирной конференции. В гражданскую войну — член Реввоенсовета и командующий на Колчаковском, Деникинском и др. фронтах. В 1920 г. — председатель Туркестанской комиссии. С конца 1921 г. до 1926 г.— в Наркомфине: членом коллегии, Замнаркомом и наконец Наркомом. Стабилизация советской валюты проводилась под его непосредственным руководством.

Сун-Ят-Сен — вождь китайского революционного движения, вождь первой революции. Еще в 1907 г. он поднял восстание в южных провинциях, но оно окончилось неудачно. Сун-Ят-Сен бежал в Америку, где организовал революционную молодежь для революционных выступлений. В 1911 году он руководит революцией, приведшей к республике, а Суна к посту президента. Во время гражданской войны в Китае с 1918 г. он становится во главе временного революционного правительства (Кантонского в Южном Китае) и руководит почти в течение 6-ти лет борьбой трудящихся масс против империалистических генералов. Сун-Ят-Сен является организатором партии «Гоминдан». Под влиянием революционной борьбы и связи с СССР, которую поддерживал все время Сун-Ят-Сен, партия превращается из узкой, почти заговорщической, в партию, охватывающую широкие массы трудящихся. Сун умер от тяжелой болезни в начале 1925 года. Его похороны превратились в грандиозную демонстрацию трудящихся масс против империалистов. Имя Сун-Ят-Сена, как борца против империализма, известно всем колониальным народам Востока.

Фроссар — французский социалист, бывший народный учитель. В 1919 году, после раскола французской социалистической партии, с большинством вошел во французскую коммунистическую партию и являлся ее главным руководителем до 1923 года, когда вышел из партии.

Хеглунд — руководитель Шведского Союза Молодежи перед войной 1914 г. Во время войны вел энергичную борьбу против нее и против социал-патриотов. После измены II Интернационала Хеглунд примыкал к Циммервальдской левой, руководимой т. Лениным. С организацией Шведской Компартии был ее руководителем. Последнее время вернулся обратно к социал-демократии.

Чемберлен — с ноября 1924 г. министр иностранных дел в консервативном правительстве Болдуина. Сорвал англо-русский договор, подписан-

ный Макдональдом. Вдохновитель анти-советской кампании и инициатор международного анти-советского блока. Попытки Чемберлена создать такой блок летом 1925 г. не увенчались успехом. Вдохновитель конференции в Локарно (ноябрь 1925 г.), направленной своим острием против СССР.

Чжан-Цзо-Лин — китайский генерал-губернатор двух северных провинций: Манчжурии и Монголии. Богатейший помещик и крупнейший капиталист, участвует во всех торговых и промышленных предприятиях своих провинций и имеет свой собственный банк. Стремится к восстановлению самодержавной, военной монархии. Находится под влиянием Японии и защищает ее интересы в Китае, как в борьбе с другими державами: Англией, Америкой, Францией, так и с революционным Китаем, который хочет освободиться от всякого империализма, в том числе и японского. Япония заинтересована в захвате северных хлебородных провинций, так как ей своего хлеба не хватает, и провинций с залежами железной руды, которой тоже у Японии нет.

Шейдеман — после смерти Бебеля в 1912 г. — вождь германской социал-демократии. Перед войной был выбран вице-президентом германского рейхстага, как представитель с.-д. фракции. С начала и до конца войны занимает последовательную оборонческую позицию, голосует в рейхстаге за военные кредиты и призывает рабочих к гражданскому миру и защите отечества. Всячески стремится предотвратить надвигающуюся революцию. После ноябрьской революции 1918 г. использует свое влияние в массах для того, чтобы сохранить власть в руках буржуазии. Был руководителем с.-д. большинства на съезде советов, передавшего власть в руки Учредительного Собрания, т.-е. в руки буржуазии. Один из руководителей разгрома выступления рабочих в январе 1919 г., во время которого были убиты К. Либкнехт и Р. Люксембург. В 1919 г. был поставлен буржуазным большинством Учредительного Собрания во главе коалиц. правительства. В последние годы Шейдеман, чрезвычайно скомпрометированный в глазах рабочих масс, не играет руководящей роли в с.-д. партии и занимает скромную должность обер-бургомистра в г. Касселе.

Эберт — бывший президент Германской буржуазной республики. Бывший шорник, социал-демократ, сотрудничавший до империалистической войны с Бебелем. Во время войны—вдохновитель социал-патриотов. В 1923 г. рабочие Берлина требовали исключения его из с.-д. партии и профсоюза, как врага рабочего класса. Умер.

Эррио — вождь мелкобуржуазной партии радикал-социалистов, один из наиболее левых ее представителей. Эррио одним из первых высказался за признание СССР и совершил поездку в Москву. В 1924 г. Эррио встал во главе совета министров. В бытность Эррио главой правительства Франция признала СССР. Нерешительность политики Эррио, гл. обр. в финансовых вопросах, и натиск правых привели в апреле 25 г. к падению кабинета Эррио. В настоящее время Эррио — председатель палаты депутатов и мэр города Лиона.

Юденич — старый царский генерал, главнокомандующий во время империалистической войны Кавказским фронтом, прославившийся погромами и насилиями над турецким населением. В 1919 г. командовал армией «Северо-Западного Правительства», организованного англичанами в Эстонии. Предпринимал дважды поход на Красный Петроград, подходя второй раз почти к самому Петрограду (Пулково, в нескольких верстах от Петрограда). Разбитый на голову красными войсками, принужден был отступить и эвакуироваться в Эстонию, а затем после подписания Эстониею с Сов. Россией мирного договора (2 февраля 1920 г.) — за границу.

Юз — бывший государственный секретарь (министр иностранных дел) Соединенных Штатов Сев. Америки. Ярый враг СССР и противник его признания. В конце 1924 г. вышел в отставку, замещен Келлогом.

ДИАГРАММЫ И ТАБЛИЦЫ

ДИАГРАММА № 1.

ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ.

Диаграмма показывает: во-1-х, рост денег, выпущенных в обращение, из месяца в месяц, начиная с января 1923 г. (смотрите нижний столбик), когда денежное обращение составляло 117 милл. червонных рублей, и кончая 21-м января 1925 года, когда сумма денежного обращения достигла 731 милл. рублей (цифры, расположенные с правой стороны диаграммы, показывают суммы денег в обращении; с левой — наименование месяца); во-2-х, каждый столбик в отдельности показывает проценты каждого вида денег в общей месячной сумме обращения. Объяснения, какой знак соответствует отдельному виду денег, например, совзнак — сплошной черный цвет, смотрите внизу диаграммы.

Таблица к диаграмме № 1.

Денежное обращение.

	Сумма ден. обращения (с округл. до милл.)	Банкноты.	Совзнаки.	Казн. валюта.	Казн. вал. обмен. фонд.	% участия в обращении.			
	В милл. руб. черв.					Серебро.	Разменные знаки.	Медь.	Сертифик. НКПС.
1923 г. Январь . . .	117	3	97	—	—	—	—	—	—
Февраль . . .	135	6,3	93,7	—	—	—	—	—	—
Март	151	10,6	89,4	—	—	—	—	—	—
Апрель . . .	174	14,7	85,3	—	—	—	—	—	—
Май	170	22	78,0	—	—	—	—	—	—
Июнь	171	27,7	72,3	—	—	—	—	—	—
Июль	189	37,1	62,9	—	—	—	—	—	—
Август . . .	222	50,0	50	—	—	—	—	—	—
Сентябрь . .	247	66,3	33,7	—	—	—	—	—	—
Октябрь . . .	264	78,4	21,5	—	—	—	—	—	0.1
Ноябрь . . .	305	73,6	25	—	—	—	—	—	1,4
Декабрь . .	303	74,6	23,8	—	—	—	—	—	1,6
1924 г. Январь . . .	304	77,8	19,1	—	—	—	—	—	3,1
Февраль . . .	311	83,4	12,6	—	—	—	—	—	4,0
Март	359	80	8,12	5,46	—	1,06	0,01	—	5,35
Апрель . . .	398	73,9	3,9	13,7	—	2,5	0,8	—	5,2
Май	446	67,6	—	19,1	3,3	2,9	2,4	—	4,7
Июнь	473	60,6	—	26,2	2,1	3,5	3,3	—	4,3
Июль	490	60,9	—	29,2	1,2	4,3	3,8	—	0,6
Август . . .	523	57,6	—	31,0	0,9	6,6	3,9	—	—
Сентябрь . .	582	56,9	—	31,0	0,8	7,3	3,9	—	—
Октябрь . . .	622	55,6	—	32,4		7,9	4,08	0,02	—
Ноябрь . . .	678	55,01	—	32,2		8,73	4	0,06	—
Декабрь . . .	721	55,4	—	31,3		9,4	3,8	0,1	—
1925 г. Январь . . .	731	53	—	31,8		11,3	3,7	0,2	—

ДИАГРАММА № 2.

ДВИЖЕНИЕ ПОКУПАТЕЛЬНОЙ СИЛЫ ЧЕРВОННОГО РУБЛЯ в %%.

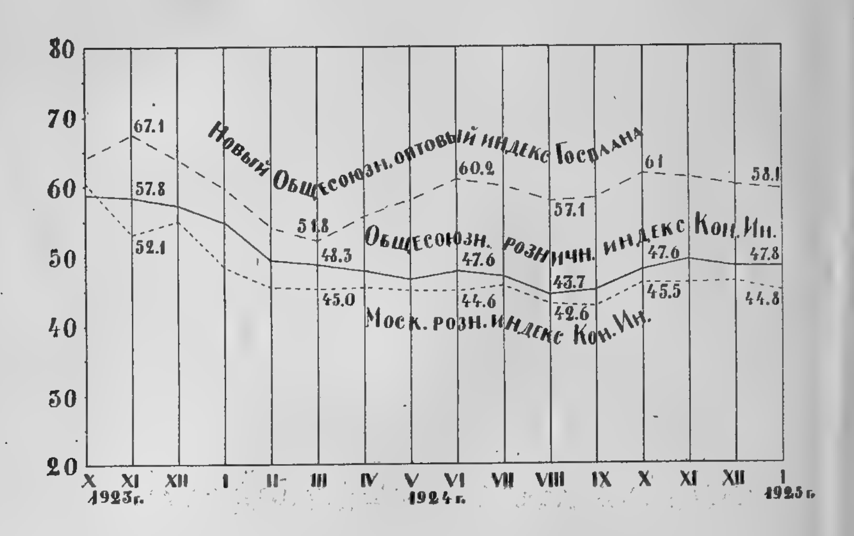

Диаграмма показывает движение из месяца в месяц реальной стоимости червонного рубля (месяцы обозначены внизу диаграммы римскими циф. рами) в процентах по отношению к стоимости рубля довоенного времени т.-е. сколько стоит червонный рубль в данное время, или, вернее, сколько дают на червонный рубль товаров, если перевести цены товаров, купленных на один червонный рубль, к их довоенной стоимости; скажем к примеру: пуд ржи по оптовому индексу Госплана на 1-е января 1925 г. стоит один червонный рубль в определенном месте, а нам известно, что в 1913 г, в том же месте платили по 58,1 коп. за пуд ржи, следовательно, покупательная сила червонного рубля достигла таким образом 58,1% покупательной силы довоенного рубля. Следовательно, кривые показывают движение покупательной силы червонного рубля по отношению к оптовым или розничным ценам на товары.

Таблица k диаграмме № 2.

Движение покупательной силы червонного рубля за 1923/24 хоз. год в %.

(Довоенная покупательная способность рубля принята за 100%.)

Сроки.	По новому общесоюзному индексу Госплана.	По общесоюзн. розничн. индексу Конъюнктурного Института.	По московскому розничному индексу Конъюнктурного Института.
1923 год.			
1-е октября	63,7	58,5	60,6
1-е ноября	67,1	57,8	52,1
1-е декабря	63,7	56,8	54,6
1924 год.			
1-е января	59,2	54,3	47,8
1-е февраля	53,5	48,8	45,0
1-е марта	51,8	48,3	45,0
1-е апреля	55,2	47,4	45,2
1-е мая	57,1	46,1	44,6
1-е июня	60,2	47,6	44,6
1-е июля	59,2	46,5	45,2
1-е августа	57,1	43,7	42,6
1-е сентября	57,8	44,8	42,4
1-е октября	61,0	47,6	45,5
1-е ноября	61,0	48,3	45,7
1-е декабря	59,5	47,8	45,5
1-е января 1925 г.	58,1	47,8	44,8

ДИАГРАММА № 3.

ГОДОВЫЕ БЮДЖЕТЫ

1913 г., 1922 — 23, 1923 — 24, 1924 — 25

(современ. бюджеты в миллион. черв. рублей).

ДОХОДЫ **РАСХОДЫ**

1913

Доходы: 3.152
Чрезв. рессурс. 11
Пошлин. 189
Прям. налог. 221
Госимущ. 317
1034 трансп. и связь
1380 косв. налоги

Расходы: 2.793
14 сельско-хоз
23 промышл.
234 синод., имп. двор и винн. мон.
361 фонды и займы
459 адм. хоз.
782 оборона
транcп. и связь 920

1922-23

Доходы: 1.322.8
Пр чрезв. рессурсы 8
Пошлины 22
Госимуществ. 49
Кредит. операц. 82
Косв. налоги 165
Прям. налоги 220
Трансп. связь 392
Эмиссия 394

Расходы: 1336
24 стр. и электриф.
50 сельское хоз.
117 фонды и займы
120 промышл.
205 оборона
284 адм. хоз., культ.
535 трансп. связь

1923-24

Доходы: 1.917
Пр. чрезв. ресс. 57
Пошлины 66
Госимущ. 131
Кредит. опер. 191
Эмиссия 196
Прям. налог 292
Косв. налоги 308
Транспорт. связь 676

Расходы: 1.921
47 строит. и электриф.
60 сельское хоз.
94 промышл.
211 фонды и займы
390 адм. хоз., культ.
394 оборона
725 трансп. св.

Продолжение диаграммы № 3.

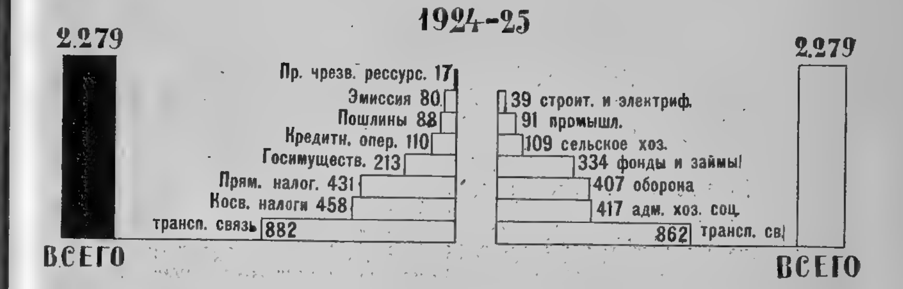

Диаграмма № 3 позволяет сравнивать наши бюджеты с бюджетом довоенного времени и бюджеты отдельных годов между собой. Общие суммы доходов и расходов показаны столбиками, помещенными с правой и левой стороны диаграммы, при чем над этими столбиками проставлены цифры в миллионах червонных рублей, а высота столбика соответствует росту цифры. Средние, расположенные одни над другими, столбики показывают, как распределялись доходы и расходы в каждом году, о чем сделаны соответствующие надписи. Сравнивать нужно так: возьмем расход 1913 г. на сельское хозяйство, он выражался в 14 милл. рублей того времени, а расход на сельское хозяйство (см. столбики 1924 — 25 г., третий сверху) в 1924 — 25 г. составит 109 милл. рублей.

Таблица к диаграмме № 3.

Годовы[illegible]юджеты.

1913 г. (данные предварительные) по территории ныне занимаемой СССР [illegible]з расходов, переданных на местные средства. 1922—23 г., 1923—24 г. и 1924—25 г. (современные бюджет[illegible]миллионах червонных рублей).

ДОХОДЫ	1913 г.	$^0/_0$ к итогу.	1922—23 г.	$^0/_0$ к итогу.	1923—24 г.	$^0/_0$ к итогу	1924—25 г.	$^0/_0$ к итогу
ВСЕГО	3.152	100	1.333	100	1.917	100	2.279	10[illegible]
А. Обыкновен. доходы:								
1. Прямые налоги	221	7	220	16,5	292	15,3	431	18,[illegible]
2. Косвенные налоги	1.380	43,8	165	12,4	308	16	458	20,[illegible]
3. Пошлины	189	6	22	1,7	66	3,4	88,5	3,[illegible]
4. Транспорт и связь	1.034	32,8	392	29,4	676	35,3	882,5	38,[illegible]
5. Госуд. имущества	317	10,0	50	3,7	131	6,8	212	9,[illegible]
Итого обыкн. доходов	3.141	99,6	849	63,7	1.473	76,8	2.072	90,[illegible]
Б. Чрезвычайные доходы:								
1. Кредитн. операции (займы)	—	—	82	6,1	191	10	110	4,[illegible]
2. Эмиссия (за 1924/25 — монетн. доход)	—	—	394	29,6	196	10,2	80	3,[illegible]
3. Прочие	—	—	8	0,6	57	3	17	0,[illegible]
Итого чрезвычайных доходов	11	0,4	484	36,3	444	23,2	207	9,[illegible]
От платежных обязательств	—	—	51	—	187	—	—	—

РАСХОДЫ.	1913 г.	$^0/_0$ к общ. итогу.	1922—23 г.	$^0/_0$ к общ. итогу	1923—24 г.	$^0/_0$ к общ. итогу.	1924—25 г.	$^0/_0$ к общ. итогу.
ВСЕГО	2.793	100	1.336	100	1.921	100	2.278	100
1. Сельское хозяйство	14	0,5	50,5	3,8	60	3,1	108	4,8
2. Фонды и займы	361	12,9	117	8,7	211	11,0	334	14,6
3. Промышленность, строительство и электрификация, восстановительные работы в Ленинграде	23	0,8	144	10,8	141	7,3	130	5,7
4. Оборона	782	28	205	15,3	394	20,6	407	17,9
5 Транспорт и связь	920	32,9	535,5	40,1	725	37,8	882	38,7
6. Административно-хозяйственные, культурные и социальные нужды. (В 1913 г. сюда же входят расходы на содержание синода, императорского двора и вин. монополии.)	693	24,9	284	21,3	390	20,3	417	18,3
Оплата платежных обязательств Центрокассы	—	—	16	—	187	—	—	—

ДИАГРАММА № 4.

КРЕДИТ.

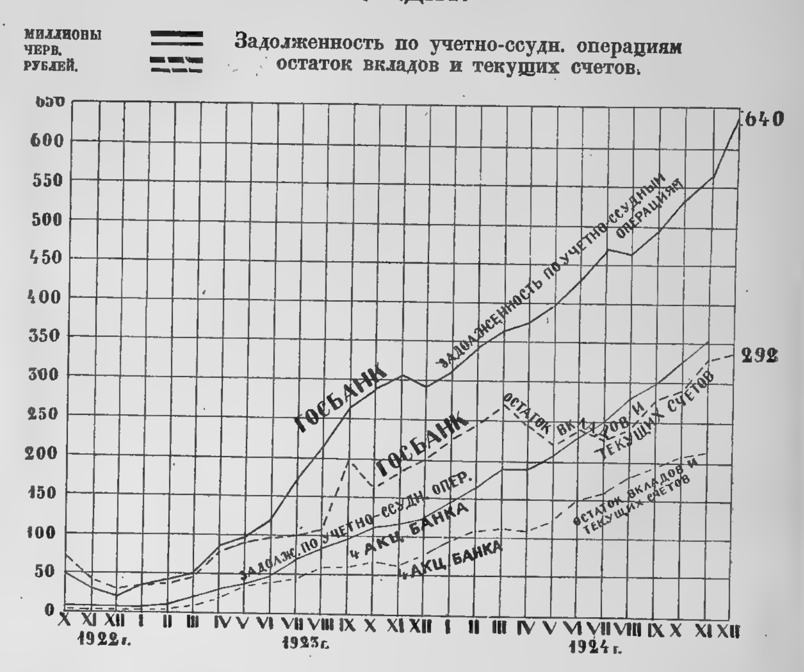

Диаграмма № 4 показывает, как растет из месяца в месяц (месяцы обозначены снизу) кредит, как в части задолженности отраслей народного хозяйства Госбанку и 4-м акционерным банкам (Промышленный банк, Российский Коммерческий банк, Всероссийский Кооперативный и Центральный Сельскохозяйственный), так и в части вкладов, поступивших в эти банки. Цифры левой стороны диаграммы обозначают в миллионах черв. рублей уровень, на котором находится задолженность или вклады, а кривая линия, поднимаясь или опускаясь, показывает этот уровень; например: задолженность Госбанку в октябре 1922 г. составляла сумму в 50 милл. рублей, а в декабре 1924 г. задолженность достигла 640 милл. черв. рублей.

Таблица к диаграмме № 4.

Задолженность отраслей народного хозяйства банкам: Государственному, Торгово-Промышленному, Российскому Коммерческому и Всероссийскому Кооперативному, в общей сумме, по данным банков, в абсолютных (в миллионах руб.) и относительных числах.

	1 января 1923 г.		1 апреля 1923 г.		1 июля 1923 г.		1 октября 1923 г.		1 января 1924 г.		1 апреля 1924 г.		1 июля 1924 г.		1 октября 1924 г.		1 января 1925 г.	
	Абсолютно.	Отн. в %.	Абсолютно.	Отн. в %.	Абсолютно.	Отн. в %.	Абсолютно.	Отн. в %.	Абсолютно.	Отн. в %.	Абсолютно.	Отн. в %.	Абсолютно.	Отн. в %.	Абсолютно.	Отн. в %.	Абсолютно.	Отн. в %.
1. Гос. промышленн.	12,3	55,9	33,5	49,5	65,6	52,6	147,4	40,2	195,0	45,9	241,2	46,6	335,1	50,0	394,9	50,0	459,8	45.1
2. Гос. торговля	1,0	4,6	6,0	8,9	8,5	6,8	26,6	7,3	36,4	8,6	43,0	8,3	74,7	11,2	73,1	9,3	137,3	13,4
3. Транспорт	0,1	0,4	0,7	1,0	0,6	0,5	8,7	2,4	9,4	2,2	15,3	3,0	17,9	2,7	25,1	3,2	24,6	2,4
4. Сельск. хоз-во	—	—	—	—	—	—	1,1	0,3	0,7	0,2	1,3	0,2	1,1	0,2	1,4	0,2	66,9	6,5
5. Кооперация	7,8	35,5	18,4	27,2	28,1	22,5	85,2	23,3	76,4	18,0	116,9	22,6	133,3	19,9	153,9	19,5	161,1	15,7
6. Кредитн. учр.	0,5	2,3	3,6	5,3	9,6	6,9	21,8	6,0	23,1	5,4	39,6	7,7	45,8	6,8	67,6	8,6	81,4	8,0
7. Частн. лица и фирмы	—	—	1,1	1,6	0,8	0,6	28,3	7,7	18,3	4,3	19,6	3,8	12,9	1,9	12,9	1,6	13,4	1,3
8. Прочие	0,3	1,3	4,4	6,5	12,5	10,1	47,3	12,8	65,4	15,4	40,4	7,8	49,2	7,3	60,1	7,6	77,7	7,6
Итого	22,0	100	67,7	100	124,7	100	366,4	100	424,7	100	517,3	100	670,0	100	789	100	1022,2	100

Примечание. В ведомость включены сведения: На 1 января 1923 г. — по правл. Госбанка и Промбанка и сводн. по Всекобанку. На 1 апреля 1923 г. — по правл. Промбанка и сводн. по Госбанку и Всекобанку. На 1 июля 1923 г. — по правл. Госбанка и Промбанка и сводн. по Всекобанку. На 1 октября 1923 г. — сводные по 4 банкам (входит и Роскомбанк). На 1 января, 1 апреля, 1 июля и 1 октября 1924г. — сводные по 4-м банкам. На 1 января 1925 г. — сводные по 5-ти банкам (включен Центр. С.-Х. банк СССР).

ДИАГРАММА № 5.
ДОБЫЧА УГЛЯ
(с арендой, в миллионах пудов).

Диаграмма № 5 позволяет видеть как добычу угля в миллионах пудов по годам, изображенную в столбиках, помещенных с левой стороны диаграммы, так и добычу по месяцам (месяцы обозначены снизу, а кривые линии — ход добычи по месяцам) в каждом году в отдельности, и можно по высоте столбика и по цифре, надписываемой над ним, сравнить добычу 1913 г. с добычей за годы с 1920 по 1924, при чем эти цифры дают добычу за календарный год, т.-е. с января по декабрь включительно (так раньше считали), а последние два столбика за 1923 — 24 и 1924 — 25 взяты за хозяйственные годы с октября по сентябрь включительно, чтобы можно было сравнить 1923 — 24 г. и плановое предположение на 1924 — 25 год.

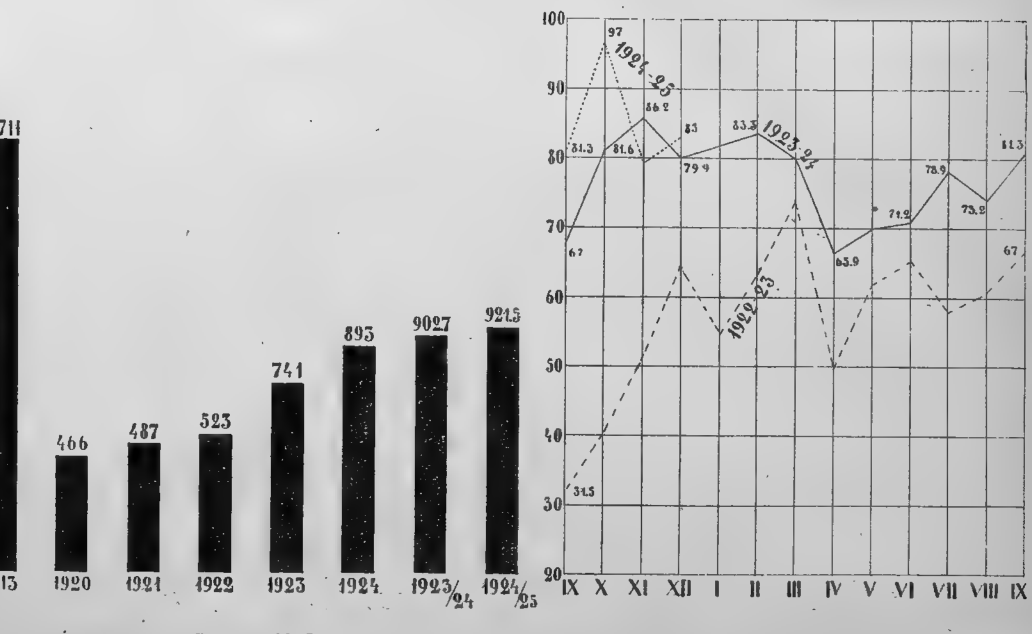

Таблица k диаграмме № 5.

УГОЛЬ.

Добыча государственной и арендованной промышленности.

Высота столбика—добыча календарного года.

1913 год . . . . . 1711 милл. пуд.
1920 » . . . . . 466 » » 27,2% от дов.
1921 » . . . . . 487 » » 28,5% » »
1922 » . . . . . 523 » » 30,5% » »
1923 » . . . . . 741 » » 43.3% » »
1924 » . . . . . 893 » » 52,2% » »

За хозяйственный:

1923/24 год . . 902,7 милл. пуд. 52,7% от дов.
1924/25 » . . 901,5 » » 53,4% » »
(по плану).

Помесячная добыча угля государств. промышленности (в тысячах пудов).

(Без арендованной у государства, добыча которой равняется в среднем 5 — 6 милл. в месяц) *).

	1922/23 г.	1923/24 г.	1924/25 г.
Октябрь	39.150	72.469	91.000
Ноябрь	49.336	75.482	72.400
Декабрь	61.883	72.572	77.470
Январь	51.871	75.028	—
Февраль	60.241	76.702	—
Март	69.782	74.014	—
Апрель	46.359	61.975	—
Май	57.618	65.393	—
Июнь	59.714	67.231	—
Июль	51.179	74.440	—
Август	53.396	69,056	—
Сентябрь	58.962	78.416	—
Итого	659.491	862.778	—

*) Для сравнения в помесячной кривой добычи промышленности вместе с арендой нужно к месячной цифре данной таблицы прибавлять 5—6 милл.

ДИАГРАММА № 6.
ДОБЫЧА НЕФТИ
(в миллионах пудов).

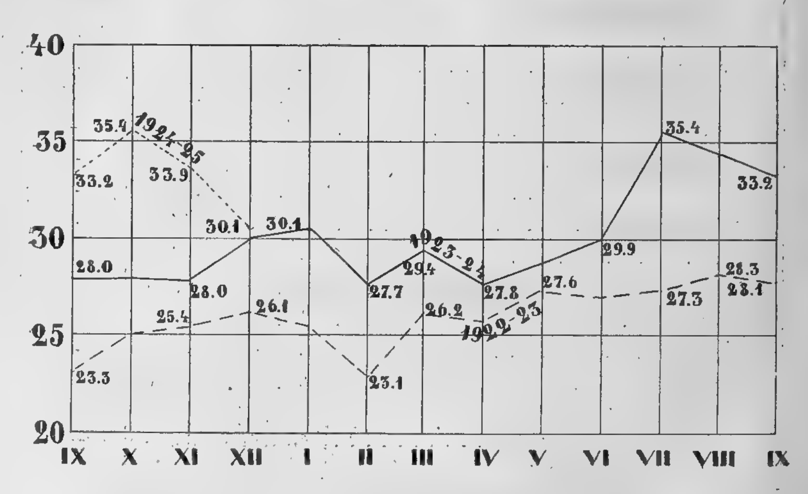

Диаграмма № 6 показывает добычу нефти. Правило пользования этой диаграммой такое же, как и в № 5.

Таблица к диаграмме № 6.

НЕФТЬ.

Добыча всей государственной и кустарной промышленности.

Высота столбика — добыча календарного года.

1913 г. . . . . 548 милл. пуд.
1920 » . . . . 233 » » 42,3% дов.
1921 » . . . . 239 » » 43,6% »
1922 » . . . . 293 » » 53,4% »
1923 » . . . . 327 » » 59,6% »
1924 » . . . . 380 » » 69,3% »

Захозяйственный:

1923/24 г. . . . . 369 милл. пуд. 66% дов. } Добыча государственной нефтяной промышленн.
1924/25 г. . . . . 417 » » 74% »
(по плану)

Помесячные данные добычи государственной нефтяной промышленности *).

(В тысячах пудов).

	1922/23 г.	1923/24 г.	1924/25 г.
Октябрь	25.195	28.131	35.400
Ноябрь	25.407	27.960	33.900
Декабрь	26.158	29.758	—
Январь	25.371	30.138	—
Февраль	23.149	27.748	—
Март	26.234	29.410	—
Апрель	25.770	27.753	—
Май	27.573	28.679	—
Июнь	26.960	29.901	—
Июль	27.264	35.387	—
Август	28.278	34.539	—
Сентябрь	28.038	33.210	—
Итого	315.398	362.614	—

*) Данные уточнены по последнему статистическому подсчету.

ДИАГРАММА № 7.
МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОЕ ПРОИЗВОДСТВО.

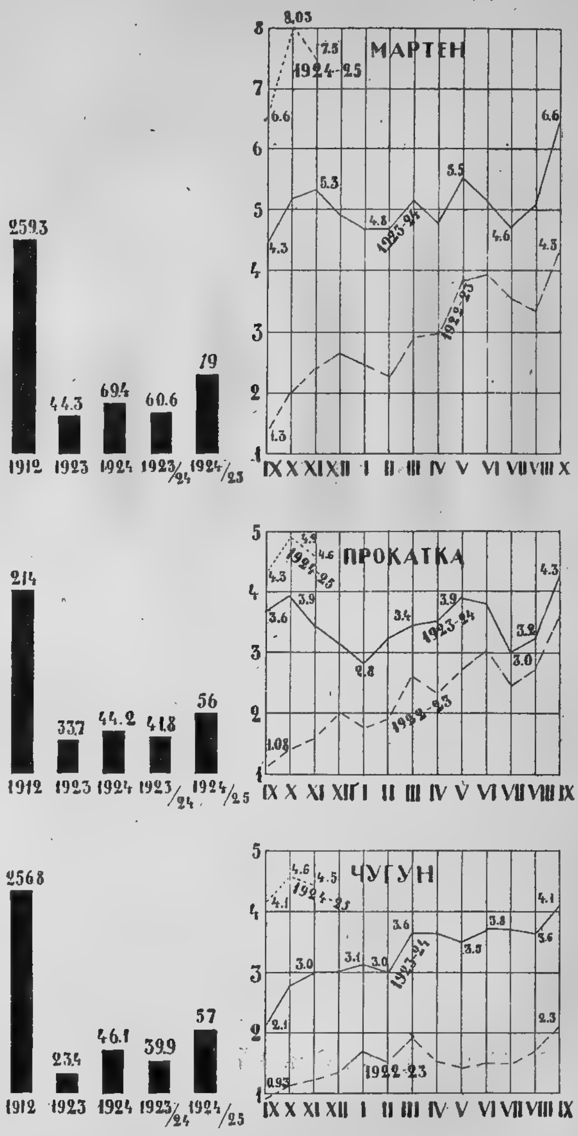

Диаграмма № 7 показывает (в миллионах пудов) производство металла. Пользоваться согласно объяснений, данных к диаграмме № 5.

Таблица k диаграмме № 7.

Выработка государственной металлургической и металлообрабатывающей промышленности (в миллионах пудов).

За календарные годы:	Чугун.	Прокат.	Мартен.
1912 год	256,8	214	259,3
1923 »	23,4	33,7	44,3
1924 »	46,1	44,2	69,4
За хозяйственный (предварительные):			
1923/24 год .	39,9	41,8	60,6
План 1924/25 »	57	56	79

Помесячные данные, уточненные по последнему статистическому учету.

	Чугун (в тыс. пудов).		Прокат (в тыс. пудов).		Сталь (в тыс. пудов).	
	1922—23 г.	1923—24 г.	1922—23 г.	1923—24 г.	1922—23 г.	1923—24 г.
Октябрь	1.079	2.655	1.370	3.908	1.908	5.029
Ноябрь	1.222	2.981	1.555	3.393	2.368	5.194
Декабрь	1.317	2.996	2.011	3.090	2.631	4.758
Январь	1.682	3.046	1.718	2.762	2.376	4.701
Февраль	1.490	2.996	1.867	3.132	2.201	4.516
Март	1.881	3.596	2.639	3.364	2.869	5.038
Апрель	1.514	3.588	2.279	3.447	2.908	4.666
Май	1.417	3.451	2.673	3.839	3.786	5.440
Июнь	1.466	3.718	3.036	3.740	3.909	5.072
Июль	1.512	3.741	2.437	2.902	3.465	4.502
Август	1.673	3.605	2.699	3.201	3.312	4.973
Сентябрь	2.068	4.079	3.602	4.642	4.258	6.500
Итого . . .	18.321	40.452	27.886	41.420	35.991	60.389

ДИАГРАММА № 8.

ХЛОПЧАТОБУМАЖНОЕ ПРОИЗВОДСТВО.

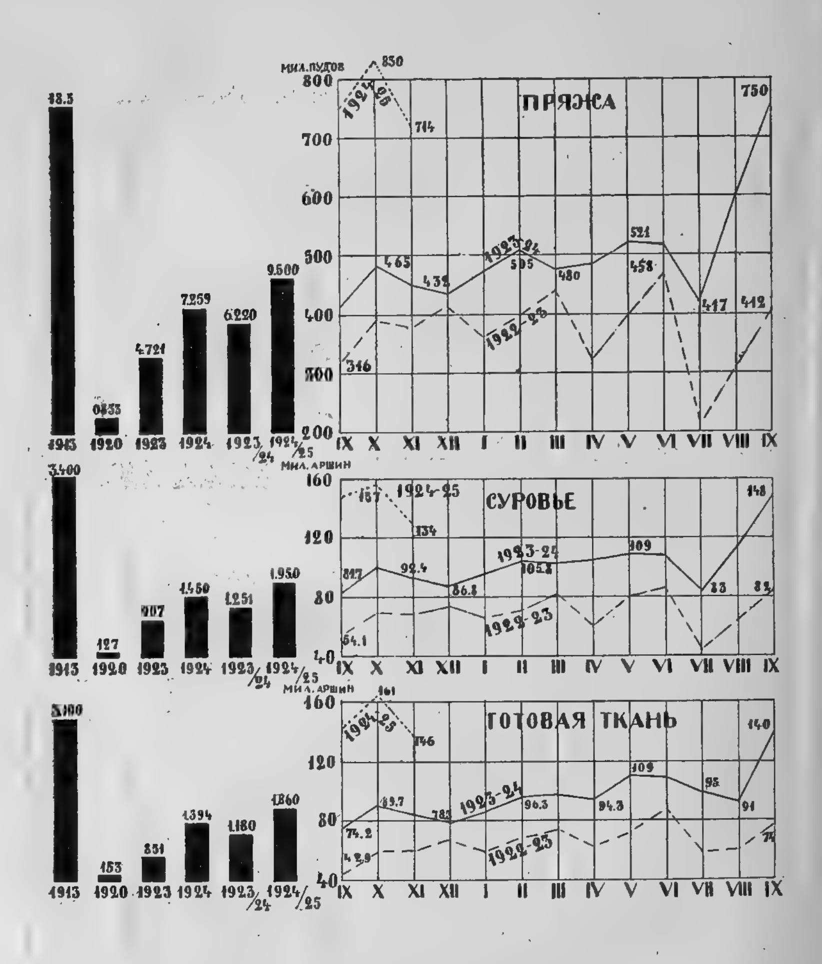

Диаграмма № 8 показывает хлопчатобумажное производство. Пользоваться согласно объяснений, данных к диаграмме № 5.

Таблица k диаграмме № 8.

Хлопчатобумажное производство.

(Выработка государственной промышленности в миллионах аршин.)

	Пряжа.	Суровье.	Готовые ткани.
Календарные годы:			
1913 г.	18,5 милл. пуд.	3.400 милл. арш. (1912 г.)	3.190 милл. арш. (1912 г.)
1920 г.	0,833 » »	127 милл. арш.	153 милл. арш.
1923 г.	4,721 » »	907 » »	851 » »
1924 г.	7,259 » »	1.450 » »	1.394 » »
Хозяйственные годы:			
1923/24 г.	6,220 » »	1251,4 » »	1.180 » »
Производств. программа Цугпрома ВСНХ на 1924/25 г.	9,5 » »	1.950 » »	1.860 » »
от довоенн.	50%	57%	58%

Помесячные данные о выработке (предварительные).

	Пряжа (в сотн. тыс. пуд.)			Суровье (в милл. арш.)			Готовые ткани (в милл. арш.)		
	1922—23 г.	1923—24 г.	1924—25 г.	1922—23 г.	1923—24 г.	1924—25 г.	1922—23 г.	1923—24 г.	1924—25 г.
Октябрь	390	485	830	68,4	99,8	157,2	60,3	89,7	161
Ноябрь	380	451	714	71,7	92,4	134	59,3	83,3	140
Декабрь	415	432	800	77,4	86,8	152	65,9	78,3	165
Январь	357	475		68,1	95,2		58,3	83,5	
Февраль	397	505		74,4	105,8		66,4	96,3	
Март	443	480		88,1	102		72,6	95,1	
Апрель	319	485		64,1	103		59,8	94,3	
Май	404	521		83,2	109		70,0	109	
Июнь	475	518		90,0	108		86,4	108	
Июль	256	417		40,4	83		55,6	95	
Август	315	594		62,3	118		57,6	91	
Сентябрь	422	750		82,9	148		74,2	140	
Итого	4,573	6.113	—	871,0	1251,0	—	786,4	1163,5	—

ДИАГРАММА № 9.

РОСТ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА И ЗАРПЛАТЫ

(в %% к октябрю 1922 и к 1913 году).

Диаграмма № 9 изображает рост дневн. выработки на 1 рабочего и его дневного заработка в процентах (проценты обозначены цифрами с левой стороны и над кривыми) как к окт. 1922 г., так и к довоенному времени. Пример: заработная плата в окт. 1922 г. принята за 100%, а в сент. 1924 г. она составляет уже не 100%, а 201%, т.-е. выросла на 101%; выработка же со 100% в окт. 1922 г. выросла до 145%, т.-е. увеличилась лишь на 45% против 101% увеличения в заработной плате.

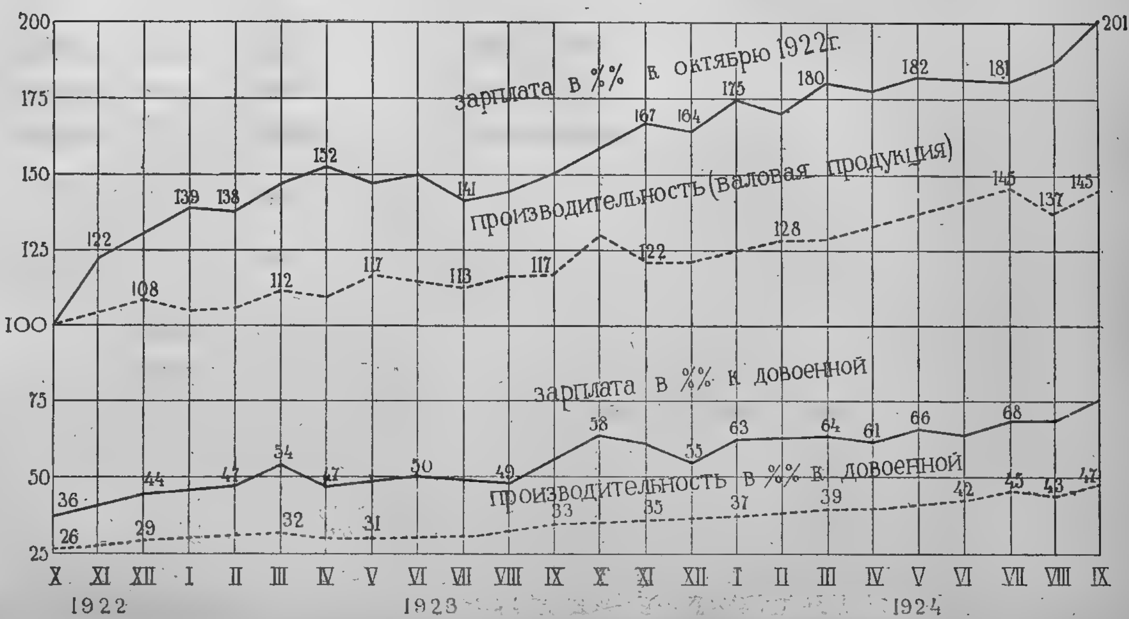

Таблица k диаграмме № 9.

Производительность труда и зарплата.

Валовая продукция на 1 чел.-день за 1922 — 23 и 1923 — 24 хоз. годы по довоенным ценам по всей промышленности (данные Госплана) и дневной заработок 1 рабочего по СССР (данные Центр. Бюро Статистики Труда).

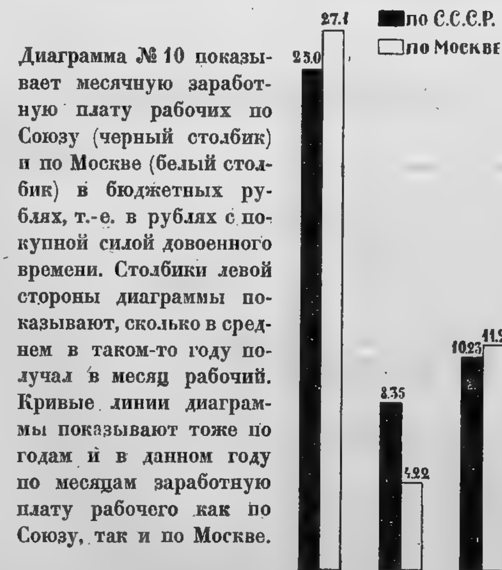
МЕСЯЦЫ.	Производительность труда.		Зарплата.	
	В %% к октябрю 1922 г.	К довоенному (данные Госпл.).	В %% к октябрю 1922 г.	К довоенному (данные Госплана).
Октябрь 1922 г. . .	100,0	25	100	36
Ноябрь » . .	101,1	27	122	40
Декабрь » . .	108,2	29	125,8	44
Январь 1923 г. . .	106,2	27	139,3	45
Февраль » . .	107,5	30	138,7	47
Март » . .	112,8	31	147,5	54
Апрель » . .	109,4	27	152,1	47
Май » . .	117,4	30	146,5	48
Июнь » . .	116,2	29	148,2	50
Июль » . .	113,0	24	141,0	49
Август » . .	114,8	28	143,3	49
Сентябрь » . .	117,0	32	150,7	50
Октябрь » . .	120,8	33	157,2	58
Ноябрь » . .	122,8	34	167,3	58
Декабрь » . .	122,8	35	164,0	55
Январь 1924 г. . .	123,3	35	175,3	63
Февраль » . .	128,5	37	174,5	64
Март » . .	130,1	40	180,2	64
Апрель » . .	133,6	37	177,8	61
Май » . .	137,0	39	182,7	66
Июнь » . .	139,3	38	181,9	65
Июль » . .	145,7	33	181,1	68
Август » . .	137,0	40	186,6	68
Сентябрь » . .	145,9	44	201,3	75

ДИАГРАММА № 10.

ДВИЖЕНИЕ ЗАРПЛАТЫ ПО СССР И МОСКВЕ

(в бюджетных рублях).

Диаграмма № 10 показывает месячную заработную плату рабочих по Союзу (черный столбик) и по Москве (белый столбик) в бюджетных рублях, т.-е. в рублях с покупной силой довоенного времени. Столбики левой стороны диаграммы показывают, сколько в среднем в таком-то году получал в месяц рабочий. Кривые линии диаграммы показывают тоже по годам и в данном году по месяцам заработную плату рабочего как по Союзу, так и по Москве.

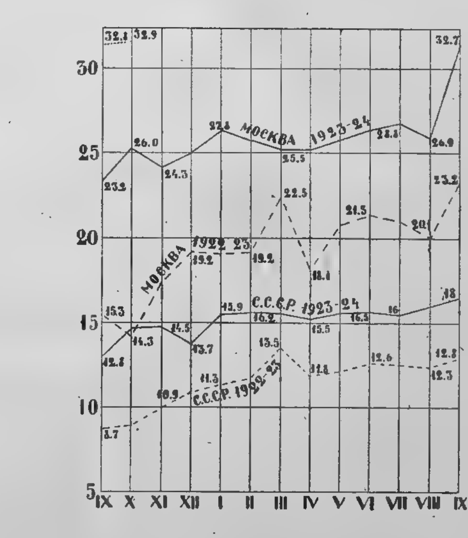

Таблица k диаграмме № 10.

Движение зарплаты по СССР и Москве.

МЕСЯЦЫ.	СССР (в бюдж. руб.).			Москва (в бюдж. руб.).		
	1922/23 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1922/23 г.	1923/24 г.	1924/25 г.
X	8,95	14,5	—	14,35	26	32,9
XI	10,05	14,5	—	18,38	24,3	—
XII	10,95	13,7	—	19.22	24	—
I.	11,3	15,9	—	19,1	27,8	—
II	11,7	16,3	—	19,2	26,5	—
III.	13,5	16,2	—	22,5	25,5	—
IV.	11,8	15,5	—	18,1	25,5	—
V.	12,1	16,3	—	20,8	26,6	—
VI.	12,6	16,5	—	21,3	27,7	—
VII.	12,4	16	—	21	28,8	—
VIII	12,3	17	—	21	26,9	—
IX.	12,8	18	—	23,2	32,8	—
1913 г. 25,0				1913 г. 27,1		
Средне-годовая по Союзу: 1922/23 г. 11,7 р.; 1923/24 г. 15,9 р.				Средне-годов. по Москве. 1922/23 г. 19,7 р.; 1923/24 г. 21,9 р.		

ДИАГРАММА № 11.

НОВЫЙ ВСЕРОССИЙСКИЙ ОПТОВЫЙ ИНДЕКС ГОСПЛАНА.

Диаграмма № 11 изображает отношение цен на промышленные и с.-х. товары по сравнению с довоенным временем, принятым за 100$^0/_0$ ($^0/_0{}^0/_0$ обозначены с левой стороны диаграммы: снизу проставлены год и м-ц), т.-е., если промышленные товары в довоенное время стоили рубль, то в октябре 1923 г.—1 р. 76 к., а после целого ряда мер со стороны рабоче-крестьянского правительства понижены до 1 р. 13 к. Цены же на сельскохозяйственные продукты, за которые в октябре 1923 года платили только 53$^0/_0$ довоенного (или 53 к. за довоенный рубль), к 1-му января 1923 г. повышены до 89$^0/_0$. Кривая линия вверху показывает, как опускаются цены на промышленные товары, приближаясь к довоенному уровню, а нижняя кривая с.-х. цен идет вверх, достигнув того расстояния от промышленных цен, которое существует после войны во всех странах, так как деньги везде подешевели.

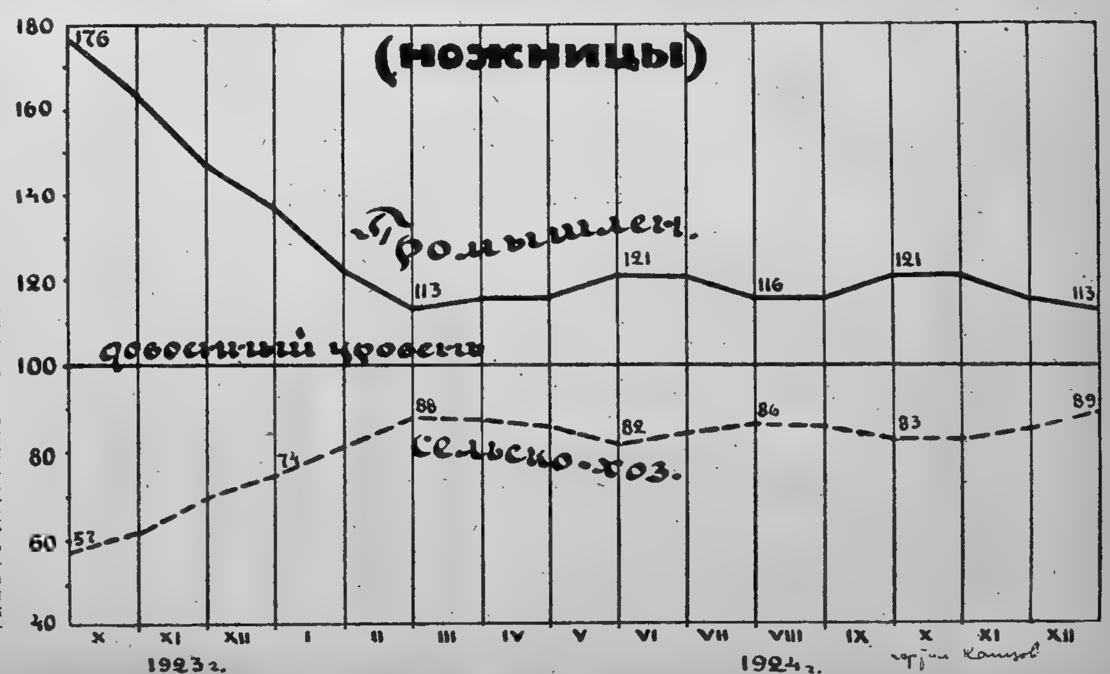

ДИАГРАММА № 12.

ХЛЕБНЫЕ ЭКВИВАЛЕНТЫ

(оптовые хлебные эквиваленты на розничные цены промышленных товаров).

	РЖАНЫЕ			ПШЕНИЧНЫЕ		
	1913	1923	1924	1913	1923	1924
СИТЕЦ аршин	5,4.	1,4.	2,5.	7,6.	1,9.	3,9.
СОЛЬ фунт	94.	16.	31,6.	134.	21,8.	49.
КЕРОСИН фунт	15.	10.	18,8	21,4	13,6.	29.
СПИЧКИ коробка	75.	32	51,6.	107	43,5	80
ГВОЗДИ №2 фунт	4,4	2,9.	5,0.	6,3	3,9	7,8.
САХАР песок фунт	6,3.	1,8.	3,2.	8,9.	2,5	4,9.
МАСЛО подсолнечное фунт	6,3.	3,2.	4,6	8,9.	4,4.	7,2.
СЕЛЬДИ фунт	6,3.	5,2.	5,1.	8,9.	7,1.	8,0.
САПОГИ пара.	9 пуд.		16,6 пуд.	6,6 пуд.		11 пуд.

Диаграмма № 12 показывает, сколько на 1 пуд ржи или пшеницы можно было купить того или иного товара в довоенное время, в 1923 г. и в 1924 г. (года обозначены внизу, а род и количество товара, получаемого крестьянством, указаны с левой стороны диаграммы). Цены для ржи и пшеницы взяты оптовые, по которым крестьянин продает хлеб в губернском городе, а цены промышленных товаров — розничные губернских городов, по которым крестьянин покупает промышленные товары. Пример: керосина в 1913 г. крестьянин за пуд хлеба получал 15 ф., а в 1924 г. (взят ноябрь м-ц) он получает 18,8 ф.

Таблица к диаграмме № 12.

Хлебные эквиваленты.

	За 1 пуд ржи можно было получить			За 1 пуд пшеницы можно было получить		
	1913 г.	1923 г.	Ноябрь 1924 г.	1913 г.	1923 г.	Ноябрь 1924 г.
Розничные.						
Ситец	5,4 арш.	1,4 арш.	2,5 арш.	7,6 арш.	1,9 арш.	3,9 арш.
Соль	94 ф.	16 ф.	31,6 ф.	134 ф.	21,8 ф.	49 ф.
Керосин	15 ф.	10 ф.	18,8 ф.	21,4 ф.	13,6 ф.	29 ф.
Спички	75 кор.	32 кор.	51,6 кор.	107 кор.	43,5 кор.	80 кор.
Гвозди № 2	4,4 ф.	2,9 ф.	5 ф.	6,3 ф.	3,9 ф.	7,8 ф.
Сахарный песок	6,3 ф.	1,8 ф.	3,2 ф.	8,9 ф.	2,5 ф.	4,9 ф.
Масло подсолнечное	6,3 ф.	3,2 ф.	4,6 ф.	8,9 ф.	4,4 ф.	7,2 ф.
Сельди	6,3 ф.	5,2 ф.	5,1 ф.	8,9 ф.	7,1 ф.	8 ф.

Сапоги: за пару в 1913 г. платили 9 пуд. ржи или 6,6 пуд. пшеницы.

Сапоги: за пару в 1924 году платили 16,6 п. ржи или 11 пуд. пшеницы.

ДИАГРАММА № 13.

ПЛАН ХЛЕБОЗАГОТОВОК И ЕГО ВЫПОЛНЕНИЕ

(в миллионах пудов).

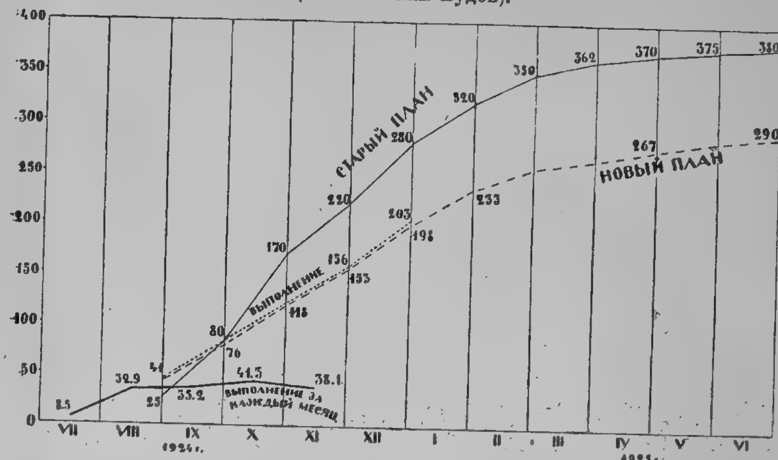
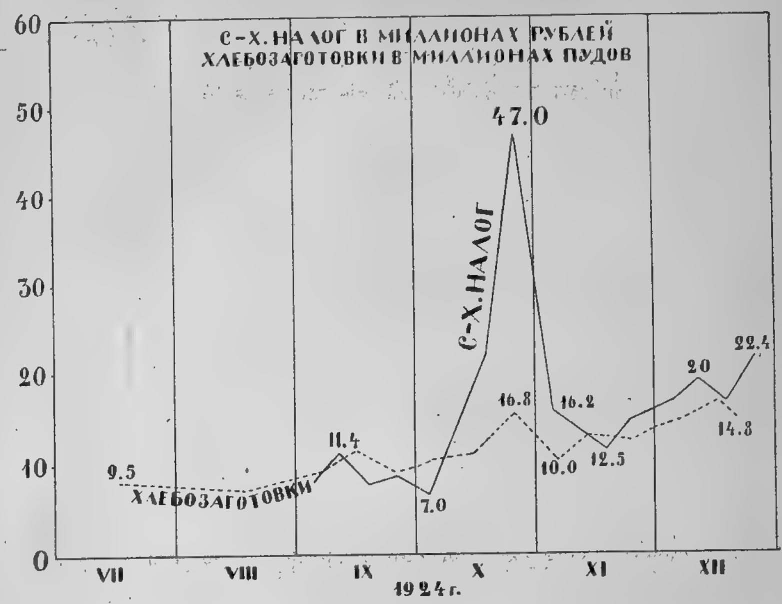

Диаграмма № 13 обозначает, какой план заготовок хлеба (в миллионах пудов) был намечен правительством первоначально (см. цифру — конец кривой «старый план» — сплошная линия), и сколько предполагается закупить по сокращенному плану (см. цифру — конец кривой «новый план» — линия обозначена черточками), и как выполнен план за время до 1-го января по месяцам (м-цы обозначены снизу диаграммы, выполнение обозначено точками).

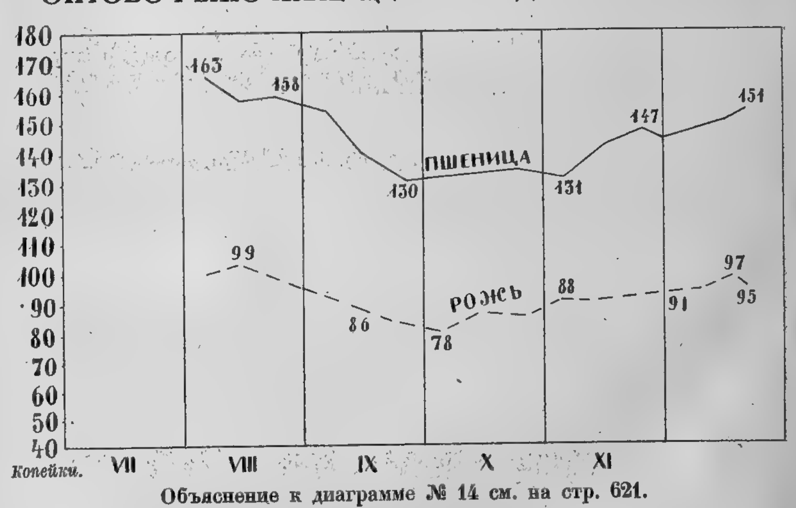
Диаграмма № 14 показывает подекадное поступление с.-х. налога и закупку хлеба в 1924 году. Снизу диаграммы показаны м-цы, а с левой стороны поставленные цифры указывают количество миллионов пудов для хлебозаготовок и рублей для с.-х. налога (цифры проставлены и над кривыми, кои различаются надписями); сплошная линия обозначает с.-х. налог, а линия точками — хлебозаготовки. Пример: в последней октябрьской декаде (по хлебозаготовкам сведения поступают по десятидневкам), т.-е. с 22 по 31 октября, заготовлено 16,8 милл. пуд., а с.-х. налога собрано (сведения поступают по неделям) за 4-ю неделю, т.-е. с 23 по 31 октября, 47 милл. руб. Внизу показаны цены на хлеб в копейках по месяцам.

Диаграмма № 15 изображает в миллионах червонных рублей, на какую сумму помесячно было заключено на Московской или в среднем по 40 провинциальным биржам торговых сделок (куплено — продано). М-цы обозначены снизу диаграммы, с левой стороны и надписями над линиями обозначены цифры в миллионах рублей. Пример: если нам нужно сравнить торговый оборот провинции в сентябре 1924 г. с октябрем 1922 г., то мы по кривой «40 провинциальных бирж» против нижней цифры, означающей м-ц октябрь 1922 г. (X-1922 г.), найдем 9,5 милл. рубл., а против сентября 1924 г. (IX-1924 г.) видим 149,5 милл. р., что позволяет нам из сравнения этих двух цифр видеть, во сколько раз выросла торговля.

ДИАГРАММА № 14.
ХОД ХЛЕБОЗАГОТОВОК И СБОРА С.-Х. НАЛОГА ПО СССР (в абсолютных величинах).

ОПТОВО-РЫНОЧНЫЕ ЦЕНЫ СРЕДНИЕ ПО СССР

Объяснение к диаграмме № 14 см. на стр. 621.

Таблица к диаграмме №№ 13 и 14.

План хлебозаготовок и его выполнение (в пудах) и сведения по сельхозналогу.

На 1-е янв. назначено: по старому плану хлебозаготовок . 280.000.000 пуд.
» » » » » новому » » . 198.000.000 »
Заготовлено. . . . . 203.000.000 »

Заготовка по месяцам.

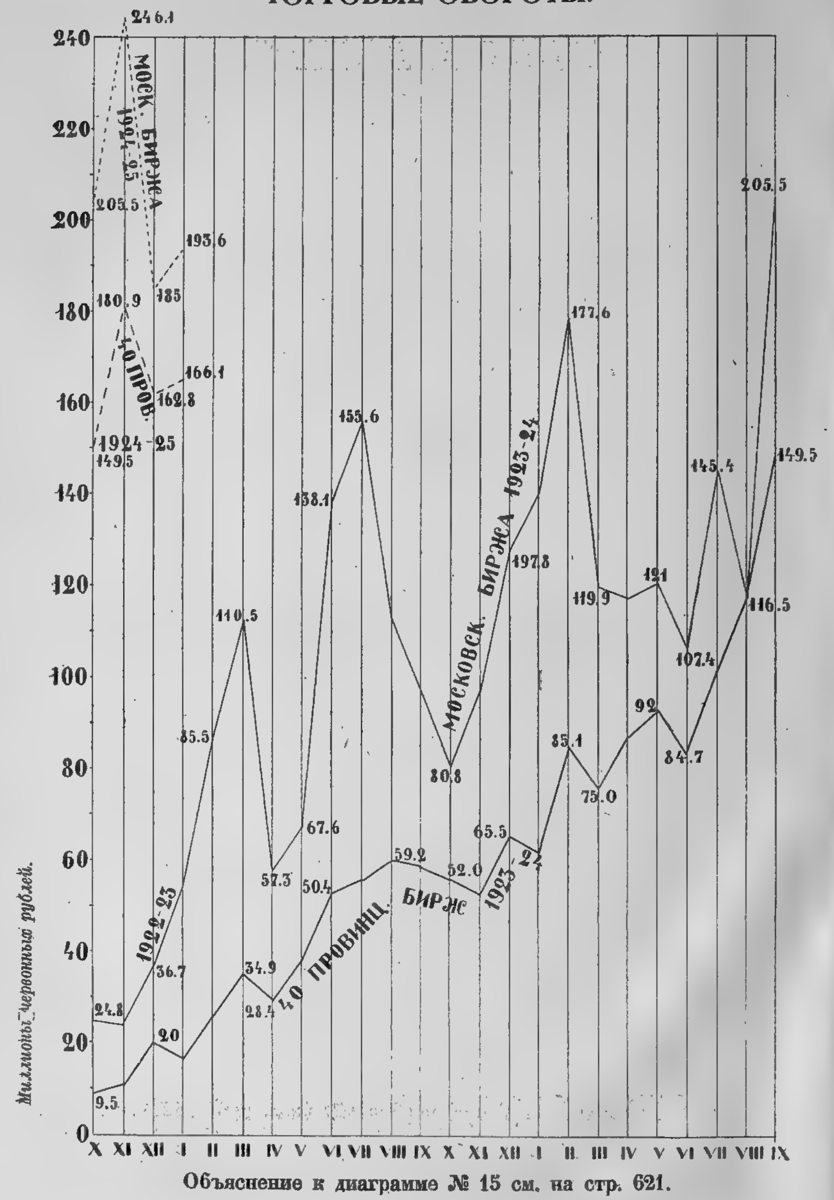
Июль-август	41,5	милл. пуд.
Сентябрь	35,1	» »
Октябрь	41,2	» »
Ноябрь	38,1	» »
Декабрь	46	» »

Поступление с.-х. налога (по неделям).

Сентябрь	1 — 7	8,4	милл. руб.
	8 — 15	11,4	» »
	16 — 22	7,4	» »
	23 — 30	8,0	» »
Октябрь	1 — 7	7,0	» »
	8 — 15	15,0	» »
	16 — 22	21,6	» »
	23 — 31	47,0	» »
Ноябрь	1 — 7	16,2	» »
	8 — 15	14,5	» »
	16 — 22	12,5	» »
	23 — 30	15,2	» »
Декабрь	1 — 7	16,5	» »
	8 — 15	20,0	» »
	16 — 22	17,6	» »
	23 — 31	22,5	» »
Январь	1 — 7	13,3	» »
	8 — 15	12,4	» »
	16 — 22	7,8	» »
	23 — 31	10,6	» »

	По плану назначено:	Поступило:
к 1 ноября	148 милл. руб.	127 милл. руб.
» 1 января	242 » »	256 » »

ДИАГРАММА № 15.
ТОРГОВЫЕ ОБОРОТЫ.

Объяснение к диаграмме № 15 см. на стр. 621.

Таблица k диаграмме № 15.

Обороты Московской и 40 провинциальных бирж
(в миллионах червонных рублей).

Месяцы.	Московская.			40 провинциальных.		
	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.
X	24,8	80,8	246,1	9,5	56,4	180,9
XI	24,1	96,2	185,5	11,0	52	162,8
XII	36,7	127,8	—	19,4	65,5	—
I	55,6	138,2	—	16,9	62,3	—
II	85,5	177,6	—	26,3	85,1	—
III	110,5	119,9	—	39,4	75	—
IV	57,3	118,4	—	28,4	85,6	—
V	67,6	121,0	—	37,9	92,0	—
VI	138,1	107,4	—	50,4	84,7	—
VII	155,6	145,4	—	55,4	100,8	—
VIII	113,3	116,5	—	59,2	116,9	—
IX	98,1	205,5	—	58	149,5	—

Обороты за хозяйственные годы.

1922/23 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1922/23 г.	1923/24 г.	1924/25 г.
972,7	1.554,7	—	410,4	950,7	—

ДИАГРАММА № 16.

ПОГРУЗКА

(в среднем за сутки в тысячах вагонов).

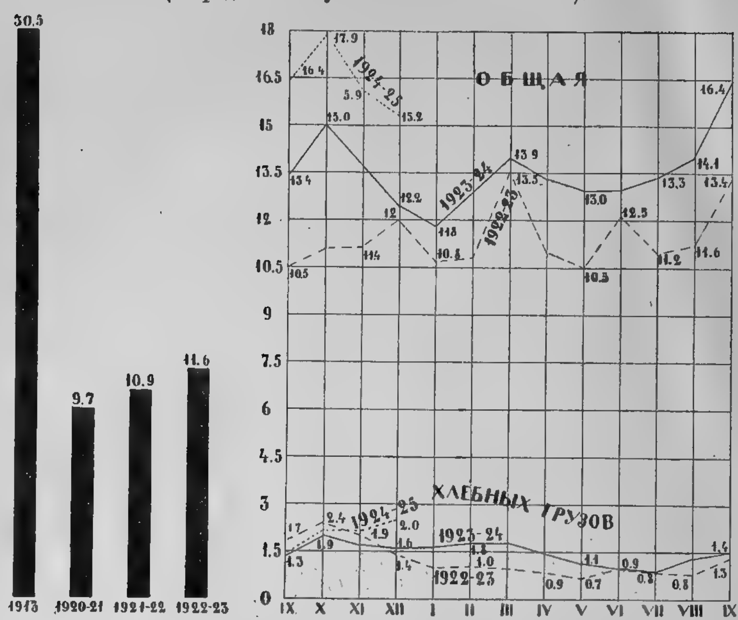

Диаграмма № 16 показывает столбиками, помещающимися с левой стороны диаграммы, сколько в приведенных на диаграмме годах грузилось в среднем на железных дорогах в сутки в тысячах вагонов. Кривые линии показывают движение товарных грузов за сутки в среднем по месяцам трех лет: 1922/23 г. (смотрите линию коротких черточек), 1923/24 г. (смотрите сплошную линию) и 1924/25 г. (смотрите точки). Месяцы обозначены внизу диаграммы. Отдельно показано движение хлебных грузов.

Таблица k диаграмме № 16.

Погрузка в тысячах вагонов средне-суточная.

МЕСЯЦЫ.	1922 г.	1923 г.	1924 г.
X	10,5	13,4	16,4
XI	11,4	13,5	15,9
XII	12,2	12,2	—
I	10,6	11,8	—
II	10,8	12,9	—
III	13,5	13,9	—
IV	11,2	13,4	—
V	10,5	13,0	—
VI	12,3	13,0	—
VII	11,2	13,3	—
VIII	11,6	14,1	—
IX	13,4	16,4	—

Погрузка средне-годовая.

1922/23 г.	1923/24 г.	1913 г.
11,6	13,5	30,5

Таблица А.

Число рабочих и стоимость продукции в довоенных и червонных рублях за 1912, 1923 и 1924 календарные годы.

(Данные Центрального Отдела Статистики ГЭУ ВСНХ СССР.)

№№ по порядку.	Наименование отраслей промышленности.	Число рабочих *).			Стоимость продукции в тыс. довоенных рублей *).			Стоимость продукции в тыс. черв. рублей *).	
		1912 г.	1923 г.	1924 г.	1912 г.	1923 г.	1924 г.	1923 г.	1924 г.
1.	2.	3.	4.	5.	6.	7.	8.	9.	10.
1	Каменноугольная **)	155.008	163.680	161.237	141.072,5	72.217,4	86.267,2	161.610,2	152.740,0
2	Нефтедобывающая. .	34.109	34.488	39.070	195.042,0	113.894,0	132.309,9	138.250,5	165.729,4
3	Металлическая	325.000	268.210	288.481	687.600,0	219.083,0	293.209,7	396,552,9	510.896,1
4	Хлопчатобумажная .	427.699	216.124	273.236	600.400,0	180.558,0	269.013,4	384.294,7	479.329,2
5	Шерстяная	73.229	50.900	55.997	117.600,0	74.332,8	95.430,3	197.502,5	202.629,5
6	Льняная и пеньковая	85.900***)	70.208	81.419	115.342,2[3])	86.910,3	94.298,3	157.775,7	190.874,3
	По всей крупной государственн. промышленн. в целом. .	1.801.179	1.311.801	1.460.084	3.207.799,2	1.222.484,7	1.663.766,2	2.594.157,0	3.162.211,3

*) Сведения за 1924 г. предварительные.
**) Без Туркестана и Кавказа 1923 и 1924 гг., кроме того, без арендованных шахт Донбасса.
***) Данные взяты за 1913 г.

Таблица Б.

Таблица цен, полученных крестьянином за хлеб в прошлом и нынешнем годах.

Сравнительная таблица средне-выведенных заготовительных цен по отдельным районам за 1923 — 24 и 1924 — 25 годы.

Районы или губернии.	Рожь.						Пшеница.					
	Июль.	Август	Сентябрь.	Октябрь.	Ноябрь.	Декабрь.	Июль.	Август	Сентябрь.	Октябрь.	Ноябрь.	Декабрь.
Украина	36 / 88	26 / 103	23 / 64	2[illegible] / 57	32 / 67	43 / 84	62 / 144	48 / 145	44 / 115	50 / 97	74 / 110	87 / 140
Юго-Восток	22 / 55	20 / 59	21 / 68	36 / 52	37 / —	39 / —	61 / 100	61 / 104	51 / 90	59 / 82	66 / 85	72 / 99
Крым	46 / —	38 / 89	27 / —	47 / 73	39 / 65	51 / 76	80 / 126	61 / 136	56 / 117	70 / 106	75 / 107	81 / 112
Сибирь	70 / 62	70 / 68	70 / 53	70 / 48	56 / 46	54 / 46	87 / 96	87 / 110	87 / 93	87 / 66	83 / 72	75 / 74
Рязанская	43 / 88	41 / 90	52 / 54	43 / —	47 / 80	46 / 86	— /	— / —	— /	— /	— /	
Орловская	39 / 90	35 / 92	35 / 67	37 / 59	44 / —	48 / 102	/ —	— / 145	— /			— /
Курская	44 / 73	47 / 109	31 / 65	31 / —	38 / —	46 / 106	— / —	— / 196	/ 183	60 / —	70 / 200	85 / 171
Тамбовская	40 / 91	42 / 96	34 / 58	32 / 60	43 / 105	42 / 104	— / —	/ —	/ —	— / 162	/ 156	
Воронежская	31 / 73	31 / 80	30 / 71	35 / —	36 / 110	43 / 109	71 / 175	66 / 137	48 / 130	60 / —	60 / 178	78 / 169
Тульская	39 / 85	— / —	30 / 61	33 / 53	39 / 58	43 / 80	— / —	— /	— / —	— / —	/ —	— / —
Уфимская	31 / 72	41 / 68	36 / 45	28 / 51	24 / 42	37 / 48	80 / 183	90 / 165	72 / 113	58 / 115	70 / 89	98 / 100
Казанская	51 / 78	49 / 83	46 / 62	44 / 51	41 / 63	49 / 61	88 / —	/ —	81 / —	68 / 130	80 /	76 / —
Саратовская	33 / 102	38 / 107	34 / 72	32 / 81	38 / 99	47 / 100	— / —	73 / 186	66 / 164	55 / 166	55 / 168	74 / 169
Самарская	46 / 67	41 / 102	44 / 64	37 / 70	44 / 73	41 / 74	81 / 168	93 / 161	77 / 140	76 / 119	72 / 135	75 / 135
Оренбургская	— / 98	— / 85	— / 52	— / 49	— / 53	— / 53	— / 140	— / 123	94 / —	75 / 97	62 / 97	72 / 103
Белоруссия	55 / 81	45 / 80	43 / 67	37 / 59	39 / 59	47 / 78	— / 100	— / —	— / —	— / —	/ 110	/ 108
Смоленская	76 / 84	50 / 85	43 / 79	37 / 69	39 / 75	47 / 101	/ —	— / —	— / —	/ —	— / —	— / —

Районы или губернии.	Овес.						Ячмень.					
	Июль.	Август	Сентябрь.	Октябрь.	Ноябрь.	Декабрь.	Июль.	Август	Сентябрь.	Октябрь.	Ноябрь.	Декабрь.
Украина	25 / 65	46 / 101	20 / 84	19 / 75	30 / 102	47 / 120	22 / 76	21 / 74	18 / 74	24 / 66	31 / 70	41 / 81
Юго-Восток	31 / 50	22 / 69	28 / —	28 / —	32 / —	33 /	22 / 50	28 / 62	43 / 58	31 / 57	35 / 58	39 / 65
Крым	80 / 39	39 / 125	27 / 110	40 / 102	40 / 107	46 / 118	50 / 70	40 / 78	28 / 70	39 / 66	40 / 66	46 / 81
Сибирь	56 / 70	56 / 73	56 / 51	56 / 44	51 / 45	52 / 45	60 / —	/ 75	60 / —	60 / —	— /	60 / —
Рязанская	67 / 130	41 / 100	25 / —	31 /	35 / —	41 / 101	— /	/ —	— /	— /	/ —	— / —
Орловская	34 / 106	28 / 96	31 / 69	35 / 55	40 / 75	44 / 110	/ —		25 / —	33 / —	38 / —	41 / —
Курская	43 /	40 / 107	24 / 86	25 / —	30 / —	41 /	— / 100	— / 60	26 / —	30 /	36 / —	44 / —
Тамбовская	44 / 160	39 / 93	25 / 84	30 / 78	26 / —	34 / 108	— / —	/ —	— /		— /	/ —
Воронежская	32 / —	32 / 91	25 / 89	30 / —	32 /	45 / 111	20 / 116	20 / 104	26 /	27 / —	32 / 139	40 /
Тульская	46 / 100	— / 106	33 / 66	37 / 51	37 / 91	44 / 105	— /	/ —	/ —	— / —	— / —	— / —
Уфимская	21 / 180	29 / 68	28 / 40	20 / 38	31 / 35	33 / 50	/ —	— /	/ —	— /	— /	— / —
Казанская	43 / 50	38 / 58	44 / 41	34 / 43	35 / 52	39 / 56	/ —	— /	— / —		— /	— /
Саратовская	32 / 133	31 / 103	27 / 79	24 / 73	28 / 94	29 / 101	— /	/ —	— /	— / —	/ —	
Самарская	40 / —	40 / 60	31 / 56	34 / 58	40 / —	39 / 72	— /	47 / 111	27 / —	— /	— / —	38 / —
Оренбургская	— / 100	— / 108	— / 61	41 / 54	35 / 58	64 / 61	/ —	/ 82	— /	39 / 55	32 / 55	42 / —
Белоруссия	/ 77	— / —	— / 57	29 / 56	40 / 60	44 / 74	/ 80	/ —	— /	/ 68	— / 73	— / 86
Смоленская	99 / —	44 / 72	/ 66	34 / 64	36 / 66	45 / 97	/ —	/ 82	— /	— / 56	— / 78	— / 99

Примечания.

1. Первая строка по каждому району, культуре и месяцам содержит данные о цене за 1923 — 24 г., вторая строка — те же данные за 1924 — 25 г.

2. Цены указаны в копейках франко ссыпной пункт.

ДИАГРАММА № 17.

РОСТОВСК. КОНТОРА ЦЕНТРОСОЮЗА

ЦЕНТРОСОЮЗ

207

ДОНОБСОЮЗ

213%

196%

313%

СИНДИКАТ

232%

ТРЕСТ

БАЗИС-НЫЙ СКЛАД

223

251%

МИЛЛЕРОВСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

407

НАЛОГ И АКЦИЗ

Г.У.Б. И РАЙСО-ЮЗ

527 %

100%

264%

100%

455%

ЕП.О.

ФАБРИКА

ТРЕСТ

ФАБРИКА

ПЕРВИЧН. КООП.

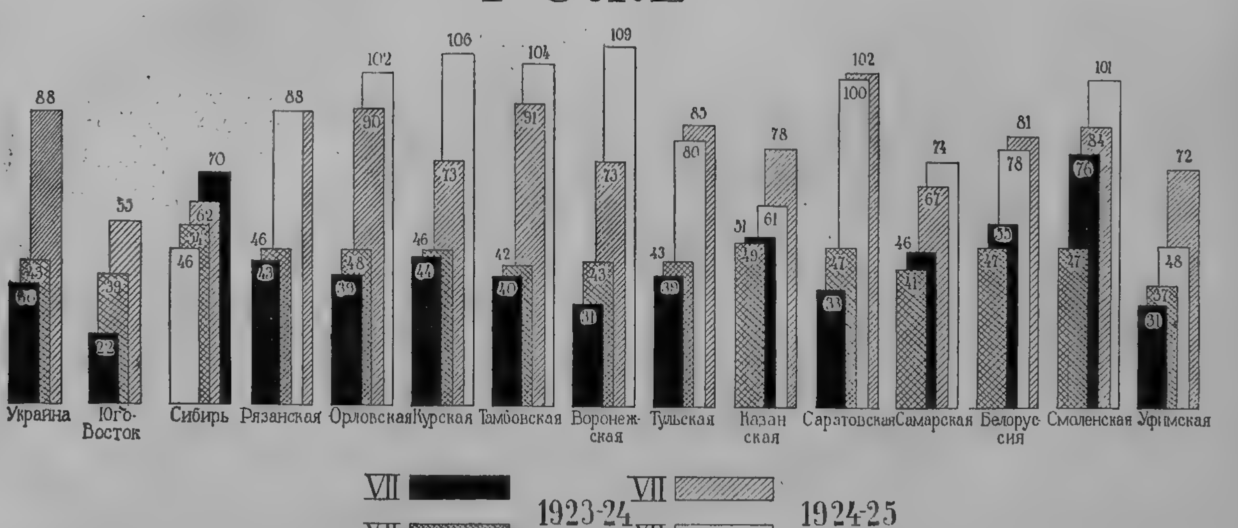
ЧЕРТКОВСКИЙ ПУНКТ

303-308%

ДИАГРАММА № 18.

КРЕСТЬЯНСКИЕ ХЛЕБНЫЕ ЦЕНЫ в 1923-24 и 1924-25 г.

РОЖЬ

Группы столбиков разной штриховки — это цены в разные периоды по районам или губерниям (см. соответствующую подпись внизу столбиков).

Цифры на столбиках — это цены на пуд хлеба в зерне — выражены в копейках.

Столбики сплошной черной краской — это цены на пуд в июле месяце 1923 года, столбики, заштрихованные в клетку, обозначают цены пуда ржи в декабре 1923 г., столбики же, заштрихованные в полоску, — это цены в июле месяце 1924 года и сплошные белые столбики обозначают цены в декабре 1924 года.

ДИАГРАММА № 19.

КРЕСТЬЯНСКИЕ ХЛЕБНЫЕ ЦЕНЫ в 1923-24 и 1924-25 г.

ПШЕНИЦА

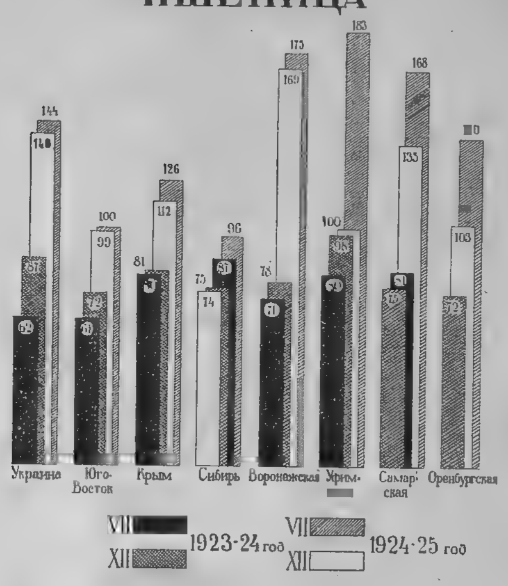
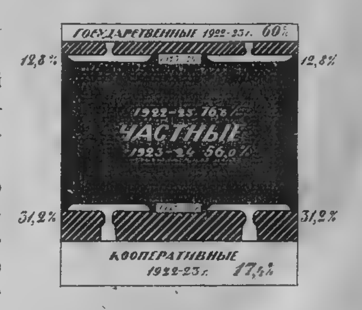

ДИАГРАММА № 20.

Весь квадрат диаграммы № 20 означает (условно) 100% торговли в деревне.

Чистые места (белые) означают, с одной стороны, кооперативную (внизу), с другой — государственную (вверху) торговлю в деревне в 22 — 23 г.

Черное сплошное означает частную торговлю в деревне, а черное заштрихованное означает завоеванное кооперативной и государственной торговлей в деревне за счет сокращения частной в течение 23 — 24 г.

Цифры на диаграмме дают процентное отношение каждой в отдельности ко всему квадрату.

